

Ракитская
Галина Яковлевна

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Том первый

Идеология последовательного (революционного) гуманизма

Теория общества и хозяйства

Москва
Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
2017

Ответственный за выпуск
Б.В.Ракитский

УДК
ББК
Р19

Ракитская Г.Я.
Р19 Основные труды. Том первый. — М.: Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской; ПРОБЕЛ-2000. 2017. 744 с.
ISBN

«Основные труды» классика нового, современного обществознания Галины Яковлевны Ракитской (1939-2013) содержат произведения по широкому кругу идеологических, теоретических и практических проблем.

В первый и второй тома вошли произведения, посвящённые идеологии последовательного (революционного) гуманизма и теории современного общества и хозяйства.

Для исследователей-обществоведов, преподавателей, активистов рабочего и профсоюзного движения.

УДК
ББК

Составление, макетирование и
подготовка к изданию первого тома
Б.В.Ракитский

© Ракитская Г.Я. и наследники
© Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской. 2017
© ПРОБЕЛ-2000. 2017

Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
119361 Россия. Москва. Улица Озёрная, 25-287

Первый том «Основных трудов» издан на средства:

двоюродных братьев Г.Я.Ракитской:
Сидоровского Александра Абрамовича;
Накельчика Григория Борисовича;
Накельчика Михаила Борисовича;

друзей и единомышленников:
Манделя Давида;
Гельцера Юрия Григорьевича;
Бима Александра Семёновича;
Плакси Вячеслава Ивановича;
Роика Валентина Дементьевича;

мужа
Ракитского Бориса Васильевича

Ракитский
Борис Васильевич

ГАЛИНА ЯКОВЛЕВНА РАКИТСКАЯ — КЛАССИК НОВОГО, СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

1.

Ракитская (урождённая Почтарь) Галина Яковлевна родилась в Москве 11 ноября 1939 года. С отличием окончила общую среднюю и музыкальную школы. Высшее образование получила в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова (Экономический факультет; годы учёбы — 1957-1962). Специальность по образованию — политическая экономия; присвоенная квалификация — экономист; преподаватель политической экономии и основ политических знаний. В 1974-1978 — аспирантура Института экономики АН СССР.

Сама Г.Я.Ракитская называла три фактора, ещё в ранние годы оказавшие существенное влияние на формирование её мировоззрения и жизненных ориентиров. Первый — семья, родители, их образ жизни и мыслей. Родители происходили из рабочих еврейских семей Юга России (Балта, Дубоссары), были втянуты в общественную жизнь страны Гражданской войной и революционными преобразованиями. Отец, Почтарь Яков Израилевич (1902-1979), был красным партизаном, участником гражданской войны, в годы коллективизации — парттысячником. Мать, Кугель Рахиля Гершковна (1909-1972) — швея, член молодёжной организации Бунда (еврейский социал-демократический союз), рабфаковка, потом учительница, в годы коллективизации — профтысячница. Родители, по их словам, «прозрели» после статьи Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930) Их «прозрение» сводилось к двум решающим выводам (мыслям): «Шварцер (то есть Сталин) — бандит» и (по отношению к правящей касте)

«Разве это коммунисты?» Родители Галины Яковлевны, можно сказать, случайно избежали репрессий в 1937 г. Дочерей-школьниц они сознательно не посвящали в свою тайную правду вплоть до кончины Сталина в 1953 г.

Второй фактор — книга В.И.Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905). Эту книгу Галя Почтарь полюбила ещё в старших классах. Потому и пошла учиться политической экономии.

А третий фактор — доцент Антонио Мансилья, который на экономическом факультете МГУ вёл спецкурс по «Капиталу» Карла Маркса. Он учил студентов Марксовой диалектике. Не раз, не два, много раз слышал я от своей жены тёплые слова благодарности в адрес А.Мансильи: «Он меня очень многому научил!»

Мы познакомились на целине в 1958. В марте 1959 поженились и прожили вместе без малого 55 лет. Почти столько же проработали вместе, мировоззренчески срослись и, думаю, идейно существенно подпитывали друг друга в наши зрелые и поздние годы. Я, честно скажу, не всегда мог отгадать, кто из нас первый поставил ту или иную проблему или нашёл её теоретическое решение. Но Галина Яковлевна помнила свои приоритеты очень твёрдо и трогательно гордилась ими (не на людях, конечно, а передо мною). Оба мы считали себя учениками друг друга.

Вклад Г.Я.Ракитской в политическую экономию, в науку о социальной политике, о социально-трудовых отношениях, в формирование научных основ современного обществознания, в стиль социального мышления — завидно велик. В такой обобщённой оценке нет преувеличения. Она работала (а точнее бы сказать — творила) много, упорно, тщательно. И плодотворно. До самых последних своих трудовых дней в апреле 2013 г.

Скончалась Г.Я. Ракитская 20 августа 2013 г. Погребена 22 августа 2013 г. на Богородском кладбище (Московская область, Ногинский район, деревня Тимохово, Богородское кладбище, участок 43, захоронение № 1527).

2.

Г.Я.Ракитская принадлежала к когорте шестидесятников.

Шестидесятники — самоназвание определённого слоя образованных людей в СССР, воспринявших основные события хрущёвской оттепели 1954-1962 годов как импульс к демократическому направлению мыслей, к идеям десталинизации всей общественной и политической жизни в СССР. Шестидесятники обозначили особенное течение общественной мысли в 1960-1980-е годы в СССР. Это течение мысли было распознано тоталитарным режимом СССР как чуждое и вредоносное[1]. Были предприняты меры, препятствующие его расширению. Они коснулись всех важнейших сфер интеллектуальной деятельности (гуманитарные науки, литература, искусство, кино, театр и др.). Тем не менее, шестидесятники и их течение мысли оказали существенное влияние на общественное сознание в СССР и были одним из идейных истоков оппозиционной деятельности в тоталитарном СССР.

Применительно к учёному-обществоведу шестидесятничество выражалось в способности, готовности и решимости отнестись к обществу в СССР реалистически, незашоренно, судить о характере его ключевых процессов и состояний не по внушённым стереотипам, а самостоятельно (и в этом смысле критически). Обретение осознанного целостного мировоззрения взамен внушённого и внушаемого сталинистским режимом — вот суть того переворота в духовной жизни, который называют шестидесятничеством XX века и который касается не отдельных только личностей, но более или менее многочисленных общественных когорт. Шестидесятниками называют обычно только тех, кто осознанно отрёкся от сталинизма, отри-

---

[1] ***Противопоставленность шестидесятников и их течения мысли официальной сталинистской идеологии и тоталитарному режиму хорошо отражена понятием “внутренняя эмиграция”, появившимся у официальных идеологов брежневско-сусловского режима в 1968 г.***

нул его. Но, строго говоря, была и иная ипостась того же самого процесса: сталинисты по внушению становились осознанными сталинистами. В советском обществе началось общественно значимое мировоззренческое размежевание, надтреснуло и стало расползаться фактически принудительное и безальтернативное «морально-политическое и идеологическое единство советского народа».

Г.Я.Ракитская всё увереннее и полнее становилась сознательным антисталинистом. Это было непросто и требовало мужества. Осиливание такого духовного преображения в одиночку особенно трудно и даже чревато отчаянием. К счастью, Г.Я.Ракитская не была одинока в период духовных исканий.

Общественная система, существовавшая в СССР в 1960-е годы, стала для Г.Я.Ракитской и её единомышленников чуждой. Глубокие, принципиальные расхождения между социалистической фразеологией и антисоциалистической общественной практикой открылись в решающей мере, были осознаны фундаментально. Мы долгое время (вплоть до августа 1968 г.) называли общество в СССР антисистемой (то есть антисоциалистической системой). Термин предложила — хорошо это помню — именно Галина Яковлевна. С августа 1968 название общества в СССР определилось для нас с пугающей точностью и честностью — фашизм (тоталитаризм). И с тех пор не менялось.

Осознав таким образом исторические координаты своей Родины, уже невозможно было оставаться «только экономистом». Актуальным неизбежно становился ***весь круг*** самых глубинных общественных проблем, отношений, процессов и состояний. Требовалось целенаправленное осмысление и переосмысление основополагающих представлений и теорий, притом не вроссыпь, не разрозненно, а во взаимосвязях. Требовалось быть обществоведом, а для этого требовалось развить целостное научное обществознание.

Такое вот отношение к действительности и сформировало профиль Галины Яковлевны Ракитской как про-

фессионального учёного-исследователя. В своей идеологической, методологической, фундаментально-теоретической и научно-практической деятельности она стала разносторонним обществоведом. Колоссальный объём плодотворной работы сделал её одним из основоположников нового, современного целостного обществознания.

3.

Само по себе стремление к целостности знаний об обществе, по крайней мере, в последние несколько десятилетий, становится устойчивым в научных подисциплинарных средах (общностях). Юристам всё неуютнее быть «только юристами», экономистам — «только экономистами», историкам — «только историками» и т.д. Специалисту-исследователю в каждой из наук об обществе для более глубокого и полного раскрытия предмета требуется более или менее реальный общественный контекст (пространство связанности изучаемого предмета с общественной средой). Поостерегусь утверждать, будто общий вектор процесса истины переменился в последние десятилетия и будто теперь в развитии наук об обществе преобладает направленность к целостному знанию в отличие от тысячелетней направленности ко всё более специализированному (подисциплинарному, попредметному) знанию. Обращу внимание лишь на то, что многие науки об обществе стали втягивать в свои предметы части предметов иных специализированных наук. Иногда это выглядит весьма карикатурно, как, например, в случаях открытий «человеческого капитала», «имиджевого капитала» и им подобных. Стал популярным так называемый междисциплинарный подход. Заявлены как новые науки гибриды разных специальных общественных наук (экономическая социология, например). Всё это не очень успешные, но деятельные реакции на реальную потребность целостного знания, целостного обществознания.

Мощный методологический прорыв к целостному подходу в изучении общества, по нашему с Г.Я.Ракитской мнению, произошёл и стал оформляться в 1840-1850-е

годы в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса. Но не оформился, не закрепился. Уже в первом томе своего «Капитала» К.Маркс не оказался на высоте целостного подхода, съехал (скорее всего под влиянием А.Смита) на экономико-материалистический подход, на позиции экономического детерминизма. Труды последователей К.Маркса и Ф. Энгельса не выправили этого методологического перекоса, а писания тоталитарных «социалистических» вождей (Сталина, Мао Цзедуна и др.) довели экономико-детерминистскую вульгаризацию до крайности.

И до сих пор все шаги к целостности предпринимаются в рамках (на незыблемой основе) той или иной разновидности метафизической методологии. Но метафизический склад ума неспособен ухватить существо целостности (это убедительно показал Г.В.Ф.Гегель, разъясняя, почему математика, в отличие от философии, неспособна познать живое). Целостность мерещится метафизику как полный набор частей (элементов), как сумма всех без исключения слагаемых. Но общество качественно отличается от набора составляющих его элементов, вот в чём дело!

Целое (или, как удачно иногда выражаются философы, целокупность) — такое состояние реального бытия, при котором структурное многообразие и разнообразие форм представляет собою устойчивое (закономерное) единство благодаря сущностной связанности. Соответственно, ***целостность*** есть свойство реального бытия, присущее ему как целому и выступающее по отношению к структурным элементам (строению) целого и по отношению к конкретным формам бытия (к явлениям) как качественная мера их принадлежности к целому.

Обыденному сознанию (так называемому здравому смыслу, дай, Боже, ему многие лета!) всё это кажется нарочитой заумью. Чем плохо, рассуждает Здравый Смысл, понятие «всё вместе взятое»? И если бы не встречный вопрос «Кем взятое вместе?», то всё было бы без проблем. Как раз в те времена, когда мы осваивали целостный подход к обществу и к общественным процес-

сам и состояниям (1960-1970 гг.), бурно всплыл и вошёл в моду так называемый системный подход. Некоторое время мы по инерции пользовались понятиями «система», «системный» как полными синонимами понятий «целое», «целостный». Потом нас стал настораживать явный привкус метафизического мышления в определениях системы[2]. Системный подход культивировался в то время в увязке с кибернетическим, а это настораживало дополнительно. Если бы при становлении кибернетики возобладали подходы физиолога Петра Кузьмича Анохина, метафизичность не так выпирала бы. Но возобладали подходы математика Норберта Винера. А математике — прав Г.В.Ф.Гегель — не дано понять живое.

Так что не интуитивно, а осознанно мы стали развивать целостный подход в своих исследованиях общества как отличный от системного подхода. Мы просто берегли диалектический метод как зеницу ока, как золотой ключик методологии. Позже оправданность различения целостно-обществоведческого и системного подходов обозначилась с дополнительной ясностью. Общая теория систем так дерзко игнорирует принцип конкретной историчности! А для обществоведа же абстрагирование от конкретно-исторического равноценно деградированию в пустобрёха.

Когда Г.Я.Ракитская стала исследователем, вооружённым целостно-обществоведческим подходом? По-видимому, с самого начала. Во всяком случае, в 1974 г. выбор и постановка темы кандидатской диссертации,

---

[2] ***Вот, например: «Система (от греческого* система *— целое, составленное из частей, соединение) — множество элементов с отношениями и связями между ними, образующее определённую целостность» (В.Садовский, Э. Юдин. Система. — Статья в «Философской энциклопедии» Том 5. – М.: Изд. «советская энциклопедия». 1970). «Составленное из частей», соединение частей — вот что настораживало.***

вступительный (в аспирантуру[3]) реферат не оставляют сомнения, что перед нами зрелый исследователь с выношенным и прочно усвоенным методом, а именно с целостно-обществоведческим методом[4]. В развёрнутом же виде и специально целостно-обществоведческий подход сформулирован Г.Я.Ракитской гораздо позже — в её докторской диссертации (2003), в её монографии (2003) и в нашей совместной работе (2009 и 2010). Но это уже концентрированное описание проверенного, давно применяемого в исследованиях метода[5].

---

[3] В аспирантуре Г.Я.Ракитская училась, уже будучи бабушкой. Она ещё до аспирантуры опубликовала результаты ряда серьёзных научных исследований.

[4] В следующем, 1975 г., появились публикации, подтверждающие это: Г.Я.Ракитская. Социально-экономическая направленность научно-технического прогресса. — Журнал «Известия АН СССР. Серия экономическая» 1975. № 4. Стр. 19-28; Г.Я.Ракитская. Социально-экономические критерии выбора направлений научно-технического прогресса. — В сборнике «Пути повышения эффективности общественного производства» (Сборник научных трудов аспирантов). М.: Институт экономики АН СССР. 1975. (0,9 п.л.); Г.Я.Ракитская. Обеспечение социальной направленности научно-технического прогресса как одна из функций социалистического государства. — в сб. «Проблемы совершенствования управления научно-техническим прогрессом. Теоретический семинар. Таруса, 12-23 февраля 1975 г.» – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова. 1975. Стр. 34-39.

[5] Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). Раздел 1.4 Целостнообществоведческий подход (метод). Мера целостности знания как мера его необходимой и достаточной практичности. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. Стр. 30-40; Ракитская Галина Яковлевна. Общая теория социально-трудовых отношений и перспективы их демократического регулирования в современной России. Диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук (Специальность 08.00.05 – Экономика и

В данной вступительной статье неуместно излагать сам подход (метод). Позволю себе лишь пару замечаний, оттеняющих качественные отличия и преимущества целостно-обществоведческого подхода в сравнении с системным и иными подходами.

Первое замечание касается представлений о типе детерминизма в обществе. Метафизические подходы (включая системный), как минимум, тяготеют к представлениям об устойчивой субординированности структурных элементов целого, о строгой и устойчивой диспозиции причин и следствий. Это — как минимум. А как норма — они кладут эти представления в основу своих учений об устройстве и динамике реального общества. Без сомнений, и структурная субординированность, и причинно-следственные связи — неотъемлемые свойства реального общества. Но метафизические подходы придают им «застывший вид», устойчивость, превышающую меру реальной устойчивости. В отличие от этого, целостно-обществоведческий подход, будучи диалектическим, трактует и субординированность, и причинно-следственные зависимости как ситуативно-исторические.

Разъясню это. К.Маркс в своём знаменитом «Предисловии» к книге «К критике политической экономии» (январь 1859) с предельной чёткостью очертил сугубо метафизический (экономико-материалистический, экономико-детерминистский) подход. На нём стоит всё Марксово экономическое учение (которое сам К.Маркс склонен был воспринимать как учение об обществе или об анатомии

управление народным хозяйством (Экономика труда)). Москва. РАГС. 2003. Стр. 19-22 и 324-344;. Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике. — Периодическое издание "Обществознание большинства". Выпуск 6. – (ИУТЭ) Ноябрь 2009. С. 3-43; Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Методологический геном будущего обществознания, потребного общественной практике. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2010. 40 с.

общества). Экономические отношения были объявлены реальным базисом, всегда доминирующей причиной развития общества. Производительные силы (особенно материальные) трактовались при этом фетишистски. В 1890-е годы Ф.Энгельс был вынужден признать несовершенство экономико-детерминистских подходов К.Маркса и даже частично дезавуировал их. Корректировки Ф.Энгельса шли в направлении отказа от метафизического детерминизма и к становлению диалектического понимания детерминизма.

А каково диалектико-материалистическое понимание детерминизма применительно к обществу? Оно развито в рамках целостно-обществоведческого подхода, в том числе не в малой мере и трудами Г.Я.Ракитской. Общество есть целостность. Все общественные реалии взаимодействуют. Взаимодействуют! — и этого достаточно для установления их взаимозависимости. Любая общественная реалия в той или иной исторической ситуации может стать причиной или следствием. Роли причин и следствий не закреплены за общественными реалиями; причины и следствия меняются местами.

Это, многоуважаемые коллеги, не релятивизм, это именно диалектический материализм применительно не к метафизически препарированному и метафизически воспринятому, а к реально существующему, живому обществу.

Второе замечание связано с проблематикой вариантности и её причин.

Лишь немногие из считающих себя марксистами замечают, насколько мал в классическом марксизме (не говоря уж о марксизме-ленинизме) запас наработок относительно вариантности будущего. А из тех, кто замечает, в лучшем случае лишь единицы отдают себе отчёт в причинах более чем скромной прогностической результативности (и потенции). Казалось бы, метод исторического материализма открывает неограниченные возможности как раз в сфере предвидения будущего, притом предвидения ва-

риантного и одновременно реалистического[6]. Ан нет! Преобладают слоганы о коммунизме как о светлом будущем всего человечества и бесконечные переплясы и перепевы на тему приведения «опять отставших» производственных отношений в соответствие с развитием производительных сил[7]

Причина бесплодности классического марксизма в сфере научного предвидения будущего (особенно с различением его абстрактных и реальных вариантов) заключается в том, что уже в «Капитале» К.Маркс не оказался на высоте им же порождённого целостного подхода к обществу, съехал на уровень экономического материализма. Реальные движущие силы общественного развития — субъектные взаимодействия социальных групп (в первую очередь самых крупных социальных групп — классов) —

---

[6] Речь ведём о научном предвидении, а не о составлении утопических прожектов в жанре наглядных картин будущего. Марксисты справедливо гордятся тем, что метод исторического материализма освобождает от детального конструирования перспективных состояний общества. Но где же тогда предвидения круга реально возможных крупных сдвигов в общественном устройстве и в общественной динамике? Их в классическом марксизме даже во фрагментарном виде раз-два — и обчёлся. А горше всего, что нет в нём сколько-нибудь развитых основ методологии изучения вариантности будущего. Именно это, по-моему, невольно зафиксировал В.И.Ульянов-Ленин в мае 1918 г., осмысливая задачи социалистического строительства. (Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Том 36, стр. 379-380).

[7] Вспоминаю, как в одной из своих песен в период перестройки Галина Яковлевна дружески парадировала приверженность этому пресловутому «соответствию». В уста Л.И.Абалкина (нашего давнего и доброго товарища) она вложила такие слова:

Я не знаю ни сна, ни покоя,
Белый свет мне почти что не мил:
Как отстали во время застоя
Мы от производительных сил!

ушли из поля его зрения, оказались задрапированными экономическими отношениями. Целостно же обществоведческий подход, научно изучая факторы и перспективы общественного развития, отодвигает экономические факторы на их надлежащее историческое место. Одновременно он восстанавливает должное внимание к действиям и взаимодействиям социальных сил, понимание закона движения общества как закона соотношения социальных сил. В множестве идеологий разных социальных сил заложены (содержатся) истоки и перспективы разных вариантов продолжения общественной истории. Более того, в этом множестве идеологий продолжается вариантность прошлого и пребывает вариантность настоящего. Такое вот непрерывное сослагательное наклонение как нормальное состояние реальной истории общества.

Не только экономический, но и любой иной однофакторный метафизический материализм (будь он демографический, географический, технологический, военно-патриотический, системный и т.д.) неспособен выстроить научные реалистические предвидения вариантов будущего. А целостно-обществоведческий подход — способен, ибо он есть подход диалектический, адекватно отражающий движение общества. Почувствуйте разницу, как неустанно призывает нас телевизор.

Ещё не забыть бы сказать о междисциплинарном подходе. Г.Я.Ракитская относилась к нему как к заведомо тупиковому, а к поборникам этого метода — терпеливо, по принципу «Заблуждаться не запретишь!» Лишь однажды дело дошло до возмущения. Это когда Р.В.Рывкина дописала от себя в нашу статью[8] позитивную фразу о междисциплинарном подходе.

---

[8] Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. О некоторых критериях развития социалистической экономики. — В сборнике «Пути совершенствования механизма развития советской экономики». Новосибирск. 1985. Стр. 87-91.

Пользуюсь случаем откреститься от приписанного нам чуждого подхода. Понимаю, что Р.В.Рывкина сде-

4.

Проблематика идеологий занимает в обществознании одно из самых ключевых мест. Это понятно: ведь движителями общественного развития являются социальные силы. Формирование любой социальной силы начинается с обретения ею собственной идеологии.

В творчестве Г.Я.Ракитской проблематика идеологий и собственных идеологий социальных сил — проблематика сквозная, универсальная. В этой области ею осмыслено немало традиционных и новых аспектов, развит ряд оригинальных трактовок, поставлены новые вопросы, подхвачены и уточнены прежние ценные постановки. Я бы даже сказал, что Г.Я.Ракитской создано учение о собственной классовой идеологии и гипотетически очерчена собственная идеология демократического рабочего движения (или, точнее, собственная идеология трудящихся и эксплуатируемых классов).

Не забывайте, что научно-идеологическое творчество Г.Я.Ракитской пришлось сперва на глухое время застоя и разложения тоталитарного режима в СССР, а далее — на время перестройки и четвёртой русской революции. Революция эта была антитоталитарной и антиимперской, могла бы вывести Россию к социализму, но фактически вывела в периферийно-зависимый капитализм. Такое историческое время порождает обострённую потребность общества в идеологиях, ибо формируются и действуют социальные силы. Г.Я.Ракитская с честью выполнила свой долг учёного и социального мыслителя, оказалась как учёный и идеолог в нужном месте в нужное время. Социальные силы, готовые выступить за демократические преоб-

---

лала приписку из добрых побуждений и никак, видимо, не предполагала, что кто-то может отрицать прогрессивность междисциплинарного подхода. Что поделаешь, новосибирская социологическая школа имела, по-моему, завышенную самооценку продвинутости в методологии. Впрочем, это свойственно любой серьёзной научной школе. И нашей, наверное, тоже.

разования в русле выхода страны из тоталитаризма (фашизма) в социализм, сполна были обеспечены необходимыми и достаточными идеологическими и теоретическими разработками. Но силы эти оказались слишком слабыми, да ещё и дезориентированными (всё никак не могли сообразить, что строй в СССР не имел ничего общего с социализмом, точно так же, как и в гитлеровской «социалистической» Германии).

Процесс антитоталитарной и антиимперской революции ставит в идеологической области ряд злободневных и конструктивных задач:

— дезавуировать тоталитарную идеологию, идейно обеспечить дефашизацию массового сознания;

— дезавуировать имперскую идеологию, идейно вооружить демократические и народно-освободительные движения в их выступлениях против имперства центральной власти и против нашей российской идейной гангрены — имперства в массовом сознании;

— выстроить принципы демократической общественной жизни, обеспечивающие реальную множественность идеологий и — главное! — надёжный социально-политический иммунитет против реставрации государственной, обязательной для всех идеологии;

— развить собственные идеологии важнейших социальных групп (классов) общества как реальную общественную гарантию против политического манипулирования.

Вклад Г.Я.Ракитской в решение всех этих задач был, по меркам личных судеб, без преувеличения самозабвенным, а по меркам влияния на общественное сознание — заметным.

Идейное перевооружение массового социально-группового сознания происходит не в виде смены, как по команде, идеологических клише (стереотипов сознания), а как культурное продвижение, как преображение мыслей, подходов и действий. Вот почему идеологические новации предлагаются обществу идеологом не «в лоб», не как «голая идея», а как приправа к принципиальным постановкам

проблем, как подход к оценке возможных вариантов решений и действий, как конструктивная критика ценностей и ценностных ориентаций, как альтернативная стратегия и т.п. Творчество Г.Я.Ракитской содержит много образцов именно такого продвижения новых идеологических подходов[9]. Но есть у Г.Я.Ракитской и публикации, в которых

---

[9] ***Г.Я.Ракитская, На пути к собственной идеологии (Идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции). — М.: КАС-КОР; ИППС; ИЭ РАН. Февр – октябрь 1993. 48 с.; Г.Я.Ракитская. Место трудящихся в будущей России (противоборство идей и реальных тенденций в 1987 – 1992 гг.). — Журнал «Альтернативы. Международный общественно-политический и аналитический журнал». Выпуск 3. 1993. Стр. 54-70.; Г.Я.Ракитская. Рабочий колхоз при капитализме (впечатления и размышления о знаменитом опыте группы кооперативов в городе Мондрагоне на севере Испании). — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 3. М.: 1995. 24 с.; Г.Я.Ракитская. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвёртой русской революции). — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 2. – М.: 1995. Стр. 42-137; Г.Я.Ракитская. Замыслы и результаты реформ. Основные идейно-политические течения в современной России. — М.: Институт перспектив и проблем страны, Transnationals Information Exchange (TIE). Февраль 1995. 61 с.; Г.Я.Ракитская. Общественно-экономические стратегии в современной России. — Журнал «Вопросы экономики» 1996. №8. Стр. 86-98; Г.Я.Ракитская. Общественные стратегии в современной России. — Периодическое издание "Перспективы и проблемы России". Выпуск 6. – М.: Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. Стр. 4-25. Г.Я.Ракитская. К критике общественного сознания в новой России (реформа собственности и социально-трудовых отношений). — Периодическое издание "Перспективы и проблемы России" Выпуск 25. – М.: Институт перспектив и проблем станы. 2002. 56 с. Г.Я.Ракитская. Идеологии экономических преобразований как фактор исторического выбора (теория и методология анализа, развитие идеологий в ходе***

речь об обновлении идеологии ведётся впрямую. Это публикации, касающиеся собственной идеологии демократического движения трудящихся и эксплуатируемых за освобождение от эксплуатации[10]. Откровенно скажу: когда я перечитываю работу Галины Яковлевны «Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся», то воспринимаю

четвёртой русской революции). — Периодическое издание "Перспективы и проблемы России". Выпуск 6. – М.: Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. Стр. 48-71. Г.Я.Ракитская. Изменение идеологий экономических преобразований в переходный период (факторы, направления, этапы) — В сборнике «Теоретическое обобщение экономической трансформации постсоветских обществ: опыт, уроки, перспективы. Научный доклад». – М.: Институт экономики РАН. 1997. И много других.

[10] Г.Я.Ракитская, Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. — В книге: Г.Ракитская, Б.Ракитский. Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998. Стр. 5-50; Г.Я. Ракитская. Марксизм и псевдомарксизм. — Периодическое издание "Альманах Центра общественных наук". – М.: май 1998. №8. Стр. 67-82; Г.Я.Ракитская. Марксизм и псевдомарксизм. — В книге: «Постижение Маркса. (по материалам международной научной конференции, посвящённой 180-летию со дня рождения К.Маркса) — М.: Московский университет, ТЕИС. 1998. Стр. 89-103; Г.Я.Ракитская. На пути к собственной идеологии (Идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции) 2-е издание (с приложением). – М.: 2001. 62 с.; Г.Я.Ракитская. Идеология последовательного гуманизма: предпосылки и вероятность реализации — В журнале "Альтернативы". 2007. № 1. С. 41-49; Г.Я.Ракитская. Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся. — В периодическом издании «Обществознание большинства». Выпуск 4. – М.: Декабрь 2007. Стр. 55-68.

её не иначе, как научное завещание. Какова глубина охвата! Каков круг гипотез и подсказов! Какова мощь мысли!

5.

В пространстве научных поисков даже в самые плодотворные времена появляется совсем немного (считанные единицы) работ, которые опережают своё время лет на 50, если не более. Первое же крупное исследование Г.Я.Ракитской в области политической экономии оказалось именно таким. Это была её кандидатская диссертация на тему: «Методологические основы определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса»[11].

Отправной была, конечно, идея социальной направленности научно-технического прогресса. Идея, исходящая из целостного видения общества. При таком видении впрямую ставится вопрос: кто кому определяет цели: общество экономике и научно-техническому прогрессу или экономика и научно-технический прогресс — обществу? Имеет ли смысл и если да, то какой смысл стереотипная формула «научно-технический прогресс требует»? Политэкономам и специалистам по экономическим проблемам, «с молоком матери» впитавшим методологию экономического материализма, сама такая постановка казалась странной, с вывихом. Ведь экономика для них — вечная первопричина всего, что делается в обществе. Поэтому проблематика научно-технического прогресса рассматривалась не иначе, как вызванная прогрессивным развитием производительных сил. В составе этой проблематики, в ряду ключевых — проблемы *социальных последствий* научно-технического прогресса и проблемы его эффективности. В первую очередь и преимущественно,

---

[11] Ракитская Галина Яковлевна. Методологические основы определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса. Диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. (Специальность 08.00.01 – политическая экономия) /Институт экономики АН СССР/ Москва. 1979. 222 с.

конечно, — экономической эффективности научно-технического прогресса.

Однако уже и тогда понимали, что игнорировать социальные (общественные, не сводимые к экономическим) эффекты нехорошо, неправильно. Возникала проблема социально-экономической эффективности научно-технического прогресса, его, так сказать, интегральной эффективности.

Исследование Г.Я.Ракитской в теоретическом плане перевернуло подходы к проблематике научно-техниче-ского прогресса и привело к принципиально новому (как бы теперь выразились, инновационному) решению проблемы его интегральной эффективности.

Один аспект переворота, прямо вытекал из преодоления экономико-материалистической методологии, и состоял в том, что недопустимо осуществлять научно-технический прогресс, так сказать, в «отвязанном виде», без ограничений общественными целями и пространством социально допустимых способов достижения. Решения, принятые по критериям экономической прибыльности или (что примерно то же) по критериям роста производительности труда, приводят к ситуации, когда приходится компенсировать социально неблагоприятные последствия научно-технического прогресса (экологический ущерб, ущерб здоровью, другие существенные неэкономические ущербы). Г.Я.Ракитская доказала потребность в социальной направленности научно-технического прогресса, коренного изменения его организации в обществе. Не компенсация вредных последствий, а получение заданных обществом результатов (исключение социально недопустимых результатов) научно-технического прогресса должно быть положены в основу его общественной организации (регулирования).

Такое решение перевернуло и подходы к эффективности научно-технического прогресса, позволило решить задачу непротиворечивого сведения воедино (интегрирования) экономической эффективности и социальной эффективности.

Традиции метафизической методологии питают представления об обществе как о *сумме частей*. Поскольку общество по своей природе целостно, а не суммарно, метафизический подход принципиально неспособен вывести к оценкам эффективности, адекватным общественной практике. Метафизический (суммирующий) подход к эффективности порождает различные комбинации складывания частных эффектов или складывания и вычитания (если суммируются положительные и отрицательные частные эффекты). Соотнесения результатов с целообщественными целями не происходит, задача такого типа даже не ставится.

Вот этот традиционный (и ставший аксиомой) подход и опровергла Г.Я.Ракитская. Предложенные ею методология и общая методика позже получили название “ранжирование Г.Я.Ракитской”. “Ранжирование Г.Я.Ракитской” позволило преодолеть “барьер В.В.Новожилова”.

Лауреат Ленинской премии В.В.Новожилов в своей книге «Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании» (М.: “Экономика”. 1967) предупредил, что разработанные им методы определения и сравнения экономической эффективности вариантов применимы только при условии тождества социальных результатов разных вариантов. В этом и состоит “барьер В.В.Новожилова”. В реальной практике такое тождество встречается как редкое исключение, а потому “барьер В.В.Новожилова” при применении его методов игнорируется или “преодолевается” мнимо. Различия социальных результатов либо игнорируются, либо объявляются несущественными, либо проблема их учёта подменяется задачей учёта и компенсирования социальных последствий. В отличие от этого “ранжирование Г.Я.Ракитской” строго соблюдает “барьер В.В.Новожилова” и даёт научно обоснованный метод сопряжения его метода определения и сравнения экономической эффективности с отбором вариантов по критерию социальной допустимости, то есть научно строго отбирает круг вариантов, социальные эф-

фекты которых могут быть признаны практически тождественными[12].

Метод «ранжирование Г.Я.Ракитской» приводит к отказу от вычислений эффективности (за исключением стадии сравнений собственно экономической эффективности вариантов). Вместо вычислений отбирается (обосновывается) круг общественно значимых целей, цели ранжируются, выстраивается череда (субординация) целей. Цели более высокого ранга несводимы к целям последующих рангов. Социальные (целообщественные) цели выше рангами, нежели цели экономической эффективности. Отбор эффективных вариантов ведётся в форме выбраковывания вариантов, не соответствующих целообщественным целям. При этом могут быть выбракованы и варианты с высокой экономической эффективностью. В заключительной стадии по критерию собственно экономической эффективности определяется (избирается для реализации) самый эффективный из числа социально допустимых (в этом смысле — из числа вариантов с практически тождественными социальными результатами). Процитирую Г.Я.Ракитскую: «**Общая формула интегрального эффекта**: интегральным (обобщённым) выражением социального или социально-экономического эффекта развития производства (в том числе научно-технического его развития, отдельного нововведения, мероприятия) являются соци-

---

[12] Диссертация Г.Я.Ракитской впервые публикуется в первом томе её «Основных трудов». В 1979 г. был напечатан автореферат диссертации (Ракитская Г.Я. Методологические основы определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса. Автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. (Специальность 08.00.01 — политическая экономия) /Институт экономики АН СССР/ Москва). Более или менее полное изложение диссертации опубликовано в 1982 г. (Ракитская Г.Я. Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. — М.: ВНИИСИ. 1982. 60 с.).

альные и экономические результаты варианта, **избранного** для реализации» (стр. 53 публикации 1982 г.)..

В 1980-е годы под руководством акад. Д.С.Львова работала комиссия по проблемам определения интегральной эффективности. О разработках Г.Я.Ракитской комиссия знала. Но не пожелала положить их в основу своей работы. Трое членов комиссии (В.Л.Перламутров; Б.В.Ракитский и Р.Н.Евстигнеев) отказались участвовать в работе, письменно мотивировав свой отказ именно тем, что игнорируются плодотворные подходы Г.Я.Ракитской. Значительно позже, уже в 1996 г., академик Д.С.Львов публично признался: «Зря мы тогда не взяли за основу Галкины разработки». Дорогого стоят в науке такие мужественные признания!

6.

Целостно-обществоведческий метод возвращает научные исследования общественных процессов и состояний в русло исторического материализма. Исторический материализм в сравнении с экономическим материализмом (то есть в сравнении с методом Марксова «Капитала») совершенно иначе трактует все ключевые вопросы и, в частности, вопрос о движущих силах общества и закономерностях движения общества. Экономико-материалистический подход объявляет развитие общества ***следствием развития производительных сил*** (а в предельных трактовках — даже следствием развития материальных производительных сил). Исторический же материализм ставит на место доминирующей причины развития общества ***субъектные взаимодействия социальных сил.***

Понятно, что проблематика субъектности занимает совершенно разное место при этих разных подходах. Целостно-обществоведческий (историко-материалистический) подход не упускает из виду, что в обществе всё делается *осознанно.* Отсюда пристальное внимание к общественным реалиям (явлениям и процессам), существом и содержанием которых является осознание и сознательное

направление деятельности. Цели, несомненно, принадлежат к кругу таких общественных реалий.

Вернёмся ненадолго к исследованию Г.Я.Ракитской о научно-техническом прогрессе и его эффективности. Новизна её подхода и её решения зиждилась на понимании эффективности как целесоответствия. Такое понимание просто требует привлечь и аспект целенаправленности. Экономика и сам по себе научно-технический прогресс не могут иметь никаких иных целей, кроме целей общества. Отсюда вытекают правильная трактовка направленности научно-технического прогресса как социальной направленности и полная (неущербная) трактовка эффективности как социально-экономической эффективности.

Г.Я.Ракитская пошла в разработке проблематики целей ещё дальше. Она осветила проблемы целеполагания, эшелонирования (конкретизации и этапирования) целей, стратегических целей, целеориентированного анализа и др.[13] Её любимой, обожаемой статьёй была наша

---

[13] Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Цели и критерии социально-экономического прогресса. — В Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 8. "ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития)" – М: ВНИИСИ, 1983. Стр. 3-21;..Г.Я.Ракитская, Б.В. Ракитский. Научное определение целей — важное направление реализации преимуществ социализма. — Журнал "Известия Академии наук СССР. Серия экономическая." № 6, 1983. Стр. 12 – 24; Г.Я.Ракитская, Взаимосвязь экономического, социального и духовного прогресса.— Журнал «Политическое самообразование». 1984. № 8. Стр.87-94; Г.Я.Ракитская. Реализация целезадающей функции социалистического государства в долгосрочных предплановых разработках. — В сборнике статей «Повышение организованности советского хозяйства в современных условиях». – М.: ЦЭМИ АН СССР. 1985. Стр. 97-115; Г.Я.Ракитская. Целеориентированный анализ как функция планомерного руководства общественно-экономическим развитием. — В сборнике «Политэкономические проблемы

совместная статья «Цели и критерии социально-экономического прогресса» (1983). Статья совместная, но главным автором и режиссёром статьи была Галина Яковлевна. Через 5, через 10, через 25 лет мы возвращались к этой статье, как мы шутили, «для восстановления квалификации».

Так получилось, что эта статья интегрировала все наши предшествующие методологические наработки и наши мировоззренческие принципы. В ней уже «всё было»: и подходы, и терминология, и собственные содержательные трактовки широко употребляемых научных категорий. Подобно тому, как К.Маркс дал абрис своей методологии «Капитала» в «Предисловии» к книге «К критике политической экономии» (январь 1859), мы дали абрис своей методологии в названной статье. Методология эта, по сути дела, оказалась противопоставленной методологии «Капитала». Мы в полной мере осознали это позже. Не раз несколько удивлялись потом, какие мы оказались тогда умные: в статье были чёткие формулировки, содержание которых позже раскрывалось полнее и плодотворнее. Разве вот только трактовка отношений собственности в статье не была доведены до чеканной точности. Трактовку собственности как исключительно субъектно-объектного отношения («собственность на…») мы, разумеется, отвергали. Мы поставили экономику в целом на её надлежащее место — на место средства общественного развития. Более того, мы дошли до понимания, что «собственность — интегральная характеристика средств, но средств общества, а общество всегда имеет потребности, цели. …Как средства общественного прогресса они существуют лишь в меру своей адекватности целям. Момент целенаправленности, целеподчинённости экономики — вот что главное в категории «собственность» (стр. 19). Но всё же этого оказалось недостаточно для наших дальнейших разрабо-

---

функционирования социалистической экономики». М.: ЦЭМИ АН СССР. 1986. Стр. 140-15.

ток, и мы через несколько лет пришли к трактовке собственности как власти в хозяйстве, как властно-хозяйственных отношений, то есть по преимуществу, в основном как субъектно-субъектных отношений (кстати, у К.Маркса в ранних произведениях такую трактовку потом тоже нашли).

В преамбуле к комментируемой здесь статье 1983 г. говорится: «Сейчас становится всё яснее, что дальнейшее продвижение в понимании целей и критериев общественно-экономического прогресса невозможно силами только экономистов, только социологов, только философов, только историков и т.д. Здесь необходим подход с позиций созданного К.Марксом научного метода — с позиций целостного обществоведения. В статье мы постарались очертить именно такие принципиальные подходы к проблеме целей и критериев общественно-экономического прогресса, которые проистекают из марксистско-ленинского обществоведения как целостной системы научных знаний об обществе» (Стр. 3). Время удостоверило, что очерк вполне удался. За несколько лет до перестройки и четвёртой русской революции наш методологический арсенал был в хорошей готовности.

7.

В 1980-е годы Г.Я.Ракитская приступила к новому фундаментальному исследованию — к исследованию социально-трудовых отношений. Уже первые её публикации по социально-трудовой проблематике отличались свежестью, оригинальностью постановок и акцентирования[14]. Но

---

[14] К примеру: Г.Я.Ракитская. Преобразования в труде в условиях интенсификации производства. — В Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 2. "Социально-экономические проблемы интенсификации общественного производства" – М: ВНИИСИ, 1983. Стр. 39-53;. Г.Я.Ракитская, А.Н.Шохин. Преобразования в сфере труда в 80-е годы. — М.: «Знание». 1984. 64 с.: Г.Я.Ракитская. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. — М.: ВНИИСИ. 1986. 61 с.; Г.Я.Ракитская. О соци-

это исследование прервалось в самый его разгар — я даже запомнил, когда именно: в марте 1987 г. Однажды Галина Яковлевна поднялась от своей пишущей машинки, закрыла её и сказала: «Знаешь, я пошла в движение. По-моему, начинается всерьёз. Как-то не до науки сейчас…» И вправду, целиком окунулась в так называемое неформальное демократическое движение.

Об её участии в перестройке и революции и об интеллектуальном вкладе в них будет написана специальная статья-предисловие к третьему тому «Основных трудов».

альной позиции заводского социолога при изучении факторов повышения эффективности труда. — В сборнике: «Социальные резервы повышения качества и эффективности труда. Материалы семинара». М.: Московский дом научно-технической пропаганды. 1986. Стр. 30-35; Г.Я.Ракитская. Проблемы развития личности в социалистическом трудовом коллективе. — В Сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 4. "Проблемы развития социально-демографических групп и социально-территориальных общностей" – М: ВНИИСИ, 1986. Стр. 12-18; А.С.Бим, Г.Я.Ракитская, Т.Е.Кузнецова. Самоуправление на производстве: проблемы и перспективы развития. — В сборнике статей «Совершенствование планового руководства экономикой». М.: ЦЭМИ АН СССР. 1987. Стр. 97-111; Галина Ракитска. Социално-трудовите отношения и тяхното място в социалния механизъм на обществения прогрес. — Журнал «Проблеми на труда. Списание на Комитета по труда и социалното дело». Болгария. София. 1987, брой 8. Година XXIX/ Стр. 24-35; Г.Я.Ракитская. Совершенствование организации фундаментальных исследований в научных учреждениях. — В сборнике: "Совершенствование планового руководства экономикой" М: ЦЭМИ АН СССР, 1987. Стр. 133-152.Г.Я.Ракитская, Развитие социалистического отношения к труду. — Журнал «Вопросы экономики». 1988. № 7. Стр. 99-109; G.Y. Rakitszkaya. Развитие социалистического отношения к труду. — (перевод на английский язык статьи из журнала «Вопросы экономики» 1988, №7). — Журнал «Problems of Economics» USA. NY. 1989 / vol XXXI. No 10).

А о разработках проблематики социально-трудовых проблем и социальной политики (к ней она вернулась после революции) будет статья-предисловие ко второму тому.

Сейчас же уместно будет продолжить комментарий к тем обществоведческим разработкам, которые не вошли во второй и третий тома её «Основных трудов».

Весной 1987 г. Отдел науки ЦК КПСС дал ряду учёных задание: проэкспертировать идеологию перестройки. Надо думать, собирали идейный материал для книги Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачёва. Мы с Галиной Яковлевной 31 августа 1987 г. официально представили (с сопроводительным письмом от ЦЭМИ АН СССР) в Отдел науки свой доклад «Идеология перестройки как социальной революции в обществах современного советского типа» объёмом 121 машинописная страница. Для нас это была рубежная работа. Через два года она была опубликована на Украине[15], а через три — в Москве[16].

С точки зрения становления целостного обществознания и развития его методологии, работы 1987-1997 годов весьма плодотворны и своеобразны. Большинство из них представляют собою комплексный оперативный анализ реальной исторической ситуации, реальных динамических состояний общества и прогноз развития перестроечных и революционных процессов. Попутно приходилось, кроме того, делать и анализ общественного сознания, его структуры, течений мысли, программ.

---

[15] Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Перестройка: теоретическая экспертиза концепции и практической политики. – Журнал «Философская и социологическая мысль» Республиканский научно-теоретический журнал Института философии АН УССР Киев. 1989. № 10 стр. 3-25; 1989. № 11, стр.14-31; 1989. № 12, стр. 3-21. То же на украинском языке.

[16] Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Стратегия и тактика перестройки. — М.: “Наука” 1990. 128 с.

Не раз вспоминалось замечание Ф.Энгельса о том, что, дескать, в экономическом учении К.Маркса, действительно, имел место перекос в сторону недооценки многих факторов общественных взаимодействий и выпячивание из-за этого экономического фактора. «Но, — с уверенностью продолжал Ф. Энгельс, — как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»[17]. Действительно, оперативный целостный конкретно-исторический анализ сам собою отбрасывает как негодное всё, что коренится в экономическом детерминизме, и прямо-таки наталкивает на плодотворные подходы, постановки и решения. Годы и годы спустя мы с Галиной Яковлевной дивились своим тогдашним удачным разработкам, сделанным в интенсивном режиме и, похоже, без ошибок. Целостно-обществоведческая методология воплотилась и существенно развита в разработках тех лет. Галина Яковлевна замышляла даже переиздать наши работы в виде четырёхтомника «Четвёртая русская революция». Готовила такое издание, но не завершила…

8.

Помимо названной работы 1987 года можно упомянуть ряд других, выполненных в жанре оперативного анализа конкретно-исторической ситуации и вариантного прогнозирования последующей динамики[18].

---

[17] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Том 37. Стр. 396. — М.: Госполитиздат. 1965.

[18] Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Замыслы номенклатуры и интересы народа. О положении в стране, о планах перехода к рынку, о неотложных политических действиях и первоочередных делах в хозяйстве. Материалы к семинару (6-8 октября, г. Челябинск) — М.: Июнь 1990 г. 64 с.; Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Современное советское общество: основные противоречия, их динамика и перспективы разрешения (теория и анализ ситуации). — М.: /Материалы научной конференции «Обновление советско-

Хочу обратить внимание коллег не столько на круг, сколько на ***типы проблем***, которые пришлось рассматривать в ходе оперативного конкретно-исторического анализа и определения вероятных вариантов стратегий и тактик разных социальных сил, участвующих в перестройке и революции. На типы проблем и на ***подходы*** к их рассмотрению и решению.

Во-первых, в ходе такой работы сложился опыт и осознан специфический тип исследования, который был очерчен позже как ***исследование предмета в актуальном целостном контексте***[19]. «Главная особенность использования целостнообществоведческого подхода, — пишет Г.Я.Ракитская, — выделение предмета в актуальном целостном контексте. …Прежде всего, что понимается под целостным контекстом? Это общество, всё целиком, без каких-либо произвольных или «хитромудро» обоснованных изъятий. …Целостно обществоведческий подход не препарирует общественную реальность для изучения, а сохраняет её целиком в процессе изучения как целый реальный жизненный контекст бытия изучаемого предмета. … Но ведь этот контекст огромен, бесконечен в своих конкретностях, помноженных на динамичность! Как выбрать,

---

го общества: проблемы и варианты, проводимой Институтом экономики АН СССР 11-15 ноября 1991 года в г. Пущино/. 1991. 16 с; Г.Я. Ракитская. Резолюция левых социал-демократов в СДПР «О положении в стране и тактике левых социал-демократов» (принята на собрании фракции на IV Съезде СДПР 10 мая 1992 г.) — Печатное издание «Новости социал-демократии» Май 1992. № 23-26 (55-58). Стр. 27-30.; Г.Я.Ракитская. Замыслы и результаты реформ. Основные идейно-политические течения в современной России. — М.: Институт перспектив и проблем страны, Transnationals Information Exchange (TIE). Февраль 1995. 61 с.

[19] ***Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. Стр. 30-40.***

отобрать, сгруппировать существенное, выделить существенное в смеси существенного и несущественного? Решение задачи таково: предмет изучения следует выделять не в целостном общественном контексте вообще, а в ***актуальном*** целостном контексте. Это значит, что целостный контекст и изучаемый предмет в этом контексте берутся не абсолютно, а относительно, а именно ***применительно к задачам практики, то есть актуально***. Истина практична, процесс истины имеет положительный (конструктивный) смысл не иначе как сторона практики, для практики» (Стр. 34-35).

Во-вторых, пришлось заняться научным определением исторических координат родной страны. Реальное историческое место СССР было отнюдь не таким, как изображалось советскими апологетическими общественными науками. И не таким, как изображала его западная советология (и буржуазная, и просоветская или «левая» троцкистская). Марксовы гипотезы о формациях тут не действовали. Пришлось развить теорию деформаций и перерождений социализма.

В-третьих, пришлось распознавать историческое состояние СССР как революционную ситуацию, как системный кризис. Эта задача могла быть удовлетворительно выполнена только при условии обнаружения основных противоречий общественной системы СССРовского типа. Эти противоречия были научно определены.

В-четвёртых, знание основных противоречий системы позволило научно предвидеть характер предстоящей социальной революции как антитоталитарной и антиимперской.

В-пятых, требовалось строго научно поставить вопрос о вариантах будущего и научно оценить сравнительную степень реальности (исторической реализуемости) вариантов будущего. Потребовалась, хотя бы в общих чертах, теория исторического выбора. Того, что имелось в классическом марксизме, было недостаточно.

В-шестых, требовалось развить научные представления о социальной структуре общества, о субъектах ис-

торического общественного действия, о социальных силах и их соотношениях. Мало научно ответить на вопрос «Что делать?» Требуется научно ответить на не менее трудный вопрос — «Кто сделает, кто заставит сделать?»

В-седьмых, ситуация в СССР, а затем в России явно выпадала из актуального целостного контекста, если не увязывалась на сущностном уровне с геополитическими процессами. Объяснение необходимости перестройки и социальной революции, идущее от «приведение производственных отношений в соответствие с производительными силами», оставалось не более чем мантрой, шаманским заклинанием. Требовалось принять во внимание поражение СССР в гонке вооружений и соотношение геополитических сил. Только это позволило понять четвёртую русскую революцию как революцию, в которой основной социальной силой стал международный финансовый капитал. Отсюда и научное понимание послереволюционного состояния России как страны периферийно-зависимого капитализма.

В-восьмых, требовалось научно глубоко и содержательно понимать идеологии, коренные интересы и политические программы разных социальных групп (каст и формирующихся классов). И при этом, конечно же, иметь определённую последовательную собственную классовую идеологическую позицию. Без этого обществовед бесплоден, слеп в обстановке революции и послереволюционных реформ.

В-девятых, пришлось развить теорию переходного периода, качественно определить исторические задачи и исторические границы этого периода, а также предвидеть вероятность и признаки реставрации.

Другие серьёзные вопросы были менее масштабны и не так трудны, как названные ключевые.

9.

Собственная классовая идеологическая позиция Г.Я. Ракитской — это приверженность борьбе за освобождение от эксплуатации, от любых видов и форм социаль-

ного угнетения. Эксплуатируемые трудящиеся нашей страны оказались в период перестройки и чётвёртой русской революции идейно разоружёнными и крайне слабо политически организованными.

Это удручало, но и призывало к действию.

Г.Я.Ракитская включилась в демократическое рабочее движение в 1987 г. и активно действовала в нём до конца своих дней. Обстоятельства заставили быть в этом движении на разных ролях. Но самой востребованной и естественной оказалась роль идеолога и теоретика, а кроме неё — роли эксперта, советника и просветителя.

Будучи убеждённым социалистом и революционером, Г.Я.Ракитская решительно отметала как левачество, так и тоталитарное по существу мышление, спекулирующее на левой или социалистической фразеологии. Я бы сказал так: она отчётливо и адекватно понимала вредоносность того и другого для демократического рабочего движения, но не тратила сил (не разменивалась) на полемику с ними. Центральными направлениями её теоретической и идеологической работы в интересах борьбы трудящихся и эксплуатируемых за своё освобождение от эксплуатации были:

— развитие собственной, социалистической идеологии трудящихся классов и

— осмысление проблем и направлений практического строительства и обустройства собственного классового демократического пространства жизни трудящихся и эксплуатируемых (начиная со способов социальной активизации и форм наращивания социальной, гражданской и политической субъектности).

Первое направление не ново. Попытки развернуть и утвердить его на научной основе ведутся со времён «Манифеста коммунистической партии» К.Маркса и Ф. Энгельса. Однако за полтора века сложилась прочная (традиционная уже) система вульгарных толкований и представлений. Дезавуирование этих вульгаризаций остро актуально и требует недюжинных теоретических усилий. Понятно, что эта «переосмыслительная» работа лучше всего

и надёжнее всего делается на базе (как составная часть) конструктивного развития собственной идеологии трудящихся классов и увязанных с нею фундаментальных теоретических разработок.

Второе направление — практически целина (в лучшем случае — почти столетняя залежь). Тут что ни проблема, то нужда в её точной научной постановке и в выработке оригинальных, но непременно гуманистических подходов к её решению.

Выше уже сказано, что Г.Я.Ракитская переосмыслила собственную классовую идеологию демократического движения трудящихся и эксплуатируемых как последовательный (революционный) гуманизм. Это переосмысление в целом позволило по достоинству оценить идейные и теоретические достижения классического марксизма (ретромарксизма) и обнаружить его слабые (слабо или неглубоко развитые) и неудовлетворительные постановки и решения.

Считаю важным обратить особое внимание на саму концепцию социализма (так называемого пролетарского социализма). Здесь уже в ряде исходных постановок и трактовок К.Маркса и Ф.Энгельса имелись уязвимые моменты, особенно в части научных обоснований. Последователи К.Маркса и Ф.Энгельса зачастую усугубили исходные слабости и довели дело до сугубой вульгаризации. Вот почему трактовки социализма, содержащиеся в трудах Г.Я.Ракитской, исключительно ценны[20].

---

[20] Трактовки социализма как мировоззрения и как общественной системы содержатся не только в произведениях, посвящённых специально социализму. В числе последних: Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Закономерности развития социальной структуры социалистического общества. — Журнал «Известия АН СССР. Серия экономическая». 1987. №6. Стр. 28-39; Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Социализм: закономерности и критерии. Материал для обсуждения на методологическом семинаре Отдела общих проблем политической экономии социализма 24 октября 1989. — М.: Институт экономики АН СССР. 1989. 20

Ряд крупных работ Г.Я.Ракитской посвящён дезавуированию Марксовых и Ленинских постановок и теоретических решений по ключевым проблемам идеологии и теории социалистического движения. Таковы, в первую очередь, новая теория эксплуатации[21] и научная критика концепции диктатуры пролетариата[22]. Есть крупные работы, защищающие и развивающие учение К.Маркса и Ф.Энгельса[23].

с.; Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Логическая траектория становления и развития социализма. — В монографии: Б.В. Ракитский. «Политическая экономия социализма сегодня». – М.: "Наука". 1989. Стр. 71-88; Г.Я.Ракитская, Концепция социализма и критерии социалистичности общественно-экономи-ческих процессов. — Журнал «Вопросы экономики» 1990. № 2; G.Y.Rakitskaya. Концепция социализма и критерии социалистичности общественно-экономических процессов (перевод на английский статьи из журнала «Вопросы экономики» 1990. № 2). — Журнал «Problems of Economics» USA. NY. November 1990 / vol 33. No 7); Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Социализм: закономерности и критерии. — В книге: "Социология перестройки" – М. "Наука". 1990. Стр. 33-51.

[21] Г.Я.Ракитская. Современная теория эксплуатации (эксплуатация как тип социально-трудовых отношений). — Периодическое издание «Обществознание большинства». Выпуск 2. – М.: ИУТЭ(РУ). Декабрь 2005. Стр. 3-30;

[22] Г.Я.Ракитская. Диктатура пролетариата – ошибочная концепция власти в социалистической революции. — В периодическом издании «Обществознание большинства». Выпуск 4. – М.: Декабрь 2007. Стр. 73-92.

[23] Таковы, например: Г.Я.Ракитская. Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. Опыт анализа и актуального продвижения методологии. — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2000. 96 с.; Г.Я.Ракитская, Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. — В книге: Г.Ракитская, Б.Ракитский. Методология марксизма и историческое поприще её плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998. Стр. 5-50;

Говоря о Г.Я.Ракитской как о выдающемся социальном мыслителе и о её роли в создании основ нового, современного обществознания, никак нельзя не отдать должное просветительской (пропагандистской) составляющей её деятельности. Идейно-политическому просвещению трудящихся и эксплуатируемых Галина Яковлевна отдала около 30 лет. Оно было, с одной стороны, пространством сеяния собственной классовой идеологии, укоренения идеалов свободы и чувства собственного человеческого и гражданского достоинства, солидарности и реалистических взглядов на тоталитарную и капиталистическую действительность[24]. С другой стороны, рабочая аудитория — эти тысячи тружеников с предприятий России, Украины, Беларуси — была для Галины Яковлевны чем-то вроде земли для Антея: чувство уверенности, правоты дела черпалось ею именно отсюда. В документах Международной организации труда, как нам говорили, Школа трудовой демократии, созданная в 1994 г. и 19 лет руководимая Галиной Яковлевной, оценивалась как уникальное учреждение во всей практике рабочего обучения.

С октября 2013 г. это учреждение носит имя Г.Я. Ракитской.

***

Г.Я.Ракитская. Марксизм и псевдомарксизм. — В книге: «Постижение Маркса. (по материалам международной научной конференции, посвящённой 180-летию со дня рождения К.Маркса) — М.: Московский университет, ТЕИС. 1998. Стр. 89-103.

[24] Б.В.Ракитский Пропаганда собственной идеологии демократического рабочего движения: опыт Школы трудовой демократии 1994-2013 годов. Доклад на Международной научно-практической конференции «Новые профсоюзы и демократические левые: исторические корни и идейные ориентиры» Украина, Киев, 2-3 ноября 2013. — М.: Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской. Ноябрь 2013. 39 с.

Г.Я.Ракитская — учёный и мыслитель очень крупного масштаба. Она обладала прекрасной базовой подготовкой, уникальными способностями к фундаментальным исследованиям, научным и гражданским мужеством, необыкновенной аккуратностью мысли и щепетильностью в точности постановок и выводов. Её научные разработки шли в ногу со временем.

Редко кто из обществоведов идёт в своих разработках в ногу со временем. Многие суетятся, подстраиваются под уровень массового сознания или, ещё чаще, под видение ситуации и перспектив властями. На таком типичном общем фоне действительно глубокие, классические и основополагающие разработки кажутся преждевременными, неактуальными, несколько не от мира сего. То, что идёт в ногу со временем, заметно опережает массово замечаемое и модное.

Это весьма прискорбно. Многое действительно ценное затирается суетой мысли и зрящной поверхностной полемикой (суесловием). История знает примеры воистину классических инновационных прорывов, которые не были не то что оценены по достоинству, а даже просто замечены современниками, как говорится, в упор. Среди ярких примеров — научная судьба Уильяма Годвина (1756-1836) и его «Исследования о политической справедливости и её влиянии на всеобщую добродетель и счастье» (1793)[25].

---

[25] Вот как пишет об этом П.В.Рябов: «Не будет преувеличением сказать, что Годвин на полвека опередил своё время, ибо эпоха либертарного социализма, эпоха соединения идеи социализма с идеей свободы — в анархическом учении — наступила лишь в 40-е годы XIX века. …Забежав на много десятилетий вперёд, Годвин уготовил себе и своим идеям странную и своеобразную судьбу: после короткого всплеска известности, его книга была забыта в Европе…Опередив своё время, Годвин оказался вне столбовой дороги развития мировой анархической мысли. Штирнер, Прудон и Бакунин практически не были знакомы с идеями своего английского предшественника … и сами

Я всерьёз беспокоюсь, что классические обществоведческие работы Г.Я.Ракитской может постигнуть похожая судьба. Нет сомнений, что все те рубежи, на которые благодаря трудам Г.Я.Ракитской выдвинулось новое, современное, целостное обществоведение, будут рано или поздно освоены вновь и превзойдены. Но сделано это может быть быстрее и успешнее, если те, кто пойдёт дальше нас, будут опираться на подходы, постановки и достижения Г.Я.Ракитской.

Галина Яковлевна Ракитская, несомненно, один из самых сильных обществоведов России и мира с 1970-х годов по настоящее время. А тем не менее, в современных дискуссиях обществоведов и в современной обществоведческой литературе ссылок на её труды не так уж много. Объясняется это, по-моему, вот чем: калибр постановок, аргументов и выводов в трудах Г.Я.Ракитской гораздо крупнее, нежели присущий работам большинства современных обществоведов. Создаваемый и воспроизводимый современными обществоведами контент не вмещает в себя столь крупных мыслей. Остаётся лишь надеяться, что идеологические, методологические и теоретические труды Галины Яковлевны чем дальше, тем больше будут становиться востребованными. Уже сейчас они являются существенным подспорьем для серьёзных исследователей весьма широкого спектра общественных проблем и процессов. Следующее поколение исследователей-обществоведов найдёт в трудах Г.Я.Ракитской ещё большую опору для своих инновационных подходов.

совершенно самостоятельно приходили к положениям, аргументации и выводам, зачастую повторяющим годвиновские. И лишь Кропоткин, уже сформулировав основы собственного учения, в зрелые годы вновь «открыл» Годвина для анархизма и обнаружил в нём великого предтечу анархической мысли». (Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). — М.: «Вузовская книга». 2007. Стр. 12-13.

В одной из наших совместных работ есть посвящение: «Тем, которые к 2030-2040-м станут основоположниками и лидерами нового обществознания». Я уверен, что это посвящение подходит для всего научного творчества Галины Яковлевны Ракитской.

Июль 2014. Москва.

1975
=======

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

В статье рассматриваются проблемы социально-экономической направленности научно-технического прогресса, выступающей в качестве объективной закономерности его развития при социализме. Практическое осуществление этой направленности является одной из функций социалистического государства. Автор анализирует структуру процесса обеспечения социально-экономической направленности научно-технического прогресса, предлагает определённые принципы совершенствования его планирования.

В статье рассматриваются возможные пути решения задачи органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

XXIV съезд КПСС поставил перед практикой хозяйственного строительства в нашей стране важнейшую задачу – «органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства». Этой задаче должны быть подчинены и наши теоретические исследования. Необходимо выявить возможности и преимущества социализма перед капитализмом в деле обеспечения социально-экономических условий осуществления научно-техниче-ского прогресса и наметить соответствующие пути и методы их реализации.

Исследование взаимосвязи закономерностей научно-технического прогресса и социально-экономических условий его протекания – существенное звено в решении этой научно-практической задачи.

Некоторое время назад в нашей экономической и философской литературе названная взаимосвязь рассматривалась, как правило, лишь со стороны социально-

экономических последствий научно-технической революции. Подчеркивалась преимущественно зависимость социально-экономических явлений и отношений от тех изменений в области производства, которые происходят под влиянием научно-технического прогресса.

Разумеетсся, исследования таких последствий имеют весьма важное значение. Но это лишь один аспект проблемы, не охватывающий других, не менее важных взаимосвязей. При таком подходе остаётся невыявленным, идёт ли научно-технический прогресс как процесс, обусловленный социально-экономическими закономерностями, или же он осуществляется как процесс, не зависящий от этих закономерностей, а зависящий лишь от закономерностей развития самой науки, техники и технологии.

Нельзя не отметить, что в литературе неизменно отмечается коренная противоположность как социально-экономических целей, так и социально-экономических условий протекания научно-технического прогресса при социализме и капитализме. Однако, на наш взгляд, не всегда достаточно полно раскрывается та особенность названной противоположности, которая связана с активностью социалистического государства в деле осуществления научно-технического прогресса. Различия социально-экономических последствий при реализации одних и тех же научно-технических открытий при социализме и капитализме достигаются отнюдь не автоматически, а благодаря организующей и направляющей деятельности социалистического государства. Марксизм-ленинизм исходит из революционной роли производительных сил в развитии общественного производства, но в то же время он решительно отвергает идеи стихийности, автоматизма в развитии общества, обосновывает обязательность планомерной формы развития социалистического общества, ведущую, определяющую роль централизованного руководства хозяйством, а стало быть, и строгую целенаправленность научно-технического прогресса при социализме.

Позитивные результаты научно-технического прогресса в условиях социализма достигаются планомерно.

Эффективное их использование в соответствии с целями общества возможно лишь в том случае, если научно-технический прогресс протекает как процесс, сознательно направленный на достижение этих целей. Такое перемещение акцента с последствий на социально-экономическую целенаправленность и планируемые результаты научно-технического прогресса в большей мере соответствует сути социализма.

Вопрос о целенаправленности научно-технического прогресса превращается в особо актуальную проблему в связи с возрастающей многовариантностью возможностей (направлений, темпов и т. п.) прогресса в технике, технологии и организации производства, порождаемой научно-технической революцией. В нынешних условиях, когда крупные открытия совершаются более или менее одновременно почти во всех областях науки, когда возникла и развивается разветвлённая система прикладных, экспериментальных наук, тесно связанных с фундаментальными, когда, наконец, наука превратилась в непосредственную производительную силу общества, – в этих условиях не только возможна, но и необходима комплексная производственная революция.

Нередко говорят о второй промышленной революции, но такая трактовка не улавливает самого характерного для совершающихся ныне процессов: в отличие от промышленного переворота XVIII—XIX вв. современный переворот в технике, технологии и организации производства охватывает отнюдь не только промышленность, но более или менее одновременно все без исключения отрасли хозяйства, причём как материальное производство, так и связанное с ним производство духовных благ. Ныне совершается (уже совершается, хотя это ещё, пожалуй, начальная стадия великого процесса) коренной переворот в производстве, во всех его отраслях – комп-лексная производственная революция.

Что нового привносят эти изменения в традиционный вопрос о направлениях научно-технического прогресса? Ещё 20—30 лет назад вопрос этот решался относи-

тельно однозначно. Созревали условия для крупного переворота в той или иной сравнительно отчётливо ограниченной области производства, и на более или менее длительный период определялась сфера (комплекс) отраслей, обеспечивающих научно-технический прогресс всего хозяйства. Исходя из этого, в 20-х годах ставился вопрос об электрификации, позднее – о развитии машиностроения, химии, радиоэлектроники и т. д. Однако с конца 50-х – начала 60-х годов возможности решать подобным образом вопросы направления научно-технического развития объективно были исчерпаны. Практика формирования отраслевой структуры производства столкнулась с необходимостью вместо вычленения так называемых прогрессивных отраслей намечать комплексные программы научно-технического прогресса, т. е. разрабатывать планы осуществления комплексной производственной революции, а не только планы развития некоторых новых отраслей в дополнение к уже имеющимся. На деле эта объективная потребность долгое время оставалась неудовлетворённой, что сразу же стало отрицательно сказываться на эффективности производства, не позволяя полностью использовать возможности её роста.

Комплексный характер современных научно-технической и производственной революций открывает перед хозяйством спектр реально возможных вариантов развития. Время, необходимое для внедрения крупных новшеств, резко сокращается, зависимость от невоспроизводимых ресурсов уменьшается, возможности кардинально изменять структуру производства в сравнительно короткие сроки возрастают. Это делает доступными для практического осуществления различные варианты научно-технического развития.

В литературе иногда оспаривается факт сокращения времени на внедрение крупных новшеств. При этом ссылаются на удлинение сроков осуществления мероприятий в области научно-технического прогресса, которыми оперирует народнохозяйственный план. Известно, например, что на осуществление крупных программ, таких, как

освоение топливных ресурсов Западной Сибири, создание новых поколений ЭВМ, программ исследований космоса и т.д., требуется 15–20 и даже более лет. Однако эти ссылки не учитывают того обстоятельства, что само включение в план подобного рода мероприятий или программ становится возможным благодаря резкому сокращению сроков, необходимых для их реализации. Масштаб мероприятий, считающихся средними, возрос, а средние сроки их осуществления абсолютно увеличились, но относительно, на одну и ту же величину народно-хозяй-ственного эффекта, они сократились.

Расширение объективных возможностей многовариантности развития ведёт либо к дополнительным выгодам, либо к дополнительным трудностям для хозяйственного развития в зависимости от того, в какой социально-экономической обстановке происходит научно-технический прогресс. Обстановка же эта в решающей мере зависит от господствующего в обществе типа кооперации общественного труда. Один тип – стихийная кооперация, другой – планомерная кооперация общественного труда.

В условиях стихийной кооперации хозяйствующие субъекты предпринимают действия, не увязанные достаточно однозначно с закономерностями развития всего общественного хозяйственного организма. Подобный тип кооперации неизбежно приводит к неоптимальным хозяйственным решениям, к растрате значительной части хозяйственных ресурсов. В чистом виде стихийная кооперация общественного труда присуща домонополистическому капитализму. Что касается современного капитализма, то он модифицирует этот стихийный тип кооперации путём применения разнообразных методов государственно-монополистического прогнозирования, программирования, регулирования и т. п. Существует (и она отмечена в литературе) принципиальная ограниченность капиталистических методов регулирования хозяйственной жизни общества. Однако даже в условиях общего кризиса капитализма буржуазия всё еще находит и реализует определённые потенции частнокапиталистической систе-мы,

добиваясь в период между спадами некоторого роста производства. При этом особо крупная ставка делается на «снятие сливок» с процесса научно-технической революции, т. е. на одностороннее использование крупных открытий и новшеств без учёта дальнейших последствий их реализации.

В этих условиях речь идёт уже не столько о доказательстве преимуществ планомерности перед стихийностью (это ныне всё реже подвергается сомнениям), сколько о доказательстве преимуществ социализма в деле практического осуществления планомерности.

Преимущества социализма перед современным капитализмом в обеспечении научно-технического прогресса, на наш взгляд, в решающей степени связаны с осуществлением последовательного централизма, с возможностями исключить стихийность в развитии, с планомерным выбором и реализацией оптимальных вариантов научно-технического прогресса, с использованием таких путей его оптимизации, которые связаны с развёртыванием инициативы и активности как производственных коллективов, так и каждого из работников. Иначе говоря, речь идёт о преимуществах социалистического планирования и демократического централизма. Задачу общетеоретического выявления отмеченных преимуществ в целом можно считать решённой. Главное сейчас заключается в том, чтобы более конкретно сформулировать принципы использования этих преимуществ в современных условиях СССР.

Сравнительный анализ социально-экономических условий научно-технического развития производства при социализме и капитализме позволяет дать правильную оценку взаимосвязи возрастающих возможностей многовариантности научно-технического прогресса с эффективностью производства и потребностями обеспечения социально-экономической направленности выбора и осуществления того или иного варианта развития.

Если объективно возможным становится множество вариантов развития производства, то в условиях стихий-

ной кооперации увеличивается и вероятность замедления его темпов, а также возрастают масштабы нерациональных затрат ресурсов. Стихийность, которая имела место в XIX в. (когда действовали тысячи предпринимателей, руководствуясь исключительно текущей рыночной конъюнктурой), в условиях современного научно-технического прогресса уже не существует, по крайней мере в сфере научно-технических решений стратегического порядка. Что касается повседневных рационализаторских усовершенствований в локальных сферах, то они сейчас могут осуществляться мелкими предпринимателями. Именно это и составляет реальную базу конкуренции в отношении технических, технологических и организационных решений в сфере мелкого бизнеса. Однако темпы и направления научно-технического прогресса в условиях современного капиталистического производства определяют не мелкие бизнесмены, а монополии и капиталистическое государство.

Решения, принимаемые в условиях современного государственно-монополистического капитализма, исходят, как правило, из определённой, заранее намеченной стратегии развития. Следовательно, они предполагают выбор того или иного варианта (или ограниченного числа вариантов) из множества объективно возможных. Современный государственно-монополистический капитализм создал свой определённый механизм выбора направлений научно-технического прогресса. Неустранимые противоречия капиталистического строя, коренящиеся в частной собственности на средства производства, резко ограничивают эффективность этого механизма, но тем не менее известная направленность научно-технического прогресса, разумеется, в соответствии с целями буржуазного общества, всё же достигается. В связи с этим обеспечение определённой направленности научно-технического прогресса мы можем рассматривать как явление, свойственное не только социалистическому, но и вообще современному мировому хозяйству. Участие в этом мирохозяйственном процессе государств (экономик) с различным

общественным строем осуществляется, с одной стороны, в форме научно-технического сотрудничества, а с другой – в форме экономического соревнования двух мировых систем, в том числе и в области научно-техниче-ского прогресса. В Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде партии отмечалось, что «ныне, резко усилилась роль такой сферы классовой борьбы между социализмом и капитализмом, как экономическое и научно-техническое соревнование двух мировых систем»[26].

Возрастающие возможности многовариантности научно-технического прогресса ставят перед капитализмом всё более сложные проблемы преодоления центробежных тенденций в принятии и осуществлении решений стратегического порядка. Социалистическому хозяйству этот круг проблем чужд, ибо наше хозяйство есть последовательно централистское хозяйство, и всякие центробежные тенденции исключены при действительно демократическом характере централизма. Поэтому вся сумма усилий нашего государства в области научно-технического прогресса может быть направлена на выбор наилучшего из возможных вариантов. Последовательно демократический централизм обеспечивает то важное преимущество, что социалистическому хозяйству доступен любой из объективно возможных вариантов научно-технического прогресса, что ни один из этих вариантов не может встретить препятствий для своей реализации по причине расхождения интересов общества в целом с интересами отдельных его звеньев, частей. В отличие от капитализма, где возможности выбора того или иного варианта существенно сужены вследствие глубины и антагонистичности экономических и социальных противоречий, социализм обеспечивает наибольший простор для принятия и осуществления стратегических решений в области научно-технического развития производства.

При определении принципов и конкретных методов

---

[26] Материалы XXIV съезда КПСС, М., Политиздат, 1971, с. 39.

использования преимуществ социализма в деле обеспечения научно-технического прогресса следует учитывать и тот положительный опыт капиталистических стран, который является результатом их попыток применения элементов централизма и планирования (программирования). Подобный опыт в социалистической экономике может быть использован с гораздо большим эффектом. В то же время весьма важно исследовать особенности критерия (или системы критериев), которые в условиях современного капитализма предопределяют выбор реализуемого варианта научно-технического прогресса. Эти исследования позволили бы определить обычную, среднюю степень оптимальности научно-технических решений в условиях капитализма. Они также показали бы, с какой степенью осторожности должны мы учитывать зарубежный опыт и использовать его в прогнозировании научно-технического развития социалистического производства. На наш взгляд, мы в этом деле пока что руководствуемся в основном субъективными соображениями, хотя и стараемся путём суммирования (агрегирования) множества экспертных оценок зарубежного опыта исключить различ-ные субъективные моменты. По-видимому, экономическая наука должна разработать более строгие, более обоснованные методы.

Содержание социально-экономической направленности научно-технического прогресса может быть определено как единство двух процессов:

– определения социально-экономических целей (ориентиров) научно-технического прогресса;

– обеспечения подчинённости научно-технического развития производства поставленным социально-экономическим целям.

Прежде чем рассматривать более подробно каждую из сторон такого органического единства, следует чётко определить временной горизонт, в пределах которого будет вестись это рассмотрение и в пределах которого, следовательно, будут значимы полученные выводы.

Научно-технический прогресс можно рассматривать

как «вторую производную» развития производительных сил, т. е. как фактор ускорения их развития. Разумеется, от этого ускорения уровень развития производительных сил зависит таким образом, что с течением времени он изменяется настолько значительно, что требуется изменение и социально-экономической формы их развития, смена способа производства. Научно-технический прогресс может быть рассмотрен в плане его взаимосвязи со сменой типов производственных отношений. Этот аспект мы оставляем в стороне, не рассматривая вопрос о том, как изменяется направленность научно-технического прогресса в период смены одного социально-экономического строя другим. Для нас важен иной аспект – вопрос о направленности научно-технического прогресса в пределах одного и того же способа производства, т. е. в рамках качественно неизменной системы социально-экономических целей и качественно единого механизма подчинения научно-технического развития производства этим целям. Речь пойдет о свойственных социализму соци-ально-экономических целях и присущих ему способах подчинения научно-технического прогресса этим целям.

Известно, что стратегическая социально-экономическая цель развития при социализме заключается в ликвидации существенных классовых различий и постепенном переходе к бесклассовому коммунистическому обществу. На XXIV съезде КПСС ещё раз было подчеркнуто, что в области социальной политики главной линией партии является «дальнейшее сближение классов и социальных групп»[27]. «Политика партии, – отмечалось на съезде, – направлена на то, чтобы содействовать сближе-нию рабочего класса, колхозного крестьянства, интелли-генции, постепенному преодолению существенных разли-чий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом»[28].

Приняв это твёрдое определение общего направ-

---

[27] ***Материалы XXIV съезда КПСС, с. 317.***

[28] ***Там же, с. 72.***

ления общественного прогресса, мы далее должны проследить его конкретные проявления в сфере регулирования процессов научно-технического совершенствования производства.

Принципиально важно научно обосновать и усвоить идею непосредственной взаимосвязи отмеченной выше социально-экономической цели (движение к бесклассовому обществу) с развитием производительных сил при социализме. Сближение социально-экономического положения классов, слоёв, социальных групп – это главная цель, которой при социализме должно быть подчинено развитие производительных сил.

Тем не менее эта главная социально-экономическая цель нередко оставляется в нашей литературе без должного внимания, и процесс развития производительных сил выглядит просто как наращивание мощностей, ресурсов, как усложнение отраслевой структуры в ходе освоения новых производств и т. д. Важнейшее значение социально-экономической цели подчеркивается, пожалуй, лишь в определении этого процесса как процесса создания материально-технической базы коммунизма. Но сама категория материально-технической базы коммунизма недостаточно раскрыта в аспекте социально-экономических результатов развития производительных сил, а потому связь их развития с социально-экономическими целями указывается очень неотчётливо.

В настоящее время перед экономической наукой среди других проблем развитого социализма стоит задача исследования критериев материально-технической базы коммунизма и этапов её создания. В этих исследованиях прежде всего должен быть решён вопрос о характере критериев. Технический уровень развития производства, характеристики производственных и потребительских свойств производимой продукции сами по себе, непосредственно не могут выполнять роль указанных критериев. Не могут быть ими (критериями) и чисто экономические характеристики общественного производства (количественные значения различного рода показателей), например, объём

национального дохода, уровень производительности труда, общий объём производства, объём производства различных видов продукции и т. п. Такие характеристики стирают как в теоретическом плане, так и в плане практической значимости существенные различия, прин-ципиально качественные отличия материально-техниче-ской базы социализма и коммунизма и материально- тех-нической основы современного капитализма.

Строгие научные критерии материально-технической базы коммунизма могут быть даны лишь посредством определения системы социально-экономических целей, которые необходимо достигнуть на её основе. Таким же должен быть и характер критериев различных этапов её создания. Система социально-экономических результатов, которые достигаются благодаря созданию материально-технической базы коммунизма, – вот её адекватное описание как качественно определённого состояния производительных сил. Многое для этого описания уже подготовлено.

Однако для определения программы дальнейшего развития производительных сил ещё требуется значительная конкретизация социально-экономических целей. Эту проблему следовало бы обсудить подробнее.

Сейчас всё чаще ставится вопрос о ранжировании социально-экономических целей с тем, чтобы получить четкие критерии для сравнения как прогнозных, так и плановых вариантов. Собственно говоря, в такой постановке вопроса на первый взгляд нет ничего принципиально нового: речь идёт о сравнении важности различных общественных потребностей. Никакое планирование невозможно без этого. Практика планирования в СССР даёт примеры четкого ранжирования целей. Уместно вспомнить здесь о ленинском определении основного звена в период перехода к нэпу, о генеральной линии КПСС на индустриализацию и т. п. Так что принципиально задача ранжирования целей – это задача, в решении которой уже накоплен немалый опыт. Вместе с тем новые условия хозяйственного развития заставляют по-новому ставить многие

уже знакомые по прошлому опыту задачи, в том числе и задачу сопоставления важности различных целей (ранжирования их).

В настоящее время объективно существует гораздо более широкая, чем раньше, степень свободы выбора вариантов развития. Возросла роль взаимозаменяемости средств (ресурсов), причём маневрирование средствами и ресурсами тем более возможно и реально, чем о большем сроке развития идёт речь. Однако каковы же критерии определения наиболее целесообразных вариантов из практически равно возможных?

Эти критерии сравнительной оценки вариантов, не допускающие какого-либо произвола, лежат в области социально-экономических целей. Общее определение этих целей, о чём говорилось выше, объективно. Но конкретная система более детализированных целей допускает известную их взаимозаменяемость, известное варьирование в сроках их достижения и в установлении очерёдности. Ранжирование целей – это проблема определения объективно возможных границ варьирования в области конкретных целей в рамках объективно обусловленной общей социально-экономической цели. Говоря на языке примеров, это проблема определения того, возможно ли, скажем, отложить развитие туризма до полного удовлетворения потребностей в жилье, а эту последнюю проблему решать быстрее, чем развивать розничную торговлю или осуществлять автомобилизацию и т. д. В итоге ранжирования целей мы устанавливаем объективную сравнительную меру для различного рода конкретных процессов. Именно такими сегодня и представляются научные методы планомерного обеспечения пропорциональности развития.

Всё вышесказанное прямо подводит к постановке вопроса о социально-экономических целях (ориентирах) научно-технического прогресса. Этот прогресс рассматривается как резерв ускорения развития производительных сил, а его плановый характер обеспечивает ему роль планового фактора экономического роста. Отсю-

да вытекает особая важность целей, которые должны быть поставлены перед научно-техническим прогрессом как фактором обеспечения решения плановых задач. Собственно говоря, научно-технический прогресс и не может быть фактором обеспечения плановых пропорций, если не будет заранее установлено, в каких направлениях он должен развиваться, в какие плановые сроки, в какой мере и т. д. В условиях ускорившегося научно-техниче-ского развития производства планировать его можно лишь с учётом предстоящих в пределах планового периода изменений. Если же заранее всё строго детализировать, то можно упустить лучшие варианты совершенствования, которые обнаруживаются после составления плана. В условиях многовариантности развития жёстко зафиксиро-ванными в плане могут быть либо плановые цели, либо средства их достижения, но не то и другое одновременно. Разработка основных направлений социально-экономи-ческой политики на XXIV съезде КПСС послужила силь-ным импульсом для совершенствования планирования по линии более глубокого обоснования главных социально-экономических целей (задач) народнохозяйственных пла-нов. Возрастает значение социально-экономических целей в разработке плана, благодаря чему в планировании научно-технического развития производства создаётся большой простор для выбора вариантов быстрейшего достижения этих целей.

Если мы говорим, что нельзя одновременно и жёстко (однозначно) фиксировать в плане и социально-экономические цели, и производственные средства их достижения в условиях быстрого научно-технического прогресса (по крайней мере настолько быстрого, что нереально рассчитывать на выполнение плана с помощью той техники и организации, которая достигнута к началу планового периода), то это вовсе не значит, что план вообще не может включать мероприятий по обеспечению научно-технического прогресса, что этот прогресс должен пойти самотёком. Дело в том, что в плане невозможно однозначно предусмотреть научно-технические и органи-зационные

решения, которые будут использованы как средство ускорения развития производительных сил в течение планового периода. Эта невозможность в период составления плана однозначно определить на весь планируемый период (особенно длительный) перечень новых решений, которые будут использованы, не отрицает планового характера научно-технического развития про-изводства при социализме, она лишь придаёт планомер-ности этого процесса своеобразные формы и заставляет использовать в управлении научно-техническим прогрес-сом специфические методы.

Специфика заключается, на наш взгляд, в том, что центр тяжести должен быть перенесён с определения конкретного перечня мероприятий на чёткое определение направлений научных, технических и организационных решений. План должен оставлять достаточную свободу для замены одного решения другим в интересах оптимизации развития. Однако эта свобода может возрастать не иначе, как по мере всё более строгого и всё более научно обоснованного определения целей (результатов), того эффекта, который должен быть достигнут в течение пла-нового периода за счёт научно-технического прогресса.

В комплексе средств, обеспечивающих подчинённость научно-технического прогресса поставленным социально-экономическим целям, планирование является одним из важнейших, но не единственным. Нельзя осуществлять перестройку планирования научно-технического прогресса в отрыве от других форм и методов управления этим процессом. Необходимые конкретные формы хозяйственного руководства научно-техническим развитием производства могут быть выявлены на основе научных исследований в двух направлениях: исследований общих закономерностей управления любым процессом в народном хозяйстве и исследований специфических особенностей такого явления, как научно-технический про-ресс.

В отношении научно-технического прогресса, как и любого другого процесса в экономике, социалистическое государство должно осуществлять весь комплекс функций

по управлению. Этот комплекс помимо планирования включает, на наш взгляд, также функцию слежения и фиксации существующего положения; функцию научного анализа прежних тенденций, достигнутых результатов и имеющихся недостатков; функции прогнозирования, нормирования и организации; контроля и регулирования процесса выполнения планов. Для обеспечения выполне-ния решений, принимаемых в области управления, применяются присущие социализму методы воздействия на хозяйственные звенья, которым эти решения адресуются, а именно: директивные методы и стимулирование.

Все функции и методы в системе управления должны быть чётко взаимоувязаны. Выполнение каждой из этих функций должно обеспечивать информацию, необходимую и достаточную для выполнения других, связанных с ней функций. Особое внимание следует уделить системе обратных связей, обеспечивающей подготовку и принятие решений соответствующей информацией о ходе процесса и степени достижения поставленных целей.

Учёт особенностей научно-технического прогресса призван способствовать формированию специфических форм осуществления перечисленных выше функций и методов. Так, для выполнения функций слежения и фиксации должны быть разработаны соответствующие системы учетно-статистических показателей, прогнозирование научно-технического прогресса необходимо осуществлять с помощью комплексных многовариантных прогнозов, нормирование – в форме единой технической политики. О принципах перестройки планирования научно-технического прогресса было сказано выше; конкретные его формы должны включать наряду с другими и комплексные программы научно-технического развития, и специфическую систему показателей научно-технического прогресса в народнохозяйственном плане, планах отраслей, объединений и др. Функция организации научно-технического прогресса должна, с одной стороны, ориен-тироваться на структуру самого этого процесса, включающего такие элементы, как научные исследования, проектно-конструк-

торские разработки, выпуск новых видов техники, её внедрение в производство и т. д. С другой стороны, она состоит в определении структуры хозяйст-венных звеньев, осуществляющих научно-технический прогресс. С учётом специфики научно-технического прогресса должны формироваться и методы воздействия на хозяйственные звенья, действующие в этой области.

Как видим, обеспечение подчинённости научно-технического прогресса социально-экономическим целям – дело весьма сложное. С одной стороны, необходимо комплексно использовать все функции, методы и формы управления, обеспечивая при этом дальнейшее их развитие. С другой стороны, объективно требуется, чтобы комплекс функций, форм и методов не только охватывал каждое конкретное направление прогрессивных изменений в производстве, каждый элемент научно-технического прогресса и каждое конкретное звено, осуществляющее этот прогресс, но и обеспечивал единство всех этих направлений, процессов и звеньев с тем, чтобы добиться более высоких темпов научно-технического прогресса в народном хозяйстве.

Печатается по
«Известия Академии наук СССР. Серия экономическая»
1975. №4. Стр. 19-28.

1975

=======

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ВЫБОРА НАПРАВЛЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

В последнее время в экономической литературе все настоятельнее ставится вопрос о необходимости измерения не только экономического эффекта от внедрения новой техники, но и социального. Предложены определённые подходы к учёту социальных факторов при оценке эффективности научно-технического прогресса, разрабатываются методы стоимостной оценки некоторых из них[29].

В чём актуальность проблемы социально-экономической эффективности научно-технического прогресса? Почему сейчас нельзя ограничиваться исследованиями только его экономической эффективности? Следует сразу оговориться, что на всех этапах развития социалистического общества направленность научно-технического прогресса носила социальный характер, отвечала определённым общественным целям. Однако в специфических условиях строительства социализма в СССР, неразвитости экономики после революции, потребности форсировать индустриализацию, в военные годы и послевоенный восстановительный период развитие производительных сил было главной, первоочередной задачей социально-экономического развития. В этих особых условиях показа-

---

[29] См., например, М.Виленский. О критериях экономической эффективности новой техники ("Вопросы экономики", 1974, № 10; Б.Вайнштейн. Об оценке социальных результатов научно-технического прогресса ("Вопросы экономики", 1974, № 2; Б.М.Гринчель. Измерение эффективности научно-технического прогресса. М., "Экономика", 1974; и др.

тели развития производительных сил становились важнейшими критериями социально-экономического развития. При разработке методов оценки эффективности развития в этот период усилия экономистов были направлены, главным образом, на методы выбора наиболее экономичных путей и способов достижения однозначно задаваемых объёмно-структурных результатов функционирования производства.

В условиях развитого социализма и процесса создания материально-технической базы коммунизма общество ставит перед экономикой одновременно широкий спектр задач, требующий комплексной, интегральной оценки результатов и эффективности развития производства. В то же время в эпоху научно-технической революции усиливается воздействие технического прогресса на социальные результаты общественного производства, возрастает объективная возможность развития производства разными путями, с различными социальными последствиями. В плановом социалистическом хозяйстве всё чаще и настоятельнее возникает проблема выбора таких вариантов, которые в наибольшей степени отвечают объективным общест-венным целям.

При исследовании социально-экономической эффективности научно-технического прогресса при социализме в первую очередь должна быть решена задача научного обоснования социальных критериев его эффективности. Это позволит правильно подойти к разработке методологических принципов и конкретных методов оценки эффективности (социально-экономической эффективности) того или иного варианта развития.

Объективная вариантность научно-технического развития производства может быть рассмотрена двояко. Во-первых, она может быть рассмотрена как явление, свойственное относительно самостоятельному (по отношению к социальным формам общественного производства) движению производительных сил. Это техническая или точнее ***технико-экономическая*** вариантность.

Уровень развития науки, техники и производства в значительной степени определяет дальнейшие пути, по которым развивается наука и происходит научно-техническое совершенствование производства. Однако эта предопределённость, имея характер объективной закономерности, не является жестко детерминированной, когда каждый следующий шаг целиком зависит от предыдущего. Объективные закономерности определяют лишь самые общие возможности человека в познании природы и общества, лишь самые общие направления в совершенствовании общественных производительных сил в пределах того или иного исторического периода.

Каждое крупное открытие или изобретение, каждый значительный переворот в производстве открывает новые пути и горизонты, и эти открытия и перевороты совершаются тем чаще и быстрее, чем выше общий уровень развития науки и производительных сил, чем больше степень овладения природой. В пределах этого изменяющегося в ходе истории уровня возможны различные варианты научно-технического совершенствования производства. В отдельных случаях по причинам естественно-стихийного, а также социального порядка научно-технический прогресс может не только тормозиться, но сменяться застоем, регрессом, разрушением производительных сил (например, войны, кризисы). В очерченных границах варианты технического развития могут отличаться друг от друга научными идеями, техническим воплощением, сроками реализации, характером и объёмом затрачиваемых ресурсов и т.п.

Эта технико-экономическая вариантность возрастает в современных условиях. Научно-техническая революция, ускоряя развитие производительных сил, расширяя область общественных сфер применения современной науки и техники, тем самым раздвигает гносеологические и производственные границы вариантности направлений научно-технического прогресса, увеличивает множество объективно возможных вариантов развития производства.

В той мере, в какой эти варианты безразличны к социальным формам движения, к социальным ориентаци-

ям общественной системы, они могут рассматриваться как различия чисто технического (технико-экономического) порядка. Выбор того или иного варианта из вариантов подобного рода при социализме правомерно осуществлять по традиционным экономическим критериям, сопоставляя величины экономии затрат общественного труда по отдельным вариантам.

Во-вторых, вариантность научно-технического прогресса должна быть рассмотрена в плане ***социально-допустимой*** вариантности. Этот аспект существенно модифицирует оценки степени эффективности варианта. Модификация оценок связана с изменением ***критериев***.

Социальная граница применения достижений научно-технического прогресса определяется целями общественной системы, в рамках которой протекает развитие производительных сил. Это весьма своеобразная граница, её сущность состоит не просто в отсечении вариантов, непригодных по существующим социальным нормам, а, главное, в определённом ориентировании научных и технических поисков, обеспечении направленности развития производительных сил на определённые социальные цели.

Социальная направленность научно-технического прогресса при социализме заключается в его подчинённости построению материально-технической базы коммунизма.

Цель построения коммунистического общества, ликвидации существенных классовых и других социально-экономи-ческих различий предъявляет к масштабам и характеру материально-технической базы коммунизма такие важнейшие требования, как огромный производственный потенциал, высокий общий технический уровень, равная техническая оснащённость всех профессий и видов деятельности. Уровень технического развития должен обеспечить ликвидацию вредного и тяжёлого физического труда, монотонных, нетворческих видов труда.

Объективно обусловленные социальные идеалы должны быть конституирующим фактором и производ-

ственно-отраслевой структуры материально-технической базы. Социализму и, тем более, коммунизму принципиально чужды идеалы потребительнкого общества с мещански-ограниченным характером быта. При формировании производственно-отраслевой структуры изменениями социально-прогрессивного порядка следует считать такие, которые обеспечивают не только высокий уровень материального благосостояния, а свободное всестороннее развитие человека – развитие и удовлетворение его профессиональных и других творческих способностей и интересов, разнообразие в видах отдыха, существенное облегчение труда по выращиванию и воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства, развитие и удовлетворение эстетических потребностей, потребности в социальной активности и т.д.

Комплекс требований к материально-технической базе коммунизма должен разрабатываться в процессе интенсификации фундаментальных исследований существенных черт развитого социализма и путей его перерастания в коммунизм.

Социальным критерием выбора варианта научно-технического развития производства в общеметодологическом плане является, на наш взгляд, ***степень продвижения (посредством изменений в материально-технической базе общества) по пути к социально-экономическому равенству и свободному всестороннему развитию членов общества.*** При отсутствии различий между вариантами по этому критерию выбор упрощается до использования только экономических критериев, ориентирующих на максимальную экономию общественного труда.

В реальной хозяйственной жизни и особенно в народнохозяйственном планировании число ситуаций фактического совпадения узкоэкономического критерия с критерием социальным незначительно. Непременным условием правомерности применения критериев экономической эффективности является равнозначность для общества социальных параметров сравниваемых вариан-

тов[30]. Но даже наиболее простые и распространённые в планировании альтернативы – производить те или иные продукты для удовлетворения материальных личных потребностей породили весьма сложную и нерешённую до сих пор теоретическую проблему, известную как проблема соизмерения полезности различных благ. Эта проблема есть не что иное как отражение реально существующей необхо-димости оценки и сравнения различных социальных результатов функционирования производства, которые проявляются в данном случае в форме различного влияния тех или иных благ на степень удовлетворения личных потребностей.

Конечно, экономические критерии должны использоваться и на стадии прогноза, и на стадии составления плана, и в процессе его реализации, если все рассматриваемые варианты в равной степени отвечают первоочередным общественным потребностям, вытекающим из необходимости социальной направленности развития. Только такой предварительный анализ ситуации по социальным критериям, но не сама по себе включённость (запись) объёмно-структурных показателей в план гарантирует непротиворечивость экономической и социальной оценок.

Более конкретное рассмотрение сформулированного выше критерия социальной эффективности научно-технического прогресса приводит к необходимости разработки оптимальной стратегии продвижения к главной социальной цели. При наличии такой стратегии отдельные научно-технические мероприятия получат оценку соци-

---

[30] Равнозначность может существовать в форме равнорезулътативности (полного совпадения социальных результатов) и в фюрме равноприемлемости на основе соответствия различных результатов общественным целям. Эта вторая форма предполагает, что есть цели, в равной степени настоятельные для общества, и поэтому обществу безразлична очерёдность их достижения.

альной эффективности, соответствующую степени их адекватности оптимальной стратегии. Последняя должна быть ориентирована на качественный аспект развития, этапами которого являются достижения тех или иных социальных результатов, удовлетворение тех или иных социальных потребностей, выступающих в качестве условий и средств построения коммунистического общества[31] .

В связи с такой постановкой следует особо остановиться на категориях "социальные результаты" и "социальные потребности", поскольку в литературе, посвящённой изучению системы потребностей при социализме, а также специально рассмотрению социальных результатов научно-технического прогресса, нет однозначного понимания этих категорий.

Под социальными потребностями очень часто понимаются потребности личные, и выделяются они наряду с личными материальными (физическими) и личными духовными (культурными, интеллектуальными) потребностями[32]. Считается, что при помощи материальных благ (вещных продуктов и услуг) удовлетворяются материальные потребности, при помощи духовных (услуги просвещения, культуры и т.п.) – духовные, все другие потребности –

---

[31] "Для концепции общественно-экономического развития на длительную перспективу первостепенное значение имеет качественное определение основных этапов и последовательности решения важнейших социальных задач: развития форм общественной собственности, изменения классовой структуры общества, достижения социальной однородности труда, а в дальнейшем и коммунистического равенства в распределении, выравнивания уровня экономического и культурного развития всех наций и национальностей СССР" (В.Н.Кириченко. .Долгосрочный план развития народного хозяйства СССР. М.."Экономика", 1974, стр. 167).

[32] Подробный анализ различных классификаций потребностей дан в работе Б.М.Левина «Социально-экономические потребности: закономерности формирования и развития". М., "Мысль", 1974.

социальные (можно было бы по аналогии сказать, что такие потребности покрываются социальными благами), Встречается и более широкая трактовка социальных потребностей, когда таковыми считаются и потребности личности в образовании, лечении, культурных зрелищах, в улучшении жилищных условий и т.п., а также различного рода нематериальные потребности коллективов и общества в целом.

При анализе социальных результатов внедрения новой техники при социализме по традиции главное внимание уделяется её влиянию на условия труда, на величину свободного времени населения, а в последнее время – и воздействию на окружающую среду.

Названные подходы к выделению социальных потребностей (и социальных результатов) основаны на действительном различии роли удовлетворения потребностей в воспроизводстве физических, интеллектуальных способностей человека и социальных условий его жизни. Хотя такая классификация потребностей и коррелирует с классификацией натуральных форм благ, тем не менее любые блага по отношению к потребностям выступают лишь как средства их удовлетворения. Более того, одни и те же материальные блага, одни и те же социальные блага (например, свободное время) могут удовлетворять совершенно разные потребности, выполнять социально различные функции. Поэтому деление потребностей на материальные, духовные и социальные явно недостаточно для выбора направлений развития производства и его научно-технического совершенствования, В аспекте рассматриваемой проблемы необходимо самое широкое толкование социальных результатов развития производства и социальных потребностей.

Потребности человека являются потребностями общественного человека, общественными потребностями, то есть (и это тавтология) потребностями социальными. Нет ни единой потребности, которая не была бы тесно связана с современными ей средствами и формами удовлетворения. Притом так тесно, что отсутствие зтих форм и средств

практически равносильно для индивидуума её неудовлетворению как потребности социальной. Так, например, вполне материальная потребность в жилье для городского жителя сегодня является потребностью в жилищах совершенно определённого характера – отдельных квартирах с современными формами комфорта. Проблема улучшения жилищных условий решается у нас как серьёзная социальная проблема.

Уместно вспомнить здесь высказывание К.Маркса: "Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих"[33].

Следовательно, социальные результаты функционирования производства, научно-технического прогресса и избирательность путей последнего не могут быть выведены из натурально-вещественной формы результата, из изменения объёмно-структурных его характеристик, пока они касаются лишь состава и объёма благ и не характеризуют конкретно-исторические формы использования этих благ для удовлетворения потребностей.

Решающим фактором выбора оптимальной стратегии научно-технического прогресса должно быть различение всех общественных потребностей ***по степени их настоятельности с точки зрения стратегической цели развития социализма***, а не разграничение благ и потребностей на социальные и несоциальные. При ближайшем рассмотрении потребностей по степени их настоятельности обнаруживается, что нельзя говорить о настоятельности потребностей вообще, безотносительно к различным элементам социально-экономической структуры[34].

---

[33] К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т, 23, стр, 182.

[34] Мы не можем согласиться с Б.Вайнштейном: "В период зрелого социализма социальные потребности общества,

Дело в том, что существуют различные объективные относительно самостоятельные по отношению друг к другу системы потребностей с закономерными в каждой из них предпочтениями. Это, во-первых, системы потребностей индивидуума (личные потребности), коллективов (коллективные потребности), общества в целом (общенародные потребности). Это, далее, потребности разных по своим функциям коллективов трудящихся – производственно-трудовых (предприятия, учреждения) и потребительских, различных классов (рабочий класс, колхозники), социальных слоёв и групп (интеллигенция, городское население, сельское население, пенсионеры, молодёжь, студенты и т.п.), различных профессиональных групп и т.д.

При социализме несмотря на указанную относительную самостоятельность систем потребностей различных элементов социально-экономической структуры существует вполне определённая их субординация по отношению к общенародным потребностям. Единство (глубокое внутреннее) социально-экономической структуры определяет и единство коренных интересов личности, трудовых коллективов, всех слоёв, классов и социальных групп, составляет при социализме содержание общенародного,

---

коллективов и личностей выдвигаются на первый план по отношению к чисто материальным потребностям и в значительной мере определяют требования к материальному производству по объёму, структуре, темпам и пропорциям" (''Вопросы экономики", 1974. № 2, стр. 92). В такой формулировке это положение, как мы полагаем, противоречит современным представлениям о взаимосвязи общественных и личных потребностей, признающим их относительную разнонаправленность, разночерёдность удовлетворения. Так, например, одной из главных функций общественных фондов потребления при социализме считается теперь их воздействие на последовательность и степень удовлетворения потребностей отдельных членов общества в интересах общественного развития.

общего для всех групп и личностей интереса, которому принадлежит примат по отношению ко всем другим интересам и потребностям. Общественные общенародные потребности приобретают характер цели развития при социализме, а все другие системы потребностей должны удовлетворяться в той мере, в какой они не противоречат коренным интересам всех, потребностям общенародным. Существующее в такой форме единство интересов открывает прежде. всего возможность для слаженного, гармоничного развития общественного производства, делает отношение всех общественных слоёв и звеньев хозяйства к научно-техническому развитию производства однонаправленным по коренным характеристикам.

Относительная самостоятельность локальных интересов лишь при неотлаженности хозяйственного механизма (нарушении их подчинённости общенародным интересам) может приводить к нежелательным явлениям в развитии производства. Вот почему речь идёт не о том, чтобы текущие, локальные потребности были принесены в жертву общенародным, перспективным, а о том, чтобы научно-технический прогресс обеспечивал планомерное развитие локальных потребностей и потребления, которые бы способствовали достижению целей всего общества. Проиллюстрируем это на примере личных потребностей.

Процесс формирования личных потребностей при социализме планомерно направлен на развитие, качественное возвышение потребностей. Задача состоит, следовательно, не только в производстве достаточного количества привычных для населения материальных и других благ в их различных качественных и соответствующих моде модификациях. Она не ограничивается и быстрым освоением производства различного рода технических новинок "на уровне мировых стандартов". Задача заключается в развитии и удовлетворении такой системы личных потребностей, в которой расширение круга чисто материальных потребностей и культурных потребностей созерцательного характера играло бы роль условия, предпосылки

для развития потребностей в творческой и социальной активности.

Признание единым социальным критерием научно-технического прогресса степени продвижения общества по пути к полному социально-экономическому равенству, ясное в своей принципиальной постановке, связано с непреодолимыми трудностями при попытках сегодня количественно обосновать выбор направления развития, С подобными трудностями сталкиваются те экономисты-матема-тики, которые ищут способы количественного соизмерения разнокачественных эффектов (полезности различных благ) для выбора оптимального варианта, дающего в пределах планового долгосрочного периода наибольшее повышение материального благосостояния народа.

Принципиальная сложность такого соизмерения явилась, по-видимому, гносеологической причиной возникновения идеи о многокритериальности оценки состояния социалистического производства. В теоретическом плане наличие единого народнохозяйственного критерия оптимальности (в той или иной формулировке) чаще всего не подвергается сомнению. Однако при более конкретном обсуждении принципов выбора варианта развития отмечается невозможность описать этот критерий одним каким-либо показателем и предлагается поэтому оценивать эффективность состояния экономики по многим критериям[35].

---

[35] Е.В.Руднева очень чётко воспроизвела логику рассуждений, приводящую к этому выводу: "... описание критерия функционирования в терминах скалярной оптимизации было бы адекватно требованиям основного закона социализма только в том случае, если бы был найден конструктивно определённый универсальный показатель, синтезирующий в себе всю совокупность противоречивых целей экономического развития. Существующие показатели этим свойством не обладают .... Из-за отсутствия таких универсальных показателей представляется целесообразным рассматривать не один, а целое множество различных критериев оценки состояний

Но тем самым проблема сравнения вариантов с разнокачественными результатами не снимается, а выступает как необходимость согласования самих критериев, становится проблемой оценки сравнительной важности достигаемых по вариантам целей. Но как это делать и по какому критерию? Этот закономерный вопрос вновь возвращает нас к исходному пункту рассуждений. Таким образом, так называемый многокритериальный подход приводит опять же к необходимости свести к единому выражению все возможные результаты производства и выделить те, на которые следует прежде всего ориентировать производство и научно-технический прогресс[36].

Любое ранжирование целей в форме придания им каких-либо количественных весов ничуть не отличается от произвольного решения. Это есть лишь несовершенная попытка при помощи элементарной математики узаконить то, что на языке качественного анализа кажется неубедительным.

Рассмотрим в качестве примера такую условную ситуацию. Для наиболее полного удовлетворения потребностей трудящихся в материальных благах необходим существенный рост производительности труда. Возможны разные пути её повышения, небезразличные к другим потребностям членов социалистического общества. Это может быть интенсификация труда на основе новой техники или автоматизация производства в формах,

---

экономической системы". (Проблемы оптимизации и программно-целевое планирование. Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. ЦЭМИ АП СССР, М., 1975, стр. 13).

[36] "Коэффициенты весомости при отдельных видах эффекта в общей интегральной оценке, очевидно, будут меняться от периода к периоду в зависимости от стоящих общественных целей и задач научно-технического прогресса, их очередности и актуальности". (Б.М.Гринчель. Измерение эффективности научно-технического прогресса. М., "Экономика", 1974).

исключающих квалифицированный труд. Это может быть и удлинение продолжительности рабочего времени за счёт свободного времени трудящихся или вовлечение неработающих матерей в процесс производства с соответствующими значительными затратили на оборудование рабочих мест и на расширение и качественное улучшение работы детских воспитательных учреждений. Наконец, это может быть внедрение такой новой техники, которая, не интенсифицируя труд, повышает требования к квалификации работников, увеличивает долю творческих элементов в процессе труда. Однако этот последний вариант потребует таких существенных капитальных вложений (в том числе на повышение квалификации работников), что придётся отложить на неопределенное время оснащение непроизводственной сферы научно-техническими новинками, что существенно затормозит повышение качества обслуживания населения.

Другая условная ситуация. Относительная бедность при-родными ресурсами обжитых районов требует освоения отдалённых районов страны. При этом для вновь создаваемых предприятий требуется разработка и внедрение более дорогой техники, отвечающей специфическим природным условиям осваиваемых районов. Для населения этой территории организация новых производств означает приобщение к городским формам жизни, улучшение условий для образования, культурного развития и т.п. Но удорожание производства не позволит осуществить возможную в противном случае механизацию ручного труда на ряде старых предприятий. Существует и другой путь решения проблемы – интенсификация научных поисков по замене традиционных видов сырья воспроизводимыми ресурсами.

Конечно, можно придать каждому параметру рассматриваемых вариантов некоторую количественную относительную оценку (коэффициент, балл и т.п.). Например, принять, что ликвидация ручного труда в 2 раза лучше, чем изменение образа жизни населения отдалённых районов, интенсификация труда – в 3,5 раза хуже

вытеснения квалифицированного труда, а установленная продолжительность рабочего времени – неизменный социальный стандарт.

Может ли подобное взвешивание по коэффициентам, баллам считаться научно обоснованным подходом к ранжированию целей и определению интегрального эффекта? На наш взгляд, нет. Дело в том, что при современном состоянии ***качественного*** анализа настоятельности потребностей первоначальный акт присвоения той или иной потребности количественного коэффициента остаётся произвольным даже в том случае, когда баллы и коэффициенты для планирующих организаций разработаны научными учреждениями.

Вместе с тем, мы не отрицаем принципиальной возможности формализации процесса принятия решений по социальным критериям. Просто при сегодняшнем уровне разработки взаимосвязи и субординированности общественных потребностей и сегодняшнем уровне развития экономико-математических методов какая-либо формализация сравнения социально различных вариантов невозможна, преждевременна[37].

Конкретный путь к выбору оптимальной стратегии научно- технического прогресса – углубление исследований связей его направлений с общественными потребностями, конкретное рассмотрение альтернатив на уровне их качественного вклада в ускорение процесса социально-экономического выравнивания, всестороннее научное

---

[37] Н.Я.Петраков, признавая за управляющим звеном широкую и ответственную область принятия неформальных решений, указывает, что за рамками математической модели остаётся мотивировка конкретного выбора значения взвешивающего коэффициента, равноценная выбору принципиальной стратегии поведения (Н.Я.Петраков. Кибернетические проблемы управления экономикой. М: "Наука", I974, стр. 41). По нашему мнению, такая "внешность" коэффициентов по отношению к модели не создаёт все-таки достаточных оснований для применения количественных весов, по сути пока что произвольных.

обоснование принципов предпочтения. Недо-статок таких исследований чрезвычайно ощутим, и это стремятся компенсировать теоретическими обоснованиями возможности так или иначе математизировать выбор на самых верхних уровнях управления экономикой

Итак, сегодня для выбора направлений научно-техни-ческого прогресса необходимо качественное их сопоставление по единому социальному критерию и синтез социального и экономического критериев в процессе итеративного анализа конкретной хозяйственной ситуации. В процессе такого анализа следует ориентироваться на субординированную (на качественном уровне) систему тактических целей. Такая система в целом и каждая цель в отдельности должны быть направлены на достижение стратегической, главной общественной цели. Поскольку она сформулирована, все остальные цели становятся подчинёнными ей, ***средствами*** её достижения.

Первоочередные подчинённые цели сопоставляются с имеющимися в распоряжении общества возможностями, ресурсами. Если их недостаточно (даже при условии максимальной экономии общественного труда и природных ресурсов), тактическая линия развития корректируется – варьируются сроки, очередность целей. Однако объективные границы варьирования тактическими целями задаются общей целью, а возможные его типы подлежат научному обоснованию. ***Стратегическая же линия и сама стратегическая цель не могут быть подвергнуты никакой принципиальной корректировке*** вплоть до момента своего осуществления.

Точно таким же образом не могут быть ухудшены и те социальные результаты, которые были достигнуты ранее и входили в систему целей как объективно необходимые средства и условия продвижения к стратегической (например, такие как всеобщая занятость, продолжительность рабочего времени, сохранение окружающей среды и т.п,). С другой стороны, некоторые социальные результаты могут быть признаны неадекватными

оптимальной стратегии развития (,отставание или "забегание" вперед). Подобные фактические результаты или проектируемые цели должны быть откорректированы в первую очередь. ***Новые*** общественные потребности, возникающие в процессе развития общества, сопоставляются с главной целью и линией. Должны быть определены роль и место новых потребностей (если они соответствуют стратегической линии развития) в системе субординированных целей. Планомерный характер возвышения потребностей при социализме призван обеспечить формирование таких способов удовлетворения новых общественных потребностей, которые содействуют общему социальному прогрессу.

По поводу корректировки целей необходимо сделать ещё одно замечание. В литературе есть такие высказывания: " ... ход развития экономики и всего общества раскрывает не только новые средства достижения выявленных целей, но и приводит к необходимости уточнять или даже изменять цели развития в различных областях социально-экономической жизни. Планирование предполагает поэтому не только чёткое определение целей, средств и путей их наиболее эффективного достижения, но одновременно и корректировку целей развития"[38]; "… при определении аксиоматики оптимального планирования и управления постулат о наличии народнохозяйственного критерия оптимальности должен быть дополнен постулатом об априорной неопределимости этого критерия и объективной необходимости существования механизма формирования, уточнения и корректировки критерия в процессе функционирования системы. ... Процесс развития при таком подходе выглядит не только как процесс нахождения кратчайшего пути к чётко очерченной цели, но и как одновременный поиск и корректировка целей развития"[39].

---

[38] В.Н.Кириченко. Долгосрочный план развития народного хозяйства СССР. Стр. 161.

[39] Н.Я.Петраков. Кибернетические проблемы управления

Указывая на необходимость корректировки целей в процессе развития общественной системы, следует тем не менее всегда акцентировать внимание на конкретно-исторической специфике рассматриваемых социально-экономических процессов. Действительно, поиск целей осуществляется в процессе саморазвития, самосовершенствования человеческого общества как такового. Действительно, при социализме для того или иного планового периода цели уточняются и изменяются. Но в пределах качественной определенности социалистического общества есть цели "чётко очерченные", некорректируемые. Именно эти цели и задают ***направление*** развития. Без этого условия не может осуществляться планомерное движение социалистического общества к своей высшей цели.

Конечно, по мере продвижения к коммунизму его конкретные черты станут яснее, характеристики отдельных областей социально-экономической жизни определятся точнее, главная цель движения будет детализироваться, станет более содержательной. Но по своим принципиальным, сущностным характеристикам, известным уже сейчас, это некорректируемая цель, степень достижения которой и есть критерий оптимальности общественного развития при социализме, следовательно, и социальный критерий общественного производства и научно-технического прогресса.

Чёткое принципиальное разграничение стратегической и корректируемых, тактических целей (средств) находим у В.И. Ленина: "Всё, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. ... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы

экономикой. Стр. 52.

приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли"[40].

Проблема социально-экономических критериев выбора варианта научно-технического прогресса изучается в настоящее время всё более интенсивно. На наш взгляд, уже сейчас ощущается заметное запоздание исследований этой проблемы в общетеоретическом, методологическом плане. Желательно было бы привлечь силы теоретиков в первую очередь к этому аспекту, с тем чтобы по возможности сократить импровизации и бессистемные суждения относительно конкретных методов, конкретных показателей социально-экономической эффективности научно- технического прогресса.

Печатается по тексту статьи в сборнике «Пути повышения эффективности общественного производства» (Сборник научных трудов аспирантов). – М.: Институт экономики АН СССР. 1975. Стр. 3-19.

---

[40] В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т. 36, стр. 380.

1978-1982

==========

ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА[41]

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.

I. Объективные основы определения эффективности научно-техничеокого прогресса

1.1. Социально-экономическая направленность научно-технического прогресса – основа оценки его эффективности

1.2. Логическая систематизация социально-экономических целей

II. Социально-экономические критерии эффективности научно-технического прогресса и принципы их определения

2.1. Конкретно-иоторичеокое ранжирование социально-экономических целей как предпосылка разработки плановых целей

2.2. Формирование плановых критериев социально-экономической эффективности.

2.3. Основные черты системы критериев

III. Принципы установления соответствия социально-экономическим критериям при определении эф-

---

[41] В 1975-1979 Г.Я.Ракитская обучалась в аспирантуре Института экономики АН СССР. Ею была подготовлена и защищена диссертация на тему: «Методологические основы определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса. Диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. (Специальность 08.00.01 – политическая экономия)» /Институт экономики АН СССР/ Москва. 1979. 222 с.

Публикуемая работа является авторским изложением диссертации, опубликованным в 1982.

фективности научно-технического прогресса

Литература

ВВЕДЕНИЕ

XXVI съезд КПСС определил стратегию социально-экономического развития СССР на 80-е годы. Будет продолжен курс на "неуклонный подъём материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой-активности советских людей" [2, с.13б]. Рост эффективности, всесторонняя интенсификация общественного производства, повышение качества работы во всех звеньях являются в современных условиях решающими средствами роста благосостояния.

Одна из особенностей 80-х годов – реальная возможность выбора вариантов долговременного научно-технического и экономического развития. Эта возможность создалась благодаря увеличению производственного потенциала. Выбор наилучшего варианта становится в этих условиях не только более сложным, но и более ответственным делом. При этом следует учесть, что при современных производительных силах последствия выбора того или иного варианта сказываются в течение длительного времени и могут существенно повлиять на траекторию и особенно на сроки достижения поставленных целей.. Всё отчётливее обнаруживается и всё чаще признаётся в литературе недостаточность оугубо экономических критериев оценки эффективности развития науки и техники, формирования воспроизводственной структуры, структуры потребления- и т.п. На повестку дня в качестве крупнейшего вопроса эффективности общественного производства, встал вопрос о соподчинённости экономических и социальных критериев эффективности, о способах и формах обеспечения единства экономического и социального подходов к эффективности общественного

производства.

Настоящая работа излагает результаты исследования названной проблемы. Предложенный в ней подход может, по нашему мнению, служить надёжной методологической основой для разработки способов определения социально-экономической эффективности как научно-технического прогресса, так и всего общественного производства.

3308

I.
ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

1. 1. Социально-экономическая направленность научно-технического прогресса – основа оценки его эффективности

Исходные методологические посылки

Оценка эффективности всякой целенаправленной деятельности на конечной её стадии – это характеристика соотношения её результатов (или последствий) с целями, ради которых эта деятельность предпринималась. Однако принципиальные сложности задачи оценки эффективности планомерно осуществляемых процессов связаны с тем, что она должна решаться и в ходе процесса, то есть должны сравниваться между собой возможные его варианты и выбираться наилучший из них. Каждая ситуация такого выбора нуждается в критерии эффективности – мериле наилучшего целесоответствия, наилучшей целесообразности развития.

Обоснование критериев эффективности – центральная проблема в исследовании эффективности социально-экономических процессов и отдельных хозяйственных мероприятий. Объектом дискуссий является здесь не сам факт зависимости критериев от целей (это – вопрос ясный), а конкретное содержание критериев и, соответственно, формы выражения эффективности тех

или иных путей развития. Методологическим ключом к решению этих задач является представление о диалектической взаимосвязи целей, используемых средств и действительных результатов, получаемых с их помощью. Взаимосвязь эта состоит, в частности, в том, что средства должны принципиально соответствовать целям. Только такое качество средств (именно: принципиальная возможность при их помощи получить желаемый конечный результат) позволяет реализовать цели. В противном случае они недостижимы, результаты будут качественно отличны от целей.

Ввиду указанной зависимости средств от целей, а конечных результатов от средств с у щ н о с т ь э ф ф е к т и в н о с т и процесса (или деятельности) следует понимать как принципиальное соответствие этого процесса на всех его стадиях целям, средством достижения которых он является.

Такое понимание сущности эффективности вовсе не означает, что контроль за ходом процесса состоит в сравнении различных его характеристик каждый раз непосредственно с конечной целью. Оно означает, что пути к формированию адекватных целям требований к средствам их реализации – в ы в е д е н и е этих требований из самих целей как объективно обусловленных способов их достижения. Такие требования, конкретизированные применительно к различным условиям, этапам и пр. развития, и являются критериями эффективности процесса как средства реализации целей.

Из сказанного следует, что анализ целей, их конкретизация выступают предпосылкой формирования критериев эффективности, а исследование закономерной логики развития, направленное на, заданные цели, составляет содержание исследования самих критериев.

Сущность социально-экономической эффективности научно-технического прогресса

Вопрос о целях научно-технического прогресса –

это вопрос о целенаправленности развития производительных сил, поскольку научно-технический прогресс является характеристикой производительных сил, фактором и формой их развития. Рассматривая же направленность развития производительных сил, мы исследуем не что иное, как их взаимосвязь с социально-экономическими явлениями и отношениями. В пределах одного и того же способа производства, то есть в рамках качественно неизменной системы социально-экономических целей и качественно единого механизма подчинения производства этим целям, взаимосвязь производительных сил и социально-экономических отношений не исчерпывается зависимостью вторых от первых. Существует и вторая сторона – обратное воздействие социально-экономических условий на характер и результаты развития производительных сил, характер и результаты научно-технического прогресса.

Конечно, можно говорить о потребностях внутреннего саморазвития техники, точнее, внутренних закономерностях её развития. Они обусловлены структурным обособлением развития техники в системе общественных процессов. Однако эти внутренние закономерности являются результатом, проявлением деятельности человека, изменяющего конкретный технический облик производительных сил в соответствии со своими вполне определёнными потребностями. Стало быть, цели, которым подчинено совершенствование производительных сил, всегда лежат вне их. Характер целевой зависимости может принимать лишь зависимость производительных сил и научно-технического прогресса от общественных явлений.

Цели научно-технического прогресса при социализме – это цели общества, социально-экономические (общественные) цели развития, на достижение которых планомерно направляется научно-технический црогресс. Определяющая роль производительных сил в общественном развитии отнюдь не означает, что различия социально-экономических последствий реализации одних

3308

и тех *же* научно-технических открытий при социализме и капитализме могут быть получены автоматически или стихийно. Планомерность в масштабах всего хозяйства, единая целенаправленность развития – важнейшее условие осуществления научно-технического прогресса в комплексе специфически социалистических социальных условий. Полезные социально-экономические результаты научно-технического прогресса должны возникать как п л а н о м е р н ы е р е з у л ь т а т ы технической политики социалистического государства, как следствие сознательного выбора и планомерного осуществления вариантов научно-технического развития, адекватных потребностям всего общества.

Причины социального порядка диктуют социализму необходимость очень строгого, предельно осторожного, целенаправленного подхода к применению в производстве научно-технических новшеств. Имея неизмеримо более широкие границы реализации достижений научио-технической революции, социализм в то же время накладывает более строгие, чем при капитализме, ограничения при выборе вариантов научно-технического развития. Социализм сознательно "проигрывает” в сравнении с капитализмом, когда не допускает увлечения текущей выгодой от быстрого роста производства в ущерб другим своим целям; когда не допускает хищнического использования ресурсов; учитывает долговременные последствия применения научно-технических новшеств; не перенимает слепо любой научно-технический опыт развитых капиталистических стран; делает ставку на принципиально новые научные и технические идеи, позволяющие избежать тупиковых, не приемлемых для социализма направлений развития.

Подчинённость общественным целям, строгая социально-экономическая направленность научно-технического прогресса – одна на важнейших характеристик его сущности при социализме. Оценивать эффективность научно-технического прогресса необходимо исходя иа этой его целенаправленности.

Опираясь на общее определение эффективности, данное нами выше, определим теперь сущность эффективности научно-технического прогресса при социализме как принципиальное соответствие параметров этого процесса на всех этапах развития социализма и во всех звеньях хозяйства системе целей социалистического общества. Это – сущность эффективности с точки зрения общества, то есть сущность общественной, или социальной (в широком смысле этого слова), или, что то же самое, социально-экономической эффективности научно-технического прогресса.

Можно ли измерить социально-экономическую эффективность; будет ли она выражена при помощи показателей или необходимы иные способы; будет ли при этом определена степень продвижения к целям по сравниваемым мероприятиям или же оценке подлежат другие параметры – на эти вопросы должно ответить специальное исследование форм проявления сущности общественной эффективности научно-технического прогресса. Эти формы, в которых она выступает в конкретных хозяйственных ситуациях, могут быть поняты лишь на основе сущности эффективности, но не определяются ею целиком. Между этапом исследования эффективности на уровне её различных форм и на уровне сущности лежит анализ социально-экономических целей, соответствие которым должно быть обеспечено.

1.2. Логическая систематизация социально-экономических целей

Государственная постановка целей, на которые должен ориентироваться научно-технический црогресс, предполагает определение субординации многочисленных целей, очередности их достижения, определение конкретных путей и форм движения к ним. Только на этой основе могут быть разработаны конкретно-исторические

критерии эффективности общественного производства и научно-технического его совершенствования.

Проблема критериев эффективности общественного производства остаётся полем серьезных дискуссий. И хотя невозможность решить проблему «в лоб» (найти единственную, неизменную во времени и принципиально количественно измеримую целевую функцию) уже осознана [3], тем не менее до сих пор подходы к формулировке критериев эффективности общественного производства носят на себе печать прежних представлений.

Это выражается, в частности, в излишней абстрактности ряда постановок, когда констатируется лишь связь общественного производства непосредственно с главной его целью (в той или иной её формулировке – например, максимальное удовлетворение потребностей, максимизация потребления, повышение уровня жизни, полное благосостояние и т.п.). Конструирование единственного критерия на базе таких предельно общих формулировок цели не учитывает, как правило, особенности различных этапов развития социалистического общества. Абсолютно неприемлемыми являются попытки найти "практическую" форму выражения критерия эффективности (оптимальности) общественного производства в виде одного обобщающего количественного показателя.

Другие постановки, напротив, слишком привязаны к многообразию целей, стоящих перед обществом в данный момент. Стремление учесть это многообраазие зачастую приводит к тому, что упускается из виду единство целей, предлагается многокритериальный подход к оценке эффективности. Единство же это состоит в определённой чёткой субординированности социально-экономических целей. Вскрыть сущность этого единства, представить многообразные цели как систему целей – вот что необходимо сделать в первую очередь,

Есть постановки, которые исходят из наличия множества целей (локальных целей) и считают необходимым на их базе конструировать интегральный критерий. При этом предполагается учитывать различную значи-

3308

мость целей, их приоритетность, в том числе и изменение приоритетности (сравнительной важности) во времени. Это должно отражаться различными весами целей, адекватными различиям вкладов целей в формирование критерия. Таким образом, интегральный критерий является обобщением локальных целей, функцией от них. Не говоря уже о том, что нас не удовлетворяет матема-тическое (формальное) выражение интегрального критерия, неправильным является способ выведения общего критерия из частных целей. Требуется как раз обратный ход мысли – выведение частных, конкретно-исторических критериев, их приоритетности из сущности главной цели. Конечно, "прорваться" к этой сущности можно лишь на базе исследования многообразия и противоречивости общественных потребностей. И только выявив, в чём состоит единство многообразных и противоречивых потребностей, можно вернуться затем к формам его проявления и предложить такие способы выражения критерия, которые не игнорировали бы качественное единство потребностей. Это – единственный путь к обоснованию критериев эффективности, путь к научному их обоснованию.

Многообразие и противоречивость общественных потребностей

Даже самый беглый взгляд на историю убеждает в том, что общественные потребности множатся, дифференцируются, видоизменяются. Более определённые, более содержательные представления о развитии общественных потребностей формируются при научном разборе факторов, влияющих на это развитие.

Это, во-первых, развитие производительных сил в целом, процесс движения взаимоотношений между человечеством и природой. В этой области явно наблюдается тенденция расширения фронта контактов, в связи с чем нарастает не только многообразие и сложность потребностей, но и их противоречивость. Противоречи-вость эта обусловлена неравномерным, некомплексным развитием

производительных сил, рассогласованием между различными их элементами. Она обусловлена также и противоречивостью результатов производственно-технического развития, если их оценивать по соответствию интересам человека. Это осознаётся в таких категориях, как "полезные" и "вредные", "положительные" и "отрицательные" и т.д. результаты (последствия) развития технической цивилизации. Увеличению разнообразия и противоречивости потребностей соответствует более быстрое расширение потенциальных, нереализованных возможностей (направлений) контактирования с природой. Предопределённость дальнейших путей производственно-технического развития достигнутым его уровнем, хотя она и носит характер объективной закономерности,, не является тем не менее жёсткой, фатальной. С каждым новым открытием, с каждым значительным сдвигом в производстве открываются новые пути и горизонты. В пределах достигнутого и постоянно изменяющегося уровня развития общественных производительных сил возможны различные варианты совершенствования производства, отличные друг от друга по научным идеям, техническим воплощениям, срокам реализации, характеру и объёму затрачиваемых ресурсов. Именно эта технологическая, точнее, т е х н и к о - э к о н о м и ч е с к а я в а р и а н т н о с т ь возрастает в условиях современной научно-технической революции, раздвигающей гносеологические и производственные границы вариантности научно-технического прогресса. Все объективно возможные технико-экономические варианты равновероятны, если абстрагироваться от временн***о***го аспекта их реализации. При этом каждая из альтернатив вызывает нарастание своего клубка противоречивых результатов.

Общественная (социально-экономическая) структура, её изменение, усложнение – второй из факторов, разнообразящих потребности и увеличивающих сложность, в том числе и противоречивость их взаимосвязей. Структурность общества является своеобразным мультипликатором потребностей, пропуская их сквозь призму специ-

фического положения различных элементов структу-ры, которое формирует разное отношение к результатам развития производительных сил, различные критерии эффективности научно-технического прогресса. Разнонаправленность предпочтений в системах потребностей различных элементов социально-экономической структуры требует разноочерёдности удовлетворения потребностей, что связано часто с необходимостью осуществления взаимоисключающих путей научно-технического развития.

Многообразие и противоречивость потребностей, обусловленные структурностью общества, требует рассмотрения социальной вариантности развития производительных сил. Существует ли равновероятность осуществления разных путей социального развития, подобно отмеченной выше равновероятной вариантности технико-экономического развития? Равновероятность развития в интересах разных социальных классов, слоёв? К примеру, в равной ли степени достижим "идеал" потребительского общества и идеал общества, в котором свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех? Ответить на этот вопрос – это значит объяснить, почему и как при социализме реализуется конкретный путь социально-экономического развития и как избранный путь формирует направления совершенствования производительных сил в условиях существования достаточно широкой свободы технического выбора, объективного многообразия и противоречивости общественных потребностей.

Единство общественных потребностей. Сущность конечной цели развития социализма

Развитие производительных сил и социально-экономической структуры обусловливают не только многообразие и противоречивость общественных потребностей, но и их единство. Общество может развиваться стихийно и планомерно, преимущественно в интересах одних его групп или в интересах всех его членов, развитие может

быть постоянно восходящим (поступательным) или же прерываться периодами регресса. Но при всех различиях этих социально-исторически обусловленных форм существует единство общественных потребностей, которое состоит в их субординированности по отношению друг к другу и реализуется в единой направленности общественного развития – общественном прогрессе.

Главная потребность, формирующая единство общественных потребностей в области взаимоотношений человечества с природой, – потребность максимального приспособления её к нуждам человека. Эта главная потребность удерживает производительные силы в едином общем русле прогрессивного развития и обусловливает в то же время изменение характера контактов с природой по мере роста и совершенствования технической цивилизации. Так, для современного этапа актуален переход от недальновидного и одностороннего использования природных богатств и закономерностей к обеспечению динамического равновесия в отношениях человечества с внешней средой.

Единство потребностей, формируемое социально-экономической структурностью общества, специфично по содержанию и механизму реализации в зависимости от характера самой структуры. В условиях современного капитализма оно заключается в подчинённости системы общественных потребностей потребностям класса-собственника важнейших средств производства, потребностям воспроизводства и совершенствования государственно-монополистической социальной структуры. Планомерные методы управления ориентированы на эту же ведущую потребность, организующую всю сферу сознательного руководства, какие бы иллюзии ни были связаны с абстрактными возможностями их применения.

Принципиально иной характер единства потребностей при социализме. Это единство не связано с подчинением всей системы потребностей интересам одного какого-либо элемента социальной структуры. Оно складывается как субординация различных общественных инте-

ресов – личных, коллективных, социально-групповых, социально-общностных – по отношению к интересам, общим для всех: по отношению к общенародным стратегическим потребностям. Содержание этих потребностей определяется характером социалистической собственности и состоит в следующем: все члены общества, к какому бы социальному слою (группе, классу), трудовому коллективу, социальной общности они ни принадлежали, заинтересованы, в конечном счете, в ликвидации классовых и всех других социально-экономических неравенств между людьми для свободного развития всех членов общества,

Указанное единство интересов делает отношение всех общественных слоёв и звеньев хозяйства к научно-техническому развитию однонаправленным по коренным характеристикам. Противоречивость потребностей может приобретать антагонистический характер лишь в том случае, если хозяйственный механизм не отлажен в самых существенных, принципиальных своих частях – если не реализуется объективная возможность согласовать различные интересы (локальные, текущие, долговременные), подчинив их одновременно стратегическим общенародным интересам.

Необходимое условие реализации объективного единства социалистической системы интересов – активная роль государства, планомерное государственное руководство общественным развитием. Ведущим элементом здесь является государственная целеполагающая деятельность, содержание которой – постановка стратегических общенародных потребностей в качестве целей общества и согласование обособленных и общенародных интересов в процессе выдвижения и достижения этих целей.

Общественные науки призваны раскрыть требования к целвполагающей деятельности, которые предъявляются к ней необходимостью обеспечить единую направ-

ленность развития. Закономерности перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические предстают в этой связи как закономерности механизма планомерного формирования социально-экономических целей, как объективно необходимые логика, принципы и методы принятия целеполагающих решений.

Организующий момент целеполагающей деятельности – ориентировка её на названную выше потребность обеспечить социально-экономически равные условия жизнедеятельности для свободного развития всех членов общества. Это – сущность конечной стратегической цели развития социализма[42], самая глубокая характеристика будущего коммунистического общества. Ясно, однако, что социально-экономический облик будущего общества многопланов, многоаспектен. Но в основе прогнозирования и планирования общественных явлений во всем многообразии их форм и взаимосвязей должно лежать чёткое представление о конечной цели, организующей развитие всех общественных процессов (в том числе социально направляющей развитие производительных сил) и обеспечивающей их единство – единство будущего "конечного" состояния и единство в процессе движения к "конечному" состоянию.

Основные направления логической систематизации социально-экономических целей

Необходимость реализации конечной цели социализма означает, что выбор целей каждого планового периода должен осуществляться исходя из общей социальной стратегии. Актуальность исследований в области методо-

---

[42] "Конечная цель", естественно, условный термин. Состояние, адекватное названной цели, "конечно" только относительно этой цели. В.И.Ленин, предваряя в "Великом почине" определение классов, писал: "А что это значит "уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение" [1. с. 15],

логии формирования такой стратегии обусловлена сейчас интенсификацией социально-экономического долгосрочного прогнозирования в свете решений последних партийных съездов. Социальная обоснованность прогнозов (и на этой базе – социальная направленность долгосрочного планирования, роль социальных программ) могут быть усилены в той мере, в какой прогнозы опираются на предварительную систематизацию стратегических целей. Цели, исходя из которых строятся различные варианты долгосрочного прогноза, должны вытекать из вполне определённых предшествующих целеполагающих решений. Это – решения трёх классов (типов): формулировка конечных целей развития; определение главного социального содержания основных этапов развития; формулировка целей ближайшего этапа социально-экономического развития.

Целеполагающие решения названных трёх классов должны формулироваться в процессе л о г и ч е с к о й с и с т е м а т и з а ц и и соцкально-зюномических целей, которая заключается в последовательной конкретизации стратегической направленности развития в следующих аспектах.

Первый аспект (аспект "конечного" состояния) состоит в том, чтобы раскрыть логическую структуру конечной цели, представить её системой содержательных характеристик социально-экономического равенства, то есть с и с т е м о й о б ъ е к т и в н о о б у с л о в л е н н ы х к о н е ч н ы х ц е л е й .

Второй аспект (аспект логики развития) должен раскрыть логику движения к социально-экономически равным условиям жизнедеятельности, объективную диалектику целей и средств их реализации, необходимую последовательность достижения целей, то есть л о г и ч е с к у ю э т а п н о с т ь р а з в и т и я .

В результате логической систематизации целей общественному производству задаются стратегические ориентиры и, тем самым, стратегические социальные критерии эффективности. Именно поэтому логическая

3308

систематизация целей выдвигается в приоритетное положение по сравнению с конкретно-исторической.

Излагаемый ниже экскурс в область описания "конечного" состояния и логики движения к нему касается по преимуществу наиболее общих, методологических требований к этим стадиям целеполагающей деятельности.

Логическая структура конечной стратегической цели

Способ выявления содержательных характеристик конечной цели – последовательное ступенчатое восхождение от абстрактной характеристики цели ко все более конкретной, более богатой по содержанию. Каждая следующая ступень конкретизации выступает как структура социально-экономических отношений, охарактеризованных в более общем (целостном) виде на предыдущей ступени. Должны быть пройдены, по меньшей мере, три ступени конкретизации цели от её сущности до содержательных форм.

П е р в а я с т у п е н ь конкретизации – самые крупные членения многообразных общественных отношений, которые в соответствии с сущностью конечной цели будут характеризоваться социально-экономическим равенством людей, а именно: социально-экономическое равенство в производстве, в общественной организации производства, в распределении, в потреблении. Выделение именно этих групп отношений обусловлено абстрактно-логической структурой процесса воспроизводства и соотносится поэтому с ленинским пониманием классов и процессом их уничтожения [I, с. 15].

Первая ступень конкретизации чрезвычайно значима в методологическом плане. Она указывает путь к дальнейшей конкретизации конечной цели как системы общественных отношений. Это важно подчеркнуть, поскольку есть иной методологический подход к конкретизации целевой направленности развития – когда цель представляется набором определённых, одних и тех же характе-

ристик самого человека [например, в 4]. Социально равное положение людей во всех сферах воспроизводства обусловливает, напротив, разнообразие свойств отдельных индивидов, а общественное управление должно быть направлено на создание условий, обеспечивающих именно свободное развитие каждого.

Для второй ступени конкретизации весьма важно найти наиболее существенный признак, в соответствии с которым необходимо классифицировать отношения по поводу каждой из сфер воспроизводства.

Наиболее существенным признаком, определяющим структуру отношений по поводу производства, является, на наш взгляд, абстрактно-логическая структура трудовой жизнедеятельности людей. Исходя из неё, положение членов общества в производстве на «момент» достижения конечной цели следует характеризовать как социально-экономически равные для всех людей условия формирования способностей к труду, включения в систему общественного разделения труда, перемены труда, самого труда и прекращения трудовой деятельности. Соответствующие сущности конечной цели отношения по поводу общественной организации производства конкретизируются в двух направлениях: как социально-экономическое равенство людей в процессе формирования и организации исполнения стратегических управляющих решений и, соответственно, оперативных хозяйственных решений. Важнейшие признаки равенства для сферы распределительных отношений – равный в социально-экономическом отношении способ получения (источник) доходов и, соответственно, размер доходов. И, наконец, должны быть рассмотрены два компонента равенства в сфере потребления – социально-экономически равные условия воспроизводства физических, интеллектуальных способностей человека и социальных условий его жизни и социально-экономическое равенство по возможностям развития личности.

На последней ступени конкретизации необходимо представить такие принципы, или формы

реализации конечной цели, которые определяются всё ещё непосредственно её сущностью, вытекают из нее. Именно поэтому эти формы уместно назвать содержательными в отличие от организационных форм, которые будут объектом и результатом исторического творчества. В качестве примера приведём принципы реализации конечной цели в сфере производства. Это, во-первых, формирование у членов общества способностей к труду в соответствии с индивидуальными природными способностями, наклонностями, физиологическими особенностями и в формах, выявляющих и развивающих способности. Это, во-вторых, первоначальное включение членов общества в систему общественного разделения труда в той роли, которая в наибольшей степени соответствует их способностям к труду (в том числе физиологическим особенностям – полу, возрасту и т.п.). Это, в-третьих, такие характер, содержание и условия самого труда, которые обеспечивают свободное проявление и развитие способностей к труду и исключают какие-либо вредные последствия (в том числе ограничения) для физического, интеллектуального и социального развития личности, Это, в-четвертых, перемена труда в формах, обеспечивающих соответствие круга и сложности трудовых функций индивидуальным способностям к труду и их изменению – в форме перемены области деятельности, вида деятельности, в форме многосторонности и комплексности трудовых функций. И, в-пятых, прекращение трудовой жизнедеятельности лишь по причинам естественно-физиологическаго характера.

Описание конечной цели следует заканчивать на ступени определения содержательных её характеристик именно такого типа, как перечисленные выше формы реализации социального равенства в производстве. Сегодня невозможно довести конкретизацию до организационных форм, в том числе задать какие-либо целевые требования к уровню потребления, к уровню развития человека и т.п. Предугадывать их сейчас преждевременно, а исходить из подобных предсказаний в управлении общественным раз-

витием значило бы произвольно навязывать историческому процессу лишь один из возможных путей, эффективность которого нельзя определить заранее.

Постоянный характер целеполагающей деятельности не раз отмечался в нашей литературе [3, **5** и др.]. Указывая на необходимость изменения целей в процессе развития общества, следует, однако, акцентировать внимание на строгом различении корректируемых и некорректируемых целевых установок. Действительно, для того или иного планового периода цели уточняются и изменяются. Но в пределах качественной определённости социалистического общества есть цели "четко очерченные", некорректируемые. Именно эти цели и задают направление развития. Конечно, по мере развития черты будущего общества станут яснее, содержание конечной цели будет уточняться, детализироваться. Это – задача общественных наук. Но по своим принципиальным, сущностным характеристикам, и з в е с т н ы м у ж е с е й ч а с , конечная цель не корректируется.

Конкретизация конечной стратегической цели от её сущности до содержательных форм реализации призвана очертить именно такие характеристики этой цели, которые не могут быть подвергнуты принципиальной корректировке вплоть до момента её осуществления[43]. Эти сущностные содержательные характеристики задают как общее направление, стратегию развития, так и принципиальные границы конкретно-исторического варьирования тактиче-

---

[43] Естественно, в том случае, если в сущностные характеристики не включены излишне конкретные параметры или не упущены какие-либо из необходимых. Такие теоретические ошибки возможны. Но возможно также сегодня на научной основе сформулировать некорректируемые характеристики. Это – дело фундаментальной теории. Если же на вооружение принимается излишне или недостаточно конкретизированная цель, её приходится уточнять, в том числе и по мере развития общественных наук.

скими целями и задачами. Конкретно-историческое варьирование – главное содержание корректировки целей. Она связана не с изменением сущностных характеристик коммунизма, а с конкретно-историческими, в том числе внешними для данной социалистической страны, обстоятельствами. Корректировка может касаться сроков, очерёдности достижения тех или иных параметров. Она может быть связана с ликвидацией отставаний или "забеганий вперёд". Она должна носить и содержательный характер – в связи с возникновением новых общественных потребностей, видоизменением старых, появлением новых научно-технических возможностей и т.п. Однако всё это – в рамках некорректируемой стратегической направленности развития.

Что же касается организационных форм реализации конечной цели, то они корректируются совсем в другом смысле. Они не определяются одновременно с определением логической структуры конечной цели, следовательно, не могут и корректироваться по мере приближения к ней. Однако в каждом плановом периоде организационные формы (методы, механизм) реализации конкретно-исторических задач определяются весьма жёстко и изменяются всякий раз, когда обнаруживаются болэе эффективные способы достижения социально-обусловленных результатов.

Принципы этапирования социально-экономического развития

Обоснование этапов развития социалистического общества должно раскрывать логику движения к конечной стратегической цели.

Укажем на некоторые наиболее существенные принципы этапирования.

П е р в ы й п р и н ц и п . Этапы развития должны характеризоваться в терминах социально-экономических целей.

Это значит, что этапирование есть этапная моди-

фикация социально-экономической конечной цели. Оно должно раскрывать линию (стратегию) развития как последовательные изменения в социально-экономических отношениях.

Этому простому, на первый взгляд, требованию не вполне удовлетворительно соответствуют, как нам кажется, наметившиеся подходы к долгосрочному прогнозированию развития народного хозяйства и составлению народнохозяйственных программ. Прогнозами и программами предусматриваются по-преимуществу достижения определённых экономических и технических параметров, развитие производительных сил как таковых, что восходит теоретически к переоценке значимости экономических результатов развития – роста производительности труда, увеличения объёма производства, уменьшения затрат общественного труда и т.п. Момент социально-экономической цели «пробивается», пожалуй, лишь в определении процесса роста и усложнения производительных сил как процесса создания материально-технической базы коммунизма. Но сама категория материально-технической базы коммунизма недостаточно раскрыта в аспекте социально-экономических результатов развития производительных сил, а потому связь их развития с социально-экономическими целями указывается недостаточно отчётливо. Строгое определение, строгие научные критерии материально-технической базы коммунизма могут быть даны лишь посредством указания системы социально-экономических целей, достижимых на этой производственной базе.

Задача этапирования общественного развития, может быть, следовательно, сформулирована как определение (в терминах социально-экономических целей) этапов создания материально-технической базы коммунизма.

Два других принципа этапирования вытекают из объективной диалектики целей и средств, необходимых для их достижения.

В т о р о й п р и н ц и п . Каждый этап должен быть качественно новой ступенью развития в направлении

к конечной цели.

Другими словами, система целей, реализуемая этапом, должна быть таким шагом в развитии общества, существенность которого выражается на языке принципиальных перемен в социально-экономических отношениях. Тем самым определяются основные отрезки в логической траектории движения. На протяжении каждого такого отрезка происходят качественные сдвиги в тех возможностях, которыми общество должно располагать, чтобы обеспечить реалистичность постановки и выполнимость задач следующего этапа.

Третий принцип. Каждый из этапов может и должен начинаться (заканчиваться), когда созданы все необходимые предпосылки, весь комплекс общественных условий для начала движения к качественно новым целям.

В комплекс таких предпосылок непременно должны входить объективные экономические предпосылки, отвечающие минимальным общественным требованиям данного этапа: уровень материального благосостояния в обществе, характер и содержание труда, уровень возможностей для развития личности и пр.

Необходимость давать такую "абсолютную" характеристику положения ладей вызвана тем, что та или иная ступень социально-экономического равенства в производстве, распределении и т.п. реализуется лишь при наличии определённого уровня указанных экономических условий[44].

---

[44] Именно поэтому сущность конечной цели может быть выражена и как «полное благосостояние», а этапных целей – как достижение качественно определённых уровней благосостояния. Но это только в том случае, если компонентами благосостояния считать и материальное благосостояние (то есть удовлетворение потребностей посредством потребления результатов материального и духовного производства), и все

3308

На основании очерченных принципов логической конкретизации стратегической направленности развития можно задать некоторые основные требования, которым должно отвечать описание конечного облика текущего этапа развития нашей страны.

Должна быть сформулирована, в первую очередь, главная социально-экономическая цель этапа, главный его итог. Есть все основания полагать, что ликвидация классовых различий между работниками государственного сектора хозяйства и колхозным крестьянством должна быть возведена в ранг именно такого главного итога. Бесклассовое социалистическое общество будет новым шагом в социально-эконсмическом положении всех социальных слоёв и групп. При этом должны быть заданы не просто направления развития (например, стирание различий между городом и деревней и т.п.), а этапные качественные сдвиги в условиях жизнедеятельности всех членов общества и отдельных его социальных слоёв. Иными словами, необходимо представить социально-экономическую структуру бесклассового социалистического общества. Это требование означает, что описание этапной цели будет гораздо сложнее и богаче, чем описание конечной цели.

Тем не менее общая методология развёртывания этапной цели от её главного итога к содержательным формам его реализации (достижения) должна соответствовать методологии конкретизации конечной цели, то есть следует последовательно пройти все ступени конкретизации. Это – второе требование к систематизации целей текущего этапа.

Конкретизацией главной цели ближайшего этапа развития в аспекте "конечного” состояния заканчивается логическая систематизация социально-экономических целей. Является ли полученная как её итог система этапных целей необходимой и достаточной основой разработки

другие социально-экономические стороны образа жизни (характер и.содержание труда, роль в управлении и т.п.).

критериев, пригодных для определения социально-экономической эффективности производства и научно-технического прогресса как в ходе, так и к концу этапа? Н е о б х о д и м о й – является.. Но система логических этапных целей, выступая необходимой объективной основой определения эффективности развития производства, н е д о с т а т о ч н а для выполнения названной задачи. Чтобы её решить, конкретизация целей должна быть продолжена.

Следующий шаг конкретизации целей – разработка конкретно-исторической системы целей, ранжированных применительно к очередному этапу развития. Этот шаг является переходом от исследования объективно необходимой логики развития к планомерному управлению его историей. В то же время система ранжированных (применительно к очередному этапу) конкретно-исторических целей представляет собой один из составных элементов системы социально-экономических критериев эффективности общественного производства и научно-технического его совершенствования. Но об этом (о системе критериев) речь пойдет в следующем разделе.

II.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И ПРИНЦИПЫ ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Согласно общему определению критерия эффективности, данному нами в начале первого раздела, а также исходя из того, что было сказано выше о направленности научно-технического прогресса, критерий социально-экономической эффективности научно-технического прогресса при социализме есть мерило соответствия результатов научно-технического совершенствования социалистического производства (в любой из конкретно-исторических периодов или моментов) объективной стратегической направленности развития социализма.

Если бы общество могло развиваться в полном

соответствии с теоретико-логическими схемами, то критерием эффективности производства и научно-технического прогресса к концу каждого этапа выступала бы система этапных целей. Их реализация означала бы, что развитие идёт в правильном направлении, поскольку эти цели выведены из конечной стратегической. В действительности такое "чистое" развитие невозможно. Реальная жизнь вносит коррективы в теоретические схемы.

Эта коррекция связана, во-первых, с конкретно-историческими условиями, которые неизбежно модифицируют оистему целей, вносят новые (по сравнению с теоретическими) задачи, Кроме того, конкретно-исторические условия, в том числе ресурсы, которыми располагает общество, определяют сроки, в течение которых могут быть достигнуты те или иные цели. Вторая причина, требующая дальнейшей конкретизации целей, состоит в том, что реальное развитие вызывает более широкий круг последствий по сравнению с результатами, объективно необходимыми для завершения этапа. Это относится не только к негативным последствиям, но и к положительным последствиям. Если варианты о различным крутом положительных последствий связаны о существенно разными затратами, потребуется опора на приоритетность социальных задач. Третья причина – необходимость контроля и планомерного регулирования производства и научно-технического его совершенствования в течение всего этапа, причём в таких формах, которые учитывают многоуровневый и эвенный характер структуры современного воспроизводства.

В процессе дальнейшей конкретизации целей после того, как система объективных этапных целей определена, должны последовательно приниматься целеполагающие решения следующих четырех типов (классов): конкретно-историческое ранжирование целей; определение длительности и круга целей долгосрочного плана; разработка траектории социально-экономического развития в пределах этапа; разработка норм и правил хозяйствования для звеньев воспроизводственной структуры.

Итогом конкретизации целей в указанных направлениях является система строго субординированных нормативных требований, из которых формируются критерии социально-экономической эффективности производства и научно-технического прогресса для всех хозяйственных ситуаций, требующих её оценки.

2.1. Конкретно-историческое ранжирование социально-экономических целей как предпосылка разработки плановых целей

Содержание ранжирования и его принципы

Конкретно-историческим ранжированием целей мы будем называть конкретно-историческую (в отличие от предваряющей её логической) научную постановку и систематизацию целей долговременного социально-экономического развития, в результате которой устанавливается абсолютная и сравнительная их важность с точки зрения общества на данном этапе его развития.

Ранжирование - это тот шаг конкретизации стратегической направленности развития, на котором осуществляется модификация целей, сформулированных логической систематизацией, исходя из конкретно-исторических условий. Ранжирование является предпосылкой для вывода о реальности постановки качественно новых целей и предпосылкой определения сроков, в течение которых они могут быть достигнуты. Система целей, ранжированных применительно к определённому этапу социально-экономического развития, содержит полный набор целей, которыми могут быть описаны социально необходимые и объективно возможные варианты будущего (к концу этапа) облика общества. Это обеспечивается введением в систему ранжированных целей конкретно-исторических задач, не предусмотренных фундаментальной теорией, и таких задач, которые будут или не будут решены к концу этапа в зависимости от обстоятельств.

Указанное содержание ранжирования обеспечи-

вается следующими его принципами.

П е р в ы й п р и н ц и п . Максимальный и всесторонний учёт конкретно-исторических особенностей (условий) развития.

Как формулировка целей, так и их набор должны учитывать специфику данной страны, национальные традиции, конкретную хозяйственную, международную и пр. обстановку, достигнутые успехи и необходимость разрешения тех или иных назревших проблем и противоречий. Все задачи, образующие систему ранжированных целей, в том числе и обусловленные закономерной логикой развития, выступают как задачи конкретно-исторические, а не абстрактно-логические, то есть задачи вполне определённой страны на вполне определённый период её развития.

В т о р о й п р и н ц и п . Непременное обеспечение закономерной логики, поступательности развития.

Система ранжированных целей должна выделять круг целей, задающих качественную определённость очередному этапу развития. Это цели, которые характеризуют сближение социально-экономического положения людей в той мере, в какой это предусмотрено этапированием. Во всех других областях, где этапирование не требует существенного изменения социально-экономических отношений, должно быть обеспечено по меньшей мере воспроизведение достигнутой ступени социально-экономического равенства. Продвижение в этих областях может быть допущено лишь при условии реализации круга объективных целей данного этапа.

С другой стороны, возможны и большие, чем это предусмотрено этапированием, достижения в областях, определяющих- качественный скачок в общественном развитии. Это допустимо, однако лишь в том случае, если не нарушается общий поступательный характер развития, обеспечивается его комплексность, не наносится ущерб другим целям. Разъясню это подробнее.

Есть примитивные, упрощенческие представления о характере будущего общества и связанные с ними пред-

ставления о путях движения к нему. Это взгляды, которые квалифицируются марксистами-ленинцами как левацкие перегибы, мелкобуржуазный авантюризм и т.п. На практике такие концепции всегда выливаются в стремление быстрее, как можно быстрее достичь идеала – социального равенства, правда, неверно понятого. Но когда масштабнейшие и сложнейшие исторические задачи пытаются решить с недостаточными для того средствами, без создания необходимых материальных и культурных предпосылок по всему фронту (во всех областях), получается "перескок" через этапы, который оборачивается не просто топтанием на месте, а отступлением назад, потерей темпов развития. Возможно при этом возникновение противоречий такого характера и масштаба, которые грозят утратой завоёванных социальных рубежей. Левацкие перегибы могут носить и более частный, локальный характер в виде стремления создать некоторые элементы будущего в настоящем, некие "островки" будущего. Создание ударных участков, чуждых окружаю-щей обстановке и отвлекающих средства и силы, которые в противном случае могли быть направлены на другие, отстающие участки, противоречит принципам поступа-тельности (комплексности) развития и ориентировке на быстрейшее достижение задач, отвечающих интересам всех членов общества.

При социалистическом распределении эффекта максимально возможное достижение интересов всех основывается на режиме экономия, на получении большего эффекта. Бессистемные забегания вперёд большого дополнительного эффекта не дают, в то время как силы я средства, затраченные на них, могли бы дать эффект путем рационализации использования уже накопленного производственного потенциала.

Принцип поступательности развития требует по возможности указания на характер задач, которые нельзя ставить на данном этапе развития ни при каких условиях. Это, конечно, необходимо прежде воего в тех случаях, когда имел место прецедент.

Т р е т и й п р и н ц и п . Чёткое разграничение

целей, обеспечивающих логическую поэтапную поступательную линию развития, и конкретно-исторических целей чрезвычайного характера.

Могут существовать или возникнуть обстоятельства, требующие отвлечения или срочной мобилизации ресурсов в интересах сохранения общественной (или данной общественной) системы как таковой. Они заставляют отступить от логической линии развития. Но отступить лишь на время. Зигзаг в исторической линии не прерывает логику развития, а лишь модифицирует систему конкретно-исторических целей по сравнению с логической, временно меняет приоритетность целей, влияет на сроки завершения очередного этапа развития. Такое одновременное течение логического и исторического почти всегда имеет место: например, в военное время или при угрозе военного конфликта такие задачи, как улучшение условий труда, повышение уровня жизни и т.п. отходят на второй, третий план, уступая место ускоренному наращиванию военного потенциала. По всей вероятности, чрезвычайными целями стали или становятся в настоящее время охрана окружающей среды, экономия ряда невоспроизводимых ресурсов, без чего нельзя обеспечить многие социальные результаты.

Четвёртый принцип. Назову его вариантностью (гибкостью) ранжирования.

Этапирование задаёт систему объективных этапных целей; учёт конкретно-исторических условий модифицирует эту систему. Однако необходим постоянный учёт непредусмотренных при самом ранжировании факторов и обстоятельств. Эта новизна факторов и обстоятельств вызывается причинами трёх типов. Во-первых, в силу неполноты любой фундаментальной теории, в силу объективной относительности наших знаний. Во-вторых, в силу допущенных ошибок субъективистского характера при создании фундаментальной теории или учёте конкретно-исторических условий. В-третьих, из-за принципиальной непредсказуемости тех или иных событий, явлений, в частности, ряда внешних обстоятельств.

Учёт непредусмотренных факторов и обстоятельств может потребовать частичного пересмотра, уточнения как круга объективных этапных целей, так и круга чрезвычайных целей. Может оказаться, что потребуется менее жёсткое задание целей или, наоборот, ужесточение их формулировки. Всё это в свою очередь должно повлиять и на постановку целей следующих (за очередным) этапов развития. Ряд целей, которые ранее считались присущими данному этапу, могут быть пересмотрены, отложены на будущее, заменены другими. Это означает, что есть круг объективно варьируемых и объективно неварьируемых целей. Ранжирование, следовательно, выступает как непрерывный процесс – процесс познания, развития фундаментальной теории и процесс разработки путей её осуществления. Перемены в сочетании целей, очерёдности их достижения (в рамках единой стратегической направленности развития) есть переход к иному варианту, иному пути развития. А это неизбежно влечёт за собой и переход к другому варианту ранжирования. Ранжирование, следовательно, вариант- но так же, как и развитие самой реальности. Из-за изменения оистемы ранжированных целей меняются и системные оценки значимости целей по сравнению с их оценками в других вариантах ранжирования*

Пятый принцип. Конкретно-историческое ранжирование, в отличие от предваряющих его теоретических разработок, не ставит и не может ставить жёстких границ, перегородок между этапами.

Ранжирование приближает систему целей к их реальному воплощению, описывает возможные и необходимые формы конкретно-исторического развития. Критерии этапирования, необходимые в научных разработках фундаментального характера, дозволяют оценивать социальные достижения и намётки на будущее широкой исторической меркой. Они составляют также основу научного управления развитием. Но они не могут предсказать непредсказуемое (а неопределенность – существенное свойство развития научно-технической мысли), предусмо-

3308

треть все научно-технические и организационные решения, которые могут быть использованы как средство ускорения развития производительных сил в будущем, не могут предвидеть все позитивные возможности и негативные последствия, связанные с научно-техническим прогрессом (особенно в условиях качественных скачков типа нынешней научно-технической революции). Поэтому жёсткость целей не означает безусловной жёсткости очерёдности их достижения. Напротив, усиление целевой направленности развития (чему служат логическая систематизация и ранжирование) создаёт больший простор для поисков путей быстрейшего и комплексного достижения социально-экономических целей. Предпочтительными будут такие пути, при которых быстрее осуществляются цели не только заданного теоретическими критериями этапа, но также и другие, более отдалённые цели. При этом попутно (впрочем, сознательно и планомерно) могут быть переосмыслены и изменены способы организационного воплощения достигнутых в прошлом социальных результатов. Правда, во всех таких случаях пересмотр и переоценка прошлых достижений предстанут в облике очередной ступени восхождения конечной стратегической цели, для которой найдены адекватные моменту формы

Характер (облик) результатов ранжирования целей

В итоге ранжирования цели, к реализации которых общество может и должно приступить после завершения того или иного этапа своего развития, получают системные оценки общественной их значимости для очередного этапа социально-экономического развития. Если ранжирование произведено в соответствии с описанными выше принципами, то абсолютная и сравнительная важность целей будет зафиксирована в следующих терминах.

I ранг – чрезвычайные цели. Эти цели имеют первостепенную важность. Все они подлежат безусловной реализации в пределах этапа и в этом смысле равноприоритетны. Цели чрезвычайного характе-

ра, образно выражаясь, "предцели", поскольку их реализация обеспечивает возможность самой постановки и, тем более, достижения всех других целей. Это цели, обеспечивающие сохранение целостности и качественного своеобразия общественной системы. Значимость чрезвычайных целей может быть такова, что необходима их срочная реализация – не к концу этапа, а раньше[45]. Круг целей I ранга определяется для каждого этапа заново. Реэультаты ранжирования могут также измениться в любой момент – сразу вслед за возникновением или осознанием чрезвычайных обстоятельств. Введение в систему целей чрезвычайных сразу же изменяет ранги всех других целей и, соответственно, увеличивает срок завершения этапа по сравнению о первоначально рассчитанным.

II ранг – б л и ж а й ш и е э т а п н ы е ц е л и . Их реализация необходима и достаточна для завершения этапа, если отсутствуют или выполнены чрезвычайные задачи. Все они подлежат реализации в пределах этапа и в этом смысле равноприоритетны. Этапные цели задают качественную определённость этапу. Они определены в процессе логической система тизации целей и затем модифицированы исходя из конкретно-исторических условий в специфические цели данной страны на данном этапе ее развития. Это цели, без которых в принципе нельзя говорить о переходе к следующему этапу при всей условности границ между ними,

III ранг – ц е л и с л е д у ю щ е г о э т а п а . Это отдельные социальные задачи, относящиеся по своему характеру к следующему этапу развития, но формы реализации которых достаточно ясны в момент ранжирования. Это объективно варьируемые цели. Они подлежат выполнению в пределах данного этапа лишь при условии получения социальных результатов, заданных целями I и II ранга, и в этом смысле равноприоритетны, Цели III

---

[45] Однако ранг безусловной реализации не есть ранг первоочередной реализации: приоритетность и очерёдность – не одно и то же.

ранга могут быть определённым образом взаимосвязаны – так, что одни являются предпосылками реализации других. Выявление таких связей обязательно, чтобы развитие было поступательным, чтобы преждевременно не ставились задачи, для решения которых не созданы все необходимые условия. Иными словами, они должны быть сгруппированы в соответствии о объективными причинно-следственными связями между ними,

В отношении целей III ранга справедлив вопрос: если общество способно реализовать за один и тот же срок (или с одними и теми же ресурсами) кроме целей I и II ранга ещё и часть целей III ранга, то какие из них следует выбрать для реализации? Должна ли система ранжированных целей заключать в самой себе указания о предпочтительности целей какого-либо иного характера, чем указанные выше ранги? Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть функции (назначение) системы ранжированных целей.

Функции оистемы ранжированных целей

Главная функция системы ранжированных целей состоит в том, что она является предпосылкой отбора круга экономически посильных и социально ориентированных вариантов развития общественного производства из всех технически возможных вариантов. Очертить круг экономически посильных и социально необходимых вариантов развития (назовем их социально-экономически эффективными вариантами) – задача долгосрочного прогнозирования народвого хозяйства. Наша мысль состоит в том, что долгосрочный прогноз развития народного хозяйства должен ориентироваться на систему ранжированных целей как на критерий социально-экономической эффективности при отборе возможных и допустимых вариантов развития.

Ориентируясь на систему ранжированных целей как на критерий социально-экономической эффективности, прогноз разрабатывает круг вариантов развития, которые

различаются:

– по полному кругу конечных социально-экономичеоких результатов (но при непременном достижении задач, обеспечивающих завершение этапа, то есть целей I и II ранга);

– по длительности периодов, необходимых для реализации целей;

– по необходимым ресурсам, в том числе.по необходимым достижениям научно-технического прогресса.

Экономическая реальность всех вариантов определена уже тем, что оценка возможности перехода к качественно новому этапу развития предваряет саму разработку системы ранжированных целей. Поэтому различия вариантов по ресурсам могут сказаться лишь на окончательном выборе круга целей (если будет задана длительность этапа) или на длительности этапа (если будет задан круг целей).

В литературе высказано мнение, что долгосрочный план должен охватывать период, необходимый для решения задач этапного масштаба, а длительность этого плана следует определять после того, как сформулированы эти задачи [6]. Это верно. В ниже следующем фрагменте мы, во-первых, аргументируем указанную позицию и, во-вторых, уточняем её на уровне такой схемы: сначала определяются цели, подлежащие безусловной реализации в пределах этапа; затем исходя из этих целей устанавливается длительность этапа и, следовательно, длительность долгосрочного плана; после этого круг целей долгосрочного плана может быть расширен за счёт целей, отнесённых к необязательным для завершения ближайшего этапа, но при условии, что это не потребует увеличения планового периода.

Каковы же критерии отбора варианта, подлежащего плановой реализации, из числа представленных долгосрочным прогнозом? Предположим, что приоритеты целей III ранга заданы. Возникает проблема: каков критерий отграничения дополнительных целей, включаемых в план, от целей, остающихся за его пределами? Очевидно, что

приоритеты самих целей не могут служить таким критерием, а решение, ориентированное лишь на эти приоритеты, отсечёт хоть и наиболее важные цели, но по произвольно выбранной границе. Ресурсы, которыми общество располагает, также не могут служить единственной основой формирования целей долгосрочного плана, ибо удлинение планового горизонта позволяет выполнить больший круг задач при одних и тех же исходных ресурсах. Таким образом, отбор целей III ранга для включения их в круг целей долгосрочного плана можно сделать лишь после установления длительности этапа (она же – длительность долгосрочного плана). Для определения этой длительности есть объективный критерий – н а и м е н ь ш и й с р о к , который требуется для реализации целей I и II ранга. Этот срок задаётся соответствующим вариантом из числа прогнозных. Но после того, как такой вариант определён, может (и должна быть) произведена более детальная его проработка и со стороны целей, и со стороны средств их реализации в форме вариантов долгосрочного плана заданного горизонта. Каждый такой вариант включает в число возможных целей долгосрочного плана и такие, которые в принципе можно реализовать в пределах планового горизонта в дополнение к целям I и II ранга.

Резюмируем особенности ситуации, в которой предстоит отобрать вариант долгосрочного плана, подлежащий реализации:

известна (уже определена) длительность долгосрочного плана;

варианты долгосрочного плана равноприемлемы по совокупности своих социально-экономических результатов, поскольку различные дополнительные социально-экономические цели взяты из арсенала равноприоритетных для данного этапа целей;

варианты долгосрочного плана равнодостижимы, поскольку они учитывают как затраты (ресурсы), потребные на реализацию дополнительных целей, так и наличные и потенциальные экономические, технические.и пр. возможности общества в плановом периоде.

Ситуация, как видим, такова, что отбор нельзя произвести по критерию, отражающему большую значимость или большую реальность варианта на данном этапе. Критерия, следовательно, либо нет (то есть можно выбирать любой из указанных вариантов плана), либо он должен отражать такие интересы общества, которые лежат за пределами ближайшего этапа развития, за пределами долгосрочного плана.

Со стороны целей эти интересы, однако, уже заданы ранжированием и учтены во всех сравниваемых вариантах плана. Остаётся, следовательно, единственный критерий для выбора варианта – лучшим из них является тот, который доставит обществу к концу планового периода наибольшие средства (возможности) для дальнейшего развития. Наибольшие – в прямом значении этого слова, поскольку они должны быть оценены количественно, экономически. Наилучшая же стратегия развития на качественном уровне (на языке перемен в социально-экономических отношениях) определена раньше – в результате логической систематизации целей и конкретно-исторического их ранжирования.

Величина средств, которыми общество будет располагать к концу долгосрочного планового периода, складывается под воздействием факторов двух типов. Во-первых, в зависимости от традиционно понимаемой экономической эффективности различных вариантов. Наилучший вариант с этой точки зрения – тот, который требует для своего осуществления наименьших общественных затрат в пределах планового периода. Во-вторых, в зависимости от таких факторов, которым экономисты, исследующие проблему ооциально-экономичеокой эффективности, уделяют сейчас всё большее внимание. Факторы эти – воздействие изменившихся социальных условий на экономическую эффективность общественного труда. Наилучший вариант с этой точки зрения – тот, который повышает экономический эффект в силу получения определённых социальных результатов (например, улучшение условий труда увеличивает его производительность, снижает или

ликвидирует потери от профессиональных заболеваний и т.п.). Очевидно, что из вариантов плана для реализации надо избрать тот, который доставляет максимальный экономический выигрыш по совокупности факторов обоего рода. Однако эти экономические соображения приобретают силу критерия при выборе дополнительных плановых целей только потому, что сравниваемые варианты плана социально равноприемлемы – социальные результаты каждого из вариантов равноприоритетны как таковые.

После сказанного можно назвать и вторую функцию системы ранжированных целей: на основе этой системы происходит окончательное формирование целей долгосрочного плана.

Предложенная логика формирования целей долгосрочного плана как итога последовательной систематизации целей (в том числе этапирования развития, конкретно-исторического ранжирования целей, определения длительности этапа) существенно отлична от логики, в соответствии о которой сначала расписываются в качестве целей долгосрочного плана все многообразные общественные потребности, которые можно уловить на поверхности общественных явлений, и лишь затем определяется экспертным путём сравнительная важность целей (присваиваются целям ранги или веса) [7]. При таком способе формирования целей долгосрочного плана и их ранжировании (нормировании) нет возможности использовать содержательные критерии отбора прогнозных и планового варианта развития. Не подлежит сомнению плодотворность метода "дерева целей" как инструмента движения от целей плана к ресурсам, к выявлению альтернативных способов реализации тех или иных целей. Однако принцип формирования самых верхних уровней дерева целей должен явно учитывать качественное единство целей, обеспечивать строгую стратегическую направленность ооциально-зкономичеокого развития и необходимость поэтапного движения.

Конкретно-историческое ранжирование целей в двух рассмотренных выше его функциях составляет важ-

нейший элемент методологического решения проблемы многовариантного долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития. Варианты прогноза, а затем и варианты долгосрочного плана получают социальное.обоснование. Более того: чем больше длительность этапа, тем больше оснований многообразить варианты, поскольку цели на длительную перспективу не могут быть заданы однозначно – в конкретных организационных формах. Заданные же как направления развития эти цели определяют границы варьирования организационными формами и открывают возможность целенаправленного поиска лучших путей развития на отдельных временн***ы***х отрезках этапа.

Система ранжированных целей выполняет еще одну функцию – на её основе должны разрабатываться ориентиры для улучшения хозяйственных решений в процессе реализации долгосрочного плана. При осуществлении планов возникают дополнительные (по сравнению с заданиями) возможности и трудности. Чтобы оперативно сформировать наилучшую тактику хозяйствования в конкретных условиях, исполнители должны самостоятельно решать ряд проблем по преодолению трудностей и использованию дополнительных ресурсов. Однако самостоятельность не должна нарушать единства, субординированности целей, её необходимо всецело подчинить стратегическим задачам развития. Это требует интерпретировать цели III ранга, не вошедшие в долгосрочный план, как стратегические социальные ориентиры хозяйственной и технической политики, Хозяйственные решения будут считаться лучшими, если заданные планом или сэкономленные ресурсы использованы на задачи, вытекающие из системы ранжированных целей.

Рассмотрение функций системы ранжированных целей позволяет сделать следующий вывод. Распределение целей по рангам требует качественного анализа важности целей. Такой анализ, будучи проведён, не нуждается в каком-либо ином оформлении своих результатов, кроме указанных рангов и определения причинно-следст-

венной взаимосвязи целей. На основе ранжирования могут быть установлены длительность и цели долгосрочного плана. Ясно, что все прочие хозяйственные планы (среднесрочные, текущие) будут формироваться в процессе установления объективной очередности социально-экономических преобразований внутри долгосрочного планового периода.

Критерий ранжирования целей явно определён принципами ранжирования, в первую очередь – необходимостью обеспечить стратегическую направленность развития и его поэтапность.

Нет необходимости в каких-либо дополнительных формальных приёмах для установления приоритетности целей. Нет необходимости фиксировать приоритетность целей (их сравнительную важность) в виде каких-либо числовых выражений, например, баллами, весами. Конечно, отказ от подобных формальных выражений сравнительной важности целей накладывает существенный отпечаток на форму представления интегрального социально-экономического эффекта – это не будет какой-то единый показатель или какое-то одно условное число.

2.2. Формирование плановых критериев социально-экономической эффективности

П л а н о в ы м и к р и т е р и я м и социально-экономической эффективности мы называем такие требования к результатам развития производства, в том числе научно-технического, выполнение которых обеспечивает реализацию целей долгосрочного народнохозяйственного плана в заданные сроки.

Плановые критерии эффективности формируются в процессе разработки системы хозяйственных планов, если имеет место определённая последовательность планирования социально-экономических результатов функционирования экономики. Эта последовательность должна строго соответствовать иерархии звеньев системы управления – иерархии плановых горизонтов (от более к менее

длительным), иерархии уровней управления (от народного хозяйства к низовому хозяйственному звену).

Структурные характериотики плановых критериев эффективности

В контексте проблем социально-экономической эффективности в поле зрения исследователя попадают не только и не столько отличия в средствах (затратах) по реализации каких-либо целей, но в первую очередь – различия в самих ц е л я х . Поэтому под различными вариантами мы подразумеваем прежде всею такие пути развития, которые ориентируются на разные цели (прогнозные и плановые варианты) или приводят к различным фактическим результатам (реализованные варианты), значимость которых сравнима с различиями в поставленных целях. Очевидно, что возможность оценки планируемого или фактического результата в терминах совпадения или несовпадения с целью зависит от конкретности задания самих целей. Управление социально-экономическим развитием должно ориентироваться на качественные перемены в общественных отношениях. Поэтому различия в количественных значениях параметров (пока они не достигают стадии качественною окачка) не могут считаться основанием для заключения о переходе к другому варианту развития. .Из этого следует, в частности, что формулировка социально-экономических целей (если цели позволяют количественную их интерпретацию) должна осуществляться путём указания границ (верхних и нижних или одной из них) количественных параметров, в рамках которых результат считается соответствующим цели.

Если это требование к способам задания целей не соблюдается (цели задаются излишне конкретно), приходится постоянно корректировать эти уж слишком конкретные выражения целей и одновременно с каждой такой корректировкой заново балансировать общественные потребности и ресурсы.

К целям, не позволяющим количественную интер-

претацию (или количественная конкретизация которых по каким-либо причинам не нужна), требование к способу задания в форме границ значений параметров не относится. Они, очевидно, не могут задаваться иначе как в форме указания на развитие в определенном направлении. В связи с этим и требования к результату становятся менее жёсткими, менее конкретными. .

Итак, различия в целях (прогнозных, плановых, фактически достигаемых) – вот первая характеристика, которая в безусловном порядке является критерием отграничения вариантов друг от друга. Если цели (результаты) варианта соответствуют объективно обусловленным целям, такой вариант социально необходим (целесообразен), если нет – не имеет смысла дальнейший разбор этого варианта в терминах теории эффективности.

Однако и для вариантов, соответствующих объективно обусловленным целям, одной этой характеристики для заключения об их социальной (в узком смысле этого слова) и, тем более, социально-экономической эффективности недостаточно. Следует рассмотреть и другие параметры вариантов, отличающие их друг от друга. Эти другие отличия касаются средств реализации целей. Среди этих средств есть две существенно различные группы: способы поведения экономической системы и ресурсы, включая возможности, предоставляемые ускорением научно-технического прогресса.

Использование различных способов поведения, конечно, адекватно различным вариантам развития. Но с точки зрения проблем социально-экономической эффективности важны лишь такие различия, которые делают вариант социально допустимым или недопустимым. Если все хозяйственные действия и мероприятия (как планируемые, так и фактические) обеспечивают реализацию заданных целей, не вызывают сопутствующих результатов, противоречащих этим целям и общей стратегической линии развития, то любые варианты такого поведения социально допустимы.

Если речь идёт о выполнении плановых целевых установок, то в число условий, ограничивающих круг социально допустимых вариантов, входит и время, отведённое на реализацию целей. Характеристика социальной допустимости применима, следовательно, лишь к тем вариантам, которые прошли сверку с системой целей, причём с учётом специфической их характеристики – плановых сроков достижения.

Рассмотрение второй группы средств – ресурсов, которыми располагает общество в целом или которыми оно наделяет свои части[46], – приводит к различению вариантов реальных и нереальных. Вариант р е а л е н, если не требует ресурсов больше, чем выделено обществом на соответствующие цели. Учёт возможностей использования специфического ресурса – научно-технического прогресса – расширяет границы реальности вариантов.

Зафиксируем теперь следующее определение. Варианты являются с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к и э ф ф е к т и в н ы м и, если обеспечивают достижение заданных целей в плановые сроки при соблюдении установленных ограничений на способы хозяйственного поведения и ограничений на ресурсы. Таким образом, плановый критерий социально-экономической эффективности производства и научно-технического прогресса описывается четырьмя принципиальными характеристиками:

– социально-экономическими целями;

– сроками, отведёнными для достижения целей;

– ограничениями на способы хозяйственного поведения (функционирования);

– ограничениями на ресурсы, которые выделяются

---

[46] Имеется в виду не какая-либо одна форма распределения ресурсов между звеньями хозяйства (например, фондирование), а вся совокупность форм планомерной звенной и целевой организаций трудовых, материальных, финансовых и природных ресурсов.

планом и признаются им необходимыми и достаточными (с учетом возможностей научно-технического прогресса) для достижения целей.

Именно такая принципиальная структура планового критерия эффективности обеспечивает направленность развития народного хозяйства на цели долгосрочного плана и своевременную их реализацию. В то же время формы целевых установок и ограничений на средства их выполнения для народного хозяйства в целом и для звеньев воспроизводственной структуры имеют существенные особенности.

Для народного хозяйства в целом целевыми установками являются плановые результаты (задания) народнохозяйственных планов. Они задаются плановой траекторией социально-экономического развития, которая устанавливает очерёдность социально-экономических преобразований в пределах этапа. При этом в качестве целевых установок долгосрочного и внутриэтапных народнохозяйственных планов могут выступать и социальные результаты как таковые, и экономические результаты. Иначе говоря, социально-экономические цели народнохозяйственных планов – это плановые достижения в области сближения социально-экономического положения членов общества и параметры, характеризующие изменение экономических возможностей общества по реализации социальных достижений.

Плановая траектория социально-экономического развития накладывает также и ограничения на способы функционирования народного хозяйства в целом. Социальные и экономические результаты каждого периода, если их круг шире запланированного, не должны препятствовать реализации долгосрочной траекторий социально-экономического развития, которая определена в основных своих чертах в избранном варианте долгосрочного плана.

Параметры, обеспечивающие целевую направленность развития, с одной стороны, и необходимое для этого изменение экономических возможностей, с другой стороны, соотносятся друг с другом как заданные социальные и

экономические результаты лишь на народнохозяйственном (в том числе межотраслевом) уровне. На уровне звеньев воспроизводственной структуры (в том числе хозрасчётных звеньев) направленность хозяйственной деятельности на социальные и экономические результаты, заданные народнохозяйственным планом, обеспечивается нормами и правилами хозяйствования. Часть этих норм имеет форму плановых заданий звену (предприятию, отрасли, региону), другая часть – форму ограничений на способы выполнения этих заданий.

Направленность на экономические результаты обеспечивается при помощи следующих основных типов норм и правил:

– требования к величине хозрасчётного результата (размер отчислений от прибыли звена обществу – в форме абсолютного размера и (или) в форме ставок платежей за привлеченные ресурсы, других платежей);

– правила распределения прибыли, в том числе нормы отчислений в хозрасчётный доход;

– правила хозяйственного оборота, в том числе оценки ресурсов, цены на продукцию и (или) правила ценообразования;

– ограничения на ресурсы звена (производственные, кредитные и пр.) и (или) правила их формирования и пр.

В качестве примеров норм и правил, соблюдение которых гарантирует подчинённость хозяйственной деятельности социальной политике, можно привести:

а) требования к конечным результатам функционирования звена:

– в форме требований к объёму производства и (или) к роли звена в удовлетворении общественных потребностей. В зависимости от развитости методов, гарантирующих макропропорциональность, ими могут быть объёмы производства, поставок по конкретным видам продукции; те или иные стоимостные показатели общего объёма производства, поставок; производствен-

ный профиль звена и др.;

– в форме требований к качеству продукции, закреплённых в государственных стандартах и т.п. и гарантирующих получение запланированного социального эффекта в сфере потребления продукции;

б) правила использования трудовых ресурсов (регламентация труда) – продолжительность рабочего времени; запреты, ограничения по привлечению отдельных категорий работников на те или иные работы; задания по сокращению, ликвидации отдельных вадов труда; нормы, определяющие условия труда и пр.;

в) нормы природопользования, в том числе требования по улучшению (стабилизации) состояния окружающей среды;

г) принципы оплаты труда;

д) принципы формирования льгот и компенсаций за тяжёлые условия труда и т.п.

Требования, вытекающие из социальной политики (их уместно назвать нормативами социальной эффективности), должны носить по преимуществу ступенчатый характер: звено должно располагать информацией об изменении нормативов социальной эффективности в течение планового долгосрочного периода или хотя бы в течение ближайших лет,

Наличие нормативов социальной эффективности, доведённых до отдельных звеньев хозяйства, предполагает последовательную конкретизацию заданных народнохозяйственным планом социальных и экономических результатов по уровням управления, При этом часть нормативов может носить общегосударственный (общехозяйственный) характер, другая часть – локальный (в масштабах отрасли, региона и т,п.) характер. Посредником между государственной социально-экономической политикой и конкретными социальными нормативами являются направления общегосударственной, межотраслевой, региональной, отраслевой хозяйственной и технической политики.

Нормы и правила хозяйствования обеспечивают

соответствие социально-экономических целей и средств их реализации, используемых в хозяйственных звеньях; обеспечивают единую направленность действий всех элементов воспроизводственной структуры; согласуют локальные хозрасчетные и социальные интересы с общенародными; обеспечивают приоритет общенародных интересов, сохранение и укрепление достигнутых социальных результатов.

Регламентация поведения звеньев воспроизводственной структуры при помощи норм и правил хозяйствования выдвигает проблему определения меры их нарушения, которая должна быть сигналом к пересмотру принципов формирования норм и правил. Очевидно, что если нарушение регламентаций на способы поведения хозяйствующих субъектов или же невыполнение ими плановых заданий при соблюдении всех установленных норм и правил приобретают массовый систематический характер, это свидетельствует, о принципиальном несовершенстве хозяйственного механизма. Наступил, следовательно, переломный момент, требующий разового его пересмотра – реформы, которая должна привести формы и методы хозяйствования в соответствие друг с другом и с реальным состоянием общественного воспроизводства. Возможность планомерного периодического совершенствования хозяйственного механизма посредством реформ есть специфический общественный ресурс – научно-организационный прогресс.

Критерий оптимизации эффективных решений. Субординация социальных и экономических критериев

В связи с тем, что в вышестоящих звеньях системы управления невозможно заранее предусмотреть все конкретные способы совершенствования производства в подчинённых звеньях, и особенно в связи с возможностью применения в производстве научно-технических достижений, характеристика ⁿооциально-экономическая эффек-

тивность” применима, как правило, к кругу вариантов развития производства. Один из вариантов этого .круга является о п т и м а л ь н ы м . Критерий социально-экономической оптимальности отличается от критерия социально-экономической эффективности тем, что в его состав входит требование максимальной экономии времени на реализацию целей (плановых заданий) или общественных ресурсов (как применённых, так и в форме экономии затрат).

Праздный, казалось бы, вопрос – откуда проистекает требование минимизации времени и ресурсов? – имеет принципиальное значение. Ответ на него позволяет строго обозначить субординацию социальных и экономических критериев эффективности, указать условия, определяющие их однонаправленность, непротиворечивость.

Ограниченность общественных ресурсов, которой непосредственно можно логически обосновать (и так это часто и делается) требование их экономии, вообще-то говоря, относительна – о ней имеет смысл говорить, лишь сопоставляя: ресурсы о распределением целей во времени. Если бы обществу были безразличны последовательность и сроки достижения целей, оценка реальности варианта не связывалась бы с наличием ресурсов, следовательно, понятие «ограниченность ресурсов» применительно ко всему обществу стало бы бессодержательным.

Социалистическое общество не только устанавливает последовательность социально-экономических достижений и их сроки. Оно заинтересовано в у с к о р е н и и социального прогресса, следовательно, при прочих равных условиях, в быстрейшем решении очередных социально-экономических задач. Прочие равные условия – это всё то, что было сказано о принципах этапирования развития и ранжирования целей; о принципах определения длительности и целей долгосрочного плана; обусловленности заданий внутриэталных планов, норм и правил хозяйствования долгосрочными целями. Если всё это имеет место, то экономия времени выступает един-

ственным социальным критерием при выборе конкретных путей развития. Иными словами, однонаправленность структурных характеристик критерия социально-экономической оптимальности, возможность их совместного применения, их непротиворечивость обеспечиваются определённой процедурой формирования самого критерия. И только применение этой процедуры делает возможным использовать максимальную экономию времени в качестве одной из характеристик критерия оптимальности. В противном *случае* сокращение времени на выполнение планов не есть свидетельство ни социально-экономической оптимальности, ни социально-экономической эффективности избранного варианта развития.

Экономия времени непосредственно выступает социальным критерием эффективности, правда, лишь при определении целей и длительности долгосрочного планового периода. Здесь из всех вариантов, ориентированных на систему ранжированных целей и реальных по ресурсам, избирается вариант с наименьшей длительностью. На всех других стадиях управления требование ускорения социального прогресса (экономии времени) выступает в форме экономии ресурсов, ибо экономия ресурсов позволяет решить за один и тот же срок больший круг задач, что равносильно экономии времени (сказанное охватывает и случаи перевыполнения плана). Следовательно, требование экономии ресурсов (или затрат) восходит как к исходному положению к социально обусловленному требованию быстрейшего продвижения по пути социального прогресса, к тезису об "ограниченности" времени. Экономический эффект, являясь средством "повышения" социального эффекта, выступает как одна из сторон единого социально-экономического эффекта, как составляющая социального (в широком смысле) эффекта.

Политика общества в отношении использования ресурсов должна проводиться в жизнь посредством определённой системы критериев экономической эффективности, учитывающей разную степень ограниченности раз-

личных ресурсов в каждом конкретном периоде в рамках требования всесторонней бережливости, возведения режима экономии во всеобщий принцип социалистического хозяйствования. По экономическим критериям выбираются из числа вариантов целесообразных, социально допустимых и реальных по ресурсам (то-есть, по нашей терминологии, из числа вариантов социально-экономически эффективных) наиболее экономичные варианты. Стало быть, критерии собственно экономической эффективности являются лишь с р е д с т в о м о п т и м и з а ц и и о о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к и э ф ф е к т и в н ы х р е ш е н и й.

Критерии экономической эффективности подчинены всем другим характеристикам социально-экономического критерия. Все другие характеристики критерия (соответствие целям, срокам, нормам и правилам хозяйствования, ресурсам) выступают по отношению к нему как первоначальные социальные ограничения, как требования, которые должны быть учтены в первую очередь, – как социальные критерии.

Деление критериев на социальные и экономические имеет смысл только при установлении субординации различных структурных характеристик многопланового социально-экономического критерия оптимальности. Во всех других отношениях они равноправны – во-первых, потому, что вариант, подлежащий реализации, избирается по совокупности социальных и экономических характеристик критерия, по полному их набору; во-вторых, потому, что экономический критерии есть другое выражение одного из важнейших критериев общественного прогресса при социализме; в-третьих, потому, что субординация этих критериев задаёт лишь определённую логическую последовательность процедур при сравнении различных вариантов, но не умаляет важности ни одного из них, не означает, что одной из характеристик критерия можно пренебречь, или что какая-то из них может перевесить значение другой.

2.3. Основные черты системы критериев

После того, как логика и содержание целеполагающих решений рассмотрены, можно охарактеризовать основные черты системы социально-экономических критериев эффективности, которая задаётся народному хозяйству этими решениями.

Система критериев эффективности существует в силу сложности, структурности и целенаправленного развития социально- экономического организма. Систему критериев образуют:

1) стратегическая подсистема критериев – система социально-экономических целей, ранжированных применительно к очередному этапу развития;

2) плановая подсистема критериев – социально-экономические результаты народнохозяйственных планов; нормы и правила хозяйствования, в том числе:

а) текущие плановые требования – требования, выполнение которых обязательно для того или иного внутриэтапяого планового периода;

б) долгосрочные плановые ориентиры – требования, которые подлежат обязательному выполнению за пределами того или иного внутриэтапного планового периода; приоритеты этих требований в форме последовательности их реализации;

3) критерий оптимизации социально-экономически эффективных решений – требование экономии времени или ресурсов при условии соответствия результатов хозяйственного развития плановой и (или) стратегической подсистемам критериев. Соблюдение этого требования означает, что сфера применения экономических критериев ограничена и в тех случаях, когда в процессе разработки планов и в ходе их выполнения выявляются возможности получить лучшие социальные результаты по сравнению с теми, которые заданы текущими плановыми требованиями. Экономические критерии могут применяться в подобных случаях для предпочтения одних социальных результатов другим лишь при равноприоритетяости этих

результатов с точки зрения общества в данном периоде его развития.

Характер системы критериев требует и позволяет интерпретировать социально-экономическую эффективность хозяйственного развития либо как совпадение параметров варианта с критериальными требованиями, либо как «попадание» значений регламентируемых параметров в заданные границы варьирования ими.

Система критериев характеризуется е д и н с т в о м критериальных требований. Единство это есть такое свойство, которое не совпадает с наличием единого (единственного) критерия и не тождественно многокритериальности. Единство критериев состоит в стратегической.однонаправленности и строгой субординированности конкретно-исторических критериальных требований, оно обеспечивается способом формирования критериев. Субординация критериев эффективности соответствует:

– субординации уровней управления (система критериальных требований для данного уровня хозяйства задаётся вышестоящими уровнями);

– субординации плановых горизонтов (критериальные требования для каждого периода вытекают из его роли в большем плановом периоде);

– субординации социального и экономического (экономические критерии подчинены социальным);

– субординации стратегического и планового (плановые критерии обусловлены стратегическими).

Единство критериев проявляется и в однотипности структуры обязательных требований, которым должны удовлетворять различные хозяйственные решения.

Эффективность научно-технического прогресса и эффективность развития производства (хозяйства) должны оцениваться исходя из одной и той же системы критериев не только потому, что научно-технический прогресс подчинён общественным целям. Тождество содержания и всех конкретных форм социально-экономической эффективности (оптимальности) производства и научно-технического прогресса обусловлено также и тем, что

конечная цель социализма и все вытекающие из неё задачи не могут быть достигнуты без научно-технического прогресса. Сроки, решения этих задач также устанавливаются исходя из оценки возможностей развития хозяйства в условиях научно-технического прогресса. В той мере и поскольку научно-технический прогресс выступает всеобщей формой развития социалистического производства, эффект от его оптимизации по социально-экономическим критериям должен быть целиком отнесён и на счёт научно-технического прогресса. Этот эффект можно распределять или по отдельным направлениям научно-технического прогресса, (механизация, автоматизация, научная организация труда и т.п.), или по конкретным мероприятиям, а отбор эффективных вариантов научно-технического развития имеет смысл только как отбор социально-экономически эффективных вариантов развития производства.

III.
ПРИНЦИПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СООТВЕТСТВИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИТЕРИЯМ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Особенности и специфические задачи методики определения социально-экономической эффективности

Определение социально-экономической эффективности – задача совершенно иного класса, нежели определение эффективности экономической. Этот вывод неизбежен после того, как рассмотрены методология конкретизации конечной стратегической цели социализма и принципы планомерного формирования критериев социально-экономической эффективности.

Действительно, при отборе вариантов по экономическим критериям эффект (экономический эффект) является искомой, оптимизируемой величиной. При прочих

равных условиях (если заданы ограничения и они выполняются) отбирается вариант, дающий наибольший экономический эффект. При отборе по социально-экояомическим критериям наибольший эффект (социально-экономический эффект) не ищется, а з а д а ё т с я . Оптимизируется же величина затрат на его достижение[47].

Изложенная в первых двух разделах трактовка социально-экономической .эффективности перемещает центр тяжести при исследовании этой проблемы на задачу формирования общественных требований к результатам развития производства. Если же она решена, то по существу решён и вопрос о выборе варианта развития с наилучшей совокупностью разнокачественных социально-экономических результатов. Остаётся лишь из множества возможных вариантов выделить такие, которые соответствуют заданным требованиям. А .выбрать из них оптимальный по экономическому критерию – задача, методы решения которой разработаны и совершенствуются в рамках теории экономической эффективности. Рассмотрев классы целеполагающих решений и их последовательность, мы тем самым показали, почему, каким образом, в какой форме при социализме в различных хозяйственных ситуациях (в том числе и при выборе самих целей долгосрочного плана) предопределяется совокупный социально-экономический эффект: обеспечивается заданность ряда социально-экономических результатов и формируются условия, при которых разнокачественность (нетождественность) некоторых социальных результатов не является препятствием для применения экономических критериев оптимизации. Из жёсткой заданности социально-экономических результатов и границ варьирования ими происте-

---

[47] На ступенчатый характер процедуры выявления оптимального варианта указывал ещё В.В.Новожилов. Он связывал его о существованием элементов эффекта, не поддающихся непосредственному измерению, но тем не менее "как-то" сопоставляемых и взвешиваемых планирующими органами [8, с. 62-63].

кают главные особенности принципов определения социально-экономичеокой эффективности научно-технического прогресса.

П е р в а я о с о б е н н о с т ь состоит в том, что разработанная на их основе методика не позволит выразить социально-экономический эффект числом и сравнить варианты по методу «второй вариант на 15% эффективнее первого». В то же время такая методика учтёт с необходимой и достаточной полнотой качественные взаимосвязи научно-технического прогресса с системой общественных (в том числе и экояомических) отношений.

Такой подход к определению социально-экономической эффективности научно-технического прогресса ничуть не отвергает, а напротив, вбирает в себя все возможные количественные соизмерения (как, например, расчёты экономической эффективности, количественный анализ динамики отдельных составляющих социально-экономического эффекта – таких, например, как повышение уровня жизни, уменьшение дифференциации доходов различных социальных групп и т.п.). Но он не приемлет необоснованных искусственных расчётов, подменяющих качественные зависимости количественными соотношениями ради удобства последующих вычислений, при выполнении которых никто уже больше и не вспоминает о сомнительности и условности сделанных допущений. Мы имеем в виду попытки выразить социально-экономический эффект при помощи одинаковой стоимостной или какой-либо иной, условной, единицы измерения разнокачественных результатов для того, чтобы затем найти вариант, дающий при заданных ограничениях наибольший социально-экономический эффект.

Решающий аргумент в пользу неправомерности, тупикового характера таких поисков – н е н у ж н о с т ь интегрального количественного выражения социального или социально-экономического эффекта для выбора лучшего варианта развития.

Мы, следовательно, вовсе не считаем невозможным соизмерять экономические и социальные результаты

и, тем более, не связываем такую невозможность с разнокачественностью результатов, Принципиально немыслимо лишь найти универсальную единицу измерения, которая вобрала бы в себя всё существенное многообразие конкретных свойств различных социальных явлений и позволила бы выразить отличия целостной совокупности этих свойств (то есть отличия в качестве) исключительно как количественные различия. Другое дело – соизмерение на базе некоторых общих свойств, в рамках которых различные общественные явления разнятся сугубо количественно. Такие соизмерения, конечно, возможны и осуществляются в реальной действительности там, где это объективно необходимо. Пример тому – способ соизмерения различных (разнокачественных) потребительных стоимостей на основе стоимости. Другой пример – формы денежной компенсации морального или физичеокого ущерба, определяемые в гражданском и уголовном праве. Во всех подобных случаях происходит, вообще говоря, соизмерение разных социальных ценностей в одинаковых единицах.

Заданность социального и социально-экономического эффекта перечнем стратегических целей, плановых социальных и экономических результатов, нормами и правилами хозяйствования, приоритетами долговременных социальных ориентиров (в форме допустимой последовательности тех или иных достижений) практически исключает свободу выбора в отношении совокупности социально-экономических результатов. Свобода эта имеет место лишь в узких рамках равноприоритетности разнокачественных результатов, когда для их отбора можно применить экономический критерий. Отобранный вариант будет лучше з социально-экономическом отношении, но для выбора опять-таки не надо (!) суммировать социально-экономические результаты, потому что переменная (оптимизируемая) величина одна – только экономический эффект.

Стремление выразить социально-экономический эффект количественно порождено, очевидно, тем, что в области определения экономической эффективности эф-

фект выражается именно в одинаковых единицах, а варианты отбираются по максимальному количественно выраженному эффекту. Но теория экономической эффективности опирается на реальный, порождённый товарно-денежным механизмом количественно-стоимостной способ соизмерения экономических результатов труда и его затрат[48]. Традиционность, кажущаяся простота й надёжность такого подхода побуждают часть исследователей искать универсальную единицу измерения и для социально-экономических эффектов. Однако общественный механизм, породивший стоимостные (точнее, основаняые на стоимости денежно-ценностные) оценки, вовсе не способен обеспечить стратегическую целенаправленность социалистического производства. Для того, чтобы общество развивалось по пути восхождения к своим стратегическим целям, необходимы иные способы управления воспроизводственными процессами и, следовательно, иные методы оценки эффективности. В комплексной оценке эффективности стоимостные меры, обусловленные т о в а р н о с т ь ю планомерного социалистического производства, удовлетворительно служат лишь для соизмерения значимых для общества издержек и хозрасчётных результатов функционирования звеньев, *но* вовсе не для измерения успехов в социально-экономическом развитии. П л а н о м е р н о с т ь социалистического товарного производства требует, чтобы эффективность производства оценивалась непременно в контексте его целенаправленности – по соотношению фактических результатов заданным. Признание такого рода эффектов, значимость которых для общества не может быть выражена стоимостным измерением, потребовала в свое время введения

---

[48] Тот факт, что экономисты вовлекают в свои исследования и факторы производства, не являющиеся результатами воспроизводственной деятельности, ничуть не меняет нашего утверждения. Эти факторы привлекаются экономистами лишь как условия, определяющие производительную силу труда.

известного "правила тождества эффекта", чтобы методы сравнительной экономической эффективности были правомерны [8]. То, что теория экономической эффективности принимает в качестве условия, ограничивающего сферу применения её методов, теория социально-экономической эффективности должна рассматривать в качестве своего специального предмета анализа.

Исходя из сказанного следует оценивать любые попытки выразить общий социально-экономический эффект развития производства и техники единой стоимостной мерой. В то же время нам понятны побудительные мотивы, которые приводят к стоимостным оценкам социальных результатов (в форме ли повышения экономической эффективности за счёт социальных факторов, в форме ли затрат на достижение социальных результатов). Это – стремление "подтолкнуть" практику к осуществлению тех или иных важных социальных результатов. Аргументами для этого служат либо большой экономический эффект от улучшения социальных условий, либо не такие уж великие затраты на их достижение. Однако в других, совершенно реальных случаях (когда экономический эффект мал или затраты велики) эти оценки будут служить аргументом п р о т и в получения тех или иных социальных результатов и в этом мы видим главную опасность их универсализации. Содержание значимости для социалистического общества гораздо шире, чем экономическая выгодность.

Наряду со стоимостными оценками для интегрального количественного выражения социально-экономического эффекта предлагаются различного рода искусственные приёмы, предполагающие применение условных единиц измерения. Это направление более радикальное и смелое, чем первое, ведёт, на наш взгляд, к отрыву процесса определения эффекта от реальных социально-экономических процессов. Мы имеем в виду в первую очередь и по преимуществу метод суммирования различных составляющих общего социально-экономиче-ского эффекта, взвешенных по весам или баллам, отражающим якобы

различную общественную важность тех или иных социально-экономических целей. Мы показали, что качественные принципы ранжирования целей есть, а для задания социально-экономического эффекта веса целей не нужны. Акт присвоения весов (баллов) упрощает проблему ранжирования, помогает исследователю уйти в сторону от сложности реальной действительности. Присвоение количественных весов – приём, без которого не может обойтись векторная оптимизация, С точки зрения математики такое абстрактное конструирование единого интегрального критерия вполне правомерно[49]. С точки же зрения политической экономии не ясно, по какому критерию предпочесть одни социально-экономические цели другим и как выбрать конкретные веса, то есть не ясны пути реализации абстрактных моделей.

Реальная действительность (речь идёт о реальной действительности социализма) до сих пор обходилась без сведения общественных целей, потребностей, неэкономических результатов и последствий развития друг к другу или к каким-то третьим общественным явлениям. Поэтому бесперспективно искать в реальной действительности единую меру (масштаб), для их обсчёта. Сказанное не означает, что в практике социалистического планирования и управления не происходит вообще никаких сравнений социально-экономических эффектов. Социалистическое общество, развиваясь целенаправленно и планомерно, непременно учитывает взаимосвязь общественных явлений, определяет их важность для достижения своих ближайших и конечных целей. Иное дело – характер таких сравнений (оценок), методы выбора путей развития. Поиски универсальной единицы измерения, надо надеяться, принесут ряд полезных в прикладном отношении усовершенствований методов количественных измерений соци-

---

[49] Некоторые экономисты показали, что экономическим задачам отвечают не только чисто числовые, но и нечисловые виды соизмерений [9, С.39]. Это, несомненно, шаг вперёд.

альных и экономических процессов. Однако это "вычислительное направление" отвлечёт еще немало сил на неэффективный путь решения проблемы социально-экономической эффективности, выдвинет немало прожектов чудо-показателей и остроумных утопических моделей управления хозяйством и обществом, навяжет ещё не одну дискуссию по методологическим вопросам.

Вторая особенность методических принципов определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса связана со структурой взаимосвязей общественных процессов, с их объективной иерархией, субординированностью. Экономисты не могут игнорировать в своих исследованиях наличие различных хозяйственных уровней (народное хозяйство в целом, производственная отрасль, чистая отрасль, хозрасчётное предприятие или объединение и т.п.). Это находит отражение и в разработке не одного, а нескольких показателей экономической эффективности. Постановка вопроса о социально-экономической эффективности, будучи более широкой, вовлекает в исследование дополнительно и учёт субординированности социального и экономического аспектов научно-технического прогресса. Усложнение это затрагивает всю пирамиду методов расчёта экономической эффективности, ибо привносит на каждый из уровней дополнительный (социальный) критерий, ужесточающий требования к любому из вариантов.

Принципиальнал схема отбора вариантов, или общая постановка вопроса об интегральном эффекте

Указанные особенности методики определения социально-экономической эффективности могут породить вопрос: позволит ли эта методика выявлять интегральный эффект? В целом на этот вопрос мы отвечаем положительно. Отвечающая излагаемым, принципам методика (и, кстати, только такая методика) позволит выявить интегральный социально-экономический эффект развития про-

изводства, в том числе научно-технического. Другое дело – вид (выражение) этого эффекта.

Интегральный эффект не будет выражен числом каких-либо единиц измерения, в полной однородности которых растворилось (интегрировалось) всё разнообразие социально-экономических процессов и явлений, возникающих в ходе и под воздействием научно-технического прогресса. Поскольку их количественное соизмерение, как было показано, не решает задачи определения социально-экономической эффективности научно-технического прогресса, любой числовой интегральный социальный или социально-экономический эффект и любая приводящая к нему методика, с нашей точки зрения, не могут представлять интереса.

О б щ а я ф о р м у л а и н т е г р а л ь н о г о э ф ф е к т а : ***интегральным (обобщённым) выражением социального или социально-экономического эффекта развития производства (в том числе научно-технического его развития, отдельного нововведения, мероприятия) являются социальные и экономические результаты варианта, и з б р а н н о г о для реализации,***

Эта формула интегрального эффекта может обескуражить тех, кто привык к следующей технологии выявления экономически эффективного варианта:

– выявляем интегральный эффект каждого из вариантов;

– сравниваем интегральные эффекты отдельных вариантов, находя наибольший из эффектов, а тем самым лучший из вариантов.

Однако при определении социально-экономической эффективности такая технология совершенно непригодна. Поэтому числовое выражение интегрального эффекта не имеет никакого практического смысла и не может быть содержательно интерпретировано. На наш взгляд, выявление полного перечня с у щ е с т в е н н ы х социальных и экономических результатов – это тоже их интегрирование (обобщение), и такое интегрирование в виде

реестра результатов возможно.

Спасает ли, однако, эта возможность упомянутую только что и отвергнутую нами схему нахождения лучшего из вариантов? По нашему разумению, не спасает. Составив более или менее полные перечни положительных и отрицательных результатов по каждому из вариантов, мы окажемся в большом затруднении относительно соизмерения (сравнения) результатов разных вариантов в целом. Нам придётся начать с того, что мы разделим результаты по степени важности (тут нам не обойтись без сведений об объективном ранжировании социально-экономических целей), затем начнём сравнивать варианты **сначала** по самым важным из их результатов, затем по менее важным и т.д. При этом весь реестр результатов может нам и не понадобиться..И уже совершенно точно можно утверждать, что по вариантам, отвергнутым в первом же туре сравнения, разработка полного перечня социально-экономических результатов была ненужной затеей и напрасной тратой сил.

Заданность социально-экономических результатов и их субординация (приоритеты социальных, приоритет социальных над экономическими) определяют необходимую и единственно возможную п р и н ц и п и а л ь н у ю с х е м у выявления лучшего варианта:

– определяется разнообразие возможных вариантов;

– выявляются их результаты из числа первостепенно важных в соответствии с субординацией критериев эффективности;

– варианты сравниваются по-выявленному кругу результатов, отбираются лучшие из них;

– по кругу отобранных вариантов происходит выявление результатов из числа менее важных (по тем же приоритетам критериев) и так далее.

Процедура может длиться до разных ступеней конкретизации результатов. На ступени с достаточной конкретизацией могут и должны приниматься решения о выборе варианта.

Принципиальная схема определения наиболее эффективного в социально-экономическом отношении варианта развития производства не требует, следовательно, предварительного суммирования разнокачественных эффектов как средства сравнения эффективности вариантов. Описанный путь (а он соответствует логике практически применяемых в планировании и управлении процедур) приводит к получению варианта, эффективность которого может считаться научно достоверной и научно обоснованной. И если это так, то перечень социальных и экономических результатов этого варианта, если угодно, и есть наибольший из всех интегральных эффектов по вариантам. Выражать его в числовых одинаковых мерах, как мы уже отмечали, не имеет никакого практического смысла.

Чуть сложнее вопрос о сравнении вариантов развития для прошедшего периода. В этом случае мы выявляем, могли ли бы мы достигнуть лучших социально-экономических результатов, чем фактически достигнутые. Степень достоверности, при сравнениях такого рода снижается тем обстоятельством, что результаты гипотетических вариантов, с одной стороны, и фактически осуществлённого, с другой, трудно выразить (определить) с одинаковой точностью. То, что "получилось бы", не испытывает на себе ряда факторов и влияний, которые не могли не сказаться при фактической реализации. Но, обратите внимание, эта трудность ретроспективного анализа связана не с нашей методикой. В той же мере она присуща и всем другим методикам.

Важнейшие процедуры практического осуществления принципиальной схемы отбора вариантов

Соответствие научно-технического совершенствования производства той направленности, которая задана целеполагающими решениями, обеспечивается выбором конкретных хозяйственных мероприятий посредством про-

цедур, отвечающих приведённой выше принципиальной схеме. Эти процедуры должны быть, однако, конкретизированы применительно к различным классам научно-технических мероприятий, что позволит выявить важнейшие способы практического осуществления принципиальной схемы.

Классы научно-технических мероприятий должны отразить как внутреннюю структуру научно-технического прогресса, своего рода иерархию самих нововведений, так и структуру общественной системы, решениями которой этот прогресс осуществляется. Другими словами, в основу различения классов мероприятий следует положить, во-первых, различную общественную значимость их результатов (масштаб и степень их влияния на развитие производительных сил, а тем самым и на общество в целом), во-вторых, различие уровней хозяйства, на которых принимаются соответствующие решения. Исходя из оказанного, следует различать, по меньшей мере, четыре класса мероприятий.

Первый класс – научно-технические нововведения, способные коренным или весьма существенным образом изменить. характер (качественный уровень) общественного производства. Вопрос о реализации таких нововведений (чаще всего это новые направления научно-технического развития) есть. вопрос о пересмотре или корректировке единой долговременной государственной технической политики.

Второй класс – научно-технические нововведения, позволяющие сделать существенные шаги в осуществлении тех или иных направлений единой технической политики. Они касаются обычно одной или нескольких крупных отраслей производства.

Третий класс – мероприятия отраслевого значения и отраслевой компетенции.

Четвертый класс – мероприятия, совершенствующие производство в масштабе объедтинения (предприятия) и проводимые по решениям объединений (предприятий).

При отборе лучших мероприятий (или вариантов) научно-технического развития методически правильно сравнивать между собой лишь мероприятия (варианты) одного класса, поскольку от этого зависит характер результатов, принимаемых в расчёт в первом же туре их сопоставления.

Мы говорим о сопоставлении вариантов, как будто при принятии плановых решений всегда имеется определённый выбор вариантов научно-технического развития. Одна из задач хозяйственного руководства состоит в организации разработки некоторого разнообразия вариантов. Изучение опыта других стран также является фактором, расширяющим возможности выбора. Однако нередко речь идёт об оценке какого-либо одного из предложений. В этом случае мы также вправе говорить о сравнении вариантов, так как предлагаемый вариант сравнивается обычно с тем, который фактически осуществляется.

К вопросу о круге сравниваемых вариантов относится и проблема времени, потребного для их осуществления. Проблема времени на осуществление варианта – это проблема реальности необходимой перестройки наличного производственного аппарата за данный период времени. Должны ли вариантты, технически осуществимые и объективно экономически посильные в данный плановый период, но требующие корректировки прежних плановых решений, рассматриваться в числе претендентов на оптимум? Существующая процедура планирования порождает известные затруднения для этого в силу недостаточности резервов выполнения плана, в том числе и из-за отсутствия резервных вариантов его выполнения. Однако по мере достижения гибкости планирования и особенно программирования процесса выполнения планов будут создаваться всё более благоприятные возможности расширять круг вариантов, подлежащих сравнению, за счёт вариантов, требующих корректировки плановых решений. В .настоящее же время известная инертность материально-производственного аппарата и системы управления заставляет сдержанно относиться к проверке названных вари-

антов.

Сравнение вариантов научно-технического развития первого класса происходит не часто, и круг их невелик. Главное условие эффективности таких решений – чёткая формулировка задач, для решения которых ищутся лучшие пути. Эффективность мероприятий первого класса может быть определена лишь для периода решения крупной социальной задачи – задачи э т а п н о г о масштаба.

Разработка и сравнение вариантов второго класса также должны быть направлены на чётко сформулированные социально-экономические задачи – цели межотраслевой программы. Социально-экономически эффективными признаются такие варианты решения межотраслевого значения, которые:

– обеспечивают реализацию принятой межотраслевой программы в заданные ороки;

– не связаны с нарушением норм и правил хозяйствования, установленных для периода реализации программы;

– не противоречат своими сопутствующими результатами долгосрочной плановой траектории социально-экономического развития;

– не требуют ресурсов больше, чем выделено программой на научно-технические мероприятия.

Лучший вариант выбирается по экономическому критерию. Форма критерия – соотношение прибыли и суммарной оценки отвлекаемых ресурсов.

Разработка и сравнение вариантов третьего класса должны осуществляться в масштабах "чистых” отраслей, поскольку именно для них могут быть сформулированы задачи социально-экономического характера. Поэтому и оценку социально-экономической эффективности мероприятий этого класса следует вести по чистым отраслям и по высоко специализированным министерствам, включающим целиком ту или иную чистую отрасль. Лучший вариант (то есть выбор самого эффективного по экономическому критерию) может осуществляться министерствами.

Варианты мероприятий "надминистерской" научно-технической политики социально-экономически эффективны, если:

– соответствуют нормам и правилам хозяйствования (в том числе и тем, которые имеют форму плановых заданий на определенные сроки);

– не противоречат своими сопутствующими результатами плановой долгосрочной траектории социально-экономического развития;

– не превышают объёма ресурсов, выделенных на эти мероприятия соответствующими планами.

Выбор социально-экономически эффективных вариантов четвёртого класса (то есть в низовых звеньях) ограничивается хозяйственной и технической политикой более высоких уровней, которая доводится до звена в форме норм и правил хозяйствования. Социально-экономически эффективные варианты должны соответствовать этим требованиям, в том числе не противоречить им своими сопутствующими результатами. Лучшие варианты из числа эффективных отбираются по экономическому критерию, который должен быть средством реального согласования хозрасчётных интересов звена с народнохозяйственными экономическими интересами.

Таким образом, низовое хозрасчётное звено может и должно быть поставлено в такие условия, когда оно лишь в очень узких рамках решает вопросы социально-экономической эффективности научно-техничеокого прогресса. Низовой уровень оказывается в достаточно полной мере "зарегулированным" решениями принципиального характера, включая и социально-экономическую эффективность новой техники, технологии и организации производства. Решающие мероприятия в этой области складываютоя на предприятии как внедрение новшеств, рекомендуемых или планируемых ему сверху. Звено участвует в осуществлении отраслевого плана научно-технического развития, межотраслевых программах. Его собственные научно-техничеокие предложения.есть либо способ лучшей реализации отраслевой политики, либо по своему

значению не выходят за рамки самого предприятия. Вот почему, решая вопрос о их реализации, достаточно убедиться в их соответствии хозяйственной и технической политике более высоких уровней. В то же время требование "непротиворечивости сопутствующих социальных результатов плановой траектории развития" открывает и на низовом уровне, и на всех других уровнях хозяйства возможность выявления и удовлетворения разнообразных общественных потребностей, не оформленных целевыми и нормирующими требованиями.

Литература

1. Ленин В.И. –- Полн. собр. соч,, т. 39, с. 1-29.

2. Материалы XXVI оьезда КПСС. М.: Политиздат, 1981.

3. Петраков.Н.Я. Кибернетические проблемы управления экономикой. М, :Наука, 1974.

4. Ельмеев В.Я. Проблемы социального планирования. Л., 1973

5. Кириченко В.Н. Долгосрочный план развития народного хозяйства СССР. М.:Экономика, 1974.

6. Ракитскйй Б,В. Социальное содержание народнохозяйственных планов. – В кн.: Проблемы комплексного народнохозяйственного планирования. Под ред. В.Ю. Будавея. М.: НИЭИ при Госплане СССР, 1977.

7. Комплексное народнохозяйственное планирование. Под ред. Н.П. Федоренко. — М.: Экономика, 1974.

8. Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967.

9. Гребенников В.Г., Пчелинцев О.С., Шаталин С.С. Ценностные отношения в системе оптимального функционирования экономики. – Журнал «Экономика и математические методы», 1975, т. XI, вып. I.

Печататся о тексту публикации:
Г.Я.Ракитская. Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. — М.: ВНИИСИ. 1982. 60 с.

1983

========

ЦЕЛИ И КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА[50]

Реальное возрастание роли долгосрочных аспектов планомерного хозяйственного управления, развертывание работ по социально-экономическому, научно-техническому прогнозированию и перспективному планированию, освоение программно-целевого метода делают вопрос о целях и критериях общественно-экономического прогресса вопросом не только фундаментальных исследований и преподавания общественных наук, но прежде всего вопросом сугубо практическим. В его решение упираются сегодня разработки проблем социальной эффективности общественного производства, социально-экономической эффективности хозяйственных мероприятий, социалистического образа жизни, присущей социализму системы ценностных ориентаций, оценки ряда новейших сложных общественных процессов как в нашей стране, так и за рубежом. Сейчас становится всё яснее, что дальнейшее продвижение в понимании целей и критериев общественно-эконо-мического прогресса невозможно силами только экономистов, только социологов, только философов, только историков и т. д. Здесь необходим подход с позиций созданного К. Марксом научного метода — с позиций *целостного обществоведения*. В статье мы постарались очертить именно такие принципиальные подходы к проблеме целей и критериев общественно-экономического прогресса, которые проистекают из марксистско-ленинского обществоведения как целостной системы научных знаний об обществе.

***

[50] ***Авторы статьи Г.Я. Ракитская и Б.В.Ракитский***

Выбор долговременных направлений социального, экономического и технического развития должен максимально приближать общество к той траектории, которая является самой краткой из всех дорог к стратегическим целям социализма. Необходимое условие развития по такой траектории — надёжность оснований, исходя из которых принимаются конкретные хозяйственные решения. Чем масштабнее результаты решений, чем длительнее их влияние на развитие производительных сил и производственных отношений, тем жёстче должны быть основания выбора вариантов, подлежащих реализации.

Жёсткость оснований выбора вариантов оправдана, однако, лишь тогда, когда они реально соответствуют тем требованиям к результатам общественных процессов, соблюдение которых необходимо и достаточно для достижения стратегических целей общества. Именно такая — принципиальная — адекватность требований к общественным процессам и содержанию реализуемых с их помощью целей превращает субъективные по форме основания выбора вариантов в объективные критерии общественно-экономического прогресса. Достигается эта адекватность единственным способом — *путём выведения конкретно-исторических критериев из самих стратегических целей* социализма. Ни реальное богатство общественных явлений, ни особенности условий и задач тех или иных исторических периодов, ни специфика управляемого объекта, ни временная удалённость актов принятия решений от момента достижения стратегических целей не отменяют необходимости применения указанной логики при формировании критериев прогрессивного развития. В силу этой логики *критерии выступают закономерно обусловленными вехами на пути прогресса и служат поэтому мерилом соответствия этапных целей и результатов развития стратегической его целенаправленности*.

Фундаментальные научные представления, на которые опирается социальная стратегия социалистического государства, сформулированы в классических марксистско-ленинских произведениях. Карлу Марксу, Фридриху

Энгельсу, В. И. Ленину принадлежит приоритет коренного переворота в понимании развития общества. Важнейшие, плодотворнейшие результаты этого переворота — учение об объективных прогрессивных тенденциях социально-экономического развития; учение об исторической миссии социалистической революции и социалистического государства в деле практического воплощения идеалов социального равенства, социальной свободы, отражающих эти прогрессивные тенденции; научное обоснование необходимости сознательного руководства социалистическим обществом и производством для последовательного восхождения по пути социального прогресса.

Философско-историческая мысль издавна обращалась и до сих пор постоянно обращается к вопросам о том, образуют ли перемены в жизни общества единонаправленную линию; кем (или чем) задаётся направленность развития; является ли она прогрессивной; как соотносится мера свободы отдельных людей, их групп и всего человечества с мерой исторической необходимости. Марксизм радикально отличается от всех других течений общественной мысли тем, что, отвечая на эти вопросы, предельно сознательно, открыто и бескомпромиссно становится на точку зрения трудящихся масс и выражает эту точку зрения в форме последовательного гуманизма, отражающего объективное общественное положение основного трудящегося класса нового времени — пролетариата. С этой позиции общественный прогресс есть такое развитие, в ходе которого реализуются коренные интересы трудящихся: не только растёт их материальное благосостояние, но ликвидируется эксплуатация, ликвидируются любые способы угнетения и господства человека над человеком, устраняется возможность произвола я насилия над личностью, устраняется и предотвращается социально-экономи-ческое неравенство людей во всех областях общественной жизни, — словом, создаются и расширяются общественные условия для свободного развития каждого и всех членов общества.

Оценивая историю по пролетарски-классовым критериям прогресса, К. Маркс охарактеризовал эпоху сменяющих друг друга антагонистических формаций ***как предысторию человеческого общества.***[51] Это образное и, казалось бы, слишком резкое определение на самом деле означает отказ от излишне абстрактной, внеклассовой оценки общественного развития как прогрессивного или непрогрессивного, что строго вытекает из анализа реальной сложности развития, многообразия его результатов, их противоречивости. Необходимо сначала различить две стороны экономической жизни общества, составляющей материальную (объективную) основу всей общественной жизни, — развитие производительных сил и изменение соотносительного положения участников воспроизводства. Соответственно этим логически вычленённым сторонам результаты общественного воспроизводства могут быть описаны характеристиками двух различных типов.

Характеристики одного типа отражают уровень и изменение уровня возможностей общества по удовлетворению потребностей его членов, по совершенствованию форм жизнедеятельности людей, по развитию человека, отвлекаясь от фактического использования этих возможностей в качестве средств реализации системы общественных интересов. Иначе говоря, характеристики первого* типа описывают состояние лишь общественных ресурсов — ресурсов производства, потребления и развития человека. Это — технико-экономические характеристики результатов воспроизводства, характеристики научно-технических и экономических возможностей общества, или (по менее строгой терминологии) экономических результатов производства. Характеристики другого типа, напротив, отражают такие аспекты результатов воспроизводства, которые существенны с точки зрения соотношения этих результатов (совпадения, однонаправленности, противоре-

---

[51] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13. С. 81.

чивости) со структурой и содержанием интересов в данном обществе, в том числе их соотношения с интересами различных социальных групп, слоёв, классов. В частности, они должны описывать специфику распределения общественных ресурсов и распределения эффекта их функционирования между существенно различными социально-классовыми группами. Это — социально-экономические характеристики результатов воспроизводства, результаты воспроизводства в их конкретной социальной определённости, или (по менее строгой терминологии) характеристики социальных результатов производства.

Из сказанного следует, что открытый К. Марксом общесоциологический закон соответствия производительных сил и производственных отношений есть не что иное, как закон осуществления (движения) единства двух сторон общественного процесса производства, а именно — единства материального содержания и социальной формы в этом процессе. Однако само понятие «соответствие» должно быть содержательно раскрыто. И раскрыть его представляется возможным не иначе, как выявив, какие более общие связи проявляются в категориях «производительные силы» и «производственные отношения». Закон соответствия при таком подходе выступает как частный случай более общего соотношения — как соотношение имеющихся у общества средств и целей этого общества, как **адекватность или неадекватность средств целям**. А это — уже надёжный ключ к ответу на вопрос о наличии или отсутствии направленности в историческом движении и об оценке этого движения на соответствие критериям прогресса. Когда мы говорим о целях или интересах, отличая их от потребностей, то хотим подчеркнуть неотъемлемую черту целей (интересов) — их осознанность, субъективный характер. Об объективности общественных целей (точнее, об их объективной обусловленности, об объективном в их содержании) можно говорить лишь в том смысле, что цели имеют объективную основу. Эта основа — общественные потребности как «состояние ... человеческой личности, социальной группы, общества в целом, вы-

ражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности»[52]. Характер и структура целей, выступающих непосредственной причиной и организующим моментом воспроизводственной деятельности общества, определяются конкретно-историческим состоянием объективных экономических потребностей (экономическими интересами), т. е. необходимостью воспроизводства определённых условий существования и развития людей для сохранения и улучшения их положения как членов общества. Развитие системы экономических потребностей обусловлено движением взаимоотношений человечества с природой и процессом изменения взаимоотношений людей в обществе.

В процессе развития взаимоотношений человека и природы появляются всё новые формы жизнедеятельности, способы воспроизводства физических, интеллектуальных способностей человека и социальных условий жизни и, соответственно, изменяются производственные и личные потребности: исчезают и модифицируются старые, возникают новые; потребности множатся, дифференцируются, усложняются связи между ними. Существует, однако, объективное единство потребностей, развитие которых связано с расширением контактов человечества с природой. Оно состоит в их подчинённости главной потребности общества как целого — его потребности уменьшить свою зависимость от природы, увеличить степень своей свобо-

---

[52] Петровский А., Туровский М. Потребность. — Философская Энциклопедия, т. 4. С. 328. М.: Советская Энциклопедия, 1967

Субъективный характер целей и субъективизм в постановке целей — существенно разные явления. Первое означает, что люди вполне сознательно направляют свои действия на достижение определённых результатов. Второе — синоним волюнтаризма, произвола в постановке целей, т. е. синоним игнорирования или неверного отражения объективных условий, делающих нереальным достижение выдвинутых целей.

ды в использовании природных богатств и закономерностей, или, как говорят на неточном для гуманистов языке, обеспечить господство человека над природой. В той мере и поскольку в сфере взаимоотношений с природой существует единство общественных потребностей, реализуется прогрессивное развитие производительных сил — их развитие как совокупности средств по удовлетворению названной главной потребности.

В рамках антагонистических способов производства, предшествующих социализму, прогресс производительных сил осуществлялся до сих пор в форме возрастания экономических, технических, научных потенций общества в целом, как расширение гносеологических и производственных границ, в пределах которых становятся принципиально равновозможными различные пути дальнейшего развития технической цивилизации. Однако единство потребностей, формируемое под воздействием необходимости уменьшить степень зависимости человечества от природы, не является достаточной гарантией того, что производительные силы постоянно удерживаются и будут удерживаться впредь в русле прогрессивного (в указанном смысле) развития. Не является гарантией потому, что общественно-экономическая жизнь осуществляется в противоречивых формах — вплоть до антагонистического противопоставления целей, возникающих на почве объективных потребностей, и до принципиальной неадекватности последствий функционирования производства поставленным целям.

Противоречивость развития производительных сил как таковых (безотносительно к социальным формам производства) связана с неравномерностью, некомплексностью производственно-технических успехов общества: одни области деятельности развиваются в ущерб другим, тормозят их развитие; ряд возможных направлений технического прогресса вообще не реализуется; ряд результатов развития, удовлетворяя одним общественным интересам, противоречит другим. Противоречивость движения производства достигает нередко такой силы и масштаба,

которые приводят к прямому разрушению, уничтожению производительных сил и природных богатств — истощению природных ресурсов; загрязнению окружающей среды, гибельному для животного, растительного мира и самого человека; наконец, к физической, нервно-психической и социальной деградации человека под воздействием определённых производственных технологий и потребления определенных благ и услуг. В современных условиях нарастание противоречивости между потребностью улучшить положение человека в природе и применяемыми производственно-техническими средствами сделало актуальным необходимость коренного изменения характера контактов с природой — переход от недальновидного и одностороннего её использования, свободного от учёта и профилактики неблагоприятных для человека последствий, к техническим решениям, обеспечивающим динамическое равновесие в отношениях с ней; поиск принципиально новых путей балансирования внешней среды и нужд человека, в частности при помощи направленного изменения тех потребностей, которые удовлетворяются посредством взаимодействия с объективно существующей или преобразованной человеком природой.

Степень вероятности радикального изменения типа взаимоотношений общества с природой (типа техники, технологии и доставляемых производством жизненных средств) зависит от того, насколько изменятся механизмы общественного целеполагания и целеподчинения. Единство потребностей человечества как части природы означает, что прогрессивно направленное развитие принципиально возможно. Однако противоречивость потребностей означает также, что возможна реализация разных вариантов развития, что *будущее разновариантно*. Гарантией прогрессивной направленности дальнейшего развития является применение адекватных этой направленности материально-технических средств. Такая адекватность может быть, в свою очередь, обеспечена только целенаправленностью выбора конкретных средств из множества возможных. Здесь, однако, существенно важным противо-

действующим фактором выступает *классовая и социально-групповая структурность общества* — относительно устойчивая дифференциация его членов по положению в воспроизводственном процессе.

Социально-классовая структура не только придаёт специфическую социальную, характерную именно для данной общественной структуры окраску всем экономическим потребностям. Она не только разнообразит потребности и порождает такие, как потребности людей в упрочении или, напротив, в изменении своего положения в этой структуре. Она (и это для нас главное) формирует устойчивые и различные по типу системы социально-экономических интересов, которым в разной степени отвечают возможные варианты дальнейшего изменения способа организации отношений людей в процессе общественного производства. При этом интересы могут расходиться настолько, что для их реализации требуются взаимоисключающие пути развития производственных отношений. А они материализуются, в свою очередь, в различных по характеру производительных силах в рамках одного и того же объективно достижимого на данном этапе истории уровня научно-технических и экономических возможностей.

Сказанное означает, что закон соответствия производительных сил и производственных отношений допускает, как это ни покажется неожиданным, широкую вариантность социальных действий на каждом историческом этапе, в ходе которых достигается это соответствие. Мы привыкли как к аксиоме к мысли о том, что производственные отношения оказывают так называемое обратное влияние на развитие производительных сил. В философском смысле понятие «обратное влияние» вполне определённо. Однако зачастую обратное влияние трактуется не философски строго, а как синоним несколько запаздывающей корректировки, сравнительно незначительного корректирующего влияния. Исторический опыт строительства нового общества в СССР и ряде других стран показывает, что современные производительные силы этих стран не могли

бы развиться без активного **формирующего** влияния новых производственных отношений. Этот исторический опыт показывает, что социально-экономические отношения при определённых условиях, при современных реальных возможностях развития производства становятся фактором, задающим траекторию исторической динамики производительных сил. Разные типы производственных отношений в состоянии при нынешних возможностях производства формировать разнотипные материально-производственные основы общества. При одном и том же уровне развития материальных производительных сил реально существует возможность разнонаправленного их развития, отражающего противоречивость интересов основных элементов социально-классовой структуры.

Различие интересов разных классов (социальных групп, слоёв) предопределяет, естественно, различие критериев прогресса. Те исторические действия и результаты, которые с точки зрения одного класса выглядят прогрессивными, с точки зрения его класса-антипода реакционны, если они радикально расходятся с его интересами. Непонимание или игнорирование этой стороны Марксова учения об общественном развитии лежит, кстати сказать, в основе бесплодности разнообразных вариантов теории конвергенции.

Направленность общественно-экономического развития, по учению К. Маркса и Ф. Энгельса, — решающее поприще столкновения действующих в обществе классовых сил. Реальностью становится путь, соответствующий интересам того или тех классов, которым удаётся обеспечить доминирование своих интересов, выдвинуть их в качестве целей всего общества. Вопрос о том, кто (какой или какие классы) фактически задаёт цели развития, цели производства, т. е. вопрос о том, кто руководит воспроизводством[53] — настолько коренной, что он в самом обоб-

---

[53] У В.И. Ленина — это вопрос о «направителе планомерности» (см.: Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова. — В. И. Ленин. ПСС, т. 6. С.232).

щённом виде характеризует содержание социальных революций: « . . . производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который стал теперь неспособен к нему, а это именно есть социалистическая революция»[54]

Здесь нам хотелось бы отметить, что при так называемом кибернетическом подходе к развитию общества, к проблемам эффективности его организации в качестве наиболее общей и объективной (в данном случае в точном значении этого слова) цели общества выдвигается цель «выживание». На наш взгляд, уместные и плодотворные в других случаях аналогии между живыми организмами, их сообществами и человеческим обществом не помогают исследователю, если он стремится выяснить: возможно ли, во-первых, изменить общество так, чтобы, оставаясь сообществом человеческим (т. е. созидающим условия своего существования и развития), оно доставляло всем своим членам равные реальные возможности удовлетворения их личных интересов; каким образом, во-вторых, должны действовать люди, чтобы обеспечить не только поворот в сторону такого общества, но и последовательное восхождение по пути такого прогресса? С точки зрения марксистского обществоведения, преследующего именно эти цели при изучении закономерностей общественного развития, констатация ориентировки на абстрактное «выживание» не учитывает самого существенного — классовой структурности общества и множественности в связи с этим критериев прогресса. «Выживание» для одного класса может означать ущемление интересов и даже гибель других классов. Следовательно, ориентировку «на выживание» марксист-обществовед должен рассматривать лишь как частный случай, частный момент классово определённой целенаправленности развития. Его частность в том, что чрезвычайные обстоятельства заставляют руко-

---

[54] Ф. Энгельс — Петру Лавровичу Лаврову, 12—17 ноября 1875 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34. С. 138

водящие классы для сохранения целостности и качественного своеобразия данного общества временно поступиться какими-либо из своих специфических интересов или же — что характерно для антагонистических формаций — принести в жертву «выживанию» (т. е. отстранить от прогрессивного, по критериям господствующего класса, развития) какие-либо социальные группы, в том числе из состава своего класса. Правда, манёвр господствующего класса «на выживание» может и не дать эффекта, если те же чрезвычайные обстоятельства настолько обостряют социальные противоречия и классовую борьбу, что это приводит к победе социальной революции. К тому же (об этом мы ещё будем говорить ниже) именно классовое различие целей формирует различие критериев выживаемости человеческого общества как такового — и в его отношениях с естественной природой, и в его отношениях с созданными им производительными силами. Соответственно, классовая целенаправленность развития предопределяет в условиях разворачивания уже современной научно-технической революции возможность или невозможность для общества остаться направителем движения производительных сил, а не пассивно пожинать плоды вышедшего из-под его контроля их самодвижения.

История человечества показывает, что в каждой общественной формации складывается специфическое единство интересов. Без этого формация не может ни самовоспроизводиться, ни развиваться в присущем ей направлении. Характер и механизм формирования этого единства принципиально различны в буржуазной (и вообще в эксплуататорских) и в социалистической формациях.

Единство интересов, необходимое для функционирования капиталистического способа производства, достигается посредством подчинения всей системы общественных потребностей интересам класса-собственника важнейших средств производства. Условием удовлетворения интересов всех других классов и социальных слоёв является воспроизводство и совершенствование отношений капиталистической эксплуатации, в настоящее время —

сохранение и упрочение государственно-монополистической социальной структуры. Другими словами, прогресс производительных сил (в форме роста в целом возможностей общества по удовлетворению потребностей его членов) утилизируется преимущественно теми, кто руководит общественным производством. Такое развитие общественных отношений вполне адекватно интересам руководящего класса, прогрессивно с его точки зрения. Но для класса-антагониста — для пролетариата — этот ход общественного развития есть нарастание его **отчуждения** от средств производства и всех других общественных условий, которые могут обеспечить прогресс по пролетарски-классовым критериям. При этом чем больше развиваются наука, техника, технология, чем более мощными становятся производительные силы общества, чем разнообразнее предлагаемые для потребления блага и услуги, тем более важным фактором, отчуждающим эксплуатируемые классы от прогресса по-пролетарски, становится характер средств (условий), в которых объективизируется прогресс по-капиталистически. Подчиняя своим интересам все другие общественные интересы, руководящий капиталистическим производством класс формирует характер потребления, образ жизни и, в конечном счете, характер самих потребностей всех других классов, формирует на свой лад систему общественных ценностей, навязывает всем свой облик и свои критерии личного успеха и всеобщего прогресса.

Из сказанного вовсе не следует, что трудящиеся ничего не получают от развития производства в его капиталистической социальной форме. Функционирование капитализма, ·расширение эксплуатации труда нуждаются в росте рынка потребительских товаров. Они нуждаются в предложении определённых видов труда, в развитии определённых качеств людей как рабочей силы. Капитализм нуждается также в разнообразии этих качеств, а отсюда — и в известном многообразии потребностей наёмных работников. Капиталистический класс нуждается, наконец, в юридической свободе граждан и, поскольку та-

кая свобода дана, в политической и моральной поддержке с их стороны. В той мере, в какой для всего этого требуется изменение условий жизнедеятельности населения и в какой капитализм в связи с их изменением не рискует утратой своего социального своеобразия, растёт благосостояние трудящихся классов: повышается оплата труда, увеличиваются масштабы и каналы социальной помощи, совершенствуются формы бытовой и досуговой жизнедеятельности населения, обеспечиваются сохранение и развитие способностей людей к труду, облегчаются условия и расширяется содержательность труда. При капитализме появляются и юридические (формальные) гарантии· равноправия и личной свободы, трудящиеся вовлекаются в общественную и политическую жизнь. Всё это — аргументы против упрощенного понимания разнонаправленности интересов классов-антагонистов. Перечисленные социальные последствия капиталистического способа производства — подлинные достижения цивилизации, в которых как раз и реализуется единство потребностей в обществе, порождаемое зависимостью всех его членов от природы и друг от друга. Другое дело, что это — единство противоречивых (вплоть до антагонизмов) потребностей. Именно поэтому на каждом историческом этапе человечество вновь решает (в антагонистических формациях решает в классовой борьбе) одну и ту же проблему: преимущественно в чьих интересах пойдет дальнейшее развитие, каким будет классовый облик прогресса.

К. Маркс и Ф. Энгельс были весьма далеки от того, чтобы зачёркивать значение капиталистического прогресса для человечества, для трудящихся классов. «Буржуазия сыграла в истории человечества чрезвычайно революционную роль» — так начинается в Манифесте Коммунистической партии перечень результатов, которые составляют вклад капитализма в общественно-экономический прогресс[55]. Но признание такого вклада

---

[55] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. С.426.

отнюдь не равнозначно тому, что пролетариат признаёт капиталистический прогресс единственно возможным и, тем более, лучшим вариантом прогресса. И дело здесь не только в том, что функционирование капиталистического механизма хозяйствования закономерно сопровождается периодами застоя производительных сил, обусловливает хищническое отношение к природе, периодически приводит к социальным катаклизмам (войнам, кризисам), во время которых происходит разрушение материального богатства, социально-трудовых потенций людей и даже прямое их уничтожение. Дело также не только в том, что механизм эксплуатации сущностно связан с поляризацией социально-классовых групп по их положению в обществе, т. е. с ростом разрыва между ними в рамках возвышающегося в целом (точнее, в среднем) благосостояния, в том числе с устойчивым воспроизводством фактически неравных воз-можностей реального доступа к духовным благам и к управлению общественными процессами. Существенно важным (и все более важным) моментом, усиливающим настоятельность для человечества поворота к иному прогрессу, выступает необратимое в рамках капитализма специфическое развитие системы потребностей трудящихся масс. Его специфика (в отличие от прогрессивного возвышения потребностей в условиях социалистической целенаправленности развития) — формирование потребительского характера системы потребностей. Тенденция к выведению «породы» человека-потребителя становится фактором и формой стандартизации личности, что прямо противоположно коренным интересам трудящихся — созданию общественных условий для их свободного развития. Логика нарастания потребительства и стандартизации личности тру-дящихся, в общих чертах, следующая.

Для производства как технологического процесса развитость интеллектуальных и социальных свойств личности работника важна постольку, поскольку она соразмерна применяемым технико-технологическим и органи-

зационным средствам. В то же время изменение условий, содержания и форм организации труда в направлении, расширяющем условия для развития личности работников, может оказаться необходимым для повышения производительности труда, для привлечения работников к производству. Однако в условиях капиталистических (и вообще антагонистических) общественных отношений область непротиворечивости требований работников к характеру технического и организационного прогресса интересам господствующего класса весьма узка из-за стратегической разнонаправленности их интересов. Удовлетворение потребности наёмных работников в развивающей их деятельности противоречит коренным интересам господствующего класса. Противоречит потому, что развитие личности работников приводит к росту их социального самосознания, социальной активности, ускоряет процесс конституирования массы рабочих «из класса по отношению к капиталу» в «класс для себя», когда борьба рабочих против капиталистов становится борьбой класса против класса, т. е. борьбой политической[56]. Организация революционных элементов в класс, по мысли К. Маркса, есть та самая степень несоответствия производительных сил общественным отношениям, из-за которой они не могут больше существовать рядом, ибо «из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс»[57]. Поэтому наиболее предпочтительным для капиталистического производства (в интересах сдерживания формирования революционного рабочего класса) оказывается замена рабочих машиной, системой машин, в конце концов, человекоподобным — по кругу выполняемых в производстве функций — роботом, что и

---

[56] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. С.183.

[57] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. С. 184

происходит по мере удешевления. В то же время, поскольку производство всё еще нуждается в людях как в рабочей силе и покупателях товаров, необходим «делёж» общественных благ между господствующим классом и всем другим населением. Развитие потребительства, стандартизирующего личность, как раз и есть тот самый социальный механизм, которым при этом обеспечивается минимизация социальной активности народных масс, переключение их интересов на иные ценности, нежели пролетарская солидарность, организованная классовая борьба. Трудящимся навязывается, во-первых, именно тот набор материальных благ и услуг, который в данный момент способно произвести производство. Общество культивирует, во-вторых, такого рода досуговую деятельность, которая не опасна ростом социального самосознания, — стандартные развлечения из арсенала массовой культуры; различные массовые «хобби» для людей с нерастраченными творческими потенциями; разнообразные способы имитации участия масс в управлении общественными делами. Интеллектуально-созерцательная деятельность, «чистое», так называемое свободное творчество (свободное от необходимости общественной пользы), далекая от политики общественная деятельность становятся суррогатом деятельности, которая подлинно, гармонично развивает интеллектуальные и социальные стороны личности.

Становление потребности в деятельности, гармонично развивающей человека (а не потребности в собственно творчестве), составляет, на наш взгляд, магистральную линию прогрессивного возвышения потребностей трудящихся. При этом сущность гармоничного (всестороннего) развития личности следует усматривать не во всезнайстве, не в мастерстве на все руки, а в сбалансированности интеллектуально-творческих, социально-нравственных и физических потенций. Мы считаем, следовательно, что в подлинно развивающей человека деятельности должны быть неразрывно слиты созидательная целенаправленность, общественная полезность и свободный поиск лучших способов достижения целей.

Другими словами, гармонично (всесторонне) развивает человека такая деятельность, в которой не только есть простор для личной инициативы и самостоятельности, но которая включена в систему общественно значимых видов деятельности, и поэтому творческая инициатива и самостоятельность индивида направляются и ограничиваются его моральной ответственностью за результаты деятельности.

В потребительскую систему личных потребностей потребность в общественно полезном труде как в способе развития личности не входит. Вместо этого в ней присутствуют потребности развлекательно-созерцательного или развлекательно-творческого характера. В ней доминирует, заслоняет все другие интересы потребность в престижном (модном) для данного времени и данной социальной группы наборе материальных и духовных благ. Общественно значимый труд связан с этой системой потребностей лишь как средство получить социально стандартизованный набор благ, причём для многих —- это любой труд, даже разрушающий физические потенции индивида. Человек потребительской «породы» при прочих равных условиях предпочитает нетрудовые источники доходов, иждивенчество, нетрудовой образ жизни, перестаёт быть человеком трудящимся, превращается в люмпен-пролетария или в люмпен-интеллигента.

Стандартизация личности — это та сторона единства интересов в потребительском обществе, которая венчает процесс отчуждения трудящихся от средств и условий прогресса. Подчинённость всех общественных потребностей интересам руководящего класса вовсе не означает, что потребности, потребление и образ жизни всех социально-классовых групп качественно однотипны. Напротив, такое единство потребностей выливается в поляризацию общества по типам культур, в рамках которых осуществляется развитие индивидов; приводит к параллельной, мало пересекающейся жизнедеятельности одних социальных групп в рамках элитарной, а других — в рамках массовой культуры. Современные формы лише-

ния человека индивидуальности закономерно выросли как продолжение прежней тенденции к превращению рабочего в придаток машины. Не отбрасывая этот способ, используя его там, где он «проходит», капиталистический прогресс всё больше превращает трудящегося в придаток всей машинной цивилизации, навязывает ему машинообразные (стандартизированные, унифицированные) темп и образ жизни не только в рабочее, но и в свободное время.

Потребительская система ценностей, стандартизация личности, массовая культура, казарменный (одинаковый) образ жизни, социальная дезактивация людей, как не раз отмечалось в марксистской литературе и неоднократно подтвердили практика империализма и авантюристические попытки ускоренного построения общества социального равенства, — лучшая почва для распространения реакционной идеологии, социальной демагогии, для кризиса морали, для роста организованной преступности. В конечном счете, они являются социальной базой дегуманизации общества, произвольного манипулирования личностью, социальной почвой для утверждения фашизма. Они приводят также к появлению не менее реакционных лево-экстремистских, бесперспективных для трудящихся форм протеста против такого общества — люмпен-террористического или анархического, мелкобуржуазного толка.

Продолжение линии развития по пути капиталистического прогресса, как об этом свидетельствуют логический анализ и новые явления практики (в частности, анализ причин и проблем применения в производстве роботехники[58]), неизбежно поставит и ставит уже сегодня перед обществом вопрос: а что же дальше делать с человеком, если он всё менее нужен производству, если технические средства требуют все меньше живого труда для

---

[58] Весьма интересной в этом отношении для читающих по-русски может быть напечатанная в сентябрьском (1982 г.) номере журнала «Америка» (с разрешения журнала «Тайм») статья Отто Фридриха «Роботы идут ... ».

производства богатства в капиталистической форме, для сохранения господствующего положения руководящей элиты? Решение этого вопроса при сохранении антагонистической социальной формы производства видится однозначным — занять человека развлечениями, в том числе дать ему возможность развлекать себя никому не нужным, свободным от нравственной нагрузки творчеством, и дать ему при этом приличные средства существования и псевдоразвития, дабы он не взбунтовался. Ясно, что такой путь чреват социальной деградацией индивидов и деградацией человеческого общества как такового, ибо родовой признак человека — совместная созидательная, производящая условия своей жизни и условия своего развития (т. е. общественно полезная) деятельность. Он чреват также такими эксцессами, как насилие, массовое уничтожение людей, резервации, когда число людей или их потребности начнут выходить за те пределы, которыми интересы руководящей элиты, её техника и её методы управления обществом ограничили потребление и социальную активность оттеснённых от производства и управления масс.

В арсенале человечества есть, однако, и кардинально иное решение — сознательно направить общественно-экономический прогресс в другое русло, подчинив интересам *всех* людей как *трудящихся* (а не только как потребителей) развитие и производственных отношений, и науки, и культуры, и материальных производительных сил. Идеологическая позиция, отражающая исторический оптимизм рабочего класса и точку зрения всех трудящихся на ход общественного развития, предшествующий такому повороту, в концентрированной форме выражена в следующем выводе К. Маркса: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства … в смысле антагонизма, вырастающего из об-

щественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»[59]. Создание объективных предпосылок дальнейшего развития в интересах трудящихся — вот в чём состоит прогрессивность «предыстории». Причём, капиталистическое обобществление производства закономерно приводит к созреванию важнейшей предпосылки такого поворота — к организации наёмных рабочих как класса. Политическая борьба пролетариата, основанная на научной революционной идеологии, отвечает интересам самых широких слоев населения. И их участие в этой борьбе (когда в ней ведущую роль играет объединённый научной идеологией рабочий класс) придаёт ей характер народного демократического движения. «Предыстория» приобретает характер подлинной прогрессивной истории, *если* пролетариат как класс «отнимает руководство производством и распределением» у капиталистического класса, изменяет направленность общественно-экономического процесса, сужает до интересов трудящихся социальную вариантность развития и открывает простор для поиска материально-технических средств, адекватных этому социальному варианту.

Новый тип общественно-экономического прогресса не может реализоваться автоматически — лишь актом перехода государственной власти к пролетариату, отменой частнокапиталистической и юридическим введением социалистической общественной собственности. Для изменения направленности общественно-экономических процессов необходимо создать новый социальный механизм (новый тип) хозяйствования[60].

---

[59] Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13. С.7-8.

[60] Что такое социальный механизм экономического развития (хозяйствования)? При его определении следует не

Проблемы совершенствования механизма социалистического хозяйствования уже давно выдвинули в число самых актуальных вопрос о системе, единстве мер этого совершенствования, а тем самым и вопрос о типе. характере механизма социалистического хозяйствования. Такие вопросы нельзя решить, оставаясь в пределах политэкономических знаний, здесь требуется обществоведческий кругозор. Дело осложняется ещё и тем, что за десятилетия сложилось немало таких положений, которые тормозят развитие обществоведческой мысли о социализме, о закономерностях его прогресса. К числу таких положений относится, по нашему мнению, категория «непосредственно общественный характер труда и производства». Эта категория претендует на схватывание социальной специфики социалистического воспроизводства как на уровне его закономерностей (сущностных характеристик), так и на уровне представлений о хозяйственном механизме (т. е. на уровне конкретных форм

упустить из виду, что в социальных (общественных) отношениях марксизм-ленинизм выделяет два уровня (класса) отношений — базисные и надстроечные. И те, и другие являются социальной формой движения производительных сил. Те и другие не являются пассивными по отношению к производительным силам и друг к другу. В связи с этим вполне оправдано методологически и актуально практически использовать две различные категории: экономический (или хозяйственный) механизм и социальный механизм. И тот, и другой — механизмы хозяйствования, т.е. система конкретных отношений организации общественного воспроизводства. Но хозяйственный механизм содержательно ограничен преимущественно экономическими отношениями, тогда как социальный механизм развития экономики охватывает всё то базисное и надстроечное, что существенно для функционирования экономики. В этом смысле употребляются понятия «механизм хозяйствования», «формы руководства хозяйством» в отличие от «хозяйственного механизма», или «экономического механизма».

функционирования). Мы считаем категорию «непосредственно общественный характер труда и производства» применительно к социализму бессодержательной, неплодотворной, мешающей развитию знаний о закономерностях социализма.

При определении типа (характера) воспроизводства два момента являются наиболее существенными, решающими. Это, во-первых, его целевая направленность. Во-вторых, — способ организации в обществе ресурсов по критериям адекватности целям, стоящим перед производством. Оба эти моменты не только взаимосвязаны, но составляют органическое единство, без которого нельзя правильно понять ни тип собственности, ни систему законов способа производства, ни характер хозяйственного механизма.

Говоря о социальном механизме хозяйствования, в первую очередь надо обращать внимание именно на направленность воспроизводства и на соответствующий этой направленности механизм целеполагания в обществе. Изменение целей общественного прогресса — наиболее кардинальная перемена, происходящая с заменой частнокапиталистической собственности социалистической. Класс частных собственников руководит общественным производством так, чтобы сохранялось и упрочивалось особое, привилегированное его положение. Эта цель не может стать целью всех членов общества, т. е. единой общественной целью, ибо эксплуатируемые могут стремиться к упрочению положения своих господ, лишь будучи обмануты, порабощены. Цель производства и социального развития, угодная классу капиталистов, чужда по самой своей сути (объективно) классу наёмных рабочих. Социально-экономическое положение пролетариата постоянно объективно противопоставляет его той цели, которой частная собственность подчиняет функционирование производства, движение общественных потребностей и всю общественную жизнь. Когда же собственность становится общественной социалистической, это означает прежде всего, что целью становится устра-

нение классовых привилегий в любой области, созидание полного социально-экономического равенства, т. е. общественных условий для свободного развития всех. Такая цель может стать и становится единой стратегической целью всех членов социалистического общества, когда оно построено и состоит только из трудящихся и их семей. Объективная возможность выдвинуть эту цель в качестве реально достижимой конечной цели социализма обусловлена специфическим характером единства социалистических потребностей. Их единство не связано с подчинением всех общественных потребностей интересам одного какого-либо класса (социальной группы); оно не означает также, что нет никаких различий между потребностями людей. Напротив, системы их конкретно-исторических интересов существенно различны, так как их формируют существенные фактические неравенства людей по положению в обществе. Однако у всех трудящихся есть общие стратегические (коренные) интересы: все они заинтересованы в поступательном движении к полной свободе человека в обществе[61], т. е. к возможности полностью развивать индивидуальность посредством участия в формировании и использовании средств и условий общественно-экономического прогресса, — в поступательном движении к обществу, в котором, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Единство социалистической системы потребностей складывается на базе общности стратегических интересов всех (т. е. на базе стратегической однонаправленности интересов различных классов, групп и пр.). Оно характеризуется. подчинённостью всех текущих потребностей общим для всех — общенародным стратегическим — интересам. *Единство, общность для всех стратегической цели —*

---

[61] Подчеркиваем: в обществе, а не от общества. Полное социальное равенство достижимо именно благодаря развитию общества и крепости связей человека с обществом.

это как раз тот момент «будущности движения» (выражение К Маркса и Ф. Энгельса), который присутствует во всем многообразии конкретных социальных и экономических процессов и объединяет их, делает однонаправленными и взаимодействующими не на основах взаимных временных компромиссов и уступок, а на основах строгой субординации, взаимопомощи и сотрудничества.

Присутствует ли момент единства, общности стратегической цели, однонаправленности действий в понятии непосредственной общественности? Очевидно, да. Но понятие это обычно настолько не развернуто по содержанию, что из добрых побуждений и из непосредственной преданности самой идее как таковой часть экономистов, философов и других обществоведов объявляет интересы разных социальных групп, классов, общностей, членов социалистического общества совпадающими, непротиворечивыми. Момент единства целей и интересов абсолютизируется, однонаправленность превращается в тождественность, единство действий — в единообразие, даже в однообразие действий, а вместо учёта специфических интересов разных действующих социальных сил появляется их ранжирование по степени зрелости для коммунизма и программы преодоления пережитков и отставаний, подтягивания «до уровня» и т. п. Тезис о непосредственно общественном характере труда и производства при социализме нередко используется для выделения в составе социалистического хозяйства и общественной жизни явлений, будто бы уже коммунистических, и противопоставления их явлениям ещё не коммунистическим, сохранившимся от досоциалистических времен. Категория непосредственно общественного характера труда и производства при социализме ведёт тем самым к подрыву представлений о социализме как о качественно определённом способе производства, к метафизическому разъятию системы социалистических производственных отношений на отношения уже коммунистические и еще капиталистические (так называемые «родимые пятна» капитализма). И хотя чаще всего делается оговорка о том, что труд и про-

изводство при социализме «ещё не полностью непосредственно общественные», эта оговорка бессодержательна, так как из неё не следует специфически социалистических характеристик процессов и явлений, а следует опять-таки эклектическое сочленение якобы полностью коммунистического с «родимыми пятнами» капитализма.

Не лучше ли расшифровать иероглиф «непосредственной общественности» и прямо говорить о единстве стратегической цели всех членов социалистического общества, всех его социальных групп, общностей, классов, об объективной основе однонаправленности их действий в социальной и хозяйственной сферах? Нам кажется, что это было бы весьма плодотворным.

Рамки статьи не позволяют нам охарактеризовать даже в общих чертах адекватный социализму механизм общественного целеполагания как составной части форм и методов хозяйствования, обеспечивающих поступательное движение к стратегической цели общества[62]. Отметим только один момент, который важен в плане рассуждений о принципиально новых путях общественно-экономического прогресса при социализме. Усилия обществоведческой науки следует направить на такую постановку перспективных целей, которая в полной мере отвечала бы созидательному характеру социалистического управления общественно-экономическим развитием. Мы имеем в виду как строгую очерченность целей, так и определенные требования к их содержанию, когда речь идет о необходимой для планирования конкретизации основных стратегических задач (направлений) в области движения к социально-экономическому равенству — таких как ликвидация социально-экономических различий между умственным и ·физическим, индустриальным и мануфактурным, творческим и нетворческим трудом,

---

[62] ***См. об этом в работе: Ракитская Г. Я. Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. Препринт. М.: ВНИИСИ, 1982. С.8—46.***

между городом и деревней и т. д. Сегодня зачастую представления об идеале тяготеют к одной из сторон каждого из названных противоречий: формой разрешения противоречия между физическим и умственным трудом представляется ликвидация физического труда, противоречия между творческим и нетворческим трудом — ликвидация нетворческого труда и т. п. Мы усматриваем здесь методологическую неверность — желание устранить «плохую» сторону противоречия и оставить «хорошую», не замечая при этом, что они — противоположные взаимосвязанные стороны единого социально-экономического явления (процесса). Нам представляется очевидным, что общественный прогресс не может осуществляться по упрощенной схеме, что речь должна идти о планомерном движении к качественно новым ·формам жизнедеятельности людей — новому типу взаимосвязи человека и техники (если мы ищем формы разрешения противоречия между умственным и физическим трудом), новому типу развивающей человека деятельности (если мы ищем формы ликвидации противоречия между творческим и нетворческим трудом) и т. п. В настоящее время недооценка важности созидательного, как мы его назвали, характера планомерного социалистического прогресса приводит к недостаточно чёткой и недостаточно жёсткой, на наш взгляд, социальной целенаправленности долгосрочных экономических и научно-технических прогнозов. Необходимо формулировать перспективные цели так, чтобы они каждый раз задавали переход на качественно иной уровень (новую ступень) в общественно-экономическом развитии[63].

---

[63] Обоснование этого требования применительно к целям долгосрочного плана см. в работах: Ракитский Б. В. Социальное содержание народнохозяйственных планов. – В кн.: Проблемы комплексного народнохозяйственного планирования. Под ред В. Ю. Будавея. – М.: НИЭИ при Госплане СССР, 1977; Ракитская Г.Я. Цели социально-

Следует иметь в виду, что та или иная постановка целей определяет характер и реальность долгосрочных социальных программ, характер стратегической научно-технической политики, а также допустимую меру свободы экономического поведения хозяйственных звеньев на каждом конкретно-историческом этапе социалистического развития.

Другой момент, присутствующий в категории «непосредственная общественность», — способ организации имеющихся в обществе ресурсов по критерию соответствия целям, поставленным перед производством. Ликвидация частной и становление общественной социалистической собственности делают необходимым кардинальные социальные перемены и в этой части механизма хозяйствования. Выдвижение полного социального равенства в качестве стратегической цели означает, что будущее состояние общества не может возникнуть как результат стихийного развития, что оно должно достигаться планомерно. Однако планомерность, без которой социализм не может обойтись, которая объективно необходима в связи с целенаправленностью его развития, не составляет сама по себе специфики социалистического хозяйствования. Планомерность развития экономики следует, на наш взгляд, понимать как необходимую и достаточную для достижения целей данного общества сознательную координацию процессов и сфер воспроизводства, а также действий воспроизводственных звеньев. Следовательно, в той мере, в какой социализму требуется координация действий всех товаропроизводящих звеньев и в какой мере нормы и правила хозяйствования обеспечивают эту координацию, товарное производство является (становится) планомерным, т. е. планомерные методы охватывают общественное воспроизводство. Другими словами, товарность производства нельзя отождествлять со стихийностью и на этом

экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. Препринт. М.: ВНИИСИ, 1982.

основании противопоставлять социалистическое производство как планомерное капиталистическому производству как товарному. Планомерность развития всего воспроизводства возможна и в частнокапиталистической экономике. Планомерность социалистического хозяйствования принципиально отличается от планомерных методов управления, используемых капитализмом, совсем не тем, что она ликвидирует экономическую обособленность хозяйственных звеньев, товарный обмен, денежно-стоимостной механизм соизмерения общественной мерой вклада трудовых коллективов и индивидов в общественный экономический эффект. Её принципиально отличают **иные цели** планомерного руководства (направленность на интересы трудящихся) и **иной направитель** планомерности (им должно стать всё общество, а не господствующий класс частных собственников). Именно так разъяснял свою точку зрения на этот счёт В.И.Ленин в замечаниях на второй проект программы РСДРП[64].

Изменение целенаправленности и субъекта планомерного руководства экономикой означает, что социальный механизм хозяйствования характеризуется новым типом централизма. Объективно необходимым становится не централизм как таковой (это само по себе не ново), а централизм принципиально нового, до социализма неизвестного человечеству типа — **демократический централизм.** Как специфически социалистический тип управления он конституируется единством интересов и действий управляющих и управляемых. Преимуществом такого типа управления является отсутствие·бюрократизма (отрыва и противопоставления интересов управляющих и интересов управляемых) и последовательное развитие инициативы, самостоятельности, предприимчивости в ин-

---

[64] Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова. — В И. Ленин. ПСС, т. 6. С.232; Ленин В.И. Замечания на Комиссионный проект программы. — В.И. Ленин. ПСС, т. 6. С.248.

тересах общества, добровольная и сознательная дисциплина как управляющих, так и управляемых[65] .

Входят ли преимущества, связанные с планомерностью и демократически-централистским управлением, в понятие непосредственно общественного характера труда и производства? Безусловно. Некоторые экономисты полагают даже, что планомерность и демократический централизм — это уже черты будущего (полного) коммунистического общества. Они противопоставляются в такой своей трактовке товарно-денежным отношениям, личному подсобному хозяйству и др., которые «по своему генезису не являются социалистическими, которые переходят в социализм из досоциалистических форм производства»[66] Именно наличие этих «родимых досоциалистических пятен» рассматривается как следствие недостаточной развитости непосредственно общественного характера труда при социализме. Как ни странно, *государственный* характер планомерности и централизма (демократия — это ведь тоже форма государства) не считается при этом признаком неразвитости и не мешает выдавать социалистические государственные формы планирования и управления за полностью непосредственно общественные, коммунистические.

Ещё в 50-е годы в ходе дискуссий как будто ясно определилось, что непосредственная общественность труда и производства несоединима в рамках одного и того же способа производства с наличием и использованием товарно-денежных отношений. Наиболее логично мыслящие экономисты, доходя до этого вывода, выбирали затем одно из двух: либо отрицали товарный характер со-

---

[65] Подробнее об этом см. в работе: Ракитский Б. В. Демократический централизм. — Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия, т. 1. С. 382—385. М.: Советская Энциклопедия, 1972.

[66] Курс политической экономии. В 2-х т., т.II. Социализм. Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1974. С. 263.

циалистического производства, либо отбрасывали как пустопорожнюю для социализма категорию непосредственной общественности труда и производства. Правда, в литературе эти выводы представлены далеко не равноценно. Отрицание товарного характера производства представлено широко, хотя ни в одной из публикаций на этот счёт нет соотнесения антитоварных теорий с практикой социалистического хозяйствования. Напротив, критика категории непосредственной общественности была крайне затруднена и единственно, чего удалось достигнуть, — это вынудить сторонников этой категории сделать оговорку о недостаточной развитости при социализме непосредственной общественности. Оговорка, конечно, убийственная для этой категории, если вдуматься в её смысл.

Мы считаем, что характеризуя социальный механизм экономического развития при социализме, трудно добиться содержательных выводов, оперируя бессодержательными понятиями, в том числе и такими, которые обретут содержание в должной мере лишь при полном коммунизме, а при социализме признаются «недостаточно развитыми». Запас накопленных знаний о социалистическом обществе вполне достаточен, чтобы обойтись без категории непосредственно общественного характера социалистического труда и производства. То, что хотят обычно сказать этим термином, гораздо чётче, определённее, вернее можно выразить, подчеркнув:

– социализму присуще единство стратегических целей всех членов общества;

– на этой основе зиждется объективная возможность однонаправленности действий всех участников производства и общественной жизни;

– в системе критериев эффективности хозяйствования приоритет принадлежит социальным, а не экономическим критериям;

– планомерность должна стать непременной формой всех без исключения процессов экономического и социального развития при социализме (в том числе и функционирования социалистического рынка);

– социализму присущ демократический централизм;

– имеются объективные предпосылки для того, чтобы различия интересов и действий не достигали глубины различий в целях развития, т. е. различий по коренным вопросам;

– мобилизация ресурсов на достижение целей общественного развития должна осуществляться не иначе, как системой отношений, свойственных социалистическому планомерному товарному хозяйству (в их числе хозрасчёт, бюджет и финансы социалистического государства, централизованное планирование, программирование, государственное регламентирование правил хозяйствования и др.).

Диалектическая взаимосвязь экономики и общества, формирующая роль социальных целей и установок, объективная обусловленность экономической и социальной политики — все подобные проблемы в 70—80-е годы не только продолжали оставаться актуальными, но и стали предметом более пристального внимания и осмысления со стороны как учёных, так и практиков. В этой связи понятен тот повышенный интерес к проблематике собственности, который наблюдается в последнее время.

Затянувшаяся дискуссия о сущности собственности как общественного отношения близка сегодня к своему естественному разрешению благодаря тому, что аргументация спорящих сторон начала входить в видимое соприкосновение с высшим мерилом истинности — с практикой. Является ли собственность понятием и отношением сугубо или преимущественно юридическим или же она — экономическая категория? Если собственность — категория экономическая, то существует ли практически некое особое воспроизводственное отношение собственности как основа всей системы производственных отношений, так что каждое отношение стоит на собственности как вроде на некоем пьедестале или покоится на ней, как в древних представлениях Земля на китах или на черепахе? Или же собственность — вовсе не особое отношение,

а понятие, охватывающее все конкретные отношения и не имеющее иного содержания кроме того, которое есть в этих конкретных отношениях? Или правы те экономисты, которые, применяя свойственный Марксову «Капиталу» метод восхождения от абстрактного к конкретному при систематизации политической экономии, трактуют собственность как наиболее абстрактную, простую и общую характеристику сущности всей системы воспроизводственных отношений того или иного общества, т. е. способа производства?

Жизнь в наше время даёт недвусмысленные подсказки для ответа на эти вопросы. Становится всё яснее, что действовать активно, целенаправленно, с наибольшей эффективностью невозможно, не представляя со всей отчётливостью единства, сущности, стержня всех общественных явлений. Собственность оказывается категорией, которая в научной форме фиксирует цельность представлений общества об объективной сути единства свойственных этому обществу хозяйственных явлений и процессов. Если угодно, собственность — это наиболее глубокая характеристика всей экономической системы общества. И если понимать экономику не как самоцель (не как производство ради производства), а как объективно имеющееся у общества средство его прогресса, то собственность есть интегральная характеристика средств, которыми общество располагает для достижения своих целей, для своего исторического прогресса на данном этапе развития цивилизации (т. е. в пределах той или иной формации). Этот момент надо отчётливо выпятить. Собственность — интегральная характеристика средств, но средств общества, а общество всегда имеет потребности, цели. Поэтому собственность — не некая существующая сама по себе сумма производительных сил, наличного богатства, ресурсов. Все эти средства определённым образом, в соответствии с общественными целями возникли, организованы и развиваются. Как средства общественного прогресса они существуют лишь в меру своей адекватности целям. Момент целенаправленности, целеподчинённости

экономики — вот что главное в категории «собственность»[67].

В современной марксистской литературе чаще всего в качестве абстрактной (наиболее общей) характеристики способа производства фигурирует собственность на средства производства, а не собственность вообще. Действительно, принципиальные отличия эксплуататорских формаций от неэксплуататорских удовлетворительно фиксируются описанием соответствующих типов собственности на средства производства. Однако при самой общей характеристике отличий одной эксплуататорской формации прошлого от другой не обойтись без указания на специфику формирования и функционирования в производстве рабочей силы. Так, например, для феодального способа производства характерна личная зависимость крестьян от феодала и определенная свобода экономического поведения крестьян в воспроизводстве условий своего существования. Для капитализма же характерна личная свобода наёмного работника и реальное подчинение труда капиталу (т. е. по существу предельно ограниченная свобода экономического поведения работников в воспроизводстве условий своей жизни). Нетрудно видеть (хотя многие этого не замечают), что здесь мы уже вышли за пределы отношений по поводу собственно средств произ-

---

[67] ***При таком понимании собственности сам собой решается и тот вопрос, который дискутируется не менее 20 лет: вопрос об исходном отношении, клеточке, пунктике политической экономии социализма. С чего только не предложено начинать изложение системы политикоэкономических знаний о социализме! Представляется бесспорным, что начать надо с целей, которым подчиняется развитие социалистической экономики, а собственность — самая общая, самая абстрактная проекция на экономику объективного в общественных целях. Как видим, без учета диалектики экономики и общества, без целостного обществоведческого подхода к экономическим явлениям затянувшийся спор между систематизаторами политэкономии не решить.***

водства и даже за пределы положения работника в воспроизводственном процессе — перешли на уровень типизации положения трудящегося в обществе. А это и есть характеристика собственности в более полном объеме, нежели собственность на средства производства. Не затрагивая более широкого круга общественных отношений, нельзя, таким образом, отразить в должной мере специфику сущности экономического строя общества.

Нам представляется необходимым ещё больше расширить содержание категории, претендующей на роль абстрактной характеристики конкретно-исторической системы экономических отношений, если речь идёт о путях развития современного общества, о планомерном социально-экономическом развитии, о создании социального механизма, обеспечивающего поступательность общественно-экономического прогресса по-социалистически. Конечно, в современную эпоху (эпоху фабрично-машинного производства) средства производства — решающий компонент производительных сил. Направлять сегодня общественно-экономический прогресс невозможно, не распоряжаясь средствами производства. Тот, кто распоряжается ими, монополизирует тем самым необходимое средство прогресса. Если это эксплуататорский класс, то он так или иначе (в той или иной форме и мере), но неизбежно отчуждает трудящихся от важнейшего средства прогресса — от управления производством и обществом. Если же экономическая формация основана на общественной собственности на средства производства, то её развитие в соответствии с целями социализма обеспечивается характером отношений собственности на все средства и условия прогресса. Здесь существенно важен не только адекватный социализму способ соединения трудящихся с обобществленными средствами производства — соединение, опосредованное их включением в относительно обособленные звенья хозяйства, а не непосредственное включение в единую народнохозяйственную фабрику. Здесь принципиально важен не только адекватный социализму тип отношений по поводу формирования

и функционирования в производстве рабочей силы — возможность получения работы всеми трудящимися и социалистические, а не уравнительные или какие-либо иные принципы распределения. Здесь мало также (хотя. и необходимо) указать на то, что общественное производство функционирует в интересах трудящихся. Всё это характеризует лишь необходимую основу принципиально нового социального прогресса. В число необходимых и достаточных содержательных моментов категории, выражающей как сущность социалистических воспроизводственных отношений, так и сущность всего социального строя социализма, должна входить характеристика нового типа механизма управления общественно-экономическими процессами, т. е. механизма целеполагания в обществе и механизма подчинения экономики общественным целям.

Реальность прогрессивного (по социалистическим критериям) и поступательного развития общества обеспечивается как социальной активностью всех трудящихся в сфере труда и в сфере управления, так и отсутствием монополии каких-либо социальных групп, слоёв, классов на решающее средство (условие) общественно-экономического прогресса при социализме — на постановку целей общества и на выбор наилучшей стратегии и тактики движения к ним. Предельно широкий демократизм общенародного социалистического государства, суть которого составляет реальный доступ (реальное представительство) всех социально-классовых групп к управлению общественно-экономическими процессами и, благодаря этому, учёт интересов всех этих групп в общественном прогрессе, — это, на наш взгляд, момент сущностной специфики социалистического способа производства. А он не улавливается в достаточной мере категорией, которая ограничивается характеристикой новых отношений лишь в сфере экономики, даже если в неё включена связь экономики с интересами трудящихся, т. е. с общественными целями. Опыт социалистического строительства свидетельствует, что неправильная постановка целей или же применение

неадекватных им средств — явления действительно возможные. Механизм социалистической демократии, как мы уже говорили выше, непременно включает централизм в качестве способа обеспечить необходимую субординацию общественных интересов, приоритет стратегических общенародных целей. Демократизм централистского управления есть гарантия реализации не только коренных интересов всех трудящихся, но и способ учесть в необходимой и достаточной мере текущие социально-групповые интересы, гарантия того, что различия в интересах социальных групп, классов, слоёв, общностей не достигнут степени антагонистического противопоставления, не приведут к политическим или экономическим кризисам.

Марксистско-ленинский обществоведческий подход к проблеме целей и критериев исторического прогресса позволяет заглянуть не только в начало XXI века, облик которого определяется сегодня в работах по научному целенаправленному прогнозу общественных отношений и материально-технической базы общества. Он позволяет и требует намечать очередные рубежи общественно-экономического прогресса, исходя из строгих представлений об исторической миссии социалистического способа производства. Его миссия — не только решить проблему справедливого распределения общественного богатства, но и обеспечить возможность свободного выявления, реализации и развития индивидуальных способностей и наклонностей всех людей в процессе активной общественно полезной деятельности. Хватит ли, однако, на всех в будущем обществе деятельности, гармонично развивающей человека? Найдёт ли будущее общество такие новые цели, которые не позволят ему стать обществом потребительским, не позволят уступить (вопреки пророчествам авторов социальных антиутопий) сообществу искусственно созданных человекоподобных существ авангардную, целезадающую роль в дальнейшем прогрессе разумной деятельности? Созданная Марксом и Энгельсом научная идеология, отражающая интересы трудящихся, — неоспоримая основа социального оптимизма, база для уве-

ренности в том, что новые цели могут быть и будут найдены, что путь человечества — не насильственное самоуничтожение в войнах, не уход на обочину прогресса, а всё большее овладение природными закономерностями для созидательной разумной деятельности на Земле и за её пределами, в Космосе. Но это, как говорится, уже совсем другая история — история другого, коммунистического человечества.

Впервые напечатано в сборнике трудов ВНИИСИ. Выпуск 8. "ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономи-ческого развития)" - М: ВНИИСИ, 1983. Стр. 3-21.

Перепечатано в Периодическом издании «Обществознание большинства» Выпуск 11. М.: Сентябрь 2014. Стр. 38-74.

1984

=======

Взаимосвязь экономического, социального и духовного прогресса

Обеспечение всё более тесной взаимосвязи экономического, социального и духовного прогресса советского общества КПСС рассматривает как важную задачу совершенствования развитого социализма. При этом имеются в виду и подведение надёжной экономической базы под решение социальных проблем, и создание необходимых социальных и идеологических предпосылок для подъёма экономики на качественно новый уровень, и опора на прочный фундамент экономической и социальной политики при решении назревших вопросов развития социалистического сознания.

В.И.Ленин предвидел, что «**только** с социализма начнётся быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии **большинства** населения, а затем всего населения, происходящее движение вперёд во всех областях общественной и личной жизни» (Поли. собр. соч., т. 33, с. 99–100). Обеспечивать такую всесторонность общественного прогресса – значит на деле добиваться единства экономической, социальной политики и идеологической работы, единства процессов возрастания материальных и духовных богатств и возможностей общества и всё более полного и свободного развития всех его членов, социальных групп и общностей.

Общественный прогресс при социализме не сводится к возрастанию ресурсов, расширению научно-технических и экономических возможностей общества в целом. Коренным интересам трудящихся отвечает лишь такое развитие общества, в процессе которого последовательно создаются все условия «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития **всех**

членов общества» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 232).

Ленинская формулировка выражает содержание конечной цели социализма. Необходимое средство достижения этой цели – единонаправленное и взаимоувязанное продвижение вперед во всех сферах общественной жизни, поскольку высокие и соответствующие друг другу уровни развития производительных сил, социально-экономических отношений и самого человека служат объективной предпосылкой «более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 605).

Подчинённость такой конечной цели – фактор, организующий преобразование всех сфер жизни общества и определяющий стратегическую направленность всех общественных процессов. Необходимо, чтобы конкретные экономические, социально-политические, воспитательные меры служили последовательному восхождению социалистического строя по пути прогресса. Этого требует не только гуманизм его конечной цели, но и объективная невозможность прийти к ней, если применять средства, которые принципиально расходятся с её гуманистической природой, не соответствуют ей. Использование возможностей науки и техники, рост объёмов и прогрессивное изменение структуры производимых материальных и духовных благ, преодоление различий в социально-экономическом положении грудящихся, их интеллектуальное, нравственное и физическое совершенствование – все эти процессы должны быть взаимосвязаны так, чтобы каждая ступень общественной зрелости обеспечивала качественно новые, более широкие возможности для выявления и реализации индивидуальных способностей и наклонностей всех людей, была очередным шагом в создании условий, необходимых для осуществления ставшего в СССР конституционным коммунистического идеала «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

В процессе совершенствования зрелого социализма происходит постепенное продвижение к коммунизму. При этом, как отметил в выступлении на заседании Комиссии ЦК КПСС по подготовке новой редакции Программы КПСС товарищ К.У.Черненко, «на пути к коммунистическому идеалу нам предстоит ещё полностью воплотить в действительность идеал социалистический. Следует убедительно раскрыть его огромную жизненную силу и величие, его социальную справедливость». Свойственное этапу зрелого социализма усиление взаимосвязи экономического, социального и духовного прогресса создаёт условия для того, чтобы в полной мере проявились гуманистический облик социа-листических преобразований, присущая этому строю поступательность общественного развития.

Единая направленность экономического, социального и духовного прогресса, её подчинённость коренным интересам всех трудящихся – принципиальное отличие и неоспоримое преимущество социализма по сравнению с капитализмом. В буржуазном обществе плоды развития производительных сил, в том числе современной научно-технической революции, присваиваются главным образом господствующим классом. То или иное улучшение условий жизни народных масс достигается в результате их упорной классовой борьбы. При любом удобном случае монополии, буржуазное государство стремятся лишить трудящихся их социальных завоеваний.

Кардинальное расхождение капиталистического типа прогресса с интересами трудящихся масс заключается не только в том, что функционирование буржуазного способа производства закономерно сопровождается усилением эксплуатации, экономическими кризисами и безработицей, чревато войнами, обусловливает хищническое отношение к природе. И не только в том, что растёт разрыв между господствующим и эксплуатируемыми классами по уровню материального благосостояния, по реальным возможностям доступа к духовным благам цивилизации и к управлению общественными процессами.

Капитализм не может воспроизводиться как общественная формация, не подчиняя классовым интересам буржуазии характер потребностей, потребления и образ жизни всех других классов и социальных слоев. Всё более существенным фактором, усиливающим настоятельность перехода к иному, социалистическому типу прогресса, становится такая свойственная современному капитализму связь экономических, социальных и духовных процес-сов, в результате которой потребление превращается из средства развития человека в самоцель. Интересы трудящихся переключаются тем самым на иные ценности, нежели социально-политическая активность, пролетарская солидарность, общественная значимость труда. Формирование человека-потребителя становится средством стандартизации личности, способом лишить трудящегося индивидуальности, превратить его в придаток машинной цивилизации, навязав ему стандартизи-рованные, унифицированные темп и образ жизни не только в рабочее, но и в свободное время. Ясно, что такой тип общественного развития прямо противоположен коренным интересам рабочего класса, всех трудящихся – созданию условий для полного и свободного развития личности.

Марксизм-ленинизм решительно отвергает представления о возможности автоматического, стихийного достижения целей социализма. Для их реализации необходимы планомерное руководство всеми общественными процессами, своевременное выявление и эффективное разрешение имеющихся в обществе противоречий[68]. Стратегическая и текущая политика Коммунистической партии и социалистического государства – и в хозяйственно-экономической области, и в области совершенствования социально-классовой струк-туры, политической системы общества, и в области воспитания людей – это формы, в которых осуществляется объективно необхо-

---

[68] ***См. В.Куликов. Характер противоречий социалистической экономики и формы их разрешения. – «Коммунист», 1984, № 9.***

димая сознательная деятельность по обеспечению общественного прогресса.

Положение о необходимости единой стратегии преобразования всех сфер общественной жизни служит основополагающим принципом социалистического планомерного управления. Этот принцип с годами не утрачивает своей актуальности, а, напротив, приобретает всё большую значимость. Ныне с особой остротой встала задача преодоления сохранившихся от прошлых этапов, а подчас и возникающих вновь известных расхождений, несоответствий, диспропорций между развитием экономической, социальной и духовной сфер – будь то в масштабах страны в целом, отдельных регионов, городов, районов или трудовых коллективов.

На современном этапе зрелости социализма существует ряд особенностей общественного развития, требующих дальнейшего усиления взаимосвязи экономической, социальной политики, идеологической работы. Поставлена задача найти в практической жизни, выработать на научной основе и распространить такие методы и формы обеспечения этой взаимосвязи, которые обещают наибольший социальный, экономический, воспитательный эффект. Каковы эти особенности? Каковы пути совершенствования руководства, которые в наибольшей степени отвечают задачам усиления взаимо-связи экономического, социально-политического и духов-ного прогресса?

Важную качественную специфику современного этапа развития советского общества составляет завершение перестройки всех общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах. В ходе такой перестройки планомерно создаются условия для всесторонней реализации закономерностей и преимуществ нового строя. Этим определяются и более конкретные особенности, усиливающие потребность в обеспечении адекватной развитому социализму целостности общественного прогресса.

Одна из таких особенностей – необходимость более тесно увязывать текущие и рассчитанные на дли-

тельную перспективу научно-технические, организационные, хозяйственные решения с долговременной социальной стратегией. Чем масштабнее ожидаемые результаты принимаемых решений, чем глубже их влияние на производительные силы, производственные отношения и образ жизни людей, тем необходимее их сверка с перспективными социально-политическими задачами. Нельзя пассивно ожидать положительных социальных последствий технического и экономического развития, надеяться на их автоматическое возникновение. В условиях современной научно-технической революции границы потенциальной вариантности развития техники, технологии, организации производства неизмеримо раздвинулись. Однако далеко не все варианты, реальные с технической и экономической точек зрения, социально допустимы, приемлемы для социализма. Ещё уже круг вариантов, вполне соответствующих критериям социалистического прогресса. Подчинить развитие техники и экономики стратегической задаче становления бесклассовой структуры социалистического общества, задаче создания условий для всестороннего расцвета личности – это и означает обеспечить тесную взаимосвязь экономического, социального и духовного прогресса.

В настоящее время решение многих актуальных проблем – таких, например, как повышение трудовой и социальной активности людей, преодоление диспропорций между числом и структурой рабочих мест в народном хозяйстве и трудовыми ресурсами, достижение сбалансированности платежеспособного спроса и предложения товаров народного потребления и услуг и т. п., – требует существенного изменения самого подхода к методам решения этих проблем. Принцип такого изменения подхода определён партийными документами: необходима комплексность. Она включает в себя не только повышение целенаправленности, о чём говорилось выше, но и поиск, применение таких методов и средств, которые соответствуют в полной мере современным условиям. Принцип комплексности требует отказа от ранее пригодных, а ныне

устаревших способов решения проблем. Комплексность требует, далее, чтобы каждая из актуальных проблем экономического, социального, идеологического развития решалась не в отрыве от всех остальных, а в увязке с ними. Суть комплексного подхода состоит в том, что видение единства проблем, их взаимосвязи выдвигается ныне на первый план, становится неотъемлемой чертой практической политики. Отвечающие этим требованиям действия способны принести значительно больший эффект как раз благодаря взаимной увязанности, единству проводимых мероприятий. Именно в этом свете могут быть, в частности, правильно поняты установки партии на активизацию идеологической работы как фактора успешного осуществления хозяйственных и социальных задач, на необходимость последовательно строить идейно-воспитательную работу на прочном фундаменте социально-экономической политики.

Само собой разумеется, что комплексный подход вовсе не снимает с повестки дня необходимость грамотно ставить и решать каждую отдельную задачу. Напротив, для действенности мероприятий, направленных на решение актуальных социально-экономических проблем, необходим ***дифференцированный,*** конкретно-исторический, а не шаблонный подход к каждой из них, учитывающий, в частности, специфические интересы различных общественных (классовых, профессиональных, демографических, территориальных и др.) групп населения. Речь идёт, стало быть, о том, что требования к постановке и решению отдельных задач в настоящее время значительно возрастают, дополняясь необходимостью в достаточной мере учитывать их связь с другими проблемами.

Существенная особенность современного этапа развития советского общества – выдвижение в центр практической политики партии проблем повышения благосостояния народа и совершенствования социалистического образа жизни. Для реализации этой стратегической линии требуется решение таких ключевых экономических и социальных задач, как кардинальное повышение произ-

водительности труда, рост производства и улучшение качества товаров народного потребления и услуг населению, дальнейший подъём культурного уровня народа. Необходимо также усилить внимание к преобразованию сферы труда, улучшить его условия, обогатить содержание, более полно учитывать интересы различных групп населения в этой сфере. Осуществить всё это можно лишь на основах взаимоувязки, единонаправленности, комплексности процессов совершенствования материально-технической базы общества, форм и методов управления хозяйством, создания эффективной системы материальных, моральных и творческих стимулов к труду, большего согласования личных, коллективных и общенародных интересов, обеспечения прогрессивных изменений в структуре личных потребностей.

В поиске эффективных направлений и способов взаимоувязки преобразований в экономической, социальной и духовной сферах ведущее место занимает активизация усилий КПСС по научному обоснованию и конкретизации применительно к этапу совершенствования развитого социализма системы перспективных социальных целей, стоящих перед страной, по выработке долгосрочной социально-экономической стратегии их достижения.

Принципиальное значение имеет закреплённая в документах июньского (1983 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС, в выступлениях товарища К.У. Черненко реалистическая, всесторонне взвешенная оценка современной стадии зрелости советского общества как начала исторически длительного этапа развитого социализма. Тем самым определено и существо текущих и перспективных задач партии и советского народа как задач планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма. Выдвинув объективно назревшие целевые установки, партия намечает также основные пути, методы и средства их реализации. Важнейшей вехой в деятельности партии по обеспечению целенаправленности и комплексности

общественного развития явится новая редакция Программы КПСС, которую предстоит принять на XXVII съезде партии.

Совершенствование зрелого социализма предполагает прежде всего достижение качественно нового уровня развития производительных сил. Интенсификация производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование хозяйственного механизма, развитие инициативы и трудовой активности масс – ключевые средства решения этой задачи. В тесной взаимосвязи с прогрессом производительных сил, отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, должны происходить соответствующие этому совершенствование производственных отношений, а также изменения в сознании людей, во всех тех формах общественной жизни, которые принято называть надстройкой. Вся хозяйственно-экономическая работа должна быть подчинена генеральной линии партии на последовательное улучшение жизни широких народных масс. Эта программная линия органически связана с установкой КПСС на формирование бесклассового социалистического общества, которое станет важным этапом на пути к полной социальной однородности.

Чёткое определение долгосрочных целей, очерёдности решения наиболее важных и острых социально-экономических проблем позволяет, опираясь на научные расчёты и прогнозы, намечать реальные сроки перехода на новые социальные рубежи, комплексно подходить к разработке мероприятий по созданию всех необходимых для этого материальных и духовных предпосылок. Активная целеполагающая деятельность партии и социалистического государства – одна из гарантий от произвольной постановки конкретных задач, выбора тупиковых и попятных направлений развития, от забегания вперед и топтания на месте.

Остановимся на некоторых проблемах, целенаправленное и комплексное решение которых позволяет обеспечивать всё более тесную взаимосвязь экономи-

ческого, социального и духовного прогресса советского общества.

Одной из таких проблем выступает всесторонняя реализация нашими руководящими кадрами установок экономической и социальной политики партии. На апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС была осуждена практика многих министерств, которые, концентрируя свою дея-тельность на строительстве и реконструкции промыш-ленных объектов, зачастую не уделяют должного внима-ния жилищному строительству, объектам социально-бытового и культурного назначения. Постоянная забота и внимание к нуждам и запросам трудящихся – это ныне неотъемлемые качества, которые должны быть присущи руководителю любого ранга. Ко всем нашим партийным и хозяйственным кадрам могут быть отнесены слова товарища К.У.Черненко, сказанные на апрельском Пленуме ЦК: «Насколько успешно работает тот или иной руководитель, мы будем судить не только по полному и своевременному выполнению плановых показателей, договорных обязательств, но и по реальным усилиям, направленным на улучшение условий труда и быта людей».

К сказанному непосредственно примыкает проблема повышения социально-экономической эффективности общественного производства. Сегодня на любом уровне управления хозяйством выбор наиболее эффективных путей, вариантов развития становится составной частью повседневной работы. Как правильно осуществлять этот выбор? Методики определения эффективности новой техники, капитальных вложений и других хозяйственных мероприятий до сих пор исходят в основном из критерия максимизации экономического эффекта. Однако практика, особенно в последние десятилетия, убедительно доказывает узость подобного подхода, необходимость обязательного дополнения критериев экономического критериями социального эффекта. При этом социальные критерии должны, на наш взгляд, иметь примат перед экономическими. Чтобы осуществить

хозяйственную меру, которая была бы эффективна и с социальной, и с экономической точки зрения, требуется сначала отобрать круг вариантов, удовлетворяющих социальным задачам, а затем сравнить отобранные таким образом варианты по критериям экономического эффекта. Мы полагаем, что только при такой процедуре отбора могут быть выдержаны как необходимая социальная направленность, так и оптимальный экономический режим хозяйствования.

Подобный подход особенно ярко демонстрирует свои достоинства при определении эффективности научно-технического прогресса. Известно, сколь актуальна задача органического соединения преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции. Непременным условием такого соединения служит обеспечение примата социальных критериев, социальной направленности научно-технического прогресса. Руководствуясь этим принципом, можно подчинить развитие техники высшим целям социализма, интересам обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Осуществляя крупномасштабные мероприятия, целевые программы по комплексной механизации и автоматизации производства, по сокращению применения ручного труда, важно последовательно руководствоваться принципом «не человек для производства, а производство для человека». Каждое конкретное техническое, технологическое усовершенствование ещё на стадии замысла и разработки следует сверять с интересами трудящихся, с планами социального развития коллектива и отрасли, со стратегией социальной политики КПСС. В таком случае, несомненно, сработает и «обратная связь»: удовлетворение потребностей современного работника в повышении содержательности и улучшении условий труда станет средством решения важных экономических задач, прежде всего таких, как подъём производительности труда, сокращение текучести кадров, преодоление нехватки рабочей силы.

Еще одна комплексная проблема – формиро-

вание социалистического типа благосостояния. В условиях социализма закономерно растут доходы населения, объёмы потребляемых им материальных и духовных благ. Жизнь показывает, что этот процесс не должен идти самотеком. Он требует активного формирующего воздействия партии, государства. Само по себе увеличение потребления не может обеспечить достижения тех социальных целей, на которые социализм ориентирует развитие сферы труда, быта и досуга людей. В противовес буржуазным идеалам потребительства наше общество выдвигает и решает задачу формирования социалистического типа благосостояния. Это означает, что забота об улучшении жизни людей касается не только увеличения объёмов и разнообразия потребительских благ. Она направлена на взаимоувязанное прогрессивное преобразование всех сфер жизнедеятельности людей, и в первую очередь на улучшение условий труда, на создание возможностей для более свободного развития и проявления способностей человека. Одновременно с этим укрепляются и другие материальные и духовные основы социалистического образа жизни – целенаправленно ведётся развитие непроизводственной инфраструктуры, совершенствуются системы образования, здравоохранения, культурного обслуживания, порядок распределения и перераспределения доходов населения. Наконец, ведётся идейно-воспитательная работа, направленная на формирование и укрепление принципиальных черт социалистического образа жизни. При этом воспитание ценностных ориентаций, разумных потребностей, запросов трудящихся, всех членов общества должно стать действенным препятствием сползанию к принципиально чуждым социализму буржуазно-потребительским и казарменно-аскетическим идеалам[69].

С экономическим и социальным прогрессом социа-

---

[69] Подробнее об этом см.: Н.Михайлов. Формирование разумных потребностей личности. — Политическое самообразование, 1984, № 5.

листического общества органически связан его духовный прогресс. Он не сводится только к росту образовательного и культурного уровня людей. Духовный прогресс включает в себя облагораживание материальных потребностей, расширение и усложнение интересов человека в сфере потребления результатов духовного производства. Эти процессы должны быть взаимоувязаны с изменением других условий жизнедеятельности так, чтобы все они служили основой, предпосылкой формирования личности, культурные интересы которой не сводятся к развлекательно-созерцательной деятельности. Подлинный духовный прогресс означает, что для всех людей всё большую, по существу, главную ценность приобретает такая общественно полезная активная деятельность, в которой могут свободно и гармонично развиваться интеллектуально-творческие, социально-нравственные и физические свойства личности.

Идеологическая работа партии, направленная на формирование у членов общества коммунистической идейной убежденности, активной гражданской позиции, коллективизма, на преодоление потребительской, иждивенческой психологии, призвана усилить ориентацию энергии масс на решение ключевых народнохозяйственных задач современного периода. А их решение станет материальной базой дальнейшего, всё более гармоничного и свободного развития самого человека.

Социалистическая сознательность, коллективистская мораль, общественно полезная инициативность и предприимчивость не могут в полной мере сложиться и утвердиться, если активное участие в управлении общественными процессами не будет становиться всё более и более реально доступным всем трудящимся. Совершенствование форм участия масс в управлении делами трудовых коллективов, регионов, всего общества, дальнейшая демократизация хозяйственной и всей общественной жизни – адекватный социализму способ взаимоувязки экономического, социального и духовного прогресса. Развитие демократии в самых различных

сферах общественной жизни – основа роста социально-политической активности масс, воспитания у трудящихся чувства полноправных хозяев страны, коллективизма. «В дальнейшем развитии и углублении демократии, – говорил в докладе на июньском (1983 **г.)** Пленуме ЦК КПСС товарищ К.У.Черненко, – партия видит могучее, действенное средство коммунистического воспитания трудящихся, формирования нового человека».

Возьмём, например, функционирование бригад нового типа, работающих на единый наряд. В меру накопления опыта демократического самоуправления в них усиливается трудовая активность, укрепляются организованность и ответственность каждого перед коллективом. Повышение роли всех трудящихся в управлении производством – верный путь к созданию морального климата, в котором осуждаются лодырничество, разгильдяйство, поощряются товарищество, полезная инициатива, складывается добровольная сознательная дисциплина труда.

Вместе с тем необходимо заботиться не только об экономическом, но и о социальном, воспитательном эффекте от использования рожденной творчеством масс бригадной формы организации и стимулирования труда. Важная функция партийных, общественных организаций, хозяйственных руководителей – строго следить за тем, чтобы в бригадах в полной мере соблюдались социалистические принципы. Нельзя мириться с тем, что в некоторых бригадах складывается уравнительная оплата труда или же чрезмерная, не соответствующая различиям в реальных личных трудовых вкладах, несправедливая дифференциация индивидуальных заработков. Недопустимо также, чтобы поиск способов повышения трудовой активности выливался в создание особой бригадной (артельной) «юрисдикции» и морали. Ничего общего с социалистической демократией не имеет стремление администрации некоторых предприятий переложить на бригады свои обязанности и свою долю ответственности за нормальную организацию производства и труда,

превратить их в некий инструмент автоматического решения сложных задач управления трудом.

Усиление интеграции экономического, социального и духовного прогресса неразрывно связано с повышением организованности в развитии хозяйства и всей общественной жизни. Курс партии на повышение организованности требует от каждого трудящегося, от каждого руководителя исполнительской дисциплины, настойчивого проведения в жизнь принятых решений, неукоснительного соблюдения социалистической законности. Осуществление социально-экономической стратегии партии может быть обеспечено лишь при строгом выполнении всеми звеньями народного хозяйства, всеми трудовыми коллективами установленных норм и правил хозяйствования. Так, совершенно недопустимы приписки, невыполнение договоров на поставку продукции, несоблюдение государственных стандартов, самовольное перераспределение фондируемых материалов, нарушения трудового законодательства. Они наносят обществу не только экономический, но и социальный, нравственный ущерб.

Повышение организованности должно способствовать комплексному решению ряда социально-экономических проблем, оставшихся от предыдущих этапов развития социализма в СССР. Среди них – подъём интенсивности труда тех работников, у которых она не достигает общественно нормального уровня; преодоление необоснованной уравнительности в оплате труда, так называемой «выводиловки»; ускорение процесса сокращения тяжёлого физического, малоквалифицированного и вредного для здоровья труда; повышение сбалансированности экономики; преодоление отставания в развитии сферы обслуживания населения и т. п.

Следует в полной мере учитывать, что нерешённость этих и подобных проблем оказывает тормозящее воздействие на экономический, социальный и духовный прогресс советского общества. Несоответствие условий и содержания труда на ряде рабочих мест запросам совре-

менного работника, социально-гигиеническим нормам, расхождение между реальным личным трудовым вкладом и оплатой труда, нехватка ряда необходимых населению товаров и услуг и пр. – это негативные явления такого рода, которые при определённых условиях приводят к формированию у части людей отклонений от социалистического отношения к труду, от социалистического образа жизни. Активность людей переключается подчас на поиск нетрудовых доходов, на противоправную экономическую деятельность. Необходимость искоренения таких негативных явлений связана не только с потребностью лучше использовать производственный потенциал страны, но в первую очередь с задачами упрочения трудовых и коллективистских основ нашего образа жизни.

Какую бы область практической работы ни взять, какая бы задача в сфере производства, управления обществом или воспитания ни решалась, повсюду сегодня обеспечение тесной увязки экономического, социального и духовного прогресса выступает настоятельнейшим требованием времени. Практика постоянно порождает новые, своеобразные формы воплощения этого требования в жизнь. Это – одно из важных направлений роста социальной активности людей, творческого приложения сил партийных, общественных организаций, советских и хозяйственных органов, трудовых коллективов на поприще всестороннего совершенствования развитого социализма.

Печатается по тексту в журнале
«Политическое самообразование». 1984. № 8. Стр.87-94.

1984
=======

Пути совершенствования централизованного планирования конечных результатов деятельности средних звеньев хозяйства[70]

Конечные результаты любой хозяйственной деятельности – это лишь определённые средства удовлетворения общественных потребностей. Поэтому социальная эффективность функционирования хозяйства (в том числе и так называемой непроизводственной сферы) должна оцениваться путём сопоставления его конечных результатов со структурой и уровнем социально-экономических потребностей[71]. Из этого следует, что при совершенствовании методов и показателей планирования результатов развития хозяйства необходимо опираться на

---

[70] Авторы статьи –Косова Ракия Абубекеровна и Ракитская Галина Яковлввна.

[71] До сих пор широко распространено мнение, согласно которому специфика непроизводственных отраслей по обслуживанию населения состоит, в частности, в том, что социальным результатом их функционирования являются производимые ими услуги (так называемые социальные услуги). Эта иллюзия возникает, по-видимому, из-за того, что процесс производства услуг и процесс их потребления, как правило, совпадают по времени и месту, а также из-за бесплатности для населения большинства этих услуг. Отождествление социальных услуг с социальным результатом приводит к тому, что рост объёма, расширение ассортимента и повышение качества услуг сами по себе, без предварительного анализа реального содержания и настоятельности тех или иных общественных потребностей интерпретируются как повышение социальной эффективности функционирования непроизводственной сферы.

исследование общественных потребностей как явления, формирующего требования общества к конечным результатам экономического роста. При этом целенаправленный характер социалистического прогресса обусловливает необходимость рассмотрения общественных потребностей в той их форме, в которой они осознаются обществом и выдвигаются как ориентиры развития, т.е. требует рассмотрения системы социально-экономических целей социалистического общества.

Никто не ставит сейчас под сомнение, что содержание требований общества к конечным результатам функционирования звеньев должно определяться целями народнохозяйственного плана, а цели каждого такого плана при всей их конкретно-исторической специфике должны быть ориентированы на реализацию стратегических социально-политических задач. И тем не менее проблема наилучшего выражения общественных требований к конечным результатам деятельности хозяйственных звеньев остаётся одной из наиболее актуальных и в то же время наиболее дискуссионных проблем совершенствования хозяйственного механизма. Наша позиция состоит в том, что для реального усиления роли долговременных целевых установок в обосновании конкретных требований к конечным результатам любого из хозяйственных планов нужно, прежде всего, исследовать объективно необходимую в условиях социализма логику целеполагания, т.е. определить состав, содержание и последовательность всех целеполагающих решений, начиная от формулировки самих стратегических задач и кончая разработкой норм и правил хозяйствования для низовых звеньев. В данной статье мы охарактеризовали процедуру целеполагания в механизме социалистического хозяйствования лишь в той мера, в какой это необходимо для выявления характера плановых требований народнохозяйственного (межотраслевого, межрегионального) уровня управления к конечным результатам функционирования звеньев среднего уровня (хозяйственные отрасли, территориально-хозяйственные комплексы).

Плановые народнохозяйственные требования к конечным результатам функционирования хозяйственных звеньев среднего уровня являются составной частью норм и правил хозяйствования, устанавливаемых для этих звеньев на конкретный плановый период. Они входят поэтому в состав действующей в рамках этого периода системы критериев социально-экономической эффективности хозяйственной деятельности. Народнохозяйственные плановые требования должны направлять деятельность звеньев на производство благ, необходимых для получения намеченных в плане экономического и социального развития страны конечных социальных результатов, т.е. для реализации социальных целей народнохозяйственного плана. Эти требования могут (но не обязательно должны) иметь форму заданий по объёму, составу, качеству конкретных продуктов и услуг, подлежащих выполнению в заданные сроки.

Порядок формирования народнохозяйственных плановых требований к конечным результатам средних звеньев совпадает с процедурой целеполагания в механизме социалистического хозяйствования-. На первых стадиях этой процедуры не должны выделяться какие-либо специфические требования к отдельным хозяйственным отраслям, а должен быть определён социально-целевой блок долгосрочного народнохозяйственного плана, т.е. система конечных и промежуточных (для отдельных внутриплановых периодов) социально-экономических целей, достижению которых следует подчинить развитие всего народного хозяйства. Содержание этих целей объективно не зависит ни от организационно-управленческой структуры хозяйства, ни от действующего хозяйственного механизма. Оно определяется:

– стратегической направленностью развития социалистического общества;

– конкретно-историческими проблемами и задачами, возникающими в ходе движения к стратегическим целям;

– необходимостью обеспечить поступательность

(комплексность) социально-экономического развития, т.е. развития без существенного отставания в одних социальных областях и без бессистемных "забеганий" вперёд в других.

Проведённые исследования [1] показывают, что объективная возможность всестороннего научного обоснования долгосрочного плана по конечным и промежуточным его целям, срокам их достижения и распределению ресурсов существует, но она может быть реализована лишь посредством определённой процедуры целеполагания. Исходным пунктом этой процедуры должно быть формулирование этапных социально-экономических целей – системы целей, достижение которых будет означать, что общество перешло на качественно новый уровень развития социально-экономических отношений, что в нём произошли перемены, соответствующие очередной ступени (рубежу) восхождения по пути социально-экономического прогресса. Дальнейшая последовательность целеполагающих решений в общем (упрощённом) виде должна быть следующей:

– разработка (в рамках долгосрочного прогноза) вариантов принципиальной траектории социально-экономического развития, ориентированных на достижение этапных целей.

Все варианты должны учитывать необходимость поступательного внутриэтапного социально-экономического развития при прочих равных условиях, а также необходимость обеспечить решение задач чрезвычайной, по мнению высших органов управления, социальной важности в заданной ими очередности[72]. Варианты могут разли-

---

[72] ***Ранг чрезвычайной или первостепенной важности (а потому и жёсткие ограничения по очередности решения) должны получать только такие задачи, решение которых не составит продвижения вперед по пути социального прогресса, а лишь ликвидирует отклонения от нормальной линии развития или же обеспечит дальнейшее существование общества как такового. Подобные чрезвычай-***

чаться по сроку достижения системы этапных целей и по необходимым для этого средствам – крупномасштабным мероприятиям, общественным затратам, направлениям научно-технического прогресса, хозяйственному механизму и др.;

– выбор для реализации принципиальной траектории (одного из вариантов) социально-экономического развития из числа представленных прогнозом и определение тем самым ***ориентировочной длительности этапа***;

– разработка долгосрочного плана развития страны ***в целом на этап*** (т.е. ориентировочная длительность этапа становится горизонтом долгосрочного планирования).

В результате осуществления очерченной процедуры формируются конечные и промежуточные целевые установки долгосрочного плана, которые правомерно считать научно обоснованными социальными критериями эффективности конечных результатов хозяйственной деятельности.

Условиям действующей в настоящее время логики (общей методологии) народнохозяйственного планирования соответствует существенно иная процедура целеполагания: долгосрочный прогноз развития хозяйства ориентирован на определённый срок, а не на этапные социально-экономические цели; жёсткое определение горизонтов планов предшествует выбору социальных целей. Возможность повысить обоснованность социальных критериев эффективности при такой методологии заведомо ограничена, так как долю субъективизма (произвольности) при определении приоритетов и очередности достижения целей и, соответственно, при распределении ресурсов не-

---

ные задачи обусловлены либо возникновением (или осознанием) принципиально непредсказуемых при достигнутом уровне развития науки внутренних, международных, экологических обстоятельств, либо субъективистскими ошибками, допущенными в предшествующие периоды при прогнозировании, планировании и управлении обществом.

возможно существенно снизить из-за того, что не сформулированы заранее чёткие критерии завершённости предстоящего этапа развития и потому нет достаточно сильных, полных аргументов, которые можно было бы противопоставить давлению ведомственных и местнических интересов.

Очертив необходимую общую схему целеполагания, мы можем перейти к вопросу о содержании долгосрочных социально-экономических целей.

Характер и содержание этапных целей определяет стратегическая цель (конечная социальная направленность развития) социалистического общества – создание условий для свободного развития каждого и всех членов общества. Жизнедеятельность как ***способ свободного развития*** – это характеристика сущности, социально-экономического типа будущего образа жизни. Для продвижения общества по пути к стратегической цели следует в качестве плановых социальных результатов очередного этапного масштаба задавать принципиальные характеристики ближайшей качественно новой ступени в развитии именно ***образа жизни*** людей.

Объектом планомерного социалистического управления, следовательно, и объектом долгосрочного планирования могут быть не все стороны образа жизни людей, а лишь социально-экономические, или (что то же самое) социально-экономические способы жизнедеятельности. Поэтому только о них и пойдёт далее речь.

Под социально-экономическими способами жизнедеятельности людей мы понимаем характер (тип), содержание и существенные для их реализации формы тех сторон жизнедеятельности в целом, каждой её сферы (трудовой, семейно-бытовой, досуговой), которые в совокупности определяют уровень обеспечиваемых обществом возможностей для выявления, реализации и развития индивидуальных свойств личности. Для прогресса социалистического требуется, чтобы долгосрочные цели задавали рост и расширение возможностей для развития личности всех членов общества при существенном уменьшении разли-

чий между социальными группами по степени реальности (доступности) этих возможностей.

Определить указанные выше качественные характеристики способов жизнедеятельности людей в перспективе – это значит адекватно и прямо описать систему перспективных личных социально-экономических потребностей, соответствующую состоянию очередной ступени её возвышения[73]. Такое (и только такое) описание потребностей правомерно использовать в механизме хозяйствования как характеристику перспективных целей общества, другими словами, как нормативно-целевую характеристику перспективных общественных потребностей для реализации целевого подхода к формированию долгосрочного плана. При этом мы хотим подчеркнуть, что термин "нормативный" относится здесь к методологии планирования, а не к жизнедеятельности людей. Реализация этой методологии вовсе не связана со стандартизацией личности, с навязыванием всем или каким-либо индивидам, социальным группам одинаковых, унифицированных потребностей, потребления, образа жизни (в том числе не связана с навязыванием кому-либо стандартизированной всесторонности развития в форме всезнайства или "мастерства на все руки"). Напротив, выполнение долгосрочного плана должно существенно увеличить степень свободы человека в обществе, т.е. утвердить такие способы жизнедеятельности, которые позволят людям более свободно проявлять и развивать свои сугубо индивидуальные способности и наклонности.

Нормативно-целевая характеристика перспективных общественных потребностей как качественно нового этапа в развитии способов жизнедеятельности предполагает отвлечение от технико-экономических средств, с помощью которых удовлетворяются потребности, т.,е. от конкретного набора и объёма потребляемых благ и, тем более, от мощности, структуры, технологических особен-

---

[73] ***Подробное обоснование этого подхода к выражению перспективных личных потребностей см. в работе [2].***

ностей материально-технической базы общества.

Абстрагироваться от натурально-вещественной формы благ, их объёма, структуры (т.е. «оторваться» от ресурсов, которыми общество располагает для производства, потребления и развития человека) необходимо потому, что реализация тех или иных способов жизнедеятельности людей не связана жёстко с указанными характеристиками потребительских благ. К тому же достоверная информация о том, какими именно благами будут удовлетворяться потребности, соответствующие будущему образу жизни, неизбежно отсутствует. Известно, напротив, что закономерностью общественного развития вообще (а не только при социализме) является качественное преобразование состава и структуры потребностей и потребления, появление новых благ и потребностей в них по мере существенного увеличения ресурсов потребления, повышения степени удовлетворения потребностей в привычных благах.

Фактическое отождествление социальных задач экономики с производством каких-либо конкретных средств для удовлетворения общественных потребностей – с ростом ресурсов потребления, расширением материально-технической базы производства благ – отражает логику планирования «от достигнутого уровня»: вместо ясного строгого определения содержания социально-экономических преобразований задаются параметры роста общественных ресурсов. При этом чем быстрее социально-экономическое развитие и длительнее перспективный период, тем труднее описывать будущие потребности как потребности в конкретных благах, так как в распоряжении планирующего (описывающего потребности) имеется информация лишь об уже функционирующих, потребляемых ресурсах. Эта трудность – принципиальная, имманентная самому методу.

Определение перспективных потребностей как качественно преобразованных способов жизнедеятельности принципиально отличается от их описания в таких категориях, как повышение степени удовлетворения лич-

ных материальных (или физических), духовных (или культурных) и социальных потребностей. Указанное деление потребностей произведено именно в зависимости от натуральной формы благ: материальные потребности – те, что удовлетворяются потреблением вещных продуктов и материальных услуг; духовные – потреблением услуг просвещения, культуры и искусства; социальные – потреблением услуг здравоохранения, социального обеспечения. Не случайно при такой или подобных классификациях потребностей (например, в описании потребностей методом "дерева целей") непосредственно вслед за различением материальных, культурных и социальных потребностей появляются вместо задач, специфичных для социализма, задачи типа: производство пищи, производство гардероба и т.д. вплоть до отдельных продуктов и услуг.

Нормативно-целевая характеристика перспективных потребностей как качественно новой ступени в развитии способов жизнедеятельности кардинально отличается от описания потребностей в категориях, которыми оперируют инструменты типа рационального потребительского бюджета (РПБ). Представления о РПБ опираются на данные об уже производимых продуктах и услугах и на данные о потреблении так называемых опережающих групп населения. Они отражают поэтому характер, уровень и настоятельность уже существующих в обществе потребностей в конкретных потребительских благах. Приближение к РПБ есть приближение к уровню насыщения лишь таких потребностей, на базе удовлетворения которых могут широко растространиться и утвердиться возникшие, сложившиеся у части населения к моменту разработки РПБ конкретно-исторические формы жизнедеятельности со всеми их уже обозначившимися как прогрессивными, так и негативными (социально-неприемлемыми для будущего) чертами. Эти формы жизнедеятельности, конечно же, не совпадают с очередной этапной целью социализма, а потому процесс роста потребления в направлении к РПБ заведомо не является движением к состоянию полного удовлетворения будущих

личных потребностей. Кроме того, в связи с неизбежным в ходе общественного развития качественным преобразованием структуры потребностей и потребления вообще нереально добиться того, чтобы объём и структура потребления всех групп населения соответствовали нормативам РПБ.

РПБ был бы приемлемым исходным пунктом целевого планирования, если бы цели общества исчерпывались увеличением объёма и разнообразия потреб-ляемых благ. При такой, исключительно потребительской, ориентации общества РПБ мог бы в условиях недостаточно гибкой технологии производства или недостаточно оперативной реакции рынка на изменение потребительского спроса играть роль инструмента, ориентирующего хозяйство на производство минимально необходимого (с точки зрения общества на данном этапе его развития), стандартного разнообразия благ[74]). Однако необходимость

---

[74] **Примечание редактора сборника – Б.В.Ракитского (1984).** ***РПБ может быть рассмотрен, во-первых, как идеология планирования, целеполагания при потребительской ориентации развития; во-вторых, как модификация, искажение непотребительской ориентации под влиянием обстоятельств, объективно затрудняющих развитие по непотребительским целям.***

Первое обстоятельство – близкий к нищенскому уровень потребления массы населения, который проблему свободного развития личности делает исторически исключительно далекой, превращает в мечту, а как реальную задачу ближайших этапов развития диктует проблему ликвидации нищеты – накормить, одеть, поселить в жилища. В этих условиях стандартное разнообразие выглядит как подлинный прогресс, как народное счастье, потому что сравниваем мы его с нищетой, а его расхождение с непотребительской ориентацией всё ещё не существенно, не актуально.

Второе обстоятельство – негибкая, рутинная, консервативная техника, технический застой; производство качественно не прогрессирует, стагнирует (ещё шире – стагнирует вся общественная жизнь). В этих

планирования минимального, стандартного разнообразия благ при помощи нормативных потребительских бюджетов отпала бы не из-за того, что общество пришло бы к состоянию насыщения каких-то "идеальных[1]" ("абсолютных") потребностей, а в связи с достижением высокой степени технологической и экономической гибкости производства при его перестройке на другие объёмы и другой состав продукции.

Представление перспективных общественных потребностей как способов жизнедеятельности, а не как характеристик состава и объёма потребляемых благ, позволяет реализовать целевой подход к перспективному планированию народного хозяйства таким образом, чтобы этапные социально-экономические цели задавались чётко и жёстко на качественном, содержательном уровне и чтобы была открыта возможность для выбора в ходе функционирования хозяйства наиболее экономичных способов достижения социальных целей, в том числе с помощью производства и потребления различных наборов вещей и услуг. Этот путь позволяет более активно формировать сами потребности, использовать теоретические знания о закономерностях их развития (возвышения), соответствующих условиям социализма.

В настоящее время совершенствование планирования справедливо связывается с разработкой целевых, количественно определённых нормативов, подлежащих обязательному выполнению за период реализации плана. При этом преобладает (особенно, среди практиков) мнение, что плановые ориентиры на перспективу в

условиях сама идея свободы в любой сфере подвергается сомнению. Очень быстро появляются лозунги разумной, рациональной свободы, которые на поверку оказываются лозунгами стандартного разнообразия. Объясняется это нередко, если идут от производства, объективной невозможностью, а если идут от всей общественной жизни – то идеологическим перерождением того, кто хочет свободы.

принципе ничем не отличаются от плановых ориентиров на пятилетку или на год и что при разработке долгосрочного плана и долгосрочных программ по развитию отдельных сфер хозяйства можно использовать методы, применяемые при составлении текущих планов. Из сказанного выше следует, что долгосрочные плановые ориентиры должны быть выражены иначе, чем ориентиры на ближайшие сроки. Специфика долгосрочных плановых установок, прежде всего, состоит в том, что они – социально-целевые (качественно определённые), а не экономически-целевые (количественные). Поэтому более точно было бы говорить не о целевых нормативах долгосрочного плана, а о его конечных социальных целях, или плановых конечных социальных результатах.

В систему конечных целей долгосрочного плана должны входить следующие качественные характеристики способов жизнедеятельности людей:

– характеристики коренных черт образа жизни населения в целом; ими определяется новый (возросший) уровень возможностей, обеспечиваемых обществом для развития личности каждого человека независимо от его принадлежности к каким-либо социальным группам (классам, слоям, общностям);

– характеристики содержания и существенных для его реализации форм жизнедеятельности, которыми определяется новый уровень возможностей, обеспечиваемых обществом для развития личности в каждой из сфер, составляющих структуру жизнедеятельности людей на протяжении всего этапа развитого социализма, т.е. в сфере труда, быта, досуга;

– характеристики способов жизнедеятельности людей с учётом социально-групповой структуры перспективных личных потребностей. Другими словами, содержание и формы жизнедеятельности, определяющие новый уровень возможностей для развития личности, должны быть конкретизированы применительно к различным социальным группам.

Кроме перечисленных выше характеристик

жизнедеятельности людей, в систему конечных целей долгосрочного плана должны включаться также планируемые результаты решения чрезвычайных конкретно-исторических проблем. Форма представления этих результатов может быть существенно иной. Так, например, чрезвычайные обстоятельства типа военных конфликтов, экологических катастроф и т.п. могут потребовать временной натурализации планирования для срочной мобилизации и концентрации вполне определенных общественных ресурсов. В то же время большинство современных наиболее актуальных социальных проблем, для решения которых предлагаются сегодня специальные чрезвычайные методы, могут быть успешно решены как раз при помощи изменения процедуры целеполагания в механизме хозяйствования.

Цели, подлежащие реализации к концу долгосрочного планового периода, – это плановые социальные требования к конечным результатам функционирования всего народнохозяйственного комплекса, социальные критерии эффективности экономического развития страны. Они не могут и не должны рассматриваться в качестве плановых требований к результатам функционирования хозяйственных звеньев. Развитие хозяйственных отраслей, многоотраслевых территориально-хозяйственных комплексов непосредственно изменяет условия жизнедеятельности населения, поскольку доставляет определённые ресурсы – продукты, услуги – для потребления и развития человека. Поэтому посредником между конечными целями народнохозяйственного долгосрочного плана и плановыми (на определённые сроки) требованиями к конечным результатам функционирования средних звеньев хозяйства должно быть определение состава и очерёдности тех перемен в условиях жизнедеятельности, на базе которых изменяются качественные характеристики самой жизнедеятельности.

Совокупность мероприятий, направленных на создание определённых условий жизнедеятельности (в том числе, на производство необходимого количества

потребительских благ), может быть правильно определена лишь как ресурсообеспечивающая часть, или ресурсный блок комплекса долгосрочных социальных программ. Содержание конечных целей долгосрочных программ (а цели эти – из арсенала конечных целей долгосрочного плана) обусловливает комплексный и социально-экономический, а не сугубо экономический или технико-экономический характер промежуточных – внутриэтапных целевых установок, также входящих в социально-целевой блок долгосрочного плана.

Внутриэтапные социальные цели определяют, в каких конкретных организационно-экономических формах будет осуществляться процесс возвышения содержания жизнедеятельности каждой социальной группы на данном историческом отрезке времени. Иначе говоря, внутриэтапные социальные цели – это конкретно-исторические формы жизнедеятельности, в которых фактически должны реализоваться, воплотиться прогрессивные изменения в способах жизнедеятельности, соответствующие принципиальной долговременной направленности их развития.

В настоящее время принципы установления приоритетов при распределении ресурсов между различными сферами хозяйства, отраслями, направлениями технического прогресса и т.п. – одно из наиболее узких мест в теории и практике долгосрочного планирования. И это обстоятельство склоняет иной раз экономистов к заманчивому упрощению задачи – к выводу о том, что для установления приоритетов нужны не научные обоснования, а чисто политические решения. Не требуется, на наш взгляд, специальной аргументации, чтобы констатировать в данном случае методологический сбой – отрыв политики от науки. Другая, тоже неверная, позиция состоит в том, что распределение ресурсов в долгосрочном плане можно научно обосновать, используя исключительно количественные оценки социально-экономических результатов функционирования хозяйства. При этом предлагаются различные способы выявления значимости тех или иных результатов для общества: либо на основе учёта соображе-

ний только экономической выгодности, либо при помощи математической обработки высказываний экспертов о соотносительной, выраженной количественными коэффициентами, важности тех или иных направлений вложения ресурсов.

Для правильного решения вопроса о приоритетах в распределении народнохозяйственных ресурсов вообще и при перспективном планировании в особенности необходимо принципиально изменить общий подход к этой проблеме. Конечно же, решения о подобных приоритетах являются решениями социально-политического характера. Однако это вовсе не значит, что они не нуждаются в научном обосновании. Напротив, социально-политическая стратегия социалистического государства и может, и должна строиться на прочном научном фундаменте. Путь к расширению этого фундамента, к повышению эффективности общественных затрат, более тесной увязке хозяйственной и технической политики с социальной – отталкиваться от оценки фактического ***социально-экономического положения конкретных общественных (классовые, демографические, территориальные и пр.) групп населения,*** а не непосредственно от оценок уровня развитости тех или иных отраспей хозяйства или же от сопоставления различных направлений экономического и технического развития по возможным социальным результатам. Основой для определения величины, направлений и очередности общественных затрат внутри долгосрочного планового периода должна быть сравнительная настоятельность реализации различных комплексных социальных программ. Социальный характер этих программ, как мы уже говорили, обеспечивается их ориентировкой на изменение положения целых социальных групп. При этом содержание целей программ обусловлено проблемами, актуальными для развития конкретной социальной группы, а приоритеты – остротой этих проблем, т.е, сравнительной настоятельностью улучшения социально-экономического положения различных групп по

критерию сближения этого их положения в процессе совершенствования социальной структуры общества[75].

В отличие от конечных целей долгосрочного плана, сроки реализации которых нельзя задать иначе, чем ориентировочно, цели внутриэтапных социальных программ ***возможно привязать к вполне определённым срокам***. Возможность эта обеспечивается тем, что ближайшие перемены в формах жизнедеятельности конкретных групп населения связаны достаточно жёстко с определёнными изменениями в материальных условиях жизнедеятельности, т.е. ***с определённой организацией общественных ресурсов.*** Рассчитать длительность периода, необходимого для соответствующих изменений в общественных ресурсах (следовательно, и для достижения заданных программами первоочередных социальных результатов), – задача вполне реальная, выполнимая. Требования к организации ресурсов выступают как объективно необходимые плановые (заданные) экономические результаты, т.е. как экономические цели ресурсного блока социальных программ. Сроки их достижения обусловлены исходным уровнем экономического развития и реально возможными темпами экономического роста с учётом времени, нужного для структурных перестроек хозяйства, освоения капитальных вложений, разработки и внедрения соответствующих научно-технических решений и пр.

Важно подчеркнуть, что сроки реализации ближайших экономических целей, выступающих материальной базой социальных достижений, могут быть и меньше, и больше принятых в настоящее время горизонтов среднесрочного и перспективного планирования. Существующий порядок народнохозяйственного планирования по периодам, определяемым механически, без увязки с целями долгосрочного плана и реализующими его социаль-

---

[75] Критерии, отличающие социальные программы от всех других и от непрограммного набора социальных мероприятий, сформулированы и обоснованы в работах [3] и [4].

ными программами, затрудняет эффективное освоение программно-целевого метода планирования конечных результатов хозяйственной деятельности, так как ни социальные, ни экономические результаты планов невозможно строго обосновать, ориентируясь на заранее заданный (пятилетний, десятилетний или любой иной) срок.

Народнохозяйственные требования к организации общественных ресурсов на период реализации ближайших социальных целей и на принятый период среднесрочного планирования могут быть конкретизированы в разной степени. Количественно определённые целевые показатели, задающие объём и структуру производимого отраслями набора продуктов и услуг, – лишь одна из возможных, но не обязательных форм представления экономических результатов. Дело в том, что экономические цели народнохозяйственных планов и конкретные задания отдельным хозяйственным отраслям и другим звеньям среднего уровня – явления в качественном плане не тождественные. Система норм и правил хозяйствования, подчиняющая деятельность средних звеньев социальным и экономическим интересам всего общества, – часть хозяйственного механизма, установленного на период реализации всего долгосрочного плана или же на более короткий период. Общий характер хозяйственного механизма обусловлен, конечно же, содержанием социальных и экономических целей, но конкретный его облик не детерминирован этими целями однозначно. Он может варьироваться в зависимости от различных конкретно-исторических обстоятельств, например, в зависимости от степени сбалансированности важнейших народнохозяйственных пропорций, от уровня развитости методов, гарантирующих макропропорциональность и др.

В настоящее время разработка социально-целевого блока долгосрочного плана сдерживается отсутствием долгосрочных комплексных социально-экономических прогнозов трудовой, семейно-бытовой и досуговой деятель-

ности[76]. Она сдерживается и отсутствием обоснованного круга социальных целевых комплексных программ, каждая из которых рассматривала бы перспективы развития той или иной социальной группы. В этой ситуации для определения требований к развитию хозяйства на ближайшую перспективу возможно пойти по пути использования тех целевых и планово-целевых установок по развитию жизнедеятельности в целом, каждой её сферы, которые зафиксированы в партийных, государственных и правительственных документах. Чти установки правомерно рассматривать как осознанные обществом потребности (интересы) в соответствующих областях. Для использования выдвинутых установок в качестве органического элемента системы управления необходимо по возможности систематизировать их по сферам жизнедеятельности и применительно к отдельным социальным группам, отделить социальные установки от экономических, задающих требовании к условиям жизни, к развитию ресурсов.

Практические нужды управления всё настойчивее выдвигают перед экономической наукой заказ на разработку предложений по совершенствованию системы показателей для централизованного планирования деятельности отраслей и всех других звеньев хозяйства. Выполнить этот заказ на основах всестороннего научного обоснования, на наш взгляд, невозможно, если не будет заполнен пробел в научно-методологических и практических разработках проблем долгосрочного планирования и комплексного социально-целевого программирования.

---

[76] Определённый опыт долгосрочного социально-экономического прогнозирования накоплен в ходе работы над Комплексной программой научно-технического прогресса СССР. Но для разработки целенаправленных прогнозов по сферам жизнедеятельности (с предварительным определением главного итога очередного этапа развития страны) потребуется несколько лет. Так, по оценкам специалистов, разработка долгосрочного прогноза труда займёт 5-7 лет.

Следует отдать себе отчёт в том, что сегодня ряд долговременных целевых установок и подавляющее большинство плановых показателей сформулированы не на языке собственно социально-экономических потребностей, а на языке конкретных средств их удовлетворения, т.е. характеризуют условия жизнедеятельности, материально-техническую базу производства. Так, например, установка на сокращение применения ручного труда определяет направленность изменения технологии. Но при этом социальное содержание цели вытеснения ручного труда (т.е. для каких качественных изменений в способах трудовой жизнедеятельности используется это средство) на самом деле до сих пор строго и полно не раскрыто. Ресурсными, характеризующими состояние ресурсов, а не социально-целевыми являются общехозяйственные установки и реализующие их планово-программные инструменты, ориентирующие звенья на комплексную механизацию, автоматизацию производства, на применение робототехники, вообще – на производство и использование конкретных видов продукции с определёнными производственно-техническими характеристиками.

Однако основанием для критики применяемых и предлагаемых плановых показателей должен быть не сам по себе факт, что они – ресурсного типа, а отсутствие посредствующих элементов между задачами социальной политики, с одной стороны, и достаточными для их реализации нормами и правилами хозяйствования для средних и низовых звеньев, с другой. Из-за их отсутствия набор утверждаемых в централизованном порядке показателей формируется по преимуществу эмпирически, образно выражаясь, "вслепую". В этих условиях разработка планомерных инструментов, обеспечивающих жёсткую подчинённость хозяйства социальным установкам, замещается стремлением максимально регламентировать "сверху" конкретный облик отраслевых и региональных ресурсов при помощи всестороннего охвата плановыми заданиями результативных (для звеньев) параметров функционирования и многообразных ограничений на

технические, организационные и пр. способы выполнения заданий. Создание рациональной системы плановых показателей тормозится тем, что проблема конкретизации социально-целе-вых установок до той степени, когда они смогут реально и эффективно выполнять роль ***социальных ограничений на хозяйственную инициативу*** звеньев, до последнего времени не только не ставилась в форме, ориентирующей на поиск верных решений, но даже не осознана в полной мере.

С позиций изложенных нами представлений о взаимосвязи перспективных общественных потребностей и конкретно-исторических форм организации общественных ресурсов возможно и целесообразно сформулировать ряд принципиальных положений о направлениях совершенствования народнохозяйственных плановых требований к конечным результатам функционирования средних звеньев хозяйства.

Главное направление – обеспечить соответствие требований к конечным результатам деятельности звеньев системе социальных планово-целевых установок. Основной недостаток применяемого ныне набора плановых показателей – это как раз их недостаточная связь с социальными установками современного периода. Те и другие существуют в значительной мере как бы сами по себе, без должной связи друг с другом. Важно также преодолеть тенденцию к увеличению числа плановых показателей. Должен быть поставлен и решён вопрос о необходимом и достаточном круге плановых требований к конечным результатам. Для реализации этого принципа должны совмещаться два аспекта: во-первых, определение типа требований, наличие которых диктуется спецификой действующего хозяйственного механизма; во-вторых, определение требований, наличие которых диктуется необходимостью отразить конкретно-исторические особенности (условия, задачи) развития страны в конкретном периоде. Следовательно, состав применяемых сейчас показателей следует проанализировать, в частности, с тем, чтобы исключить показатели, отражающие условия

предшествующих периодов и неактуальные уже социальные задачи.

При совершенствовании системы плановых требований к конечным результатам функционирования средних звеньев хозяйства целесообразно поставить содержание этих требований в зависимость от соотношения отраслевых ресурсов и потребностей, которые подлежат удовлетворению с их помощью. Во всяком случае, исследования показали [См. 2] верность такого подхода к планированию развития отраслей, обслуживающих население. При существенном отставании фактических сетевых показателей от нормативных правомерно считать, что дифференцированные по регионам страны (с учётом специфики структуры населения) нормативы обеспеченности сетью учреждений сферы обслуживания удовлетворительно выражают потребности в соответствующих услугах.

В такой ситуации требованиями к развитию сферы обслуживания могут быть преимущественно сетевые показатели обеспеченности- Подобным же образом, очевидно, и все другие нормативы РПБ могли бы служит» способом перевода планово-целевых установок на язык количественных показателей внутриэтапных планов, по крайней мере, в воспроизводственных ситуациях, для которых характерна потребность экстенсивного наращивания ресурсов. Однако в современных условиях и особенно в ближайшие пятилетия остро актуальна всесторонняя интенсификация общественного производства, а тем самым и ориентировка на качественные характеристики потребностей. Насколько этим требованиям соответствуют методы, характерные для разработки РПБ, – вопрос всё ещё открытый. Если вернуться к сфера обслуживания населения, то здесь по мере достижения нормативной обеспеченности сетью предприятий и учреждений значение сетевых показателей явно снижается и всё более важным становятся требования к качеству обслуживания. Однако проблема определения нормативов, характеризующих качество (уровень) обслуживания, сразу переводит нас в иную плоскость: вместо обсуждения вопроса о том, какие блага

и в каком количестве надо производить, мы обсуждаем вопрос о том, ***для чего производить*** – для удовлетворения каких потребностей, для реализации каких способов жизнедеятельности. И мы опять вынуждены констатировать, ч возможность эффективного совершенствования системы плановых требований к конечным результатам функционирования средних звеньев хозяйства весьма ограничена при отсутствии чётких представлений о конкретном содержании перспективных и внутриэтапных социальных целей.

Совершенствование системы плановых требований к конечным результатам хозяйственной деятельности мы связываем и с необходимостью отказа от принципа формирования сквозных, т.е. одинаковых по содержанию для всех уровней хозяйства показателей. Задания народнохозяйственного плана не должны быть сводкой заданий отраслевых и региональных планов, а планы предприятий, отраслей, регионов, городов должны содержать такие наборы централизованно регламентируемых конечных параметров, которые соответствуют их специфическому положению в управленческой структуре, в частности, их реальной компетенции в управлении экономическим и социальным развитием. Сказанное не отрицает, конечно, того, что в механизм реализации заданий государственного плана должны входить нормы и правила хозяйствования как специфические для звеньев разных уровней, так и общехозяйственного характера.

И, наконец, последний из основных, по нашему мнению, принципов совершенствования плановых заданий центра хозяйственным отраслям и территориально-хозяйственным комплексам. Следует исходить из нецелесообразности (неэффективности) анализа и улучшения состава этих требований для отдельных отраслей, министерств или ведомств независимо друг от друга. Следует, напротив, отталкиваться от планово-целевых установок по преобразованию сфер жизнедеятельности и положения социальных групп. Такой подход обеспечит как комплекс-

ность системы качественных и количественных плановых требований, так и минимизацию их состава.

Обоснование плановых требований к конечным результатам хозяйственной деятельности не снимает задачи выявления фактической действенности народнохозяйственного плана, проблемы установления контроля за выполнением планово-целевых установок. Они становятся ещё более настоятельными и требуют совершенствования контрольно-аналитических инструментов, поиска адекватных системе планирования методов контроля за реализацией планов.

Контрольно-аналитическую функцию следуй возложить ***на систему социальных индикаторов***, характеризующих фактическое содержание и формы жизнедеятельности различных социальных групп населения, степень реальной доступности для населения тех или иных благ, степень удовлетворённости людей условиями жизни, трудом, бытом, досугом.

Состав социальных индикаторов предопределяется составом планово-целевых установок, поскольку, задача индикаторов – дать возможность не просто отслеживать динамику и направленность развития социальных процессов, а сопоставлять их с целевыми установками. Социальные индикаторы должны, следовательно, играть по отношению к планово-целевым установкам (в общем случае – по отношению к социальным целям) ту же роль, которую играют в настоящее время отчётно-статистические показатели по отношению к плановым экономическим показателям.

У социальных индикаторов есть и специфическая, отличная от отчётно-статистических показателей функция – информировать целезадающие и планирующие органы о ходе социальных процессов с тем, чтобы на этой основе можно было более обоснованно подойти к корректировке самих целевых установок, а затем и к корректировке плановых требовании к организации общественных ресурсов.

Для эффективного выполнения социальными инди-

каторами контрольно-аналитических функций необходимо предпринять специальные разработки по определению состава и периодичности систематических представительных обследований (их можно затем осуществлять силами статистических и социологических служб) тех сторон жизнедеятельности людей, которые существенны для изучения процесса развития н удовлетворения личных социально-экономических потребностей.

Л и т е р а т у р а

1. Ракитская Г.Я. Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. - М. ВНИИСИ, 1982.

2. Косова Р.А. Закономерности и пути усиления планомерности формирования личных потребностей в условиях зрелого социализма. Диссертация. – Тульский политехнический институт. 1982.

3. Феоктистова Е.Н. Пути улучшения социально-экономического положения работающих женщин (методологические вопросы комплексного целевого программирования). Диссертация. – М.: НИИтруда, 1982.

4. Феоктистова Е.Н., Ракитский Б.В. Целевые комплексные программы как мера усиления целенаправленности планов. – Журнал «Известия АН СССР. Серия экономическая» 1982, № 3.

Печатается по тексту статьи
в сборнике статей «Механизм обеспечения централизма в социалистической экономике» М.: ЦЭМИ АН СССР. 1984. Стр. 139-159.

1985
=======

Реализация целезадающей функции социалистического государства в долгосрочных предплановых разработках

Установленный в настоящее время порядок предусматривает в качестве начального шага перспективного планирования экономического и социального развития страны периодическую (каждые пять лет) разработку Комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет [1, с.6]. Эта программа разрабатывается сейчас уже в четвертый раз, на период до 2010 года. Опыт работы над этим документом, а также потребность усилить социальную направленность хозяйственного развития чётко выявляют, что одна из важнейших функций предплановых разработок в механизме социалистического хозяйствования – это формулирование и обоснование системы долгосрочных целей, достижение которых будет означать переход общества на очередную качественно новую ступень социально-экономического прогресса.

Для современных условий развития СССР таким качественно новым состоянием общественной жизни должно стать завершение этапа развитого социализма, т.е. переход к зрелым формам всех социалистических общественных отношений и к всестороннему использованию преимуществ нового строя. Вывод об исторически длительном этапе совершенствования построенного у нас социализма и о необходимости выработки таких строгих представлений о.высшей ступени его зрелости, которые могли бы реально выполнить роль долгосрочных качественных ориентиров развития. является чрезвычайно важным теоретическим достижением партии последних лет. Этот вывод должен быть положен в основу всей работы по определению стратегии социально-экономи-

ческого развития.

В соответствии с этим назрела возможность и необходимость усовершенствовать методы разработки Комплексной программы научно-технического прогресса СССР /КП НТП/ как долгосрочного комплексного народнохозяйственного прогноза в направлении повышения роли целезадающего блока этого предпланового документа. Во всех предыдущих трудах работы над КП НТП на задающих её стадиях дело сводилось, как правило, к установлению темпов и пропорций экономического развития, с тем чтобы конкретизирующие разработки по проблемам укладывались в отведённые им ресурсные рамки. Вместе с тем в КП НТП всегда существовали прогнозы, которые разрабатывались в значительной степени независимо от задаваемых ограничений по ресурсам (хозяйственный механизм, производственные отношения, социальная структура, в известной мере труд, благосостояние и др.). Такие прогнозы вынуждены были ориентироваться на те или иные цели, которые сводной частью КП НТП изначально не определялись. Напротив, представления о целях, содержащиеся в проблемных частях программы, суммировались на завершающих стадиях прогнозирования в сводной части, а то и игнорировались ею.

По нашему мнению, разработка Комплексной программы поднимется на качественно более высокий уровень, если вся совокупность проблемных прогнозов будет исходить из задающего раздела, которого до сих пор не было и который предстоит сформировать. Целезадающая стадия работы должна предшествовать сводной в той её форме, в которой она осуществлялась до сих пор, т.е. должна предшествовать той части КП НТП, в которой в сводном виде решаются проблемы сбалансированности экономических ресурсов предстоящего развития. Только в этом случае всё станет на свои места, так как говорить о сбалансированности хозяйства вообще, без соотнесения её с социальными целями развития означает не что иное, как понимать сбалансированность как

свободную от общества, хотя и существующую в нём.

Главным содержанием целезадающей части долгосрочного комплексного народнохозяйственного прогноза должны стать результаты обобщения достижений отечественной науки в области исследования задач и перспектив развития социалистических социальных отношений. Целезадающая роль этого этапа предплановой работы будет выполнена в полной мере, если специальным предметом анализа будет целостная система отношений организации общественного воспроизводства, другими словами, социальный механизм воспроизводства (хозяйствования), а не какие-либо отдельные стороны способа производства. При таком анализе должны быть поставлены наиболее фундаментальные проблемы развития современного советского общества и определены общие подходы к разрешению объективно назревших социально-экономических противоречий для обеспечения планомерного становления адекватных развитому социализму форм социалистического образа жизни. Одним из важнейших итогов разработки единого целевого блока прогноза будет формулировка системы этапных социальных целей общества как характеристик качественно нового состояния социальных отношений (общественно-экономической формации). Это создаст возможность для социально направленного, разновариантного долгосрочного прогнозирования совершенствования как экономических отношений в каждой из сфер воспроизводства и хозяйственного механизма, так и производительных сил общества (материальных и трудовых ресурсов, науки, техники). Разработка всех этих прогнозов при строгой ориентировке на этапные социальные цели – необходимая база научного обоснования реально возможной роли ближайшего двадцатилетнего периода в решении актуальных социально-экономических проблем, в поступательном развитии социалистической общественно-экономической формации на основе обеспечения однонаправленности и усиления взаимосвязи научно-технического, экономического, социально-политического и духовного прогресса.

Наши собственные исследования, а также новейшие научные выводы о способах определения перспективных целей социалистического общества показали, что решению задачи обеспечить единую социальную направленность всех составных частей народнохозяйственного прогноза соответствует вполне определенная логика разработки долгосрочных целевых ориентиров развития. Далее мы кратко опишем эту логику, включая содержание, последовательность работ, их взаимосвязь, и ориентировочно очертим окончательную структуру целезадающего блока.

Роль основы и исходного пункта работы над этим блоком должно выполнить формирование цельной системы представлений о социальном механизме воспроизводства. Исходя из стратегической направленности общественно-экономического прогресса при социализме на создание условий для свободного развития каждого человека и всех людей, к числу важнейших закономерных элементов социалистического механизма хозяйствования надо, на наш взгляд, отнести следующие взаимообусловленные формы общественной жизни.

Во-первых, новый тип управления обществом – демократический централизм, обеспечивающий единство воспроизводства и учёт конкретно-исторических интересов всех слоев населения и всех субъектов хозяйствования в ходе общественного прогресса.

Во-вторых, реальные государственные гарантии прав и свобод личности и добровольное (сознательное) осуществление человеком обязанностей, налагаемых на него обществом.

В-третьих, планомерное последовательное улучшение социально-экономического положения всех социальных групп населения при существенном уменьшении различий между ними по степени реальных возможностей для развития личности.

В-четвертых, направленное формирование системы интересов личности в целях обеспечения гармоничности (уравновешенности) материальных, моральных и

интеллектуально-творческих интересов.

И, наконец, в-пятых, планомерное комплексное совершенствование всех условий жизнедеятельности населения, направленное на гармоничное развитие социально значимых способностей личности, на согласование системы личных и общенародных интересов, на формирование социально активного и гуманистически ориентированного характера жизнедеятельности людей.

Для реализации целезадающей функции социалистического государства на стадии предплановых разработок в едином целевом блоке долгосрочного народнохозяйственного прогноза должны быть охарактеризованы коренные черты (принципиальные формы организации) каждого из названных выше элементов социального механизма и взаимосвязей между ними, которые следует считать полностью адекватными развитому социализму. Таким описанием очередной ступени развития социалистической общественно-экономической формации этапные социальные цели будут представлены в наиболее общем виде.

Основываясь на общих, принципиальных характеристиках этапных целей, необходимо затем провести анализ реальных социально-экономических явлений и наметившихся тенденций в развитии общественных отношений, с тем чтобы обоснованно разделить их на позитивные (соответствующие прогрессивной линии развития) и негативные (не соответствующие этой линии, заметно отклоняющиеся от неё). Такой целенаправленный анализ действительности, если он будет сопровождаться выявлением глубинных причин тех или иных тенденций и результатов развития, позволит выделить ключевые современные социальные проблемы, определить главные требования к методам и средствам их решения.

Нам представляется, что в основу конкретного перечня ключевых проблем развития социальных отношений должны быть положены следующие актуальные направления совершенствования социального механизма:

– дальнейшая демократизация механизма целепо-

лагания в обществе; '

– обеспечение ориентации всех структурных звеньев системы централизованного государственного руководства на приоритет социальных критериев эффективности;

– обеспечение органической сопряженности и стабильности системы ответственности общества перед человеком (системы государственных социальных гарантий) и системы ответственности человека перед обществом (системы обязанностей трудящегося);

– существенное усиление планомерности социально направленной динамики классово-групповой структуры общества, в том числе преодоление возникших отклонений от прогрессивной линии развития этой структуры и (на этой основе) отклонений от прогрессивной линии развития характера социального поведения отдельных групп населения;

– создание общественных условий, обеспечивающих гармонизацию личных интересов на основе повышения роли интеллектуально-творческих запросов и моральных установок в системе интересов личности;

– увеличение разнообразия объективных условий жизни людей – потребительских благ, материально-технических условий приложения и развития индивидуальных способностей, институциональных форм жизнедеятельности; обеспечение подчинённости характера всех этих условий интересам и способностям людей, требованию расширения степени свободы развития каждого человека.

Необходимость решения ключевых проблем развития социальных отношений такими методами и средствами, которые могут и должны вывести социальный механизм хозяйствования на качественно новый уровень, соответствующий этапным целям, следует учитывать на дальнейших стадиях разработки системы целей задающего блока[77]. На этих стадиях должны быть сформи-

---

[77] ***Обеспечение адекватности применяемых обществом средств и методов хозяйствования социальным целям***

рованы более конкретные представления об этапных целях и стратегии их достижения, которые новую ступень развития общества и путь к ней характеризуют совокупностью соответствующих способов жизнедеятельности людей. Социальные цели (результаты) развития как будущие способы жизнедеятельности личности (будущие личные социально-экономические потребности) должны быть обозначены применительно к каждой из сфер жизнедеятельности личности, к образу жизни каждой из важнейших социальных групп населения и каждого из типов социальных общностей. В итоге этой конкретизации перспективные цели станут системой таких социальных требований, которые можно будет практически использовать в качестве социальных критериев эффективности материального и духовного производства, технико-технологической базы общества, форм организации общественных ресурсов.

Содержание перспективных социально-экономических потребностей населения и стратегию их реализации следует определить в первую очередь применительно к основным сферам жизнедеятельности людей, т.е. к сферам труда, быта, досуга и общественно-политической деятельности. При этом сначала должны быть даны качественные характеристики будущего состояния каждой из этих сфер. Затем – за рамками собственно целезадающего блока, но с ориентировкой на эти целевые характеристики – следует организовать разработку нормативно-целевых вариантных прогнозов совершенствования содержания и форм трудовой, семейно-бытовой, досуговой и общественно-политической жизнедеятельности людей в перспективном периоде. Заметим, что мировая практика не знает примеров составления прогнозов такого типа, а потому определение теоретико-методологических основ нормативно-целевого прогнозирования способов жизнеде-

---

развития удачно сформулировано в работе [2, с.57} как проблема обеспечения социальной устойчивости экономической системы.

ятельности – задача, которая ждёт своего решения. Некоторые из важнейших методологических подходов к нормативно-целевому прогнозу труда содержатся в работах [3 и 4].

Качественными характеристиками способов жизнедеятельности населения определяется уровень обеспечиваемых обществом возможностей для выявления, воспроизводства и развития индивидуальных свойств личности. Обоснование этих характеристик вообще и, тем более, применительно к достаточно отдалённой перспективе предполагает отвлечение от натурально-вещественной формы, объёма, структуры благ, которые потребляет (будет потреблять) население, а также отвлечение от конкретных свойств техники и технологии, которые составляют (составят в будущем) материально-техническую базу трудовой и других сфер жизнедеятельности людей[78].^

Описание перспективных способов жизнедеятельности населения и обоснование стратегии их возвышения в каждой сфере должны осуществляться с характеристикой коренных черт образа жизни в целом для населения (и это служит общей целью) и с учетом особенностей продвижения важнейших социальных групп к этой общей цели. Результаты такой работы составят необходимую предпосылку определения (в рамках собственно целезадающего блока КП НТП) основных установок социальных целевых комплексных программ как программ по изменению в пределах этапа общественного положения отдельных социальных групп (классов, социальных слоёв) советского общества.

Для обоснования круга необходимых долгосрочных социальных программ следует использовать общую концепцию совершенствования классово-групповой структуры современного советского общества, которая (в соответствии с излагаемой нами логикой) должна быть сформирована на одной из предыдущих стадий целезадающих

---

[78] ***Подробнее о принципах описания способов жизнедеятельности людей в перспективе см. в работе [5].***

разработок, а именно: на стадии вычленения ключевых проблем развития социальных отношений. В то же время при определении состава и содержания социальных целевых комплексных программ группообразующие признаки социальной структуры социалистического общества, а также типология групп по этим признакам должны получить дальнейшую конкретизацию (конкретно-историческую определённость) в ходе обобщения результатов нормативно-целевых прогнозов труда, быта, досуга и общественно-политической деятельности.

Теоретико-методологической основой для формулирования целей каждой из долгосрочных социальных программ должно стать выявление главного противоречия (главной проблемы) развития соответствующей социальной группы, разрешение которого существенно продвинет эту группу по пути социального прогресса и одновременно явится одним из моментов процесса становления бесклассовой структуры социалистического общества [6, с.52-53].

Можно предположить, что объектами комплексных социальных целевых программ, направленных на взаимоувязанное совершенствование всех сфер жизнедеятельности людей, станут такого типа социальные группы, как индустриальные рабочие, сельские жители, работающие женщины, пенсионеры, студенты, дети и пр.

При установлении приоритетности и очередности осуществления конкретных мероприятий, выступающих адекватными средствами реализации социальных программ, следует исходить из необходимости комплексного (поступательного) преобразования социально-классовой структуры общества. А для этого в процессе разработки целезадающего блока народнохозяйственного прогноза потребуется произвести сравнительную оценку остроты тех главных проблем, которые актуальны для развития каждой социальной группы. При этом критерием ранжирования проблем по степени их настоятельности будет служить необходимость сближения социально-экономического положения всех групп в ходе улучшения условий

жизнедеятельности всего населения.

Демократический характер централистского управления экономическим и социальным развитием, который в прогнозируемом периоде получит дальнейшее воплощение в новых формах организации общественных отношений, реализуется не только путём учёта специфических интересов различных социальных групп населения, но и путём учёта специфических особенностей и интересов конкретных социальных общностей – трудовых коллективов, потребительских обществ трудящихся, территориальных и территориально-этнических общностей, социалистической семьи.

Проблемы развития социальных общностей должны быть рассмотрены в долгосрочных предплановых разработках исходя из необходимости обеспечить достаточное разнообразие, более свободный выбор способов и результатов функционирования каждой общности в рамках качественно единого социалистического типа образа жизни. В этой связи в целезадающем блоке народнохозяйственного прогноза следует поставить и принципиально решить вопрос об объективных функциях, границах и механизмах реализации социальной компетенции и социальной ответственности каждого из типов социальных общностей на современном этапе развития СССР.

В результате такого теоретического анализа должны быть, в частности, сформулированы цели, и обозначены главные направления развития самоуправления (в том числе социального планирования) в трудовых коллективах; обоснованы содержание и границы городского, сельского и регионального самоуправления; обозначены наиболее важные противоречия в развитии каждого из существенных элементов исторически сложившейся в нашей стране системы социальных общностей; намечены адекватные зрелому социализму формы разрешения этих противоречий. Принципы и пути совершенствования механизма функционирования социальных общностей должны соответствовать задаче исключить шаблонизацию, уравниловку, примитивизм при решении проблем, связанных с

преодолением социально-экономических различий между городом и деревней, между регионами страны, условиями жизнедеятельности разных наций, народностей и т.д. Они должны обеспечить мобилизацию инициативы, существенное повышение социальной активности всего населения в деле поиска конкретных форм, средств и методов прогрессивного социально-экономического развития.

Основные положения целевых комплексных программ, задающие стратегию изменения содержания и форм жизнедеятельности отдельных социально-классовых, социально-демографических, социально-профессиональных групп населения, в совокупности с концепцией государственной политики по развитию социальных общностей станут базой для определения плановой стратегии совершенствования объективных условий жизнедеятельности населения, подлежащей реализации в пределах прогнозируемого периода. В целезадащем блоке необходимо и достаточно охарактеризовать лишь принципиальные черты этой стратегии. Она должна быть представлена предложениями по составу, главным целевым установкам и методам реализации системы общегосударственных программ и крупномасштабных мероприятий по преобразованию объективных условий жизни советских людей. Более детальное прогнозирование развития этих условий на перспективный период (им может быть и двадцатилетний период, и период большей длительности, необходимый для достижения этапных целей) не входит в задачи целезадающего блока.

В этом блоке, как мы уже отмечали, формулируются только такие требования к конечным результатам планомерных социально-экономических преобразований, которые позволяют обеспечить единую целевую ориентацию всех проблемных, а затем региональных и отраслевых прогнозов. При наличии единых социальных требований можно будет множить варианты прогнозов изменения объективных условий жизнедеятельности населения – материально-вещественных, производственно-технологических, организационно-экономических, соци-

ально-правовых, экологических условий, придерживаясь в то же время прогрессивной траектории социально-экономического развития в любом из вариантов.

Какого рода целевые требования к общегосударственным программам, крупномасштабным мероприятиям по изменению объективных условий жизнедеятельности населения должны быть заданы в целевом блоке КП НТО? Верный ответ на этот вопрос предполагает чёткое понимание того факта, что вещественные блага и услуги, потребляемые населением, организационно-технические условия труда, быта, досуга, экономические и правовые условия формирования и реализации личных доходов и пр. – всё это суть объективные основы (материальные условия) образа жизни людей. В этом своём качестве условия жизнедеятельности выступают средствами удовлетворения таких личных потребностей людей, которые состоят в реализации определенных способов жизнедеятельности. Социальная специфика этих потребностей, следовательно, не сводится (не может быть сведена) к потребностям в конкретных потребительских благах, в конкретных технических средствах для осуществления трудовых, досуговых и пр. жизненных функций, в конкретных формах организации воспроизводственных процессов (процессов производства, распределения, обмена, потребления благ). Другими словами, она на сводится к потребностям в тех или иных материальных ресурсах и способах организации их функционирования. Поэтому определение перспективных социальных целей предполагает использование нескольких способов представления социально-экономических, потребностей личности, различающихся по типу характеристик и степени детализации потребностей. Соответственно этому в целевом блоке народнохозяйственного прогноза следует пройти несколько ступеней конкретизации целей развития.

Правомерность и необходимость применения того или иного способа представления перспективных потребностей обусловлены, во-первых, тем, на какой стадии разработки целезадающего блока описываются потребно-

сти населения – на стадии концептуальной проработки этапных ориентиров и долгосрочного прогнозирования потребностей населения по сферам жизнедеятельности, на стадии разработки предложений о системе социальных программ и мероприятий по совершенствованию функционирования социальных общностей или же на стадии формирования требований к стратегии развития экономики. Они обусловлены, во-вторых, длительностью горизонта прогнозирования, программирования и планирования. С учётом сказанного, общие подходы к формулировке долгосрочных целей в области повышения народного благосостояния, понимаемого в самом широком смысле, а не только в смысле роста потребления результатов материального и духовного производства, можно охарактеризовать, следующим образом.

На стадии концептуальной проработки этапных целей и разработки долгосрочных прогнозов труда, быта, досуга, общественно-политической деятельности населения социальная направленность повышения народного благосостояния характеризуется более прогрессивными (в сравнении с современными) коренными чертами образа жизни, общими для всего населения, а затем – содержанием, структурой и существенно необходимыми для их реализации формами жизнедеятельности людей в каждой из её сфер.

Требование абстрагироваться на этой первой стадии от конкретных средств существования и развития человека означает, что при разработке прогноза и общей концепции совершенствования бытовой и досуговой жизнедеятельности населения не должен использоваться метод целевых нормативов потребления благ, т.е. научно-практические инструменты типа рационального потребительского бюджета (РПБ). Представления о РПБ, поскольку они опираются на данные об уже производимых в обществе благах и на данные о потреблении так называемых опережающих групп населения, отражают характер, уровень и настоятельность исторически сложившихся потребностей в конкретных продуктах и услугах. На базе

потребления этих вещественных благ и услуг могут распространиться и утвердиться уже возникшие у части населения формы жизнедеятельности со всеми их прогрессивными, и негативными (социально неприемлемыми для будущего) чертами. Поэтому рост фактического потребления в направлении к РПБ (за исключением разве лишь роста в направлении к физиологическим нормам питания) не является движением к состоянию полного удовлетворения будущих потребностей населения[79].

Этапные цели в сфере быта и досуга следует характеризовать посредством определения особенностей жизнедеятельности населения примерно следующего типа:

– социальные формы организации быта (семейная или же какие- либо иные; соотношение разных форм его организации);

– функции, содержание и формы организации деятельности по ведению домашнего хозяйства;

– функции, содержание и формы организации деятельности по ведению личного подсобного хозяйства и личного любительского хозяйства;

– функции и формы организации личного имущества (в том числе второго жилища, личного транспорта и т.п.);

– соотношение форм семейного и общественного воспитания детей;

– содержание, структура и формы организации досуга (в частности, соотношение развлекающих человека и общественно полезных видов его досуговой деятель-

---

[79] ***Справедливая, на наш взгляд, критика в адрес попыток использовать среднедушевые или же соответствующие желательному образцу нормы потребления населением продуктов и услуг культуры (подобные нормативам РПБ в сфере потребления материальных благ и услуг) в качестве целевых долгосрочных ориентиров развития содержится в работе / 7 /.***

ности; соотношение созерцательных и творческих видов развлекающей деятельности).

Соотношения различных видов и форм бытовой и досуговой жизнедеятельности должны характеризоваться на первой стадии прогноза не количественными пропорциями затрат времени населением, путём определения принципов их гармоничного сочетания в процессе развития.

Разработку долгосрочного прогноза труда следует ориентировать на такую фундаментальную характеристику способа трудовой жизнедеятельности, как качественно новое отношение людей к труду. Наши исследования показали, что принципиально новой ступенью в этой сфере будет становление адекватного развитому социализму отношения к труду, т.е. отношения людей к нему как к общественно полезной деятельности, необходимому источнику средств существования, средству и способу развития личности. База такого отношения к труду – определённая социальная специфика личности работника (гармоничность его материальных, моральных и интеллектуально-творческих интересов и, соответственно, гармоничность индивидуальных способностей) и определённая система стимулов к труду. Не останавливаясь на этом подробно, отметим только, что принятое нами понимание сути этапной цели преобразования труда даёт основания для того, чтобы свести многообразные конкретные проблемы, то и дело возникающие в сфере труда, к нескольким ключевым комплексным проблемам. Это, во-первых, создание целостной системы (механизма) государственных гарантий права на труд; во-вторых, обеспечение всем трудящимся возможностей для реализации, воспроизводства и гармоничного развития индивидуальных свойств личности в процессе труда; в-третьих, создание условий для гармоничного развития индивида в рамках социалистических коллективных форм трудовой жизнедеятельности.

На стадии разработки предложений о социальных программах и о развитии социальных общностей

направленность повышения народного благосостояния следует охарактеризовать теми формами жизнедеятельности каждой из социальных групп (общностей), в которых фактически должны реализоваться прогрессивные изменения в её содержании и структуре. Возможность конкретизации целевых установок социальных программ тем больше, чем ближе предполагаемый срок реализации программы или осуществления отдельных её мероприятий по совершенствованию условий жизни. Здесь вполне уместно применение метода целевых нормативов потребления благ (типа рационального потребительского бюджета). Однако недопустима такая детализация перспективных потребностей в потребительских благах, которая в будущем может препятствовать обеспечению гибкости организации ресурсов личного потребления. Ориентировка на конкретные потребности должна достигаться в ходе реализации социальных программ.

На стадии определения требований к плановой стратегии развития экономики направленность процесса повышения народного благосостояния должна быть задана в более конкретной форме, чем на предыдущих шагах разработки целезадающего блока народнохозяйственного прогноза. Детализацию целевых установок тут можно довести до объёмных и структурных характеристик потребительских благ, до форм организации условий семейно-бытовой и досуговой жизнедеятельности (организации так называемой социальной инфраструктуры). Требования к плановой стратегии преобразования материальных условий трудовой жизнедеятельности, вытекающие из относящихся к этой сфере целевых установок социальных программ, – это требования к последовательности преобразования характера и структуры совокупности рабочих мест в народном хозяйстве, производственных условий труда, материально-технических средств и форм организации всех процессов, составляющих трудовой жизненный цикл индивида в социалистическом обществе.

Представление результатов планомерного разви-

тия экономики в форме требований к организации материально-технических условий жизнедеятельности-(в том числе к организации ресурсов потребления) допустимо и необходимо постольку, поскольку эти результаты должны составить объективную базу тех социальных достижений, которые предусмотрены совокупностью первоочередных мероприятий по улучшению социально-экономического положения конкретных групп населения и социальных общностей. Названные требования должны носить комплексный характер, т.е. представлять собой единую систему целей общегосударственных экономических программ и крупномасштабных экономических мероприятий. При этом сроки реализации экономических целей вовсе не обязательно следует привязывать к принятым в настоящее время горизонтам планирования (5-10 лет). В рамках целезадающего блока народнохозяйственного прогноза сроки достижения тех или иных экономических результатов намечаются сугубо ориентировочно, исходя из общей оценки достигнутого уровня экономического и технического развития, реально возможных темпов экономического роста с учётом времени, необходимого для структурных перестроек хозяйства, освоения капитальных вложений, разработки и внедрения соответствующих научно-технических достижений. Для обеспечения ориентировки экономики на более отдалённые цели (т.е. на конечные цели социальных программ, реализуемых в рамках прогнозируемого периода, и, тем более, на этапные цели, если они выходят за пределы этого периода) необходимо сформулировать общие принципы хозяйственного механизма, очертить характер распределения функций по уровням хозяйственного управления. Конкретизация облика социального механизма хозяйствования и способов жизнедеятельности населения, соответствующих этапным достижениям, будет осуществляться по мере приближения к ним, станет одним из необходимых моментов постоянной целезадающей деятельности социалистического государства.

Логическим завершением анализа задач и проблем

развития социальных отношений в прогнозируемом периоде, а также определения основных черт плановой стратегии комплексного совершенствования материально-вещественной и производственно-технологической базы жизнедеятельности населения должна стать формулировка главных требований к институциональным формам и результатам воспроизводственных процессов, образующим объективные организационно-экономические условия жизни индивидов, социальных групп и общностей. Требования к этим условиям (их уместно назвать экономической конъюнктурой жизнедеятельности населения) выражают конкретно-историческую специфику общехозяйственной ситуации начала .этапа развитого социализма в СССР. Они являются составной частью требований социальной системы к экономической системе. С этих позиций в целезадающем блоке необходимо определить направления развития следующих решающих процессов государственного формирования экономической конъюнктуры жизнедеятельности населения:

– совершенствования распределительных отношений (в том числе обеспечения соответствия трудового вклада и оплаты труда);

– обеспечения сбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов;

– нормализации условий реализации трудовых доходов;

– разработки и соблюдения социальных ограничений на изменение условий жизнедеятельности населения при проведении государственных хозяйственных экспериментов.

В заключение приведём примерный перечень основных разделов целезадающего блока долгосрочного комплексного народнохозяйственного прогноза, которые в соответствии с изложенными выше представлениями о функциях этого блока должны составить его окончательную структуру.

1. Основные задачи и главное содержание совершенствования социальных отношений в прогнозируемом

периоде.

2. Анализ современных тенденций и ключевые проблемы развития социальных отношений и социального механизма хозяйствования в СССР:

– социальная роль и пути дальнейшей демократизации централистского управления экономическим и социальным развитием;

– совершенствование социалистической системы государственных гарантий прав и свобод личности и механизма ответственности человека перед обществом;

– общая концепция социальной дифференциации в прогнозируемом периоде и пути усиления планомерности социально направленного преобразования классово-групповой структуры общества;

– проблемы и магистральные пути формирования социалистической системы личных интересов трудящихся;

– обеспечение социальной направленности и комплексного развития объективных условий жизнедеятельности населения.

3. Нормативно-целевая характеристика перспективных социально-экономических потребностей населения по основным сферам жизнедеятельности:

– этапные цели преобразования сферы трудовой жизнедеятельности и. концепция развития социально-трудовых отношений в прогнозируемом периоде;

– этапные цели, концепция совершенствования сферы семейно-бытовой жизнедеятельности населения в прогнозируемом периоде;

– этапные цели и концепция совершенствования сферы досуговой жизнедеятельности трудящихся в прогнозируемом периоде;

– этапные цели и концепция совершенствования способов общественно-политической деятельности трудящихся в прогнозируемом периоде.

4. Основные положения социальных целевых комплексных программ.

5. Концепция государственной политики по развитию социальных общностей в прогнозируемом периоде

(концепция эволюции социально-экономических функций семьи; проблемы и направления социального развития трудовых коллективов, потребительских обществ трудящихся, городов, сельских поселений и других территориальных общностей; проблемы и направления эволюции традиционно-национальных способов жизнедеятельности).

6. Основные целевые установки и требования к механизму реализации общегосударственных экономических программ и крупномасштабных экономических мероприятий.

7. Общие принципы хозяйственного механизма в прогнозируемом периоде.

8. Основные требования к экономической конъюнктуре жизнедеятельности населения.

Литература

1. Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979г. – В кн.: Совершенствование хозяйственного механизма. Сборник документов. – М.: Правда, 1982.

2. Проблемы совершенствования централизованного управления экономикой в условиях развитого социализма. Научно-практический симпозиум. Тезисы докладов. – М.: НЭО, 1985.

3. Ракитский Б.В. Обоснование важнейших направлений исследования общих проблем труда, – М.: НИИ труда, 1980.

4. Изменения в характере, содержании и условиях труда в связи с научно-техническим прогрессом. – М.: НИИ труда, 1980.

5. Косова Р.А., Ракитская Г.Я. Пути совершенствования централизованного планирования конечных результатов деятельности средних звеньев хозяйства. – В кн.: Механизм обеспечения централизма социалистиче-

ского хозяйства. – М.: ЦЗМИ АН СССР, 1985.

6. Феоктистова Е.Н., Ракитский Б.В. Целевые комплексные программы как метод усиления целенаправленности планов. – Известия Академии наук СССР. Серия экономическая, 1982, № 3.

7. Грушин Б.А. О комплексном подходе к культуре как объекту долгосрочного прогнозирования. – В кн.: Проблемы системного анализа развития культуры. Вып. 4. – М.: ВНИИСИ, 1984.

Печатается по тексту в сборнике статей «Повышение организованности советского хозяйства в современных условиях». — М.: ЦЭМИ АН СССР. 1985. Стр. 97-115.

1986

=======

ЦЕЛЕОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ КАК ФУНКЦИЯ ПЛАНОМЕРНОГО РУКОВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Практика социалистического развития принципиально отличается от стихийно-капиталистической не только направленностью, но и механизмом своего осуществления. Социалистическое развитие есть непременно развитие планомерное, в то время как капиталистическое развитие не обязательно планомерно, может достигать своих целей и на основе стихийного регулирования [3, с.60-61]. Видимо, поэтому принято противопоставлять социалистический механизм реализации целей капиталистическому механизму реализации целей как механизм планомерного регулирования воспроизводства механизму стихийного его регулирования. При всей неточности подобного противопоставления для современных условий, при всей его схематичности оно вполне пригодно для рассмотрения вопроса о методологии анализа социально-экономических процессов.

Практически весь исторический опыт анализа социально-экономических процессов в капиталистическом обществе накоплен в условиях стихийного регулирования капиталистического воспроизводства или же исходя из презумпции неспособности капитализма (или ненужности при капитализме) планомерно регулировать общественное воспроизводство в целом. Фундаментальными методами анализа в этих условиях оказывались приёмы наблюдения, фиксирования, измерения тех или иных социально-экономических параметров, выявление, так сказать, количественных накоплений в пределах одного и того же качества, а как венец анализа, как его высшее достижение – выводы о том, что количественные изменения породили новое качество. Как правило, такой анализ стихийно-капиталистического развития (во всяком случае, проводимый

марксистами) не опирался на какой-либо прогноз ближайших этапов развития капитализма, а основывался на идее его конечного краха и его подготовленности к этому краху. Более того, в силу логики классовой революционной борьбы всякие конструкции укрепления, "оживления" капиталистического механизма, всякие позитивные предложения, укрепляющие капиталистический строй, вызывали критику марксистов как апологетические, ненаучные. С точки зрения пролетариата, его коренных классовых интересов такие попытки укрепить капитализм действительно нельзя признать прогрессивными. Не углубляясь в эту тему, отметим важное для нашей проблемы: марксистский анализ стихийно-капиталистического развития традиционно имел дело только с динамикой фактических событий и в лучшем случае сравнивал фактическую социальную динамику с предвидениями обострения противоречий, ведущих капитализм к гибели.

В отличие от этого, марксистский анализ процессов социалистического развития строится с самого начала как анализ хода планомерного развития, целенаправленного строительства новой социально-экономической системы. Научный анализ становится одной из функций планомерного руководства воспроизводством и обществом. Под этим углом зрения и могут быть правильно поняты особенности анализа социально-экономических процессов при социализме.

Главная особенность анализа социально-экономических процессов при социализме состоит в том, что эти процессы, те или иные их количественные параметры и качественные характеристики рассматриваются и оцениваются не сами по себе и не только в аспекте их фактической динамики (т.е. сами в сравнении со своим прошлым состоянием), но обязательно в сравнении со своим должным, заданным, сообразном целям состоянием. Это не означает, конечно, что выявление тенденций как устойчивой линии развития становится несущественным, предаётся забвению или недооценивается. Напротив, определение тенденций приобретает характер выявления

раннего симптома того или иного качества социально-экономического процесса. Всё дело в том, однако, что как бы чутко и внимательно ни относились мы в пределах научного анализа к выявленаю тенденций, никакая тонкость их установления не заменяет и не подменяет собой необходимости определять, качественно оценивать соответствие реального хода процесса целесообразным задачам и измерять сравнительную скорость фактического движения по критериям динамической объективно необходимой пропорциональности планомерного развития.

Само собой разумеется, что для ортодоксального марксиста потребность сравнивать фактически наблюдаемые количественные параметры и качественные характеристики анализируемого процесса с закономерно предполагаемыми, научно предвиденными (т.е. выражающими сущность процесса) характеристиками и параметрами – для ортодоксального марксиста такая потребность естественна, понятна. Но зто – в рамках общей методологии, общего мировоззрения.

В действительности же немалое воздействие оказывают традиции, укоренившиеся схемы, шаблоны, догмы, поверхностные подходы. Одно из наиболее сильных влияний на современную практику анализа социально-экономических процессов оказывает традиция, сложившаяся из опыта анализа стихийно-капиталистического развития. В условиях, когда отсутствует систематическая проработка целей социально-экономического развития, ослаблены долгосрочные социально-экономическое планирование и программирование, когда ранжированию целей не уделяется должного внимания, а опыта практического применения ранжирования почти что нет, когда определение социальной эффективности хозяйствования не проводится или же подменяется определением экономической, а то и техно-экономической эффективности, – в этих условиях недостатки анализа, игнорирующего или недооценивающего созидательные цели, не ощущаются как недостатки. Способность такого анализа выявлять фактически складывающи-

еся тенденции оказывается вполне достаточной для анализирующего, прославляется им как преимущество научной объективности, закрепляется как методологический принцип. Можно сожалеть, но нельзя отрицать, что долголетняя практика сведения задач научного анализа к подобного рода узким задачам установления складывающихся тенденций (и только!) порождает активное неприятие анализа, который идёт дальше простого установления и измерения тенденций, – к определению существенности этих тенденций, к отбору среди них решающих, к сопоставлению реального хода развития с этапными и стратегическими целями.

Приходится констатировать, что в настоящее время мы не можем продвинуться к должной связи науки и практики, к усилению практической функции науки без преодоления подходов к анализу как к разновидности научной деятельности, индифферентной к целям социально-экономического развития. Помимо практической традиции, такой подход подкрепляется еще и некоторыми идейными соображениями, вытекающими якобы из марксизма.

Одно из них – постоянное выдвижение на первый план положения о том, что развитие производительных сил и объективных экономических отношений определяет все другие общественные отношения и процессы. Здесь, как правило, мы имеем дело с обыкновенным случаем экономического материализма (экономического детерминизма) – прямолинейного до недопустимого упрощения понимания взаимосвязи объективного и субъективного, экономического и социального. Исчерпывающую критику подобного упрощения марксизма дал Ф.Энгельс: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. ... Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую,

абстрактную, бессмысленную фразу».

Мы полагаем, что аргументация Ф.Энгельса вполне достаточна, чтобы решительно отвести довод сторонников анализа, индифферентного к социально-экономическим целям, будто бы признание того, что социально-экономическое развитие совершается объективно, как естественно-исторический процесс, полностью освобождает анализирующего от необходимости сопоставлять ход процесса с целями и позволяет сводить все содержание анализа к выявлению фактически складывающихся тенденций.

Другой часто выдвигаемый аргумент в защиту "чистого", так сказать, анализа – указание на возможность волюнтаризма и субъективизма при установлении целей. Аргументирующие таким образом опасаются, что увязывание анализа с целями социально-зкономического развития может повредить научному характеру, полноте и глубине анализа. Другими словами, они боятся, что анализ сделается апологетическим, конъюнктурным в плохом значении этого слова. Такие аргументы несерьёзны, ибо увязку с целями социально-экономического развития никак нельзя отождествлять с верноподданнической реакцией анализирующего на запросы, указания и мнения начальства. Речь идёт об объективно обусловленных целях, о научно обоснованных заданиях, о стратегических, социально-политических установках, т.е. о явлениях, недоступных волюнтаризму и субъективизму, а тем более ведомственным амбициям или местническим претензиям.

Считаем важным подчеркнуть, что сознательных и активных поборников анализа, индифферентного к социально-экономическим целям, не так уж много. Большая часть экономистов и социологов не увязывает свои аналитические исследования с социально-экономическими целями преимущественно в силу того обстоятельства, что нет научно разработанной, достаточно развёрнутой системы таких целей. Здесь в чистом виде сказывается отмеченная выше сложившаяся традиция. Что же касается тех исследователей, которые пытаются оценить выявленные фактические тенденции, сравнивая их с должным,

закономерным, существенным, то при отсутствии научно обоснованной системы социально-экономических целей эти попытки не могут быть успешными и, как правило, вырождаются в весьма поверхностные критические или же, напротив, неоправданно оптимистические, хвалебные оценки.

Преобладание методов анализа, индифферентного к социально-экономическим целям, породило в последние годы весьма тревожные в методологическом отношении явления – интерпретацию выявленных, фактически сложившихся тенденций как закономерных, сущностных связей. Спору нет, что устойчивое, повторяющееся, не зависимое от воли и сознания, длительно воспроизводимое – всё это свойства закономерного, не случайного. Вопрос, однако, в том, является ли выявленная устойчивая тенденция закономерностью, внутренне присущей анализируемой системе, или же в ней проявляется внешний *для* этой системы раэрушающий её фактор. В большинстве случаев при интерпретациях выявленных устойчивых тенденций как закономерностей, целесообразностей, исследователи не демонстрируют социального в***и***дения, принимают складывающееся за должное, не различают борющихся тенденций, априори считают их однонаправленными. Нет, по-видимому, нужды доказывать, что методологическая близорукость неизбежно оборачивается, с одной стороны, эклектикой, а с другой – крайне невежественным отношением к критическим замечаниям коллег, более грамотных и последовательных в методологическом отношении.

Рассмотрим теперь, на каких принципах должен строиться анализ социально-экономических процессов, в полной мере учитывающий научно обоснованную систему целей социально-экономического развития. Рассмотрим также, в чём научные и практические преимущества такого анализа в сравнении с анализом, индифферентным к социально-экономическим целям.

Выше было подчёркнуто, что научный анализ, в полной мере соответствующий функционированию социа-

листической общественно-экономической системы, может быть правильно понят и построен как одна из неотъемлемых функций управления этой системой.

В реальной общественно-экономической жизни имеет место множество процессов, включающих в себя аналитическую или сходную с ней деятельность. Некоторые из функций управлении, такие, например, как учёт и контроль, в основном состоят из подобного рода деятельности. Контур оперативного регулирования социально-экономических процессов включает в себя непременно и оперативный анализ, оперативный контроль[80]. Однако, когда речь идёт о научном анализе как функции управления обществом и производством, имеется в виду совсем другое. Речь идёт в данном случае о таком виде управленческой деятельности (и научной деятельности, обслуживающей управление), специфика которого состоит:

– в установлении того, является ли фактически происходящее развитие соответствующим целям или не является таковым;

– в определении реальных исторических координат (рубежей) развития;

– в выявлении актуальных проблем социально-экономической практики.

Как видим, речь идёт не о всякой аналитической деятельности, а о такой, которая является составной частью стратегического планирования, программирования, регулирования. Речь идёт *о.* проблемном анализе. При этом проблема понимается как явление исторического масштаба, т.е. масштаба стратегического или этапного.

При помощи научного анализа как функции руководства обществом и производством социалистическое государство может отдавать себе отчёт в том, является ли его деятельность прогрессивной (т.е. выдерживается ли на практике траектория развития, выводящая к перспек-

---

[80] ***Классификацию функций управления и обоснование схемы их взаимосвязи см. в [4, с. 3-21].***

тивным целям); достаточно ли скор осуществляемый прогресс; являются ли поставленные на очередь дня задачи своевременными, преждевременными или запоздавшими; какие проблемы возникли вновь и какие можно считать снятыми о повестки дня; насколько обострилась или ослабла та или иная из существующих проблем. Словом, анализ, о котором мы ведём речь, можно самым точным образом назвать так: анализ проблем планомерного общественного прогресса, или – что то же самое – выявляющий проблемы целеориентированный анализ социально-экономического развития.

Целеориентированный анализ должен удовлетворять следующим основным требованиям:

1) с научной достоверностью определять, находится ли фактически складывающаяся общая линия социально-экономического развития на траектории (в русле), ведущей к достижению стратегических целей;

2) о научной полнотой определять, соответствует ли характер фактически складывающихся тенденций социально-экономического развития характеру социалистического общественного строя; совместимы ли сложившиеся тенденции с закономерными перспективами развития социализма; какова мера допустимости тех или иных тенденций в случае, если они допустимы лишь тактически под воздействием конкретно-исторических обстоятельств или в порядке компромисса;

3) с научной полнотой выявлять и обосновывать круг социально-экономических проблем, решение которых должно составить содержание социально-экономической политики в перспективе.

Чтобы выполнить эти требования, необходимо время от времени осуществлять комплексный (взаимосвязанный и полный по объёму) анализ социально-экономической действительности. Это своего рода инвентаризация проблем социально-экономического развития, единовременная оценка состояния общества, фактически достигнутых им исторических рубежей. Это выверка исторических координат на языке решённых и назревших

социально- экономических проблем.

Наряду с комплексными анализами нужна постоянная работа по отслеживанию хода решения тех или иных отдельных социально-экономических проблем, выявлению и оценке новых тенденций. Подобного рода автономные анализы позволяют глубже изучить ключевые проблемы, реальные средства их решения, точнее оценить фактически установившееся положение дел. Однако никакой, даже самый разветвлённый набор автономных анализов не даст полной единой картины социально-экономического развития, не обеспечит единства этих анализов без единовременного комплексного анализа. Только при комплексном анализе в полной мере используются возможности целеориентированности, оама цель выступает не в искажённом, разорванном на отдельные стороны виде, а как цельное представление о будущем состоянии общества и производства. Лишь комплексный анализ в этом смысле является конкретно-историческим, тогда как автономные анализы оказываются по отношению к нему абстрактными, т.е. абстрагированными от конкретно-исторической целостности общественно-экономической динамики.

Уместно отметить в связи о этим, что любой, даже самый полный и самый комплексный, но только экономический (пусть а народнохозяйственный) анализ является абстрактным и не может лечь в основу выработки социально-экономической политики.

Сами решения о том, как, в какие сроки и какими средствами решать очередные проблемы, принимают в конце концов органы социально-политического руководства, Целеориентированный анализ лишь подготавливает научно достоверную информацию, испольэуемую в процессе выработки таких решений.

Непосредственными потребителями результатов научного целеориентированного анализа являются прогнозирование и перспективное планирование, особенно комплексное целевое программирование.

При эффективной организации руководства социалистическим обществом комплексный научный целеори-

ентированный анализ является по отношению к автономным научным анализам отдельных процессов и тенденций, с одной стороны, исходным, организующим моментом, а с другой – завершающим, результирующим.

В силу этого при описании принципов целеориентированного анализа правомерно сосредоточиться на принципах организации комплексного анализа. Что касается автономных анализов, то они базируются на тех же принципах, но в дополнение к ним используют и специфические, отражающие особенности конкретного предмета автономного анализа.

Осуществляя комплексный целеориентированный анализ, необходимо научно сопоставить фактическое состояние общественно-экономической системы с этапными, а через них – и со стратегической целями. На стадии прогнозирования, перспективного планирования и комплексного целевого программирования результаты научного анализа используются как обоснование проблем и задач, подлежащих решению в перспективе По истечении определённого периода научный целеориентированный анализ используется для установления того, насколько фактически сложившееся развитие оказалось соответствующим перспективным плановым решениям и программам. Если за это время состоялось продвижение в научной разработке системы целей и скорректированы этапные цели, то научный анализ должен оценивать достигнутые социально-экономические рубежи, ориентируясь на новые представления о целях. Такой подход позволяет постоянно поддерживать научные представления о проблемах социально- экономического развития в полном соответствии о научно обоснованными социально-экономическими целями.

В ходе целеориентированного анализа неизбежно обращение к кругу явлений и оценок, которые могут быть обобщены категорией "социально-экономическая траектория, ведущая к достижению этапных (или стратегических) целей". Синонимами этого понятия можно считать такие понятия, как "русло прогрессивного развития", "логическая

линия развития", "научно обоснованные направления и пути развития", "объективно обусловленная очерёдность социально-экономических преобразований" и т.п. Конкретные представления о траектории, ведущей к достижению этапных целей, формируются на основе долгосрочного прогноза социально-экономического развития, перспективного плана, комплексных целевых программ, других плановых решений и установок не перспективу,

Результаты комплексного научного анализа могут выявить следующие принципиальные ситуации.

1. Социально-экономическое развитие осуществляется в соответствии с объективной логикой, принципиально соответствует траектории, выводящей к перспективным целям. Никаких сколько-нибудь существенных отклонений от логической траектории не наблюдается, В этом случае данные анализа могут служить достаточным основанием для осуществления намеченной раньше очередности действий без какой-либо корректировки направлений социально-экономического развития или дополнительных мер.

2. Развитие общества в основном соответствует траектории, ведущей к перспективном целям, однако имеются объективные возможности для ускорения социально-экономического прогресса. Анализ должен выявить, насколько сообразны целям затраты относительно свободных ресурсов, подготовить необходимые данные для корректировки осуществляемого варианта перспективного развития, уточнения траектории.

3. Имеют место существенные отклонения от намеченной траектории. Обнаружены тенденции, не предусмотренные решениями об основных направлениях развития. Научный анализ призван и позволяет определить:

– находится ли сложившееся социально-экономическое развитие на траектории, ведущей к достижению очередных этапных целей;

– если оно находится на этой траектории несмотря на существенное отклонение от логической линии прогресса, то каковы проблемы, дополнительно порождаемые

такими отклонениями;

– если обнаружены отклонения (отставания) настолько значительные, что социально-экономическое развитие не соответствует прогрессивному руслу, то может ли быть оно вновь введено в это русло или же выход из этого русла является необратимым. При этом научный анализ выявляет, при решении какого круга проблем произойдет нормализация общественно-экономического развития.

Сравнивая возможности двух типов анализа, подчеркнём те функции, которые практически необходимы и которые могут быть выполнены гораздо эффективнее с помощью целеориентированного анализа.

Целеориентированный анализ не допускает отрыва аналитической деятельности, с одной стороны, от теории, а с другой стороны, – от практики социально-экономического развития. Его единство с теорией и практикой органично. Вне теоретической и практической деятельности целеориентированный анализ просто не может существовать. В отличие от этого анализ, индифферентный к целям, тяготеет в силу своей внутренней идеологии к вырождению в разновидность чистой науки, "объективной" науки, не испорченной как бы практической политикой, мировоззренческой позицией исследователя и идеологическими влияниями на него.

Преимущество органической связи анализа с теорией и практикой является фундаментальным и может быть развёрнуто в ряд более конкретных преимуществ. Ниже отмечаются важнейшие из них.

Только целеориентированный анализ способен дать объективную оценку исторической прогрессивности или непрогрессивности тех или иных выявленных тенденций социально-экономического развития. Анализ, индифферентный к целям, по логике своего внутреннего подхода, не принимает каких-либо объективных критериев прогрессивности или непрогрессивности, а если встаёт проблема оценить выявленные тенденции как позитивные или негативные, то он вынужден заимствовать оценки или

же давать случайные оценки без какого-либо научного обоснования. Анализ, индифферентный к целям, стремясь избежать партийности позиции, на деле, как правило, используется в апологетических целях, не содержит в себе устойчивого иммунитета против апологетики.

Только целеориентированный анализ может своевременно и с должной уверенностью квалифицировать ту или иную тенденцию как отклонение от нормального хода развития. Более того, из числа таких отклонений он способен выделить отклонения, опасные для осуществления перспективных целей. Выделение опасных тенденций происходит на основе исследования внутренних противоречий социально-экономических процессов и явлений, на основе их качественного анализа.

Целеориентированный анализ способен из множества выявленных тенденций выделить решающие и определить, какие из тенденций не являются решающими с точки зрения достижения целей. Более того, только целеориентированному анализу под силу не упустить никаких решающих тенденций, ибо он ищет их, руководствуясь определённой концепцией прогрессивного развития. И если эта концепция научно обоснована, она обеспечивает успех научного анализа в отыскании полного круга тенденций, имеющих решающее значение для перспективы.

В отличие от этого анализ, индифферентный к целям, неминуемо формирует сравнительно случайный набор тенденций. Он не может гарантировать, что в их число попали все решающие тенденции, а из круга зафиксированных тенденций не в состоянии обоснованно выделить решающие и нерешающие.

Только целеориентированный анализ способен дать такой результат, как обоснование круга очередных проблем социально-экономического развития и обоснование каждой из этих проблем. Проблемное в***и***дение действительности не доступно анализу, индифферентному к целям.

Только целеориентированный анализ может подготавливать (вместе с прогнозированием, программирова-

нием и другими функциями управления) кардинальные социально-экономические решения, так как только увязка фактического движения с целью в полной мере обозначает внутренние противоречия явления и подготавливает выводы для выработки траектории планомерного перевода его в качественно иное состояние.

Ранжирование задач и мероприятий может опираться только на результаты целеориентированного анализа и совершенно не может воспользоваться результатами анализа, индифферентного к социально-экономическим целям.

Литература

1. Марко К, и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 37.

2. Марко К, и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 39.

3. Ракитский Б.В, Организаторская функция управления хозяйством и объективность экономически законов социализма – Журнал «Известия Академии наук СССР. Серия экономическая» 1971, №2,

4. Ясин Е.Г., Ракитская Г.Я. К вопросу о классификации функций управления в экономике. – В об.: «Статистика и электронно-вычислительная техника в экономике. Вып. II. - М.: Статистика, IS68.

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике «Политэкономические проблемы функционирования социалистической экономики». – М.: ЦЭМИ АН СССР. 1986. Стр. 140-152

1986

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Научно-технический прогресс – динамическая характеристика производства, адекватно отражающая ту стадию его развития, которая последовала за промышленным переворотом, создавшим фабрику и рабочий класс, и привела к началу современной научно-технической революции. И сегодня мы укладываем богатое содержание прогресса производства в понятие «научно-технический прогресс», хотя охватываемый им круг реальных процессов и отношений значительно изменился. В нынешних условиях, когда этот термин прочно вошел в жизнь и используется не только в научных изысканиях, пропаганде знаний, но и в формулировании задач экономической и социальной политики, необходимо более точно определить, что включает в себя понятие «научно-технический прогресс», перевести его из разряда понятий, содержание которых вроде бы само собой очевидно[81], в число научных категорий, используемых обществоведением, в том числе и политэкономией, с максимальной научной точностью, с практическим прицелом. Поэтому можно только поддержать стремление редакции журнала привлечь внимание участников обсуждения экономических проблем НТП к уточнению содержания и соотношения понятий «научно-технический прогресс», «научно-техническая революция», «технический прогресс» и т. п.

Долгое время олицетворением прогресса производства было создание и улучшение машин, их системы. И до

---

[81] Одним из примеров использования понятия «научно-технический прогресс» без четкого его определения может служить § 1 главы 12 «Курса политической экономии» /Под ред. Н.А Цаголова (Т. II. Социализм. М., 1974. С. 164 –168).

сих пор машина остаётся основным видом техники. Совершенствование последней было в последние полтора столетия основным способом практического приложения научных знаний. Отсюда и сам термин «научно-технический прогресс». Весьма примечательно, что в некоторых учебниках и поныне вопросы научно-технического прогресса излагаются преимущественно через категории «машины», «техника», «применение машин»[82'].

Между тем возникновение и развитие машинной техники с самого начала шли рука об руку с кардинальными преобразованиями организационно-экономических отношений производства. Так что прогресс организации с самого начала был непременным компонентом того разностороннего процесса совершенствования производства, который получил отражение в понятии «научно-технический прогресс». Среди других компонентов было и остаётся совершенствование технологии. С течением времени, однако, взаимосвязь техники, технологии и организации изменилась, роль технологических сдвигов и переворотов возросла, роль организации стала решающей. При всём огромном значении машинной и другой техники не она сегодня решает судьбу интенсификации производства, роста его эффективности [83].

Существует большое количество публикаций по

---

[82] См.: Политическая экономия. Учебник. М., 1977. Т. 2. С. 193—206. Даже само понятие «научно-технический прогресс» сведено здесь к прогрессу техники, к техническому прогрессу.

[83] Одна из трудностей перестройки в современных условиях в том и состоит, что стиль, способ мышления тех, кто планирует и осуществляет научно-технический прогресс, их горизонт и масштаб видения современных проблем НТП по существу не отличаются от сформировавшихся в годы индустриализации и ограничены представлениями типа «техника решает всё». Машина является для них символом НТП. Однако в условиях современной НТР такое представление чем дальше, тем больше дезориентирует.

проблемам научно-технической революции, авторы которых наряду с другими вопросами ставят и задачу вычленить главное в ней, её существо. Л. Логвинов в статье, которой было открыто обсуждение проблем НТП на страницах журнала, предлагает свою трактовку главного в научно-технической революции, даёт подборку высказываний и позиций различных авторов по данному вопросу[84]. Разнообразия определений НТР, на наш взгляд, не нужно пугаться, поскольку оно отражает и здоровый процесс углубления знаний. Следует стремиться не столько к единообразию определений и суждений, сколько к очищению науки и практики от малосодержательных или устаревших представлений, к консолидации исследовательских и преподавательских сил на перспективных направлениях и требуемых результатах поисков.

На наш взгляд, *во-первых,* стало более или менее ясным, что нельзя трактовать существо НТР по методу возведения в главную черту или закономерность одного из конкретных направлений возможных или происходящих преобразований в производстве. Например, методологически неправильно утверждать, что главное в НТР, допустим, роботизация, компьютеризация или что-либо подобное. Равным образом неправомерно искать суть НТР в революционных переменах какой-либо одной из сторон производственного процесса (энергетика, рабочая машина, предмет труда, транспортировка, информация, непосредственное применение науки и т. п.).

Во-вторых, следует внимательнее вглядеться и вдуматься в методологию осмысливания К. Марксом первой промышленной революции. Четвертая часть всего объёма I тома «Капитала» посвящена рассмотрению капиталистической формы повышения производительности общественного труда. Кооперация, разделение труда и мануфактура, машины и крупная промышленность — таковы логические ступени прогресса материально-технической базы. Однако рассматривая их, К. Маркс

---

[84] См.: Экономические науки. 1986. № 9 С. 19.

нигде не абстрагирует логику развития производительных сил от конкретной общественной формы, в которой этот процесс протекает. В результате четвертый отдел I тома «Капитала» являет собой единство истории возникновения и функционирования машинного фабричного производства, индустриального хозяйства и истории возникновения и эксплуатации рабочего класса. В чем же состоит общественно-экономическая сущность первой промышленной революции? В появлении машин? Нет. В создании фабрики, крупной индустрии? Нет. ***Её сущность – в историческом выборе, сделанном обществом под давлением господствующего класса. Машина стала мощным средством эксплуатации, формирования устойчивой социальной структуры капиталистического общества, укрепления господства буржуа и реального подчинения труда капиталу.*** Не случайно поэтому четвертый отдел I тома «Капитала», содержащий осмысление первой промышленной революции, носит название «Производство относительной прибавочной стоимости», что означает: ***развитие эксплуатации с помощью научно-технического прогресса.***

На Марксов подход к анализу первой промышленной революции опирался В.И.Ленин, настаивая в полемике с народниками на необходимости целостного видения процессов изменения технико-технологических условий производства и изменения общественных отношений. Преобразование, которое принято называть в экономической науке промышленной революцией, представляло «крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капитализма» вообще)... Это была полнейшая «ломка» всех старых, укоренившихся отношений, экономическим базисом которых было мелкое производство»[85]. Подчеркнём еще раз: промышленная революция определена В. И. Лениным не как смена прежних способов изготовления благ машинным

---

[85] ***Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 231, 232.***

способом, а как ***преобразование всех общественных отношений под влиянием нового способа изготовления, т. е. как революция в общественных отношениях.***

Такова диалектика производительных сил и социально-экономических отношений, без которой никак нельзя понять существо как первой, так и второй промышленной революции — научно-технической революции, современного научно-технического прогресса. Существо этих процессов надо искать не в самом по себе изменении типичных методов и средств производства, а в преобразованиях общественных отношений, которые происходят или произойдут под их воздействием.

Рассмотрим под углом зрения Марксова и Ленинского подхода современный научно-технический прогресс, задачу его ускорения. Требуется, следовательно ***выявить то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений, которое связано с влиянием НТР на общество.***

Экономисты и философы ещё недостаточно глубоко, на наш взгляд, выявили общественно-экономическую сущность НТР и современных форм НТП, не пошли пока дальше описания, предвидения, обобщения их материально-технической стороны. Так, например, главное во второй промышленной революции видят в тенденции материального производства превратиться в полностью автоматизированное производство в масштабах всего общества, в завершении процесса индустриализации всего материального производства[86]; НТР определяется как скачок в познании природы и использовании человечеством её законов, превращение науки в ведущую силу производства[87] или в непосредственную производительную силу общества, как коренное преобразование производительных сил[88]. Все это, конечно, верно, но, как нам представ-

---

[86] См.: Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 391.

[87] См. там же. С. 6.

88 См.: Экономическая энциклопедия. Политическая эконо-

ляется, недостаточно. Нужно дойти до предвидения крутого и резкого преобразования всех общественных отношений, грядущего под влиянием НТР и современных форм научно-технического прогресса. При этом мы не вправе, ограничиваясь весьма общими, неконкретными суждениями о дальнейшем обобществлении производства или же описанием множества последствий НТР и НТП, уходить от четкого ответа на вопрос: что же главное, сущностное с обществоведческой точки зрения заключено в рассматриваемых процессах и отражающих их понятиях?[89]

Начать следует с уяснения, каков тот новый механизм влияния научно-технического прогресса на производство, механизм, которого не было до НТР и который создан именно ею. На наш взгляд, принципиальная перемена состоит в том, что ***только достижения НТР впервые в истории человечества создают реальную возможность выбора технико-технологического и организационного облика общественного производства.*** В советской литературе с конца 30-х годов господствовала и поныне сильна точка зрения, созвучная экономическому детерминизму и состоящая в том, что возникновение новых производительных сил и производственных отношений происходит не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, независимо от воли людей[90]. В такой трактовке взаимосвязи объек-

---

мия. М, 1979. Т. 3. С. 40.

[89] Пример разностороннего описания последствий научно-технического прогресса без выделения сущности, без доведения анализа до политико-экономической глубины даёт книга Л.М. Гатовского «Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма» (М.. 1974).

[90] «Оно происходит стихийно и независимо от воли людей по двум причинам, – писал И.В. Сталин. – Во-первых, потому, что люди не свободны в выборе того или иного способа производства, ибо каждое новое поколение, вступая в жизнь, застаёт уже готовые производительные силы и производственные отношения, как результат работы прошлых поколе-ний, ввиду чего оно должно принять на первое время

тивного и субъективного, на наш взгляд, игнорировано то обстоятельство, что каждое новое поколение застаёт не готовые, завершённые и неизменные, а развивающиеся производительные силы и производственные отношения. Кроме того, оно застаёт определённую идеологию их развития, определённые систему интересов, мотивов, общественное сознание, образ жизни.

Еще Ф. Энгельс писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счёте* является производство и воспроизводство действительной жизни... Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»[91].

Ни то или иное поколение, ни отдельные люди не трудятся вне общества, а это значит: улучшая что-либо в производстве, т. е. осуществляя научно-технический прогресс, люди действуют при наличии сформированных, воспроизводимых и развиваемых обществом представлений о прогрессе и регрессе, о желательном и нежелательном. «Непосредственно осязаемая выгода для себя» никогда не находится в социальном вакууме, а в условиях социализма и научно-технической революции – тем более.

всё то, что застаёт в готовом виде в области производства, и приладиться к ним, чтобы получить возможность производить материальные блага. Во-вторых, потому, что улучшая то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил, люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким* общественным *результатам должны привести эти улучшения, а думают лишь о своих будничных интересах, о том, чтобы облегчить свой труд и добиться какой-либо непосредственной, осязательной выгоды для себя» (Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 598—599).

[91] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394. См. также: Т. 39. С. 84.

Преобразующая сила марксизма-ленинизма состоит, как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, в том, что «он обосновал самую гуманную цель, какую когда-либо ставило перед собой человечество, – создание на Земле справедливого социального строя. Он указывает путь к научному изучению общественного развития как единого, закономерного во всей громадной разносторонности и противоречивости процесса, учит правильно разбираться в характере и взаимодействии экономических и политических сил, избирать верные направления, формы и методы борьбы, уверенно чувствовать себя на крутых исторических поворотах»[92].

НТР создаёт столь богатые и разнообразные возможности технико-технологических решений, что поднимает на качественно новую ступень свободу общества в формировании, в сознательном развитии производительных сил.

Вместе с тем НТР, давая новые ресурсы развития общества и огромные возможности роста производительности труда, вовсе не обеспечивает автоматически гуманистический характер прогресса производительных сил. Разные типы производственных отношений при в принципе одних и тех же нынешних возможностях производства формируют разнотипные по социальному облику материально-производственные основы общества. Другими словами, в условиях НТР реальна возможность разнонаправленного дальнейшего развития производительных сил, отражающего противоречивость интересов различных классов и социальных групп. Именно поэтому так актуальны проблемы ***социальной направленности научно-технического прогресса, выбора общественной формы осуществления НТР.*** Новая редакция Программы КПСС фиксирует принципиальную установку: «Борьба за всестороннюю интенсификацию и рационализацию производства, его высшую эффективность на

---

[92] ***Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 84.***

базе научно-технического прогресса органично соединяется в условиях плановой социалистической системы хозяйства с осуществлением гуманистических целей советского общества, с полной занятостью, неуклонным улучшением всех сторон жизни людей»[93].

Коренная перестройка общественных отношений, происходящая под влиянием практического использования достижений *НТР,* состоит в становлении и всестороннем практическом использовании зрелых форм и преимуществ социализма. Это тот ракурс, та глубина осознания современного научно-технического прогресса, которая, на наш взгляд, однопорядкова подходам классиков научного коммунизма к анализу социально-экономической природы первой промышленной революции.

Исходя из указанной трактовки социально-экономической сущности современного научно-технического прогресса, попытаемся рассмотреть две актуальные, по нашему мнению, проблемы, связанные с его осуществлением: *определение эффективности НТП; роль трудового коллектива в его ускорении.*

Известно, что все хозяйственные процессы осуществляются как движение единства двух сторон – материального содержания и общественной формы, неразрывно слитых в реальной действительности и поддающихся (причём с трудом) лишь логическому расчленению.

Научно-технический прогресс, рассматриваемый со стороны его материального содержания, есть применение ранее не использовавшихся научных знаний в производстве общественных ресурсов и в управлении им. При таком взгляде на НТП его конечными результатами представляются изменения *технико-экономических* характеристик производительных сил и потребительских благ – таких, например, как производительность труда, техническая вооруженность, состав, объём и структура средств

---

[93] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 143.

производства и продукции и т. п. В обобщённом виде технико-экономические характеристики результатов НТП в современных условиях выступают как комплексная революция в производстве, поднимающая на качественно новый уровень возможности общества в удовлетворении потребностей его членов.

Со стороны его общественной формы научно-технический прогресс является процессом обеспечения соответствия развития производства системе общественных целей, структуре и содержанию социально-экономических интересов и характеризуется использованием новых технико-технологических и организационных возможностей для удовлетворения потребностей членов общества (социальных групп, общества в целом). Такими — *социально-экономическими* — результатами НТП являются изменения условий существования и развития людей, условий их труда, быта, досуга, т. е. объективных основ способов их жизнедеятельности (образа жизни).

Единство материального содержания и социального облика НТП и необходимость его бытия в качестве всеобщей формы целенаправленно развиваемого социалистического производства выдвигают на роль **ведущего принципа органической увязки научно-технического прогресса с общественными целями первенство, приоритет планомерно задаваемых социально-экономических результатов над технико-экономическими результатами.**

Деление результатов НТП на социально-экономические и технико-экономические необходимо для установления последовательности процедур при выборе наиболее эффективных (оптимальных) вариантов развития производства в тех ситуациях, когда реально возможны различные его пути. В таких ситуациях социально-экономические результаты НТП, существенно необходимые для реализации целей общества, играют роль главенствующих, первостепенно важных, другими словами, *социальных (т. е. выражающих интересы общества в целом) критериев эффективности.* Сравнение возможных вари-

антов развития по этим критериям отвергает из числа претендентов на оптимальные те из них, которые не обеспечивают социальную направленность совершенствования производства, каковы бы при этом ни были сугубо экономические выгоды от их реализации, а точнее – независимо от степени их соответствия тем (по сути своей обособленным, локальным) экономическим интересам, которые адекватно выражаются с помощью присущего товарно-денежному механизму количественно-ценностного способа соизмерения разнокачественных явлений (включая и измерители хозрасчетных издержек и хозрасчётных результатов функционирования звеньев хозяйства).

«Печать» обособленности, локальности интересов несут на себе любые стоимостные оценки, если они, конечно, не являются плодом искусственного, оторванного от воспроизводственных реалий конструирования. Поэтому добиться соответствия научно-технического развития социальным критериям, превратить его в фактор социально направленного экономического роста можно, лишь строго определив сферу применения сугубо экономических (стоимостных) критериев эффективности. Экономические критерии (измерители) должны стать инструментом, средством оптимизации только социально эффективных решений. Иначе говоря, по этим критериям должны отбираться наиболее экономичные (по отвлекаемым ресурсам, затратам, времени реализации) варианты развития производства из числа тех, которые уже прошли проверку на соответствие вытекающим из социальных целей плановым результатам и срокам их достижения, а также ограничениям на нормы и правила хозяйствования и на выделенные обществом (планом) ресурсы. Роль экономического критерия (экономической выгоды) как главного аргумента в пользу того или иного варианта развития допустима и необходима только в тех случаях, когда совокупность социально-экономических результатов каждого из сравниваемых вариантов равноприемлема для общества в целом, т. е. когда эти результаты тождественны или же равноприоритетны с точки зрения всего

общества. Такие ситуации весьма редки в реальной действительности; следовательно, практически исключена или, по крайней мере, строго ограничена свобода варьирования социально-экономическими результатами. Нормы и правила хозяйствования для воспроизводственных звеньев, запланированность «сверху» конечных результатов их функционирования – это как раз и есть те ограничения, необходимость соблюдения которых превращает их в социальные критерии эффективности производства[94]. Поэтому в основу совершенствования хозяйственного механизма должен быть положен общий принцип увязки общенародных и локальных хозрасчетных интересов, суть которого кратко выражается требованием обеспечить ***безусловный приоритет социальных критериев эффективности над экономическими.***

Следует отметить, что необходимой предпосылкой научного определения плановых социально-экономических результатов НТП, а значит, правильной оценки и обеспечения адекватной социализму эффективности НТП и общественного производства в целом в настоящее время является углубленная разработка, систематизация самих общественных целей. Она должна включать уточнение представлений о стратегической направленности развития социально-экономических отношений; ранжирование целей исходя из условий современного этапа; конкретизацию принципиальных долгосрочных ориентиров развития жизнедеятельности людей. Общей основой всей этой работы является новая редакция Программы КПСС, принятая XXVII съездом партии.

«Экономическое развитие», «экономический критерий», «экономический результат», «факторы экономического роста» и т. п. суть понятия, качественная определён-

---

[94] Заметим, что совершенствование норм и правил хозяйствования, в том числе обоснование плановых конечных результатов, необходимых и достаточных для реализации общенародных интересов, – далеко ещё не решенная проблема.

ность которых конституируется конкретно-исторической взаимосвязью общественных потребностей (целей) и материально-технических средств их удовлетворения (ресурсов). Когда мы говорим «факторы экономического развития», то зачастую смотрим на весь мир общественных явлений с точки зрения движения именно ресурсов. В результате эти ресурсы приобретают характер как бы замкнутой системы, по отношению к которой научно-технический прогресс, а также социальные цели и отношения оказываются будто бы внешними факторами. Совсем по-иному интерпретируется понятие «факторы экономического развития», если смотреть на взаимосвязь техники, технологии, ресурсов, потребностей с точки зрения целостного функционирующего общественного организма. В этом случае все материальные ресурсы и вся система их реального функционирования (производства) предстают в своём истинном значении — как средство достижения задаваемых обществом целей, а потому вопрос о факторах экономического развития должен быть трансформирован в проблему – «технико-экономическое развитие как фактор (условие) общественного прогресса».

Из всего сказанного должно быть понятно, почему неправомерны попытки оценивать экономическую эффективность научно-технического прогресса, отвлекаясь от его социального облика, от социального характера его результатов, от анализа их соответствия системе интересов социалистического общества. При отсутствии такого соответствия бессмысленна, бессодержательна сама постановка вопроса об экономической эффективности НТП и тем более о её мере.

Среди фундаментальных проблем ускорения общественно-экономического развития, по-новому стоящих в связи с необходимостью подчинения НТР гуманистическим целям социализма, выделяется проблема активизации трудящихся, в том числе в форме активизации трудовых коллективов. Проблема эта непроста как практически, так и теоретически.

Какова бы ни была производственно-технологи-

ческая специфика конкретного звена социалистического хозяйства, его организация (т. е. система форм и методов управления производством и трудом) должна способствовать, а не препятствовать осуществлению социальной функции трудового коллектива при социализме – быть активным и последовательным проводником стратегической политики государства по расширению и выравниванию условий развития личности в сфере труда, по обеспечению соответствия возможностей приложения индивидуальных способностей к труду их развивающемуся состоянию.

Материально-производственной базой функционирования современного общества является фабрично-машинная индустрия. Поэтому коллективный характер трудовой жизнедеятельности (закон всякой кооперации труда) выступает общественно нормальным требованием, предъявляемым к человеку как к работнику. Нормы и правила трудового поведения, обусловленные кооперацией труда, есть предпосылка и условие участия индивида в общественном производстве. В эти нормы и правила входят определенные требования к результативности труда, к способам достижения результатов (дисциплинированность, организованность, режим работы), к уровню развития способностей к труду (профессиональная подготовка, квалификация, инициативность, самостоятельность и пр.). На этой основе, свойственной всякому фабрично-машинному производству, в зависимости от характера общественного строя складываются разные по типу трудовые коллективы.

Капиталистическая фабрика соединяет деспотизм машин с деспотизмом управления трудом и по сути своей стремится ограничить развитие личности работника теми пределами, которые соразмерны применяемым технико-технологическим средствам. При капитализме, – отмечал К. Маркс, – «все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека... принижают его до роли придатка

машины»[95].

Новейшие методы управления трудом в капиталистических фирмах, рассчитанные на использование социальных факторов эффективности производства, дополняют эксплуатацию физических потенций человека эксплуатацией других его качеств[96]. Капиталистическая система всё больше превращает трудящегося в придаток технической цивилизации.

Социализм меняет характер общественно-экономических отношений, но его материально-производственная база (техника, технология и в определённой мере организация производства) остаётся долгое время сходной с капиталистической, что обусловливает длительное сохранение сдерживающих развитие человека видов труда, в том числе тяжёлого физического, монотонного, вредного для здоровья и т. п. Социализм сохраняет, кроме того, хозяйственную обособленность звеньев экономики, а вместе с нею – товарный обмен и денежно-стоимостной механизм соизмерения коллективных и индивидуальных вкладов в общественный экономический результат. Именно эти обстоятельства объективно препятствуют реализации названной выше социальной функции трудового коллектива.

В силу этого социалистическому трудовому коллективу свойственно объективное основное противоречие между тенденцией к подчинению трудящегося требованиям всё ещё не адекватных гуманной природе социалистического строя техники и технологии производства (в связи и в меру необходимости обеспечить экономически эффективное функционирование хозяйственного звена) и тенденций к превращению коллективной трудовой жизнедеятельности в сферу гармоничного развития личности, в сферу самоценной и полноценной трудовой и социальной активности трудящихся (в связи с необходимостью

---

[95] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 660.

[96] См., например: «Труд в капиталистическом производстве: проблемы управления». М., 1984.

реализации общественных интересов в совершенствовании труда, последовательной гуманизации производства).

Разрешение этого противоречия есть повседневная функция трудового коллектива и государства. Это разрешение совпадает, таким образом, с обеспечением общественно нормальных условий деятельности трудового коллектива. Здесь существенны два аспекта.

Суть *первого* в том, что трудовой коллектив должен считаться с имеющимися у него материально-производственными возможностями и осуществлять требования к работникам, направленные на обеспечение эффективного функционирования хозяйственного звена. Пределом таких требований должны выступать социальные нормы, регулирующие содержание, условия труда и его оплату. В случае, если производственно-технологическая специфика звена предъявляет к работнику более жёсткие требования, нежели установленные обществом нормы, возникает необходимость социальных компенсаций. Задача компенсаций – смягчить и предотвратить отрицательное влияние труда, снижающего по сравнению с общественно нормальными возможности развития индивида. Границы применения социальной компенсации также регулируются обществом. В пределах этих условий трудовой коллектив развивает активность и инициативу работников.

Однако даже при общественно нормальных условиях производства материально-техническая база общества (до тех пор, пока она ещё не является полностью адекватной социализму) постоянно питает тенденцию своего рода технико-технологического деспотизма, т. е. формирования и функционирования трудящегося как частичного, односторонне развитого работника. Эту тенденцию трудовой коллектив обязан пересиливать посредством демократического управления производством и трудом. Остановимся на этой проблеме несколько подробнее.

Управление, конечно, не может не отражать объективные взаимосвязи трудящихся с техникой и технологией. Но весь вопрос в том, насколько жёсткими могут и должны быть эти взаимосвязи. Демократическое (коллек-

тивное в рамках закона) самоуправление в хозяйственном звене – способ противостоять ограничивающему развитие личности технико-технологическому состоянию путем фактического подчинения экономических критериев эффективности функционирования звена социальным критериям прогресса трудовой жизнедеятельности.

Управление в звене, благодаря его демократическому характеру, с самого зарождения социализма и на протяжении всей его истории должно быть поприщем для приложения тех личностных свойств трудящихся (социально-нравственных и интеллектуально-творческих), для развития которых не даёт достаточного простора собственно трудовой процесс. «...Для нас важно, – говорил В. И. Ленин, – привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это – гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций»[97].

Демократизм управления трудом и производством расширяет сферу активности человека, гармонизирует его жизнедеятельность, а тем самым возвышает индивидуальные способности и потребности. ***Гармонизация личности, т. е. развитие*** трудящихся и прежде всего их социальной активности, опережающее требования наличной материально-производственной базы**,** **–** объективная закономерность социализма. Реализация этой закономерности усиливает социальную направленность научно-технического прогресса, обеспечивает подтягивание техники везде, где это становится возможным, к развивающемуся человеку**.** Следует отметить, что стиль хозяйственного, в том числе и управленческого мышления, сформировавшийся со времён индустриализации, как правило, включает в себя, напротив, установку подтягивать культурно-технический

---

[97] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т 36 С. 53.

уровень работников к требованиям техники и технологии. В современных условиях этот стиль мышления проявляется в представлениях о необходимости формировать работника, трудовые ресурсы в соответствии с требованиями научно-технической революции, разворачивающейся якобы по своим собственным, внутренним (не зависящим от общественного строя) законам. Если администрация или трудовой коллектив руководствуются таким подходом, то они превращаются в силу, не противостоящую тенденции технико-технологического приоритета, а усиливающую её. То же самое происходит, если трудовой коллектив ориентирован на узкоэкономические критерии эффективности своей деятельности.

Иначе выглядит решение тех же самых проблем с точки зрения установок партии на усиление социальной ориентации экономики. Эти установки исходят из того, что в современном производстве нет жёсткой связи между техникой (технологией) как причиной и характером труда и управления как следствием, что причина и следствие в реальном производстве меняются местами, т. е. имеет место взаимодействие. Другими словами, наличный материально-производственный аппарат оставляет возможности для демократического варианта управления трудом, для такой организации труда, которая основана на гуманных принципах и предполагает установление социальных границ подчинения работника требованиям техники, технологии и экономической эффективности. Несомненно, что социальные ограничения исключают часть резервов роста производительности труда и рентабельности из числа допустимых для практического применения. Однако эти социальные ограничения на применение резервов экономической эффективности могут с лихвой перекрываться социальными резервами роста такой эффективности, правда, не при всех обстоятельствах и не в каждом конкретном случае. Практика показывает, что в условиях медленного прогресса техники, технологии и организации производства разрыв между резервами и запретами общества увеличивается и возможности роста экономи-

ческой эффективности в целом снижаются.

Второй аспект разрешения основного противоречия деятельности трудового коллектива состоит в следующем. Социалистическое общество в лице государства должно проводить целенаправленную социально ориентированную политику изменения материально-производственной базы функционирования трудовых коллективов. Суть этой политики заключается в планомерном переходе от наличной материально-производственной базы к такой, которая адекватна социалистическому строю, т. е. Рассчитана на функционирование гармонично развитого работника. Такая политика проводится с помощью централизованного использования капиталовложений, их распределения между отраслями производства на основе единой государственной научно-технической политики и т. п. Тем самым осуществляется переход от типа научно-технического прогресса, при котором социальные изменения выступают преимущественно как *последствия* развития науки и техники, к другому его типу, который характеризуется *социальной заданностью*, подчинённостью социальным задачам.

Таким образом, создаваемые социализмом общественные условия функционирования трудового коллектива открывают немалые возможности разрешения его основного противоречия собственными усилиями, путём повышения активности его членов. Однако радикальное разрешение этого противоречия возможно при ведущей роли государственного курса, направленного на принципиальное изменение материально-производственной базы и на последовательную демократизацию управления производством и трудом.

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Экономические науки». 1986. №12. Стр. 37-45.

1987

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

В настоящее время проблема совершенствования хозяйственного механизма, в том числе хозяйственного расчёта, ставится принципиально иначе, чем 25 лет назад. В начале 60-х годов многие экономисты не шли дальше узкого понимания причин хозяйственных трудностей. Они считали, что если изменить систему показателей, усовершенствовать хозяйственные связи, оптимизировать и автоматизировать процесс принятия управленческих решений, перестроить организационную структуру управления, усилить материальное стимулирование и т.п., то коренные недостатки управления экономикой будут преодолены, и все преимущества социализма будут использоваться в полной мере. Уточним, что так думало большинство экономистов, но не все. Уже в 60-е годы были разработаны и опубликованы подходы, характерные для нашего времени.

Отличие современных подходов от господствовавших в 60-е годы состоит в том, что экономические проблемы рассматриваются в неразрывном единстве с проблемами социальными и политическими. В застойные годы практика неизменно исходила из изолированности экономических процессов, осуществляла многочисленные пробы и эксперименты, не выходившие за пределы сугубо экономических изменений. Тем самым 70-е-80-е годы практически удостоверили бесперспективность тех концептуальных подходов, которые господствовали в 60-е годы. С полной достоверностью выяснилось, что причины экономических трудностей и неурядиц надо искать в первую очередь не в экономике. К выявлению причин, как теперь ясно, надо подходить более широко, вовлекая в анализ социальные и политические отношения. Импульс такому анализу придали XXVII съезд КПСС и особенно январский (1987г.) Пленум ЦК КПСС.

Сегодня мы знаем, что решающий фактор совершенствования хозяйственной жизни – демократизация, причём не только в производственной сфере, но прежде всего политическая, социальная демократизация. В таком понимании причин и направлений радикальной хозяйственной реформы проявляется на современном этапе марксистский принцип конкретно-исторического подхода. При строгом следовании этому принципу неизбежен отказ от устоявшихся представлений о неизменно поступательном развитии механизма хозяйствования в СССР. Согласно этим представлениям, сложившиеся в 30-е-40-е годы формы и методы хозяйствования были объективно необходимыми и чуть ли не единственно возможными в то время. Когда этот вопрос обсуждался в 60-е годы, господствовало, как мы отметили, рассмотрение экономики, изолированное от социальных и политических отношений. И тогда получалось, что в 30-е-40-е годы эффективнейший будто бы механизм сосуществовал с чуждыми социализму извращениями ленинских норм партийной, государственной и общественной жизни. Сейчас, в отличие от 60-х годов, уже многим ясно, что такого параллельного, изолированного сосуществования не бывает и быть не может. Поэтому требуется, на наш взгляд, более критически, чем стало традиционным, оценить соответствие (или несоответствие) форм и методов хоэяйствования 30-х-40-х годов принципам и закономерностям социализма как общественной системы.

Такая оценка чрезвычайно актуальна. Ведь одно дело, если задачи совершенствования механизма хозяйствования понимаются как новый этап, продолжающий сложившиеся тенденции и подходы, и совсем другое – если они понимаются как переломная ситуация, коренное изменение подходов, пресечение сложившихся тенденций.

В первом случае мы повторили бы заблуждения многих экономистов, характерные для 60-х годов, односторонне сконцентрировали бы внимание на экономических усовершенствованиях. Во втором случае мы подойдём к совершенствованию механизма хозяйствования как

к процессу демократизации хозяйственной жизни, т.е. политико-экономически, социально-экономически.

Проиллюстрируем это рассмотрением двух теоретико-методологических проблем. Первая – определение эффективности системы норм и правил, регламентирующих функционирование хозяйственных звеньев.

Положение о необходимости социальной ориентации, гуманистической направленности производства сейчас общепризнаны. Все большее число обществоведов втягивается в исследования и дискуссии о социальных критериях эффективности научно-технического и организационно-экономического развития. Однако при оценке предвоенного периода конкретно-исторический, социально-политический образ мышления уступает место абстрактному, внеисторическому – хозяйственный механизм 30-х годов (урезанный хозрасчёт в том числе) признается эффективным на том основании, что он органично вписывался *в* систему управления, обеспечившую быстрый экономический рост, форсированную индустриализацию и т.п. Нам представляется, что в такой характеристике результатов развития нет ничего от специфически социалистических (т.е. последовательно гуманистических) оценок. Для заключения об эффективности, прогрессивности форм и методов руководства хозяйством следует всегда – и при выборе стратегии на будущее, и при оценке результатов прошлого исходить из необходимости приоритета социально-политических целей (критериев) над экономическими, технико-экономическими, техническими.

Возможность разных вариантов распределения функций и компетенции по уровням управления без нарушения коренных принципов социалистического хозяйствования должна быть допущена не только для современного этапа, но и обращена в прошлое. Конечно, боль-шее ограничение хозяйственной самостоятельности пред-приятий, чем в принципе допускает социализм – фактор, препятствующий полному и оперативному выявлению резервов производства. Однако возможное при этом замедление экономического развития может быть компен-

сировано, перекрыто эффектом от решения задач быстрой структурной перестройки хозяйства. Всё это – доводы в пользу большей или меньшей самостоятельности звеньев. Но мера этой самостоятельности практически связана, на наш взгляд, мало, а теоретически не связана вовсе с демократическим или недемократическим характером жизнедеятельности трудовых коллективов, социальных групп, общества в целом.

Отступления от социалистического демократизма в общественной и хозяйственной жизни, начиная с 30-х годов, – вот существо деформаций социального механизма хозяйствования, сохранившихся и до наших дней. Основное, что является свидетельством социальной неэффективности сложившегося механизма хозяйствования в целом, – это снижение активности широких слоев населения до уровня социальной пассивности в сферах общественно-организованной жизнедеятельности, возникновение и устойчивое воспроизведение таких способов социального поведения, которые следует признать аморальными с позиций пролетарской социалистической нравственности.

Вторая теоретико-методологическая проблема, рассмотрением которой можно проиллюстрировать необходимость социального и политического подходов к механизму хозяйствования, – определение путей и способов демократизации производственной сферы.

Невозможность подлинной демократизации производства без общих социально-политических реформ достаточно очевидно была продемонстрирована в 70-х годах, когда в ходе распространения бригадной организации труда практика решала вопрос о функциях и границах рабочего самоуправления на предприятиях. За редким исключением, рабочее самоуправление не вышло за рамки бригад и сосредоточилось на распределении заработков и дисциплине труда. Как и следовало ожидать, это не привело к

сколько-нибудь значительному или длительному подъёму трудовой и социальной активности. Более того, это способствовало становлению и закреплению в бригадах недемократической обстановки солидарной материальной и моральной ответственности, артельной круговой поруки.

Такая ситуация активно формировалась и поддерживается до сих пор администрацией предприятий (и обслуживающим её руководством заводских общественных организаций), поскольку позволяет руководителям предприятий переложить на бригаду часть своих прямых обязанностей и свою долю ответственности за нормальную организацию производства и труда. Возникнув в недемократической социальной среде, бригада стала по преимуществу удобным инструментом давления на рабочих руками их же товарищей такими способами, которые часто граничат с прямыми нарушениями конституционных прав и свобод личности.

Стратегия постепенного расширения сферы рабочего (народного) самоуправления по принципу: сначала в рамках бригады, затем в масштабах цеха, предприятия, потом – города, республики, страны – эта стратегия не пригодна в принципе. Для того, чтобы превращение рабочих, всего трудового коллектива в субъектов управления предприятием (так сказать, в его "хозяев") было неформальным и необратимым, необходимо одновременно с мероприятиями по подчинению администрации контролю со стороны коллектива перестраивать на демократических началах всю систему социально-политических отношений. Вот почему курс на всестороннюю демократизацию общественной жизни, выдвинутый январским (1987г.) Пленумом ЦК КПСС, нельзя интерпретировать как простое продол-

жение сложившихся в 70-е-80-е годы экспериментов по развитию непосредственной демократии в низовых коллективах. Этот курс – принципиально новая линия, линия революционного обновления, решающим методом которого является социальная демократизация, политическая активизация масс. Только такая линия и способна возвратить в русло прогрессивного социалистического развития.

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике статей «Сущность и формы развития научно-производственной интеграции» – М.: Институт экономики АН СССР. 1987. Стр. 128-131.

1987
=======

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА[98]

Статья выявляет логику развития социальной структуры социалистического общества, содержит анализ исторической практики строительства социализма в СССР. Раскрываются некоторые теоретические вопросы социалистической собственности в увязке с актуальными проблемами перестройки форм и методов хозяйствования в СССР.

Решения январского и июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС актуализировали проблемы обновления форм и методов ведения советского хозяйства, включая и допущение большего разнообразия конкретных типов хозяйствующих звеньев и субъектов. Теоретические проблемы социалистической собственности приобрели в связи с этим роль ключевых практических проблем. При этом немаловажное значение, как выяснилось, имеет вопрос о социальном типе хозяйствующих субъектов, о допустимости или недопустимости, прогрессивности или непрогрессивности тех или иных перемен в социальных отношениях, которые могут произойти в ходе перестройки. Подобные стратегические вопросы могут получить содержательные ответы только в контексте фундаментального теоретического рассмотрения с привлечением анализа исторической практики.

Попытаемся именно так рассмотреть назревшие вопросы, увязывая проблематику отношений собственности и социальной структуры.

---

98 ***Редколлегия предлагает читателям высказать свое мнение по, существу рассмотренных в данной статье вопросов.***

Статья написана Г.Я.Ракитской и Б.В.Ракитским.

Выделение двух фаз коммунизма – социализма и полного коммунизма – имело огромное научное и практическое значение в двух отношениях:

1) открылась возможность различить стратегические целевые характеристики и исторически более близкие, по сути своей этапные преобразования общества в ходе продвижения к высшим целям. Это повысило практическую применимость учения о коммунизме, выявило устойчивость сущностных характеристик коммунизма и в то же время открыло путь к более глубоким конкретно-историческим подходам к определению этапных целей, сроков и средств их достижения;

2) из всей коммунистической эры, которая представляется нам сейчас как цепь сменяющих друг друга обществ реального гуманизма, была выделена историческая фаза, вполне обозримая по составу своих главных социально-экономических проблем. Вероятно, что фаз коммунистической эры будет не две, а больше, но наука пока что сумела обоснованно выделить одну – самую первую. Не произвольно, а указав основное противоречие этой фазы, наука определила её объективные границы (начало и завершение) и содержание совершающегося в рамках этой фазы общественного прогресса. Полный коммунизм стал обобщённым до поры наименованием той части коммунистической эры, которая последует за социализмом.

Накануне социалистической революции – поворота общественного развития в новое историческое русло – актуальность и значимость учения о двух фазах коммунизма выявились, без преувеличения сказать, практически. Оперевшись на это учение и сконцентрировав внимание не на общих свойствах двух фаз, а на их качественных отличиях, В.И. Ленин развил учение о социалистическом государстве, его исторических функциях и исторических границах. Ещё до начала практики социалистического строительства удалось существенно конкретизировать научные предвидения, касающиеся первого послекапиталистического общества. Успешную конкрети-

зацию в решающей мере обеспечили глубоко научный анализ капитализма и научно строгое понимание существа революционного переворота.

Учение о двух фазах коммунизма – это, пожалуй, первое развёрнутое обоснование логики практического развития реального гуманизма (коммунизма).

В наше время вопросы о логике развития социализма, о критериях социалистичности стали неизмеримо актуальнее. Жизнь, с одной стороны, несколько облегчила, а с другой – значительно затруднила нахождение правильных ответов на эти вопросы. Облегчила в том отношении, что появилась практика социалистического строительства, т. е. критерий истинности научных представлений и выводов. Логическая траектория развития начальной фазы коммунистической эры начала осуществляться. Теория обрела связь с практикой.

Одновременно с этим возникли и типичные сложности. Практика всегда конкретно-исторична. Она предлагает для доказательства логического лишь исторические аргументы, т. е., во-первых, далеко не весь круг возможного конкретного, а во-вторых, именно конкретное, осложнённое особенностями, затрудняющими выявление логической траектории. Если бы выявление последней представляло собой лишь задачу «чистой науки», можно было бы не придавать затруднениям никакого значения. Но в том-то и дело, что научное познание логики развития – ключ к активности исторического творчества, в первую очередь – ключ к целеустремлённости без авантюризма, ключ к выработке надёжных критериев социалистичности и реалистичности решений и действий (т. е. их соответствия как гуманистической направленности развития, так и этапным целям).

Обратимся к главному, что находим в работах основоположников марксизма-ленинизма по вопросу о логике развития социалистического общества.

С одной стороны, это характеристика социализма как уничтожения классов. В. И. Ленин не только повторял это классическое определение, но и развил его. В

частности, он выделил два этапа в процессе уничтожения классов. Первый – свержение эксплуататорских классов, второй – позволяющий «уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех – работниками»* [2, т. 39, с. 276—277][99].

С другой стороны, определение нового качества лишь через отрицание прежнего качества недостаточно. Необходимо определение позитивного характера, т. е. указание и на то, что созидается. Действительно, классики марксизма-ленинизма дали определение того, что созидается социализмом. Созидается полное социальное равенство. Соединив характеристики созидаемого и уничтожаемого социализмом, Ф. Энгельс дал диалектическое определение нового исторического качества: «...Действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов.* Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости» [1, т. 20, с. 108]. Равенство, созидаемое социализмом, Ф. Энгельс называл «социальным, экономическим равенством» [там же]. В. И. Ленин так разъяснял эту фундаментальную категорию: «...когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда *общественное* равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей» [2, т. 15, с. 364].

Таким образом, лозунг «уничтожения классов» выполняет в марксизме роль содержательного ограничения программы созидания равенства. Уничтожаются только неравенства общественных, экономических условий развития людей. Что же касается развития личности, то на

---

[99] В. И. Лениным дано и более развёрнутое понимание того, что должно быть преодолено на втором этапе (различия между городом и деревней, между людьми физического и людьми умственного труда, многочисленные остатки мелко-го производства, громадная сила привычки и косности, связанной с этими остатками) [2, т. 39, с. 15].

эту сферу лозунг уничтожения неравенства не распространяется, ибо неравенство физических и духовных способностей не является по своей внутренней природе классовым, и только в классовом обществе приобретает роль фактора, существенного в социально-экономическом отношении. Если уничтожаются классы, социальные последствия неравного развития и проявления способностей людей не могут приводить к существенным неравенствам их общественного положения. Вот почему марксизм – за создание в обществе таких условий развития, которые реально обеспечивали бы каждому возможность развития всех способностей в полном объёме. Разумеется, невозможно полностью использовать такие условия развития, исчерпать все предоставленные возможности. Однако реально обеспечивается «полное и свободное развитие каждого индивидуума». Это и является, по выражению К. Маркса, «основным принципом» нового общественного строя [1, т. 23, с. 605]. «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1, т. 4, с. 447].

Итак, позитивная характеристика полного социального равенства — полное и свободное развитие каждого как условие свободного развития всех. Свобода такого уровня достижима лишь при условии уничтожения социальных, экономических неравенств, т. е. классов. Всякое социальное равенство несвободных и всякую свободу социально неравных марксизм отвергает как несовместимые с целями, которые он ставит перед развитием общества, враждебные социальному прогрессу. Коммунизм есть равенство свободных людей. Социализм – общество, переходное к полному коммунизму, подготавливающее, строящее его. В этой характеристике – существо логики становления и развития социализма в полный коммунизм.

Выявляя с научной точностью эту логику, мы, бесспорно, познаём самое главное о том, что должно быть

в конечном счёте обеспечено в ходе социалистического развития. Для практического исторического действия, особенно планомерного, знать это крайне важно, но недостаточно. Логическая траектория развития имеет не только исходный и конечный пункты, но и промежуточные, этапные рубежи. Раскрыть их – значит объяснить шаг за шагом путь от общества с антагонистическими классами и отношениями господства и подчинения до общества без классов и с отношениями полного равенства свободных людей. Каждый из шагов на этом пути интересует нас не как результат стечения конкретно-исторических неповторимых обстоятельств, а как закономерная форма сущностного развития, как нечто устойчивое, обладающее неизбежно повторяющимися свойствами и их сочетаниями. Только так можно построить логическую траекторию развития социализма.

Понятие «класс» применительно к характеристике социально-экономического положения трудящихся в социалистическом обществе существенно отличается от того понятия, которое используется марксистами при характеристике социальной структуры досоциалистических формаций. Здесь уместно напомнить, что исторически первоначальным смыслом понятия «класс» было обозначение враждебных социальных групп[100].

Поэтому уничтожение классов как программное требование пролетарского движения долгое время основывалось на первоначальном понимании классов и сводилось к уничтожению классовой вражды путём свер-

---

[100] ***Создав впервые научную теорию классов, марксизм понятием «класс» в его первоначальном значении долгое время обобщал и обобщает до сих пор антагонистическую противоречивость коренных интересов и разнонаправленное в конечном счёте (но свершающееся в рамках данного исторического типа общества) развитие больших групп людей, интегрированных в общество при помощи отношений господства и подчинения (в том числе эксплуатации).***

жения господствующих классов. «...Производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который стал теперь неспособным к нему, а это именно и есть социалистическая революция», – писал Ф. Энгельс [1, т. 34, с. 138]. Поскольку производящий класс не желает при этом стать господствующим, отношения господства и подчинения прекращаются, классы как враждебные группы перестают существовать.

Новая эпоха, начатая победой социалистической революции, поставила задачи уничтожения классов много конкретнее, заставив продвинуться в определении самого понятия «класс», а также производных от него понятий – «классовый характер социальной структуры», «классовые различия» и т. п. Однако это продвижение осталось незавершённым, не освоенным в полном объёме.

По-видимому, рассуждая о процессе уничтожения классов, мы и до сих пор не имеем ясного представления о его объективном содержании. В. И. Ленин, наметив этапы решения этой исторической задачи, дал ключ к пониманию составляющих её подзадач, этапов, проблем. Тем самым он развил и дополнил марксистское учение о классах.

Первый обозначенный В. И. Лениным этап (проблема) – свержение эксплуататорских классов, лишение их представителей основ классовых привилегий. По мысли В. И. Ленина, на этом процесс уничтожения классов не завершается. Отсюда первый вывод: классовость (классовый характер общественных отношений) может включать в себя такую разновидность, как отношения господства и подчинения, но не сводится только к ней. Ликвидация отношений господства и подчинения путём свержения господствующих классов и превращения эксплуатировав-шихся в руководящую силу общества не устраняет классовости, хотя коренным образом изменяет социальную структуру общества, социально-экономическое положение каждого трудящегося класса, всех трудящихся.

Второй этап уничтожения классов даже в ленинском изложении не имеет однозначно очерченного содержания. Приведённые выше высказывания В. И. Ленина могут быть дополнены, конечно, многими другими. Но дело не в приведении полного перечня высказываний, а в заинтересованном проникновении в методологию нашего великого учителя.

Исходный пункт рассуждений В. И. Ленина о втором этапе уничтожения классов – констатация разницы между рабочим и крестьянином, которую предстоит уничтожить. Само собой понятно, что для В. И. Ленина, как и для всякого марксиста, речь могла идти при этом лишь о разнице социально-экономического положения. Эта разница в то время коренилась в связи рабочих и крестьян с принципиально разными типами производства, рабочих – с индустрией, с машинной фабрикой, крестьян – с мелким производством. Разный уровень реального обобществления этих типов производства формировал разные типы социально-экономического положения их участников, разные типы их интересов и способов практического достижения этих интересов. Ленинская формула второго этапа – «сделать *всех – работниками»* – имела в виду, несомненно, устранение разнотипности социально-экономического положения рабочего и тогдашнего крестьянина-единоличника. Суть ленинского стратегического замысла всей социальной политики второго этапа уничтожения классов – вовлечение крестьянства в такие формы производства, которые были бы однотипными с крупным машинным производством – поприщем деятельности рабочего класса.

Понятное дело, что индустриализация сельского хозяйства обеспечила бы такое вовлечение самым лучшим образом. Отсюда мечта о 100 тысячах тракторов, отсюда настойчивые требования электрификации. «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим пониманием нельзя ограничиваться. Его необходимо конкретизировать.

Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны» [2, т. 44, с. 9]. «Мы должны показать крестьянам, что организация промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, которая свяжет город и деревню, покончит с рознью между городом и деревней, даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание» [2, т. 40, с. 109].

Замечательна та смелость и та настойчивость, с какими партия В. И. Ленина ставила подобные задачи в условиях, представляющихся по современным меркам почти лишёнными материальных и финансовых, а также квалифицированных трудовых ресурсов. Эти смелость и настойчивость могут быть рационально объяснены лишь тем, что партия руководствовалась идеями самого передового обществоведения – марксизма, и притом эти идеи были приложены к конкретно-историческим условиям Советской России великим обществоведом и революционером В.И. Лениным. Логика марксизма подсказывала: судьба революции зависит от укрепления союза рабочих и крестьян, а укрепить этот союз на долгий срок и притом в мирное время нельзя, минуя экономическую его основу – сближение уровней обобществления, типов хозяйственной деятельности. Уверенность в логике марксизма питала смелость и настойчивость конкретно-исторических действий.

Замечательно, что был найден и другой социальный ресурс социалистической революции. Впредь до индустриализации сельского хозяйства можно продвигаться в сторону сближения уровней обобществления, типов хозяйствования методами совершенствования организационно-экономических отношений. Один из них – разнообразное по формам кооперирование крестьянства и ремесленников. При этом крайне важно не только укрупнение масштабов совместной деятельности и хозяйствующих единиц, что повышает их эффективность, но и реальное

усиление связи крестьянских хозяйств и крестьянских кооперативов с государственным сектором. Таким образом, уровень хозяйственной интеграции нарастает, характер интересов крестьянства, его социально-экономического положения меняется в направлении сближения с интересами и положением работающих в государственном секторе хозяйства.

Подведём некоторые промежуточные итоги относительно второго этапа уничтожения классов. Ленинские идеи и практика социалистического строительства позволяют достаточно строго определить исторические границы этого этапа и его содержание. Содержанием является .сближение социально-экономического положения трудящихся классов на основе обобществления производства. Началом этапа можно считать начало практического социалистического строительства. Получается, что первый и второй этапы уничтожения классов отчасти совпадают во времени. В этом нет ничего удивительного. Строго говоря, речь идёт (должна идти) не о двух этапах, а о двух частях единой задачи уничтожения классов. Назвав эти части этапами, мы подчеркнули лишь логическую последовательность становления новой социальной структуры. И в действительности можно выделить этапы революционных преобразований, на одном из которых доминирует задача обобществления путём свержения эксплуататорских классов, а на втором – задачи обобществления путём преобразования хозяйствования на деле. Среди последних, в частности, задачи кооперирования мелких товаропроизводителей. Окончание второго этапа уничтожения классов (решение второй части этой задачи) – превращение всех трудящихся в работников крупного общественного социалистического хозяйства. Таков критерий, выдвинутый В. И. Лениным [1, т. 39, с. 277].

Можно обсуждать этот критерий, пытаясь уточнить его. При этом вполне содержательна такая постановка: о каком именно общественном крупном хозяйстве должна идти речь, когда вырабатывается критерий завершения второго этапа уничтожения классов? Первый ответ – о

всяком общественном крупном хозяйстве в противовес частному и мелкому крестьянству (мелкому индивидуальному). Второй возможный ответ – о крупном общественном хозяйстве, основанном на современной технике, т. е. о крупном общественном хозяйстве индустриального типа. Оба ответа имеют свой смысл и не противоречат друг другу. Исторически развитие так и идет: крупное общественное хозяйство приходит на смену мелкому крестьянству и ремесленному не сразу в виде индустриального, а сперва в виде использующего доиндустриальную материально-техническую базу, но уже не в форме мелких разрозненных хозяйств, а в форме объединенных государственных или кооперативных хозяйств.

Переход от мелкого крестьянского и другого мелкого товарного хозяйства к крупному общественному, пусть и с прежней по своему типу техникой и технологией – это качественное продвижение, дающее реальную основу для качественного изменения и социально-классовой структуры. При этом положение трудящихся реально отличается в зависимости от того, каков уровень реального обобществления тех хозяйств, в которых они заняты.

Лишь тогда, когда уровень обобществления всех звеньев и форм хозяйствования станет однородным, однотипным, т. е. социалистическим на индустриальной основе, разница между работниками во всём социалистическом хозяйстве перестанет служить основой их классовых различий. Тем самым произойдет ещё один шаг в направлении уничтожения классов, будет в полном объёме выполнена задача «сделать всех – работниками». Станет ли это завершением процесса уничтожения классов, переходом к бесклассовому обществу? Вопрос принципиального значения, и его мы обсудим специально. Но прежде рассмотрим проблемы классовости в обществе, в котором завершился переход от мелкого товарного хозяйства (и вообще от массового индивидуального производства) к крупному общественному хозяйству, но индустриализация не охватила ещё все отрасли производства.

Здесь обратим внимание на следующее: обсуждать

проблемы социально-классовой структуры такого социалистического общества совершенно невозможно и бессмысленно, придерживаясь стереотипной схемы: «социализм основывается на двух формах собственности – государственной и колхозно-кооперативной, при этом есть два трудящихся класса – рабочий класс и колхозное крестьянство; по мере развития колхозное крестьянство сближается с рабочим классом, колхозно-кооперативная собственность – с государственной и т. п.». Дело не в том, правильна или неправильна эта схема, а в том, что мы как раз и обсуждаем вопросы, решение которых должно дать выводы о социально-классовой структуре. Нельзя держать наготове ответ, который заранее считается правильным и останется для нас правильным независимо от хода и результата обсуждения проблемы. Задача обсуждения в том и состоит, чтобы выявить, какова объективно социально-классовая структура социалистического общества, в котором всё хозяйство ведется в крупной общественной форме, но индустриальная база создана ещё не во всех отраслях. Какие различия между работниками при этом существенны в социально-экономическом отношении и носят ли они классовый характер?

Обсуждение правомерно начать с того условного момента в логическом развитии социалистического общества, когда первый этап (первая часть задачи) уничтожения классов позади, когда господствующие классы свергнуты, когда тем самым все в обществе являются трудящимися, их иждивенцами или общественными иждивенцами. В этой ситуации люди либо трудятся на государственных (общенародных) социалистических предприятиях, либо ведут мелкое (основанное на индивидуальном труде) хозяйство, являющееся для их семей источником средств существования. Уровень обобществления крупных социалистических и мелких индивидуальных хозяйств качественно различен. В чем это различие?

Если вопрос ставится столь чётко и на него требуется дать научно строгий ответ, то нам не обойтись без раскрытия категории «обобществление». Понятие это при-

меняется как для характеристики отдельных сторон, процессов и сфер воспроизводства, так и для характеристики воспроизводства в целом. В последнем случае говорят об обобществлении производства, имея в виду при этом, конечно же, не одну лишь фазу собственно производства (изготовления), а все фазы воспроизводства в единстве.

При всех своих смыслах обобществление есть внутренняя устойчивая, объективная взаимосвязанность, взаимозависимость, интегрированность сущностных и содержательных характеристик воспроизводства, его сфер, звеньев, сторон, процессов. Это устойчивый, конкретный уровень (мера) целостности воспроизводства или составляющих его процессов. Общественная практика такова, что мера целостности (уровень обобществления) воспроизводства неодинакова в составляющих его звеньях (сферах, процессах) и, сверх того, динамика обобществления идёт неравномерно. Отсюда и получается, что для понимания социальной структуры общества сравнение уровней обобществления, типичных для разных звеньев (хозяйств), не только возможно, но и необходимо. Ведь воспроизводственная деятельность в решающей мере определяет общественно-экономическое положение людей, объективно соединяет их в социальные группы, формирует устойчивые объективные различия между ними.

Социально-экономическое положение людей, их классов, социальных групп и слоёв в наиболее полной, хотя и абстрактной форме характеризуется отношениями и категорией собственности. Обобществление производства – необходимая, важная, но ещё недостаточная сторона собственности. Оно содержательно характеризует только объективную сторону положения людей в сфере хозяйственной деятельности. Но зато оно выражает в конечном счёте решающий фактор собственности, социальную структуру общества.

В научной литературе имеются попытки раскрыть отношения собственности через отношения владения, распоряжения, пользования. Полагаем, что такой подход более или менее пригоден для раскрытия отношений

собственности на средства производства. Тот, кто уверен, что абстрактной (глубинной, сущностной) характеристикой способа производства является собственность на средства производства, не может идти к раскрытию отношений собственности иначе, как через углублённое понимание отношений владения, распоряжения, пользования средствами производства. Мы же утверждаем[101], что нельзя в должной мере отразить специфику сущности экономического строя общества, не затрагивая более широкого круга общественных отношений, нежели собственность на средства производства.

Требуется выявить такую сущностную абстрактную характеристику способа производства, которая была бы достаточно содержательным исходным моментом развёртывания логики законов и категорий, а затем и адекватных им организационно-экономических отношений, методов и форм функционирования способа производства. Для изучения капитализма собственность на средства производства, возможно, и выполняет роль такого исходного момента. Для изучения и понимания социализма – нет. Абстрактной характеристикой сущности социалистического способа производства является собственность как тип воспроизводственных отношений. Такой подход освобождает исследование от необходимости вычленить объект самых острых противоречий в отношениях между членами данного общества и свести дело к рассмотрению борьбы между ними за владение, распоряжение, пользование одним только этим объектом. Тем самым и проблематика обобществления производства может быть изучена в своей реальной целостности, без выпячивания процессов обобществления труда, обобществления средств производства. На первый план выходит иная структура процесса обобществления воспроизводства: не по факторам производства, а по реальной расчленённости хозяйства. Становятся актуальными и необходимыми для содержательного раскрытия обобществления категории «обще-

---

[101] ***Подробнее см. [3].***

ственные и локальные цели», «объективные и субъективные условия единства хозяйственных действий», «тип соединения действий в хозяйстве» и др.

Раскроем структуру обобществления производства, с тем чтобы воспользоваться полученными результатами для выявления уровней и различий в уровнях обобществления разных типов хозяйств на разных этапах социалистического строительства.

Генеральным критерием обобществлённости служит для нас исторически устойчивый уровень достигаемой в обществе целостности, объективной взаимосвязанности хозяйственных действий. Выделим основные признаки (свойства), по которым можно с научной строгостью отличить один уровень обобществления от другого.

Первый – степень единства (расхождения) стратегических (коренных) целей участников воспроизводства. Речь идёт не об осознанности этого единства, а об объективной направленности развития, вытекающей из реального положения людей, их групп в обществе и производстве.

Второй – степень единства (расхождения) ближайших (этапных) задач участников воспроизводства. Речь опять-таки идёт об объективной основе однонаправленности или разнонаправленности хозяйственных действий.

Третий – объективные и субъективные условия единства хозяйственных действий. К объективным при этом относятся экономические условия, состояние и тенденции развития производительных сил. К субъективным относятся социально-политические условия.

Четвёртый – относительная сила тенденций, препятствующих единству хозяйственных действий участников воспроизводства в направлении достижения общих или в чём-то совпадающих целей. Здесь уместно выделять объективные и субъективные препятствия единству хозяйственных действий.

Пятый – тип соединения хозяйственных усилий в обществе. Эксплуататорским формациям присуща принудительность такого соединения (одним – явная, другим –

скрытая), коммунистическим способам производства (исторически первый из них – социализм) – свобода (на стадии социализма – добровольность). Этот признак особенно важен, ибо определяет не столько уровни, сколько типы обобществления. Он позволяет с научной точностью отличать социальную направленность процессов обобществления, противостоять асоциальному, аполитичному видению экономических процессов. Тип соединения хозяйственных усилий в обществе позволяет с научной строгостью определять прогрессивные сдвиги в социально-экономическом развитии, а также процессы деформирования и перерождения экономических систем.

Если использовать выделенные признаки (мы не претендуем на полноту перечня) в анализе обобществления на разных этапах социалистического развития, то применительно ко второму этапу процесса уничтожения классов получим следующие выводы. Коренные интересы трудящихся на государственных предприятиях и в мелких крестьянских хозяйствах совпадают в том отношении, что ни те, ни другие не хотят вновь стать эксплуатируемыми. Отличие состоит в том, что положение рабочих в этом отношении намного надёжнее: политическая власть не допустит возврата к капиталистической собственности. Крестьяне же находятся в ином положении. Их судьба связана с мелким производством на земле. Сам тип такого хозяйства – даже при разносторонней и постоянной поддержке социалистического государства – неизбежно порождает не просто дифференциацию, но социальную поляризацию их хозяев, выступает препятствием для усиления единства хозяйственных действий. Бедный крестьянин реально не может воспользоваться завоеваниями нового строя в полной мере, среднее крестьянство самой логикой экономического развития размывается, разбогатевший, зажиточный крестьянин подводится к необходимости привлечения наёмной рабочей силы. Возникают тем самым отношения принудительности, чуждые социалистическому развитию тенденции.

Разумеется, в исторически конкретных условиях

многое зависит от уровня развитости и эффективности государственного сектора хозяйства. Это непосредственно сказывается на ресурсах, которые могут быть направлены для социальной помощи крестьянским хозяйствам. В странах с преобладающим крестьянским населением и при недостаточной развитости промышленности социальная помощь неизбежно оказывается недостаточной для «осереднячивания» деревни. Классовое расслоение крестьянства происходит в этих условиях довольно быстро, что имеет крайне существенное значение с точки зрения тактических форм осуществления процесса уничтожения классов.

В самом деле, если бы удалось поддерживать преобладающую массу крестьян в положении середняка (т. е. живущего со своей семьей исключительно за счёт семейного труда), то создалась бы возможность постепенно, шаг за шагом, по мере развития новой, индустриальной базы сельского хозяйства вовлекать крестьянина на сугубо добровольных началах сперва в коллективные, а затем и в государственные крупные сельскохозяйственные (и не только сельскохозяйственные) производства на индустриальной основе. Когда же экономических возможностей для помощи крестьянству (особенно его беднеющей части) недостаточно и поляризация в деревне идёт быстро, бедная часть крестьянства становится социальной силой, требующей коренных преобразований с целью избавления от бедности, от возврата в положение эксплуатируемых.

Не станем здесь оценивать опыт коллективизации в СССР как способ удовлетворить эти социальные требования обедневшего уже после революции крестьянства. Этот опыт исторически соединяет в себе, наряду с названной, и потребность почерпнуть в деревне средства для вынужденно ускоренной индустриализации. В общем же случае требования обедневшего крестьянства приходится удовлетворять на основе организации коллективных хозяйств на прежней, доиндустриальной материально-технической основе. Попытки создания коммун, а затем

артелей суть формы, отвечающие именно этой исторической закономерности развития. Это логически закономерный шаг обобществления производства.

Правильно осуществлённая коллективизация крестьянских хозяйств, действительно, способна существенно изменить социальное положение крестьян, а вместе с тем и социальную структуру социалистического общества. Новый уровень обобществления производства достигается здесь благодаря тому, что ближайшие цели хозяйственной деятельности у большинства крестьян не связываются более с индивидуальным хозяйством, устойчивость их социально-экономического положения зависит отныне от общественного коллективного хозяйства, от его связей с государственным. Коллективное хозяйство не рождает тенденций к классовой поляризации крестьянства, социальная помощь крестьянству может быть более целенаправленной и эффективной (по критерию предотвращения бедственного положения). Участвуя в коллективных хозяйствах, крестьяне тем самым могут в большей мере воспользоваться социальными и экономическими завоеваниями и преимуществами нового строя. Вместе с тем коллективизация на прежней, доиндустриальной основе неизбежно оставляет группы крестьян (их трудовые коллективы) в положении существенной экономической обособленности. Коллективные хозяйства, в отличие от государственных предприятий, хозяйствуют на свои средства и на свой счёт, т. е., как правило, ограничены размерами собственных ресурсов как в производственной сфере, так и в формировании трудовых доходов своих членов.

Тем не менее процесс обобществления делает в форме кооперации на доиндустриальной материально-технической базе столь существенный шаг вперед, что возникает новая ступень социальной однородности общества. Наряду с рабочим классом появляется новый класс крестьян, отличие которого от прежнего состоит в связи с иной формой хозяйства, исключающей классовую поляризацию при условии сохранения и укрепления социалистического строя.

Индустриализация кооперативного производства создаёт качественно новую ситуацию, знаменует собой вступление в новый этап процесса уничтожения классов. Уже кооператив с доиндустриальной базой становится активным агентом единого народнохозяйственного планирования и управления. Он может действовать на началах контрактации и прямого включения в план. Эта роль сохраняется и при индустриализации кооперативного производства. Однако возрастание материально-технических возможностей кооперативов подводит прочную базу под уровень и динамику трудовых доходов, а также ассигнований на непроизводственную инфраструктуру и социальное обслуживание. Кооперативы оказываются в состоянии гарантировать не меньшие права и возможности своим членам, чем права и возможности трудящихся на государственных предприятиях. В этих условиях наблюдается возможность, говоря словами В. И. Ленина, «сделать *всех – работниками»,* равными по своему социально-экономическому положению. На этой стадии социалистического строительства кооперативы перестают отличаться от государственных предприятий. Классовые различия, коренившиеся как раз в этих отличиях, перестают существовать. Социальная однородность поднимается на новую ступень. Обсудим качественные особенности этой ступени.

Однако прежде соотнесём изложенную логику с советской конкретно-исторической реальностью. В последние годы мы наблюдаем, как всё большая часть кооперативов «догоняет» государственные предприятия не только по эффективности производства, но и по характеристикам социально-экономического положения, обеспечиваемого его членам. Складывается (притом не только в СССР, но и в ряде других социалистических стран) ситуация, к которой догматическая общественная наука, основанная на идеях 30—40-х годов, явно не готова. Эффективность, уровень трудовых доходов, самостоятельность в принятии хозяйственных решений, возможность самоуправления оказываются во многих

кооперативных производствах выше и более развитыми, нежели в государственных предприятиях.

Эти факты породили разные интерпретации и предложения, начиная от предложений ограничить права и возможности кооперативов и кончая предложениями распространить кооперативные начала на деятельность государственных предприятий. Во всех случаях сказалось представление о сложившемся статусе государственных предприятий как о в полной мере адекватном закономерностям социалистического хозяйствования. На наш взгляд, расширенные права в принятии решений и в области самоуправления были у колхозов в течение долгого времени не то чтобы компенсацией меньших экономических возможностей, а скорее удобной для государства формой снятия с себя ответственности за уровень трудовых доходов, за распределение колхозных доходов. Когда взаимоотношения государства с колхозами более или менее нормализовались, а доходность колхозов возросла, колхозная демократия, права и возможности, данные колхозам в принятии самостоятельных решений, стали факторами роста эффективности производства и роста трудовых доходов. Демократизация же хозяйственной жизни в государственном секторе запаздывает. Стечение исторических обстоятельств привело к ситуации, когда передовые коллективные хозяйства на индустриальной основе более адекватны зрелой форме социалистического предприятия, чем запоздавшие с развитием самоуправления трудовых коллективов государственные предприятия. Но эта исторически своеобразная ситуация свидетельствует лишь об исключительной актуальности демократизации управления экономикой и обществом, о чем сказано на январском и июньском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС.

Вернёмся к обсуждению логики социалистического развития и динамики социальной структуры. Какой становится эта структура в условиях, когда кооперативные и государственные предприятия становятся одинаковыми в своих функциях обеспечивать социально-экономическое положение трудящихся? Ясно одно: основания для

существования классовых различий между работниками сходят на нет. Можем ли мы в связи с этим утверждать, что возникает бесклассовое социалистическое общество?

Нет, такой вывод был бы неверен[102]. Правильно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что новое качественное состояние социальной структуры социалистического общества – её одноклассовый характер. Объясним суть такой трактовки, означающей, что характеристика социализма как процесса уничтожения классов сохраняет свою силу и на следующем этапе – этапе функционирования зрелого социалистического общества.

Практика социалистического строительства потребовала расширить, конкретизировать перечень социально-экономических неравенств, которые должны быть ликвидированы в процессе развития социалистического общества, его перерастания в коммунистическое. Это не только различия между трудом индустриальным и мануфактурным, физическим и умственным, но и различия между трудом творческим и нетворческим, исполнительским и управленческим, трудом легким и тяжелым, вредным и безвредным и пр.

Преодоление социально-экономических различий внутриклассового (социально-группового) характера – это третья часть задачи уничтожения классов, третий этап становления беклассово-коммунистической общественной структуры. Пока же такие различия существуют, сохраняется классовый характер общественных отношений. Причём сохраняется независимо от того, достигает или не достигает социальная дифференциация людей глубины

---

[102] Настоящей статьёй вносим коррективы в те наши публикации, в которых качественно новая (по сравнению с современной) ступень в достижении социально-экономического равенства обозначается как построение в СССР бесклассового социалистического общества (см., например, [4, 5]). Исследования показали, что главный аргумент – выравнивание социально-экономического положения людей – недостаточен для такого вывода.

классового неравенства. Другими словами, классовая дифференциация не является обязательным атрибутом классовости. Социальная структура может стать одноклассовой[103] сразу же после завершения первого этапа социалистического строительства, если, конечно, есть для этого объективные условия и применены все необходимые организационные средства. При этом отсутствие (исчезновение) множественности классов само по себе ещё не означает продвижения единственного (оставшегося) класса по пути к бесклассово-коммунистической структуре дальше, чем при наличии нескольких классов.

Необходимым и достаточным признаком классовости социальной структуры, с одной стороны, и объективной причиной классового характера системы социально-хозяйственных отношений, с другой стороны, является наличие любых неравенств людей по их социально-экономическому положению (т. е. социально-экономических существенных неравенств), в том числе и таких, как социально-экономические различия между людьми умственного и физического, творческого и нетворческого, управленческого и исполнительского труда.

Классовость социальной структуры социализма воплощается на уровне механизма его функционирования в государственно-политической организации хозяйствования и общественного развития. Пролетариат, совершив социалистическую революцию, т. е. приняв на себя руководство обществом, организуется как «особый класс», а не превращается в бесформенную массу населения. Он

---

[103] Термин «одноклассовая структура» («одноклассовое общество» и т. п.) точнее обозначает, на наш взгляд, отличие социализма от полного коммунизма, чем термин «бесклассовая социалистическая структура» («бесклассовое социалистическое общество»). Бесклассовость можно понимать, да и фактически этот термин употребляется в двух смыслах: как отсутствие множественности классов и как отсутствие каких-либо вообще социально-экономических неравенств.

нуждается в собственных государственно-политических институтах не только потому, что должен руководить непролетарской массой трудящегося населения. Он нуждается в них и потому, что должен обеспечить подчинённость развития стратегическим целям пролетарского движения в условиях, когда, во-первых, социально-экономически обособлены каждый из составляющих его отрядов (т. е. имеет место существенная, хотя и неантагонистическая, противоречивость их конкретно-исторических интересов) и, во- вторых, конкретно-исторические интересы как каждого из отрядов, так и всего рабочего класса не совпадают со стратегическими интересами рабочего класса, отличаются от них.

Государственно-политический характер организации общественного производства и жизнедеятельности станет ненужным, когда обособленность людей полностью утратит черты социально-экономической обособленности, а потому отношения в системе «индивид – общество» станут качественно иными в сравнении с содержанием этих отношений в любых из известных истории классовых обществ. Новый уровень обобществления позволит и потребует принципиально других способов достижения единства общества.

Подытожим наши рассуждения.

Первое. Объективно присущую социализму классовость его социальной структуры следует понимать не как множественность классов, а как такую систему общественных отношений, которая закономерно требует государственно-политической организации хозяйствования и общественного развития в связи с социально-экономической обособленностью индивидов и их групп, объединённых общей стратегической целью построения общества социально-экономического равенства.

Второе. Бесклассовость социальной структуры, адекватная полному коммунизму, – это не только отсутствие множественности классов, но и такая система общественных отношений, которая не нуждается в государственно-политических институтах в связи с исчезно-

вением социально-экономического характера обособленности индивидов и их групп.

Литература

1. Маркс К-, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч.

3. Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса. // «Экономика и общество (истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития)». Вып. 8. – М.: ВНИИСИ, 1983. С. 3—21.

4. Ракитский Б. В. Стратегия благосостояния. – М.: «Молодая гвардия», 1983. С. 33.

5. Ракитская Г. *Я.* Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса. – М.: ВНИИСИ, 1982. С. 20.

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Известия АН СССР. Серия экономическая». 1987. №6. Стр. 28-39.

1987-1990

==========

Идеология перестройки
как социальной революции в обществах современного советского типа

(Стратегия и тактика перестройки)

Пояснение публикатора

В мае 1987 первый заместитель Отдела науки ЦК КПСС тов. Рябов собрал у себя учёных ряда московских научных центров и поставил задачу критически рассмотреть идеологию перестройки. Скорее всего, по поручению члена Политбюро ЦК КПСС А.Н.Яковлева накапливался подсобный материал для книги М.С.Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».

31 августа 1987 ЦЭМИ АН СССР официально направил в Отдел науки ЦК КПСС рукопись Б.В.Ракитского и Г.Я.Ракитской «Идеология перестройки как социальной революции в обществах современного советского типа» (121 машинописная страница).

В Отделе науки какое-то время сетовали, что «там больше трёх страниц не читают». Но так как мы не соглашались на трёхстраничный вариант, в конце концов отправили наверх полный текст.

В октябре 1987 тов. Рябов в присутствии других товарищей-учёных выразил «супругам Ракитским» благодарность за проделанную работу («Рукопись не однозначна, но она будит мысль»). Позже термин «Ракитские (супруги)» под № 67 фигурировал в списке на арест 19 августа 1991 за подписью Председателя КГБ СССР Крючкова.

Перед сдачей рукописи мы приняли элементарные меры предосторожности: убрали из дому «самиздат» и пе-

редали три экземпляра рукописи на хранение верным друзьям – Н.Я.Петракову, С.Н.Красавченко, Г.Б. Накельчику.

Пятый экземпляр в октябре 1987 мы показали Т.И. Заславской. Дело было в Запорожье. Утром она сказала, что всю ночь читала и всё усвоила: «Но теперь, ребята, я буду об этом говорить без ссылок на вас: это ведь теперь и мои мысли. А что – вы надеетесь это напечатать? Это нереально, это не для нашего уровня гласности».

Текст (с редакционными правками и небольшими авторскими добавлениями, отразившими события 1988-1989 гг.) был издан отдельной книжкой в 1990: **Б.В. Ракитский, Г.Я. Ракитская. Стратегия и тактика перестройки. /Ответственный редактор академик Т.И.Заславская/— М.: "Наука" 1990. 128 с.**

До этого текст первоначальной рукописи печатался или излагался в ряде публикаций. Основные из них:

— Г.Я.Ракитская, Б.В.Ракитский. Размышления о перестройке как социальной революции. — Журнал «ЭКО Экономика и организация промышленного производства» СО АН СССР. 1988. № 5. Стр. 3-28.

— Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Стратегия и тактика перестройки в СССР. *Для обсуждения на Учёном совете ЦЭМИ АН СССР*.— М.: ЦЭМИ и ИЭ АН СССР. Апрель 1988. (17 стр.)

— Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Политические предпосылки перестройки общественных отношений. — В кн.: "Постижение. Социология. Социальная политика. Экономическая реформа." – М.: "Прогресс" 1989. Стр.341-356.

— Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Перестройка: теоретическая экспертиза концепции и практической политики. – Журнал «Философская и социологическая мысль» Республиканский научно-теоретический журнал Института философии АН УССР Киев. 1989. № 10 стр. 3-25; 1989. № 11, стр.14-31; 1989. № 12, стр. 3-21.

— Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. То же на украинском языке.

В настоящем издании текст публикуется по книге Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Стратегия и тактика перестройки. — М.: "Наука" 1990. 128 с.

Б.В.Ракитский. 2016

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Советская
социологическая ассоциация

==========

Идеология в современном мире

==========

Серия основана в 1987 г.

Б.В.Ракитский,
Г.Я.Ракитская

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

Ответственный редактор
академик
Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ

МОСКВА «НАУКА» 1990

309

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава первая
КЛЮЧЕВЫЕ ЛОЗУНГИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

Глава вторая
О СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ В ОБЩЕСТВАХ СОРЕМЕННОГО СОВЕТСКОГО ТИПА

1. Отличительные характеристики социальной революции
2. Патриотическая метафизика – идеологический тормоз перестройки
3. О деформациях и перерождениях социализма
4. Что такое советский «реальный социализм»?
5. Четыре главных сценария будущего для СССР
6. Цель антиказарменной революции в СССР

Глава третья
СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА АНТИКАЗАРМЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

1. Стратегия. Что такое социализм?
2. Стратегия (окончание). Этапы революционной перестройки
3. Тактика. Расстановка социальных сил и их взаимодействие
4. Тактика (окончание). Средства и методы революционных преобразований

Глава четвёртая
СОВЕТСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА: СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Перестройка теперь уже не просто лозунг. Этим словом обозначилась в советской истории новая полоса развития. Сейчас уже видно, что жизнь начала меняться, многие из нас это осознают. Но как сложатся и в каком направлении пойдут дальнейшие перемены? Всё ли новое прогрессивно? И как сделать выбор в борьбе не книжных, а реальных противоположностей? Насколько устойчивы, необратимы перемены?

Сама жизнь и перестройка ставят перед людьми эти далеко не праздные вопросы. Надо думать, надо разбираться, советоваться, накапливать опыт, возражать, размежёвываться и объединять усилия. Одним словом, необходима активизация. Притом в самых разных сферах жизнедеятельности, во всех делах общества – и в больших, и в малых. Очень хотелось бы избегнуть, обойти политическую активизацию. Опасная, скользкая сфера, требующая постоянного напряжения сил, поддержания высокой готовности к быстрой реакции на события, к участию в них. Но нет, не получается; все сферы жизни, все вопросы как бы политизируются. Действительно, похоже на революцию.

Митинг, демонстрация, забастовка, политический клуб, движение, дискуссия, предвыборная программа, политический диалог, резолюция, обращение, учредительная конференция, народный фронт – вот неполный перечень совсем новых для нас явлений и понятий, пришедших с перестройкой. Само время, кажется, потекло иначе. Вспомнишь событие, и думается о нём, как о давнем. А по календарю получается, что произошло оно недавно. Видно, события стали крупнее, люди – активнее, характеры – глубже, жизнь – достойнее. Если так, то дело движется в нужную сторону.

Перестройка началась по инициативе сверху. Не потому, конечно, что идеи демократизации чужды простым

людям, народным массам. Напротив, идея демократии – глубоко народная идея. Она не только не переставала жить в народе, но и высказывалась его лучшими представителями. Однако в условиях сталинского режима, в условиях застоя, отстранения народа от политики прогрессивные идеи не доходили до сознания массы, не будили общественного движения, не становились движущей социальной силой. Вот почему инициатива руководства, контролирующего все сферы общественной жизни, сыграла особую роль – роль импульса обновления.

Инициатива перестройки имеет свою предысторию. Период застоя (в основном это 70-е, отчасти 80-е годы) наглядно показал губительность сталинских корней идеологии, политики, хозяйственной практики. Модернизация общественного строя, предпринятая после XX съезда КПСС сначала умеренными реформаторами, а затем консерваторами-центристами, оказалась краткой и недостаточно последовательной и не предотвратила назревания кризиса. В 1983 г. усилиями руководства КПСС были предприняты энергичные попытки изменить общую обстановку в стране и в хозяйстве, переломить неблагоприятные тенденции. Временность, неустойчивость полученного эффекта лишний раз подчеркнула: без демократизации нет и не может быть нормализации социально-экономического развития.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС наблюдается новая активизация руководства КПСС в обновлении как внешней, так и внутренней политики. Энергичные действия руководства и призывы постепенно оказывали влияние и на средние уровни, стал возникать реальный интерес населения к подготавливаемым и начинаемым мероприятиям. Социально-психологическая обстановка в СССР существенно изменилась за последние годы. После январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС стало устойчивым положительное отношение значительной части населения к деятельности высшего руководства партии, возникло заинтересованное доверие к его планам и обещаниям. При этом всё более настойчивым станови-

лось ожидание серьёзных шагов к радикальным улучшениям в обществе.

Конец 1987 – начало 1988 гг. знаменательны зарождением в стране демократических общественно-полити-ческих движений, одновременно более определённую позицию заняли и противники нового курса, более явными стали попытки их консолидации. Период подготовки XIX Всесоюзной партийной конференции дал новый импульс социальной активизации народа. Сама же конференция и последовавшие за ней некоторые антидемократические демарши аппарата сделали очевидной невозможность осуществления коренных перемен «сверху» без активного подключения к борьбе за социальные преобразования широких слоёв трудящихся. На повестке дня – вопрос об организованной деятельности народа по преодолению консерватизма сложившейся социально-политической и экономической системы, по предупреждению рецидивов открыто сталинистской идеологии и практики.

Мы не ошибаемся, утверждая, что советский народ поставлен ныне перед необходимостью подтвердить выбор, сделанный им в Октябре 1917 г. Задача номер один – изменить сложившуюся систему общественных отношений так, чтобы создать условия для развития страны по пути демократии и социализма. От того, насколько линия на качественное обновление общества станет сознательным выбором и делом самого народа, зависит и её успех, и прочность гарантий её необратимости.

Чтобы содействовать прогрессивному развитию общественного сознания и общественных движений, советские обществоведы должны глубоко осмыслить идеологию перестройки, как она складывалась в 1985-1988 гг., вскрыть её сильные и слабые стороны, оценить действенность, степень мобилизующего влияния на массы (в разрезе основных социальных сил), предложить пути кардинального обновления идеологии в целях лучшего выполнения ею роли идейно-теоретического обеспечения революционных преобразований в СССР. Необходимо доказа-

тельно раскрыть причины, которые породили и воспроизводят разнообразные формы так называемых негативных явлений, обосновать перспективы и конкретные пути утверждения гуманистических идеалов, социалистической морали, демократических принципов организации социальной и экономической жизни.

Замысел нашей работы – рассмотреть именно эти проблемы и тем самым внести свой вклад в революционное обновление современного советского общества

Глава первая
КЛЮЧЕВЫЕ ЛОЗУНГИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

В важнейших партийных документах и выступлениях руководителей КПСС содержится обычно комплекс установок, однако некоторым из них придаётся доминирующее в тот или иной период значение, роль ключевых лозунгов. Анализ этих лозунгов позволяет определить, что именно приоритетно для правящей партии на каждом конкретном этапе, как руководство представляет себе эффективные пути и способы реализации стратегических целей.

После апреля 1985 г. сформировалось несколько ключевых лозунгов, так как каждый последующий не вытеснял, а дополнял предыдущий. Это *ускорение*, *перестройка* и *демократизация.*

Лозунг «ускорение» стал формулой политики партии на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. При этом первоначально он трактовался в основном как наращивание, ускорение темпов экономического развития[104], как лозунг, отражающий задачи хозяйства. Постепенно расширяется круг целей, достижение которых обеспечивается «на путях ускорения социально-экономического развития

---

[104] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. Стр. 139, 147, 155. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 24.

страны»[105]. Ускорение уже не сводится только к темпам роста, оно распространяется на решение всего комплекса социально-экономических задач и рассматривается как более быстрое продвижение к новому качественному состоянию общества, как задача достижения нового качества роста [106].

Таким образом, лозунг ускорения приобрёл по содержанию то же значение, какое имел до него лозунг всесторонней интенсификации общественного производства [107]. Ныне буквальное понимание слова «ускорение» только затрудняет осознание всей полноты стратегических задач, решаемых в ходе практической деятельности. Лозунг ускорения выразил то понимание трудностей и путей их преодоления, которое существовало до глубокого анализа обстановки и коренных причин застоя в экономике и в обществе. К середине 1986 г. руководство осознало недостаточность лозунга ускорения, но не сняло его, а стало наполнять новым, более ёмким содержанием. Роль ключевого перешла к лозунгу перестройки[108].

Выдвижение в центр внимания потребностей перестройки, т. е. коренного изменения способов работы, имело принципиальное значение. Очень многие партийные, советские, хозяйственные руководители воспринимали лозунг ускорения не более как увеличение заданий, темпов, объёмов работы, полагая, что ускорения можно добиться сложившимися, традиционными методами. «Но ведь, товарищи, старая колея куда ведёт? – резонно спрашивал М.С. Горбачев и отвечал: — Совсем не туда, куда призывают решения съезда. Нужно побыстрее перестраиваться, осваивать новые методы, новые подходы в работе. Если следовать старой колеей, трудно рассчиты-

---

[105] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 139.

[106] Там же. С. 344.

[107] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 107.

[108] См.:* Горбачев М. С*. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 330-331, 419-424.

вать на успешное выполнение задач, которые наметила партия» [109].

Отрицательная оценка распространившихся в застойные годы методов и подходов в работе имела огромное значение. Но такое отрицание закономерно ставило вопрос о типе, облике подходящих для ситуации методов и подходов. Требовалось не просто отрицание, а диалектическое отрицание, т. е. возникновение лучшего, нового, передового, прогрессивного.

Здесь получилась заминка, обернувшаяся потерей нескольких месяцев, торможением назревших преобразований. Лозунг перестройки оказался поначалу недостаточно содержательным. Люди не понимали, о чём идёт речь, не могли уяснить объём и характер необходимых перемен в методах и формах работы.

«Иногда спрашивают, – рассказывал М.С. Горбачев в июле 1986 г., – ну что же это за мудрёное дело-то – перестройка, как её понять, «с чем её едят», эту перестройку? Вот, мол, мы все «за», а что делать, не знаем. Многие прямо так и говорят.

Мы в Центральном Комитете, в Политбюро думаем так, что начинать перестройку, всю работу но перестройке надо каждому с самого себя, с определения своей гражданской позиции, с активизации политической, трудовой деятельности, с усиления ответственности за порученное дело, за конечные результаты...

Но не только этой стороны касается перестройка. Она предполагает создание такой атмосферы в обществе, которая побуждала бы людей преодолевать накопившиеся инертность и равнодушие, избавляться в работе и в жизни от всего, что не соответствует принципам социализма, нашему миропониманию и образу жизни... Но и в данном случае каждому надо взглянуть прежде всего на себя, товарищи...» [110]

Конечно, каждый на своём рабочем месте может

---

[109] *Там же. С. 331.*

[110] ***Правда. 1986. 31 июля.***

найти резервы улучшений. Но максимальный эффект достигается, если повышение активности будет скоординировано, сориентировано на политически сформулированную задачу, а тем самым увязано со стратегическими целями. По нашим наблюдениям и оценкам, многие в 1986 г. выжидали, не активизировались именно потому, что лозунг перестройки был для них недостаточно определённым политически. Необходимость перемен осознавалась, что перемены последуют – предполагалось с большой степенью вероятности, но в какую сторону пойдут перемены – это был открытый вопрос для большинства советских людей.

То обстоятельство, что на XXVII съезде КПСС много говорилось о стратегических целях, о демократизации, о других планах партии на перспективу, не давало ответы на вопрос о направленности перестройки. Массовое сознание за долгие годы отвыкло принимать всерьёз самые, казалось бы, авторитетные партийные документы. Ведь многие из них не выполнялись, были оторваны от жизни, не влияли на ход реальных процессов в обществе и в хозяйстве. Кроме того, в 1983 г. были применены такие методы воздействия на массы, которые только укрепили в массовом сознании вывод: «Говорится одно – делается совсем другое». Ситуация была такова, что с очень большой степенью вероятности можно было ожидать «закручивания гаек», восстановления сталинских методов и подходов, дальнейшего урезания трудовых и гражданских прав и свобод. Проявлять трудовую и социальную активность в этом направлении перестройки советский народ не хотел, не спешил.

С осени 1986 г. началось постепенное содержательное раскрытие лозунга перестройки. Как реальные свидетельства перестройки получает развитие гласность, освещаются новые экономические методы хозяйствования, начинаются выборы некоторых руководителей на вакантные места. В качестве перспективы фигурируют будущее изменение избирательной системы, будущий Закон о государственном предприятии.

Наиболее существенная из этих мер – гласность, но каждому понятно, что это лишь полумера. Обнародуются некоторые из замалчивавшихся ранее фактов, но совершенно не допускается обсуждение породивших их причин. Новые методы хозяйствования, экспериментировавшиеся с 1984 г., на практике доказали свою несостоятельность и недостаточность, ничуть не повлияли на улучшение обстановки в хозяйстве. Было непонятно, зачем апробировать частные улучшения, если научно доказано и практикой подтверждено, что в целом сложившийся хозяйственный механизм негоден. Тем более, что содержательные научные разработки проекта нового механизма хозяйствования сделаны ещё в 60-е годы. Выборы руководителей также не вызвали особого энтузиазма. Они проводились вне законодательных оснований и поначалу базировались на идеях примитивной демократии. К чести многих трудовых коллективов надо отметить, что они придали основное значение не возможности тайно высказываться о начальнике и тем самым нажать на него или запугать на будущее, а возможности содержательно обсудить программу действий, стратегию организации и выбрать лучший вариант. То есть масса быстро пошла по пути идей конкурсности, а не примитивной демократии.

Следовательно, в течение 1986 г. не наблюдалось явных серьёзных мер, адекватных лозунгу перестройки. Этот лозунг, как и лозунг ускорения, оказался весьма расплывчатым. Их мобилизующее значение падало из-за недостаточной масштабности, радикальности и устойчивости конкретных перемен в хозяйстве и в обществе. Ввиду этого не происходила настоящая активизация трудящихся и их трудовых коллективов.

Дела пошли намного лучше, когда осенью 1986 г. перестройка была определена как революция, а в январе 1987 г. был выдвинут лозунг демократизации. Политический уровень этих характеристик перестройки дал ответ на вопрос о глубине и направленности преобразований, намеченных под именем «перестройка». Правда, ответ этот оставался очень общим, недостаточно конкретизиро-

ванным. Повторилась и ситуация отставания практических действий от провозглашенных лозунгов.

Так, прошли съезды профсоюзов и комсомола – самых массовых общественных организаций. Облик этих организаций остался принципиально прежним, реальных шагов к демократизации не сделано. Признание недостатков, прозвучавшее на съездах, не было раскаянием. Принятые решения не дали оснований надеяться на серьёзные перемены в стиле и методах работы профсоюзов и комсомола. Тем более, что аппараты этих организаций сформированы на прежних принципах.

Серьёзные надежды многие возлагали на обещанное изменение избирательной системы, но они рухнули после того, как введение выборов вместо голосования было фактически отложено на будущее. Люди вновь недоумевали: что же тут экспериментировать, что апробировать? Почему очевидную назревшую перемену не осуществить сразу, всерьёз и надолго? Ведь такая массовая сила, как местные Советы народных депутатов, будучи избрана демократически, могла бы оказаться реальным фактором активизации. Выборы 1987 года проходили по прежнему сценарию, под мелочной опекой аппарата, с нарушением Положения о выборах. Всё это не способствовало возрастанию доверия к лозунгам перестройки и демократизации.

И тем не менее лозунг «перестройка есть революция» и лозунг демократизации – это огромный шаг вперёд во всей идеологии преобразований после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Это обобщения политического уровня, давшие массам возможность вести конкретную работу по активизации своей деятельности, руководствуясь этими лозунгами. Не случайно, а вполне закономерно именно после выдвижения лозунга демократизации доверие масс к руководству партии возросло, участие в перестройке стало нарастать, интерес к делам в обществе поднялся на высоту, сравнимую с периодом после XX съезда КПСС.

Резюмируем. Ключевые лозунги, выдвинутые в

1985-1987 гг., отражали потребности развития общества, но отражали их недостаточно глубоко и чётко. Уходило немало времени на наполнение этих лозунгов достаточным содержанием. Лишь лозунги демократизации и революции достигли политической глубины. Практические перемены оказывались, как правило, неизмеримо скромнее лозунгов. Массовая активность на базе ключевых лозунгов не возникала (иногда её возникновение сдерживалось) . Всё это заставляло сделать вывод, что выработку ключевых лозунгов, адекватно отражающих стратегию преобразования общества и обладающих мобилизующий силой, следует поставить на научную основу.

Первое, в чём необходимо было тщательно разобраться, – вопрос о характере назревших преобразований, о характере и движущих силах революции, которой предстоит осуществиться в СССР. 1987-1988 гг. дали существенное продвижение в осмыслении этих вопросов.

Важно отметить, что события 1988-1989 гг. круто повернули общественную и научную мысль лицом к социальной практике. Абстрактные рассуждения о делах общества перестали быть интересными. Всего 2—3 года назад был лишь один реальный адресат (потенциальный потребитель) научных выводов и предложений. Это, как принято было говорить, – директивные органы. Теперь ситуация иная. Начались массовые общественные движения, состоялись первые народно-демократические революции, были выдвинуты новые идеологии, выступил как реальная политическая сила рабочий класс... В этих условиях «социальный заказ» обществоведению стал выглядеть иначе, чем прежде. Наука превратилась в деятельность, обслуживающую движения за перестройку. Сроки выработки обоснованных выводов сократились, «внедряемость» научных результатов стала немедленной. Для науки настал час реализации её великого предназначения, час прогресса, час ответственности.

Глава вторая
О СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ В ОБЩЕСТВАХ СОВРЕМЕННОГО СОВЕТСКОГО ТИПА

1. Отличительные характеристики социальной революции

Положение о том, что перестройка должна рассматриваться как революция, настолько значительно в идейно-теоретическом и практическом отношении, что немедленно дало мощный толчок всей общественной мысли в СССР и сразу же оказало влияние на практику. Выдвижение этого положения стало сильнейшим ударом по сложившейся апологетической системе представлений о советском обществе. Не случайны поэтому попытки амортизировать этот удар. Появились интерпретации положения «перестройка есть революция», назначение которых – понизить его социальный мобилизующий заряд.

Одна из таких попыток (наиболее прямолинейная и примитивная) – трактовать перестройку не как социальную революцию, а либо как научно-техническую, либо просто как систему мер, повышенная радикальность которых позволяет назвать их более возвышенным словом, так сказать, метафорически.

Получила известное распространение и теоретическая новелла, согласно которой социалистическое строительство представляет собою закономерную череду эволюционных и революционных фаз прогрессивного развития. При этом революционные фазы понимаются как фазы выявления нового качества, вызревание которого постепенно происходит в эволюционных фазах.

Серьёзным направлением демобилизующих идеологических акций является усиленная пропаганда неантагонистичности социально-экономических противоречий в

советском обществе. Антагонистические противоречия, сама возможность таких противоречий решительно отвергается (исключение делается разве что для противоречий в отношениях общества со злостными уголовниками и т. п., но это уже очевидный уход в сторону от проблемы).

Если силы, предпринимающие попытки выхолостить содержание самого понятия «революция», консолидируются, их синтезированным результатом будет новая «теория» революции. Согласно этой «теории», как можно предвидеть, в обществах современного советского типа время от времени происходят по инициативе сверху и преимущественно усилиями аппарата правящих органов (но при активной моральной поддержке, согласии и одобрении народа) революции, необходимость которых осознаётся всеми и всеми же целиком разделяется назревшая программа преобразований. Суть борьбы – упорной, настойчивой и целеустремленной – сводится в ходе таких «революций» к преодолению неантагонистических противоречий между горячим стремлением каждого покончить с недостатками, негативными явлениями и известной инертностью, присущей каждому и мешающей оперативно перестроиться. Борьба социальных сил из такой революции исключается, заменяется своего рода соревнованием за то, кто быстрее перестроится, ибо все социальные силы – за новое и все – против старого.

Было бы весьма разумно не тратить силы и средства на разработку такого рода «теории». Нечто подобное у нас давным-давно разработано. Только разработчикам та-кой схемы (модели) общественного прогресса не пришло в голову называть её революцией. Как раз наоборот, изложенная модель долгое время используется как логическое доказательство того, что при социализме нет необходимости в революциях (в научном марксистско-ленинском понимании этой категории). Оставаясь, по сути дела, в пределах сложившегося понимания схемы общественного развития при социализме, новая «теория» вынуждена будет трактовать революцию лишь как громкое слово, употреблять понятие «революция» в новом для

марксизма значении. При этом будет происходить не наполнение старого понятия новым содержанием, а выхолащивание прежнего содержания.

Ниже мы покажем, что понятие «революция» применимо к объективно необходимым преобразованиям в советском обществе в своём неурезанном, классическом марксистско-ленинском понимании. Применяя понятие «революция» к перестройке, т. е. пользуясь этим понятием практически, необходимо особенно тщательно следить за попытками выхолостить ряд характеристик, исключительно ценных в теоретическом и практическом отношениях. Зафиксируем некоторые из таких характеристик социальной революции.

Первая. Революция всегда существенно меняет направление общественного развития. Суть революционной ситуации – в реальной возможности сделать исторический выбор дальнейшего развития страны. Для этого должны быть не только объективные, но и субъективные основания. Революция состоит в том, что забраковывается вариант будущего, к осуществлению которого стихийно или сознательно идёт (ведётся) развитие общества.

Вторая. Революция есть форма столкновения на исторической арене антагонистических социальных сил. Такое столкновение выявляет непримиримость коренных интересов крупных социальных сил в рамках сложившейся системы экономических, социальных и властных отношений. Этим революция отличается от таких форм общественного развития, в которых сталкиваются неантагонистические интересы или же противоборствующие социальные силы не оказываются более или менее равными по возможностям влиять на развитие страны. В подобных случаях осуществляются либо реформы, либо подавляется относительно слабосильный социальный интерес.

Третья. Коренной вопрос революции – вопрос о власти. Речь идёт не о персональной замене одних лиц, осуществляющих власть, другими лицами. В революции решается вопрос о перемене содержания власти, о смене подходов, способов осуществления власти, устойчивых

структур властных отношений. Другими словами, ***революция решает вопрос о смене типа власти.*** Этим она, кстати сказать, отличается от заговоров, «дворцовых переворотов», смен администрации и тому подобных исторически заметных, но не коренных перемен власти.

Четвертая. Не бывает революций без революционного действия значительных масс людей. Активное участие в столкновении антагонистических социальных сил, борьбе за власть, за смену власти – реальный способ сломить сопротивление уходящих от управления делами общества социальных сил, дезавуировать их идеологию, лишить её массовой поддержки, укоренить в сознании масс идеологию социальных сил, приходящих к власти, получить поддержку новой власти со стороны масс. Революция – акция живого исторического творчества народа. Не бывает революций сверху, революций без масс. Начаться революция может и по инициативе сверху, но совершиться и победить без активного массового политического движения она не может.

Таковы, на наш взгляд, основные характеристики социальной революции в её ортодоксальном марксистско-ленинском понимании. Опыт революционного движения в конце XIX и в XX вв. подтверждает плодотворность такого понимания революции как формы общественного прогресса. Развить понимание революции так, чтобы освободить его от названных коренных характеристик, – значит, превратить «революцию» в расхожее пустое слово, годное для социальной демагогии в виде приёма одноразового пользования.

Анализ показывает, что идеологические представления, выражающие интересы действительно крупных социальных сил современного советского общества, далеки от выхолащивания понятия «революция». И, конечно же, по причинам, отражающим противоположность коренных интересов социальных сил. Одно направление идеологической мысли – доказывать неприменимость понятия «революция» к современному советскому обществу на том основании, что в сознании массы укоренено представле-

ние об этом обществе как обществе: а) лишенном антагонизмов, б) развивающемся «от победы к победе» поступательно, в) обеспечивающем массам полную и эффективную доступность участия в политике, в управлении государством, г) демонстрирующем на всех стадиях своего развития идейно-политическое и моральное единство всех социальных сил. Другое направление отстаивает применимость к процессам необходимой перестройки категории «революция» в её ортодоксальном марксистско-ленинском смысле, пытаясь расшатать и отбросить стереотипные представления о нашем обществе, укоренённые в массовом сознании.

Основное, принципиальное расхождение состоит, стало быть, в понимании характера, структуры, проблем современного советского общества. Анализ общественной жизни в СССР в 1985-1988 гг. позволяет сделать немаловажный вывод: программы общественных преобразований повисают в воздухе, если они строятся как призывы к улучшениям, как набор ближайших шагов по устранению недостатков и внедрению полезных новшеств, а вопросы стратегии и глубокой оценки прошлого и настоящего не получают серьезного освещения, удаляются от фокуса общественного внимания. При этом часто говорится о новом качественном состоянии советского общества, которое будет достигнуто в итоге ускорения и перестройки. Однако, как показывает опыт, новое качественное состояние не воспринимается массами как мобилизующая идеологическая формула, если оно не противопоставлено старому качественному состоянию советского общества. Полоса (политика) гласности предоставила в распоряжение массового сознания множество новых фактов и оценок частных явлений и процессов. Но ничто так сильно, как полоса гласности, не обнаруживало дефицит в нашем обществе глубоких научных обобщений[111]. Не обладая глу-

---

[111] ***Выступая в различных аудиториях и общаясь с различными категориями трудящихся в разных районах страны, мы были поражены той быстрой и резкой***

бокими научными оценками прошлого и настоящего, нельзя делать социальную революцию.

Необходимость и содержание назревших революционных преобразований в СССР становятся ясными, если все факты и частные оценки, касающиеся прошлого и настоящего страны, свести в единую картину и тем самым дать научно обоснованную и политически глубокую интегральную оценку состояния современного советского общества, определить его координаты в историческом развитии, высветить его реальные проблемы и действительные причины этих проблем.

2. Патриотическая метафизика — идеологический тормоз перестройки

Опыт исторического развития СССР трудно обобщить понятиями, рассчитанными на нормальный ход социалистического строительства. Советское обществоведение всё ещё грешит тем, что втискивает историческую реальность СССР в систему категорий и представлений, изображающих развитие советского общества как в целом соответствующее логической линии становления социализма. В 30-40-е годы дело доходило до совершенно без-

---

переменой в интересах аудитории, которая произошла в течение буквально 6-8 недель после январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Люди стали задавать теоретические вопросы. Чувствовалось, что многое они между собою уже обговорили, многое сняли с обсуждения и, наконец, подошли к вопросам коренным, идеологическим. И хотя это всё те же самые вопросы, которые им разъясняли годами в системе партийного и экономического просвещения, только теперь эти вопросы предстали перед людьми уже как их вопросы, родились на основе самостоятельного осмысления актуальных проблем общественного развития. Многие впервые в жизни начали задумываться о делах в обществе как о делах, которые их непосредственно касаются и от них, может быть, зависят. Этот проблеск интереса дороже многого.

образной, неприкрытой апологетики: конкретно-исторические формы советского общества объявлялись идеально соответствующими объективным законам общественно-экономического развития, а тем самым – эталонными образцами социализма. В наше время такие представления считаются явными крайностями. Но суть оценок остается пока что прежняя. Влияние апологетики образца сталинской эпохи сказывается в том, что логические этапы социалистического строительства и ныне считается возможным отождествлять с конкретно-историческими этапами развития советского общества.

Между тем после XX и XXII съездов КПСС были даны оценки ряда реальных процессов как существеннейших отступлений на практике от ленинских принципов политической, хозяйственной, социальной деятельности. XXVII съезд партии, материалы последующих Пленумов ЦК КПСС дополнили эти констатации и политические оценки глубоким анализом деятельности, приводившей **к** застою, к деформациям и перерождениям в обществе. Но странное, казалось бы, дело: как бы ни умножались факты практических отступлений от принципов и норм социализма, в переходе количественных изменений в качественные обществоведы вслед за партийными документами решительно отказывают, если речь идёт о советской истории. Подобные же отступления, скажем, в Китае или в другой стране могут вести к угрозе потерять социалистические завоевания, а то и к потере этих завоеваний. Но СССР это не касается. Налицо некая патриотическая метафизика.

Один из первых ярчайших образцов такой метафизики продемонстрирован в Постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», принятом 30 июня 1956 г. Были осуждены как несовместимые с социализмом, противоречащие природе социализма культ личности и его отрицательные последствия. Были подвергнуты критике и некоторые теоретические и идеологические концепции и установки, господствовавшие в 30- 40-е годы. Однако критика крайностей, наиболее очевидных отступлений от природы социализма была чётко и явно

преднамеренно отграничена от вопроса о характере утвердившегося в 30-40-е годы общественного строя. «Несмотря на всё зло, которое причинил культ личности Сталина партии и народу, – указывалось в названном Постановлении, – он не смог изменить и не изменил природы нашего общественного строя. Никакой культ личности не мог изменить природу социалистического государства, имеющего в своей основе общественную собственность на средства производства, союз рабочего класса с крестьянством и дружбу народов, хотя этот культ и нанёс серьёзный ущерб развитию социалистического демократизма, подъёму творческой инициативы миллионов» [112].

Тем самым вопрос о взаимодействии надстройки и всей системы общественных отношений, надстройки и всей системы экономических отношений был подменён вопросом о влиянии отдельной личности на общественную систему: «Думать, что отдельная личность, даже такая крупная, как Сталин, могла изменить наш общественно-политический строй, значит впасть в глубокое противоречие с фактами, с марксизмом, с истиной, впасть в идеализм»[113]. Тем самым вопреки фактам и здравому смыслу на счёт отдельной личности относились и делом как бы отдельной личности признавались такие отмеченные и осуждённые в официальных партийных документах процессы, как «ограничения демократии», которые стали «возводить в норму внутрипартийной и государственной жизни, грубо попирая ленинские принципы руководства», «грубейшие нарушения социалистической законности и массовые репрессии», «беззакония и произвол», «злоупотребления властью», «серьезные нарушения ленинских заветов», «серьёзный ущерб развитию социалистического демократизма»[114]

Уже на XXII съезде (1961 г.) приводились многочис-

---

[112] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1971. Т. 7. С. 210.

[113] Там же.

[114] Там же. С. 205-208, 210; Т. 8. С. 325.

ленные факты, доказывающие, что всё это – дела не одной личности. В Обращении ЦК КПСС «К советскому народу» (1987 г.) сказано: «Дорогой ценой пришлось расплачиваться за отступления от ленинских принципов и методов строительства нового общества, за нарушения социалистической законности, демократических норм жизни в партии и обществе, за волюнтаристские ошибки, за догматизм в мышлении, инерцию в практических действиях»[115] .

Обращает на себя внимание такой факт: с первых тактов гласности, с первых шагов активизации общественной мысли после апреля 1985 г. вопрос о более ёмкой, научной оценке сталинской эпохи, сталинской идеологии и сталинских методов практического руководства обществом неизменно всплывает и выдвигается в разряд остро актуальных. Мы считаем это глубоко закономерным свидетельством здорового направления общественного развития. Напротив, стремление снять этот вопрос, объявить решённым, не относящимся к проблематике предстоящей революции – явное торможение перестройки. Вызывает досаду, недоумение и отчаяние то обстоятельство, что вопрос об оценке 30-40-х годов снова и снова подменяется вопросом об отношении к социализму или же сужается до вопроса о персональной ответственности за содеянные в ту пору злодеяния политических деятелей, которых уже мало осталось в живых. Идеологии перестройки огромный ущерб наносит уход от правильной постановки и решения следующих вопросов, касающихся исторического прошлого СССР.

Представляет ли идеология и практика сталинизма столь серьёзный разрыв с марксизмом-ленинизмом, что изменяет общественный строй, деформирует его и ведёт к утрате завоеваний социализма, к перерождению социализма? Или же идеология и практика сталинизма есть развитие марксизма-ленинизма? Или же идеология и практика сталинизма есть отступление от марксизма-ленинизма,

---

[115] *Коммунист. 1987. № 6. С. 6.*

не оказывающее на общественный строй существенного воздействия?

Можно ли считать, что задача восстановления ленинских норм партийной и общественной жизни была в достаточной мере решена начиная с XX съезда КПСС? Если да, то были ли явления 70-80-х годов, осуждённые XXVII съездом КПСС, новым отступлением от этих принципов? Если нет, то не явились ли явления 70-80-х годов новой, более поздней фазой проявления идеологии и практики сталинизма, последствиями отступлений от марксизма-ленинизма, укоренившихся в 30-40-е годы?

На каком основании критическое отношение к идеологии и практике сталинизма оставалось под запретом с 1964 по 1985 г.? Правильно ли критику идеологии и практики сталинизма, отрицание идеологии и практики сталинизма идентифицировать с критикой социализма, с отказом от социалистической идеологии?

Крупная фигура И.В. Сталина, которая неизбежно еще будет привлекать внимание историков, мешает многим обществоведам обратиться к более ёмкому историческому явлению, чем эта личность, – к общественному строю, утвердившемуся в СССР в 30-40-е годы и имевшему в своей основе идеологию и практику, порвавшую с марксизмом-ленинизмом. Этот общественный строй не может быть обобщён, научно описан понятиями, отражающими нормальный ход социалистического строительства. Не признавать этого факта и даже отказываться обсуждать вопрос о характере и глубине отступлений от принципов социализма в ходе развития СССР в 30-40-е годы и позже – значит, впадать в патриотическую метафизику, вовсю нажимать на педали торможения перестройки, выхолащивая её революционные потенции.

Какой же научный теоретический аппарат требуется, чтобы диалектически подойти к оценке исторической практики СССР? Ключевые элементы этого аппарата – категории *деформация* и *перерождение* – теперь уже прочно вошли в лексикон высшего партийного руководства, всё чаще используются в научной и публицистической литера-

туре.

Теоретические проблемы деформаций и перерождений отдельных сторон и процессов и в целом общественного строя социализма, утраты завоеваний социалистической революции, классификация типов возникновения деформаций социализма, пути выхода из них – всё это почти не тронутые советским обществоведением темы. В то же время опыт наших собственных исследований показал, что анализ истории, конкретных проблем и реальных перспектив советского общества становится наиболее плодотворным при опоре на целостные взаимоувязанные представления о сути, причинах, типах и возможных способах преодоления деформаций и перерождений социалистического строя.

3. О деформациях и перерождениях социализма

Реальная сущность исторического развития много сложнее всякой теоретической модели. Практика социалистического строительства опирается в лучшем случае на глубокое научное предвидение, на логическое описание реально возможного варианта успешного достижения целей социализма. Никакая наука не в состоянии ни подменить собою живое историческое творчество народа, ни предусмотреть все даже наиболее существенные исторические особенности, обстоятельства, случайности. Отсюда – неизбежное громадное разнообразие конкретно-исторических форм и способов движения к социализму, исключительная ценность исторического опыта, его осмысления, научного обобщения. Отсюда же – и невероятная трудность проложить в реальной исторической обстановке оптимальную линию практического действия, в наибольшей мере соответствующую логике, сущности, закономерностям становления социализма,

Всё это означает возможность – притом не абстрактную, а реальную – несовпадения конкретных общественных действий, приёмов, решений, намерений с интересами и объективными закономерностями социалистиче-

ского строительства. Такие несовпадения принято называть ошибками, но, конечно же, не в том смысле, в котором говорят об ошибках человека, непреднамеренно нарушившего известные ему правила. В социалистическом строительстве таким правилом является историческое творчество масс. Если оно не нарушено, то уместнее говорить о неудачах, нежели об ошибках. Если же нарушено само это правило, то налицо не ошибка, а преступление, трагедия.

Под влиянием тех или иных воспроизводимых или достаточно длительно действующих причин отступления от приемлемых (допустимых) для социалистического строительства форм и методов исторического действия могут приобретать устойчивость, сами становиться фактором, формирующим конкретно-исторический облик общественных процессов. Происходит деформация этих процессов. При длительном воспроизведении деформации могут становиться привычными для массы, укореняются в сознании сначала многих, а затем и большинства людей как естественные, нормальные формы общественного бытия. В таких случаях деформации приобретают характер перерождений.

Теоретическое описание сущностных характеристик общественного строя (логическое) не приемлет сосуществования в рамках единой системы этих характеристик (законов и категорий) и деформированных и переродившихся отношений. Однако то, что в науке – эклектика, в жизни оказывается фактом, моментом реального движения. Адекватные природе социализма и деформированные (переродившиеся) процессы и отношения сосуществуют, противореча друг другу. Разумеется, подобного рода противоречия имеют свои стадии развития, кроме того многое в их реальном развёртывании зависит от ситуативных обстоятельств. Стадии и механизм развертывания общественных противоречий изучены всё ещё недостаточно, а противоречий адекватного и неадекватного (деформированного, переродившегося) – и того менее.

Прежде всего несомненно, что в *конечном счёте*

адекватное социализму и деформированное (тем более переродившееся) – антиподы, рождающие антагонизмы на уровне субъектных общественных отношений. Но это – в конечном счете, в качестве, так сказать, мины замедленного действия, в качестве постоянно действующей потенции общественных конфликтов. В текущем же моменте сосуществование потенциальных антагонизмов достаточно долгое время может быть и мирным. Разнообразие форм и динамизм реального движения позволяют деформациям и даже перерождениям как бы затеряться, избежать сопоставления с высшими критериями социалистичности, найти себе притупляющий внимание компенсатор. Словом, реакция отторжения не наступает немедленно, и деформация начинает свой путь к перерождению. Лишь с течением времени, уже укоренившись в сознании многих как естественное, привычное и объективно необходимое, завоевав себе тем самым поборников, деформация (перерождение) порождает и своих идеологов, и конкретные программы переделок адекватных общественному строю отношений. Наступает активная (агрессивная) стадия жизни деформации того или иного процесса (отношения). Пожалуй, здесь уместна аналогия со злокачественной опухолью, которая до поры не мешает организму, но в случае критических для него ситуаций проявляет агрессивность и губит его.

Известное число деформаций и перерождений отдельных сторон и процессов общественно-экономической жизни, по-видимому, постоянно имеется даже в самом здоровом обществе, строящем социализм и коммунизм. Весь вопрос в том, достигает ли круг чуждых социализму процессов и отношений опасной широты, становится ли их множество критическим. Это, во-первых. Во-вторых, крайне существенно, возникают ли в обществе обстоятельства, позволяющие хотя бы некоторым перерождениям стать агрессивными, активными. Активность даже некоторых перерождений подхлестывает остальные, помогает консолидации всего чуждого строю. И если «критическая масса» перерождений имелась в потенции, она может

превратиться в действительность. Так возникает деформация общественного строя, способная утвердиться в качестве привычной для массы, стать перерождением строя. Само собою разумеется, что происходит это не незаметно, а приводит в действие существующие и выдвигает новые общественные силы. Дело может доходить и до контрреволюции, в том числе и до гражданской войны.

Деформации и перерождения отдельных процессов неизбежно влекут за собою неиспользование внутренних потенций (преимуществ) социализма, своего рода недобор социалистичности. Это затормаживает, сдерживает развитие, порождает устойчивые узкие места, трудности, недоработки. Если деформации подвергается процесс, протекавший в формах и организуемый методами, адекватными социализму, то его перерождение означает частичную утрату завоеваний социализма. Деформация строя в целом означает реальную опасность утраты всех завоеваний социализма, а перерождение строя делает эту утрату фактом реальной истории.

Деформация строя может быть определена как особая фаза его развития, сущностные черты которой – утрата строем адекватных ему направленности и способов функционирования при сохранении приверженности строю ведущих, определяющих социальных сил. Деформация строя – это, по сути дела, состояние его кризиса, для разрешения которого должен быть сделан выбор: либо заменить деформированные отношения и формы их организации адекватными строю, либо принять сложившиеся деформации как общественно нормальные формы отношений. В первом случае происходит возвращение (переход) общества в русло прогрессивного развития, во втором – перерождение строя, его превращение в иной строй.

Деформация социализма чревата утратой завоеваний социализма (прежде всего исторического выбора, направленности развития), но процесс всё ещё остаётся обратимым, пока не произошло перерождение, пока массы трудящихся за социализм. Речь идёт при этом, конечно же, не о словах (словом «социализм» можно назвать что

угодно, вплоть до национал-социализма), а о действительно гуманистической направленности развития, осуществляемой гуманными средствами самим трудящимся народом. Перерождение может считаться свершившимся, когда трудящиеся массы приняли деформированный социализм за социализм и не видят подмены, не борются с ней. Различать деформацию социализма и его перерождение крайне важно, ибо это два разных качественных состояния общества, с разными законами движения, с разными социальными силами, с разными задачами и способами борьбы с ними за возвращение на путь прогресса и социализма.

Теория деформации социализма, его перерождения, к р и з и с а , выхода из деформации пока еще не разработана. Проблема поставлена, её исследование остро актуально.

Все типы деформаций социально-экономических отношений в обществе, строящем социализм, имеют объединяющее их отличительное свойство. Выделить его важно, чтобы рассмотрение конкретных деформаций не казалось топтанием на месте, а вскрывало бы формы проявления общей устойчивой причины.

Эта причина тесно связана с трудностями поворота общественного развития в новое историческое русло. Главная трудность социалистического строительства – преодолеть тенденции, веками сложившиеся и ставшие привычными для масс, вошедшие в общественное сознание, в сознание разных классов и социальных групп, наций, народов, в индивидуальное сознание. В тысячах, в миллионах конкретных экономических, культурных, социально-политических, нравственных явлений и процессов закреплено социальное неравенство, несвобода, отношения господства и подчинения. Даже сознание борцов с социальным неравенством несвободно от отражения веками сложившегося противостояния власть имущих и подчинявшихся этой власти. Усвоить суть революционного переворота, взятия власти самими трудящимися крайне сложно, если под этим усвоением понимать не только от-

странение от власти помещиков и капиталистов, но прежде всего практическое налаживание социалистического демократического государства как власти самого трудящегося народа. Массы некоторое время не умеют управлять, робеют управлять, ошибаются в своих попытках управлять; новые формы управления то отрицают ценное в опыте прежнего управления, то повторяют социально враждебное, воспроизводят то, с чем боролись революционные массы.

Есть только одна единственная возможность удержать верное направление социалистического строительства – это непрерывно расширять и углублять живое творчество трудового народа, удерживать его высокую политическую активность, преданность идеям и целям социалистической революции в их полном стратегическом объёме. Все без исключения деформации социализма (как деформации отдельных процессов и отношений, так и деформации строя в целом) имеют общее свойство – ослабление политической активности трудящихся масс вплоть до их политической пассивности. Именно высота и глубина революционного настроя трудящихся масс являются фактором, компенсирующим и превозмогающим все враждебные социализму тенденции, из какой бы сферы жизни общества они ни проистекали (от экономики до религии). Вот почему классификация деформаций есть не что иное, как классификация способов и форм отчуждения трудящихся от дела социалистического строительства.

Каковы основные пути, типы возникновения деформаций? Рассмотрим их, не вникая в различия деформаций, возникающих в процессе первоначального созидания социалистических форм общественной жизни и в процессе утраты социалистических завоеваний, т. е. в процессе замены адекватных социализму форм деформированными.

Два типа возникновения деформаций связаны с извращёнными представлениями о целях, с неумением поднять организацию практической деятельности, руководство ею на политический уровень и удерживать в рамках гуманистической социальной направленности.

Первый из них – принижение целей социалистического строительства, сведение их по преимуществу к экономическим или даже технико-экономическим. «Экономизм» на стадии разворачивания революционной борьбы пролетариата оборачивается, как не раз показывала история, неспособностью придать борьбе политический накал, поставить в центр борьбы стратегические интересы класса. Сходное с «экономизмом» понимание социальных процессов в условиях социалистического строительства выливается в гипертрофию задач экономического развития в ущерб другим сторонам общественного прогресса.

Деформация социализма, связанная с преувеличением и даже почти абсолютизацией экономических задач развития, исторически может возникать в обстановке решительной исторической победы пролетариата, но при отсутствии достаточного опыта ведения современного хозяйства. Вероятность деформации указанного типа возрастает, если действуют (все вместе или хотя бы некоторые) обстоятельства, усложняющие налаживание социалистического хозяйства на современной научно-технической основе. К ним относятся: отсталость хозяйства или его разрушенность, нехватка квалифицированных кадров и общий недостаточный уровень образования в стране, отказ интеллигенции включиться в социалистическое строительство, внешнее экономическое или политическое давление и т. п. В этих условиях возникает опасение утратить социалистические завоевания, стремление форсировать подведение экономической базы под новый политический строй.

Опасения и стремления такого рода отражают реальность переходного периода, его типичное противоречие. Если развитие идёт без деформаций, то противоречие разрешается в ходе всемерного экономического развития в самых разнообразных формах; гарантом же социалистической направленности общественного развития является укрепление политического союза пролетариата со всеми трудящимися. Дело обстоит так, что экономические формы приходится перестраивать, исходя из необхо-

димости упрочить политическое единство трудящихся. Новая экономическая политика, выработанная В. И. Лениным, – удачный конкретно-исторический замысел и опыт осуществления адекватного социализму социально-экономического развития. Главное в НЭПе, конечно же, не торговля, а «смычка» пролетариата и крестьянства.

Но стоит правящей партии удариться в панику перед лицом экономических сложностей, усомниться в том, что политическое единство и политическое движение трудящихся способны компенсировать и преодолеть эти сложности, – и возникает неизбежно гипертрофия экономических задач. И тогда уже не экономические формы меняются в соответствии с социально-политическими задачами, а наоборот, считается возможным как угодно изменить социально-политические формы общества ради быстрейшего преодоления экономических трудностей. Противопоставление экономического и социально-политиче-ского является абстрактной возможностью при развитии без деформаций, но если значение экономических задач гипертрофируется, возможность противопоставления не только становится реальной, но и реализуется. При этом разрушается главный социальный фактор, обеспечивающий социалистический характер развития, – политическая активность, готовность масс трудящихся строить и отстаивать социализм. Цели общества принижаются до задач экономического развития. Задача социального освобождения трудящихся, подъёма массы до высот активного исторического творчества подменяется задачей более полного удовлетворения потребностей народа, повышения производительности труда, наращивания производственного потенциала, ускорения научно-технического прогресса.

Идеологическим обоснованием деформации социализма, базирующейся на принижении целей социалистического строительства, является экономический материализм (экономический детерминизм).

Другой тип возникновения деформации социализма основывается на разрыве, противопоставлении целей со-

циалистического строительства и интересов человека, социальных групп трудящихся. При этом целям социалистического строительства придаётся некий абстрактно-возвышенный ореол, некое подавляющее человека величие, а также необъяснимое чудодействие в будущем. Цели и идеалы социализма изображаются настолько отстоящими от реальности, что требуется массовый героизм для их достижения, жертвенное служение им каждого человека, всего народа.

Исторической подоплёкой подобного взвинчивания энтузиазма, трудового подъёма является, как правило, стремление форсировать наращивание экономической базы, ресурсов, производственного потенциала. Рассматриваемая деформация, по сути дела, является логическим продолжением первой, основанной на принижении целей социалистического строительства. Действительно, сначала гипертрофия экономических задач, неизбежное при этом разрушение способности массы к активному историческому творчеству, затем стремление активизировать массу в одной сфере деятельности – в производственной, для этого применяется истерическое взвинчивание чувства долга, ответственности, провоцирование экстатического подъёма, восхваление жертвенного отношения к труду. Общее направление воздействий на трудящегося, на массы трудящихся при рассматриваемой деформации – одностороннее развёртывание их активности как активности только в сфере труда, производства. Под влиянием этого все остальные стороны общественного воздействия на трудящихся деформируются в максимизацию только производственной отдачи. Полнота общественной жизни прекращается.

Порочность деформации социализма, основанной на противопоставлении целей общества как высших ценностей интересам людей и социальных групп как низшим ценностям, состоит в забвении центральной идеи марксизма: «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Вместо этого принципа проводится в жизнь принцип «быстрейшее развитие всех – за счёт

развития каждого». Каждый человек, каждая социальная группа приносятся при этом в жертву якобы общему развитию, от них требуется эта жертва. На деле же общественные условия, создающиеся при такой деформации, не способствуют свободному развитию ни каждого, ни социальных групп, ни всех.

Деформация строя подготавливается нередко деформацией средств, применяемых в ходе социалистического строительства. Две разновидности деформации средств можно считать основными:

– подмена добровольного, сознательного, активного участия трудящихся в социалистическом строительстве по существу принудительным, недобровольным;

– допущение чуждых социализму явлений противозаконной деятельности, позволяющей нарушать принцип равноправия граждан, извлекать нетрудовые доходы, фактически эксплуатировать чужой труд.

Конкретными формами первой разновидности деформаций являются администрирование и командование, узурпация управляющими всех распорядительных функций, тотальная регламентация и запретительство, произвол, вседозволенность, неподсудность управляющих, фактическое бесправие, социальная разобщённость, запуганность и политическая пассивность управляемых, стандартизация форм жизни.

Вторая разновидность деформаций демонстрирует неспособность общества, ослабленного политической пассивностью масс, противостоять тенденциям, возвращающим развитие в прежнее историческое русло. Конкретными формами деформаций такого рода являются, с одной стороны, распространение паразитических и вообще асоциальных явлений, а с другой – организованная сначала нелегальная, затем полулегальная и легальная деятельность по присвоению чужого труда и соответствующая ей идеология (например, апология знатности происхождения, связей, потомственных привилегий, правомерности якобы должностных преимуществ, кастовости и т. п.).

Все конкретные деформации, сцепляясь друг с дру-

гом, образуют некую систему деформированных отношений, или деформацию социализма как общественного строя. Две разновидности деформации социализма можно считать основными:

– казарменная деформация социализма,

– экономическая деформация социализма.

Для казарменной деформации характерна узурпация власти управляющими и постепенное превращение управляющего слоя в особую господствующую касту. Трудящиеся массы при этом социально разобщены, политически пассивны, в обществе царят произвол, беззакония, демагогия, страх. Адекватная казарменной деформации тенденция перерождения – фашизация общества. Адекватная идеология – левацкий радикализм, беззастенчиво прикрываемый ортодоксальной марксистской фразеологией.

Экономической деформации социализма свойственно принижение политической деятельности и стратегических целей, преувеличение роли экономики в развитии общества, смещение критериев прогрессивности в сторону экономической эффективности, роста производительности труда. Культивируется идеология поэтапного прогресса: сначала создадим материальные предпосылки, затем будем решать задачи социалистического строительства. Адекватная этой деформации тенденция перерождения – реставрация эксплуататорского строя. Адекватная идеология – экономический детерминизм в понимании закономерностей общественного развития, сосуществующий с прагматизмом и волюнтаризмом в практических действиях.

Обе основные деформации социализма – не антиподы. Имея общую причину – снижение политической активности трудящихся масс, обе они способны сосуществовать, давая разнообразные гибридные состояния деформированного псевдосоциализма.

Выход из деформации, возвращение в русло прогрессивного социалистического развития возможны не иначе, как путём восстановления (притом не формально, не на словах, а на деле) политической активности трудя-

щихся масс.

Активизация масс должна при этом охватывать все сферы жизни общества, а не ограничиваться какой-либо одной. Это означает, что выход из деформации не приемлет формы кампании, выпячивающей какую-либо из проблем общественной жизни. Формы активизации могут быть самыми разными, но совершенно необходимо, чтобы само движение масс ко всё большей активности с самого начала и до конца было политическим движением. Адекватный периоду выхода из деформации социализма лозунг – демократизация, восстановление демократического централизма в его научном понимании. Целью является возвращение трудящегося народа к историческому творчеству. Не способны вывести из деформации никакие перемены, рассчитанные на сохранение деформированного типа управления, но модернизированного на демократический лад, приукрашенного псевдодемократическими институтами.

4. Что такое советский «реальный социализм»?

После апреля 1985 г. высшее руководство партии неоднократно применяло своеобразный приём поиска ближайших шагов перестройки. Выдвигался очередной общий лозунг, а его последующее содержательное формирование происходило после того, как снизу возникали своего рода «подсказы»: инициативы, предложения, идеи и т. п. Весьма характерно в свете использования такого приёма, что в разнообразнейших формах и вариантах страна подсказывает высшему руководству (по крайней мере с середины 1986 г.), что острейшей социальной и политической потребностью является переоценка прошлого исторического опыта. Руководство в основном воздерживается от такой переоценки, и это, на наш взгляд, является серьезным фактором, тормозящим развёртывание революции.

Мысль о том, что для серьёзной переоценки требуется фундаментальное исследование материала, – мысль

верная и бесспорная. Однако не надо недооценивать той работы, которая проведена в этом направлении после XX съезда КПСС за 30 лет. Период же 60-80-х годов может быть оценен на основании открытого обсуждения с фактами и документами в руках. Уже то, чем мы сейчас располагаем, позволяет пересмотреть представления о характере общественных процессов послеленинского периода. Это кардинально углубляет представления о существе исторического выбора, который советскому народу предстоит сделать на основании собственного понимания перестройки и отношения к ней.

Период 30-40-х годов имел самоназвание – сталинская эпоха. В 1953-1964 гг. были предприняты попытки (далеко не во всём последовательные) переоценить ряд процессов той эпохи, повернуть развитие страны в русло демократизации. С 1965 г. движение приняло в целом попятный характер, и к 70-м годам сложилась стабильная социально-экономическая система, называвшая себя по-новому – «реальный социализм». Сейчас этот термин заменён другим, но тоже мало отражающим специфику этой системы, – «период застоя». Сталинская эпоха и «реальный социализм» – последовательные фазы развития одной и той же общественной системы. На знамени перестройки написано: добиться достижения советским обществом нового качественного состояния. Но по сравнению с каким качественным состоянием оно будет новым? Каково старое, ныне существующее, исходное для перестройки (революции) качественное состояние советского общества? Именно этот вопрос, а не суд истории над деяниями Сталина и его соратников делает обращение к прошлому остро злободневным, практически неотложным, объективно неизбежным. Сталинскую эпоху можно было бы оставить без переоценки впредь до того, как кропотливые историки изучат её вдоль и поперек, если бы эта эпоха не была фазой возникновения того типа общества, который мы собираемся перестроить не как-нибудь, а радикально, революционным путём.

Бросается в глаза общее свойство идеологии ста-

линской эпохи и «реального социализма» – запретить научные оценки советского общества, запретить саму мысль о наличии каких-либо научных критериев соответствия или несоответствия реальности идеалам социализма, представлениям марксизма-ленинизма о социализме как обществе.

В 30-40-е годы, как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, «из теории и обществоведения ушли живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию.

Произошла своего рода абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества. Более того, подобные представления, по сути дела, отождествлялись с сущностными характеристиками социализма, рассматривались как неизменные и преподносились в качестве догм, не оставляющих места для объективного научного анализа. Сложился застывший образ социалистических производственных отношений...» [116]

После XX съезда КПСС, несмотря на категорический вроде бы запрет сомневаться в неизменности нашего общественного строя под влиянием отступлений от ленинизма в обстановке культа личности[117], советские обществоведы-марксисты проделали немалую работу, подготовившую переоценку исторического опыта СССР. Эта работа не подтвердила декларативного утверждения 1956 г., согласно которому «само собой разумелось», что речь могла идти *только о торможении развития, но не об уходе в сторону от правильного пути развития* к коммунизму[118].

---

[116] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М., 1987. С. 8.

[117] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. С. 210-211.

[118] «...Ошибки нанесли ущерб развитию отдельных сторон жизни Советского государства, тормозили, особенно в последние годы жизни И.В. Сталина, развитие советско-

В связи с этим начиная с конца 50-х годов в советском обществоведении восстанавливается определенная «раздвоенность сознания»[119]. Живая творческая марксистская мысль, подавленная ранее преследованиями, репрессиями и засилием апологетики и догматизма, возрождается с конца 50-х годов, хотя очень мало доходит до народа из-за всё ужесточающейся цензуры, официального насаждения единообразия мысли, оценок. Но всё же фактом является то, что научное, честное марксистско-ленинское обществоведение существует и борется с апологетическим вот уже около 30 лет, восприняв идеи и традиции из чистого истока – классических трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина.

Что касается обществоведения, продолжающего идеологию сталинской эпохи, то ему даны вполне ясные оценки в ряде документов и выступлений, начиная со Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук в 1986 г. Приведём одну из таких оценок:

«Спрос на общественную науку приобретал сугубо конъюнктурный характер, отчего и наука утрачивала свою действительную функцию.

Особенно заметными стали эти тенденции в 70-е годы, когда изучение живого, развивающегося социализма стало всё откровеннее подменяться надуманными формулами и схемами. Более того, под влиянием некритического отношения к застойным явлениям складывался и окостеневал целый комплекс воздействий, деформирующих движение творческой мысли.

В результате в 80-е годы мы вступили не только с серьёзными, хорошо известными сегодня практическими упущениями и просчетами, но и с теоретическим сознани-

---

го общества, но, само собой разумеется, не увели его в сторону от правильного пути развития к коммунизму» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. С. 211).

[119] ***Коммунист. 1987. № 8. С. 9.***

ем во многом ещё уровня 30-х годов»[120].

Следует учитывать, что продолжатели сталинской идеологии предприняли усилия для её модернизации. Одна из разновидностей модернизированного догматизма вызрела в 70-е годы на основе подмены научных марксистско-ленинских критериев прогрессивности, социалистичности развития сугубо прагматическими критериями. В этом случае, как и в первоначальной сталинской идеологии, с повестки дня решительно снимался вопрос об оценке сложившейся практики, о её совершенствовании по меркам социалистического идеала. На этом направлении модернизации сталинизма и возникла концепция так называемого реального социализма. Она основана на бездоказательном восприятии сложившегося порядка вещей как системы отношений, целиком и полностью отвечающей критериям социализма. Вопрос о возможных отклонениях от «правильного пути развития», о деформациях социально-экономических отношений такой постановкой решительно исключался из задач научного исследования и, соответственно, из круга идей общественного сознания[121].

---

[120] ***Там же. С. 8.***

[121] ***В редакционной статье «Социалистический идеал и реальный социализм» (Коммунист. 1979. № 11. С. 11-24) признавалась допустимость критического отношения к имеющимся недостаткам, к уровню уже достигнутого социалистического развития, его сопоставления с более отдалёнными целями и задачами. Тем не менее руководящей является идея о враждебности нашему делу попыток сопоставить социалистические идеалы и реальные отношения, сложившиеся в СССР. Всякие отклонения объясняются несовпадением исторического и логического, научного проекта будущего социального устройства и нынешнего его, во многом не завершённого состояния. Анализа того, выдерживается ли в нашем обществе должная социальная направленность развития, имеется ли должное соответствие между целями и средствами, в статье не только нет, но сама мысль о таком анализе***

Итак, идеология сталинской эпохи и идеология реального социализма отвергали научную оценку наличного состояния общественных отношений, объявляя его без всяких доказательств полностью соответствующим закономерностям социалистического строительства. Однако накопившиеся научно достоверные оценки и преданные гласности факты позволяют не только сомневаться в правомерности таких деклараций, но и дать иную оценку общественному строю, утвердившемуся в СССР в 30-40-е годы и продолжавшему в модифицированном виде существовать до недавнего времени. **Этот строй – *казарменная деформация социализма.***

Каковы основные аргументы, позволяющие сделать и отстаивать такой вывод?

1. В 30-е годы коренным образом изменилась политическая система СССР. Суть изменения – отчуждение трудящихся масс от политики. Революция в октябре 1917 г., последующая борьба за власть Советов активизировали трудящиеся массы до уровня политической активности. Было создано новое государство, сделавшее реально доступным для трудящихся участие в историческом творчестве. Важнейшие формы этого государства – система выборности в Советы, съезды Советов, открытое обсуждение общественных проблем и др. – были уничтожены. В период массовых репрессий народ практически лишился своих испытанных вожаков-комиссаров большевистского типа, бывших без преувеличения ключевыми фигурами диктатуры пролетариата и проведения в массах политической линии партии. Из политически активной масса трудящихся превратилась в политически пассивную и запуганную. Аппарат защиты революции планомерно трансформировался в командно-карательный аппарат, осуществивший не только необоснованные массовые репрессии в довоенные годы, но действовавший и в дальнейшем как

считается ревизионистской. Утверждения о необходимости демократизации и гуманизации социалистического строя объявляются демагогическими (с. 13).

командно-карательный.

Система выборов в Советы претерпела коренные изменения, превратилась фактически в систему назначений депутатов при бессодержательной избирательной кампании и покорном голосовании масс. Решающую роль в функционировании Советов стал играть исполнительный аппарат, а не депутаты.

Законность нарушилась, правопорядок ослаб. Роль судебной власти была сведена практически на нет. И не случайно. Судебная деятельность предполагает равноправие сторон, возможность защищать права и свободы. Но как раз принцип равенства перед законом управляющих и управляемых, всех граждан был решительно нарушен, заменился произволом и беззаконием. Все это отмечено в решениях партии, оценивающих процессы периода культа личности.

В регулировании общественных отношений закон утратил решающую роль, уступив ее прямой запрещающей или разрешающей властной деятельности. Исчезла как таковая категория дозволительных действий. Запрещённым стало считаться всё, что прямо не разрешено. Инициатива, самодеятельность, любые свободы оказались под запретом. В состав норм стала включаться презумпция виновности.

К выполнению командно-карательных функций активным образом была подключена пресса, не обслуживавшая более конституционной свободы слова граждан. Свобода слова была узурпирована, точно так же, как и многие другие конституционные свободы.

2. Коренным образом изменилась социальная политика.

Союз рабочих и крестьян серьёзным образом изменился по содержанию в связи с насильственно-репрессивными методами коллективизации. К концу 40-х годов крестьянство оказалось в бедственном материальном положении и притом лишённым ряда элементарных гражданских прав и свобод (достаточно сказать, что паспорта были выданы всем колхозникам немногим более 10 лет

назад).

Интеллигенция, особенно творческая, и в довоенное, и в послевоенное время регулярно подвергалась проработкам и запугиванию.

Вместо поставленной В.И. Лениным задачи активного освоения всего культурного богатства, созданного человечеством, в сталинскую эпоху решалась задача культурной изоляции советского народа от остального мира, собственное культурное наследие подверглось опустошительной чистке, в результате чего масса была переведена на обеднённый набор разрешённых культурных ценностей.

Большой ущерб нанесла сталинская эпоха межнациональным отношениям. Народы СССР были фактически лишены права на самоопределение, многие национальные меньшинства – возможности развития своих национальных культур на основах равноправия и взаимообогащения с культурами больших народов. Нарочитое подчёркивание национальных различий сочеталось с фактической экспансией мертвящего единообразия и шаблонизации в формах жизни.

В недемократических условиях развитие национального самосознания и национальных культур неизбежно стало приобретать извращённые формы. Репрессиям подверглись целые относительно малые народы и национальные культуры, и – что не менее показательно – эта социальная несправедливость не была воспринята большими народами как несправедливость. С течением времени стали полулегальными и уже принимались массовым сознанием без протеста дискриминационные подходы и нормы по национальному признаку. Интернационализм размывался и подрывался как норма образа жизни и как непременный принцип государственной деятельности.

Сближение социально-экономического положения разных социальных групп, слоёв, классов, наций и народностей, населяющих страну, трудно доказать, а такое сближение – один из критериев социалистического характера фактически осуществляемой социальной политики.

3. Экономическая система реформирована к началу 30-х годов весьма радикально. Перераспределены функции между уровнями управления, в результате чего резко возросла централизованность решений, трудовые коллективы на деле лишились хозяйственной самостоятельности. Хозрасчёт превратился в формальный. Возобладали командно-нажимные методы управления, централизм практически перестал быть демократическим.

Ключевая характеристика социалистического строительства – нарастание степени социальной свободы – при нормальном развитии проявляется на политическом уровне отношений в форме последовательной, неуклонной демократизации в обществе, в форме непременно демократического характера укрепляющегося централизма (не путать с централизованностью решений!). В обстановке сталинской эпохи имели место процессы совершенно иной направленности. Централизм, утратив демократический характер в силу отторжения народных масс от политической деятельности, трансформировался в диктат центральных органов управления. Критерием социалистичности была объявлена степень обобществления производства, понимаемая сугубо экономически – как концентрация и централизация производства. Категория социалистической собственности была преобразована в категорию собственности на средства производства, причём её доминирующим содержательным моментом стала степень концентрации и централизации производства. Аспекты социальной целесообразности, социальной направленности и социальной эффективности были отсечены от проблем собственности, а тем самым от проблем организации хозяйства. Возобладал узкоэкономический подход и с ним апология казарменного «порядка», суть которого – единообразие, стандартизация.

4. Кардинально переменилось положение человека в производстве и обществе.

Октябрьская революция открыла реальные возможности закрепить освобождение от эксплуатации в виде организации хозяйства на принципах демократического

централизма, что обеспечивает становление нового отношения человека к труду – добровольного, сознательного отношения. Добровольная и сознательная дисциплина, инициатива и предприимчивость в интересах общества (т. е. нового социалистического типа), гармония моральной, материальной и творческой заинтересованности в труде – всё это формы победы добровольности над принудительностью, свидетельства становления трудящегося нового типа и нового добровольно-трудового образа жизни народа. Развитие в этом направлении было, однако, прервано в сталинскую эпоху. К человеку стали относиться как к средству решения отчуждённых от него якобы общественных задач. Возобладали методы принуждения, дошедшие в предвоенные годы до лишения ряда существенных трудовых и гражданских прав даже работающих не под арестом. Массы репрессированных честных советских людей были фактически обречены на рабский труд. Когда вдохновенно пишут о трудовом подъёме в довоенные пятилетки, почему-то не вспоминают, что этот подъём касался оставшихся на свободе и отвернувшихся от вчерашних товарищей, объявленных «врагами народа». Там, где принуждение, там и рецидивы рабской морали.

Развитию личности сталинская эпоха определяла весьма зауженный горизонт. Система просвещения, образования и культурного обслуживания была рассчитана на стандартизацию интересов. Уровень преподавания гуманитарных знаний заужен, доля специалистов гуманитарного профиля недостаточна. Заметным явлением была технизация и милитаризация массового сознания. Общественная деятельность разрешалась в заранее установленных формах, при этом она всё более и более регламентировалась, шаблонизировалась,

5. Идеология сталинской эпохи по всем важнейшим положениям отходила от ленинизма, сохраняя (правда, в примитивизированном виде) марксистско-ленинское фразеологическое оформление. Была сформирована догматика сталинизма, основанная на эклектической помеси экономического материализма, прагматизма и авторитар-

ности ницшеанского толка. Естественно, что такое «развитие» ленинизма, да ещё при крайней вульгаризации исходных идейных корней, несовместимо с диалектикой. Методология сталинской идеологии метафизична.

Идеология сталинизма была позднее положена в основу маоизма.

Оценивая советское общество 30-40-х годов, нельзя односторонне предъявлять в качестве признака прогрессивности процессов того времени быстрые темпы роста экономики, строительство новых заводов, городов, ликвидацию неграмотности и ускоренное создание армии специалистов. Эти достижения в приумножении экономического потенциала могут быть точно оценены лишь в единстве с деформациями общественных отношений.

Энергичные действия по превращению советского общества в казарменное были заторможены в обстановке смертельной опасности для существования страны. «..,Были определённые периоды, например, в годы войны, когда единоличные действия Сталина резко ограничивались, когда существенно ослаблялись отрицательные последствия беззаконий, произвола и т. д. Известно, что именно в период войны члены ЦК, также выдающиеся советские военачальники взяли в свои руки определённые участки деятельности в тылу и на фронте, самостоятельно принимали решения и своей организаторской, политической, хозяйственной и военной работой, вместе с местными партийными и советскими организациями обеспечивали победу советского народа в войне. После победы отрицательные последствия культа личности вновь стали сказываться с большой силой» [122].

Такой подход к оценке причин победы над фашизмом глубоко оправдан: советский народ победил *не благодаря* сталинским отступлениям от демократии и социализма (что как бы оправдывало такое отступление в особых исторических условиях), а *вопреки этим отступле-*

---

[122] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7, С. 208.

ниям, компенсировав ослабление общества, вызванное этими отступлениями, большими жертвами. Такой подход согласуется и с фактами возобновления репрессий после войны, с фактами жестокостей, призванных восстановить и укрепить казарменный «порядок».

Почему применительно к сталинской эпохе мы говорим о деформации социализма, а не о его перерождении? Ведь деформированная в казарменном духе система политических, социальных, экономических, духовных отношений составила стройную законченную систему. Её живучесть, внутренняя стройность проявляется до сих пор в форме бескомпромиссного сопротивления любым попыткам расшатать её демократизацией, оплодотворить элементами прогрессивных хозяйственных и организационных нововведений, гуманизировать духовную жизнь, обогатить культуру. Однако несмотря на свою стройность, цельность, казарменная деформация не сумела до конца вытеснить из сознания трудящихся стремление к социализму. Прикрытие марксистской фразой, ленинской фразой отступлений от марксизма-ленинизма на деле облегчало руководство массами в сталинскую эпоху. Но это же и оставляло в сознании масс идеалы социализма как наивысшие ценности.

1953-1964 гг. подтвердили такое понимание. Попытки «десталинизации» общественной жизни, шаги к демократизации встретили поддержку народа (при активном сопротивлении приверженцев сталинизма). Эти годы прочно вошли в общественное сознание как период социально-политической оттепели. Значит, народ не склонен был дорожить отступлениями от ленинизма, от социалистической демократии, был за социализм без этих отступлений. Этим обстоятельством и подтверждается деформация в отличие от перерождения.

Стержневой антагонизм казарменной деформации социализма – антагонизм между командно-карательной системой управления и народом, сохраняющим приверженность идеалам и целям гуманизма, справедливости, социального равенства, интернационализма, добра и ми-

ра. Казарменная деформация социализма и социализм – это, конечно же, совершенно разные общества. Характеризуя состояние советского общества как деформацию социализма, мы тем самым фиксируем его координаты в историческом процессе: фиксируем, во-первых, что идеи социализма, хотя и овладели массовым сознанием, не были воплощены в жизнь, общество отклонилось от социалистического пути; фиксируем, во-вторых, что состояние общества позволяет перейти (или вернуться) в русло социалистического развития, ибо трудящиеся массы всё ещё не утратили приверженность социалистическим по своему характеру идеалам.

Ныне выдвигаются самые разные определения советского общества, оспаривающие его тождество социализму, – государственный капитализм, военно-феодальный строй, феодально-бюрократический строй, «административная система» и т. д. Все они, на наш взгляд, неудовлетворительны потому, что не отражают важной для понимания этого общества специфики его возникновения (казарменная деформация именно социализма, а не капитализма или феодализма) и не фиксируют перспективы его возврата в русло прогресса (казарменная деформация общества, а не его окончательное казарменное перерождение, необратимая утрата исходной траектории развития).

Своеобразную позицию занял Ю.Н. Афанасьев, заявивший следующее: «Я не считаю созданное у нас общество социалистическим, хотя бы и деформированным»[123]

Нам представляется, что позиция Ю.Н. Афанасьева сильна своей осторожностью: учёный констатирует только негативную оценку (чем не является наше общество), но эта оценка исключительно важна. Камнем преткновения множества попыток определить историческое место современного советского общества является именно оценка его как несоциалистического. Сколько-нибудь аргументи-

---

[123] Афанасьев Ю.Н. Ответы историка. // Правда, 1988, 26 июля.

рованные попытки из числа опубликованных, как правило, избегают такого категорического финала. Могут называть сложившийся строй очень обидными наименованиями, но при этом не противопоставляют его социализму. А в этом противопоставлении – основная сила научного вывода, его главное практически-политическое значение. Конечно, Ю.Н. Афанасьев ушёл от вопроса, чем именно является советский общественный строй. Но этот недостаток не зачеркивает достоинств его позиции. Чтобы позитивно ответить на вопрос о характере современного советского строя, требуется существенное развитие марксистских представлений о типах обществ, об общественно-экономических формациях.

Принято считать, что традиционная для марксистов типизация формаций (первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодализм, капитализм, коммунистическая формация) произведена по признаку характера собственности на средства производства. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не так. В зависимости от характера собственности на средства производства (частная, общественная) различаются формации эксплуататорские и неэксплуататорские. Для классификации же эксплуататорских формаций фактически используется, хотя многие этого не замечают, другой признак — тип отношений по поводу всех средств и условий общественного развития. Существеннейшим из таких условий является мера свободы трудящихся в обществе (свободы их развития и социального поведения). Она качественно разная у раба, крепостного крестьянина, наёмного работника. Кстати, различие социализма и полного коммунизма по этому признаку – по степени реальной свободы личности — определяет правомерность и необходимость считать социализм самостоятельной общественно-экономической формацией неэксплуататорского типа, первой из формаций в рамках коммунистической эры.

Степень свободы личности в обществах с социально-экономическим неравенством людей однозначно связана со спецификой организации политических (социаль-

но-групповых) отношений, т. е. со спецификой доминирующих способов обеспечения целостности, единства общества. Этот признак, положенный в основу классификации общественных формаций, позволяет говорить о двух противоположных их типах, известных истории: классово-демократических и казарменно-кастовых (диктатурных). Демократии соответствует обеспечение единства и качественного своеобразия общества на основе согласования противоречивых общественных интересов, диктатуре – на основе подавления интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы (касты). При этом на базе экономической эксплуатации может произрастать как демократическая организация общества, так и диктатура, казарменная его организация. В то же время диктатуре на уровне экономических отношений адекватна именно эксплуатация. Причём отчуждение трудящихся от средств производства может выступать следствием их отчуждения от власти и управления, т. е. следствием диктатуры, и условием ее устойчивого закрепления, воспроизведения.

Общество, утвердившееся в СССР в сталинскую эпоху, относится к формациям диктатурного (казарменно-кастового) типа. К этому же типу следует отнести и многочисленные режимы диктатуры, то и дело возникающие в XX в. на базе частнокапиталистической или докапиталистической собственности и в Европе, и в Азии, и в Латинской Америке. Казарменная деформация социализма, казарменная деформация капитализма – в этих терминах слова «социализм», «капитализм» указывают лишь на специфику конкретно-исторических обстоятельств возникновения казарменного общества, но не на различия в системе присущих им общественных отношений. Ибо главное в этих формациях однотипно – монополизация власти и управления кастово обособившимся слоем, взамодействие правящей касты с народом на основе игнорирования его интересов, стандартизации условий и форм жизни, прямого подавления, насилия, принуждения.

В современных казарменных обществах органиче-

ски переплетаются отношения господства-подчинения, подобные ранее известным (рабству, крепостничеству), с новыми скрытыми и откровенно антигуманными способами экономического и внеэкономического принуждения. Способность казарменных обществ воспроизводить старые формы уравнивания трудящихся в их несвободе, бесправии, нищете и социальной пассивности побуждает впрямую отождествлять их с какими-либо из прежних общественно-экономических формаций. Чаще всего в такую ошибку впадают обществоведы, зараженные европоцентризмом. Они грешат тем, что пытаются «втиснуть» разнообразие общественных формаций, сложность исторического процесса в схемы, порожденные обобщением исторического пути, пройденного Европой. Отсюда и появляются такие определения обществ современного советского типа, как «государственный капитализм», «военно-феодальный строй» и т. п. ***Казарменная деформация социализма*** – вот, по нашему убеждению, ***точное определение специфики этого строя.***

Часто спрашивают, правомерно ли говорить о казарменной деформации социализма, если не доказано, что советское общество в какой-либо из периодов своего существования полностью отвечало критериям социалистичности. Наша позиция на этот счёт такова: не только правомерно, но и необходимо. Без учета состояния общественного сознания (причём и массового, народного и сознания правящих слоёв) нельзя понять специфику функционирования этого общества, логику взаимодействия действующих в нём социальных сил, взаимосвязь базиса и надстройки, перспективы возвращения в русло прогресса. Существенно важно для понимания современного советского общества, что часть населения действительно считает его социалистическим, а борьбу за его радикальное изменение воспринимает как борьбу с социализмом. Важно также и то, что многие конкретные формы организации жизни в этом обществе носят причудливый характер именно потому, что возникли в результате бесперспективных попыток реализовать какие-либо из принципов демократии

и социализма в обстановке доминирования, всеохватности диктатурных механизмов власти и управления. В итоге под прикрытием псевдодемократических и псевдосоциалистических форм происходит совершенствование, модернизация, усложнение казарменных, командно-карательных механизмов.

Период «реального социализма» (конец 60-х – середина 80-х годов) стал фазой модернизации казарменной деформации. Ни один из существенных признаков такой деформации в этот период не утрачен, но формы их проявления смягчились, утратили свой доведенный до крайности вид. Попытки демократизации, предпринятые в 1953-1964 гг., прекратились, сменились постепенными, но последовательными попятными движениями, а в 1983 г. наблюдались рецидивы запугивания массы, урезание прав и свобод.

В обстановке «реального социализма» сделаны определённые шаги к перерождению. Ряд фактов, подтверждающих эту оценку, приведён на XXVII съезде КПСС, на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, стал достоянием гласности в 1985-1988 гг. В послесталинский период сложились специфические компенсационные механизмы (извлечение так называемых нетрудовых доходов, теневая экономика), с помощью которых население приспособилось к жизни в условиях отсутствия должных прав и свобод, насильственного ограничения сферы законного действия рыночных механизмов, сословно-кастового принципа распределения благ. Стихийно осуществляемые компенсации, став постепенно нормой поведения многих, привели к загниванию общества, к разложению нравов, к появлению деклассированных слоёв. На этой базе нарастала организованная преступность, деморализация, иждивенчество, алкоголизм, наркомания, асоциальные субкультуры. В 70-е годы сформировалось молодое поколение, многим представителям которого свойственны пониженная социальная ответственность, расчёт на скидку и льготы, двуличность. Декларации о социализме восприняты ими не как реальные идеалы, а как правила карьерной

игры, приспособленчества, в результате чего мотивы повседневного поведения, моральные нормы, цели жизни складываются у многих вне всякой связи с абстрактными для них идеалами социализма.

5. Четыре главных «сценария будущего» для СССР

Функционирование, преодоление или укрепление казарменной деформации в современных условиях и облегчилось, и затруднилось в сравнении с обстановкой 50-60-х годов. Ослабла, ушла из жизни, состарилась или модернизировалась, потеряла посты и «поддержку» когорта активных защитников сталинизма, лично причастных *к* становлению командно-карательных методов руководства, к осуществлению беззаконий, произвола, массовых репрессии. Под влиянием оттепели 50--60-х годов прояснилось кое-что в сознании массы трудящихся. Поднялся уровень гуманитарной науки и культуры, стала восстанавливаться гуманистическая и марксистско-ленинская традиция. Неэффективная практика хозяйствования, отставание в решении социальных вопросов, недемократические формы общественной жизни убеждают многих людей в необходимости решительных перемен именно в системе в целом, а не только в локальных масштабах. Расхождение пропагандистских фраз и реального дела раздражает теперь уже большинство советских людей, не остаётся скрытым от внимания и оценки большинства, как в 30- 40-е годы.

Одновременно с развитием социально-политического сознания шёл и принёс свои плоды иной процесс. Многие так устали в годы застоя от так называемой «стабильности» во всех сферах жизни, что потеряли надежду на какие-либо серьёзные перемены. Упрочилась боязнь нового на производстве, в общественной жизни, в быту. Пассивность стала предпочтительной линией поведения для многих. Наконец, как уже было сказано, выросло много молодых людей с раздвоением сознания, морали. Так они приспособились к наличным общественным условиям,

в незыблемости которых с детства убеждает их «розовый свет» официальной пропаганды.

Период «реального социализма» сформировал четыре основных идейных представления о путях дальнейшего развития советского общества. Одно из них основано на желании улучшить дела, ничего не меняя, т. е. на нежелании замечать реальные проблемы, на безответственном в сущности отношении к судьбам страны и народа. Практика юбилейных самопоздравлений 70-80-х годов, курс на поддержание в народе хорошего бодрого настроения путём замалчивания проблем, фактов, событий, запрещения новых идей, раздвоение сознания, намеренная глухота к постановкам, проникнутым ответственностью за судьбы страны, аппаратная суета по подготовке и изданию массы постановлений и решений и т. д, – всё это формы существования и действия идеологии, рассчитанной на горизонт сегодняшнего дня. Плоды этой идеологии – реальные шаги к перерождению как отдельных процессов жизни общества, так и строя в целом. Бесперспективность продолжения дел на основе принципов, сформировавшихся в 70-80-е годы, почти очевидна. Но ведь вся эта политика и идеология и не была рассчитана на перспективу. Иначе она не была бы политикой и идеологией политической безответственности.

Три другие идеологии реально имеющиеся теперь в нашем обществе, исходят из необходимости решительных перемен.

Первая провозглашает необходимость «навести порядок в стране», это её ключевой лозунг. Правда, в стране нет сейчас открыто анархистского движения, идеи анархизма не пользуются поддержкой в народе и не являются существенным фактором общественного массового сознания. Поэтому никто не возражает, что порядок навести следует, всем ясно, что порядок лучше беспорядка. Вот почему правильно понять существо идеологии, козыряющей необходимостью «навести порядок в стране», можно, лишь вникнув в характер способов, предлагаемых для наведения порядка, и в содержательные характери-

стики порядка, который предлагается навести. По этим признакам сторонники «наведения порядка» различаются.

Ядро, отстаивающее «наведение порядка» как самостоятельную программу дальнейшего развития страны, придерживается таких представлений о порядке, которые совпадают с идеологией «казарменного социализма». Нередко образцом порядка прямо объявляется сталинская эпоха, а сталинские методы признаются закономерными, оправданными. При этом одни считают их оправданными всегда, в любых условиях, другие полагают, что сталинские методы оправданы в условиях трудностей. Указывается, что сейчас как раз время трудностей (чрезвычайные будто бы сложности с обеспечением продовольствием, расстройство денежного обращения, угроза стать третьестепенной страной в мире, необходимость преодолеть отставание от передовых капиталистических стран в технике, сделать рывок и т. п.).

Отмеченная программа с любыми её нюансами есть программа реанимации сталинизма, его реставрации в формах, близких к первоначальным. Осуществление такой программы стало бы завершающим шагом от деформации социализма к окончательному казарменному перерождению строя. Нам представляется, что, продержись казарменная деформация с её фразеологией ещё одно-два поколения, и не будет уже у народа ни веры в социализм, ни представлений о нём как о гуманном, свободном и справедливом обществе, не из кого будет формироваться реально значимым силам действительно социалистической ориентации. Поразительно, что многие люди самых разных возрастов и самой разной гуманитарной грамотности уверенно и легкомысленно оптимистически говорят одно и то же: возврат к сталинизму невозможен. Видимо, они считают, что публичное осуждение культа личности И.В. Сталина и злодеяний сталинского времени положило конец сталинизму, отступлениям от логики, от духа социалистического развития. Здесь двойная ошибка.

Во-первых, И.В. Сталин и сталинизм как общественная система – не одно и то же. Созданная при Ста-

лине социально-политическая, и экономическая система после его смерти функционирует вот уже 35 лет и демонстрирует огромный запас прочности. Она чутко улавливает малейшую опасность для своего существования, жестоко карает даже самые компромиссные попытки реформирования, начисто отторгает встраивание в себя «генов» иных общественных отношений, складывающихся в ходе разных экспериментов, заимствований полезного опыта, иных инноваций. Так что вопрос о возврате к сталинизму по сути дела и не стоит: он здесь, вокруг нас, в наших писаных и неписаных законах, в наших традициях, идеологии и морали, а то новое, что быстро и прочно приживается, скроено по лекалам сталинизма.

Конечно, когда говорят о невозможности возврата к сталинизму, имеют в виду прежде всего массовые репрессии, другие крайние формы принуждения. Но это вторая ошибка. Использование таких форм – всё ещё вполне реальная возможность. Эта возможность напрямую связана с одним из вариантов будущего советской общественной системы. Настроения такой реставрации существуют сегодня в разных слоях общества.

Реставрация сталинизма в его жестоких формах не даст, конечно, выхода из кризиса, но создаст временную видимость его преодоления. Сделав следующий шаг по пути кастового расслоения нашего общества, усугубив принудительность через острастку и наказания, возобновив селекцию элитных групп в ключевых сферах деятельности, можно приподнять экономическую эффективность, притормозить рост благосостояния и тем самым получить новые ресурсы для удержания сильной позиции в мире. Реанимация сталинизма – сегодня главная, по существу, смертельная опасность для нашей страны и для всего человечества.

Методы «наведения порядка» в 1983 г. были ярким образцом апробирования идеологии реставрации сталинизма. Аналогичные попытки возобновились в условиях размежевания социальных сил накануне и после XIX партийной конференции.

Тонкая разновидность неосталинизма – попытки активизировать хунвейбиновские настроения среди молодёжи и у люмпенизированной части рабочих, крестьян и интеллигенции. Цель таких попыток – создать социальную силу восстановления авторитарной власти, подменить активизацию трудящихся масс сколачиванием актива для удержания массы в повиновении.

Вторая реально существующая сейчас в СССР идеология будущего отталкивается от проблем хозяйства, от необходимости повысить экономическую эффективность, достичь сбалансированности, улучшить снабжение населения товарами и услугами. Действительно, всё это необходимо сделать. Но как и в какой связи с социальной стороной общественного развития? Рассматриваемая идеология тяготеет к мысли, что экономические проблемы могут быть решены независимо от того, что и как будет делаться в социальной, духовной и политической сферах. Пусть партия займется идеологией и политикой, а хозяйственникам даст «карт-бланш» для выведения экономики из кризисного (или предкризисного) состояния. Более того, полагают, что демократизация невозможна до того, как будет внедрен полный хозрасчёт, самофинансирование, самоокупаемость и т. п. Получается, сначала перестройка в экономике, потом – в других сферах жизни общества.

Из таких подходов вытекает, что временно, в качестве маневра вполне допустимо использовать для улучшения дел в экономике и такие пути и способы, которые в дальнейшем, при перестройке в политической, социальной, духовной сферах могут быть отменены как неподходящие для социализма. Например, маленькая безработица или такой семейный подряд, в котором нарушаются социальные права и интересы детей и подростков. Особенно популярно артельное начало, рекомендуемое там, где нынешняя плохая организация неспособна обеспечить должной эффективности, а артель может активизировать людей возможностью большего заработка, который достигается за счёт резкого (притом на добровольной основе) увеличения рабочего дня, ввести солидарную материаль-

ную ответственность, переложить весь хозяйственный риск на плечи трудящихся. Имеются и другие рекомендации, тяготеющие к своего рода «отделению трудового коллектива от государства», к замене государственной юрисдикции в хозяйстве групповой юрисдикцией. Если концепция хозяйственного самоуправления начинает наполняться подобными содержательными идеями, то она неизбежно противопоставляется концепции всякого централизма в управлении хозяйством, в том числе и демократического, хотя по замыслу её авторов концепция самоуправления призвана противостоять идеям и практике командно-казарменного централизма.

Хозяйственники, усвоившие в застойные годы допустимость нарушений хозяйственной, технологической, плановой дисциплины, вкусившие безнаказанность за своевольные интерпретации решений и указаний, изощрённые в обоснованиях объективных причин для получения поблажек, тяготеют к противопоставлению «моего завода», «моего министерства», «моей области или района» всему народному хозяйству. И среди учёных-эконо-мистов появляются идеологи сугубо хозяйственного, по сути дела прагматического подхода к определению перспектив и смысла перестройки.

В военной промышленности и в обслуживающей её науке прагматические подходы к определению будущего, по-видимому, особенно сильны. Свято веря в вечную приоритетность своих отраслей, они требуют улучшения дел в остальном хозяйстве всё равно какими методами, лишь бы немедленно.

Прагматический подход к перестройке представляет собою как бы компромиссный её вариант. Компромисс достигается в форме политической и экономической либерализации, суть которой – в смягчении форм и методов командно-карательной власти, расширении возможностей самостоятельного принятия хозяйственных решений, легализации некоторых из действий хозяйственников, освоенных ими в застойное время в явочном порядке, и т. п.

Шансы на реализацию прагматического подхода к

выбору варианта дальнейшего развития страны весьма высоки именно в силу компромиссного его характера. Однако компромисс более самостоятельных хозяйственников и более либеральных партийно-политических властей неизбежно достигался бы за счёт трудящихся, их прав и свобод. Вся демократизация здесь сводится к разделению командно-карательной власти на политическую и экономическую зоны, но при их теснейшем сотрудничестве.

Либерально-прагматический вариант выхода из современного состояния казарменной деформации кажется многим трудящимся естественным и разумным, ибо рост эффективности сулит им рост благосостояния. При этом забываются уроки борьбы с «экономизмом», ускользает из внимания, что без политических завоеваний никакие экономические улучшения не могут быть ни существенными, ни устойчивыми. Рациональное хозяйствование, возможно, смягчит произвол, потребует ограничения его законом. Однако нет никаких гарантий демократичности законов, разработанных и принятых начальниками-прагматиками.

Переход от казарменной деформации социализма к буржуазной демократии – одно из абстрактно возможных эволюционных продолжений прагматической линии, так сказать, логическая её тенденция. Её реальное осуществление было бы лучшим из вариантов будущего в рамках этой линии. Однако командно-карательная система вряд ли допустит прямую эволюцию в сторону демократии даже в её буржуазных формах. Либерализм прагматического подхода обернётся на деле лишь переходом от казарменной деформации социализма к тоталитаризму всё более открыто буржуазного толка. Приходится констатировать, что именно этот вариант прагматизма является в сложившихся условиях реально вероятным.

Для либералов-прагматиков так же, как и для сталинистов (и неосталинистов), неприемлема политическая активизация масс. Пределы рекомендуемой активизации, по существу, совпадают у тех и других и сводятся к активизации человека на производстве. При этом сталинисты хотели бы восстановить жертвенное отношение к труду,

обеспечить непосредственное служение интересам общества при помощи «завинчивания гаек», запугивания. Либералы-прагматики рассчитывают решить проблему активизации трудящихся на производстве воспитанием «чувства хозяина» вне связи с чувством политической ответственности за судьбу народа, страны.

Идеология реставрации сталинизма и идеология прагматизма так же, как и идеология безответственного отношения к будущему страны, прекрасно уживаются с технократическим подходом к общественным проблемам и с милитаризацией сознания, Все они приемлют манипулирование личностью трудящегося ради решения производственных задач и склонны требовать от человека приспособления к научно-техническому прогрессу. Гуманизм либо чужд этим идеологиям, либо они безразличны к проблемам гуманизма и социальной справедливости, считая все это сантиментами, голой пропагандой, демагогией, в лучшем случае – заботами далёкого будущего.

Третья идеология из числа рассчитанных на коренные перемены ради устойчивых улучшений состояния дел в стране – это идеология перестройки, понимаемой как социальная антиказарменная революция. На наш взгляд, это единственная идеология, указывающая стране и народу путь к действительному прогрессу, путь к гуманизации общественных отношений, к социалистической демократии.

Основное противоречие казарменной деформации социализма носит непримиримый, антагонистический характер. И поэтому разрешить его радикальным образом может только социальная революция. Этот единственно правильный, революционный путь – он и самый трудный для практического осуществления. Но он реален, он осуществим.

6. Цель антиказарменной революции в СССР

Верно определить цель социальной революции – это значит зафиксировать суть объективно назревшего и

реально осуществимого радикального, коренного перелома в общественном развитии, строго очертить роль данной революции в историческом процессе. Цель революции – главное в определении её характера, её конкретно-исторической специфики.

Политически заострённой и научно точной формулировкой цели назревшей в СССР революции является ликвидация казарменной деформации социализма, переход в русло прогрессивного социалистического развития.

Эта формулировка предполагает наличие в СССР именно деформации, а не перерождения социализма, т. е. предполагает, что общественное (массовое) сознание всё ещё удерживает социалистические по своему содержанию (а не по названию) ценности и идеалы. Если бы конкретно-исторический анализ обнаружил, что во всех основных социальных слоях населения господствующей идеологией является несоциалистическая, то практическая установка на революционный переход в русло социализма была бы политической провокацией и авантюрой. Тогда на повестку дня следовало бы поставить иные задачи – задачи кропотливого формирования субъективных предпосылок социализма, в том числе разъяснение народу истинного его положения и ситуации (состояния дел) в стране, пропаганду идей и целей демократии, гуманизма, научного коммунизма.

Выход из казарменной деформации социализма, возвращение в русло социалистического прогресса – это такая формула, которая достаточно строго, а не расплывчато характеризует состояние общества до и после осуществления революции и, следовательно, точно выражает её социальную специфику и историческую роль.

Целевая установка на ликвидацию казарменной деформации социализма характеризует суть революции, так сказать, негативно, т. е. указывает, от какого состояния общество должно уйти. Эта установка позволяет окончательно отказаться от таких терминов для обозначения современного состояния советского общества, которые мало что проясняют в причинах, необходимости и содержании

революции.

Целевая установка на переход в русло прогрессивного социалистического развития характеризует суть революции в позитивном отношении, т. е. указывает, к какому состоянию общество должно прийти в результате революции.

Рассмотрим, как постепенно вызревала и вызревает политически радикальная формулировка цели революции (перестройки) в СССР.

В новой редакции Программы КПСС современное состояние советского общества определено как начало развитого социализма («страна вступила в этап развитого социализма»), При этом в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии было указано как на позитивную роль тезиса о развитом социализме, так и на апологетические спекуляции в его трактовке применительно к СССР. В то же время на съезде было впрямую сказано о наличии «неблагоприятных тенденций в экономике и социально-духовной сфере», об «инерции, застойности и консерватизме», было указано на грубые нарушения основного принципа социализма: «от каждого – по способности, каждому – по труду», на ослабление контроля за работой аппарата со стороны трудящихся, Советов, общественных организаций, на бюрократизм как на серьёзную преграду ускорения и перестройки, на распространение махинаций, хищений, взяточничество, на грубые нарушения социалистической законности и т. п.[124]. В контексте Политического доклада и новой редакции Программы все эти трезвые, верные оценки выступали как характеристики отдельных недостатков, отдельных негативных явлений при сохранении системой отношений в целом верной, социалистической направленности развития на протяжении всего предшествующего периода. Такая расстановка акцентов хорошо сочеталась с установкой на планомерное и всестороннее совершенствование социализма, на даль-

---

[124] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, С. 4, 21, 46, 57, 81, 83.

нейшее продвижение советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития[125]. Наличие недостатков, нерешённых прежде проблем – всё это в принципе не противоречило положениям Политического доклада и Программы о том, что советскому обществу предстоит выйти на такие новые рубежи, перейти к такому качественно новому состоянию, когда с наибольшей полнотой, в полной мере раскроются преимущества социализма во всех сферах жизни[126]. Но такая расстановка акцентов плохо увязывается с положениями XXVII съезда партии о переломном характере переживаемого страной момента, о необходимости открыть простор революционным преобразованиям[127].

После XXVII съезда многие обществоведы потратили немало усилий на напрасные попытки объяснить, каким образом и почему при сохранении в целом социалистического характера производственных и политических отношений могли широко распространиться несовместимые с социализмом формы социального поведения, почему и как социалистические отношения оказались тормозом технического прогресса, стали препятствовать ориентировке производства на общественные потребности. Концепция, согласно которой система социально-политических и организационно-экономических отношений была в 30-40-е годы эффективной во всех отношениях, а затем просто устарела, «отстала» от развившихся производительных сил, от потребностей жизни, страдала явными натяжками. Опираясь на неё, можно было объяснить замедление темпов экономического и научно-технического развития. Но факты свидетельствовали не просто о замедлении темпов, а о том, что производительные силы, материально-техническая база общества развивались на протяжении длительного времени в направлении, не соответствующем целям гуманизации труда и других сфер

---

[125] Там же. С. 122.

[126] Там же. С. 94, 140-141.

[127] Там же. С. 85, 101 и др.

жизни человека, что не обеспечивалась должная социальная направленность и социальная эффективность развития производства. Наука стала постепенно осваивать мысль о необходимости изменения социальной направленности развития экономики, техники, производительных сил. Но для этого надо, напрашивался вывод, радикально изменить характер системы социально-экономических отношений, преодолеть их деформацию.

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС было вновь и более отчётливо обозначено, что, во-первых, застойные и другие чуждые социализму явления появились на рубеже 70-х и 80-х годов, во-вторых, прежние формы организации общества были адекватны определённому периоду развития страны, но устарели и стали давать негативные следствия в результате их абсолютизации, отождествления с сущностными характеристиками социализма в теории и консервирования на практике[128]. Тем самым было подтверждено и ещё раз логически обосновано понимание цели перестройки как дальнейшего совершенствования социализма: «Конечная цель перестройки – обновление всех сторон жизни нашего общества, придание социализму самых современных форм общественной организации»[129]. И это по сути ничуть не противоречило тезису о вступлении страны в этап развитого социализма.

В то же время на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС ряд существенных процессов и отношений были квалифицированы как деформированные, социально корозированные. При этом понимание деформации явно тяготело к следующему: это не результат лишь консерватизма, лишь недоучета изменившихся условий, а результат нарушений важнейших, основополагающих социалистических принципов[130]. А отсюда оставался только один шаг к тому, чтобы сказать, что не совершенствование со-

---

[128] См.: Материалы Пленума ЦК КПСС, 27-28 января 1987. М. 1987. С. 74, 8, 9, 10.

[129] ***Там же. С.*** *75,* ***16.***

[130] ***См.: Там же. С. 9, 11, 38, 43.***

циалистических отношений, а *восстановление* социалистических принципов, их *возрождение* – цель, определяющая революционный характер назревших перемен. Целый ряд положений доклада М.С. Горбачева на Пленуме соответствует именно такому представлению о целях и содержании перестройки: «восстановление и развитие в управлении народным хозяйством ленинских принципов демократического централизма»; «полное восстановление ленинских принципов гласности, общественного контроля, критики и самокритики»; «вникнуть в ленинское наследие по вопросам советского государственного строительства, использовать его в решении задач, вставших перед обществом сегодня»; «возродить в современных условиях, и возродить как можно полнее, дух ленинизма, утвердить в нашей жизни ленинские требования к кадрам»[131]- В контексте этих установок и критического разностороннего анализа сложившегося положения дел теоретически слабой, искусственной оказалась гораздо более радикальная, чем на XXVII съезде партии, общая характеристика современного (доперестроечного) состояния советского общества: «Образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований, позволяющих раскрывать и использовать преимущества социализма» [132].

Концепция торможения, на первый взгляд, вполне согласуется с представлениями о сути перестройки как дальнейшем совершенствовании социализма. Но это – только на первый взгляд, только если акцентировать внимание на категории «торможение». Но механизм торможения и по смыслу понятия «механизм», и по тому, как он был представлен в докладе М. С. Горбачева на январском Пленуме, может быть интерпретирован не иначе, как некая целостная система объективных общественных отношений. Доклад не даёт никаких оснований интерпретировать механизм торможения как результат наличия в об-

---

[131] Там же. С. 15, 23, 30, 65.

[132] Там же. С. 10.

ществе социальных сил, сознательно противодействующих социалистическому строительству в прошлом или же враждебно настроенных к перестройке в настоящем. Прямое подтверждение этому – данная в дальнейшем, после январского Пленума, оценка расстановки социальных сил в советском обществе: «Мы были и останемся по одну сторону баррикад, мы шли и продолжаем идти по одной дороге» [133]. Но если это так, если идеология и практика сталинизма не была сознательным и фактическим забвением, игнорированием марксизма-ленинизма, то как и почему в обществе перестали реализовываться основополагающие ленинские принципы социалистической его организации, социалистического строительства? Как и почему возникла новая система отношений – механизм торможения общественного прогресса? В чём социальная специфика этой системы? Является ли она конкретно-исторической модификацией социалистической системы отношений? Или она – такая «модификация» социализма, которая не позволяет двигаться по пути к осуществлению целей социализма т. е. несоциалистическая система объективных общественных отношений, возникшая в результате антинародного характера государственной власти, политических институтов в сталинскую эпоху?

На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС проблема конечных целей революционного обновления как бы предполагалась уже ясной, решённой; в центре внимания был анализ хода перестройки и дальнейшая её тактика. Однако всё, что было сказано на Пленуме (а затем и на июльской встрече в Центральном Комитете КПСС с руководителями средств массовой информации и творческих союзов) о трудностях перестройки, о противоречивом отношении различных руководящих органов и кадров к установкам высшего руководства партии и страны, о фактах активной инициативной поддержки прогрессивных перемен и о фактах невыполнения, срыва партийно-государственных решений, заставляло ещё раз задуматься о причинах, ха-

---

[133] ***Правда. 1987, 15 июля.***

рактере революции, а следовательно, в первую очередь о её целях.

Проблема целей предстоящей революции не тождественна проблеме описания социалистического общества на высшей стадии его развития, т. е. на стадии, когда сложатся и приобретут закономерный характер полностью развитые, зрелые формы всех социалистических общественных отношений, когда будут всесторонне использоваться преимущества социалистического строя. Представления о характеристиках этой стадии зафиксированы в новой редакции Программы КПСС там, где речь идёт о новых рубежах, о качественно новом состоянии советского общества на пути к высшей фазе коммунизма[134]. Завершение назревшей в СССР революции должно стать *началом движения* в сторону такого, качественно нового состояния. Считать достижение всесторонней развитости, зрелости социализма непосредственной конечной целью революционной перестройки, революционного скачка – это значит ставить невыполнимую задачу, забегать вперёд в постановке ориентиров развития. Освоение тезиса о необходимости длительного этапа становления, развития и совершенствования социализма вплоть до стадии всестороннего использования зрелых его форм и преимуществ – неоценимое по практической значимости достижение советской теоретической мысли. На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС вопрос о конечных целях революционной перестройки и вопрос о конечных целях предстоящего после этой революции целого исторического этапа развития (т. е. вопрос об этапных целях) не были разграничены, хотя анализ фактического хода перестройки явно подталкивает к их разграничению, к отказу от *подмены целей революции целями этапного масштаба,* требует реалистического подхода к вопросу о критериях завершённости рево-

---

[134] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 140-141. Сейчас эти представления по существу признаны недостаточными, поставлена задача разработки новой концепции социализма.

люционной стадии выхода страны из кризиса и о гарантиях необратимости дальнейшего развития по пути социализма.

Обострение идеологической борьбы вокруг понимания причин и целей перестройки обозначилось с конца 1987 г. и стало особенно явным накануне XIX партийной конференции. Крайние позиции оформились настолько, что ясной стала их полная противоположность, непримиримость. В печать проникли прямые суждения о происшедшем на рубеже 20-30-х годов как о реванше реакции, как о контрреволюции, как об отходе от социалистического пути.

Естественно, суждения, дающие новую и политически более определённую трактовку прошлого, активизировали не только сторонников, но и противников перестройки. Неосталинистская (или, как стали позже её называть, консервативная) позиция обозначилась гораздо более открыто, чем когда-либо прежде. В течение почти трёх лет наличие консервативной позиции угадывалось по отдельным высказываниям, по действиям и противодействиям некоторых должностных лиц или официальных органов, по тону тех или иных публикаций и т. п. С конца 1987 г. действия консервативных сил приобрели относительно консолидированный вид, а к весне 1988 г. выразились в попытке не только открыто провозгласить платформу, ревизующую курс на революционную перестройку, но и предпринять активные широкомасштабные действия по внедрению этой платформы в массовое сознание. Речь идёт о письме Н. Андреевой в газете «Советская Россия» от 13 марта 1988 г., которое вскоре получило партийную оценку как антиперестроечный манифест. Речь идёт также о весьма оперативных действиях десятков обкомов и горкомов КПСС по пропаганде этого манифеста.

Процесс размежевания политических платформ продолжался и достиг особой отчётливости в дискуссии на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Консервативная (неосталинистская) концепция отстаивает положение о безусловной социалистичности всех периодов советской ис-

тории и, соответственно, настаивает на том, что цели перестройки состоят в совершенствовании социалистических отношений, в создании условий для наиболее полного проявления закономерностей и преимуществ социализма. Противоположная концепция отрицает социалистический характер сталинской эпохи и так называемого «периода застоя» и соответственно трактует перестройку как социальную революцию, а её цель – как переход (или возвращение) страны на путь социализма[135].

Целевая установка на выход страны из деформации социализма противостоит зауженному, облегчённому пониманию сути перестройки как ликвидации отдельных недостатков, нарушений, ошибок, несоответствий, отставаний и т. п. При этом можно с уверенностью утверждать, что выбить почву из-под сознательной и неосознанной апологетики и схоластики, всё ещё заполняющей научные монографии и статьи, можно только путём анализа и свободного обсуждения теоретических и практических проблем с точки зрения причин, условий и следствий казарменной деформации общества. Глубоким и честным исследованиям, без которых не может быть должной связи теории с практикой, правильному обобщению фактов, поиску радикальных, а не паллиативных путей выхода из кризиса откроет дорогу только осознание того, что в современном советском обществе действуют несоциалистические закономерности и тенденции в силу отклонения всей системы общественных отношений от линии социалистического развития.

Обеспечить восстановление именно социалистиче-

---

[135] **См.:** ***Ракитская Г.Я. Характер и содержание перестройки управления // Комплексная перестройка системы управления общественным производством: результаты и проблемы. М. 1988; Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Размышления о перестройке как социальной революции // ЭКО. 1988. № 5; Афанасьев Ю.Н. Ответы историка // Правда. 1988. 26 июля; Очерки политической экономии социализма, М., 1988.***

ской, а не какой-либо иной направленности развития невозможно без осознания широкими трудящимися массами того что получить другую перестройку, другой её итог – это вполне реальная историческая перспектива. Мы часто слышим и читаем сейчас, что альтернативы революционной перестройке нет. Это весьма неточно. Есть такие альтернативы, но все они уводят от социализма. Революционная перестройка есть единственный для СССР путь возрождения демократии, гуманизма, путь к социализму.

Недооценка остроты социальных противоречий или же сознательное их замалчивание, настаивание на том, что социалистический характер объективных социально-экономических отношений не был утрачен, не может быть утрачен ни при каких обстоятельствах и что поэтому речь идёт о совершенствовании социалистического строя, о развитии советского общества в прежнем правильном направлении, – это наиболее слабые, наиболее опасные моменты идеологического обеспечения политики перестройки. Они не позволяют окончательно порвать с экономическим детерминизмом, с иллюзиями об автоматизме в осуществлении общественного прогресса, в конечном счете принижают роль трудящихся масс в революции, снимают с народа историческую ответственность за судьбы страны.

Роль субъективных факторов в назревшей революции и прежде всего роль правильной идеологической ориентировки общественных политических движений чрезвычайно высока. И это как раз потому, что и теоретическое, и обыденное массовое сознание склонны, как это ни парадоксально, считать возникшее в СССР казарменное общество логичным практическим воплощением марксистско-ленинской коммунистической идеологии. Идеология марксизма-ленинизма, идеология большевизма оказывается тем самым скомпрометированной практикой построения казарменного «социализма», практикой сталинской эпохи и «реального социализма». Мы не видим другого пути реабилитировать идеологию марксизма-ленинизма, кроме как чётко и ясно признать и доказательно разъяснить, что

революционно-гуманистическая идеология К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина не была основой сталинской, маоистской, полпотовской практики, равно как **и** практики 70-80-х годов в СССР. Надо обнажить противоположность научного коммунизма и сталинизма и тем самым вернуть назревшей революции, народу высшее достижение мирового научного обществоведения – идеологию марксизма-ленинизма. Но путь к этой работе лежит через признание советского общества казарменной деформацией социализма, через определение цели революции как выхода из деформации, перехода на путь социалистического развития.

Чёткое определение цели революции (перестройки) решающим образом затруднило бы, резко снизило бы вероятность идеологической подготовки и постепенного «вползания» в модернизированные формы казарменной деформации и в реставрацию порядков сталинского типа. Революционная ситуация – это как бы водораздел истории. Начинаясь от единых проблем и кажущиеся поначалу потоками одного и того же исторического течения, различные общественные движения с едва поначалу заметными оттенками в идеологии, в подходах начинают формирование разных вариантов будущего.

К примеру, боремся с негативными явлениями, очищаемся от скверны взяточничества, коррупции, недисциплинированности и т. п. Пока не выясняются расхождения в видении причин подобных явлений, все едины. Но только одни требуют судить перерожденцев, другие требуют расправы с ними и вообще со всякими бюрократами без суда и следствия, третьи считают достаточным снять с работы, объявить выговор, четвёртые — оштрафовать и т. д. Различия подходов в борьбе со следствиями выявляет различие в понимании коренных причин явления, в оценке их закономерности или случайности. И вообще стадия негативной оценки характеризуется обычно единством разных социальных сил, различия начинаются на стадии вскрытия причин и выработки программы преодоления негативных явлений. Единство в негодовании не должно

перерастать в единство на основе ложных представлений о причинах и мерах нормализации положения. Сегодня много предложений и объяснений тяготеет к сталинской идеологии и сталинским методам (в их первоначальном или модифицированном виде). Определить цель революции как выход из казарменной деформации социализма – значит, во многом преградить путь к массовому сознанию и этих объяснений, и этих практических рекомендаций. А если не преградить – последуют реальные шаги **к** реставрации сталинизма, укреплению казарменной деформации методом «очищения» от крайностей, но при сохранении существа присущих ей отношений.

Борьба с негативными явлениями в рамках сохраняющейся пока деформации способна дать её новые модификации. Определить цели революции как ликвидацию деформации – значит, усилить вероятность не допустить эти модификации, уводящие в сторону от прогрессивной линии развития, устраняющие некоторые негативные следствия деформации, но сохраняющие в неприкосновенности глубинные причины. Сегодня актуально, например, не допустить, чтобы под видом борьбы с администрированием, бюрократизмом, с излишней централизацией, произволом, беззаконием и др. возобладала тенденция, так сказать, *атомизации общества*. Другими словами, нельзя допустить, чтобы под прикрытием самостоятельности, самоуправления, самофинансирования и т. п. в СССР возникла лишь другая разновидность казарменной деформации (образно выражаясь, «феодальная»), при которой из-за отсутствия государственных гарантий прав и свобод личности трудящиеся окажутся практически беззащитными перед лицом злоупотреблений, произвола ведомств и местных властей, хозяйственной администрации, перед лицом артельной юрисдикции и морали, семейного деспотизма.

Точное обозначение итога революции необходимо противопоставить любым попыткам выхолостить социально-политическую, классовую суть этой революции. А суть её – возвращение себе советскими народами права исто-

рического творчества, восстановление тем самым нормальных демократических условий развития, обеспечивающих и право подтвердить социалистический выбор.

Цели революции рассмотрены нами выше с позиций марксистско-ленинской идеологии, т. е. с позиций общественного движения, для которого прогрессом в конечном счете является социалистический путь развития. Следует учитывать, что стратегическая цель революции в её полном (обнажающем идеал) объёме с разной мерой активности ставится и подчёркивается при разном состоянии и на разных этапах развёртывания революции. Так, в самом начале перестройки, ещё до активизации больших масс трудящихся и просто населения самым актуальным было осмысление конечной цели перестройки. Борьба шла за интерпретацию её как социальной революции, а потому подчеркивание самой высокой цели перестройки – переход в русло социализма, подтверждение социалистического исторического выбора – обеспечивало становление её радикальности через обоснование реальности и её наиболее радикального результата. Достижения этого подхода не утрачены и сейчас, когда перестройка начала втягиваться в полосу своего практического исторического осуществления. Но сама постановка, преподнесение стратегической цели в этих условиях неизбежно видоизменяются,

Главными действующими лицами революции стали теперь не идеологи, а сравнительно широкие массы участников. Для них остро актуальным является понимание ближайших задач движения. Это не значит, что утрачивается связь таких ближайших задач со стратегическими целями. Это значит лишь, что массовое движение сосредоточивает основное внимание на проблемах ближайшего ряда, разрешимых действием данной волны движения. Вот почему на достигнутой в 1988-1989 гг. стадии перестройки первостепенно важным является осознание массой общедемократического характера целей движения. Лишь наиболее идеологически подготовленные участники движения дорожат чёткостью увязки общедемократиче-

ских и социалистических задач революции. Для многих же участников социалистический выбор является либо сугубо далеким (вплоть до призрачности), либо вовсе не актуальным, а то и нежелательным. Тем не менее в борьбе с казарменными порядками, в стремлении сломать их они едины.

Возникает вопрос (но он уже больше тактический): не следует ли марксистам-ленинцам ради всемерного укрепления единства прогрессивных сил в решении общедемократических задач антиказарменной революции временно снять обозначение социалистических потенций перестройки? Мы полагаем, что не следует. Ведь среди участников движения находятся сторонники социалистического выбора, их нельзя демобилизовать, лишить перспективы достижения их главного интереса. Что касается социальных сил, участвующих в демократическом движении, но сторонящихся социализма (реже – на деле, а чаще – лишь на словах, из-за отождествления казарменной деформации социализма с социализмом), то и по отношению к ним было бы неискренностью скрывать свои убеждения и стремления.

Последующие стадии развертывания перестройки как социальной революции, по-видимому, снова сделают необходимым видоизменение постановки ближайших целей. Развивается движение, развивается и свойственное ему массовое сознание, наступают новые стадии усвоения задач исторического творчества народов.

Глава третья
СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА АНТИКАЗАРМЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Установка на революционность необходимых в СССР социальных преобразований требует научно точной разработки принципиальной политической стратегии этих преобразований и тактики их осуществления в условиях, сложившихся в СССР к концу 80-х годов. Общая стратегия и конкретно-исторические особенности процесса револю-

ционного обновления – важнейшие практические приложения теории социальной революции в обществах современного советского типа. От глубины и строгости их разработки в решающей мере зависит характер и устойчивость поддержки политики перестройки различными слоями населения.

Мы отдаём себе отчет в том, что стратегия и тактика революции формируются не так, как заготавливается на будущие времена научный вывод. Они разрабатываются преимущественно «в деле», в ходе политической схватки, при повышенном внимании предполагаемых единомышленников и явных противников. Аргументы и контраргументы приводятся здесь и действуют здесь совсем не так, как на учёном диспуте. Манёвр, политическая хитрость, уловка, компромисс – всё это неизбежно сопутствует форсированной разработке, идеологическому формулированию и лозунговому оформлению стратегии и тактики революции. Но есть одна особенность общественного положения революционера, в том числе и революционного идеолога, и особенно руководителей революционного процесса, которая заставляет ясно и открыто излагать стратегию и тактику революционных преобразований. Эта особенность – необходимость войти в контакт с активизирующейся массой, укоренить идеи революции в сознании массы, чтобы сделать эти идеи материальной силой, реальным фактором политики, движущей силой прогресса.

Только радикальная идея и притом в радикальной формулировке способна дойти до сознания массы, вытеснить из этого сознания прежние, дореволюционные идеи. Так что революционная идеология не может быть иной, кроме как радикальной, ясно и чётко сформулированной, до конца правдивой и искренней. И это при всей сложности и оперативности текущей политической борьбы.

Политически точная формулировка конечной цели (конечного результата) революционной перестройки – непременный момент стратегического видения проблем современного советского общества и реалистического, конкретно-исторического подхода к разрешению этих про-

блем. Определив цель социальной революции в СССР как переход от казарменной деформации социализма в русло социалистического прогресса, мы тем самым зафиксировали научный вывод целеориентированного анализа наличного состояния советского общества. Содержание этого анализа – оценка состояния и тенденций развития объективных общественных отношений и духовных процессов по критериям социалистичности[136]. Осуществляя целеориентированный анализ, каждый исследователь исходит из своих представлений о том, что такое социализм и, следовательно, каковы критерии (признаки) социалистичности и несоциалистичности общества в целом и отдельных протекающих в нём процессов.

Раскрыть суть привлекаемых к анализу представлений о социализме чрезвычайно важно, ибо от того или иного понимания социализма зависит характер практической деятельности на стадии революционной перестройки общества. Сторонники радикальной перестройки, как правило, едины в негативной оценке сталинской эпохи и «реального социализма». По как только встаёт вопрос «что делать?», т. е. вопрос о стратегии и тактике перестройки, сразу же на первый план выдвигается разное видение фундаментальных проблем социалистического строительства. Проблема социалистических идеалов, концепция закономерностей (логики) социалистического развития сразу же перестают быть предметом академического интереса и сугубо теоретических дискуссий, приобретают острый практический смысл. И это естественно, ибо от ответа на эти фундаментальные вопросы зависит понимание ближайших задач, критериев завершённости перехода (возвращения) в русло социалистического прогресса, зависит

---

[136] ***Подробнее о функциях и методологии целеориентированного анализа см.:*** *Ракитская Г.Я.* ***Целеориентированный анализ*** *как* ***функция планомерного руководства общественно-экономическим развитием // Политэкономические проблемы функционирования социалистической экономики. М., 1986. С. 140-152,***

принципиальное решение проблемы гарантий необратимости движения по социалистическому пути.

Итак, что такое социализм? В формировании политической стратегии перестройки раскрытие главных характеристик социализма – исходный пункт.

1. Стратегия. Что такое социализм?

Этот вопрос стал самым популярным, всеобщим вопросом в условиях перестройки в СССР. Повсюду, где станет преодолеваться казарменная деформация социализма, вызревать, подготавливаться и осуществляться антиказарменная революция, вопрос «что такое социализм?» будет приобретать огромный теоретический и практически-революционный смысл.

Говорят, что марксистско-ленинское обществоведение не готово к ответу на этот вопрос. Неправда. Есть обществоведы, готовые ответить на него с марксистско-ленинских позиций. Мы относим себя к их числу. И вот в тезисной форме наш ответ на вопрос «Что такое социализм?».

Историческое место социализма. Социализм – один из конкретно-исторических типов общества, одна из общественно-экономических формаций. Он относится к общественно-экономическим формациям коммунистического типа, т. е. является конкретно-историческим этапом гуманистически направленного развития общества. С социализма начинается коммунистическая эра развития человечества. Историческое начало социализма – социалистическая революция, историческое завершение – построение общества, обозначаемого ныне как «полный коммунизм».

Условия, необходимые для развития общества по социалистическому пути. Первейшее по важности условие – революционное движение трудящихся масс. Руководящая роль индустриального рабочего класса (пролетариата) в революции наилучшим образом обеспе-

чивает её социалистический характер. При всех обстоятельствах социалистическое переустройство не может начаться без революционного движения трудящихся масс, на силе и решимости которого держится авторитет революционной власти.

Другое важнейшее условие – организованность революционного движения, включая усвоение им последовательно гуманистической (научной коммунистической) идеологии. Если такая идеология не внесена в рабочее движение, не освоена трудящимися массами, то революционное движение сравнительно быстро выдыхается из-за неопределённости целей или их узости. Организации (партии) , стоящие на платформе научного коммунизма, могут осуществлять функцию политического авангарда народа, строящего социализм, лишь при наличии организованного революционного движения масс Если массы политически пассивны, то движения к социализму и к коммунизму быть не может.

Третье условие – определённый уровень культуры, цивилизованности. Его достаточность для начала социалистического развития определяется не количественно, а качественно. Не уровень развития производительных сил, не уровень грамотности, образованности населения, не уровень благосостояния являются тут решающим критерием. Отставание по этим параметрам материальной и духовной культуры не есть непреодолимая преграда для успешного социалистического созидания, хотя эти отставания способны порождать и порождают большие трудности в ходе революционных преобразований. Решающим критерием является обоснованный ответ на вопрос: удастся или не удастся, располагая наличным уровнем культуры как исходным, поддерживать активную заинтересованность масс в революционных преобразованиях, не отступая от гуманистического характера как целей, так и особенно средств этих преобразований. Свобода, свободное развитие всех и каждого должны быть и оставаться в ряду высших ценностей трудящихся, участвующих в революции и в строительстве социализма. Рабское, холопское

массовое сознание сводит на нет многие выгоды высокого развития культуры производства, быта и досуга.

Научно-техническая революция ускоряет повышение уровня цивилизованности, но сама по себе она не препятствует культивированию у трудящихся рабского сознания, ослаблению их свободолюбия. Ввиду этого роль революционного движения как предпосылки повышения уровня цивилизованности (в том числе и предпосылки собственно экономического развития) неизмеримо возрастает. Возрастает и роль международной солидарности трудящихся. Усложняется практическое осуществление социалистической революции и социалистических преобразований, требуется большая гибкость тактики и чёткость стратегии, разборчивость (вплоть до щепетильности) в выборе средств достижения гуманистических целей.

Закон движения* (*сущность*) *социализма. Социальная направленность социализма – реализация гуманизма. Это сущностный, критериальный признак как целей, так и средств социалистического строительства. Полное социальное равенство – результат успешного строительства социализма и его функционирования. Средства, адекватные целям социализма, – свободное историческое творчество трудового народа, непременное условие которого – свободное развитие каждого члена общества. На стадии социализма свобода реализуется в специфической конкретно-исторической форме – в форме социалистической демократии, включающей социалистическую государственность **и** действительную добровольность всех форм жизнедеятельности.

Подытоживая сказанное о сущности социализма, можно определить закон его движения как созидание в обстановке мира и социалистической демократии полного социального равенства свободных людей. Устремлённость к полному социальному равенству и неизбежное воспроизведение социального неравенства (пусть и с неуклонной тенденцией к выравниванию общественно-экономического положения), устремленность к полной свободе трудящегося народа и каждого человека в обще-

стве и демократия (т. е. политическая классовая форма общественной организации) – вот реальное, самое глубинное противоречие социализма. Это его основное противоречие.

Логика развития социализма (закономерные этапы). Классики считали возможным определять социализм как процесс уничтожения классов, т. е. как процесс становления равенства общественного положения людей. Это логическая траектория социалистического развития. В ней могут быть выделены качественно определённые этапы. Каждый из них решает (исчерпывает) одну из проблем реального движения от классового к бесклассовому обществу.

Первый этап (проблема) – свержение эксплуататорских классов, лишение их представителей основ классовых привилегий.

Второй этап – устранение разнотипности социально- экономического положения индустриального рабочего и крестьяиина-единоличника (а также и кустаря-ремесленника) посредством вовлечения крестьянства и ремесленников в такие формы производства, которые были бы однотипными с индустриальным производством – поприщем деятельности рабочего класса. В реальной истории объединённое социалистическое хозяйство может приходить на смену разрозненному крестьянскому и ремесленному не сразу в виде индустриального, а сначала в виде использующего доиндустриальную материально-техническую базу, но в форме объединённых государственных или кооперативных хозяйств. Уже этот переход от разрозненного к объединённому хозяйству даёт реальную основу для качественного изменения в социально-классовой структуре, в положении трудящихся. Различия сохраняются, но происходит и заметное сближение общественного положения. Когда же все звенья хозяйства станут действовать как социалистические на индустриальной основе, не будет и оснований деления на классы. Но итогом второго этапа является не бесклассовое, а одноклассовое социалистическое общество.

Третий этап – развитие одноклассового социалистического общества в бесклассовое (коммунистическое), т. е. постепенное исчерпание причин социально-экономической обособленности индивидов и групп, закономерно требующих государственно-политической организации хозяйствования и всей общественной жизни.

Критерии социалистичности общественных процессов и явлений (необходимый и достаточный круг). Сущностные признаки социализма могут быть конкретизированы в виде важнейших содержательных характеристик целей, средств *и* результатов общественного развития. Представляя собою систему, такие характеристики выступают комплексным критерием социалистичности общественных процессов и явлений, а также социальных проектов, планов и предложений. Очертим необходимый и достаточный круг содержательных характеристик социализма (социалистичности).

1. ***Последовательная гуманистическая направленность общественного развития.*** Она обеспечивается подчинённостью социально-экономического и технического прогресса целям создания и расширения условий для свободного и гармоничного развития каждого и всех членов общества. Гуманистическая направленность включает в себя как улучшение всех (в том числе материальных) условий жизни и способов жизнедеятельности, увеличение их многообразия, так и обеспечение всё большей доступности каждому человеку этих условий и способов, уменьшение различий между социальными группами по возможности формирования, проявления и развития индивидуальных свойств личности.

2. Свобода от любых форм господства человека над человеком. Политическая и экономическая системы социализма гарантируют отсутствие отношений экономической эксплуатации, любых способов и форм угнетения, дискриминации, произвола, подавления какими-либо социальными группами других социальных групп. Социалистическое общество имеет иммунитет против попыток и рецидивов господства и угнетения, выявляет и от-

торгает подобные попытки (будь то практические действия или идеологические взгляды).

3. Народовластие, т. е. неотъемлемость у народа всей полноты власти. Народовластие осуществляется через реальную доступность всем социальным группам и общностям, всем гражданам быть представленными своими полномочными делегатами во всех звеньях и на всех уровнях подготовки, принятия и осуществления решений, начиная от процессов целеполагания и определения плановых программ и кончая распределением эффекта и оценкой результатов.

4. Равноправие, реальное равенство всех перед законом. Неправовое общество не может быть социалистическим.

5. Неукоснительная, без малейших исключении социальная защищённость любых действий, поступков, намерений и решений граждан, их социальных групп и организаций, не противоречащих закону. Права и свободы личности, народа, социальной группы или общности гарантируются государством и обществом и органически сопряжены с системой обязанностей перед обществом.

6. Демократический централизм в руководстве хозяйством (антипод командно-карательному руководству, казарменному централизму). Демократический централизм обеспечивает субординацию функций всех звеньев и уровней хозяйства, взаимодействие интересов управляющих и управляемых на основе равноправия, т. е. реализует народовластие в хозяйственной сфере. Демократический характер социалистического централизма обеспечивается подчинённостью управляющих народу и добровольной, сознательной дисциплинированностью управляемых. Отсюда, во-первых, благоприятные возможности развёртывания активности и инициативы трудящихся и, во-вторых, гарантии от бюрократизма и узурпации управленческой власти. Важнейшая черта демократического централизма — коллективное в рамках закона самоуправление звеньев хозяйства. Его суть состоит в принятии решений теми субъектами хозяйствования (или их ре-

альными представителями), деятельность которых должна регламентироваться этими решениями.

7. Планомерная организация общественного воспроизводства. Она позволяет консолидировать усилия и на основе сознательной (добровольной) координации, единства действий развернуть в максимальной мере инициативу, предприимчивость, разнообразие действий на благо общества.

8. Социально-экономическая оценка результатов и справедливое распределение эффекта воспроизводства. Она отражает своеобразие общественного устройства социализма. Социализм не только не отменяет, а напротив, использует товарно-денежный, рыночный механизм общественного соразмерения реальных вкладов в общий экономический эффект. К рыночной справедливости соразмерений участия в экономическом эффекте социализм добавляет учёт реальных различий в объективных условиях деятельности и тем самым осуществляет контроль со стороны государства за мерой труда (мерой действительно собственных усилий работника или трудового коллектива) и мерой потребления. Существенно важно, кроме того, что оценка общественной полезности результата не исчерпывается экономическим эффектом, а учитывает приоритетность социальных целей перед экономическими.

9. Добровольно-трудовой образ жизни. Он возможен на основе высокого статуса общественно-полезного труда как источника общественно нормального уровня личных доходов, фактора справедливого социального положения людей и справедливой дифференциации их доходов, средств и способов развития личности.

Каждая из этих девяти характеристик является неотъемлемой для социализма, не может отсутствовать, её отсутствие ничем не может быть компенсировано. «Недобор» социалистичности означает существенное отступление от социализма, его деформацию[137].

---

[137] Более подробное описание и аргументацию изложенных

Вывод о деформации социализма в СССР неизбежен, если сверить реальности советской истории с изложенными представлениями о социализме и критериях социалистичности общественных процессов и явлений. Перейти в русло социализма – это значит так политически и экономически организовать общество, чтобы условия и способы жизнедеятельности индивидов, социальных групп и общностей не противоречили перечисленным критериям и чтобы была открыта возможность поэтапного разрешения основного противоречия социализма (возможность движения к коммунизму) и решения всех конкретно-исторических проблем в процессе активного исторического творчества трудящегося народа.

2. Стратегия (окончание). Этапы революционной перестройки

Вопрос об этапах перестройки был затронут и на январском, и на июньском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС. Был дан следующий срез этапирования: анализ ситуации; выработка политического курса; принятие основных решений по реализации этого курса[138]; решение конкретных задач на всех направлениях и во всех сферах жизни общества[139]. Этот срез этапирования соответствует логической последовательности (структуре) всякой эффективной целенаправленной деятельности. Такое этапирование отражало лишь одну специфическую черту (правда, весьма

положении о социализме см.: **Ракитская Г Я., Ракитский Б.В**. ***Закономерности развития социальной структуры социалистического общества //Известия АН СССР. Серия экономическая. 1987. № 6. С. 28-39;*** **Ракитская Г**. ***Развитие социалистического отношения к труду // Вопросы экономики. 1988. № 7. С. 99—109; Очерки политической экономии социализма. М.: 1988. С. 43-102.***

[138] См.: Материалы Пленума ЦК КПСС, 27-28 января 1987. М.: 1987 С 72.

[139] См: Материалы Пленума ЦК КПСС, 25-26 июня 1987 г, М.: 1987, С. 9.

существенную) перестройки – то, что она начиналась «сверху». Реальный ход событий в 1987-1988 гг. заставил осмыслить проблему этапов и в другом, более содержательном аспекте. А именно: в аспекте тесноты внутренней связи *узловых социально-политических задач*, которые должны решаться в процессе последовательного революционного преобразования общественного сознания и общественного бытия. Решение каждой такой задачи – это новый существенный шаг в развитии революции, переход к принципиально иному состоянию общества вплоть до восстановления нормальных условий социалистического развития. Важнейшие необходимые акции перестройки и их последовательность должны были бы (при наилучшем стечении обстоятельств) соответствовать узловым социально-политическим задачам, учитывать их связь между собой и с другими, более частными задачами. При анализе и оценке реального хода перестройки сопоставление предпринимаемых действий и фактически достигнутых результатов **с** узловыми социально-политическими задачами позволяет определить, эффективна ли тактика, продвигается ли вперёд революция, на каком её этапе находится общество.

Проиллюстрируем тезис о социально-политическом этапировании перестройки кратким перечнем её узловых **задач** и важнейших акций.

Выработка курса на революцию, общей идеологии революции на основе трезвой всесторонней оценки прошлого и настоящего страны, обнародование и разъяснение политической программы революции – это, возможно, ещё не акции самой революции, но это важнейшие социально-политические её *предпосылки*. Задача такого **предэтапа** – всколыхнуть общественное сознание, вывести народ из состояния социальной апатии, побудить трудящихся к активизации на поприще практических действий по демократизации и социалистическому обновлению. Центральное назначение политической программы революции и её пропаганды – дать побудительный стимул возникновению прогрессивных движений, дать ориентиры

этим движениям, вооружить их такими политическими лозунгами, которые бы способствовали как консолидации всех прогрессивных сил, так и возрождению инициативного социального поведения в самых разнообразных сферах, с самыми разными конкретными задачами. Короче: необходимая предпосылка революции – такие акции её идеологов и руководителей, которые вернули бы советскому народу право на полную правду, право на истину, открыли бы ему перспективу реального достижения идеалов гуманизма и социализма, возродили интерес народа к политической деятельности. При любом дальнейшем развитии событий выполнение этой узловой социально-политической задачи не только привело бы к необратимым последствиям в СССР, но имело бы и положительное всемирно-историческое значение.

Первоочередная узловая задача самой революции – социальная активизация всех прогрессивных сил, гарантирование развития революции вширь и вглубь. Акции, обеспечивающие решение этой задачи, – ***последовательные общедемократические политические реформы***.

Вопрос о соотношении общедемократического и собственно социалистического в политических реформах имеет непосредственное отношение к вопросу об этапировании революции, к вопросу о конкретно-исторической её специфике. Суть назревшей революции, её конечная цель – социалистическая демократизация. Это верно. Но общедемократические реформы политической системы – задача чрезвычайного характера, предпосылка и условие осуществления всех других революционных преобразований. И если формы полной социалистической нормализации политических отношений ещё неясны, ещё не рождены творчеством масс, то содержание общедемократических реформ – вопрос в принципе ясный. Главные политические реформы можно провести в предельно краткие сроки, путем декретирования основных принципов демократической организации социально-политических отношений. Правда, у сторонников революции должна быть

при этом достаточная сила, заставляющая противников революции эти принципы уважать и им следовать.

Чтобы довести революцию до конца, обеспечить возможность и необратимость социалистической нормализации, следует реально включить в процесс реформирования общественных институтов трудящиеся массы. Полное, гласное, свободное выявление конкретных противоречий и проблем, поиск и выбор путей их решения, осуществление преобразований по социалистическим принципам должны стать делом самого народа, а не результатом «заботы» управляющих о нуждах народа, о рядовом труженике, о человеческом факторе прогресса. Общедемократические реформы должны создать предпосылки общенародного характера социалистической революции.

Центральное назначение общедемократических политических реформ следующее: ликвидировать монополию аппарата КПСС на государственную власть, на определение путей развития общества; гарантировать трудящимся защищённость участия в революционном процессе и тем самым помочь им преодолеть страх перед беззаконием и произволом запретительных, карательных и командных органов. Общедемократические реформы должны установить законные процедуры осуществления всех конституционных политических прав и свобод человека и народов[140]; дать законную правовую основу для общественно-политической активизации, для политиче-

---

[140] Принцип конституционности законотворчества и правопорядка выдвигается на первый план не в смысле верховенства любой Конституции. Первостепенно важно, является ли Конституция документом, санкционированным узурпатором власти, или же она принята действительно демократически. Другими словами, важно, кто является субъектом верховной власти – узурпатор власти или сам народ. Принцип конституционности может быть демагогически использован узурпатором в борьбе с революцией. Когда мы выдвигаем принцип конституционности, то речь идет о такой Конституции, которая выражает волю народа как реального субъекта власти.

ской самоорганизации прогрессивных сил; обеспечить реальное равноправие управляемых и управляющих любых рангов перед лицом закона; восстановить силу судебной власти и гарантировать на основе законов судебную защиту не противоречащей конституции политической и любой другой деятельности всех членов общества, всех существующих и вновь возникающих общественных организаций и движений, равно как и судебное же преследование всякой антиконституционной, антидемократической деятельности.

Гарантией социалистической направленности развития революции на этапе социальной активизации прогрессивных сил является, безусловно, руководство революционным процессом со стороны политических организаций, несущих в массы подлинно гуманистическую идеологию. Способна ли КПСС выполнить эту функцию? Чтобы её выполнить, партия должна выступать первым поборником законности и правопорядка, соблюдения политических и социально-экономических прав и свобод, не ставить себя вне закона и над законом.

Одновременно с общедемократическими политическими реформами правомерно осуществление и более частных демократических преобразований, затрагивающих конкретные сферы жизни (например, производство). Правомерно снятие всем очевидных излишних ограничений на самоорганизацию и самодеятельность населения в сфере экономики, культуры и пр. Однако критерии успешности тактики, признак продвижения революции вперёд на первом её этапе – не эффект от частных мер, а успехи в решении узловой социально-политической задачи – сделать социалистическую нормализацию делом самого народа. Поэтому свидетельством правильного разворачивания революции не могут служить такие признаки оживления общества, как повышение производительности труда, выполнение и перевыполнение планов, усиление внимания хозяйственных и партийных руководителей к условиям труда и быта трудящихся. Всё это нужно и важно. Но адекватные, непосредственные свидетельства верности

политического курса и его реализации – пробуждение политической активности масс, оживление прогрессивных сил, возникновение прогрессивных социальных инициатив, а на их основе – возникновение и разрастание организованных общественно-политических движений, берущихся за практическое решение самых разнообразных вопросов политики, хозяйства, культуры, идеологии.

Восстановление силы Конституции, законности и правопорядка в результате последовательной демократизации политической системы – необходимые, но недостаточные предпосылки для преодоления деформаций всех других общественных отношений, для воссоздания нормальных условий функционирования и социалистической направленности дальнейшего развития советского общества. Революция должна решить ещё одну узловую социально- политическую задачу – ***закрепить свои завоевания*** *тем, что обеспечить последовательно гуманистическую (социалистическую) направленность развития производительных сил, материально-технической базы общества*, *науки и техники*. Акции, соответствующие этой эадаче, – радикальная реформа организационно-экономических отношений (хозяйственного механизма) и демократизация хозяйства.

Конечно, в СССР основные решения по коренной перестройке управления экономикой можно было принимать одновременно с решениями о преобразовании политической системы, поскольку как идеология необходимой экономической реформы, так и комплексные разработки по изменению конкретных форм и методов хозяйствования были выдвинуты и обоснованы ещё в 60-х годах. В то же время история реформы 60-х годов, многочисленные пробы и эксперименты 70—80-х годов неопровержимо доказали, что без политической демократизации не только нельзя довести радикальные экономические преобразования до конца, но даже невозможно приступить к ним по-настоящему. Точно так же в 70-80-х годах, когда в ходе распространения бригадной организации труда практика решала вопрос о функциях и границах рабочего само-

управления на предприятиях, была продемонстрирована невозможность подлинной демократизации производства без общих социально-политических реформ. За редким исключением рабочее самоуправление не вышло за рамки бригад и сосредоточилось на распределении заработков и дисциплине труда. Недемократическая социальная среда, в которой возникло рабочее самоуправление, способствовала становлению и закреплению в бригадах недемократической обстановки солидарной материальной и моральной ответственности, артельной круговой поруки. Бригада стала для администрации по преимуществу удобным инструментом давления на рабочих руками их же товарищей, причём давления такими способами, которые нарушали конституционные права и свободы личности.

Критериями решения третьей узловой задачи – закрепить завоевания революции изменением характера базисных (социально-экономических) отношений, подчинить развитие производительных сил целям социализма – являются, во-первых, общественно полезная направленность функционирования всех сфер и субъектов воспроизводства, во-вторых, воссоздание на деле союза рабочего класса **и** крестьянства, в-третьих, реальное подчинение администрации хозяйственных звеньев контролю со стороны коллектива (превращение коллектива в субъект управления звеном, так сказать, в его «хозяина»). Добиться этого – значит закрепить на деле революционные завоевания перестройки. Но это, повторяем, невозможно сделать, если не предпослать реформе системы управления хозяйством решительную, на демократических началах перестройку системы социально-политических отношений. Именно она и её итоги (социальная активизация всех прогрессивных сил) гарантируют необратимость процесса гуманизации общественных отношений, в том числе экономических.

Следует подчеркнуть, что революционная перестройка, будучи доведена до конца, не гарантирует социалистическую направленность развития производительных сил и производственных отношений на все времена. Глу-

бокие причины казарменной деформации советского общества лежат в сфере политических отношений. О неизбежном первенстве политики над экономикой не следует никогда забывать. Постоянное поддержание демократического характера государства, демократических способов и форм функционирования всех звеньев государственной власти и государственного управления (начиная от законодательных органов и кончая советами трудовых коллективов) – гарантия избежать впредь деформации социализма, гарантия совершенствования и развития советского общества вплоть до состояния социалистической зрелости и перехода к следующей фазе коммунистической эры.

Итак, главное содержание узловых социально-политических задач социальной революции (перестройки), последовательное доминирование которых в конкретно-исторических условиях СССР соответствовало бы наилучшему поэтапному разворачиванию революции, таково:

1) возродить интерес народа к политической деятельности как важнейшую социально-политическую предпосылку социальной революции. Центральная акция этого предэтапа – обнародование и пропаганда политической программы выхода советского общества из казарменной деформации социализма, перехода в русло прогрессивного социалистического развития;

2) обеспечить социальную активизацию всех прогрессивных сил. Центральная акция этого этапа – радикальные демократические реформы политической системы;

3) закрепить политические завоевания, построив надёжный социально-экономический и социально-политический механизм подчинения развития производительных сил, материально-технической базы, науки и техники последовательно гуманистическим (социалистическим) целям. Центральная акция этого этапа – радикальная реформа организационно-экономических отношений и демократизация хозяйства (производства).

В реальной жизни конкретные задачи, отнесённые нами выше к последовательным этапам, могут решаться одновременно или же в иной очередности. Но для успешности тактики, для необратимого продвижения перестройки вперёд требуется обеспечивать любые конкретные решения и практические дела необходимыми изменениями в политической системе, создавая тем самым гарантии необратимости прогрессивных тенденций и преобразований.

На каком этапе революционной перестройки находилось общество к 1989 г.? Приняты ли были в 1987-1988 гг. основные решения, настала ли пора переходить к конкретным делам?

Безусловно, «сверху» сделано немало. Провозглашен курс на демократизацию, реализуется политика гласности, стали апробироваться выборность руководителей и создание советов трудовых коллективов, приняты решения по перестройке управления экономикой, положено начало возрождению производственных кооперативов, разнообразию форм хозяйствования, выдвинуты концепции политических реформ. Всё это вызвало живейший интерес практически всего населения, рост политической активности, породило демократические движения целых отдельных народов страны. В то же время социально-политические предпосылки антиказарменной революции не были созданы в полном объёме, с должной глубиной, а к подлинно демократическим реформам политической системы перестройка «сверху» так и не приступила.

3. Тактика. Расстановка социальных сил и их взаимодействие

Выработка успешной тактики – исключительно ответственная сторона осуществления революционных преобразований. Действительно радикальные реформы затрагивают главные, коренные интересы всех слоёв общества. Важно делать каждый следующий шаг таким образом, чтобы не утратить, а реализовать благоприятные

предпосылки, укрепить силы прогресса и ослабить сопротивление прогрессу, т. е. создать благоприятные предпосылки следующего шага. Революции – всегда объективно необходимы, но многие заканчиваются поражениями. Основная причина поражений – ошибки в тактике, т. е. неумение перевести задачи революции на язык текущих, оперативных задач (подзадач) исторического творчества движущих революционных сил.

Главные возможные пороки тактики – прямолинейность в осуществлении стратегии (забегание вперед, изоляция наиболее активных сил от менее активных, но выступающих за революцию) и промедление (выжидание или вредные для революции компромиссы с её противниками, что свидетельствует о боязни или растерянности). В теоретическом плане может быть отмечена и ещё одна разновидность – провокация революции, авантюрная тактика поторапливания революционных действий, когда масса к этому заведомо ещё не готова (по крайней мере субъективно) .

Ни одна революция не имеет аналогов. Здесь менее всего пригодны какие-либо заранее заготовленные точные рецепты. Здесь, напротив, нужны: быстрая политическая оценка отклонений реального хода процессов от теоретико-логических схем; гибкая реакция на эти отклонения; незамедлительное признание и исправление осознанных ошибок, просчётов, перегибов; постоянный учёт возникающих внутри и вне страны новых ситуаций, принципиально непредсказуемых комбинаций событий и обстоятельств.

Всё это нужно. Но верная оценка хода событий, искусное реагирование на изменения объективной ситуации и в общественных настроениях, обеспечивающие последовательное разворачивание перестройки, немыслимы без использования некоторых теоретических знаний о закономерностях революционного процесса, принципов его организации. Они предполагают учёт взаимосвязей различных факторов общественного прогресса, опору на научные прогнозы социальных резонансов декларирова-

ния и осуществления тех или иных перемен. Они предполагают также, что идеологи революции и её политические лидеры опережают трудящиеся массы по смелости, по радикальности, по решимости довести революцию до конца и в то же время обладают достаточным иммунитетом против авантюризма, настроений «вождизма», а главное – обладают мужеством.

На наш взгляд, тактические аспекты перестройки в СССР можно очертить, если опираться на представления о перестройке как антиказарменной революции, на позитивный и негативный исторический опыт революционной практики трудящихся в XX в., на уроки попыток выхода из казарменной деформации, неоднократно предпринимаемых с 50-х годов в обществах советского типа, а также на анализ опыта и итогов 1985-1988 гг. Мы не претендуем, конечно же, на полноту перечня и обоснования излагаемых ниже положений о тактике перестройки. В то же время у нас есть уверенность в том, что она должна формироваться с учётом следующих моментов, отражающих объективные устойчивые взаимосвязи основных характеристик (внутреннюю содержательную структуру) революционных преобразовательных процессов в обществе:

— проблемный разрез, включая относительное первенство тех или иных проблем во всей их совокупности на разных стадиях преобразований, т. е. определённую очерёдность их доминирования и в этом смысле этапность (стадийность) преобразований. Этот круг вопросов был обозначен выше при рассмотрении стратегии, и теперь нам важно увязать рассмотрение тактики с характеристиками стратегии;

— взаимодействие социальных сил, затронутых преобразованием, втянутых в него;

— круг, соотношение и взаимоувязанность средств (методов), адекватных цели и характеру преобразований.

***

Определение расстановки социальных сил, движущих сил революционной перестройки в СССР затруднено

по меньшей мере следующими обстоятельствами.

Первое. Исключительно мал исторический опыт, позволяющий достаточно уверенно считать те или иные классы, социальные группы, слои объективными движущими силами социальной революции в обществах современного советского типа. Победоносных (т. е. дошедших до реализации своих конечных целей) революций в обществах с казарменной деформацией социализма история ещё не знает.

Второе. Нет сколько-нибудь достоверных данных, обосновывающих представления о реальной социально-классовой структуре казарменного «социализма». Исследования социально-классовой структуры в СССР не позволяют судить о фактической социальной дифференциации, затушевывают эту дифференциацию. Естественно, это не даёт возможности не то что представить, но даже изучать психологию разных социальных групп (сил). В обстановке политической цензуры и всеобщего страха перед беззаконием и произволом трудно было узнать об истинном состоянии общественного сознания, отношении людей к сложившейся в стране ситуации, о распространённости тех или иных социальных идеалов и ценностей.

Третье. Процесс деформирования затронул все слои населения, причём затронул глубоко – на уровне негуманистической деформации (и перерождения) личных интересов, морали. Широко распространились потребительство, демагогический аскетизм, конформизм, иждивенчество и другие варианты деформаций личности. Все это привело в конечном счете к появлению деклассированных и люмпенизированных слоёв, не способных сознательно противостоять казарменным порядкам, а потому, видимо, не способных включиться в политическую борьбу иначе, как социально слепая сила. Наука не располагает сколько-нибудь достоверными сведениями о масштабах и степени разложения нравов, социальной деградации в рамках традиционно выделяемых общественных групп – рабочем классе, интеллигенции, крестьянстве. Не ясны также формы и истинные масштабы социальной демора-

лизации ни в аппарате, ни в среде хозяйственных руководителей.

В этих условиях представление об авангардной роли рабочего класса в перестройке отражает скорее желаемую, нежели действительную расстановку движущих сил перестройки. Судить по аналогии с российским революционным движением начала века сейчас преждевременно. Такие суждения опираются на марксистско-ленинскую традицию и в этом – их сильная сторона. Их слабая сторона в том, что они недостаточно обоснованы анализом специфики социально-классовой структуры и современной стадии развития казарменного «социализма» в СССР. Когда говорят «рабочий класс», упускают из виду, что это более 80 млн. человек. Такая масса как социальная сила весьма неоднородна, включает в себя группы и слои с разными интересами, социальными связями, социальным опытом, готовностью активно действовать.

В то же время недемократический, негуманистический характер казарменной деформации общества даёт конкретные основания для неудовлетворённости самых разных слоёв населения реальными условиями жизни. Отсутствие должной свободы социального поведения, бесправное положение, низкий уровень жизни не устраивают, по-видимому, большинство советского народа. Это является реальной социальной базой широких общедемократических движений. Но какие группы, слои стоят за последовательное социалистическое обновление? Как они его понимают? Кто (какие группы, слои) может и будет активно подключаться к революционной перестройке на разных её стадиях? Кто будет сопротивляться и какие альтернативы выдвигать?

Все эти проблемы нуждаются в широком свободном обсуждении, в серьёзном научном анализе. Намеренное сохранение фактических цензурных запретов на ряд тем и проблем, касающихся прошлого, настоящего и будущего страны, препятствование становлению должных условий и механизмов выявления общественного мнения наносят непоправимый вред формированию и осуществлению

действенной тактики демократических сил, поскольку мешают улавливать главные тенденции в развитии общественных настроений, видеть тактические просчёты и ошибки, накапливать опыт развёртывания революции. Неизбежный в этих условиях схематизм в понимании движущих сил перестройки, игнорирование реального разнообразия мнений, настроений, намерений, искусственное (поверхностное) деление антиказарменного движения на социалистическое и несоциалистическое препятствуют консолидации всех сторонников действительно демократического выхода страны из кризиса, затрудняют социальную нейтрализацию противников политики перестройки, чреваты поражением этой политики.

Все перечисленные трудности и осложнения не означают, что практика перестройки и особенно практика возникающих конкретных общественных движений не обращается к науке за выводами и рекомендациями. Она обращается за ними, потому что потребность в научном обслуживании движений становится всё острее, и она получает определённое научное обслуживание. При этом возможности получения научной помощи у консервативных и демократических движений совершенно разновелики и разнотипны. Силы торможения активно задействовали исследовательские центры, традиционно занятые апологетикой сложившегося порядка вещей. Здесь большие научные силы, здесь модернизируются прежние и придумываются новые способы удерживания массы в состоянии отчуждения от власти, от общественных дел, в состоянии покорности, послушания или бездумной эйфории по поводу очередных указаний сверху. У сил демократизации нет своих исследовательских центров, но зато научные силы, действительно сохранившие демократическое, гуманистическое мировоззрение, всё больше и больше включаются в научное обслуживание революционного варианта перестройки. Марксистская методология при этом ничуть не утратила своего научно-революционного характера и уже сейчас начинает активно работать на развёртывание антиказарменной революции и её перерастание в социали-

стическую.

Что могут обществоведы-марксисты сейчас сказать о том, как начали складываться действия и взаимодействия социальных сил и как они могут (будут) складываться при разных вариантах дальнейшего хода событий?

Накопленный достоверный материал позволяет обозначить основные стадии, через которые уже прошли развитие общественного сознания, практическая активизация и взаимоотношения социальных сил.

Следует оговориться, что фактическое разворачивание общественной борьбы и логические этапы революции, о которых шла речь в предыдущем параграфе, не совпадают не только потому, что конкретно-историческое намного богаче, сложнее логического. Главная причина их отличия в том, что логические этапы очерчивают ход антиказарменной революции при наиболее благоприятном стечении всех конкретных факторов и обстоятельств, в том числе при последовательно радикальной, бескомпромиссной позиции руководства страны, призвавшего народ к революции. На деле же логическая линия пробивает себе дорогу в обстановке, заставлявшей рядовых советских людей задавать себе вопрос: не отказалось ля руководство от политики перестройки, не победили ли окончательно силы торможения и реакции? Опасность такого поворота событий, основания для такой тревоги, конечно же, есть. Но в целом революционный процесс разворачивается, прогрессивные силы оживляются, крепнут, начинают консолидироваться и действовать независимо от позиции (а подчас и вопреки позиции) высшего руководства и партийно-государственного аппарата.

Существенные различия отдельных периодов в рамках 1985-1988 гг. определились влиянием следующих двух важных обстоятельств.

Во-первых, за четыре года, хотя и насыщенных новыми решениями руководства и реализующими их мероприятиями, не были осуществлены какие-либо действительно радикальные политические или экономические реформы. Положение в целом не вышло за рамки формиро-

вания субъективных предпосылок революции (за рамки её предэтапа), за рамки нарастания революционной ситуации.

Во-вторых, провозглашение курса на демократизацию, на революцию дало сильный толчок к самоопределению различных социальных сил, побудило многих отрешиться от позиции ожидания команд и послушного исполнения (или видимости исполнения) замыслов и планов руководства, инициировало действия людей в соответствии с собственным пониманием задач и содержания перестройки. Наряду с политикой перестройки «сверху» стали обозначаться и частично реализовываться стратегия и тактика революции «снизу». Конституирование и столкновение этих двух различных стратегий и тактик (в обстановке противодействия им обеим со стороны консервативных, неосталинистских сил) формируют реальную историю перестройки.

Первая ее стадия (апрель 1985 – январь 1987 **г.)** – ***вызревание политического курса перестройки***.

В этот первый период почти все, так сказать, «по одну сторону баррикад» – необходимость перемен осознаётся большинством народа и правящего аппарата, но поскольку суть их не прояснена, нет ни существенного сопротивления, ни существенной поддержки линии руководства. Выжидательная позиция господствует во всех слоях населения. Аппарат ждёт указаний, инструкций. Народ ждёт разрешений, послаблений, прочих благ и сетует на то, что «перестройка до нас ещё не дошла». Общественная мысль хотя и оживляется, но в целом ещё мало радикальна, ещё крутится в рамках старых стереотипов и дискуссий. Отдельные призывы к демократизации, к всестороннему революционному преобразованию общества, к десталинизации тонут в массе привычных рассуждений об отдельных недостатках, в массе мало увязанных между собой так называемых «конструктивных» предложений. Критическая переоценка прошлого и настоящего хотя и началась, но ещё не выдвинулась в центр внимания общественности, не стала фактором размежевания соци-

альных сил. В то же время явно возникает и начинает нарастать потребность в политических обобщениях, в ясной и развёрнутой идеологической платформе и программе перестройки.

Вторая стадия (январь 1987 – начало 1988 г.) – ***вывревание предреволюционной ситуации*.**

Начало этой качественно новой стадии перестройки положил январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС. Оглядываясь назад, можно различить в рамках января 1987 г. – начала 1988 г. два периода.

Один из них длился примерно до осени 1987 г. Это период общей активизации настроений и действий народа в поддержку перестройки. Второй (с осени 1987 г.) – начало размежевания социальных сил, вызревание условий для возникновения массовых демократических движений.

Сразу же после январского Пленума поддержка перестройки была в сознании очень и очень многих синонимом активного инициативного сотрудничества с партийно-государственным аппаратом, которому, как представлялось, помощь народа и опора на народ нужны для скорейшей реализации «линии Горбачёва». Несмотря на промедление с действительно радикальными реформами, на неадекватность большинства принятых в 1986-1987 гг. нормативных актов масштабности задач демократизации и социалистической нормализации, в самых разных слоях населения возникла устойчивая симпатия к акциям высшего политического руководства, атмосфера доверия к его планам и обещаниям.

На этом фоне началось пробуждение активности трудящихся, появились попытки инициативного социального поведения, соответствующего духу провозглашенной политической линии. В условиях расширения гласности и ослабления запретов на свободу слова становилось всё более очевидным, что социальная апатия, политическая пассивность (эти важнейшие признаки деформации социализма) были для многих формой неприятия навязываемой сверху казарменной идеологии и морали, своеобразным протестом против командно-карательного образа

правления. Заинтересованное отношение широкой общественности к проблемам, которые ранее, казалось бы, были для большинства безразличны (охрана природы, исторических памятников, алкоголизм, школьное образование и пр.), и, главное, стремление населения к экономической, культурной и политической самоорганизации стали существенными свидетельствами того, что значительная часть народа не смирилась со сложившейся системой руководства и что, следовательно, активность народа может быть переключена на борьбу за подлинную демократизацию, за гуманизацию общественных отношений, за социалистический прогресс. Дальнейшие события показали, что формула «с революцией шутить нельзя, нельзя играть в революцию», приобрела для СССР высокую актуальность вскоре же после январского (1987 г.) Пленума, фактически инициировавшего поддержку перестройки «снизу». 1987 г. вошел в историю перестройки как год зарождения в СССР новых демократических общественно-политических движений.

Наряду с первоначальной формой оживления общественной жизни – оживлением прессы – очень быстро во многих городах стали появляться дискуссионные клубы, самодеятельные объединения и инициативные группы, которые должны были удовлетворить потребности преимущественно рядовой интеллигенции и учащейся молодёжи в свободном политическом общении и в активной полезной общественной деятельности. Их появление было вполне закономерно в обстановке, когда трудовые коллективы, первичные профсоюзные, комсомольские и партийные организации оказались мало подходящими сферами активизации трудящихся. Три причины: неприятие руководством трудовых коллективов активной, смелой, новой позиции; неравномерность активизации (особенно политической) людей в коллективах; неприспособленность старых общественных организаций к инициативной гражданской позиции и деятельности своих членов – сыграли главную роль в конституировании новых ассоциаций трудящихся как межпрофессиональных, межколлективкых,

межтерриториальных.

Возникнув, общественные инициативные движения стали быстро политизироваться. При этом ничто не способствовало их политизации так, как негибкость, недемократичность местного партийного, советского и хозяйственного аппаратов, их неспособность работать с активизирующейся массой, их враждебное отношение к любой инициативе, командно-карательные инстинкты. 1987 г. был годом отчаянной, неравной борьбы новых общественных и общественно-политических объединений, клубов, групп с властями за официальное признание их права на существование. До сих пор, однако, это право законом не признано, не гарантировано; за объединениями, клубами и прочими самодеятельными организациями прочно укрепилось название «неформальные».

Главные достижения «неформального» общественно-политического движения в 1987 г.:

– возрождение забытого народами СССР свободного обсуждения политических проблем, открытого политического митинга;

– более смелое, чем в официальной печати и в официальных устных дискуссиях, социальное оппонирование казарменным порядкам, произволу, бесхозяйственности;

– создание обширной самодеятельной печати, не изуродованной цензурой;

– привлечение внимания общественности, а иногда и высшего руководства к актуальным задачам демократического законотворчества, к проблеме создания реальных гарантий политических прав и свобод – свободы слова, организаций и таких форм организованного протеста (волеизъявления) трудящихся, как митинги, собрания, демонстрации.

К концу 1987 г. самодеятельные общественно-политические движения, несмотря на их малочисленность, стали реальным фактором социальной жизни; они уже отражались в общественном сознании как нечто не только реальное, но и закономерное. Движения вплотную подошли к

задаче своего расширения, углубления, объединения отдельных клубов и групп. Обнаружилась ограниченность клубных форм работы, стала осознаваться потребность выработки долговременной стратегии демократического движения и такой его организации, которая позволяла бы эффективно действовать в рамках общей стратегии.

Проблема массового общественно-политического движения (на базе ли «неформального» или на иной социальной базе) к началу 1988 г. встала во весь рост как центральная проблема движущих сил революционного процесса. Осень 1987 г. – начало 1988 г. – это как раз тот второй период стадии вызревания предреволюционной ситуации, который стал началом размежевания социальных сил и подготовкой условий возникновения массовых демократических движений.

Каковы основные факторы отмеченных процессов?

Во-первых, политика гласности (при всех её недостатках и ограничениях) привела к постановке и широкому обсуждению исторических причин современного общественно-политического кризиса. До массового сознания стала доходить глубинная истина: подлежащая перестройке общественная система создана в результате укоренения антинародной сталинистской идеологии и практики, таким образом демократизация совпадает с десталинизацией советского общества. Была найдена тем самым и доведена до широкого сознания истинная мера радикальности предстоящей перестройки.

Во-вторых, консервативные силы преодолели растерянность (или заблокированность) и стали предпринимать сначала робкие, а затем всё более смелые демарши, пытаясь самортизировать последствия гласности, высвечивающей сталинистский характер современной политической и экономической системы советского общества.

В-третьих, в сознание масс было заронено сомнение в монолитности высшего руководства в отношении к перестройке. Из статей и речей были видны расхождения в подходах. На местах, кроме того, не скрывалось сдержанное и даже недоброжелательное отношение местных

руководителей к установкам высшего руководства.

В-четвёртых, прошедшие в 1987 г. съезды массовых организаций (профсоюз, комсомол и др.) показали людям, что их надежды на демократизацию старых, сталинских по своему типу организаций наверняка не сбудутся. Предсъездовские дискуссии способствовали оживлению людей, и оно требовало форм своей реализации.

Третья стадия в развитии взаимоотношений социальных сил (начало 1988 – лето 1988 г.) – **возникновение широких демократических движений, начало складывания различных идейных платформ.**

Видимо, к концу 1987 г. окончательно развеялись иллюзии о всеобщей поддержке политики демократизации и радикальных экономических реформ, о морально-политическом единстве партии, партии и всего народа. Даже **в** официальных партийных материалах формула «мы все по одну сторону баррикад», пригодная ранее как отражение всеобщего понимания кризисного характера ситуации в стране и необходимости что-то делать, уступила место констатациям обстановки «борьбы за перестройку как на производстве, так и в духовной сфере» [141], констатациям наличия наряду с поддержкой нового курса и имитации этой поддержки, и его саботажа[142]. Проблема, кто является сторонником перестройки, а кто – противником, стала предметом пристального внимания публицистики, начались её научные исследования, опросы общественного мнения.

На наш взгляд, осмысление проблемы движущих сил революционной перестройки в СССР возможно лишь при отказе от ряда стереотипов, свойственных рассуждениям о сторонниках и противниках перестройки. Один из них – представление о советском обществе как о классовом, тогда как всё явственнее и всё непосредственнее и в

---

[141] **Горбачев М. С.** ***Революционной перестройке — идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 6.***

[142] ***Там же. С. 23.***

истории, и в настоящем проступают признаки кастовой его структуры. Второй стереотип – рассуждения о сторонниках и противниках перестройки вообще, тогда как речь должна идти о расстановке социальных сил, о расширении или сужении социальной базы перестройки в зависимости от стратегии самой перестройки, в зависимости от того, в какой последовательности и какими методами решаются её узловые задачи. И третий стереотип, наметившийся зимой 1987-1988 гг., – рассмотрение вопроса о противниках и сторонниках перестройки как вопроса об отношении к преобразованиям в экономической сфере. На самом же деле, с одной стороны, радикальная реформа в интересах трудящихся может быть осуществлена только как составная часть социалистической демократизации страны, только если она будет опираться на демократизацию социально-политических отношений. С другой стороны, первые шаги в сторону хозрасчёта, самофинансирования, самоуправления, в сторону разнообразия форм хозяйствования осуществляются некомплексно, непоследовательно, зачастую, так сказать, «задом наперёд». Экономические меры остаются в большей степени декларациями, но отчасти открывают возможности легализации эксплуатации. Всё это приводит к недовольству трудящихся, дискредитирует идеи экономической реформы и перестройки вообще. Многие из трудящихся в течение 1987-1988 гг. резко отшатнулись от идей реформы хозяйства или же потеряли надежду на эффективность реформы.

В конце 1987 г. казался реалистичным прогноз массового рабочего движения за самоуправление на производстве, а также представлялось вполне вероятным возникновение массового стихийного и даже организованного протеста рабочих в связи с предполагаемым обострением насущных для них экономических проблем. «Неформальное» движение в этих условиях было озабочено установлением контактов с активной частью рабочих, со сторонниками демократизации на производстве.

Прогнозы эти не оправдались. К началу 1988 г. среди рабочих (и инженерно-технической интеллигенции и

служащих на производстве) возникли лишь отдельные очаги активизации. При этом общая обстановка на предприятиях и за его пределами никак не способствовала укреплению и расширению этих очагов. Напротив, стала актуальной проблема социальной защиты рабочих лидеров, активистов-одиночек, «правдолюбцев» в условиях произвола со стороны администрации, в условиях фактического бездействия или соглашательской позиции профсоюзов и вновь созданных советов трудовых коллективов.

И тем не менее массовые демократические движения появились именно в 1988 г. Но совсем по иным, чем прогнозировалось, причинам, с иными задачами и социальной базой. Перестройка «снизу» стала развиваться по сценарию именно антиказарменной (т.е. поначалу общедемократической) революции.

Для возникновения массового народного движения нужны, безусловно, цементирующие, консолидирующие идеи, причём такие, которые понятны массе, затрагивают её глубинные интересы, а потому масса способна долго удерживать высокую активность в борьбе за их осуществление. Одной из таких консолидирующих идей стала идея национального возрождения и народного (республиканского) суверенитета. Возникнув (поначалу в Нагорном Карабахе, Армении и Прибалтике), массовые народные движения очень быстро., буквально за 2-3 месяца стали перерастать из национальных в народно-демократические. Другими словами, натолкнувшись на препятствия в решении национальных проблем, движения стали осваивать такую логику борьбы, при которой защищённость интересов коренной нации и всего народа республики становится следствием изменения характера властно-управленческих отношений, следствием реализации права народов быть верховным субъектом власти.

В среде участников «неформального» демократического движения в течение всего 1988 г. постоянно обсуждался один и тот же вопрос: почему Россия и Украина так сильно отстали по массовости движения от лидирующих в этом отношении республик. Вопрос, поставленный в

такой форме, не прост для ответа. Более корректным является разбор причин, по которым демократическое движение именно в данном конкретном регионе страны сразу приобретало характер широкого народного движения. Отметим в связи с этим важнейший, на наш взгляд, фактор массовости народно-демократического движения в Прибалтике.

Характеристика сложившегося в СССР строя как казарменной деформации социализма не может быть в полной мере отнесена к Эстонии, Литве и Латвии, в которых возникновение казарменного общества имело существенную специфику. Сталинский режим был навязан прибалтийским народам в своём уже окончательно сложившемся виде, и его бесчеловечность была очевидна для этих народов с самого начала. Псевдогуманистическая, псевдосоциалистическая идеология, прикрывающаяся марксистской фразой, по-настоящему так и не стала «своей» для коренного населения Прибалтики. Во всяком случае, оставаясь чуждой для старших поколений, она не смогла стать доминирующей и в новых поколениях. Именно это глубокое – мировоззренческое и моральное – противостояние прибалтийских народов казарменному строю, а не чисто национальный (как это зачастую выглядит на поверхности) фактор является истинной причиной широкой массовости и радикальности демократического движения в Прибалтике.

Отношение к сталинистским по сути порядкам, в том числе сталинистской национальной политике, как к «своим», нормальным, справедливым (т. е. феномен, присущий казарменной деформации социализма) свойственно преимущественно тем жителям Прибалтики, которые переселялись сюда из других республик в послевоенные и в после сталинские времена. Они как бы не замечают, считают естественным положение, при котором ущемляются права и возможности развития коренной нации, не признаётся суверенность малого народа, его право распоряжаться своим национальным богатством и своей судьбой. На этой базе и возникли в Прибалтике так называе-

мые интернациональные (на деле – антиперестроечные, реакционно-шовинистические) движения, в которые оказались вовлечёнными оболваненные сталинистской великодержавной пропагандой рядовые рабочие. Сталинизм стал, таким образом, виновником ещё одного преступления – виновником разобщения народов в момент их пробуждения, виновником обострения национальных антагонизмов вокруг решения таких проблем, которые требуют, напротив, взаимопонимания, терпимости, единства.

Появление массовых движений в 1988 г. в Армении и Прибалтике, их быстрая политизация и эволюция в сторону всё большей радикальности и организованности резко оттенили слабость, зачаточность демократического общественно-политического движения в других регионах страны. Воодушевлённые примером Эстонии, некоторые активисты стали с весны 1988 г. форсировать объединение отдельных клубов и групп, уже существовавших в России, на Украине и в других регионах, в целях создания более широкой организации, которую можно было бы называть Народным фронтом. Замысел этот к осени 1988 г. не был осуществлён на деле, хотя и начали появляться (в Москве, Ленинграде и других городах) организации под названиями типа «Народный фронт». Этот замысел и не мог быть тогда осуществлён. Главная причина в том, что активисты движения не смогли выдвинуть радикальную позитивную программу, которая верно отражала бы первоочередные задачи антиказарменной революции, отодвигала бы на задний план несущественные на первом ее этапе расхождения во взглядах и в методах политической деятельности. Вместо организационного объединения начался, напротив, процесс идейного размежевания самодеятельных клубных образований, процесс более чёткого определения ими своих позиций, своих действительных и мнимых союзников и попутчиков.

Одно из крыльев клубного движения стало эволюционировать в сторону организаций типа «комсомола для взрослых». Да иначе и не могло быть в тех регионах (городах), где демократическое общественно-политическое

движение ещё не приняло массового характера. Отсутствие опоры в массах, отстаивание своего права на существование и деятельность в расчёте на поддержку благожелательно настроенных работников партийного аппарата – вот из-за чего многие из называющих себя социалистическими клубов и групп (во всяком случае выступающие от их имени активисты) часто шли на компромиссные уступки властям, на подрыв солидарности в движении в обмен на обещания режима благоприятствования, прежде всего на обещания помещений, а также других, необходимых для их функционирования условий. Деятельность ряда лидеров этого крыла движения стала отчасти приобретать фрондерские формы, формы игры в большую политику. Игры не безвредной, ибо вместо работы на координацию усилий всех, кто уже готов активно действовать на поприще демократизации, часть активистов из-за конъюнктурных, видимо, соображений пошла по пути наклеивания ярлыков политической неблагонадежности и публичного отмежёвывания от тех, кто не пользовался «лояльной» (абстрактно социалистической) фразеологией или же выходил в своих действиях за границы дозволенности, произвольно устанавливаемой властями.

Другое крыло движения пошло по пути радикализации, сделало ставку на постепенное перерастание клубных форм работы, переход к дееспособным, хотя и не массовым поначалу, общественно-политическим организациям.

Стало оформляться и либерально-центристское (и по платформе, и по способам деятельности) течение, в котором доминировала ориентация на сохранение собственно клубного характера деятельности.

Ещё одна идея, вокруг которой возникло в 1988 **г.** массовое народное движение, была подсказана высшим партийным руководством страны накануне XIX Всесоюзной конференции КПСС. Это идея формирования состава партконференции из активных сторонников перестройки по воле (избранию) всего народа — и рядовых членов партии, и беспартийных. В ходе выборов делегатов пар-

тийной конференции были широко апробированы способы прямого воздействия народа на состав и позицию органов, принимающих важные для общества решения. Этот опыт, показавший высокий интерес народа к делам политическим, дал основания для оптимистических прогнозов нарастания активности в ходе предстоящих выборов в органы Советской власти.

Первое полугодие 1988 г. положило начало формированию различных идейных платформ как отражения реального разнообразия и расстановки социальных сил. Роль катализаторов этого процесса сыграли, во-первых, открытый демарш противников демократизации (статья Н. Андреевой в газете «Советская Россия») и, во-вторых, кампания разработки наказов делегатам XIX партконференции.

Расхождения в мере радикальности различных течений антиказарменного движения стали явными при переходе к позитивным постановкам. Оказалось, что общность взглядов – это преимущественно общность негативного отношения к сложившейся системе. Но первые же более или менее серьёзные попытки формулирования программных положений, касающихся будущего страны, определения первоочередных задач, а также принципов организации самого движения, обнаружили существенные различия в представлениях. Это воспрепятствовало летом 1988 г. (впрочем, мешало и потом вплоть до начала предвыборной кампании) даже эффективной координации действий, не говоря уже об объединении всех в рамках единого блока.

К лету 1988 г. фактически вызрели и в ряде случаев были представлены в документах конкретных неформальных организаций следующие идейные платформы:

– *радикальная демократическая;*

– *либерально-реформистская;*

– *эклектические*, несамостоятельные платформы (абстрактно социалистические, а также псевдосоциалистические, псевдодемократические);

– *консервативная* (антиперестроечная) платформа.

К этому следует добавить еще платформу движения, называющего себя национал-патриотическим. Это платформа «Памяти», сформировавшаяся в главных своих чертах ещё до 1988 г. закамуфлированная, как это бывало уже в истории, под отвечающую чаяниям трудового, простого народа.

В рассматриваемый период, как и в 1987 г., последовательно марксистско-ленинская платформа не встречала широкой поддержки в дискуссиях и обсуждениях и редко противопоставлялась другим платформам. Многолетняя (в течение двух-трех поколений) угнетённость общественной мысли, почти полное отсутствие политического общения удерживали политическую культуру масс на низком уровне. Начиная с 1987 г. массовое политическое сознание проделывало как бы заново весь многовековой путь. Оно блуждало, ошибалось, попадало в тупики, но вызревало.

Модным стал лозунг деидеологизации. Он отражал не что иное, как потребность отказа от сталинистской идеологии. Такая, в основном негативная ещё потребность допускает широкий спектр состояний сознания, уходящего от сталинизма. Многие искренне считали и считают при этом, что уходят от марксизма-ленинизма. Вот почему эклектика, прагматизм, либерализм и другие нецелостные, недолговременные идеологии казались массе предпочтительнее марксизма-ленинизма, который для многих пока ещё непосилен, слишком радикален и слишком последователен. Он «жестковат» и категоричен. Только столкновение массового политического сознания с реальными проблемами общественного движения способно показать и доказать истинную ценность марксизма-ленинизма. Первые же серьёзные столкновения с ситуациями революционного типа возбуждали подлинный интерес участников движения к анализу, проделанному с позиций марксизма-ленинизма.

Начало четвёртой стадии в развитии взаимоотношений социальных сил следует датировать XIX Всесоюзной партийной конференцией. Это стадия ***консолидации***

и активизации консервативных сил, обозначения революционной ситуации, начала прибалтийских движений.

Импульсы сверху, питавшие перестройку в 1985-1988 гг. к середине 1988 г., похоже, в основном исчерпали свою силу. XIX Всесоюзная конференция КПСС стала водоразделом двух этапов перестройки. До неё импульсы перестройки шли преимущественно сверху, после неё – преимущественно снизу. Противостояние различных социальных сил стало особенно явным на конференции и сразу после неё. На конференции ряд делегатов прямо призывал приструнить прессу, угомонить «неформалов» и т. д. После конференции к этому добавилось ужесточение мер против возрождающихся форм свободного волеизъявления трудящихся (митингов, демонстраций, забастовок), в том числе активизировалась нормотворческая деятельность, возводящая деформированные, казарменные порядки в ранг законных. Лозунг правового государства всё отчетливее стал воплощаться в жизнь как законоподобное оформление командно-карательных методов управления. Обещанная реформа политической системы вылилась в модернизацию прежней системы. Демократизации сверху не произошло.

Опасность неосталинистского демарша кастово-паразитической части аппарата, не желающей демократизации, стала не просто реально вероятной, а начала реализовываться под лозунгом борьбы якобы со стихией, анархией, массовыми беспорядками, с экстремизмом. Антиаппаратные позиции и акции стали впрямую отождествляться с антиобщественными, с антисоветизмом, антисоциализмом, национализмом. Некоторая растерянность правящей касты, наблюдавшаяся в 1986-1987 гг., в 1988 г. сменилась тенденцией к обретению уверенности в незыблемости монополии на власть. Реформа избирательной системы одновременно выявила и новые формы сохранения и закрепления этой монополии. Аппарат тем самым стал расписываться в своей неспособности управлять перестройкой, работать с активизирующейся массой, в сво-

ём нежелании и неспособности управлять по-новому.

В то же время массовые движения в стране уже начались. Правда, не везде, неравномерно по регионам, но начались. Задачи борьбы с монополией аппарата на власть, замены этой монополии народовластием, преобразования Советов в органы народовластия проникли в массовое сознание. Конечно, не везде одинаково глубоко, одинаково прочно. Однако неизбежность именно борьбы за кардинальное, демократическое переустройство общества стала, наконец-то, осознаваться. Таким образом, к осени 1988 г. обозначилась революционная ситуация, а потому вопрос о средствах и методах осуществления антиказарменной революции стал актуальным для народа, стал вопросом организации его практической деятельности.

Эффективные способы этой деятельности были продемонстрированы прибалтийскими народами, демократические движения которых к осени 1988 г. достигли по размаху, задачам и результатам уровня народно-демократических революций. Важнейший фактор политической зрелости прибалтийского (в первую очередь эстонского) движения, позволивший выдвинуть истинно революционные цели и приступить к их осуществлению, – лидирующая роль в этом движении высококвалифицированной гуманитарной интеллигенции. Благодаря её усилиям революции получили чёткие, взвешенные, глубоко гуманистические и профессионально грамотные программы радикального комплексного переустройства общественной жизни. Была найдена также и наиболее, видимо, подходящая конкретно-историческая форма вовлечения самых разных слоёв населения в демократическую революцию – открытое для всех движение, не накладывающее каких-либо формальных ограничений на участие в нём членов официальных политических организаций.

Заканчивая рассмотрение стадий развития взаимодействия социальных сил в 1985-1988 гг., мы считаем необходимым подчеркнуть, что одна из крупнейших заслуг (и даже, возможно, самая главная заслуга) «апрельского кур-

са» – сдержанность в применении репрессивного аппарата против народа. Эта сдержанность позволила оформиться зачаткам общественных движений, в том числе демократических. В некоторых республиках начались национальные движения, переросшие в народно-демократические революции. Это уже создаёт определенные шансы необратимости перестройки. Возникли первые программы демократических преобразований, выдвинутые движениями. Дело дошло до диалога народных движений с властями. При этом неравномерность активизации масс и возникновения демократических широких движений сделала суждения о перестройке недостаточно отчётливыми, недостаточно конкретными и практичными.

Выходя за пределы анализируемого нами периода (1985-1988 гг.), отметим, что кампания по выборам народных депутатов СССР дала, как и ожидалось, новые импульсы и новые формы демократического движения. Главное, что, видимо, произошло в ходе предвыборной кампании, – это вовлечение в собственно политическую деятельность таких слоёв населения, которые ранее не проявляли к ней почти никакого интереса, а также подключение к активным формам политической деятельности трудовых коллективов. В ходе предвыборной кампании в регионах, отставaвших в развитии демократического движения, стали формироваться, апробироваться на практике способы совместного действия людей, находящихся на разных ступенях общественной иерархии (рядовые служащие, студенты, рабочие, номенклатурная интеллигенция) и в разных по идеологическим представлениям направлениях антиказарменного движения. Практическая работа стала выковывать реальную согласованность действий, отодвинув на задний план идейные расхождения и личные амбиции.

4. Тактика (окончание). Средства и методы революционных преобразований

Необходимость адекватности средств и методов

целям общественных преобразований доказана не только теоретически, но и всем опытом человечества. Средства должны принципиально, по своему характеру соответствовать целям, иначе достигаются результаты, качественно отличные от самих целей. Эта истина находит сейчас всё больше подтверждений и в анализе исторических корней современного кризисного состояния советского общества.

Применительно к перестройке проблема средств, адекватных её объективным задачам, первоначально стояла следующим образом: возможно ли в условиях, сложившихся в стране к середине 80-х годов, возникновение широких демократических движений, устойчивой революционной активности народа? 1988 г. перевёл вопрос о реальности социальной революции в СССР в разряд недискуссионных. В то же время начало массовых движений под лозунгами перестройки, демократизации, национального возрождения поставило проблему соотношения целей и способов радикального обновления общества много конкретнее, обнажились её истинное значение и сложность.

Проблема, выдвинувшаяся теперь на первый план, такова: каким образом в условиях глубокой и становящейся всё более явной противопоставленности народа и командно-бюрократического аппарата обеспечить *мирное* разворачивание революционного процесса? Мирный ход революционных преобразований – острейшая потребность народа, чётко зафиксированная общественным сознанием в 1988 г.

Следует заметить, что в либерально-реформистских кругах интеллигенции эта потребность выражается, как правило, в извращенной форме: вопрос о правомерности тех или иных методов революционного по содержанию действия подменяется вопросом о правомерности самой революции. Странным и безответственным на фоне развивающихся событий (в частности, на фоне прибалтийских народно-демократических революций) выглядят модные в либерально-реформистских кругах рассуждения о революции как социальной катастрофе, хаосе, кровопролитии,

гибели надежд на возрождение гуманных принципов общественной организации. По нашему убеждению, катастрофой стало бы прекращение начавшихся революционных процессов, поскольку в условиях консолидации реакционных сил, попыток запугивания народа единственным способом предотвратить утверждение открытой диктатуры, победу неосталинизма является как раз наращивание силы демократического движения, организованное противостояние командно-репрессивному аппарату. Кто, когда и как, ценой каких жертв проделает вновь работу по возрождению политического самосознания и активности народа, если предоставленный ныне исторический шанс на выход из казарменной деформации не будет использован?

Конечно, даже опираясь на мировоззренческие представления о диалектической взаимосвязи целей, используемых средств и действительных результатов, а также на уроки истории, нельзя расписать заблаговременно, запрограммировать конкретные методы и средства, которые должны быть применены для достижения целей перестройки. Но нужно и можно обозначить побудительные мотивы и характер возможных типичных ошибок, обусловленных недооценкой или сознательным игнорированием требования адекватности средств целям революционного преобразования. Материал для таких предостережений даёт уже и опыт 1985-1988 гг.

Кому, однако, предназначены наши наблюдения и выводы?

Еще 2-2,5 года назад (т. е. до начала народных демократических движений) правомерно было адресовать их преимущественно инициаторам перестройки в высшем руководстве страны, поскольку именно они выступали тогда практически единственным активным субъектом новой политики, следовательно, единственным потенциальным заказчиком и потребителем выводов демократически ориентированной общественной науки. При этом главным направлением научных поисков было в тех условиях обоснование путей и способов активизации народа, задач и конкретных лозунгов, способных вывести его из состояния

социальной апатии, вызвать поддержку новой линии руководства «снизу». Теперь ситуация принципиально переменилась. Политическая активность парода, достигшая уровня общественных движений, и размежевание социальных сил требуют дифференцированного подхода ко всем проблемам перестройки и в первую очередь – к проблеме её тактики. Теперь уже нельзя рассуждать о прогрессивных силах, о прогрессивности тех или иных действий вообще. Требуется, напротив, учитывать специфику социальных позиций инициаторов перестройки (в партийном и государственном руководстве) и вновь сформировавшихся активных субъектов антиказарменной революции – народно-демократических движений. Характер объективных интересов прежних и новых субъектов политического действия определяет существенные различия в возможной степени их радикальности, в мере реальной способности к освоению исторических ролей начавшейся революции, к последовательному применению необходимых для её осуществления средств и методов. Таким образом, у общественной науки появился новый адресат – политические деятели и организации, взявшие на себя роль руководителей революции «снизу» и тем самым главную долю ответственности перед историей за будущее страны, за её возвращение в русло прогресса.

Центральным моментом в реализации стратегии антиказарменной революции, как мы уже отмечали выше, являются последовательные радикальные реформы политической системы, суть которых – в создании механизмов демократического народовластия. Эту задачу нельзя ничем заменить, нельзя откладывать на будущее. Сторонники перестройки в высших эшелонах власти и управления находятся, однако, в ситуации постоянного давления со стороны консервативных и реакционных кругов, выдвигающих на первый план более актуальные с их точки зрения задачи. Причём этими задачами оказываются якобы такие, которые оправдывают использование недемократических методов и средств в ходе перестройки, что коренным образом расходится с главным содержанием перестройки

как антиказарменной демократической революции, с её целями.

Один из ведущих, всё настойчивее повторяющихся аргументов в пользу применения недемократических методов и средств – чрезвычайность сложившейся в стране конкретно-исторической ситуации. Не подлежит сомнению, что ситуация действительно чрезвычайна, что страна находится в состоянии глубокого всестороннего кризиса. Но осознать чрезвычайность ситуации и применять для выхода из неё любые, в том числе недемократические, меры – вещи совершенно разные.

Не следует забывать, что апеллирование к чрезвычайным обстоятельствам для оправдания чрезвычайных недемократических, негуманистических средств и методов – специфическая особенность казарменной деформации социализма. Чрезвычайными обстоятельствами оправдывались и до сих пор оправдываются практически все античеловечные акции сталинского режима. Советским историкам ещё предстоит раскрыть конкретные мотивы, которые побудили Сталина и сталинский аппарат отойти от ленинской новой экономической политики и сделать ставку на форсированную коллективизацию и форсированную индустриализацию.

Однако принципиальный разрыв с ленинизмом состоял не в переходе к так называемому «урезанному хозрасчёту», который, возможно, как раз был оправдан необходимостью быстрой структурной перестройки хозяйства. Принципиальный разрыв с ленинизмом состоял в тотальном применении вместо демократических средств и методов управления жизнедеятельностью общества методов диктатуры – принуждения, насилия, произвола. Этому нет оправдания, для этого не было и никогда не может быть объективных причин. Важно преодолеть всё ещё широко распространенное убеждение в исторической оправданности сталинских методов чрезвычайными обстоятельствами. Важно потому, что социальные силы, объективно не заинтересованные в демократизации сложившейся системы властных и управленческих отношений, непременно

будут настаивать на чрезвычайности внутреннего и внешнего положения СССР, будут провоцировать возникновение действительно чрезвычайных новых обстоятельств. Ситуация, сложившаяся в стране, требует незамедлительных действий по выполнению перечисленных выше узловых социально-политических задач. При этом чрезвычайной задачей является общедемократическая реформа политической системы. Нет никаких других более важных, более приоритетных задач.

Сильный побудительный мотив, подталкивающий властвующих сторонников перестройки к прежним, недемократическим методам, – стремление побыстрее предъявить советскому народу и всему миру свидетельства эффективности политики перестройки. Конкретные проявления такой тактики форсирования (поторапливания) могут быть самыми разнообразными. Укажем на две наиболее типичные, на наш взгляд, её особенности.

Первая – требование быстрых ощутимых результатов до того, как созданы все необходимые предпосылки для их получения. Например, требования к ведомствам, к местным партийным органам и хозяйственным руководителям побыстрее перестроиться и, скажем, улучшить снабжение населения, повысить производительность труда, ликвидировать факты извлечения нетрудовых доходов и т. п. не могут быть выполнены с должной глубиной до того, как будет проведена радикальная реформа управления экономикой. Резервы прежней системы управления практически исчерпаны. Откуда же взяться быстрым успехам? В этих условиях тактика поторапливания приводит лишь к появлению новых, модифицированных форм командно- карательного типа управления.

Демократическая наука и лидеры революции «снизу» должны противопоставить такой нереалистичной и гибельной для перестройки тактике предельно открытый, откровенный разговор с народом, всесторонний анализ причин, по которым нельзя быстро выправить экономическое положение. Требуется ориентировать активность народа на борьбу за создание политических предпосылок

проведения радикальных экономических реформ в интересах народа – на создание надёжных механизмов социальной защиты прав и свобод трудящихся в хозяйственной сфере, механизмов народного контроля, которые удерживали бы развитие хозяйственных отношений в общедемократическом русле.

Вторая особенность тактики форсирования – приоритет быстроты действий над законностью действий. Восстановление и укрепление силы демократического закона – это такая задача, которая не может быть принесена в жертву никаким соображениям. Многие вопросы перестройки решаются ныне на основании рекомендации высших и местных партийных органов, не имеющих статуса закона, что совершенно неприемлемо, ибо это воспроизводит старую практику, не способствует повышению правосознания и укреплению правопорядка. Приоритет быстроты действий над законностью приводит, как правило, к кампанейщине, к игнорированию местных особенностей, к нарушению демократического принципа добровольности перехода населения к новым формам жизнедеятельности, которые руководство почему-либо считает эффективными. Тактика поторапливания неизбежно сопровождается принуждением, навязыванием, поскольку побуждает ведомственный и местный аппарат отчитываться перед руководством о принятых мерах и достижениях.

Революция «снизу» должна противопоставить таким методам последовательную, бескомпромиссную борьбу за создание демократического правового государства, в котором партийный аппарат потерял бы возможность произвольно командовать, понукать и репрессировать, имитировать бурную деятельность во имя народного блага.

Ещё один побудительный мотив, объективно подталкивающий реформаторов в руководстве к применению недемократических методов ради достижения конечных целей перестройки, – стремление успокоить, нейтрализовать её реальных противников, чтобы не спровоцировать насильственное подавление начавшихся процессов с их стороны. Тактика таких уступок реформаторов командно-

репрессивному аппарату не может принести успеха мирному ходу перестройки, если она касается принципиальных вопросов, откладывает политическую демократизацию до лучших времен. Она, напротив, вызывает сейчас не только антиаппаратные настроения и акции, но и утверждает в общественном мнении убеждение в неспособности инициаторов перестройки возглавить выход страны из кризиса. Что же касается реакционных слоев, то никакие тактические приёмы не способны сделать их сторонниками революции. Тактика уступок только помогает реакционным слоям собраться с силами, консолидироваться, расколоть зреющий союз всех заинтересованных в радикальных преобразованиях и восстановить казарменные порядки,

Тактике уступок реакционным силам должна быть противопоставлена тактика, вынуждающая командно-репрессивный аппарат к компромиссу с демократическими общественными движениями на условиях, отвечающих интересам народа в последовательном развитии демократических преобразований. Такой вынужденный компромисс предполагает по меньшей мере равновесие противостоящих социальных сил. А потому тактика мирной революции – это инициирование политической активности народа (а не её сдерживание), усиление организованности и сплочённости демократических движений (а не их разобщение из-за частных различий), радикальность и решимость в общественном давлении на властные структуры.

В своей классической работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин, анализируя условия созыва такого учредительного собрания, которое действительно выражало бы волю народа, отстаивал необходимость постоянного давления на временное революционное правительство со стороны вооружённого и руководимого пролетарской социал-демократической партией народа[143]. Современная антиказарменная революция в СССР не делает ставку на воору-

---

[143] ***См.:*** **Ленин В.И.** *Полн.* ***собр. соч. Т. 11. С. 11, 13 и др.***

женное восстание. Её методы – это организация широкого движения в поддержку перестройки и сопротивления силам реакции, движения за последовательное оздоровление старых и создание новых, демократических властных структур, за создание таких социальных механизмов, при которых установление, правовое закрепление и защита личной свободы и равноправия граждан будут предпосылкой осуществления власти и управления как воли народа, как демократического народовластия.

Народно-демократическая революция может победить, если не будет потеряна уверенность в превосходстве сил объединившихся советских народов над силами реакции, неосталинизма, шовинизма. Решающая роль в обретении народами этой уверенности принадлежит сегодня интеллигенции. На стадии первоначальной активизации трудящихся, вызревания предреволюционной ситуации интеллигенция (причём преимущественно либеральная интеллигенция) проделала в рамках литературно-публицистической деятельности исключительно важную работу по осмыслению истории и задач страны, по возрождению тем самым политического самосознания народа. На стадии революционной ситуации и начала демократических революций народу нужен интеллектуальный авангард внутри самого движения, нужен практический союз со своей интеллигенцией. Такую функцию может и должна выполнить теперь радикальная демократическая интеллигенция. Непременным условием действительно демократической, гуманистической ориентации массовых общественных движений, гарантией от примитивизации целей и от грубого экстремизма методов, условием радикальности и одновременно реалистичности выдвигаемых движениями задач, а потому и дорогой к вовлечению в революцию всё более широких слоёв населения является (и это уже подтверждает накопленный опыт самой перестройки) авангардная роль политически зрелой, гуманитарно грамотной, по-революционному ответственной интеллигенции.

Глава четвёртая
СОВЕТСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА: СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Когда общество находится в движении, пусть даже и в несколько замедленном, для всего обществоведения наступает настоящий праздник. Накопленные годами упорной работы научные подходы и выводы, идеологические представления, сложившиеся под воздействием всегда неповторимых конкретных обстоятельств, официальные установки, бытующие в обществе мифы и стереотипы мышления – всё это предстаёт перед «страшным судом» живой общественной практики. Понятно, что практика не прекращается и в самые застойные годы, но в эти годы она как бы не занимается проверкой на истинность всего того, что происходит в головах людей, в общественном сознании. Зато в период оживления общественная практика, потребности развития выдвигаются на позиции почти что непосредственного критерия истинности. Общество стряхивает прах отжившего со своих ног, но в той же мере очищается и его сознание.

В условиях перестройки (на первом её этапе) представления меняются даже быстрее, чем сама материальная практика. Интеллигенция становится вдруг необыкновенно нужной всем – и правительству, и народу. Так и должно быть: ведь общественная функция интеллигенции в том и состоит, чтобы отражать, выражать, выявлять существо потребностей перемен и самих перемен, ориентировать общественность в происходящем и грядущем в их увязке с минувшим. Нелишне подчеркнуть, что сама эта функция не может не выполняться как бы в двух взаимодополняющих режимах. С одной стороны, это неторопливое, фундаментальное обобщение, мудрая отстранённость от эмоций и тщательное проникновение в устойчивое, живучее, предопределяющее облик будущего. С другой – это оперативное интеллектуальное реагирование на ход событий, фиксация созна-

нием с научной глубиной существенных изменений ситуации. Такой анализ «по ходу дела» имеет свою ценность – он позволяет научно обслуживать действующие в перестройке социальные силы, помогать им своевременно корректировать практические политические действия.

Попробуем дать краткий (укрупнённый) анализ советской перестройки по некоторым из её ключевых направлений. Напоминаем, что перед нами практика перестройки 1985-1988 гг.

Перестройка политической системы

Главным итогом первых лет перестройки мы считаем осознание советским обществом необходимости радикальной реформы сложившейся политической системы. Непригодность системы, при которой народ отлучён, отчуждён от власти, стала понятной большинству. Но сохраняется твёрдая уверенность большинства, что советским обществом руководят друзья народа, преданные народу люди. Отсюда надежда на то, что приобщение народа к власти произойдёт при помощи реформы. И хотя М.С. Горбачёв говорит о социальной революции, большинство это не относит к политической системе. И хотя М.С. Горбачев признаёт наличие противников перестройки и говорит об их сопротивлении, большинство всё же предпочитает уповать на то, что руководство уймёт этих противников, поставит их на место, кого-то постепенно заменит, а кого-то постепенно перевоспитает. В целом большинство общества строит своё отношение к перестройке политической системы на принципах либерализации, постепенного продвижения к желаемому, модернизации существующей политической системы.

Характерным подтверждением этого вывода является то обстоятельство, что более или менее заметную активность вызывают частные события, а не состояние дел в целом. Например, порядок выборов делегатов на партконференцию, а не тезисы и не решения партконференции; июльские (1988 г.) указы о митингах, демонстра-

циях и о полномочиях войск специального назначения[144], а не состояние защиты прав человека в целом; ограничение подписки на газеты и журналы, а не состояние гласности и свободы слова; недемократическое применение нового порядка выборов, а не сама общая недемократичность этого порядка и т. д.

Подтверждением вывода о свойственном большинству либерально-компромиссном отношении к перестройке политической системы является и отношение народа к КПСС. Идея многопартийности отвергается руководителями КПСС без особого развёртывания контраргументов. В основном при этом фигурирует ссылка на то, что однопартийная система сложилась в СССР исторически и что многопартийность, как показывает опыт буржуазных стран, не гарантирует демократию. Но самое интересное в том, что для очень и очень многих вопрос об однопартийности или многопартийности вообще не актуален или крайне мало актуален. Руководящая и направляющая роль КПСС в обществе стала настолько привычной, решение любых вопросов через партком или райком, жалобы в ЦК как в верховную государственную инстанцию стали настолько естественным делом, что для рядового человека КПСС и советская политическая система, Советская власть – полные синонимы. Мы полагаем, что именно это обстоятельство имел в виду М.С. Горбачев, когда в 1986 г. выдвинул положение, получившее затем развитие: партия сама должна перестроиться, перестройка должна начаться с партии.

Последние годы подтверждают, что судьба перестройки советской политической системы – это одновременно и судьба партии.

---

[144] Имеются в виду Указы Верховного Совета СССР «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» и «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка» от 28 июля 1988 г.

Не станем повторять критические оценки в адрес низовых, региональных и высших органов КПСС, высказанные на съезде и Пленумах ЦК КПСС, в печати. Стиль и методы работы, способы подхода к массе, сложившиеся к середине 80-х годов, не отвечают задачам перестройки, понимаемой как революция. В 1985-1987 гг. в партийном аппарате, в партийных организациях начался и пошёл процесс осознания ситуации, необходимости перемен.

Часть аппарата парторганов (к сожалению, меньшая) более или менее ясно поняла свои функции в перестройке. Значительная же часть аппарата (особенно в райкомах и обкомах) оказалась тогда как бы в растерянности. Вышестоящее руководство выдвигало общие установки и повышенные требования, ожидало быстрой отдачи и уже взыскивало за медленность перестройки, а как конкретно её делать – не объясняло. Вышестоящее руководство рассчитывало на инициативу, самостоятельность, на контакт **с** активизируемой массой трудящихся как на реальный резерв улучшений в работе.

Но именно этот резерв, как правило, и не даётся райкомам и обкомам, ибо работающий в них аппарат сформировался как раз как аппарат специалистов по пресечению инициативы и самостоятельности, державшихся в отдалении от массы трудящихся и боявшихся контакта с нею даже в пору её пассивности. Многие партаппаратчики (особенно, к сожалению, из людей помоложе) усвоили манеру контактировать с массой трудящихся и с низовыми парторганизациями исключительно в командно-нажимном стиле. Этот стиль проходит и сейчас, но возросла вероятность получить отпор.

Вот почему немалая часть работников райкомов и обкомов к концу 1987 – началу 1988 г. считала, что масса вышла из-под управления, а потому просто-напросто стала бояться массы. Нет иных способов демократизировать работу парторганов, приблизить их к массам и к задачам демократизации, кроме как выдвинуть на партийную работу людей «из массы». Сделать это надо не по заведённому в 70-80-е годы принципу повышенной исполнительно-

сти, любви к аккуратным отчётам и рапортам, к писанию резолюций, личной преданности, а по принципу убежденности в необходимости радикальной перестройки, любви к реальному живому делу, умению работать с массой, относиться к массе по-товарищески. Словом, надо бы возродить тип партийного работника, следующего традиции большевистских комиссаров ленинского периода. Таким людям народ поверил бы.

Главным в перестройке работы партийных органов является отказ, решительный отказ от командно-нажимного стиля руководства. В качестве первого реального шага к этому могло бы быть исключение из деятельности партийных органов всего, что является нарушением законов или подталкивает к нарушениям законов. Партия должна показать пример строжайшего соблюдения законности, укрепления правопорядка всеми силами. Ничто другое не может так быстро укрепить авторитет партийных органов в народе.

Жизнь партии, перестройка её работы пошла, однако же, не столь прямым путем. С одной стороны, XIX Всесоюзная конференция КПСС приняла резолюцию «О демократизации советского общества и реформе политической системы», определила пути демократизации партии. С другой стороны, партийные органы, преодолев некоторую растерянность, принялись восстанавливать традиции своего командно-нажимного руководства. Стремление быть выше закона, управлять, произвольно трактуя закон, некоторые партийные органы в яркой форме, откровенно продемонстрировали в ходе избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР.

Существо процессов, происходящих в партии и во всей советской политической системе, оттенили события в Армении и Прибалтике. Высокий уровень активизации целых народов породил в 1988 г. реальное двоевластие в некоторых республиках. В Прибалтике «поющие революции» привели к важным шагам в сторону демократизации, в Армении, напротив, народное движение побудило власти занять жесткую позицию, и дело дошло до особого по-

ложения. События в этих республиках заставляют сделать фундаментальный вывод: советская перестройка пошла неравномерно.

Перестройка пошла неравномерно, а мероприятия по реформе политической системы продолжают подготавливаться и проводиться так, как будто везде и всюду процессы идут по графику, составленному в центре. Не случайно поэтому в 1988 г. участились так называемые несанкционированные события и акции, что свидетельствует о замедленности перестройки центра. Всё чаще и чаще в выступлениях руководителей стал повторяться мотив: те или иные претензии к руководящим органам необоснованны, ибо именно руководство партии выступило инициатором перестройки. Всё большее и большее число действий снизу воспринимается как давление, забегание вперёд, стремление опередить график решения различных вопросов политической реформы.

Суть дела тут ясна. Руководство действительно имеет приоритет в постановке многих вопросов перестройки на повестку дня. Но, видимо, оно исходит из концепции перестройки как «революции сверху», т. е. из сугубо реформаторских представлений о механизме коренных изменений в обществе. Хотя руководство призывает к активизации, в том числе и к политической активизации, но, похоже, представляет себе облик активного народа по образцу активности и энтузиазма сталинской эпохи, т. е. как активность полностью послушных исполнителей решений и резолюций сверху. Но народ (составляющие его социальные группы) всерьёз отнёсся к призывам действовать активно, осуществлять живое творчество. Он начал порождать новые формы жизни, действий. Все это никак нельзя было предусмотреть заранее, тем более в деталях и с указанием сроков и очередности.

Встретившись с новым, идущим снизу в поддержку перестройки, партийные и другие руководящие органы восприняли его как непредусмотренное, неразрешенное, несанкционированное, преждевременное. Руководители перестройки оказались явно неготовыми к активности сни-

зу.

Можно ли было избежать создавшейся ситуации, при которой руководство, призывавшее к активизации масс, оказалось в положении испытывающего давление снизу?

В самой такой «перемене ветра» нет ничего парадоксального. Активизация массы в периоды политического подъёма идёт не по заранее придуманному сценарию, не поддаётся дирижированию. Нарастание активности содержит в себе немалый запас стихийности, на поверхность политической жизни выходят разнообразные устремления, получают влияние на настроения людей разнообразные факторы. Поэтому надо быть готовым к появлению активности не только в желаемом направлении. Когда в паруса перестройки начинают дуть встречные ветры и завихрения, это давление надо бы преодолевать активизацией сторонников перестройки. Не думаем, что в этом отношении всё сложилось удачно в 1987-1988 гг. Взять хотя бы шовинистические, имперские настроения и движения, вроде интердвижения в прибалтийских республиках. Они явно тормозили перестройку, провоцировали сдвиг народно-демократических движений в сторону усиления центробежных побуждений. В то же время население России было как бы изолировано от событий в Прибалтике, так как пресса давала информацию, крайне извращающую суть происходящих процессов. Только российские демократические силы способны были унять и умерить антиперестроечную активность так называемых интердвижений в Прибалтике. Но включить этот противовес руководство страны не то не сумело, не то не захотело. В результате – усиление напряженности, совершенно ненужное для перестройки.

Вторая проблема «перемены ветра» – активизация сторонников перестройки и их мощное, активное движение в русле, необходимом перестройке. Всё большее число людей, уяснив суть программы перестройки, принялись её делать. Но привнесённый ими прилив энергии напугал руководителей, они восприняли и это массовое движение как

нежелательное давление, что можно считать серьёзным просчетом. К приливу активности сторонников перестройки надо было приготовиться.

Как необходимо было поступить? Принципиальный ответ ясен. Следовало серьёзно, глубоко продумать, до каких пределов можно и нужно отступить, какие привычные идейные, организационные, кадровые, политические, экономические позиции надо будет оставить при успешном ходе перестройки. Следовало возглавить переход с этих позиций на новые, демократические. Но аппараты разных уровней взяли на себя задачу сдерживания движения на новые рубежи, защиты привычных рубежей. К примеру, потеряно немало времени в перестройке таких массовых общественных организаций, как ВЛКСМ и советские профсоюзы. Прошли съезды этих организаций, не давшие, по существу, никаких перемен ни в формах, ни в методах их действия. Лишь в начале 1989 г. ВЛКСМ нашёл в себе силы выработать более или менее современную программу действий и модернизированную концепцию комсомола. Профсоюзы ещё дольше не трогались с прежних позиций. Мало того, что и комсомол, и профсоюзы не сумели быстро отреагировать на потребности жизни. Много месяцев они вели активную борьбу со сторонниками нового, противостояли «давлению» демократических сил, защищали консервативные позиции.

Примерно по той же схеме сложилась судьба избирательной системы. На XXVII съезде КПСС (1986 г.) было обещано внести необходимые коррективы в советскую избирательную практику. Но нужны-то были не коррективы, а переход от назначения депутатов партийными органами к выборам. Это давно было понятно всем. И вот коррективы – выборы в порядке эксперимента по многомандатным округам. Подавляющее большинство народа и до сих пор не понимает, в чём суть этого новшества, что экспериментально проверялось и зачем проверять очевидные вещи. Многие сходятся на том, что при организации выборов в местные Советы консервативные силы воспрепятствовали давно назревшим реформам и выиграли несколько лет, не

подпустив к власти сторонников перестройки, не дав им установить контакт с народом в ходе демократической избирательной кампании. Если бы в ту пору начался переход к демократическим выборам, страна подтянула бы к перестройке миллионы новых людей, научила бы кандидатов в депутаты работать с массами. Мы имели бы сейчас живые, а не мертвые местные Советы. Опыт демократических выборов оказал бы неоценимую пользу при избрании народных депутатов в 1989 г. Но время упущено. Паруса перестройки обвисли в ту пору из-за того, что свежий ветер народной активности был погашен.

Избирательная кампания 1989 г. показала, как сильна тяга народа к демократизации, какие огромные потенции всё ещё остаются в резерве. Можно за многое критиковать и новый закон о выборах, и проведение самой кампании. Но при всех недостатках демократия сделала шаг вперёд, быть может, решающий шаг. Люди хотят и могут быть политически активными – вот главный вывод. Он обнадёживает.

Экономическая реформа

После июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС можно считать, что определены в основном верные и достаточно радикальные направления экономических преобразований. Правда, законы, принятые в развитие решений Пленума, оставляют желать лучшего именно как законы. Но всё же они дают определённые правовые основания для активных действий в нужном направлении; Осуществляемые с 1988 г. мероприятия хозяйственной реформы не имеют, однако, должного эффекта. Причин тут несколько. Но главная, от которой берут свое начало многие другие, – проведение экономических преобразований в отрыве от соответствующих политических. Не демократизируется политическая система, и это воздвигает множество непреодолимых преград перед экономической реформой. Вот несколько конкретных примеров.

Проблема реформы цен и ценообразования. С экономической точки зрения потребность реформы цен и

ценообразования очевидна. Можно спорить о вариантах реформы. Например, можно или нельзя начать с введения равновесных цен, подвергать ли пересмотру весь круг цен или по некоторым группам товаров, применять компенсации или нет, имеет ли смысл компенсирование при пересмотре цен на все товары и т. п. Это всё специальные экономические вопросы, каждый из них может быть обсужден с привлечением полного круга аргументов и контраргументов.

Но реформа цен затрагивает интересы широких масс. Она неизбежно становится объектом политических отношений. Вот здесь и не срабатывает сложившаяся система управления страной и хозяйством. Реформа готовится втайне от народа («под одеялом», как сказал один из кандидатов в народные депутаты СССР). Попытки обсуждать связанные с реформой цен проблемы, скажем, в печати были пресечены по настоянию ведомства цен. Недоверие народа скачкообразно возросло. Пришлось «давать отбой», публично обещать не менять цены. Недемократичность подготовки важной, в полном смысле слова неотложной реформы сорвала её, продлив действие негативных факторов, проистекающих из перекосов в ценах.

Госприёмка. Суть её – способ внешнего контроля, способ повышения требовательности путём именно внешнего воздействия. Понятно, что госприёмка введена потому что прежние, обычные методы контроля давали сбой, выявляя никудышную организованность производства. Точно так же и в 1983 г. были введены методы укрепления дисциплины, рассчитанные на осуществление спецаппаратом, а не теми, кто обязан это делать по должности.

До сих пор не вполне ясно, как руководство относится к госприёмке и к мерам по укреплению дисциплины 1983 г. Считаются ли такие меры внешнего контроля и надзора адекватными идеологии перестройки или это временные меры чрезвычайного характера, которые в дальнейшем будут отменены? Если они адекватны перестройке, то в её итоге СССР превратится в общество, где одни работают, а другие надзирают. Это и дорого, и рас-

ходится с идеалами социализма. Если же они временны, то надо об этом сказать честно.

Лишь в конце 1988 г. услышали мы признание со стороны руководства, что госприёмка не даёт большого эффекта и что, оказывается, на неё с самого начала смотрели как на частично эффективную. Но не было учтено, сохранится ли госприемка впредь и в каком виде.

Поспешив с госприёмкой, руководство в то же время совсем не спешило с такой демократической мерой, как разрешение обществ потребителей, способных осуществлять объективную оценку качества товаров, предлагаемых для продажи, и публикующих результаты этой оценки. До сих пор слабо задействованы суды в борьбе с изготовителями, выпускающими продукцию с отступлениями от правил и стандартов.

Другими словами, борьба с нарушениями ведётся методами системы, породившей эти нарушения. Это не перестройка, не революция, это ремонт расшатавшейся казарменной системы отношений. Конечно, когда в казарме порядок, это выглядит прилично. Но казармой она при этом быть не перестаёт.

Закон СССР о государственном предприятии действует с большими затруднениями. Его применение наталкивается на такое препятствие, как сохранение практически без изменений всей системы вышестоящих органов. Именно эти органы издают документы, определяющие порядок действия предприятий на основе нового закона. Очень многое при этом оказывается урезанным. Судебной защиты хозяйственных прав предприятий практически нет, ибо само положение трудового коллектива в обществе всё ещё не таково, чтобы возможна была демократическая процедура защиты прав и свобод. Характерно, что с незащищённостью сталкиваются и новые формы хозяйствования – арендные коллективы, кооперативы, подрядные звенья и т. п. Получается, что недемократичность общественных отношений блокирует демократизацию, оживление хозяйственных отношений.

К названной причине (задержке демократизации)

присоединяется неумелое руководство хозяйством. Именно из-за него в 1988 г. заметно возросла инфляция. Повсеместно рабочие начинают бояться хозрасчёта, настраиваются против реформы. Это крайне неприятная и даже опасная тенденция, новый тур отчуждения трудящихся от общественного производства. Получается, что создаются условия не преодоления, а усугубления кризисной ситуации в хозяйстве.

В последнее время вынашиваются и высказываются идеи чрезвычайных хозяйственных мер ввиду чрезвычайно якобы сложного экономического положения. Идеи эти, на наш взгляд, весьма опасны. Аппарат может воспользоваться призывом к чрезвычайным и особым мерам для свёртывания только что начавшейся демократизации. Он попытается оплатить свои прежние ошибки и созданные им же трудности интенсификацией труда, продлением рабочего дня, обесценением рубля, новыми нарушениями.

Выход, на наш взгляд, только один – удвоить, утроить усилия по демократизации хозяйственной жизни и прорвать бюрократические плотины на пути радикальной экономической реформы. Главное – расковать активность и инициативу коллективов крупных предприятий, республик, регионов, заставить центральные органы управления хозяйством работать на реформу, а не против нее.

Проблематика «республиканского хозрасчёта» в контексте перестройки национально-политических отношений.

Проблемы экономической самостоятельности союзных республик стоят ныне на повестке для, тесно переплетаясь с проблемами национальных движений. Рассмотрение их, по существу, позволяет вскрыть ещё один крупный социально-экономический и социально-политический узел перестройки. Возможно, один из сложнейших её узлов.

Конституция СССР (1977 г.) статьями 10, 11, 16 и 73 закрепила понимание экономики СССР как единого народнохозяйственного комплекса. Упор при этом сделан не на внутреннюю экономическую увязанность процессов веде-

ния хозяйства (разделение и кооперация, реальное обобществление), а именно на сосредоточение функций руководства хозяйством в компетенции союзного государства. Понятие «единый народнохозяйственный комплекс», закрепленное конституционно, стало звеном законодательного оформления в «застойные годы» тех порядков, которые сформировались практикой сталинской эпохи. Некоторые другие звенья правового оформления сталинских порядков в условиях перестройки изменены или модернизированы. Но эти изменения делались по инициативе сверху. Вопрос об изменении порядков, связанных с «единым народнохозяйственным комплексом», поднимается снизу. В этом принципиальное отличие.

Три позиции относительно «единого народнохозяйственного комплекса» обозначились достаточно явственно:

– *первая* – настаивание на полезности и необходимости сосредоточения в руках союзного уровня практически всего руководства хозяйством СССР, отчуждения от этого руководства народов союзных республик. Всякие попытки наладить единство народнохозяйственного комплекса на иных, хотя бы чуть более демократических началах встречаются при этом в штыки и квалифицируются как сепаратистские, обособленческие, националистические и т. п.;

– *вторая* – не отрицает ни единства, ни комплексности народного хозяйства СССР, а ставит вопрос о хозрасчёте республики как о введении точного учета экономических взаимоотношений между республикой и остальным «комплексом», при этом желательно на эквивалентной основе, понимаемой как включающая в себя заранее обусловленный вычет на общесоюзные функции;

– *третья* – ставит вопрос о пересмотре зафиксированных в Конституции СССР представлений о едином народнохозяйственном комплексе, полагая их сводящими на нет другое конституционное положение – о том, что союзная республика есть суверенное советское социалистическое государство (ст. 76). Эта позиция ставит вопрос о

хозрасчёте республики в один ряд с проблемами её суверенитета.

Духу перестройки как социальной революции в наибольшей степени соответствует третья позиция.

Сталинистский и марксистско-ленинский подходы к суверенитету отчётливо противопоставляются при формировании принципиального отношения к инициативе хозрасчёта республики. Сталинизм усматривает в этой инициативе национализм и сепаратизм, заговор по отделению от СССР. Интернационализм воспринимает ту же самую инициативу как проявление исторической ответственности народа за ход перестройки в экономической области, как выражение политической зрелости народа, который готов принять на свои плечи всю полноту ответственности за эффективное, ведение хозяйства, за приумножение своего вклада в решение общесоюзных проблем.

Принципиальное отношение, как видим, прямо противоположное и едва ли примиримое. Но таково же противостояние по всем без исключения коренным вопросам перестройки. Республиканский хозрасчёт – только один из вопросов.

Ключевая проблема народно-демократических революций в многонациональной державе казарменно-социалистического» типа – это суверенитет, наполнение этого декларируемого понятия реальным содержанием. Хозрасчёт республики есть проблема перехода от механизма (модели) хозяйствования формально суверенной союзной республики к механизму (модели) хозяйствования реально суверенной республики. Этот переход предполагает коренную реформу союзных взаимоотношений в рамках СССР.

Поставим вопрос так: целесообразно ли, реально ли ставить вопрос о республиканском хозрасчёте, об экономическом суверенитете до коренной реформы союзных отношений? Ответ наш таков: да, целесообразно, необходимо, правомерно со всех точек зрения.

Правомерно с той точки зрения, что политические преобразования следуют за экономическими, что полити-

ческое преобразование начинается тогда, когда сделано экономическое преобразование. Мы не разделяем эту точку зрения, ибо она экономически детерминистская. Но её придерживаются сейчас очень многие, воспринявшие такие механистические представления о связи причин и следствий через наше вузовское преподавание общественных наук.

Но если даже смотреть на вещи иначе и считать, что политические преобразования должны свершаться раньше или хотя бы одновременно с экономическими, то и в этом случае правомерна постановка вопроса о введении республиканского хозрасчёта до реформы (не дожидаясь реформы) союзных отношений. Почему правомерна?

Во-первых, потому, что неравномерная политическая активизация широких слоёв народа выливается в неодновременное начало народно-демократических революций. Там, где такие революции начинаются, создаётся главный политический фактор реформы союзных отношений. Активная масса не может не быть занята историческим творчеством. Если для такого творчества нет достаточных условий, она создаёт их. Рационализация народного хозяйства республики и его связей с народным хозяйством союза – прекрасное поприще созидательного творчества народно-демократической революции в тех республиках, где такие революции начались раньше, чем в других.

Во-вторых, введение республиканского хозрасчёта, не дожидаясь реформы союзных отношений, вполне правомерно и потому, что народно-демократическая революция выдвинула чёткую прогрессивную (глубоко марксистско-ленинскую) цель реформы союзных отношений – переход от сталинистской (имперской) концепции Союза ССР к ленинской его концепции (на основе союзного договора суверенных республик). Положив в основу политической концепции суверенитета ленинские идеи союзного договора, можно смело разрабатывать концепции регионального хозрасчёта.

Основное противоречие проблемы хозрасчёта рес-

публики – противоречие между имперским управлением центра и народом, отстаивающим свой суверенитет. Основные аргументы сторон соответственные. Основной аргумент против хозрасчёта республики со стороны защитников имперского типа взаимоотношений состоит в том, что хозрасчёт республики несовместим с имперским управлением. Это чистая правда. Опровергнуть этого нельзя. Можно уговаривать перейти к компромиссным, более либеральным вариантам имперского управления. Но такой компромисс предполагает если не отказ от суверенитета народа, то по меньшей мере откладывание его предъявления и реализации на практике. Антагонизм может принимать смягченные формы, не переставая быть антагонизмом. Имперский тип управления может быть сломлен только революцией, народно-демократическим движением.

Экономика – дело политическое. Эта истина повторялась в застойные годы на тысячу ладов, но не затрагивала сознания масс. Первый серьёзный успех перестройки – активизация массового сознания в направлении демократизации. Это удалось ещё не всюду. Но уже первые три республики, достигшие уровня народно-демократического революционного движения, поставили в повестку дня проблемы рационализации хозяйствования. Это ли не свидетельство созидательных потенций и намерений демократической революции?!

К правильным ответам на подобные вопросы люди стали приближаться в ходе событий 1989 г. Этот год стал в полном смысле слова поворотным в истории перестройки. Громко и не раз было сказано в этом году о критическом её рубеже. Да, перестройка укоренилась в народе, отчётливо выявилась ущербность её понимания как исключительно «революции, сверху». По-новому обозначились действующие лица, движущие и тормозящие силы нашей социальной революции. Очертим их так, как проявились они на первом съезде народных депутатов СССР.

На этом съезде была хорошо представлена вариантность идеологии перестройки: от милитаристско-

сталинистских и имперских до революционных представлений о перспективах развития страны. Главный итог съезда – переход массового сознания от состояния плюрализма мнений к состоянию идеологического плюрализма и к зачаткам плюрализма политического. В этом новизна ситуации. Каковы же основные идеологии современного советского общества? Выделим четыре из них:

– идеология и программа новой номенклатуры,
– современный сталинизм,
– программа революции в условиях двоевластия,
– идеология народного пробуждения.

Идеология и программа новой номенклатуры. В последнее время всё чаще положение дел в стране характеризуется понятиями «кризис», «чрезвычайная ситуация», «чрезвычайные обстоятельства» и т. п. Однако суть и причины кризиса, степень остроты и необходимая очерёдность конкретных задач видятся по-разному. Специфика современной, обновленной платформы либерально-реформаторского крыла руководства состоит в том, что она по замыслу своему есть идеология чрезвычайных экономических обстоятельств и программа чрезвычайных временных мер.

В чём же, возникает вопрос, смысл стратегии временных чрезвычайных мер? Казалось бы, малая её эффективность, опасность социальных взрывов из-за откладывания комплексных радикальных преобразований очевидны. Вряд ли эта стратегия формируется профессиональной некомпетентностью или же наивным стремлением временно успокоить защитников старых порядков, чтобы в дальнейшем постепенно сделать их сторонниками перестройки. А может быть, она сознательно рассчитана на усиление недовольства трудящихся, на умелое использование в борьбе с консервативным аппаратом давления снизу? Полагаться на подобный расчёт долговременного процесса, подвластного многим факторам, означало бы идти на слишком большой риск, вплоть до риска потери власти. Действительные причины и смысл выбора страте-

гии чрезвычайных мер могут быть поняты при учёте следующих трех обстоятельств, которые отчасти были обозначены в выступлениях депутатов, поддержавших её.

Первое обстоятельство. Чрезвычайными мерами трудящимся сулят скорейшее улучшение материальных условий жизни, удовлетворение их насущных экономических и социальных потребностей. Предполагается, что осуществление этих мер подтвердит на деле заботу нового высшего органа власти о своём народе. Показательно, что к числу необходимых первоочередных мер многие из депутатов относили ликвидацию льгот и привилегий номенклатуры, ведомственных льгот и одновременное расширение контингентов людей, пользующихся льготами в связи с какими-либо обстоятельствами их прошлой жизни, так сказать, в связи с прошлыми заслугами или бедами. В этом проявился доперестроечный характер приоритетов, которыми руководствовались депутаты – подлинные представители своего народа. Они выражали тем самым иждивенческо-уравнительные представления о социальной справедливости, свойственные массе в казарменном обществе.

Настойчиво звучал на съезде и такой мотив: нельзя допустить, говорили депутаты, чтобы люди утратили веру в перестройку, отказали в доверии партии. А это, по их мнению, случится, если срочно не накормить, не одеть народ, не заполнить магазины товарами первой необходимости.

Второе обстоятельство. Необходимость чрезвычайных временных мер обосновывается в условиях, когда размах демократических народных движений и глубина их целей далеко превзошли границы, первоначально отведённые активности масс инициаторами перестройки. Предвыборная кампания выявила способность и готовность народа к самостоятельным солидарным действиям. В Прибалтийских республиках революции привели к фактическому двоевластию. Не исключено, что и в других республиках события будут развиваться по сходному сценарию. Кампании широких общественных протестов про-

тив указов Президиума Верховного Совета СССР (от 28 июля 1988 г. и от 8 апреля 1989 г.) и в особенности в связи **с** событиями **в** Тбилиси – всё это тоже предупреждения аппарату о проблематичности «наведения порядка» в стране с помощью репрессий.

Третье обстоятельство. Для реакционного блока, сердцевину которого составляет партийно-государственный аппарат, самым больным является вопрос о радикальных политических реформах. В то же время и теория, и практика подсказывают: без таких реформ нельзя задействовать в полной мере главный резерв экономического роста – инициативу и самодеятельность масс. Указаний на то, что именно аппарат срывает даже половинчатые экономические перемены, на съезде было приведено достаточно. Есть они и в докладе М. С. Горбачева. Нельзя надеяться на быстрое безболезненное введение политических предпосылок преобразования экономики. Следовательно, получается, по логике рассуждений либерального реформатора, нужно время, нужен маневр. Время для того, чтобы сделать аппарат более сговорчивым. Маневр – для того, чтобы предотвратить опасную для мира в стране дальнейшую активизацию и народа, и реакции. При этом не предполагаются коренные изменения системы властных отношений, в результате которых был бы положен конец монополии партийно-государственного аппарата.

Сохранение исключительной роли КПСС (роли «гаранта революционного процесса», «консолидирующей силы») – главное, что должно примирить аппарат с чрезвычайными мерами. А что обещано народу в качестве политического сопровождения экономических мер? Существенны, на наш взгляд, три обещания. Во-первых, разграничение сфер влияния между партийными и государственными органами. Для партийного аппарата это ещё не трагедия, да и кадровая политика остаётся за партией; перед народом же это открывает некоторые возможности бороться с диктатом партийного аппарата. Во-вторых, разделение государственного руководства и хозяйствен-

ного управления. За государством совершенно справедливо предполагается оставить установление общих норм и правил хозяйствования. Фокус в том, что государство – это всё тот же партийно-государственный аппарат. Хозяйственное управление, избавленное от понуканий аппарата, защищённое в большей мере законом – такая перемена в интересах новых хозяев (арендаторов, кооператоров, предприимчивых хозяйственных руководителей государственных предприятий). В-третьих, обновление аппарата. О необходимости замены кадров говорилось много, да и реальные шаги к этому предприняты сразу же после съезда на сессии Верховного Совета СССР, Для народа, только ещё сбрасывающего с себя оковы казарменно-репрессивного мышления, его враги персонифицируются в конкретном бюрократе, а защитники – в добром вожде, заботливом руководителе. Сегодня народ в массе своей лишь подошёл к границе, за которой возникает понимание смысла тактики, приносящей в жертву выживанию системы отдельных скомпрометировавших себя (да и действительно некомпетентных) её функционеров. Есть и ещё одна сторона тактики обновления аппарата: это рука, протянутая либеральной интеллигенции. Она теперь может осуществить свои самые смелые мечты – войти в аппарат, в номенклатуру, чтобы подталкивать к правильным решениям, помогать своими знаниями. Словом ... бороться за счастье народа.

Итак, вроде бы все интересы учтены.

Суть идеологии чрезвычайных экономических обстоятельств и программы таких мер – это предложение демократическим силам и реакционному блоку пойти на компромисс. Лидер партии становится при этом и главой государства. Это тоже входит в условия компромисса.

Сама по себе решимость руководства идти на компромисс должна приветствоваться. Другое дело, достаточны ли уступки? Новая номенклатура вынуждается к компромиссу ситуацией, близкой к равновесию двух главных противоборствующих сил: народных демократических движений (и, главное, успехами мирных революций При-

балтики) и реакционного блока. Условия компромисса приемлемы для последнего, ибо остаются пока незыблемыми ключевые позиции аппарата в структуре власти. Реакционный блок может согласиться на уступки, на ущемление некоторых своих интересов под давлением снизу. Программа чрезвычайных мер направлена на то, чтобы временно примирить стороны, дать возможность приостановить инициативу снизу. Такая возможность возникает, если компромисс действительно ослабит активность народа, предотвратит расширение и углубление революции, если народ опять поверит в перестройку «сверху», согласится ждать. Вопрос в том, согласится ли народ, поверит ли?

Современный сталинизм. Фразеологическое оформление современного сталинизма испытывает сильное воздействие перестроечной терминологии. Впрочем, прикрытие своей антинародной сущности формулами, близкими к гуманистическим, демократическим, социалистическим, – такова вообще одна из особенностей сталинизма, позволяющая ему создавать себе опору в массовом сознании. За маскировкой современного сталиниста под сторонника перестройки (причём, иной раз под самого решительного, так сказать, ультраперестроечника) внимательный анализ обнаруживает платформу удержания ключевых позиций в ожидании реванша. Элементы этой идеологии и программы есть в выступлениях и таких депутатов, которых общественное мнение занесло в список приверженцев либеральной или радикальной демократизации.

Анализ выступлений показывает, что современный сталинизм настаивает на незыблемости по меньшей мере двух черт доперестроечного общества: монопольного положения КПСС в структуре власти и «центрократического» характера Союза ССР. Именно эти позиции представляются депутатам ключевыми. На их удержание направлен пафос многих выступлений. Марксисту в принципе здесь всё предельно ясно: действительно, на этих двух китах

стояла и поныне стоит советская казарменная система.

Одно из важнейших (если не самое главное, исходное) отличий идеологии современного сталинизма от концепции номенклатурных реформаторов – совершенно иная оценка конкретно-исторической ситуации. Идеолог компромисса акцентирует внимание на состоянии экономики, на бедственном положении трудящихся. У неосталиниста современного образца выпирает кастово-политическое видение особенностей текущего момента. Депутаты били тревогу из-за того, что КПСС, по их словам, теряет свой прежний авторитет. В этом усматривают негативные следствия ошибок, допущенных в годы перестройки. И получается, что главная задача – восстановить авторитет партии, а всё остальное (накормить, одеть народ и др.) превращается в средство достижения этой цели. Ратующие за восстановление авторитета партии обозначают этими словами не что иное, как власть аппарата.

Современный сталинист допускает возможность совершенствования взаимоотношений между республиками, между ними и центральными органами власти. Он говорит о расширении самостоятельности, прав, о региональном хозрасчете, но непременно в таком контексте, который предполагает, что центр будет решать, какие права предоставить республике. Реальный суверенитет республик, коренное изменение статуса и функций общесоюзных органов представляются ему либо угрозой распада СССР, либо фактическим распадом. Именно такой взгляд на вещи проявился в отношении большинства (!) депутатов съезда (если судить не только по речам, но и по реакции зала) к концепциям депутатов Прибалтийских республик. Обсуждение на съезде, а затем на сессии Верховного Совета СССР показало глухоту многих к каким-либо разумным доказательствам правомерности экономического и политического суверенитета республик.

Программа революции в условиях двоевластия. Неравномерность хода перестройки – реальный факт. В республиках Прибалтики совершенно иное поло-

жение, нежели в других регионах. В Прибалтике революция практически победила, а это значит, что общество находится на подъёме, выходит из тупика, что кризис позади.

В программе революции нет места чрезвычайным временным мерам. Нужны реформы незамедлительные, но не половинчатые, не односторонние, а комплексные, радикальные, фундаментальные. Такова концепция экономической самостоятельности, которая в качестве предпосылки своей реализации предполагает политический суверенитет республик.

Никто из прибалтов не употреблял формулу типа «мы должны немедленно накормить народ, иначе он потеряет веру в перестройку, в партию». Постановка задач выражает принципиально другое отношение к народу: «Укрепление суверенитета, развитие и возврат государственности – это путь к раскрепощению творческих сил народа».

Идеология народного пробуждения. На съезде народ увидел плеяду демократически ориентированных депутатов из республик и регионов страны, в которых народные антиказарменные движения только ещё начинаются. На стадии зарождения движений, когда практические задачи ещё не потребовали выработки целостной конструктивной программы, интеллектуальный потенциал обращается главным образом на критическое осмысление действительности. Вот почему, как нам представляется, на съезде самой сильной стороной была аналитическая, критическая. Неверно было бы утверждать, что никто, кроме прибалтийцев, не выступал с цельными идейно-политическими платформами. Хотелось бы напомнить об А.М. Емельянове, в выступлении которого сочетались высокий профессионализм учёного, политическое видение, направленность на подлинно народные интересы.

Характерная черта демократически ориентированных депутатов (в особенности избранных в территориальных округах) – тесная связь с избирателями, с народом.

Она поддерживалась транслированием заседаний съезда. Ежедневные многотысячные митинги в Лужниках, в других районах Москвы, встречи с избирателями на предприятиях были существенным фактором, формирующим у демократических депутатов чувство ответственности перед народом и одновременно опоры на народ.

Не имеет смысла давать здесь содержательную характеристику идеологии, которую мы назвали идеологией народного пробуждения. Если говорить кратко, то это идеология освобождения от казарменного государства, идеология десталинизации. Но какими путями пойдёт зародившееся антиказарменное движение, какие выдвинет дальние цели, как будет решать ближайшие задачи – это народу каждой республики и его представителям в органах власти предстоит выбирать вместе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результат предпринятого нами анализа идеологических и лишь отчасти практических аспектов перестройки в СССР сводится к тому, что придать этой перестройке характер социальной революции в основном ещё предстоит. Сделанное только стало готовить народное сознание к пониманию объективно сложившейся ситуации, к пониманию исторической ответственности живущих поколений за судьбы социализма в СССР, необходимости выбора типа будущего социального облика страны. Советский народ в большинстве своём всё ещё полагает, что сталинская эпоха и реальный социализм – это и есть тот самый социализм, за который был В. И. Ленин. Это заблуждение стало основой заметного раскола представлений о прошлом, настоящем и будущем страны. Одна часть народа склонна закрывать глаза на негативные явления и считать сложившуюся систему отношений доброкачественной основой дальнейшего прогресса к социализму и коммунизму. Другая, более критически настроенная часть не может мириться с казарменными деформациями и совершенно необоснованно возлагает ответственность за них на марк-

сизм-ленинизм.

Подъём политической активности в 1988-1989 гг. включал в себя доминирующую критическую компоненту по отношению к уходящему прошлому. Вслед за сталинизмом стал подвергаться критике и ленинизм. Были найдены и приведены в качестве аргументов против ленинизма конкретные отступления от гуманизма и демократии в практике первых послеоктябрьских лет. Заговорили о пороках доктрины, о том, что сталинизм был последовательным историческим воплощением марксизма-ленинизма. По нашему убеждению, критика марксизма-ленинизма как идеологии в конечном счёте бесперспективна. Принципиальные положения этой научной идеологии всё ещё не утратили и, видимо, долго ещё сохранят практическую ценность. Это относится в первую очередь и по преимуществу к таким достижениям марксистско-ленинской теории, как обоснование реальной значимости идеала «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», доказательство правомерности и необходимости классового подхода к анализу и прогнозу общественно-экономических процессов. Решающим ответом критикам марксизма-ленинизма (его идеологии) будет, конечно же, и уже становится не теоретический диалог, а революционная практика трудящихся масс.

Чем активнее становятся люди, тем важнее вернуть народу и подлинную марксистско-ленинскую идеологию, и реальную связь со славным революционным прошлым – связь, прерванную казарменной деформацией социализма. Только так можно ныне напитать народные силы живой водой гуманизма и решимости, вызвать цепную реакцию созидательной революционной энергии. К. Маркс написал однажды: «Нужно заставить народ ужаснуться себя самого, чтобы вселить в него отвагу». Как ни горька правда о сталинской эпохе и «реальном социализме», народ должен её знать. Собственно говоря, он давно догадывается о ней.

Готов ли народ к восприятию всей правды, готов ли он сделать активный выбор, активно пойти на революци-

онную перестройку? К восприятию всей исторической правды до конца народ готов всегда, это его, народа отличительная особенность во все времена. Что касается участия в революционной перестройке, то, на наш взгляд, период 1985-1989 гг. даёт основания для очень оптимистических оценок. Несмотря на все отмеченные выше особенности этого периода, народ в большинстве своём быстро восстанавливает способности и интерес к общественно-политическим делам. Причём происходит это в условиях, когда призывы «сверху» идут преимущественно к активизации в хозяйственной сфере, а демократизация общественно-политической жизни сильно отстаёт, буксует, тормозится. Этот перекос перестройки должен быть выправлен, и тогда есть основания ожидать резкую активизацию трудящихся.

Без революционной перестройки у советского народа не может быть ни демократического, ни социалистического будущего. Как ни трудно готовить революцию в современных условиях СССР, как ни сложно развёртывать её шаг за шагом, как ни сильно сопротивление, как ни тяжело наращивать решимость и действенность движущих сил социального прогресса, всё равно нет другого, более благородного дела, чем участие в революции. Пусть она свершится! Пусть она победит!

1988

========

ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ УПРАВЛЕНИЯ

Необходимая советскому обществу перестройка, если рассматривать её с политэкономической глубиной, представляет собой не что иное как социальную революцию. Такая установка уже содержится в официальных партийных документах с середины 1986 г. Между тем для ученых и публицистов до сих пор типичны два методологических сбоя в трактовке перестройки управления экономикой. Первый: кардинальная реформа управления хозяйством рассматривается как система изменений сугубо экономических отношений; демократизация общественной жизни трактуется при этом как последствие экономических преобразований, а не как их условие и предпосылка. Второй: сложившаяся, начиная с 30-40-х годов, система организационно-экономических отношений принимается как вполне доброкачественная основа будущего состояния хозяйственного руководства, а существо перемен сводится к "дальнейшему совершенствованию", к замене устаревших элементов более современными и т.п.

Проведённый нами научный анализ привёл к выводу, что существо предстоящей перестройки управле-

ния хозяйством состоит в смене социального типа управления, а именно: требуется решительный слом командно-карательного типа управления и восстановление демократического централизма. Данный вывод опирается на анализ деформаций социализма начиная с 30-х годов и на определение главной задачи конечной цели социальной революции в современном советском обществе как задачи выхода из казарменной деформации социализма и возвращения в русло прогрессивного социалистического развития.

2. Содержание реформы управления экономикой в общем виде совпадает с приспособлением системы организационно-экономических отношений к решению задачи эффективного функционирования современного советского хозяйства. Состав и взаимосвязь основных конкретных акций более или менее удовлетворительно определены ещё в начале **60-х** годов и подтверждены решениями июньского /1987 г./ Пленума ЦК КПСС. Однако решения этого Пленума продвинули вперёд понимание содержания реформы. Они привнесли в устоявшиеся трактовки реформы момент её радикальности, увязав реформу с демократизацией не только экономической, но всей общественной жизни. Тем самым демократизация стала пониматься как составная часть реформы управления хозяйством.

Из этого существенного углубления содержания реформы следует сделать неизбежный вывод: собственно экономические преобразования не могут предшествовать глубоким демократическим преобразованиям общественно-политической системы. В противном случае реформа управления не может стать радикальной, устойчивой, необратимой, а тем самым выполнить свои задачи. Реформа управления хозяйством без достаточной демократизации была бы повторением неудачной попытки реформирования в 1966-1970 годах. История реформы 60-х годов, а также многочисленные пробы и эксперименты 70-80-х годов неопровержимо доказали, что без политической демократизации не только нельзя довести радикальные экономические преобразования до конца, но даже

невозможно приступить к ним по-настоящему. Точно так же в 70-80-х годах практика бригадной организации труда доказала невозможность подлинной демократизации производства, невозможность превращения трудового коллектива в субъект управления звеном (так сказать, в его "хозяина") в недемократической социальной среде. Глубокие реформы политической системы обязательно должны либо идти синхронно с экономической реформой, либо предшествовать ей. В настоящее время наметилось запаздывание перестройки социально-политических отношений.

Радикальная реформа управления хозяйством является той конкретно-исторической формой, в которой на основе восстановления демократического централизма может быть решена задача гуманизации развития производительных сил, подчинения научно-технического прогресса социалистическим целям. Гарантию социалистической направленности развития экономики даёт только постоянное поддерживание демократического характера государства, демократических способов функционирования всех звеньев государственной власти и государственного управления, начиная от законодательных органов и кончая советами трудовых коллективов.

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике «Комплексная перестройка системы управления общественным производством: результаты и проблемы (тезисы докладов Всесоюзного научно-практического симпозиума). М.: 26-28 января 1988 г. Стр. 8-10.

1989
========

СОЦИАЛИЗМ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И КРИТЕРИИ[145]

Вопрос о том, что такое социализм, каковы его отличительные признаки, стал самым популярным, всеобщим вопросом в условиях перестройки в СССР. Повсюду, где станет преодолеваться казарменная деформация социализма, вызревать, подготавливаться и осуществляться антиказарменная революция, вопрос «что такое социализм?» будет приобретать огромный теоретический и практически-революционный смысл. Готова ли современная наука ответить на этот вопрос?

За последний год всё чаще подвергается сомнению ценность накоплений советского обществоведения в области теории социализма. Говорят, что сколько-нибудь толковых разработок в этой области нет, что настало время разработать новую концепцию социализма, свободную от прежних догматических представлений, обобщающую реально пройденный путь социалистического строительства и современные поиски революционного обновления общества. Одновременно высказывается и

---

[145] Авторы текста Г.Я. Ракитская и Б.В. Ракитский.

позиция, которая фактически отрицает необходимость глубокого теоретического переосмысления сути и критериев социализма. История советского общества, согласно этой позиции, была сложной, трудной. Были ошибки, просчеты и преступления. Были и отступления от важнейших социалистических принципов. Но в целом и в главном наше общество на всех этапах было и остаётся до сих пор социалистическим, поскольку в СССР утвердились и остаются неизменными такие основополагающие черты социализма, как общественная собственность па средства производства, отсутствие эксплуатации, безработицы, принципиально новые цели социально-экономического прогресса.

Не подлежит сомнению, что гуманизм целей, общественная собственность на средства производства и отсутствие эксплуатации относятся к числу принципиальных характеристик социалистического строя. Оставим пока в стороне вопрос о том, насколько эти черты действительно воплотились в жизнь советского общества. При обсуждении теоретических проблем социализма важно содержательное раскрытие этих черт, определение основного закона движения социализма, логики его развития, а также постановка и решение вопроса о круге необходимых и достаточных признаков социалистичности общественных процессов и явлений. Именно по всем этим моментам идёт давний спор, существует непримиримое различие основных течений обществоведческой мысли по всему комплексу проблем, начиная от представлений об общих закономерностях и противоречиях социализма и кончая определениями используемых конкретных понятий. Так что ответы есть, но они разные.

По нашему глубокому убеждению, обществоведение располагает сегодня всем необходимым для того, чтобы научно строго обосновать сущность и содержательные черты социализма как специфической общественной формации. Правда, такая задача под силу только исследователям, прочно стоящим на мировоззренческих позициях марксизма-ленинизма и применяющим марк-

систско-ленинскую методологию научного анализа. Конечно, речь идёт об общем мировоззрении и методологии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а вовсе не об их высказываниях по отдельным вопросам, которые догматик, начетчик преподносят как вечные, абсолютные истины вопреки представлениям самих классиков об относительности знания и тесной связи научных выводов с конкретно-историческим контекстом.

Каждый, кто берётся отвечать на вопрос, «что такое социализм?», должен вразумительно объяснять свой подход к этой проблеме, свой способ рассуждения. Если такого объяснения нет, то спор о верности или неверности определений становится бессмысленной тратой сил и времени. Аргументация подхода, исследовательских целей – важнейшее условие из числа тех, что превращают столкновения разных точек зрения на социализм в научную дискуссию. Поэтому в ходе изложения мы будем обращаться и к вопросам методологии поиска современного научного определения социализма.

Необходимость углубления и актуализации научных разработок о социализме несомненна, ибо несомненно, что не может быть теории, верной на все времена. Потребности коренной, революционной перестройки общественных отношений в СССР требуют выработки обновлённой концепции социализма. Но новизна этой концепции – не в противопоставлении революционно-гуманистической сути марксизма-ленинизма. Современная концепция социализма должна быть противопоставлена сталинистским концепциям, в которых абстрактные формулы вульгарного марксизма соседствуют с отождествлением конкретных форм казарменных общественных отношений с сущностными социалистическими. В то же время неверно, разрабатывая новую концепцию социализма, становиться на путь, так сказать, неоапологетики. Мы имеем в виду вполне реальную, к сожалению, тенденцию доказывать социалистичность всех новых форм политической и экономической жизни, если только они хоть чем-то лучше (демократичнее или экономически эффективнее) прежних, казар-

менных. Ни к чему хорошему ни в теории, ни на практике не может привести такая концепция социализма, которая не отличает социалистического от общедемократического, не различает формационные характеристики социализма от явлений, связанных с поиском путей возвращения казарменно деформированного общества в русло социального прогресса.

Историческое место социализма

Существование полярно противоположных, непримиримо враждебных идеологий – гуманизма и антигуманизма, коммунизма и фашизма – отражает реальную возможность альтернативных вариантов будущего состояния общества. Марксизм считает общественным прогрессом не любое движение от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Он признаёт прогрессивным такое развитие, в ходе которого либо подготавливается, либо осуществляется практическая реализация гуманистических идеалов, гуманистической направленности развития. С этих позиций К. Маркс охарактеризовал эру сменявших друг друга антагонистических формаций как предысторию человеческого общества. Ее прогрессивность – не в совершенствовании форм эксплуатации, а в подготовке материальных и социальных предпосылок выхода истории в русло практического созидания реального гуманизма, созидания коммунистического общества. Социалистическая революция открывает возможность подчинить интересам трудящихся развитие и производственных отношений, и науки, и культуры, и материальных производительных сил, открывает возможность последовательного создания общественных условий для свободного развития каждого и всех членов общества.

Социализм – один из конкретно-исторических типов общества, одна из общественно-экономических формаций. Он относится к общественно-экономическим формациям коммунистического типа, т. е. является конкретно-историческим этапом гуманистически направленного развития

общества.

Социализм — первоначальная форма, первая фаза коммунизма как реальной общественной системы. С социализма начинается коммунистическая эра развития человечества. Социализм не есть конгломерат общественных отношений уже полностью коммунистических и таких, которые остались от досоциалистических времён, так называемых «родимых пятен» капитализма. Однако позиция, признающая качественное своеобразие социализма как формации, следовательно, и качественные различия социализма и полного коммунизма, противостоит в то же время и абсолютизации, преувеличению их различий. Социализм и полный коммунизм составляют вместе единую линию общественного прогресса в интересах трудящихся, и принадлежность к этой линии гораздо в большей мере отличает их от антагонистических формаций, чем друг от друга. Различаются они по степени реально достигнутой свободы личности, социальной справедливости, но не по направленности развития.

Историческим началом социализма является социалистическая революция, историческим завершением – построение общества, обозначаемого ныне как «полный коммунизм». Построение полного коммунизма – стратегическая (высшая) цель общественного развития на всех этапах социалистического строительства. Качественно эта цель не меняется, не корректируется. Принципиальные характеристики стратегической цели немногочисленны и фиксируются как долговременные ориентиры, как существенные свойства последовательно гуманистически развитого общества. По мере продвижения к коммунизму социалистическое общество определяет цели ближайшего этапа, конкретизирует его задачи, сроки и средства, допустимые по критериям высшей цели.

Условия, необходимые для развития общества по социалистическому пути

Социалистическая революция – поворотный мо-

мент в истории. Это историческое действие не только исключительно значительное, не только требующее героизма и самоотверженности, но и ответственности.

Проблема исторической ответственности революционеров приобрела сегодня острую актуальность, чрезвычайно важный смысл. Глубокое осознание всех аспектов трагедии, которую принесло народам утверждение в СССР сталинистского (казарменного) общества, неизбежно заставляет вновь задуматься над старым вопросом в истории русских революций: надо или не надо было браться за оружие? Ответ на него должны дать не военные, а обществоведы. Ибо вопрос об исторической ответственности – это вопрос о том, имеются ли в обществе, созрели ли в достаточной мере условия, необходимые для поворота общественного развития в гуманистически направленное русло.

Таких условий несколько, и они взаимосвязаны. Их можно ранжировать, т. е. сопоставить по степени важности. Расхождения, доводящие порой до противоположности выводов о готовности страны к социальной революции, коренятся обычно как раз в подходах к оценкам сравнительной важности и должной степени зрелости условий революционных перемен.

Первейшее по важности условие – революционное движение трудящихся масс. Из всех отрядов трудящихся рабочий класс способен бороться за социализм наиболее последовательно. Вот почему ведущая роль рабочего класса в революции наилучшим способом обеспечивает её социалистический характер, и это особенно сказывается после взятия власти народом, когда наступает пора приступить к социалистическому творчеству. Конечно, имеет значение не само по себе количество пролетариата в стране, а его революционная активность, его влияние на массы, реальное соотношение социальных сил. Играют роль и международные связи революционных движений, интернациональная их поддержка со стороны народов, уже строящих или построивших социализм. Однако при всех обстоятельствах социалистическое развитие не

может начаться без революционного движения трудящихся масс, на силе и решимости которого держится авторитет революционной власти.

Капиталистическое обобществление производства закономерно приводит к созреванию важнейшей предпосылки поворота в русло социалистического прогресса – к организации наёмных рабочих как класса. Политическая борьба пролетариата, основанная на научной революционной идеологии, отвечает интересам самых широких слоёв населения. И их участие в этой борьбе (когда в ней ведущую роль играет объединённый научной идеологией рабочий класс) придаёт ей характер народного демократического движения. Активность, историческое творчество масс и после свершения социалистической революции остаётся важнейшим условием развития по социалистическому пути.

Другое важнейшее условие – организованность революционного движения, включая усвоение им последовательно гуманистической (научной коммунистической) идеологии. Если такая идеология не освоена трудящимися массами, то революционное движение сравнительно быстро выдыхается из-за неопределённости целей или их узости. Авангардная роль политических организаций, несущих в массы научную коммунистическую идеологию, – необходимое условие победы революционного движения, социалистического строительства. Если массы пассивны, если революционное движение не организовано и не руководствуется подлинно гуманистической идеологией, то развития по социалистическому пути, продвижения к коммунизму быть не может.

Третье условие создания социализма как жизнеспособного направления общественного прогресса – определённый уровень культуры, цивилизованности. Ни теория, ни практика социалистической революции не дали пока чёткого критерия уровня культуры, необходимого и достаточного для победоносного свершения революции и успешного социалистического строительства. По-видимому, остаётся в силе мысль В. И. Ленина, что этот опреде-

лённый уровень цивилизованности различен для разных государств[146]. Различен он, скорее всего, и для одной и той же страны в разные периоды её истории.

Достаточность уровня культуры, цивилизованности для начала социалистического развития определяется не количественно, а качественно. Не уровень развития производительных сил, не уровень грамотности, образованности населения, не уровень благосостояния являются тут решающим критерием. Отставание по этим параметрам материальной и духовной культуры не есть непреодолимая преграда для успешного социалистического созидания, хотя эти отставания способны порождать и порождают большие трудности в ходе революционных преобразований. Решающим критерием является обоснованный ответ на вопрос: удастся или не удастся, располагая наличным уровнем культуры как исходным, поддерживать активную заинтересованность масс в революционных преобразованиях, не отступая от гуманистического характера как целей, так и особенно средств этих преобразований. Для успешности социалистической революции и социалистического строительства первостепенно важно, чтобы свобода, свободное развитие всех и каждого были в ряду высших ценностей трудящихся, участвующих в революции и в строительстве социализма. Рабское, холопское массовое сознание сводит на нет многие выгоды высокого развития культуры производства, быта и досуга.

Научно-техническая революция, набравшая темпы во второй половине XX в., существенно видоизменила обстановку, в которой складывается развитие производительных сил, всей культуры общества и в которой развёртывается коммунистическое революционное движение. Современная техника ещё в большей мере, чем техника XIX – начала XX в., подчиняет рабочего требованиям своего производительного, экономичного функционирования. Этим создаются социально-психологические предпосылки того, что подчинение человека в других сферах

---

[146] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380-381.

жизнедеятельности стандартам массовой культуры, потребительства и другим ориентирам, несовместимым со свободным развитием личности, воспринимается как дело естественное, нормальное, правомерное, не вызывающее протеста. Прежняя тенденция превращения рабочего в придаток машины всё больше преобразуется в тенденцию превращения трудящихся в придаток всей машинной цивилизации. Потребительская система ценностей, стандартизация личности, массовая культура, единообразный (казарменный) образ жизни, социальная дезактивизация людей, как неоднократно подтвердили практика империализма и авантюристические попытки ускоренного построения общества социального равенства, – лучшая почва для распространения реакционной идеологии, социальной демагогии, для кризиса морали, роста организованной преступности. В конечном счёте они являются социальной базой дегуманизации общества, произвольного манипулирования личностью, социальной почвой для утверждения фашизма. Они приводят также к появлению не менее реакционных левоэкстремистских, бесперспективных для трудящихся форм протеста против такого общества – люмпен-террористического или анархического, мелкобуржуазного толка.

Научно-техническая революция ускоряет повышение уровня цивилизованности, но она не препятствует сама по себе культивированию у трудящихся рабского сознания, ослаблению их свободолюбия. В этих условиях уровень цивилизованности, необходимый и достаточный для осуществления в полном объеме социалистических преобразований, значительно возрастает. Разрыв между ним и наличным уровнем культуры (и производства, в частности) увеличивается повсюду, в том числе и в развитых странах капитала. Одновременно с этим неизмеримо возрастает роль революционного движения как предпосылки повышения уровня цивилизованности, в том числе и предпосылки собственно экономического развития. Возрастает и роль международной солидарности трудящихся. Усложняется практическое осуществление

социалистической революции и социалистических преобразований, требуется большая гибкость тактики и чёткость стратегии, разборчивость (вплоть до щепетильности) в выборе средств достижения гуманистических целей. Но при всём том любое революционное движение трудящихся масс в современных условиях вправе поставить перед собой задачи социалистической революции и имеет реальные возможности успешно их решить.

Закон движения (сущность) социализма

Практика созидания социализма как начальной реальной формы поворота общества в русло коммунистической перспективы неизбежно должна быть крайне разнообразной по формам, приёмам, срокам, методам преобразований. Тем актуальнее проблема глубокого, сущностного, качественного единства всего разнообразия социалистического развития. Такое единство обусловлено сущностью социалистической революции, характером целей и средств социалистических преобразований, их взаимодействием.

Наиболее глубокая, самая существенная характеристика социализма как общественно-экономической формации представляет собой объективный закон его движения, или – что то же самое – основной закон социализма. Это его качественная определённость в наиболее обобщённом виде.

Научная категория основного закона общественно-экономической формации подменяется иной раз категорией основного экономического закона. Однако это далеко не одно и то же, точно так же, как не тождественны формация и способ производства.

Закон движения социализма выражает его сущность, во-первых, со стороны целенаправленности развития; во-вторых, со стороны основного, сущностного противоречия; в-третьих, со стороны движущих социальных сил и способов осуществления прогресса, адекватных

гуманистической природе социализма.

Рассмотрим эти три важнейшие сущностные характеристики социализма как формации.

Целенаправленность социального развития является определяющей среди них. Действительно, альтернативность объективно подготавливаемого и тем самым реально возможного будущего предопределяет необходимость выбора направления дальнейшего развития. В зависимости от выбора исторического пути явственно обозначаются и другие компоненты сущности общественно-экономической формации.

Социальная направленность социализма – реализация гуманизма, т. е. развитие, ориентированное на коммунистическую перспективу, подчинённое её достижению. Сущностный признак целей здесь именно гуманизм: само понятие коммунизма конституируется им. Гуманизм есть критериальное свойство целей как социализма, так и любой другой формации коммунистического типа.

Гуманистический характер отделяет цели социализма от целей обществ, развивающихся не в русле, ведущем к коммунистическому будущему. Но он не ограничивает исторические горизонты целей социалистического развития, не выделяет историческое место социализма в коммунистической эре. Для решения этих задач необходимо подойти к характеристике социализма как формации конкретно-исторически.

Социализм, будучи начальной фазой реального гуманизма, возникает и развивается в условиях, сформированных предшествующей историей, для которой гуманизм не характерен, но сути враждебен. Негуманность досоциалистического развития оформилась в социальной структуре, для которой характерно общественное неравенство, и в структуре общественного хозяйства, придающей социальному неравенству устойчивую воспроизводимость. Сущностное, основное противоречие социализма – это противоречие между гуманистической направленностью общественного развития и фактическим неравенством. Последнее коренится в материальных условиях жизни

общества и в его общественной структуре, доставшихся от предшествующих исторических стадий. Полное социальное равенство – таков результат успешного строительства социализма и его функционирования.

Полное социальное равенство — одна из основных конкретно-исторических характеристик гуманизма как цели социалистической общественной формации. Гуманизм – общий характер целей, присущих всей коммунистической эре, любой из коммунистических формаций, в том числе и первой из них – социализму. Полное же социальное равенство – такая цель, которая может быть присуща только социализму; для последующих формаций коммунистической эры полное социальное равенство – не цель, а одна из фактически достигнутых ранее характеристик общества.

Гуманистический характер целей предопределяет и характер средств, адекватных задачам социализма. Эти средства – свободное историческое творчество трудового народа, непременное условие которого – свободное развитие каждого члена общества. Свободное развитие каждого на поприще созидательной жизни общества – таков краеугольный камень коммунизма и его начальной стадии – социализма. На этой стадии свобода должна реализовываться в специфически социалистической конкретно- исторической форме – в форме социалистической демократии, включающей социалистическую государственность и действительную добровольность всех форм жизнедеятельности. К настоящему времени осознание ведущей роли социальной активности, исторического творчества самого народа как средства действительной гуманизации общества становится всё более отчётливым. Всё яснее воспринимается как одна из сущностных черт социализма последовательная демократическая организация его политических отношений.

Подытоживая сказанное о сущности социализма, можно определить закон его движения как созидание в обстановке мира и социалистической демократии полного социального равенства свободных людей.

Закон движения социализма является критерием того, насколько фактически свершающиеся процессы соответствуют сущности социализма. Важно правильно пользоваться этим критерием. Методологически правильно акцентировать внимание на том, что социализм есть созидаемый коммунизм, стадия переориентации общественного прогресса, есть общество, перестраивающее и развивающее на гуманистических началах всю совокупность производительных сил, все экономические и социальные отношения. Мерка полного коммунизма должна применяться только к общему характеру развития и охватывать цели и средства, чтобы установить гуманистический их характер и в этом смысле соответствие целей и средств. К конкретным же явлениям и процессам требуется подход с иными мерками, призванными зафиксировать поворот от негуманистической социальной формы или социальной сути к гуманистической.

Закон движения социализма есть обобщение диалектики начальной формации коммунистической эры, есть сущность общественной практики, разрешающей основное противоречие социализма. Устремлённость к полному социальному равенству и неизбежное воспроизведение социального неравенства (пусть и с неуклонной тенденцией к выравниванию общественно-экономического положения), устремлённость к полной свободе трудящегося народа и каждого человека в обществе и демократия (т. е. политическая классовая форма общественной организации) – вот реальное, самое глубинное противоречие социализма. Это его основное противоречие. Гуманистический характер имеют здесь обе стороны противоречия: и цели (это очевидно), и средства их достижения. Скажем конкретнее: неравенство воспроизводится во всё более смягчающемся виде, в виде становления равенства, а демократия последовательно укрепляется, углубляется, непрерывно продвигаясь в сторону коммунистического общественного самоуправления.

Логика развития социализма

(закономерные этапы)

Классики считали возможным определять социализм как процесс уничтожения классов. Нелишне ещё раз подчеркнуть, что уничтожение классов следует понимать не иначе как исторически длительный процесс преодоления социально-экономического неравенства людей, создания равных для всех социально-экономических условий свободной жизнедеятельности. Процесс становления равенства общественного положения людей – это логическая траектория социалистического развития. В ней могут быть выделены не только исходный и конечный пункты, но и промежуточные, этапные рубежи. Каждый из этапов решает (исчерпывает) одну из проблем реального движения от классового к бесклассовому обществу. Каждый из этапов интересует нас не как результат стечения конкретно- исторических неповторимых обстоятельств, а как закономерная форма сущностного развития, как нечто устойчивое, обладающее неизбежно повторяющимися свойствами и их сочетаниями. Только так можно построить логическую траекторию развития социализма.

Понятие «класс» применительно к характеристике социально-экономического положения трудящихся в социалистическом обществе существенно отличается от того понятия, которое используется марксистами при характеристике социальной структуры досоциалистических формаций. Здесь уместно напомнить, что исторически первоначальным смыслом понятия «класс» было обозначение враждебных социальных групп. Поэтому уничтожение классов как программное требование пролетарского движения долгое время основывалось на первоначальном понимании классов и сводилось к уничтожению классовой вражды путем свержения господствующих классов.

Социалистическая революция поставила задачи уничтожения классов много конкретнее, заставив продвинуться в определении самого понятия «класс», а также производных от него понятий – «классовый характер соци-

альной структуры», «классовые различия» и т. п. Однако это продвижение осталось незавершённым, не освоенным в полном объёме.

По-видимому, рассуждая о процессе уничтожения классов, мы и до сих пор не имеем ясного представления о его объективном содержании. В.И. Ленин, наметив этапы решения этой исторической задачи, дал ключ к пониманию составляющих её подзадач, этапов, проблем. Тем самым он развил и дополнил марксистское учение о классах.

Первый этап (проблема) – свержение эксплуататорских классов, лишение их представителей основ классовых привилегий. По мысли В.И. Ленина, на этом процесс уничтожения классов не завершается. Отсюда вывод: классовость (классовый характер общественных отношений) может включать в себя такую разновидность, как отношения господства и подчинения, но не сводится только к ней. Ликвидация отношений господства и подчинения, превращение эксплуатируемых в руководящую силу общества не устраняет классовости, хотя коренным образом изменяет социальную структуру общества, социально-экономическое положение каждого трудящегося класса, всех трудящихся.

Второй этап уничтожения классов даже в ленинском изложении не имеет однозначно очерченного содержания. Исходный пункт рассуждений В.И. Ленина о втором этапе уничтожения классов – констатация разницы между рабочими и крестьянами, которую предстоит уничтожить, «сделать *всех – работниками*» [147]. Им же дано и более развёрнутое понимание того, что должно быть преодолено на втором этапе, – различия между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда, многочисленные остатки мелкого производства, громадная сила привычки и косности, связанной с этими остатками [148]. Само собой понятно, что для В.И. Ленина, как и для всякого марксиста, речь могла идти при этом лишь о

---

[147] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 276-277.

[148] Там же. С. 15.

разнице социально-экономического положения. Разный уровень реального обобществления производства формировал разные типы социально-экономического положения их участников, разные типы их интересов и способов практического достижения этих интересов. Ленинская формула «сделать *всех – работниками*» имела в виду, несомненно, устранение разнотипности социально-экономического положения индустриального рабочего и крестьянина-единоличника (а также и кустаря-ремесленника) посредством вовлечения крестьянства и ремесленников в такие формы производства, которые были бы однотипны с индустриальным производством – поприщем деятельности рабочего класса. В реальной истории объединённое социалистическое хозяйство может приходить на смену разрозненному крестьянскому и ремесленному не сразу в виде индустриального, а сперва в виде использующего доиндустриальную материально-техническую базу, но уже в форме объединенных государственных или кооперативных хозяйств. Но уже этот переход (от разрозненного к объединенному хозяйству) даёт реальную основу для качественного изменения в социально-классовой структуре, в положении трудящихся. Различия сохраняются, но происходит и заметное сближение общественного положения. Когда же все звенья хозяйства станут действовать как социалистические на индустриальной основе, не будет и оснований деления на классы. Но итогом второго этапа является не бесклассовое, а ***одноклассовое*** социалистическое общество.

Третий этап – развитие одноклассового общества в бесклассовое, т. е. преодоление социально-экономических различий внутриклассового характера. На этом этапе происходит постепенное исчерпание причин социально-экономической обособленности индивидов и групп, закономерно требующих государственно-политической организации хозяйствования и всей общественной жизни.

Критерии социалистичности общественных процессов

Современная концепция социализма должна быть свободна как от вульгарностей, апологетики сталинского образца, так и от прагматизма, апологетики нового образца. Она должна быть явно связана с гуманистическими традициями марксизма-ленинизма, отстаивающего реальность достижения и самоценность идеалов свободного развития, социального равенства. Она должна быть последовательно гуманистической, т. е. должна отражать коренные, а не текущие интересы трудящихся масс, но выражать их в таких требованиях (критериях социалистичности), которые учитывают весь позитивный и негативный социальный опыт трудящихся в XX в.

Есть исследователи, которые решают для себя проблему критериального описания социализма весьма просто – путём отбора и механического объединения положений классиков о социализме (в первую очередь – положений В. И. Ленина), высказанных ими в разное время. В результате применения такого метода получается конгломерат разноплановых формулировок, включающих характеристики существенно разного уровня конкретности, несущих к тому же сильный отпечаток исторически преходящих задач и обстоятельств. Плодотворное для нужд революционной перестройки обращение к классическому наследию не имеет ничего общего с подобным методом.

Ключ к современному научному определению социализма может быть найден, если правильно понято назначение этого определения. В самом деле, для какой надобности и кого мы хотим вооружить знанием о необходимых и достаточных признаках социалистичности общественных процессов и явлений? Вчера мы бы сказали, что знание это нужно правящей партии, чтобы уверенно вести народ к светлому коммунистическому будущему. И сразу же отмели бы таким ответом важнейшие для социализма характеристики его политической системы и образа жизни трудящихся. Сегодня проблема функций и адресата обществоведения выглядит иначе. Знание отличительных призна-

ков социализма, говорим мы сегодня, нужно самому народу, для того чтобы уметь оценивать выдвигаемые различными политическими силами стратегические установки, конкретные социальные и экономические программы, а также фактические методы и результаты деятельности с точки зрения соответствия последовательному гуманизму, чтобы уметь распознавать в идеологии и социальной практике тенденции, уводящие общество в сторону от развития по пути ко все более полной, свободной реализации интересов каждого и всех трудящихся.

Такое понимание социального предназначения науки предъявляет следующие главные требования к характеру и содержанию концептуального описания социализма. Во-первых, необходимо явное обозначение сути той перемены ***в образе жизни трудящихся***, которую должен принести с собой переход в русло социалистического развития. А для этого недостаточно (хотя и необходимо) указания на то, что социализм ликвидирует эксплуатацию и другие формы отношений господства и подчинения. Следует ещё охарактеризовать должную перемену в образе жизни трудящихся в позитивном плане, т. е. в категориях, фиксирующих принципиально новые, качественно иные его черты. Во-вторых, следует определить наиболее существенные для трудящихся характеристики ***стратегической направленности*** общественного прогресса при социализме. Здесь должны быть зафиксированы такие моменты, которые в силу именно своей существенности, принципиальности сохраняют значимость целевых ориентиров в пределах всего социалистического этапа развития. И, в-третьих, нужно вычленить комплекс общественных условий, необходимых и достаточных для обеспечения нового образа жизни и для реализации стратегических целей. Другими словами, следует охарактеризовать ***способы (механизм) организации*** политических и социально-экономических отношений, гарантирующих необратимость социальных завоеваний трудящихся и поступательность прогресса в рамках социалистического выбора.

Важно подчеркнуть, что критериальные признаки

социализма могут выполнить роль научно обоснованного ориентира для практических оценок и действий только в том случае, если они не будут излишне приземлёнными, если удастся избежать произвольной детализации и псевдоактуализации определения. Претензии на знание, предугадывание каких-либо якобы адекватных социализму конкретных форм социальных взаимоотношений, быта, хозяйствования бесперспективны и опасны. Подобные претензии могут привести лишь к попыткам навязывания историческому процессу таких путей, о реальности и эффективности которых нельзя сказать ничего определенного заранее. Точно так же критериальные характеристики социализма должны быть «очищены» от любых указаний на технико-технологические или сугубо экономические параметры результатов и предпосылок социального развития.

В совокупности содержательных признаков (критериев) социализма должна быть в полной мере отражена, конкретизирована его сущность, специфический закон его движения.

Не вдаваясь в дальнейшую аргументацию, очертим теперь необходимый и достаточный круг критериев социалистичности общественных процессов и явлений.

1. Свобода от политического и экономического господства человека над человеком.

Здесь важен акцент на двух моментах. Во-первых, признаком социалистичности является не только отсутствие экономической эксплуатации, но и любых других способов и форм угнетения, дискриминации, произвола, подавления какими-либо социальными группами (классами, кастами и пр.) других социальных групп. Во-вторых, должны существовать социальные механизмы, которые отторгают и, главное, предотвращают рецидивы отношений и возрождение в массовом сознании идеологии господства-подчинения.

2. Добровольно-трудовой образ жизни всех индивидов и социальных групп; добровольность всех форм жизнедеятельности, всех совместных, согласо-

ванных действий субъектов общественных отношений.

Добровольность — это конкретно-исторический облик решения социализмом задачи освобождения труда и трудящегося от экономической эксплуатации и внеэкономических способов принуждения. Это одновременно и конкретно-историческая форма (мера, степень) реальной свободы личности в социалистическом обществе. Основу добровольности трудового образа жизни составляет высокий статус общественно полезного труда: труд должен быть не только источником общественно нормального уровня личных доходов, фактором справедливого социального положения людей и справедливой дифференциации их доходов, но и средством, способом развития личности. Существование труда, способствующего стагнации и тем более деградации каких-либо социально значимых свойств человека, несовместимо с социализмом.

3. Последовательно гуманистическая направленность общественного прогресса.

Такая направленность включает в себя как улучшение материальных условий и способов жизнедеятельности всех социальных групп, так и уменьшение различий между ними по возможностям проявления и развития индивидуальных свойств людей. Социализму адекватна жёсткая подчинённость научно-технического, экономического и социального прогресса задачам расширения условий для гармоничного развития физических, социально-нравственных и интеллектуально-творческих сторон личности, увеличения многообразия этих условий, обеспечения всё большей их доступности каждому человеку. Социализм несовместим с единообразием (стандартизированностью) условий жизни и самих людей, пусть даже и в форме стандартной всесторонности.

4. Народовластие, неотъемлемость у народа всей полноты власти.

Народовластие адекватно социализму и на начальных, и на всех других стадиях его развития. Народовластие – это такой механизм государственной власти и

управления, при котором все социальные группы и общности, все граждане имеют реальный доступ (реальное представительство) к деятельности по выдвижению целей общества, по выбору стратегии и тактики их реализации, по распределению эффекта и оценке результатов общественного развития. Социализм несовместим с монополизацией какими-либо группами, слоями, классами сферы подготовки, принятия и руководства осуществлением решений, касающихся социально-экономических процессов.

5. Равноправие, реальное равенство всех перед законом.

Неправовое общество не может быть социалистическим.

6. Неукоснительная, без малейших исключений социальная защищённость любых действий, поступков, намерений и решений граждан, их социальных групп и организаций, если они не противоречат закону.

Социализму соответствует защищённость законных интересов, прав и свобод стабильными государственными гарантиями.

7. Органическая взаимоувязка, сопряжённость прав и свобод личности, народа, социальной группы или общности с системой их обязанностей перед обществом.

8. Демократический централизм в руководстве хозяйством.

Здесь следует подчеркнуть, что отстаивание необходимости демократического централизма сегодня зачастую воспринимается как защита методов управления хозяйством, утвердившихся в сталинскую эпоху и сохранившихся до наших времён. На самом деле демократический централизм является антиподом сложившегося в СССР командно-карательного типа управления.

Вот важнейшие черты демократического централизма. Это, во-первых, верховенство народа как организатора всей хозяйственной жизни. Во-вторых, строгая субординация (иерархия) функций и звеньев системы управления

для обеспечения единой целенаправленности развития экономики. Это, в-третьих, коллективное (в рамках закона) управление. Его суть в том, что на каждом уровне хозяйства решения принимаются теми субъектами хозяйствования (или же их полномочными, подконтрольными им представителями), деятельность которых должна затем регламентироваться этими решениями. Демократический централизм в руководстве хозяйством немыслим без равноправия субъектов хозяйствования, без социальной защищённости инициативы, самостоятельности, предприимчивости. Он немыслим также без гарантий трудовых и хозяйственных прав и без гарантий свободы трудящихся, трудовых коллективов в отстаивании своих прав.

9. Планомерная организация общественного воспроизводства.

Она позволяет консолидировать усилия и на основе сознательной (добровольной) координации процессов, сфер воспроизводства и хозяйственных действий развернуть в максимальной мере инициативу, предприимчивость, разнообразие действий на благо общества.

10. Социально-экономическая оценка результатов воспроизводства и справедливое распределение его эффекта.

Социализм не только не отменяет, а, напротив, использует товарно-денежный, рыночный механизм общественного соизмерения реальных вкладов в общий экономический эффект. К рыночной справедливости соразмерений участия в экономическом эффекте социализм добавляет учёт реальных различий в объективных условиях деятельности и тем самым осуществляет контроль со стороны общества и со стороны государства за мерой труда (мерой действительно собственных усилий работника или трудового коллектива) и мерой потребления. Существенно важно, кроме того, что оценка общественной полезности результата не может исчерпываться при социализме экономическим эффектом, а должна учитывать приоритетность социальных целей перед экономическими.

Современная концепция социализма, конечно же,

не исчерпывается перечислением этих десяти характеристик. Каждая из них требует и уточнения, и более детального обоснования, развёрнутого описания. Необходимо, кроме того, более четко обозначить внутренние связи этих характеристик друг с другом и с сущностными чертами социалистического строя. Мы полагаем, что многое для такой работы в нашей науке уже накоплено. Предложенная систематизация содержательных признаков социализма вписывается в её логику.

Каждая из десяти характеристик является неотъемлемой для социализма, ***её отсутствие ничем не может быть компенсировано, деформирует всю систему общественных отношений – отклоняет общество от русла социалистического прогресса.***

Вывод о деформации социализма в СССР неизбежен, если сверить реальности советской истории с изложенными представлениями о социализме и критериях социалистичности общественных процессов и явлений. Вернуться в русло социализма – это значит так политически и экономически организовать общество, чтобы условия и способы жизнедеятельности индивидов, социальных групп и общностей соответствовали перечисленным критериям и чтобы была открыта возможность поэтапного разрешения основного противоречия социализма (возможность движения к коммунизму) и решения всех конкретно-исторических проблем в процессе активного исторического творчества трудящегося народа.

Более подробное описание и аргументация большинства изложенных положений о социализме содержатся в следующих публикациях авторов данного доклада:

Ракитская Г . Я . , Ракитский Б . В. Цели и критерии социально-экономического прогресса // «Экономика и общество (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития)». – М.: ВНИИСИ, 1983, Вып. 8. С. 3-21.

Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Закономерности

развития социальной структуры социалистического обществе.// «Известия АН СССР. Серия экономическая», 1987. № 6. *С.* 28-39;

Ракитская Г. Развитие социалистического отношения к труду. – Журнал «Вопросы экономики». 1988. № 7, С. 99-109;

Очерки политической экономии социализма / Под редакцией акад. Н,П.Федоренко/. – М.: Наука, 1988. Стр.43-102.

Печатается по тексту брошюры Г.Я.Ракитская, Б.В. Ракитский. Социализм: закономерности и критерии. Материал для обсуждения на методологическом семинаре Отдела общих проблем политической экономии социализма 24 октября 1989. — М.: Институт экономики АН СССР. 1989. 20 с.

Тот же текст напечатан в книге: "Социология перестройки" – М. "Наука". 1990. Стр. 33-51.

1990
========

ВЗГЛЯД Г.Я.РАКИТСКОЙ НА ПРОБЛЕМУ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОБСТВЕННОСТИ

Пояснение издателя

В 1990 г. сектор аграрных отношений и социально-экономического развития села Института экономики АН СССР подготовил доклад «Изменение аграрных отношений и приоритетов в социально-экономическом развитии села» (объёмом 64 стр.). В процессе подготовки Г.Я. Ракитская вела плановые исследования, в том числе и «полевые» (изучала ряд проблем села в Ставропольском крае). Её наработки и материалы использованы в I, III, V разделах доклада.

Однако один из сюжетов не был принят составителями доклада как якобы не имеющий отношения к его проблематике. Сказались разные идейные и методологические подходы. По настоянию Г.Я.Ракитской её взгляд был напечатан отдельно, как приложение к докладу.

Б.В.Ракитский
2017

Перестройка аграрных отношений в СССР (как а всей системы социально-экономических отношений) в це-

лях их детоталитаризации объективно возможна по двум направлениям: как замена тоталитарных отношений буржуазно-демократическими и как их замена последовательно социалистическими. Возможны также и переходные формы к социалистическим отношениям.

Критерий социалистичности включает в себя (кроме атрибутов демократии) ещё и требование исключить (предотвратить при помощи социально-правовых механизмов) возможность устойчивого существования эксплуатации труда. В сегодняшних условиях в СССР ведётся неинтенсивная, но упорная дискуссия о приемлемости или неприемлемости для советской перестройки эксплуатации труда. Дискуссия эта стыдливо избегает коренной постановки дискутируемого вопроса.. Затрагиваются второстепенные аспекты или же вопросы, вообще не относящиеся к сути дела. Так, например, говорится о необходимости найма сезонной рабочей силы в сельском хозяйстве и пр. Между тем суть вопроса об эксплуатации – отвержение или подтверждение социалистического выбора. Наши исследования показывают, что устранение эксплуатации непременно требует существования (становления) отношений общенародной собственности – не з смысле общенародного имущества, а в смысле социальной защищённости всех форм неэксплуататорского хозяйствования силой народного демократического государства.

Суть эксплуатации – в отстранённости (отчуждении) трудящихся от власти и управления, в результате чего, во-первых, занижается доля трудящихся при распределении результатов труда (занижается необходимый продукт) и, во-вторых, бесконтрольно используется прибавочный продукт (используется по усмотрению тех, кто монополизировал власть).

Закон СССР «О собственности в СССР» не удовлетворяет требованию исключить эксплуатацию мак отчуждение народа от власти в производстве и в обществе. В ст. 1, п. 6 Закона декларируется исключение эксплуатации человека человеком (что само по себе не точно, ибо человека может эксплуатировать и государство). В то же время

ст.6, п.3 противоречит этому положению, т.к. открывает возможность распределения доходов не только пропорционально труду, но и пропорционально вложенным в предприятие денежным и иным средствам. Такая норма, по мысли законодателя, усилит заинтересованность в производственной активности и в повышении эффективности производства. Это верно. Однако нельзя не видеть, что подобный способ стимулирования, решая актуальную текущую задачу, не согласуется со стратегией перехода в русло социалистического развития, если такая стратегия будет признана стратегией перестройки.

Многообразие форм собственности означает качественную разнотипность управления (власти) на производстве. Многообразие форм собственности – это прежде всего многоукладность. Главное деление (деление на типы собственности): эксплуататорская и исключающая эксплуатацию (социалистическая). Видимо, имеет смысл говорить о ***равноправии*** (и праве свободного выбора) формы, точнее, типа собственности, если речь не идёт о переходе в русло социализма. Если же избран социалистический путь, то корректнее говорить о равноправии форм хозяйствования в пределах единого (неэксплуататорского) типа собственности.

Многообразие форм ведения хозяйства означает разные конкретные способы осуществления имущественных и технико-экономических отношений в пределах одного и того же типа собственности (типа управления). Другими словами, стремление к большей самостоятельности, к расширению функций на каждом из уровней управления совсем не обязательно должно приводить к изменению формы (типа) собственности. В каждой из них есть большой диапазон вариантов сосредоточения и рассредоточения функций, их комбинирования и т.п.

Сегодня за демократизацию производства в сельском хозяйстве пытаются выдать расчленение имущества на части, акционерное закрепление долей за отдельными трудящимися и коллективами и т.п. Однако к коренным социально-экономическим интересам крестьянства и к де-

мократической защите этих интересов все эти приемы "разгосударствления" имеют на самом деле совсем не то отношение, которое им любят приписывать официальные и неформальные либеральные идеологи. Упор делается на разрушение форм государственной тоталитарной эксплуатации и совершенно обходится вопрос, что станет результатом такого разрушения. А наиболее вероятным результатом при "разгосударствлении" сверху станет (в лучшем случае) не самоуправление и не свобода от эксплуатации, а, по-видимому, более мягкая (так сказать, более цивилизованная в сравнении с тоталитарным насилием) форма эксплуатации, в том числе крестьян, Не надо быть шибко прозорливым, чтобы понять: свободная продажа акций, земли, аренда с выкупом, распродажа основных фондов – это лишь увертюра к переводу кастового положения номенклатуры в положение законных капиталистов. Трудящимся здесь достанутся лишь некая прибавка к заработку (одним) и законная безработица – (другим). И всё это – под лозунгами демократизации собственности и управления.

Становление государственной (т.е. на основе закона и суда) защиты положения субъектов аграрного производства затягивается в силу отставания демократизации в стране, в том числе оттягивания развития полновесного, регулируемого законом (правовым государством) .рынка. В этих условиях возможны лишь порождения отдельных неустойчивых в силу малой защищённости форм и инициатив; причём, усилия по совершенствованию внутрипроизводственных отношений (введение аренды, создание хозяйств по типу "кооператив кооперативов" и пр.) хотя и приносят экономический эффект, но не имеют прочных шансов укрепиться надолго, не быть выхолощенными.

С точки зрения обозначенных подходов может быть решён ключевой вопрос аграрных отношении – вопрос о собственности на землю. Водораздел здесь проходит по линии допустимости или недопустимости частной собственности в точном и полном её значении (т.е. включая право свободной продажи, накопления, извлечения экс-

плуататорского дохода путём сдачи в аренду). Нередко в обсуждениях фигурируют обывательски неточные смыслы понятия "частная собственность на землю". Пытаются подменить вопрос о собственности вопросом о полноправии субъекта, хозяйствующего на земле. Полноправие (полная хозяйственная самостоятельность) не требует само по себе частной собственности на землю и осуществимо в рамках общенародной собственности на землю, а также и индивидуально-трудовой (без эксплуатации чужого труда).

Особенно опасный поворот придаёт обсуждению вопроса о собственности на землю лозунг ***разгосударствления.*** В обычном случае этот лозунг означает не что иное как раздачу государственного имущества разным субъектам. Здесь возникают две опасности.

Первая. Землю, могут раздать несправедливо (ибо нет ещё демократических правительств). Кроме того, через несколько лет ситуация (демографическая, хозяйственная и пр.) меняется и первоначальный раздел неизбежно окажется несправедливым. Наконец, говорят о продаже земли в частную собственность, что фактически лишит крестьянина земли и будет означать новое издание освобождения от крепостничества с выкупом.

Вторая опасность. Разгосударствление лишает крестьянина государственной защиты его крестьянского положения. В случае свободной продажи земли крестьянин целиком оказывается в воле банка или частного латифундиста, переходит в перспективе на положение арендатора у частника. В отличие от этого демократическое, народное государство (не говоря уже о социалистическом) может выступать надёжным посредником в обращении земли, с тем чтобы удерживать справедливую цену и постоянную возможность крестьянину получать землю для обработки. Наилучшим образом функцию посредника в обращении сельскохозяйственных угодий между субъектами хозяйствования демократическое государство выполняет, если само является собственником земли и от имени народа бесплатно наделяет крестьянина землёй и

принимает у него землю, если он перестаёт её обрабатывать. Разумеется, такая бесплатность земли не отменяет налоговых платежей, дифференциальной ренты, возмещения крестьянину затрат на улучшение земли и т.д.

Сейчас возникло новое издание концепции муниципализации собственности, т.е. передачи ее Советам. Этот вариант имеет преимущество только в сравнении с тоталитарным государством, но в сравнении с демократическим государством – почти сплошные минусы, вытекающие из недостаточной защищённости крестьянства данной местности в сравнении с крестьянином других местностей (т.е. их фактическое неравноправие).

Печатается по тексту издания «Изменения аграрных отношений и приоритетов в социально-экономическом развитии села». – М.: /Институт экономики АН СССР. Сектор аграрных отношений и социально-экономического развития села/ 1990. Стр.65-68.

1990
==========

ЗАМЫСЛЫ НОМЕНКЛАТУРЫ И ИНТЕРЕСЫ НАРОДА[149]

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Положение в стране: противоборство «революции сверху» и революции снизу

2. Почему номенклатура призывает перейти к рыночной экономике?

3. Неотложные политические действия

4. Интересы и действия трудящихся в экономике

5. Как разбираться в характере вновь создаваемых партий и организаций

А. Идеология и программа «приобщения к цивилизованному западному миру»

Б. Советский социал-реформизм, или платформа вечного движения к социалистическим идеалам

В. Мечта о разгосударствлении, о деидеологи-

---

[149] *Авторы работы Г.Я.Ракитская и Б.В.Ракитский*

зации и деполитизации. Проекты безгосударственного самоуправления, неполитической активизации населения

Г. Идеология самозванного авангарда, или лжесоциализм в облике подновленной казармы

Д. Платформа мирной народной революции, открывающей возможность социалистического пути (идеология революционного последовательного гуманизма)

Титульный лист первого издания

==========

Комитет содействия рабочему движению
и самоуправлению трудящихся

Рабочий университет
Информационно-консультационного Центра
по рабочему движению
(Ассоциация Социальные программы)

==========

Ракитская Галина Яковлевна
Ракитский Борис Васильевич

Материалы к семинару (6—8 октября, г. Челябинск)

ЗАМЫСЛЫ НОМЕНКЛАТУРЫ И ИНТЕРЕСЫ НАРОДА

О положении в стране, о планах перехода рынку, о неотложных политических действиях и первоочередных делах в хозяйстве

Оглавление

1. Положение в стране: противоборство «революции сверху» и революции снизу
2. Почему номенклатура призывает перейти к рыночной экономике
3. Неотложные политические действия
4. Интересы и действия трудящихся в экономике
5. Как разбираться в характере вновь создаваемых партий и организаций

Москва, июнь 1990 г.

1. ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ: ПРОТИВОБОРСТВО «РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ» И РЕВОЛЮЦИИ СНИЗУ

Начиная с первого Съезда народных депутатов СССР во всех без исключения официальных выступлениях высших должностных лиц КПСС и правительства СССР положение в стране характеризуется как кризисное, чрезвычайное. В последние месяцы в прессе и с трибун представители правящих кругов и придворной либеральной науки заговорили о приближении катастрофы, стали нас пугать тем, что в стране вот-вот наступит полный экономический крах, воцарится всеобщий хаос, начнётся повсеместная межнациональная резня. И ради того, чтобы пред-отвратить столь печальное будущее, руководство настойчиво убеждает нас в необходимости так называемых непопулярных мер. Причём, меры эти руководство само окрестило словом «непопулярные», т. е. антинародные — такие, которые заведомо не могут быть приняты, поддержаны трудящимся народом.

Не приводя веских доказательств, нас пытаются убедить, что иного выхода нет, что надо смириться, подчиниться, поверить (уже в который раз!) руководству и, затянув потуже пояса, послушно последовать мудрым указаниям сверху, прекратив митинги и забастовки.

Так ли всё это? В чём на самом деле состоит суть

кризиса? Какая и кому грозит катастрофа? Есть ли мирный выход из тупика? И, если есть, то кто и какую ответственность должен понести, кто и чем должен пожертвовать за возвращение страны в русло социального прогресса, на путь нормального развития?

Прежде чем дать наши ответы на все эти вопросы, вычленим основные моменты идейно-практической платформы реформаторского крыла высшего руководства. Суть платформы номенклатурных реформаторов можно охарактеризовать как **идеологию чрезвычайных обстоятельств и программу чрезвычайных мер.**

Подробное изложение и обоснование первоначального варианта этой платформы были даны руководством на первом Съезде народных депутатов СССР (май-июнь 1989 г.).

В докладах М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова кризис был представлен как **кризис в экономике** — как расстройство финансовой системы, разбалансированность рынка (дефицит товаров и услуг) и т. п. Предлагалось в связи с чрезвычайными экономическими обстоятельствами осуществить ряд чрезвычайных экономических мер, которые наладили бы состояние рынка. При этом главная задача усматривалась в том, чтобы срочно «накормить и одеть народ», устранить тем самым причины недовольства населения, смягчить социальную напряжённость.

Программа чрезвычайных экономических мер, разработанная номенклатурными реформаторами к первому Съезду, откладывала радикальные (коренные) преобразования в хозяйстве не меньше, чем на 1,5 года (до начала следующей пятилетки). «Накормить и одеть народ», решить другие наиболее «кричащие» социально-экономические проблемы руководство собиралось старыми, лишь слегка подновленными командными методами. Народу предлагалось поверить в мудрость и заботу о нём руководства, в успех продолжения перестройки «сверху» в соответствии с .замыслами номенклатурных реформаторов и их усилиями.

Как и следовало ожидать, программа чрезвычайных

экономических мер не была выполнена. И не только потому, что народ не очень-то поверил правительству и не захотел послушно ждать обещанного улучшения жизни. Для налаживания экономической ситуации **не были созданы необходимые политические предпосылки**. Такими предпосылками являются изменения характера власти, методов управления в обществе и хозяйстве. «Декларация основных принципов Конфедерации труда», принятая 1 мая 1990 года первым Съездом независимых рабочих движений и организации, отмечает неразрывную связь экономических преобразовании с политическими: «Кардинальное изменение социально-экономического положения рабочих, ликвидация нищеты, бесправия, жестокой эксплуатации народа государством, технократией и другими силами, справедливое распределение доходов и материальных благ — всё это станет возможным и надёжным лишь после перехода к демократической политической системе». Горбачевское руководство и в 1989 г. не пожелало (или же не смогло из-за сопротивления аппарата) сделать какие-либо серьёзные практические шаги по пути к демократии, побоялось опереться на демократические силы в России, на народно-демократические освободительные движения в других республиках. Руководство противопоставилось и заявившему наконец-то о себе рабочему движению. Руководство всё время просило народ подождать, поверить, потерпеть, не требовать, не давить, не бастовать — словом, не срывать своей революцией его тактику топтания на месте.

Ответственность за дальнейшее ухудшение состояния хозяйства, за обострение товарного дефицита, за экономические потери от забастовок и пр. целиком лежит на руководстве, выдвинувшем такую программу, которая заранее была обречена на провал, продлевала власть номенклатуры, привела к обострению отношении между КПСС, аппаратом, с одной стороны, и народом, с другой.

Вместо того, чтобы пересмотреть свою программу в необходимом направлении, руководство на втором Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.) объявило,

что политика чрезвычайных экономических мер будет осуществляться с 1990 г. по 1992 год (т. е. на два года дольше, чем планировалось летом), и лишь потом, с 1993 г. страна приступит к радикальной реформе хозяйства на основе активного функционирования рынка.

Если учесть, что реформа экономики в интересах трудящихся требует ликвидации монополии аппарата, номенклатуры на власть в государстве (в т. ч. в хозяйстве), станет ясно: новый, декабрьский вариант программы горбачевского руководства был новой уступкой аппарату, поскольку откладывал открытый политический бой с ним ещё дальше, так сказать, до лучших времён. При этом Н.И. Рыжков подчеркнул, что забастовки на предприятиях, блокады, падение дисциплины на производстве, столкновения на межнациональной основе и т. п. серьёзно осложняют экономическое развитие. По смыслу доклада Н.И. Рыжкова, эти так называемые «нежелательные явления» также якобы доказывают необходимость проведения чрезвычайных экономических мер до радикальной хозяйственной реформы, а по сути — **вместо** неё. Здесь, конечно, налицо явное стремление уйти от главной проблемы, свалить в одну кучу разнородные процессы. Ведь выдвижение шахтёрами требований экономической самостоятельности и самоуправления предприятий, борьба за снятие фактических запретов на рабочие (стачечные) комитеты, равно как и освободительная борьба народов за суверенитет республик — это обстоятельства чрезвычайные, но не экономические, а социально-политические. И требуют они неотложных политических перемен, в том числе **перераспределения функций власти и управления в пользу республик, местных советских органов, трудовых коллективов**. Однако меры по оздоровлению экономики, намеченные руководством, оставляли в стороне область политических взаимоотношений, а потому не затрагивали глубинные причины нарастающей активности народно-освободительного и рабочего движений.

Проволочки с демократическим преобразованием политической системы давали, естественно, все основа-

ния думать, что и новый вариант правительственной программы выполнен не будет. Дальнейшие события показали, что руководство только делало вид, будто бы ему невдомек тесная связь экономики и политики. Горбачевское руководство отбросило путь введения **демократических** политических предпосылок экономического подъема — путь раскрепощения народной инициативы. Оно выбрало другой путь — наведение в стране порядка при помощи сильной власти Президента СССР, «твердой руки» в Центре. Внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР (март 1990 г.) существенным образом изменил именно политическую систему, **но не в сторону демократии**. Он наделил Президента широчайшими полномочиями, отняв их у Советов. При этом не случайно Президентом стал лидер КПСС. Формально отменив статью 6 Конституции СССР, третий Съезд поделил власть между Советскими органами и Президентом-генсеком, следовательно, придал монополии КПСС и её аппарата новый, смягченный облик и новую, замаскированную жизнь.

Таким образом, платформа чрезвычайных экономических обстоятельств и мер была на деле преобразована в платформу, оправдывающую чрезвычайные политические меры по закреплению высшей власти в руках лидера номенклатурных реформаторов.

Нетрудно догадаться, что власть Президента нужна либеральной номенклатуре и коррумпированному аппарату для решения своих двух главных задач в условиях начавшейся (вопреки их желанию) революции снизу. Во-первых, чтобы решительнее пресекать или хотя бы сдерживать общественное давление демократических сил. Во-вторых, чтобы поскорее провести реформы в своих интересах, т. е. успеть занять наилучшие позиции в «перестроенном» обществе. Это такие реформы, которые позволяют перевести «капитал» прежней лжезаконной власти в экономический капитал, охраняемый новым законом.

К настоящему времени мы имеем по меньшей мере два доказательства попыток использования новой политической системы против народных интересов, против

народных движении. Это экономическая блокада и политические санкции против Литвы. Это и концепция перехода к регулируемой рыночной экономике, обнародованная от имени правительства СССР на третьей сессии Верховного Совета СССР (24 мая 1990 г.).

Н.И. Рыжков утверждает, что между этой концепцией и правительственной программой, одобренной вторым Съездом в декабре 1989 г., есть преемственность. Это верно. И там, и здесь переход к рыночным отношениям фактически откладывается до 1993 года. И там, и здесь в 1990-1992 гг. предлагается осуществить комплекс мер, которые, если разобраться, вовсе не гарантируют переход к рынку в дальнейшем.

Но есть и существенное (для народа) различие между последней концепцией и прошлогодними программами. И состоит оно в следующем.

Чрезвычайные меры в прошлогодних программах провозглашались как средство скорейшего улучшения жизни народа. Первоочередные меры майской концепции, рассчитанные на 1990-1992 годы, — это сильнейший удар по материальному положению трудящихся, попытка снизить спрос населения на товары и услуги и залатать дыры в государственном бюджете за счёт трудящихся, за счёт очередного их ограбления. Лозунг «побыстрее накормить и одеть народ» заменён обещаниями не дать умереть с голоду малоимущим.

Характерно при этом, что Н.И. Рыжков жалуется в своем докладе на политическую нестабильность, на забастовщиков, выдвигающих требования к центру, на нарушения Закона о забастовках (а они, как известно, были заранее предопределены недемократичностью Закона), на митинговую демократию. Он призывает Верховный Совет СССР принять соответствующий закон, который ужесточил бы требования к участникам производства, обеспечил бы экономике способность «нормально действовать». Здесь всё логично: если у народа собираются отнимать заработанное, необходимо ограничить и его политические права, отнять возможность протестовать.

Анализ программ и практической политики руководства в 1989-1990 гг. показывает, что оно неспособно (или не стремится) исходить из реальной оценки истинного положения дел в стране. А это положение вовсе не исчерпывается кризисом в экономике, к которому руководство пытается приковать сейчас внимание народа. Номенклатурные реформаторы всё реже стали употреблять слово «революция» применительно к тому, что происходит в СССР. Впрочем, они и раньше-то использовали это слово лишь как образное, броское выражение, рассчитывая на повышение эффективности производства за счёт усовершенствования (а не коренного изменения) способов управления хозяйством. Советская перестройка, затеянная правящей группой как либеральные реформы «сверху», на деле стала перерастать в народную, социальную революцию. Кризис в экономике — это одно из проявлений глубокого кризиса всего нашего общественного строя, одно из свидетельств необходимости его действительно революционного преобразования.

Главным противоречием нашего общества является противоречие **между командно-карательной властью и народом**. Такое противоречие можно устранить только путем смены типа, характера власти. Здесь не могут помочь перестановка лиц в руководстве, в аппарате, «дворцовые перевороты». В «Декларации основных принципов Конфедерации труда» не случайно говорится: «Мы не надеемся на добрых вождей и заботливых номенклатурных руководителей. Мы выступаем не за обновление кадров при сохранении прежнего характера и прежней структуры власти, а за замену командно-карательных методов управ-ления демократическими». Такая перемена власти — одна из главных характеристик социальной революции.

Особенность революции, которая отличает её от либеральных реформ, — это изменение направления (целенаправленности) развития общества. Наше казарменное общество развивалось до сих пор не в русле гуманизма, а в направлении совершенствования способов угнетения, подавления, эксплуатации. Переход от диктатуры к

демократии вернёт наше общество на путь гуманизма, откроет возможность его развития в интересах трудящихся, а не в интересах какой-либо группы (касты), захватившей власть. Переход к демократии — основная задача, первоочередная цель нашей революции. Перестройка «сверху» («революция сверху») не может решить эту задачу. Перейти от командно-карательной системы, от диктатуры партийно-государственного аппарата к демократическому (народному) государству нельзя без массовых общественных движений, без включения в политическую жизнь, в организованную политическую борьбу широких слоёв населения. Зачем номенклатуре уступать власть народу, устанавливать демократию, если народ не протестует, не требует, не митингует, не бастует, словом, не «давит» на номенклатуру, а ждёт от нее добровольных уступок и подачек?

Либеральные реформаторы боятся активизации народа и изображают революцию непременно как общественную катастрофу, хаос, бунт, вооруженные восстания, кровопролитие. Это сознательная ложь. Свой коллективный протест, свою политическую активность народ может организовать таким образом, чтобы не допустить кровопролития, обеспечить мирное развитие революции. Именно для этого нужны народу свои независимые (от номенклатуры) профессиональные союзы, нужна самоорганизация в форме массовых политических партий, народных фронтов, блоков всех демократических сил. Пример **мирных революций в Прибалтике** убеждает, что и в других республиках можно (и нужно) обойтись без вооруженного насилия, без кровопролития, без одностороннего заклинивания борьбы только на разрушении.

Революционная ситуация сложилась в СССР ещё в 1988 году, когда на политической арене появились массовые самоорганизующиеся демократические движения. Основные линии демократического революционного процесса в СССР сейчас — это народно-освободительные движения, направленные на слом имперского характера СССР, и демократическое рабочее движение. В РСФСР до

возрождения рабочего движения нельзя было говорить о народно-демократической революции, поскольку «неформальное» движение разночинной интеллигенции — это лишь начало оживления общества, предвестник революции. Силу и устойчивость революционному процессу придаёт рабочий класс, когда он включается в этот процесс. Это подчеркнуто в «Декларации основных принципов Конфедерации труда». И там же справедливо сказано, что без сотрудничества с демократической интеллигенцией, без союза со всеми прогрессивными силами у рабочего движения нет будущего.

Перерастание перестройки «сверху» в революцию снизу — главная линия общественных процессов в 1987-1990 гг. Перерастание это идёт не гладко, а как постоянное противоборство политики либеральных реформ с народными движениями. Сопротивление консервативных (неосталинистских) сил переменам — дело очевидное, ведётся открыто. Противоборство же «революции сверху» с революцией снизу идёт по большей части в неявном, замаскированном виде. Поэтому в центр общественного внимания то и дело попадают схватки по отдельным, а то и второстепенным вопросам, из-за чего основные направления противостояния номенклатурных реформаторов и народа остаются «за кадром», в тени. На первый план выдвигается череда частных кризисов. Вспомним, например, историю с ограничением подписки летом 1988 г., которая отодвинула в тень задачу из числа главных — создание условий и гарантий свободы слова и печати. Другой пример — периодическое применение внутренних войск и армии для разгона митингов и демонстраций, которое вызывает (что естественно) волны общественного протеста с требованиями выявить и наказать виновных. При этом опять же в стороне (в тени) остаётся главное — подконтрольность армии, карательных органов структурам, стоящим над законом, над обществом, над народом.

Теперь нас умело втягивают в новую борьбу — в борьбу за отставку правительства, поскольку от его имени доказывается необходимость повысить цены и налоги для

перехода к рынку. Тем самым нас подталкивают и к борьбе против самой идеи рынка. Зачем все это надо номенклатурным реформаторам? От чего стараются они отвлечь сейчас внимание демократических сил, внимание рабочего движения? Почему номенклатура призывает перейти к рыночной экономике и одновременно как бы нарочно запугивает народ рынком?

2. ПОЧЕМУ НОМЕНКЛАТУРА ПРИЗЫВАЕТ ПЕРЕЙТИ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ?

Не так давно, в 70-е годы, официальная наука и пропаганда усиленно противопоставляли социализм и рынок. При этом социализм отождествляли с командно-карательной системой (её называли плановой), а рынок — с капитализмом и эксплуатацией. В таких пропагандистских конструкциях всё перепутано. Да и сейчас вокруг плана, рынка, социализма, эксплуатации, частной собственности разводится много путаницы. Есть смысл разобраться в основных понятиях и их взаимосвязях, чтобы чувствовать себя уверенно при обсуждениях ключевых экономических проблем современного советского общества.

Социализм — это общество, в котором нет эксплуатации и принуждения, в котором трудящиеся и их коллективы добровольно и сознательно участвуют в производстве, сами непосредственно или через своих избран-ных товарищей управляют всеми делами —- от бригадных до общегосударственных. Социализма нет пока ни в одной стране мира, так как нигде власть не принадлежит трудовому народу. Общество, созданное в СССР, называют социализмом, но оснований для этого нет никаких.

Общество, созданное в СССР, — тоталитарное общество, казарменный псевдосоциализм. Тоталитаризм — это командно-карательный режим, кастовое общество, которому чужды человечность и гуманистическая мораль.

Тоталитарный режим держится на всеобъемлющем контроле за всеми процессами в обществе, недопущении свободного самостоятельного действия, на произволе и запугивании, на репрессиях против тех, чьи мысли и поступки отклоняются от предписанных сверху образцов, инструкций, указаний. Попросту говоря, тоталитаризм — это фашизм.

Современное советское общество основывается на принуждении и эксплуатации трудящихся. Народ отчуждён от власти, а значит не участвует в решении главных вопросов распределения созданных им материальных и духовных благ. Такие вопросы монопольно решает правящая каста (номенклатура). Отобрав у народа государственную власть, номенклатура превратила государство в жестокого эксплуататора трудящихся. **Суть эксплуатации** — в отстранении (отчуждении) трудящихся от власти и управления, в результате чего, во-первых, занижается доля трудящихся при распределении результатов труда, и, во-вторых, созданные народом богатства бесконтрольно используются теми, кто монополизировал власть.

Плановое хозяйство — такое хозяйство, в котором, во-первых, стратегические решения принимаются обществом (государевом) на основе научных обоснований (прогноз, комплексные целевые программы, плановые решения), и, во-вторых, в поиск самых эффективных плановых решений и способов достижения плановых целей включены как управляющие, так и управляемые. Плановое хозяйство — это демократическое (на основе законов) взаимодействие компетентного, **назначенного народом** управляющего центра и свободно действующих самостоятельных разнообразных по своим формам предприятий. Плановое хозяйство — это дружная слаженная работа всего общества, при которой каждый коллектив и каждый трудящийся знает смысл своего манёвра и стремится принести больше пользы общему делу. Советское хозяйство называется плановым, однако в нём нарушена главная связь — инициатива людей и коллективов, так как они не воспринимают «плановую цель» как свою цель. **Совет-**

ское хозяйство командное, а не плановое.

Рынок — сфера обмена, совокупность процессов купли-продажи и правил и учреждений, обслуживающих эти процессы.

Рыночная экономика — хозяйство, в котором обмен осуществляется в форме рынка.

Казалось бы, всё просто и понятно. Так из-за чего же закипели страсти в связи с переходом к рынку? Наука предвосхитила эти страсти и дала принципиальный разбор нашей сегодняшней возни вокруг рынка[150]. Вот в чём суть дела.

Правящей касте советского общества крайне выгодно и необходимо сузить угол зрения трудящихся до сугубо экономических проблем, так, чтобы в поле зрения не попадала политика и связь экономики с политикой. Правящей касте не нравится, когда рабочий зрит в корень и понимает: главное сегодня — переход от тоталитарного режима к демократии, к народовластию. Она пытается подсунуть нам иной взгляд на проблему, а именно: главное — переход от плана к рынку. То есть главное, получается, в экономике, а не в политике. С этой целью охотно цитируются и авторитеты буржуазной западной науки, считающие, что план — синоним тоталитаризма в руководстве хозяйством, а рынок — синоним демократии. Понятно, что тут грубая подмена. Ведь и план (программное управление) может применяться, да и применяется реально во многих странах мира в демократической обстановке. А рынок существует не только в демократических обществах, но и при диктатурах.

Однако из подмены, рассчитанной на простаков, следует суждение: расширение сферы действия рынка, рыночных регуляторов неизбежно ведёт будто бы к демократизации хозяйства и общества. Наоборот, государ-

---

[150] ***Б. В. Ракитский. Политическая экономия социализма сегодня. М: Наука, 1989, с. 176—181. Раздел «Закономерности и особенности функционирования рынка в условиях деформаций социализма».***

ственное регулирование экономики создаёт будто бы экономические основы свёртывания демократии. То есть происходит неправомерная прямолинейная проекция политических антагонизмов (вражды) на взаимодействие двух способов и двух сфер принятия хозяйственных решений. Несовместимость тоталитаризма и демократии изображается как несовместимость плана и рынка.

И что же выходит? Если хочешь задействовать полезные механизмы рынка, то борись с планированием и с государством. Но не с нашим командным планированием, а с планированием вообще. Дикий вывод, особенно если не забывать, что плановая деятельность — основа организации современного рынка во всем мире, а демократия — это тоже государство.

Как видим, стремление отвести глаза от главной проблемы — от борьбы с тоталитаризмом — запутывает самые простые вещи. Как план, так и рынок — продукты и составные части современной культуры хозяйствования. Рынок — неподкупный объективный соразмеритель умелости, качества и экономичности работы, услужливости производителя. Правда, рынок «не видит» дальних последствий, он стратегически слаб. Зато план с его прогнозом, целеполаганием и программно-целевым способом организации хозяйственных взаимодействий «видит» далеко и достаточно точно. У плана, правда, есть слабость: плановый проект не учитывает всего, что может оказаться существенным для реального хозяйства. Вот почему план и рынок развивались всегда неразлучно и в XX веке породили планомерное товарное хозяйство, или регулируемую рыночную экономику.

Мы от этого достижения культуры — от регулируемой (планомерной) рыночной экономики — весьма далеки. У нас нет плана — есть командование. У нас нет культурного рынка — есть распределение (фондирование) волей вышестоящего начальства. Тоталитаризм извратил как плановое, так и рыночное начала хозяйства. Командно-карательные методы управления означают утрату экономического суверенитета субъектами хозяйствования

(людьми, семьями, коллективами, территориальными общностями, народами, всем народом). Суверенитет — верховенство в принятии решений. Народ, социальные группы, трудовые коллективы, люди лишены власти в обществе и в хозяйстве. Они ничего не решают, они — только исполнители чужого решения. А кто решает? Тот, у кого монополия на власть, — правящая каста, номенклатура (партийная, советская, хозяйственная).

Когда народ лишён власти в хозяйстве, план превращается и командно-карательную акцию, а рынок лишается субъектов взаимоотношений. Всё хозяйство становится сферой взаимодействия декоративных хозяйственных субъектов, крепостных по сути дела, а то и рабов.

Так продолжается, пока тоталитарный режим в силе. Положение меняется, когда он попадает в состояние острого кризиса. Так случилось с советским тоталитаризмом в 80-е годы. Обострение кризиса закономерно. Отчуждение народа от власти, пресечение инициативы, активности, даже просто разнообразия мыслей и поступков при-водит к падению нравов, к дезорганизации производства, к разложению как подневольных, так и правящей касты. Возникает острая нужда повысить эффективность, без чего тоталитаризм теряет возможность наращивать военную мощь, рискует утратить положение сверхдержавы. Угроза потерять положение сверхдержавы — главная причина замыслов перестройки.

Сперва вопрос ставился просто: давайте нажмём, повысим производительность, поднимем темпы. В общем, даёшь ускорение. Но не получилось. Тогда решили кое-что поменять в организации хозяйства, воспитать «чувство хозяина». Не вышло. Тогда объявили реформу, однако ничего не сдвинулось с места, разве что зашевелились спекулянты и кооператоры. На крупных же предприятиях всё по-старому. Стало ясно: дело упирается в недемократическую политическую власть. Правящая каста должна уйти от власти. Но согласиться с этим наша номенклатура никак не хочет.

И вот новая попытка сохранить без изменений по-

литическую систему, но повысить эффективность хозяйствования. Состоит она в стремлении тоталитарного режима продержаться за счёт развития рыночных отношений. Надежды возлагаются на одностороннюю активизацию трудящихся: возбудить «чувство хозяина», но заблокировать при этом гражданское чувство, политическую активность. Тоталитарный режим хотел бы воспитать такого хозяйствующего субъекта, который считал бы естественным соединение тоталитарной политической системы с чисто хозяйственной активностью.

Выполнима ли такая задача? Скорее всего, нет. Но не забывайте, что исходным состоянием перестройки и перехода к рынку является общество с политически задуренными людьми. Уже сейчас многие говорят: «альтернативы рынку нет», «частная собственность разовьёт инициативу», «предприниматель всё отлично организует», «пусть эксплуатируют, если прибавят корму» и т. п. Как картинку из нашего будущего показывают то «шведский социализм», то американский образ жизни. При этом забывают предупредить, что в короткий срок трудно прыгнуть от существующих в СССР к передовым для современного мира организации производства и культуре работы. Расчёт номенклатуры прост: если не удастся заблокировать политическую активность при переходе к рыночным методам принуждения, то господское положение номенклатуры можно будет переоформить в законную частную собственность. То есть номенклатура не против развить и капитализм, если она сама превратится в класс капиталистов.

Итак, номенклатура призывает и тянет нас на аркане к рынку потому, что с помощью рынка хочет поправить свои дела, продержаться и закрепиться у власти. Прежние способы эксплуатации, основанные на произволе и грубой силе, трудно применять в обстановке активизации трудящихся, требований прав и свобод. Рынок в этих условиях помогает номенклатуре как бы спрятаться за объективными механизмами экономической жизни, так что уже вроде бы и не номенклатура, а рынок и требует, и

принуждает, и отнимает у работника самое необходимое. А цель остаётся все та же: заставить работать больше, а жизненный уровень оставить на низком уровне, даже понизить. Докажем это, проанализировав последние официальные материалы.

Глава Советского правительства Н.И. Рыжков выступил 24 мая 1990 г. с докладом «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Из доклада следует, что правительство не может справиться с экономикой, намеченные меры не осуществляются, дисциплина в хозяйстве продолжает ослабевать. Правительство расходует не по средствам, уже много лет покрывает нехватку доходов допечатыванием денег. Отсюда всё больший и больший развал финансового хозяйства, обесценение денег, их избыток в хозяйстве. Говоря проще, правительство без спросу берёт и берёт взаймы у населения и ничего не делает, чтобы оплатить или хотя бы сократить долги.

Идея, которую предложил Н.И. Рыжков от имени правительства, такая. Повысим цены: на промышленные изделия — в среднем на 46%, на сельхозпродукцию — на 55%, розничные цены на продовольствие — в 2 раза, в том числе на мясные продукты в 2,3 раза, рыбные — в 2,5 раза, молочные — в 2 раза, хлебопродукты — в 3 раза, сахар — на 80%, растительное масло — на 70%. Повысим также тарифы на разные виды услуг. В итоге население за прежний объем продовольствия, непродовольственных товаров и услуг вынуждено будет ежегодно платить почти на 200 млрд. рублей больше. Н.И. Рыжков пообещал, что государство из этой суммы возвратит населению в форме компенсаций 135 млрд. рублей. Значит, около 65 млрд. руб. государство получит с населения за просто так, на списание государственных долгов. И заметьте, такая дань в 65 млрд. рублей становится ежегодной. Это равнозначно установлению ежемесячного налога в среднем по 40 рублей на каждого работника. Кроме того, каждая дополнительная покупка в будущем потребует в 1,5—2 раза больше усилий, так как компенсация рассчитана на объём по-

купок 1991 г., а с течением времени потребности растут.

Номенклатура придумала и другой вариант поправки собственных дел за счёт народа. Один из претендентов на пост главы правительства РСФСР М.А. Бочаров одним из ключевых пунктов своей программы действий сделал следующий:

«Основное содержание второго этапа — широкая приватизация[151] государственной собственности, создание негосударственных секторов экономики и резкое сокращение объёмов отложенного денежного спроса. При этом важно переключить этот спрос с рынка потребительских товаров на выкуп государственного имущества и земли. Программа предусматривает многообразие форм разгосударствления собственности: разовый выкуп, продажа в рассрочку, аренда с последующим выкупом, акционирование, иностранные инвестиции и другие». Среди мер М.А. Бочарова есть даже «режим принудительного перевода на краткосрочную аренду».

Идеи разгосударствления собственности и восстановления частной собственности стали сейчас ходовыми. Как правило, речь идёт о том, чтобы рабочий, служащий или колхозник отдал часть своего заработка или сбережений в обмен на право собственности на свою квартиру, свой завод или землю, которую обрабатывает. Подобный фокус проделало с колхозниками правительство Н.С. Хрущева в 1958 г., когда вконец ограбленным колхозам продали технику машинно-тракторных станций. Эти станции окупились до того много раз, так что правительство взяло «с одной мышки по две шкурки». А ещё раньше царское правительство освободило крепостных без земли, заставив выкупать её у бывших крепостников. Не так ли и мы теперь вынуждены будем выкупать у номенклатуры созданное нашим потом и кровью?

Подведём итог сказанному. Дело не в рынке — сам

---

[151] ***Приватизация собственности – превращение ее в частную.***

по себе он безразличен к столкновению как политических, так и экономических интересов разных социальных сил. Дело как раз в этих самых интересах. Номенклатура решила использовать переход к рынку для продления своего господства над народом, для нового ограбления народа, для списания с себя ответственности за экономические ошибки и преступления. Рано или поздно рыночные рычаги надо будет осваивать — это точно. Но зачем позволять номенклатуре использовать рынок против интересов народа? Не верьте, когда вам говорят, будто освоение культуры современного регулируемого рыночного хозяйствования неизбежно потребует от народа дорогой цены — прямо-таки расплаты. Если введением рыночных способов хозяйствования будет командовать номенклатура, то очередное ограбление народа неизбежно. Но можно ведь обойтись и без номенклатуры при переходе к рынку. У нас любят повторять: альтернативы (другого решения) нет. Так вот: альтернатива номенклатурному варианту введения рынка есть. Но вариант освоения рынка не в ущерб, а с пользой для народа потребует со стороны демократических сил и политических действий, и ясной экономической программы.

Займемся их рассмотрением.

3. НЕОТЛОЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Итак, главная задача в политической области, которая всё ещё не выполнена, — окончательно устранить монополию номенклатуры (партийно-государственного аппарата) на определение целей и путей развития нашего общества. Эта общедемократическая задача приобрела сейчас чрезвычайную, дополнительную актуальность, поскольку реализация задуманных номенклатурными реформаторами планов преобразования экономических отношений способна привести к **трудно обратимым и крайне отрицательным для трудящихся социальным последствиям:** правящая каста преобразится в класс крупных частных собственников, интересы которых будут

охраняться вроде бы «демократическим» законом; новый класс наверняка использует своё новое положение в первую очередь для того, чтобы расправиться с ещё неокрепшим и всё ещё слабо организованным рабочим движением. В качестве демагогического оправдания увольнений рабочих активистов, мер против забастовок, против рабочих комитетов и пр. новый класс, надо полагать, использует всё те же разглагольствования о необходимости повышать эффективность производства, выводить страну из экономического кризиса.

Политика удушения, раскола рабочего движения при помощи запугивания перспективой потерять работу имеет шанс на успех. Она не вызовет достаточного сопротивления в обществе, поскольку общество психологически уже почти подготовлено к неизбежному будто бы увеличению до многих миллионов числа безработных. Рабочее движение будут раскалывать, конечно же, и методами подкупа лидеров (новый класс может взять их «в долю» при разделе имущества и экономической власти), а также при помощи тактики мелких подачек, уступок рабочим, не вовлечённым ещё в активную борьбу с системой.

Если рабочее движение задавят, номенклатура поведёт дальнейшую нужную ей перестройку хозяйства в ещё большей степени за счёт народа, чем намечено в майской концепции.

Отсюда вывод: ни в коем случае нельзя ослаблять движение коллективного протеста против аппаратных планов перехода к рынку. Надо, напротив, его всячески расширять и наращивать, объясняя людям, чем им этот план грозит. Нельзя ослаблять «давление снизу» на органы республиканской и союзной Советской власти, ибо только такое прямое давление (в том числе и через депутатов, избранных в районах забастовок) является сегодня практически единственным способом мирного народного воздействия и контроля за деятельностью этих органов. Это не значит, что надо непременно бастовать. Возможно, что действенным способом окажется постоянное поддержание готовности к слаженным массовым забастовкам.

Надо выдвинуть перед высшими органами республиканской и союзной власти **социальный заказ рабочего движения**, т. е. требования **к характеру** программы экономических реформ. Надо потребовать в таком заказе, чтобы переход к рынку опирался на законы, защищающие права рабочих, всех трудящихся (в том числе крестьян) и трудовых коллективов. Мы наслышаны уже достаточно о равноправии различных форм собственности. Мы хотим знать, чем обернётся такое равноправие для рабочих, для трудящихся, занятых в разных формах собственности. Пусть учёные, депутаты и правительство подумают об этом, толком разъяснят и обеспечат защиту законом свободы и равноправия на деле всех трудящихся. Рабочим (народу) нужны законы, защищающие права рабочих, всех трудящихся **на труд, на рабочее место, на гарантии условий как минимальной, так и нормальной оплаты труда, на самоуправление**. В социальный заказ следовало бы включить и требование, чтобы законы предотвращали формирование устойчивых социальных групп, живущих на доходы от капитала, от спекуляций ценными бумагами, землёй, а не от собственного труда.

В социальном заказе рабочего движения надо потребовать, чтобы в программах экономических реформ был ясный, понятный народу прогноз социальных последствий их осуществления. Не голые цифры о ценах, доходах, темпах роста и т. п. и не слова о грядущей через 10 лет социальной справедливости, а толковое разъяснение о том, каким образом, для кого и какая будет обеспечена социальная справедливость — вот что должно быть в программах экономических реформ.

Конечно, разработать такие программы — дело специалистов. А дело народа — принять их или не принять.

Имеет ли смысл настаивать на отставке союзного правительства, на создании так называемого коалиционного правительства? Можно настаивать. Однако в условиях провозглашения суверенитета республик состав союзного правительства не играет столь уж существенной роли. Ведь решениями о суверенитете высшие органы

республиканской власти уже выразили (по воле народа, благодаря требованиям демократических движений) своё недоверие союзным органам власти и управления. Не лучше ли сосредоточиться на том, чтобы заставить республиканские органы власти и управления следовать решениям о суверенитете?

Если уж отстаивать **идею коалиционного правительства** (как на союзном, так и на республиканском уровнях), то надо требовать включения в его состав людей компетентных, профессионально грамотных, которым трудящиеся будут доверять, а не полуграмотных ставленников тех или иных группировок, присваивающих себе право выступать от имени народа.

Политическая самоорганизация рабочих на революционно-демократических принципах — самая главная задача, самое главное направление действий. Важнее этого ничего сегодня нет. Не обязательно создавать партии по схеме КПСС — с жесткой дисциплиной, с диктатом руководящих органов и т. п. Главное — вовлекать в сферу влияния уже существующих и объединяющихся независимых рабочих организаций новых людей. Важно, чтобы все рабочие поняли: защитить права каждого удастся, если положение рабочего класса в целом будет защищено от очередных экспериментов и дальних замыслов номенклатуры. А для этого мало (хотя и необходимо) расширять независимое профсоюзное движение. Нужен ещё и переход к политической организованности народа, к массовым политическим организациям и партиям. Только их солидарные действия могут сперва уравновесить, а потом и перевесить силу командно-карательной власти.

4. ИНТЕРЕСЫ И ДЕЙСТВИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ЭКОНОМИКЕ

Очертим кратко лишь самые коренные и остро назревшие проблемы советского хозяйства, исходя при этом из интересов трудящихся. В обстановке нарастающей активности демократического рабочего движения это

имеет практический смысл, помогает содержательно формировать линию поведения в борьбе с командно-карательной властью, состав конкретных требований. У рабочего класса много сил, но глупо тратить их попусту. Определение целей борьбы, сосредоточение сил на главном, на созидательности ведёт к успеху в более короткие сроки и обеспечивает прочность завоеваний и перемен.

Напомним, что «Декларация основных принципов Конфедерации труда» даёт лишь контур решений, только подходы. Попробуем их развернуть.

а) Не поддавайтесь запугиванию экономическим крахом и катастрофой. Нужны не чрезвычайные, а радикальные последовательные меры.

Правящая каста нашего общества исходит во взаимоотношениях с народом из тоталитарных (сталинских) представлений. Номенклатура мнит себя единственно ответственной за судьбу страны и народа, монопольной обладательницей правильных ответов на все вопросы. Она также считает, что её умственный потенциал превосходит разум народа. Вот почему номенклатура позволяет себе свысока судить обо всём и поучать, как надо жить народу. В условиях, когда народ начинает жить своим умом, рассуждает о своих делах сам, цена номенклатурных поучений падает. Как номенклатуре добиваться, чтобы народ всё же слушался, верил ей? Один из способов — держать людей в напряжении, время от времени пугать чем-нибудь. В области экономики в последние годы применяется запугивание населения близким крахом, хозяйственной катастрофой. Одним из первых взялся пугать скорым хаосом экономист Н.П. Шмелев (слабо, кстати сказать, знающий проблемы советской экономики). С 1989 г. правительство СССР стало пугать чрезвычайными обстоятельствами, в мае 1990 г. Н. И. Рыжков вызвал среди населения настоящую панику.

А что же на деле? Почему прошли сроки обещанного хаоса, а экономика ухудшается и ухудшается, но всё же не разваливается?

Дело в том, что советское хозяйство хотя и неэф-

фективно, но все-таки организованно. Уже в течение 20 лет темпы прироста экономических показателей падают, но слабый прирост всё ещё есть. В отдельные периоды случаются и сокращения производства. Так произошло в начале 1990 г. Тут сказались разные причины, но в том числе и ввод войск в Азербайджан, а позже и блокада Литвы.

В 1989 г., когда правительство много говорило о чрезвычайных обстоятельствах и тем вызвало ажиотажный спрос на потребительские товары, у людей создалось впечатление, будто сократилось само производство этих товаров и услуг. На самом деле оно увеличилось (и не только в денежном выражении, но и в натуральном). Подобная картина и в других сферах: на деле застой или слишком медленный рост, а воспринимается он как резкое сокращение.

Хозяйство гниёт уже 20 лет, но раньше это гниение брежневская номенклатура изображала как процветание и прогресс, а теперешняя номенклатура изображает как крах и хаос. Налицо две тактики одной и той же антинародной силы. Либо усыплять народ, либо пугать его. Чего номенклатура хочет добиться запугиванием? Согласия народа на крутые меры, включая урезание политических и трудовых прав и запрет забастовок и других форм рабочего протеста. Номенклатура хочет, чтобы жители позвали её защитить их права от экстремистов и забастовщиков. Помните письма со всех концов страны насчёт того, что вы, дескать, бастуете, а у нас дети мерзнут? Все это один и тот же почерк. Чрезвычайщина — испытанная тактика номенклатуры. Она радуется всему, что создаёт чрезвычайность ситуации, а кроме того — сама искусственно создаёт ситуации тревоги и переполоха. В таких условиях она кормит народ обещаниями кое-что подправить и уступить, а на деле зажимает людей, продлевает свое господство.

Из тупика нашу экономику могут вывести не чрезвычайные полумеры, а последовательные действия по созданию нового экономического порядка. Сколько же можно

водить людей за нос, ссылаясь на трудности, которые само же руководство страны и создаёт? Неспособность номенклатурного руководства провести хозяйственные реформы обнаружилась давно и теперь ясна всему народу. Так что панические крики номенклатуры о катастрофе, хаосе, о трудностях и чрезвычайных обстоятельствах надо пропускать мимо ушей. Эти крики должны напомнить народу только об одном: у руля хозяйства неспособные управлять, это опасно, надо отбирать у них власть.

б) С чего начать: с предприятия или с государства?

Пробуксовка в проведении хозяйственных реформ в большой мере вызвана ошибкой в определении приоритетного (то есть главного, самого решающего) направления практических действий. Радикальные преобразования хозяйственного механизма решено было начать с предприятия и объединения, отладить работу этих низовых хозяйствующих звеньев и на этой основе внести коренные изменения в деятельность всех вышестоящих звеньев хозяйственного управления. Так была задумана последовательность перестройки. Замысел этот, как показала практика, неудачен.

Лозунг «начать с предприятия» очень выигрышен в социально-психологическом и в ближнем политическом планах. Создаётся впечатление, что дело делается решительно, серьёзно, в самом нужном месте. Однако этот выигрыш на первом впечатлении сопряжен с возможностью разочарования в недалеком будущем, когда оказывается, что предоставленные предприятию права и свободы в законе записаны, а в жизни нереализуемы. Так и получилось. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» введён в действие с 1988 г., и почти сразу же обнаружилось, что действовать в хозяйстве по этому закону практически невозможно. Оказалась неготовой система организационных отношений, органов управления и институтов общества.

Так получилось потому, что подходы, методология разработки закона о предприятии 1987 г. оставались на

уровне доперестроечного мышления. Доперестроечное мышление тяготеет к формуле «экономика имеет примат над всем остальным в обществе, с экономики все начинается: перемены в экономике — всегда причина всех остальных перемен». Диамат и истмат смотрят на эти соотношения иначе. Но кто теперь уважает истмат? До истмата мы дойдем позже, и это будет действительно новое мышление.

Концепция «начать с предприятия» больно ударила по здоровым попыткам развить предприимчивость в хозяйстве, породить разнообразие организации низовых звеньев. Была узаконена модель государственного предприятия, а не социалистического предприятия вообще. Творчеству новых форм это сразу же поставило заслон. Разнообразие форм свелось к двум моделям хозрасчёта. Почти сразу же выявилось, что это ничтожно узкий выбор, а главное — все нарождающиеся инициативные формы хозяйствования оказались обречёнными появляться не иначе, как незаконнорожденными.

Сосредоточение основного внимания на предприятии увело из поля зрения кардинальные проблемы преобразования общества в целом, без чего существенно изменить условия деятельности любого звена и их совокупности просто невозможно, нереально. Предприятие было поставлено в условия, когда оно должно было впредь до осуществления политической реформы бороться со всей старой по существу системой управления, да ещё и поддерживаемой прежней недемократической политической системой. Это парализовало ход экономической реформы в самом начале. Была повторена ошибка реформы 1966-1968 гг., когда также начали с предприятий (воссоздание министерств — не в счёт, это была воссоздана антиреформенная сила). В итоге дальше предприятии и не двинулись, а уже к 1970-1971 гг. всё вернулось в исходное состояние.

«Начать с предприятия» — концепция неверная. Верная — «начать с государства».

Такой подход имеет те несомненные преимуще-

ства, что в центре внимания оказывается хозяйство в целом и притом в неизбежной увязке с необходимыми преобразованиями политической системы. Отдавая приоритет переделыванию государства, мы ставим в центр перестроечной деятельности разрешение главного противоречия нашего общества — отчуждение народа от власти и властей от народа. Мы решаем в этом случае коренную задачу преодоления кризиса — оздоровление общего климата в стране. То есть в центре внимания оказываются стратегические вопросы и социальные силы, реально способные изменить положение дел в обществе.

Мы надеемся, что опыт шахтёрских забастовок 1989 г. и мытарств по реализации отвоёванных у правительства уступок убедил рабочих, что любые усилия по улучшению дел (не говоря уж о самоуправлении предприятиями) наталкиваются на крепкую всё ещё правительственно-государственно-судебную стену старого, тоталитарного образца. И возникает законный вопрос: искать в стене лазейки или убрать саму стену?

Видимо, надо убирать стену, строить новые формы власти. Что конкретно имеется в виду?

в) Собственность.

Народ всегда обладает первородным правом на власть. В условиях, когда номенклатура оттерла, отстранила народ от власти, это первородное право сохраняется, но не осуществляется. Вот почему командно-карательные власти боятся любой активизации масс в экономике. Ведь такая активизация неизбежно ставит вопрос о власти в хозяйстве, ставит под сомнение порядки, при которых номенклатура распоряжается всем как верховный хозяин. Верховным, суверенным хозяином в стране может и должен быть только народ.

Власть в хозяйстве обозначается понятием собственность. Частная собственность означает, что властвует предприниматель, капиталист. Общенародная собственность означает, что власть в обществе и в хозяйстве у народа. У нас сейчас в ходу много сказок о собственно-

сти. Особенно любят рассказывать сказку о государственной собственности. Да не может государство быть собственником и никогда им не является! Государство – это машина, и надо понимать, что машиной правят. Кто правит – тот и собственник. У нас в СССР государством правит, государство в своих целях использует номенклатура – правящая каста тоталитарного режима. Долгое время государством напрямую управлял партаппарат. Сейчас так неудобно, партаппарат пересел в кресла президентов, членов президентских советов, председателей советов и т. п. Но власть пока всё та же – номенклатурная. И государство всё то же – тоталитарное. Поэтому и собственность не народная, а антинародная.

Лозунг демократического революционного движения – «Вся власть народу!». Мы должны бороться не с государством и не с государственностью, а за передачу государственной власти народу. Поэтому, когда номенклатура выдвигает свой лозунг «Разгосударствить собственность», сознательные рабочие не подхватывают его. Они возражают номенклатуре так: долгие годы вы морочили нам голову, говоря, что государство у нас народное и собственность у нас народная. Теперь, когда обман вскрылся, вы говорите: государственная собственность – значит, ничья собственность. Так не бывает. Вы сидели за рулём государственной машины, вы и были собственниками.

И вот загадка: почему номенклатура (фактический собственник в тоталитарном обществе) больше всех призывает к разгосударствлению собственности? Разгадка простая: она почувствовала притязания народа на государственную власть. Она хочет превратить собственность в негосударственную, чтобы сделаться законным собственником. Если бы можно было заложить в машину времени нашу сегодняшнюю ситуацию, а потом нажать на кнопку «Что будет при разгосударствлении через 10 лет?», то мы бы ахнули, одним глазком заглянув в будущее. Нет горкомов и обкомов, нет дефицитов в торговле, а есть крупные собственники, главы всяких корпораций и ассоциаций. Но лица всё те же – бывшая номенклатура и дельцы

теневого предпринимательства. Это они сегодня пытаются превратить свою власть из основанной на силе кулака в основанную на силе капитала.

Народу никак нельзя упускать власть в хозяйстве. Если поверим сказкам, что хорошо организовать хозяйство может только частный собственник, то власть в хозяйстве упустим. Взяв в руки государственную власть, трудящийся народ возьмёт в руки и собственность — власть в хозяйстве. Но если он собственность разгосударствит, то власть в хозяйстве ему не достанется.

Нам говорят: но ведь 70 лет Советской власти доказали, что народ не может наладить эффективное хозяйство. Ну, как же не стыдно так говорить!? Разве народ управлял? Разве у народа власть? Это номенклатура управляла, и она, действительно, не может организовать хозяйство эффективно. Так давайте её отстраним от власти, не дадим сохранить собственность через разгосударствление.

Общенародная собственность – не глупость и не способ отчуждения трудящихся от производства. Напротив, власть всего народа в хозяйстве обеспечивает наиболее надёжную защищённость самостоятельности, инициативы в хозяйстве, многообразия любых форм собственности. Единственно с чем народная собственность несовместима – это эксплуатация, ограбление труженика. Номенклатура эксплуатировала особенно жестоко, капитализм эксплуатирует значительно мягче, но народная власть способна наладить хозяйствование вообще без эксплуатации.

Общенародный характер собственности вполне адекватно проявляется в форме социальной защищённости хозяйственной деятельности и в форме социальной справедливости её организации. Социальная защищённость и социальная справедливость – две высших ценности как демократии вообще, так и особенно социалистической демократии. Социальная защищённость – такое положение труженика и трудового коллектива в обществе, когда их права, свободы и обязанности в сфере хозяй-

ствования определены народом (народной властью), закреплены законами и гарантированы всем общественным правопорядком. Социальная справедливость – восприятие установленных и осуществляемых и обществе порядков хозяйствования как приемлемых, верно отражающих интересы человека, народа, трудового коллектива, общества, словом, всех субъектов и участников хозяйственной жизни.

Отсутствие доверия народа к властям отражает недостаточную социальную защищённость и недостаточную социальную справедливость.

г) Реформа Союза ССР и новые принципы организации народного хозяйства.

Смысл реформы Союза ССР – в отходе от имперских отношений и в утверждении союза суверенных республик. Экономическая система союза должна быть основана на следующих принципах.

Верховными субъектами, организующими хозяйство общества, являются народы, объединяющиеся в Союз ССР. Обладая политическим суверенитетом, каждая из союзных республик имеет право на экономический суверенитет, то есть на верховенство в организации всей хозяйственной деятельности на территории республики.

Суверенитет союзных республик (народов) не может быть урезан действиями Союза ССР. Хозяйственные полномочия Союза ССР возникают на основе добровольного делегирования республиками части своих суверенных прав Союзу. Хозяйственная деятельность Союза ССР организуется союзным государством и союзным правительством без нарушения суверенитета союзных республик.

Народное богатство Союза ССР состоит из совместного имущества союзных республик и народных богатств союзных республик. Совместное имущество (ресурсы) создаётся союзными республиками по совместному решению (на основе консенсуса) для ведения совместной (союзной) хозяйственной деятельности или другого сов-

местного общественно полезного использования. Вклад каждой республики в совместные (союзные) ресурсы, а также часть эффекта от совместной (союзной) деятельности остаются собственностью республики.

Союзные республики и Союз ССР договариваются о единых принципах организации хозяйственной деятельности и объединённых формах её регулирования. По кругу договоренностей (на основе консенсуса) государство и правительство СССР вправе издавать законы, постановления и другие правовые и нормативные акты. Все союзные законы и другие нормативные акты, касающиеся хозяйственной деятельности, вступают в силу на территории союзной республики после их регистрации республиканским органом соответствующей компетенции.

Союз ССР осуществляет долгосрочное и среднесрочное планирование народного хозяйства СССР, а также в полном объёме управление совместной (союзной) хозяйственной деятельностью. Финансовая и кредитная система Союза ССР строятся на основах защищённости экономического суверенитета союзных республик. В соответствии с этим денежная система может быть как единой для Союза ССР, так и состоящей из нескольких денежных систем, вплоть до самостоятельной денежной системы каждой союзной республики.

Использование союзной республикой своего права на самоопределение (суверенитет) в экономической деятельности не должно вызывать ни со стороны других союзных республик, ни со стороны Союза ССР каких-либо противодействии.

д) Нормализация обращения (цены, снабжение, рынок).

Политика инфляции, проводимая начиная с середины 60-х годов, привела к существенному обесцениванию денежной массы (хотя и к неравномерному). Панические оценки современного состояния хозяйства (грозящая катастрофа, хаос, крах и т. п.) основаны вовсе не на скачкообразном ухудшении положения. Они отражают осозна-

ние властями своей неспособности переломить тенденции, вызванные экономической политикой периода застоя. Лозунг оздоровления правилен. Но упор на чрезвычайность мер оздоровления вызывает тревогу, ибо командно-карательная система власти может воспользоваться ширмой чрезвычайности для восстановления и укрепления антидемократических порядков. Здесь требуется особая бдительность масс и немедленное реагирование на любые попытки властей ущемить права и свободы граждан и народов, демократических общественных движений и организаций.

Оздоровление (нормализация) сферы обращения должно происходить при последовательном и неуклонном возрастании социальной защищённости и социальной справедливости.

В основу процесса оздоровления обращения предлагается положить **сегментирование рынка**. Эта мера включает в себя:

1) формирование республиканских рынков как защищённых от дезорганизующей экспансии,

2) разделение рынка на социально защищённый и коммерческий.

Республиканский рынок, защищённый от дезорганизующих внешних воздействий самостоятельной денежной системой, представляется непременной составной частью экономического суверенитета в современных условиях. Потребность в сегментировании союзного рынка на республиканские вызывается фактически сложившейся неравномерностью хода перестройки в разных частях СССР. Защищённость республиканских интересов отзовётся повышением ответственности республик и Союза, ощущением социальной защищённости и социальной справедливости, а в конечном счете созидательной активизацией народных сил.

Что касается республиканского рынка, то и он в свою очередь может быть сегментирован в целях быстрейшего оздоровления. Для этого нужно будет выделить социально защищённый рынок, а весь остальной рынок

перевести на коммерческие основы. Социально защищённым рынком должна стать та часть потребительского рынка, которая доставляет семьям близкий к среднему уровню объём и состав потребления. Право на гарантированное снабжение на среднем уровне защищается карточной системой. Отоваривание по карточкам ведётся по твердым государственным ценам (как вариант возможна индексация цен, увязанная с ростом средней зарплаты). Когда у населения произойдёт твердое осознание социальной защищённости среднею уровня потребления, можно будет постепенно (по группам товаров) и обязательно гласно и под контролем народа осуществлять реформу розничных цен с использованием полной компенсации (то есть такое изменение цен, при котором государство не получает в свою пользу ни копейки).

Коммерческий рынок (весь рынок средств производства и часть потребительского рынка) оздоровляется путем введения равновесных цен. С использованием цен равновесия начинается оздоровление. Целесообразно в течение 10 лет осуществлять компенсационное государственное регулирование, задача которого — изъятие части превышения равновесной ценой государственной цены и передача этих сумм в форме дотации покупателям. Если равновесная цена ниже государственной, то покупатель доплатит государству, а государство передаст продавцу эту доплату. В первый год компенсационные платежи и дотации могут составлять 90% разницы между равновесной и государственной ценой, во второй – 80%, в пятый – 50%, в десятый – 0%.

Неотложной мерой является введение твёрдого рубля и продажа конвертируемой валюты на внутреннем рынке. Что касается акций и других форм вовлечения личных средств в производственные вложения, то это направление можно оценить как фактор усиления инфляции, снижения социальной защищённости трудового дохода. По нашему мнению, правда, большого притока личных средств в производственную сферу на добровольных началах произойти не должно, так как отсутствует необхо-

димое для этого доверие народа властям. Это относится также к перспективам добровольного участия в новых государственных займах. Попытки силового распространения акций и облигаций, предоставления владельцам акций и облигаций преимуществ на потребительском рынке вызовут ощущение социальной несправедливости.

Оздоровление сферы обращения возможно без «обид» со стороны населения. Но эта возможность на все 100% связана с темпами демократизации общества и хозяйства. Если же непопулярные меры станет проводить непопулярное правительство, – жди массового недовольства, забастовок, а то и разрушительных форм протеста.

е) Параллельные структуры. Самоуправление.

Мирный ход революции подготавливается и обеспечивается тем, что революционная сила создаёт свои структуры власти, ведёт дело к двоевластию, а потом к переходу всей власти к новым структурам. Не случайно номенклатура волком воет на параллельные структуры. Не случайно Верховный Совет СССР запретил рабочие (стачечные) комитеты как постоянно действующую структуру власти. А ведь народ усилиями снизу создал новые Советы, свои Советы, прообраз новой власти.

Надо хорошо уяснить, что создание параллельных структур в хозяйстве, как и в обществе, – очень верное и полезное дело. У нас на предприятиях уйма всяких бумажных организаций. Можно наполнить их новым смыслом, если прийти в них и направить на полезные народу дела. Хотя бы те же профсоюзы, СТК. Но можно и создать новые организации.

Главное направление действий в экономической сфере – это, конечно же, самоуправление. Наскоком его не добьёшься и не осуществишь. Но готовиться к самоуправлению надо, уясняя его смысл, составляя конкретную программу действий и подбирая, выращивая кадры, преданные народному делу.

Обратите внимание на главное: самоуправление открывает возможность для свободного нахождения и

введения форм хозяйствования по своему вкусу, а не только выбор из предлагаемых сверху форм. Но об этом надо вести особый разговор, подробный.

5. КАК РАЗБИРАТЬСЯ В ХАРАКТЕРЕ ВНОВЬ СОЗДАВАЕМЫХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

После упразднения юридических оснований монополии КПСС на власть активно пошло оформление прежних «неформальных» политизированных организаций в новые партии. Возникает множество общественных групп, называющих себя общественно-политическими организациями или партиями. Эти процессы совпали (и не случайно) с активизацией деятельности по ускорению перестройки «сверху» в интересах «верха», точнее – в интересах правящей касты. Ведь она фактически всё ещё удерживает ключевые позиции в системе власти и управления.

Далеко не все задачи первого этапа антиказарменной революции (задача демократического преобразования политической системы) уже решены. В то же время новый состав республиканских и местных Советов и общая обстановка в стране позволяют приступить и к решению задач второго этапа – к реформам хозяйства. Они должны коренным образом изменить экономические отношения в СССР, ликвидировать жестокую эксплуатацию труда, полукрепостные-полурабские формы принуждения к труду. Только после выполнения этих задач можно будет говорить об успешном завершении антиказарменной революции, о возвращении нашего общества в русло социального прогресса. Впредь придётся бороться одновременно на двух направлениях: за углубление политической демократии, за утверждение последовательно демократической политической системы и за демократическую организацию экономических отношений. Но если в борьбе с тоталитаризмом в политической области всем демократам – по пути, то на втором этапе обнаруживаются и рано или поздно выйдут на первый план существеннейшие расхождения в понимании целей, содержания и методов прогрессивного

преобразования экономики.

Казалось бы, все говорят одно и то же – о необходимости радикальных хозяйственных реформ, глубоких изменений в отношениях собственности, экономической свободы и рынка. Но в действительности наметилось, а дальше будет становиться всё яснее, что демократия применительно к хозяйству, к производству оказывается понятием с разными смыслами для разных социальных групп. А лучше сказать, – люди, ориентированные на интересы и устремления разных каст и сословий нашего общества, понимают под демократизацией экономических отношений существенно разные перемены в системе хозяйствования.

В период становления независимого демократического движения программные документы и заявления различных организаций были мало различимы, поскольку шло освоение и изложение в основном общедемократических политических требований. Это, кстати, обусловило возможность образования демократических блоков в ходе выборов в Советы. Теперь на очереди переход от фиксирования общедемократической (антитоталитарной, антиказарменной) позиции к определению того, за какую именно (для кого) демократию и свободу в хозяйственной сфере выступает та или иная политическая организация. А возможных законченных вариантов здесь два. Один – развитие в сторону демократии и свободы в её буржуазных формах, т. е. в сторону перехода к более цивилизованным, более мягким формам эксплуатации. Организация хозяйства мыслится в этом варианте преимущественно как частнокапиталистическое предпринимательство с наёмным трудом. Для трудящихся же обеспечиваются возможности легальной борьбы за лучшие условия продажи своей рабочей силы. Другой вариант – развитие в сторону политической и экономической демократии на основе функционирования народно-демократического государства. В этом варианте устраняется и предотвращается существование устойчивой эксплуатации труда (в том числе эксплуатации наёмного труда), трудящимся обеспе-

чивается возможность самим управлять производством и распоряжаться его результатами.

Определение позиций по отношению к системе хозяйствования, к экономическим реформам неизбежно поведёт и к уточнению политических платформ. Ведь конкретный облик политической демократии в обществе, основанном на эксплуатации наёмного труда, и в обществе, исключающем эксплуатацию, не может быть одинаковым в главном.

Итак, в настоящее время сложились условия, которые требуют размежевания внутри демократического движения, более ясного определения социально-политических позиций, конкретизации платформ. Это не значит, конечно же, что основания для сотрудничества, для союза демократических сил исчерпаны. Общих задач и направлений для совместных действий хватит ещё надолго. Дело тут в другом. Открылась возможность и назревает потребность в развитии реальной многопартийности, в выявлении всего многообразия взглядов, интересов и соответствующих им программ преобразований и действий. В таких условиях идейное и организационное размежевание в демократическом движении – необходимый шаг к поиску затем путей достижения компромиссов, к мирному согласованию различных (в том числе противоречащих друг другу) интересов. Это в то же время и необходимый шаг к образованию нового сильного, подлинно Народного фронта, основанного на сознательном, добровольном объединении усилий всех демократических партий тогда, когда это необходимо для противостояния поползновениям вернуть общество назад, к беззаконию, к диктатуре.

Необходимо учитывать, что демократические организации и движения, из которых зарождаются новые политические партии, объединяют людей разного мировоззрения и разных социальных ориентаций, к тому же не всегда их взгляды и ориентации последовательны, чётко выражены. Политическое самоопределение и размежевание идёт, так сказать, ещё по первому кругу и ещё мало отражается на содержании принимаемых деклараций, про-

грамм и уставов. В силу этих причин новым людям, которые втягиваются в демократическое движение сейчас, на волне расширения политической активности, не так уж легко определить, какая из организаций больше им подходит. Программные и иные документы формируются, как это принято, большинством голосов на учредительных съездах и собраниях и маскируют наличие расхождений в таких вопросах, которые в дальнейшем могут стать основой для внутрипартийных разногласий, образования фракций и расколов.

Почти в каждой независимой политической организации есть сегодня свои «правые» и «левые». Причём, разные течения могут отличаться друг от друга существенно — по представлениям как о целях организации, так и о средствах, методах её деятельности. Подобная картина типична для организаций, называющих себя социал-демократическими, например, для Социал-демократической Ассоциации (СДА), учреждённой в январе 1990 г., для Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР), учреждённой в мае 1990 г. и др. Неоднородны и организации, называющие себя социалистическими (например, Социалистическая партия, объявившая о своём учреждении в июне 1990 г.). Ещё более пёстр состав организаций, в названии которых главное слово – «демократия». Это относится в первую очередь к объявленной в мае 1990 г. Демократической партии (во главе с Н.И. Травкиным) и к «старым» организациям тоже, например, к партии Демократический союз, основанной ещё в мае 1988 г.. Правда, Демократический союз отличается от всех других независимых организаций тем, что с самого начала идейные различия внутри него не просто обозначались, но он выполнял роль прообраза будущего общего (народного) демократического фронта. (Процесс размежевания сейчас затронул и партию Демократический союз). Не было полного идейного единства и среди сторонников «Демократической платформы», образовавшейся внутри КПСС и расколовшейся после XXVIII съезда. Наиболее однородны по взглядам своих членов организации, называющие себя

анархо-синдикалистскими.

Довольно легко ошибиться, если об особенностях новых организаций (партий), о мировоззрении и политических позициях их членов судить по самоназваниям организаций. В меньшей степени это относится, видимо, к Прибалтике, но применительно к российским организациям это обстоятельство никак не следует упускать из виду. Причём, исторические параллели здесь не столько помогают, сколько могут сбить с толку. К примеру, среди примкнувших к социал-демократам далеко не все достаточно хорошо представляют себе, что такое меньшевистское течение российской социал-демократии начала века и в чём состоят особенности современной западной социал-демократии, последователями которых стремятся быть наши новые социал-демократы. Естественно, нельзя судить о новых политических организациях по их названиям, если основываться при этом на пропагандистских фильмах сталинских времён. Так, современные анархо-синдикалисты (за редким исключением) совсем не похожи на карикатурные образы анархистов из фильмов о батьке Махно и т. п.

Политическое самоопределение, образование достаточно массовых и устойчивых политических организаций (партий) – впереди. Сейчас стало гораздо яснее, чем в 1988-89 гг., какие вопросы становятся узловыми для идейного размежевания. Надо полагать, что долговременными и решающими факторами становления многопартийности, причиной образования фракций, расколов и блоков станут не субъективные моменты типа лидерских амбиций, личных симпатий и антипатий, а серьёзные расхождения в понимании актуальных задач общества, в подходах к их решению.

Современное демократическое движение с момента зарождения бурно реагировало на решения и действия властей, аппарата. При этом большинство его участников, как правило, сходилось в оценке событий, в отношении к ним. Теперь мы вплотную подошли к перекрестку, от которого расходятся разные дороги в будущее.

Новая политическая система не может долго просуществовать, если не закрепит себя соответствующим изменением ключевых отношений в сфере экономической деятельности общества. В зависимости от организации экономических отношений складываются те или иные социальные группы (касты, сословия, классы). Следовательно, экономические реформы закладывают основы будущего согласия или же будущих антагонизмов, конфликтов, социальной борьбы вплоть до возможности новой социальной революции.

Идеологическое размежевание на современной стадии всё больше отражает противоборство возможных вариантов будущего, борьбу за то, какой из них воплотится в жизнь. Оно идёт под прямым воздействием взглядов и интересов из разного будущего. Одни и те же мероприятия выглядят в одной системе представлений (в одном из вариантов будущего) разумными, эффективными, а в другой идеологической системе (в другом будущем) – совершенно неприемлемы. Кто прав? Правы и те, и другие. И выбирать поэтому надо не между доводами за и против того или иного конкретного мероприятия, а сначала выбирать между идейными платформами, между разными возможными дорогами общественного развития.

Среди отдельных идей, предложений, программ есть как имеющие шанс на осуществление, так и неосуществимые. Серьёзно повлиять на выбор общества, в котором мы будем жить, могут такие, которые отражают реальную устремлённость в будущее (идеалы, ценности, внутренние установки) значительных масс людей, принадлежащих к тем или иным кастам тоталитарной системы.

Главное, что ждёт нас на разных дорогах от перекрестка с колючей проволокой позади, уже обрисовалось в идеологиях различных социальных сил. Рабочему движению важно ориентироваться в многообразии лозунгов, призывов и предложений, видеть, на какую из дорог они ведут. Такая ориентировка нужна рабочему движению для определения своих возможных попутчиков, союзников и мнимых «друзей рабочих».

Обозначим наиболее существенные для рабочих с этой точки зрения различия во взглядах и подходах.

А. Идеология и программа «приобщения к цивилизованному западному миру»

За признание тоталитарности нашего строя уже не надо биться. Даже в документах XXVIII съезда КПСС есть эта характеристика. Но руководство КПСС по-прежнему настаивает на социалистичности нашей общественной системы, на том, что она в основе своей является доброкачественной.

Чем больше руководство КПСС на этом настаивает, тем стремительнее растёт популярность антисоциалистических и антикоммунистических настроений, тем больше сторонников приобретает программа выхода из кризиса как путь «приобщения к цивилизованному западному миру».

Идеологи дальнейшего развития общества по этой дороге подбрасывают народу, рабочим следующую схему рассуждений:

1) советский социализм – практическое воплощение социалистической и коммунистической теорий;

2) советское общество – антигуманное, недемократическое, тоталитарное (фашистское);

3) следовательно, социализм – это тоталитарное общество; другого социализма быть не может;

4) утверждение социалистов и коммунистов о возможности достижения гуманистических идеалов (свободы, социальной справедливости, благосостояния) на основе общественной собственности на практике не подтвердилось, это несбыточные мечты (утопия). Попытки реализовать утопию привели к насилию, диктатуре партаппарата, произволу, беззаконию, нищете;

5) надо порвать с социалистической и коммунистической идеологией, из-за которой общество насильно было вырвано из естественного хода исторического развития; надо вернуться к нормальным формам жизни: к част-

ной собственности (взамен якобы общественной) и к рыночной экономике (взамен якобы плановой). Эти экономические отношения станут основами политической демократии.

Человек, умеющий мыслить логично, без особого труда обнаружит грубые, даже чисто формальные ошибки в этой схеме рассуждений. Основная ошибка: если гуманные идеалы (как бы их ни называли – социалистическими, коммунистическими, общечеловеческими) не осуществились в обществах советского типа, это вовсе не значит, что они вообще неосуществимы. Эти идеалы рождены самим человечеством, никто их людям не навязывал. Если путь к их осуществлению был неверен, то, может быть, надо искать другой путь, а не менять идеалы?

Сторонники концепции «приобщения к западной цивилизации» глухи к таким разумным доводам. Они ведь разворачивают свою систему рассуждений для того, чтобы убедить народ в правильности уже сделанного ими выбора в пользу прозападного облика будущего общества.

Ключевым аргументом в идеологии «приобщения к западной цивилизации» является пропаганда частной собственности. В понятие «частная собственность» разные люди вкладывают сегодня разный смысл. Эта разносмысленность позволяет уходить от существа проблемы. Те, кто хотят сами стать капиталистами, рассуждают о частной собственности как о противоположности государственной, общественной. Говорят, будто у нас сегодня собственность общественная, так как она государственная. Тут подтасовка. Государственная – да. Но разве государство у нас народное? Нет, оно антинародное, власть принадлежит номенклатуре. Номенклатура выступает как частный собственник по отношению к народу. Свою частную собственность правящая каста из совместной (государственной) хочет сделать разделённой – индивидуальной или групповой (разгосударствить). Вот и получается, что один вид частной собственности пытаются заменить другим. При этом и прежняя государственная, и разгосударствленная собственность одинаково недоступны наро-

ду, являются средством его эксплуатации.

Под частной собственностью многие понимают такую собственность, которая основана на труде своей семьи, на собственном труде. Скажем, крестьянское единоличное хозяйство, маленькая мастерская или торговая точка. А кое-кто считает частной собственностью собственный дом, имущество семьи. Такое широкое понимание частной собственности помогает владельцам власти или теневого капитала пропагандировать свои идеи. Известно уже немало случаев, когда рабочие говорят: «да, мы за частную собственность», но очень удивляются, когда их спрашивают: «вы хотели бы, чтобы ваша шахта была куплена каким-нибудь предпринимателем?». Отвечают так: «Зачем это? Мы сами сможем управлять». – «А как же частная собственность?» – «Вот мы, коллектив, и будем частным собственником». Ну, если так, то мы за такую «частную» собственность, у которой только один частный собственник – люди труда. Дело-то не в словах, а в сути: являются собственниками сами трудящиеся или же захребетники. Так и ставьте вопрос: ты за рабочую собственность или за собственность захребетников?

На это есть возражение: почему, дескать, захребетник? Капиталист может ведь управлять предприятием, а это сложная работа. Может, конечно, и управлять, но обычно нанимает управляющих. Почему, спрашивается, трудовой коллектив не может нанять управляющего? Когда такие вопросы обсуждаются, довод всегда в конце концов один: без частного собственника дела не идут и опыт СССР это доказал. Нет, нет и нет. Опыт СССР – это опыт как раз частной собственности правящей касты (номенклатуры). Скажите-ка любому рабочему: ты с товарищами правил 70 лет и привел страну в упадок. Мы догадываемся, по какому адресу он вас направит[152].*

---

[152] А вот на Западе есть другой опыт: предприятия, которые находятся в собственности трудовых коллективов (а таких и в США, и в ряде европейских стран много), работают, как правило, эффективно, не уступают в кон-

Пропагандируя частную собственность, сторонники идеологии «приобщения к западному миру» уверяют, что без частной собственности не может быть рынка и поэтому не может быть эффективного хозяйства. Это абсолютно неверно. Рынок может существовать не только при частно-капиталистической собственности, но и при других (неэксплуататорских) её формах – при коллективно-трудовой, единоличной. Нормальные рыночные отношения могут быть и в государственном секторе, если дать предприятиям хозяйственную самостоятельность, право заключать торговые сделки, договариваться с партнёрами о ценах и пр.

Отметим ещё несколько положений, которые входят в идейный багаж рассматриваемой платформы.

Необходимость акционирования. Акция – ценная бумага, удостоверение о частном праве собственника на то или иное предприятие. После Октября 1917 г. предприятия были национализированы, считались собственностью всего народа. Однако позже номенклатура присвоила их себе, монопольно ими распоряжалась. Теперь она решила оформить документы на право собственности. Половину стоимости предприятий оформляет как акции государства.

Пока власть у номенклатуры, до тех пор и эта половина собственности фактически у неё. Если народ возьмёт всю власть в свои руки, то ему достанется не больше половины собственности. Вторую половину дают на распродажу. Кто купит акции, тот и собственник. А кто купит? Теневой капитал купит. И нам с вами выдадут акции в счёт фонда материального поощрения или фонда заработной платы. У кого есть сбережения, тот может их превратить в акции. Продажа акций – это открытое, наглое даже, признание, что собственность у народа была отобрана, а теперь это ранее отобранное продаётся. А куда пойдет выручка? Н.И. Рыжков признался: на покрытие бюджетного дефицита, т. е. на списание задолженности

куренции, а доходы их работников часто выше, чем в других секторах экономики.

правительства.

Короче: акционирование – это распродажа собственности, которая по Конституции считается народной. Входит эта операция в план разгосударствления собственности, а по сути – в план огосударствления средств населения и узаконения состоявшегося ранее грабежа.

Аренда с последующим выкупом – другая форма решения той же задачи – продать трудящемуся то, на что его права записаны в Конституции.

Необходимость частной собственности на землю. Эта идея обосновывается необходимостью избавить крестьянина от командования, от гнёта райкомов и агропромов, от колхозов и совхозов. В прошлом веке стояла такая же задача освободить крестьян от крепостников-помещиков. Тогда освободили крестьян без земли. Она осталась собственностью помещиков, а крестьянин должен был землю выкупить. Он её частично и выкупил, а остаток его долгов помещикам ликвидировала революция в октябре 1917 г., Декрет о Земле. А теперь выходит, что не было этого Декрета, землю опять надо выкупить в частную собственность или взять в аренду с последующим выкупом. Другой вариант предлагают: сначала раздать землю бесплатно, а потом друг другу продавать. Но результат тот же: народное достояние перестаёт быть народным и доступным каждому, кто хочет обрабатывать землю.

Неизбежность жертв при проведении реформ. Вот как говорит об этом один из идеологов освоения нами западных порядков Н.П. Шмелев: «Выход из кризисной экономической ситуации не может быть безболезненным: за великие ошибки нельзя не заплатить великую цену. И здесь необходим максимальный авторитет политической власти, потому что ей придётся принимать непопулярные решения…». Предполагается, стало быть, что власть мыслится антинародной, покрывающей за счёт народа ущерб от своей ошибочной политики. Но ведь если власть остаётся прежней, то прежние методы хозяйствования приведут к новым великим ошибкам прежнего типа. Народ пре-

вращается у либерал-реформаторов в вечного заложника существующего режима, обязанного платить выкуп за ошибки этого режима.

Неизбежность безработицы. По Конституции государство обязано вести дело так, чтобы у каждого трудоспособного была работа. Либеральные реформаторы облегчили государству его обязанности: безработица, как они утверждают, неизбежна, необходима, даже полезна. В перестроечное время оправдывать допустимость безработицы начал Н.П. Шмелев. Правда, говорил о «маленькой безработице», как бы для острастки лодырей, для подхлёстывания нерасторопных. А теперь нам сулят при переходе к рынку уже большую безработицу. Сам ход мысли и тут тот же: повышать эффективность путём перекладывания всех трудностей перехода на плечи трудящихся.

Как видим, идеология «приобщения к западному миру» очень близка к концепциям перехода к рынку, выдвигаемым с весны 1990 г. властвующими номенклатурными реформаторами. Отличия зачастую только в словах. Так, к примеру, союзное правительство, побаиваясь впрямую говорить о частной собственности (частном предпринимательстве с наёмным трудом), употребляет пока неопределённый термин «свободное предпринимательство».

Откуда эта близость? Ведь руководство КПСС и подконтрольное ему союзное правительство всегда вроде бы выступали против капиталистического выбора? На самом деле слова о социализме, о социалистическом выборе — ширма, за которой пряталась и прячется правящая каста, в том числе и её реформаторское крыло.

«Приобщение к западному миру» – это идеология, которая отвечает устремлениям современных владельцев крупных капиталов, нажитых частично законными, а по большей части незаконными способами – подпольным предпринимательством, взяточничеством, спекуляцией и пр. Эта идеология выражает вместе с тем интересы процветающих хозяйственных руководителей, старой и новой номенклатуры, осознавших неизбежность перемен, — тех,

кто хотел бы обменять уходящую от них номенклатурную власть на положение индивидуальных или групповых частных собственников. В этой обновленной роли они будут (если удастся обменять) по-прежнему распоряжаться судьбами народа и результатами его труда.

Есть две главные разновидности идеологии «приобщения к цивилизованному западному миру»: либерально-реформистская и радикально-демократическая.

а) Либеральные реформаторы рассчитывают на переход от тоталитаризма к буржуазной демократии в основном при помощи добровольного самореформирования нашего режима «сверху». Либеральный реформатор панически боится народной инициативы, активизации масс, революционного общественного движения, «митинговой», как он говорит, демократии: они, дескать, ведут к хаосу, кровопролитию, к катастрофе, вызовут военный переворот и диктатуру. Либерал-реформатор не верит в способность народа, рабочего класса вести революцию мирным путём. И никакие факты его не убеждают.

«Горбачева – в президенты!» – этот лозунг придумали ещё в 1988 г. именно сторонники либерал-реформизма. Именно они настойчиво пропагандировали мысль о переходе к рынку при помощи сильного Центра, помогли Президенту отнять большую часть полномочий у органов Советской власти. Из публицистов и депутатов весьма активными в этом плане были в разное время, например, И. Клямкин, А. Мигранян, Л. Баткин, Н. Шмелев, А. Казанник, И. Полозков и др. Видимо, российские либерал-реформаторы постараются осуществить такой же фокус и в суверенной России. Они, собственно, уже выдвинули свой очередной лозунг спасения Отечества: «Ельцина – в президенты России!» Российскому рабочему движению следовало бы зорко следить за тем, чтобы РСФСР не лишилась первых зачатков народовластия, идя на поводу у либерал-реформаторов. Идея советской власти (как формы подлинного народовластия) вообще-то несовместима с президентством. Но уж если отказываться от курса на воз-

никновение народной власти типа Советов (типа созданных в 1989 г. рабочих комитетов) и брать курс на парламентско-президентскую, то надо сначала убедиться в возникновении условий, обеспечивающих её демократический характер. Иначе парламент и президент станут такой же ширмой для диктатуры, какой являлись у нас сталинские и брежневские Советы. Одно из необходимых условий – реальная многопартийность, сильные независимые профсоюзы. Пока же мы имеем по преимуществу набор вывесок с названиями партий и организаций, за которыми кроме нескольких сотен (а то и десятков) активистов никто более не стоит.

По пути ли рабочим с либерал-реформаторами? Размышляя над этим, надо учитывать, что реализация либерал-реформистских платформ может в конце концов в целом уменьшить эксплуатацию трудящихся, улучшить условия их жизни и труда, дать прибавку к заработку работающим и социальную помощь безработным. Но (и это главное!) есть серьёзная опасность, что стратегия либерал-реформизма не ведёт нас к демократии, хотя и ведёт к рынку. Судите сами, как можно, например, осуществить реформы за счёт народа, если народ протестует, сопротивляется? Либо путём обмана (путём манипулирования общественным сознанием), либо при помощи подавления недовольных, расправы с общественными движениями. А это и есть возврат к старому, к демагогии, к насилию.

Стратегия либерал-реформизма может иметь успех в случае неразвитости, слабости народно-демократического (в первую очередь рабочего) движения. Тогда мы получим не буржуазную демократию, а деспотизм открыто капиталистического толка, произвол, монополизм и всевластие частнокапиталистических производственных корпораций. Демагогическим прикрытием такой перестройки могут служить разглагольствования о соответствии частной собственности природе человека, о необходимости неограниченной свободы предпринимательства для эффективности производства, для технического прогресса и т. п. Это не выдумка. Истории известны тотали-

тарные режимы, не прикрывающиеся социалистической маской.

б) Радикально-демократическое течение в идеологии «приобщения к западной цивилизации» отличается от либерал-реформистского существенно иными представлениями о способах изменения нашего строя.

Радикальный демократ учитывает в своей стратегии и тактике глубокую противоположность тоталитаризма и демократии. Поэтому пропагандируемые и применяемые им методы гораздо ближе к революционным. Давление на власть при помощи широкого протеста и коллективного волеизъявления (массовый митинг, демонстрация, политическая стачка, бойкот и пр.); гражданское неповиновение; наконец (что самое главное), создание параллельных, или дополнительных структур власти (например, гражданских, рабочих комитетов) – вот арсенал радикально-демократических методов. Это мирные, ненасильственные методы – методы **мирной революции**.

Далеко не каждый радикальный демократ согласится с тем, что он проповедует революционный путь. У нас часто ещё путают революцию со стрельбой на улицах, с насилием, с вооруженными переворотами. Ставка на насильственные (немирные) средства, на диктатуру какой-либо партии, какого-либо класса, на военный переворот – это признаки экстремизма, а не радикализма. Радикальной демократической позиции соответствует такой образ мысли, который отвергает возможность добровольного самопреобразования нашей системы в демократическую, не возлагает особых надежд на вождей-реформаторов, отрицает возможность перетянуть номенклатуру на сторону прогресса парламентскими речами. Радикальный демократ не боится активного народа, признаёт необходимость широких общественных движений для перехода к демократии, для успешного сопротивления реваншистским устремлениям реакции.

Радикализм – способность видеть главное (видеть вещи в их корне). Именно эта способность позволила части людей, разделяющих концепцию «приобщения к циви-

лизованному Западу», быть не однажды в идейном авангарде борьбы за политическую демократию.

В экономической области радикальное крыло рассматриваемой идеологии предлагает в основном те же решения, что и либерально-реформистское.

Радикальный демократизм прозападной ориентации – это идеология бескомпромиссного противостояния тоталитаризму и последовательной (революционной по сути) борьбы за установление буржуазно-демократического строя, подобного развитым западным странам. В таком будущем трудящиеся смогут приобщиться к действительным достижениям западной цивилизации, но полноты власти в обществе и в хозяйстве они в таком будущем не получат. Будет многопартийность, будет демократический суд, будут товары в магазинах, будет парламент, но не будет полновластия трудового народа. Будет неустойчивость общественного положения труженика, угроза безработицы.

Уже сейчас ясно, что не все за такое будущее. Это означает, что для многих из нас подходит время разойтись по разным дорогам с нашими товарищами по демократическому движению. Но разойтись – это не значит стать врагами. Во-первых, дороги наши пересекаются. Ведь нужен общий антифашистский (народный) фронт, чтобы не вернулся старый и не прошел новый, «разгосударствленный» тоталитаризм. Во-вторых, мы станем враждовать, если будем принуждать друг друга скрывать или изменять свои взгляды, цели, тактику. А если этого не делать, то сотрудничество рабочего движения с радикальными демократами в общих делах вполне возможно и желательно.

К радикально-демократической позиции иной раз относят модную сейчас крайнюю нетерпимость (вплоть до оголтелости) в отношении к социалистической и коммунистической идеологии, к КПСС в целом, к каждому её члену. Мы не считаем оголтелость признаком радикального демократизма. Во-первых, важно, к чему призывает ярый антикоммунист – судить КПСС и каждого коммуниста? Расправиться с ними без суда и следствия? Лишить каких-

либо гражданских прав? От бездумной оголтелости легко перескочить к новой диктатуре, к произволу. Во-вторых, нельзя сваливать всё в одну кучу – взгляды коммунистов середины прошлого века*; идеологию современной КПСС; узурпаторскую антинародную политику правящей партийной касты; рядовых членов КПСС, запуганных, как и весь народ (а может быть, и больше остального народа); прогрессивно ориентированных её членов. Это не радикализм. Да и демократия тут не при чем. Это просто неспособность трезво смотреть на мир, нежелание затруднять себя размышлениями над сложной историей человеческой мысли, докапываться до истинных причин исторических событий и исторических трагедий.

Мы уже говорили выше, что в новых независимых организациях представлены разные течения политической мысли. Следует добавить, что политическое течение и сумма взглядов того или иного человека — вещи разные. Одни мыслят строго, действуют последовательно. Другие так не умеют или не считают нужным. К тому же время меняет взгляды и позиции людей. Эти обстоятельства надо учитывать, если ищешь среди организаций и общественных деятелей попутчиков и союзников рабочего движения.

Что касается идеологии «приобщения к цивилизованному западному миру», то картина сегодня примерно следующая.

К либерально-реформистскому направлению чаще всего относятся люди, называющие себя либеральными демократами, конституционными демократами (кадетами), а также многие из христианских демократов. Это, как правило, отражается в названиях организаций или фракций.

К либерально-реформистскому направлению в целом тяготеют столичный клуб «Московская трибуна», большинство московских активистов Общества «Мемориал», хотя и в Москве, а по большей части на местах в «Мемориале» есть и радикалы.

---

* Примечание отв. за выпуск. *Речь здесь идет о середине XIX века.*

В новых организациях, называющих себя социал-демократическими, также обозначилось крыло по сути либерально-реформистского направления (среди так называемых правых социал-демократов). Часть членов социал-демократической партии Российской федерации стала даже настаивать на изменении названия партии, чтобы в нём не было намека на слово «социализм». Многие из покинувших КПСС вместе с «Демократической платформой» также, видимо, займут в создаваемой ими партии либерально-реформистские позиции, хотя эта платформа заявила о себе поначалу как социал-демократическая.

Считается, что классическим либеральным демократом был академик А.Д. Сахаров. Но вот что интересно: А.Д. Сахаров призвал (вместе с несколькими депутатами) в конце 1989 года ко всеобщей политической забастовке, чтобы добиться внесения в повестку дня Съезда народных депутатов СССР вопроса об отмене статьи 6 Конституции СССР. Вот вам и либерал!

В партии Демократический союз (ДС) были до последнего времени представлены и либеральное, и радикальное течения. Но в своих политических акциях, получивших общественное звучание, Демократический союз заявил о себе как яркий представитель и авангард радикально-демократического течения. Валерия Новодворская и ряд других членов Демократического союза настаивают в последнее время на пересмотре программы этой партии в сторону её радикализации. Они считают необходимым сместить акцент в методах партии: взамен парламентских методов предлагается путь, который они называют гражданским. Это как раз тот путь, который был описан нами выше как путь мирной революции.

Б. Советский социал-реформизм, или платформа вечного движения к социалистическим идеалам

Главными источниками этой платформы были на заре перестройки две идеи:

а) популярная 25-30 лет назад в странах Восточной Европы, попавших под иго сталинизма, идея придать сталинскому социализму «человеческое лицо», сделать социализм гуманным, демократическим. Советские войска были введены в 1968 г. в Чехословакию, чтобы урезонить активных поборников этой идеи;

б) идея перенести на советскую почву принципы общественного устройства, называемые обычно «шведским социализмом». Речь идёт об опыте ряда европейских стран (Швеции, в первую очередь, а также Австрии, Дании, Финляндии и др.), в которых социал-демократическое движение добилось наибольших успехов в придании «человеческого лица» капитализму.

Советские социал-реформисты решительно отвергают идеологию и практику большевистского (ленинского) течения российской социал-демократии, но в большинстве своём признают ценным для себя духовное наследие меньшевистского её крыла.

Либерал-реформаторы вершиной человеческого развития считают демократический капитализм, а социалистические идеалы – утопией или же опасной авантюрой.

Социал-реформисты, напротив, убеждены в возможности лучшего пути развития, чем путь ведущих капиталистических стран типа США, Великобритании, Японии. Такой (лучший) путь называют по-разному: путь демократического социализма, социал-демократический путь, шведский социализм.

В последнее время многие сторонники социал-реформизма стали чаще употреблять для характеристики желаемого ими будущего выражения типа: «социальная, политическая и экономическая демократия», «социальный прогресс» и т. п. Это, как они сами признают, вызвано тем, что агитация за «хороший социализм» не вызывает отклика у значительной части населения. Интеллигенция, втянутая в демократические организации и движения, с большим подозрением смотрит на тех, кто осмеливается настаивать на изначальной гуманности социалистических идеалов, усматривает в этом чуть ли не «руку КПСС». Та-

кую же реакцию можно нередко встретить и в рабочей среде. Поэтому и исчезает из речей и документов социал-реформистов упоминание о демократическом социализме. Тут есть свой расчёт: редко кто из советских людей имел возможность прочесть документы Социалистического интернационала, которые являются источником идей и уверенности для наших социал-реформистов. А в этих документах (например, в Стокгольмской «Декларации принципов Социалистического интернационала», принятой XVIII его Конгрессом в 1989 г.) политическая, экономическая и социальная демократия рассматриваются как взаимосвязанные стороны демократического социализма. Стало быть, часть советских социал-реформистов норовит из конъюнктурных соображений оставить в своих призывах разностороннюю демократию, но не увязывать это с социализмом. Кстати сказать, умалчивание о социализме из конъюнктурных соображений постепенно ведёт и к действительному отказу от социалистических целей, к переходу социал-реформистов на позиции демократического капитализма.

Представления о необходимых преобразованиях в политической системе у социал-реформистов в принципе не отличаются от тех, что утвердились во всем демократическом движении. Различия носят характер частных мнений по второстепенным вопросам.

В экономической области отстаиваются разнообразие и равноправие любых форм собственности, включая частную с наёмным трудом; регулируемый рынок; законодательство, направленное на ограничение монополизации экономики; децентрализация управления, словом, стандартный набор мер по разгосударствлению.

Есть, однако, свои особенности в социал-реформистской платформе. Это, во-первых, акцент на необходимости обеспечивать социальную защищённость, социальную помощь тем слоям населения, которые будут попадать в худшее положение в результате развития рыночных отношений. Такую поддержку жертвам конкуренции, а также другим малообеспеченным должны осуществлять

государство, независимые профсоюзы, общественность на основах благотворительности. Большая роль отводится независимым от государства и от предпринимателей профсоюзам. Их задача – добиваться лучших условий продажи труда наёмных работников.

Другая особенность – признание важности наличия в экономике коллективного сектора, в рамках которого действуют механизмы коллективного самоуправления. Однако социал-реформисты твёрдо убеждены в необходимости частного сектора, без которого, по их мнению, экономика не может быть эффективной, не может существовать нормальный рынок.

Напомним, что частный сектор – это предпринимательство, основанное на устойчивом применении наёмного труда частным (индивидуальным или групповым) собственником.

Доводы советских социал-реформистов в пользу наличия в смешанной (многоукладной) экономике частноэксплуататорского сектора не отличаются оригинальностью. Вот эти доводы. Утверждается, что частная собственность в наибольшей мере стимулирует деловую активность и побуждает рационально вести хозяйство, что без частных хозяев большинство трудовых коллективов «проест» всю прибыль, перестанет заботиться о расширении производства и техническом прогрессе. Модным стало говорить, что понятие эксплуатации вообще устарело, что доход капиталиста – это якобы оплата его управленческого труда. Говорят также, что без частного сектора не может быть подлинной конкуренции. И ещё говорят, что большинство рабочих не хочет брать на себя ответственность за организацию работы предприятий, желает будто бы поменьше напрягаться на своём рабочем месте и побольше получать.

Приняв такие сомнительные доводы, социал-реформист выступает не только за восстановление частнокапиталистического предпринимательства, но и за его существование на вечные времена.

Как в этих условиях обеспечить в обществе граж-

данский мир, согласие? Нужно, говорят социал-реформисты, смягчать, предупреждать возможные отрицательные следствия частного предпринимательства, рынка, конкуренции. Нужна социальная защита населения, солидарность трудящихся, рабочих в борьбе за свои экономические интересы, за более справедливое распределение доходов.

Выдвижение на первый план принципа социальной справедливости – отличительная черта социал-реформизма. Основной гуманистический накал этой идеологии состоит именно в отстаивании этого принципа, в отстаивании необходимости продвижения общества по пути утверждения, нарастания социальной справедливости.

Но что такое «социальная справедливость»? Какой смысл вкладывается в это понятие? Ведь одни, например, могут считать справедливым распределение по труду, другие – поровну, а третьи – распределение по капиталу. Другое дело – социальная защищённость. Устойчивость гарантий тех или иных прав и свобод человека (социальной группы, класса) или же, напротив, шаткость гарантий, их отсутствие – вот объективные характеристики степени социальной защищённости. Справедливость, несправедливость – это явления из области индивидуальной и общественной психологии, то есть это оценки людьми своего положения в обществе. Поэтому нельзя говорить о социальной справедливости вообще. Можно говорить о справедливом или несправедливом с точки зрения тех или иных людей, групп, классов.

Советские социал-реформисты стараются уйти от такой строгости, заявляют о своём стремлении понять, выразить и согласовать интересы всех социальных групп, всех классов. Благородное стремление. Ведь если найдены решения и установлены порядки, которые все считают нормальными, приемлемыми для себя, своими (а не чуждыми), значит, создана зона социальной бесконфликтности. Но вот возможно ли это в современных условиях в СССР?

Если действовать, исходя из идеи упреждать лю-

бые социальные конфликты, то придётся вообще отказаться от какой-либо политической стратегии, от размышлений о том, в какую сторону развивается общество, какие пути оказываются отброшенными из-за применения такой тактики. Тактическая цель (бесконфликтность) подменяет собою стратегическую; искусство смягчения возникающих социальных напряжений, умение решать повседневные проблемы вытесняет стратегическое мышление, долговременные цели. «Движение – всё, конечная цель – ничто» – вот классическая формула социал-реформизма, суть его политической стратегии, точнее говоря, формула отсутствия стратегии. Для наших условий такой принцип нередко выливается в беспринципные компромиссы с властями ради бесконфликтности, понуждает применять тактику сдерживания общественных движений, обуздания революции.

Революционеры, напротив, считают конфликт важным способом снятия, разрешения социальных противоречий. Конфликт – это обнажение, прояснение проблем, глубоких различий в интересах социальных сил. Поэтому разрешение конфликта (а не упрятывание его вглубь) является фазой радикального обновления общества. Революционная тактика не приемлет таких компромиссов, при которых поступаются главной целью и стратегической линией ради текущей бесконфликтности. Революционная тактика — это принуждение власти к компромиссу с сильным народным движением, перехват социальной инициативы, а не приспособление к обстоятельствам.

Итак, в социал-реформизме социалистические принципы – это некий моральный идеал, к которому нужно постоянно и постепенно приближаться, но которого достигнуть в полной мере нельзя. Социал-реформизм заслуживает названия платформы вечного движения к социалистическим идеалам, ибо нет у этого движения начала (революции) и нет конца (достижения цели). Получается, что, став на путь демократического социализма, человечество никогда уже не достигнет ничего принципиально нового в своем развитии. Странная концепция. Она явно

противоречит всей истории, давшей множество типов общественного устройства и постоянную смену одних типов обществ другими. Но бог с ней, с историей. Как соотносятся социал-реформистские концепции с сегодняшней борьбой?

Рабочий вправе спросить: что плохого в «шведском социализме», который пропагандируют советские социал-реформисты? В Швеции, ответим мы, неплохо. У нас хуже. И ничего нет плохого в ценностях демократического социализма (международного движения за свободу, социальную справедливость и солидарность — так определяет его Стокгольмская «Декларация принципов “Социалистического Интернационала”»). Плохо, что советские сторонники социал-реформизма упускают из виду особенности современной, революционной ситуации в СССР.

Социал-реформист противопоставляет революционным методам парламентскую борьбу. Получить поддержку на выборах, завоевать прочные позиции в парламенте, а затем приступить к последовательным реформам – так он мыслит путь становления всесторонней демократии. Однако исключительно парламентские методы плодотворны, когда общество находится в стабильном состоянии, когда от выборов до выборов есть время и возможность для спокойной и свободной борьбы за голоса избирателей. И притом избирателей, информируемых о разных сторонах общественной жизни полно, систематически и правдиво. Парламентские методы совершенствования общества дают результат там, где уже действуют демократические порядки, где можно твердо рассчитывать на выполнение законных решений парламента и правительства.

Ничего этого у нас ещё нет. Следовательно, нет нормальных условий для успеха тактики социал-реформизма. Появиться такие условия могут только в результате общедемократической революции. Но как раз революционный путь социал-реформистская платформа отрицает. Заметим, кстати, что республики Прибалтики прошли по пути общедемократической революции раньше и даль-

ше других. Не случайно поэтому в условиях идейного размежевания социал-реформистская идеология и тактика выглядят в Литве, Эстонии и Латвии более уместными, являются более зрелыми, более серьёзными.

В социал-реформистском течении политической мысли в СССР есть свои разновидности, оттенки. Они, как правило, связаны с тем, насколько преодолевается отрыв от реальных задач и проблем нашей антиказарменной революции.

К социал-реформистской идеологии тяготеет значительная часть интеллигенции, особенно гуманитарной. При свободном формировании многопартийности организации этого направления могут стать достаточно многочисленными, в том числе и за счёт тех, кто покидает сейчас ряды КПСС. Как нельзя лучше соответствует социал-реформизму движение за создание независимых профессиональных союзов, ставящее перед собой сугубо экономические задачи.

Социал-реформистской концепции в основном придерживаются организации и партии, которые называют себя социал-демократическими. То же самое надо сказать об идеологах бывшей «Демократической платформы в КПСС».

Следует отметить, что не стоит ставить знак равенства между последовательными (так сказать, чистыми) социал-реформистами и всеми, кто причисляет себя к социал-демократам. Многие из социал-демократов не исключают тактику радикальных действий (например, социал-демократы в партии Демократический союз). Часть членов вновь возникших социал-демократических организаций симпатизирует методам мирной революции, ориентируется в большей мере на политические интересы и задачи демократического рабочего движения, не разделяет стремления изгнать из идейного багажа и словаря социал-демократии лозунг демократического социализма. Не исключено, что на основе таких позиций в социал-демократическом движении оформится левое течение.

***

Рассмотренные платформы (либерал-реформаторская, радикально-демократическая, социал-реформистская) выдвигают в качестве модели (ориентира, образца) при переустройстве нашего общества ту или иную целостную общественную систему, испытанную зарубежной практикой. Ничего не придумывается. Предлагается сделать «как у людей». Такой подход считают реалистичным, видят в нём залог успеха при практическом осуществлении концепций. Здесь есть свой резон. К тому же казарменная система явно показала тягу к преобразованию в легальную эксплуататорскую (к разгосударствлению эксплуатации), но без гарантий защиты прав и свобод личности, свойственных демократическому капитализму. В этих условиях актуальность использования демократического опыта западных стран резко возрастает.

Есть другое понимание реалистичности программ преобразований: ничего нового не предлагать, ничего не придумывать, а вернуться к собственному испытанному прошлому – скажем, к формам общественной жизни, которые были до 1917 г. (например, к монархии) или же к сталинским (в чистом виде) порядкам.

Мы не будем рассматривать платформы возврата к прошлому. С ними более или менее всё ясно. Наша задача — разобрать теперь концепции перехода к новому, неизвестному истории будущему. Речь пойдет не о совершенно новых идейных течениях (идеи-то как раз в основе своей старые), а о поиске реально возможных сегодня поворотов общества в принципиально новое русло развития – в русло социализма.

Представления о социализме и путях к нему всегда были и теперь не одинаковы. Даже руководство КПСС поставило недавно задачу обновления концепции социализма (правда, все продвижения КПСС в этом направлении не вышли за рамки сближения с социал-реформизмом). То, что одни сторонники социалистического будущего считают правильным, другие считают недостаточным или же лжесоциализмом. Негативный и позитивный опыт революционной практики трудящихся в XX веке, осознание исто-

рических причин глубокой трагедии нашего общества дают право и основания для самых резких строгих оценок.

Рассмотрим три основные, на наш взгляд, современные концепции социалистического будущего:

— концепция безгосударственного самоуправления;

— лжесоциализм в облике подновленной казармы;

— платформа мирной народной революции, открывающей возможность социалистического пути.

В. Мечта о разгосударствлении, о деидеологизации и деполитизации. Проекты безгосударственного самоуправления, неполитической активизации населения

Главное препятствие прогрессу нашего общества – тоталитарная система, командно-карательная система партийно-государственной власти. Это осознавалось нашим обществом не вдруг, а шаг за шагом. Частички истины приходили к нам с пониманием вредности сверхцентрализма, ограниченности свободы действий на местах, засилия бюрократов, потом партократов, потом – номенклатуры в целом. Когда приоткрылся клапан гласности, стала понятна царящая в обществе деспотия официальной идеологии, всеохватывающего политического давления и подавления. Всё это породило у народа разностороннюю реакцию отторжения чуждого ему тоталитарного режима. Стали популярными нигилистические суждения о «государственном социализме», об идеологии вообще, о политике вообще. В этих многих «нет» появилась на свет ранняя фаза нашей борьбы с режимом.

Сейчас наиболее зрелые части нашего демократического движения ушли вперёд – к пониманию задач народной общедемократической революции. Но порож-

дённые на ранних ступенях борьбы лозунги и идеи разгосударствления, деидеологизации и деполитизации остались. Номенклатура, стремясь затормозить ход народной революции, охотно подхватывает сегодня и приспосабливает для своих целей и лозунг разгосударствления, и другие подобные лозунги. Одновременно с этим те, кто застрял на голом ниспровергательстве сложившихся порядков, тоже начинают тянуть революцию если не назад, то в сторону от цели.

Ещё и ещё раз повторим – ибо важно! – что самое никчёмное, подлое и пошлое старое не может быть побеждено выступлениями против него. Побеждает отжившую систему борьба за жизнеспособное новое. Долой государство? Долой идеологию? Долой политику? Отлично. Но если нет ничего вместо них, они не уходят, а только перенаряжаются. На примере борьбы номенклатуры за переход к рынку мы это выше показали.

Давайте разберёмся, от чего хотим окончательно уйти и к чему надежно придти. И от понимания требуемого масштаба перехода двинемся к оценке проектов.

Уйти нам надо от тоталитаризма, от узурпации власти номенклатурой, от использования власти против народа, от жестокой эксплуатации народа номенклатурой. Словом, надо ликвидировать номенклатуру как препятствие историческому развитию, как вредоносное социальное образование (правящую касту). Номенклатура использует для своих диктаторских угнетательных целей и государство, и идеологию, и политические методы, и науку, и интеллигенцию, и прессу, и многое другое. Лишая номенклатуру почвы её господства в обществе, должны ли мы отказаться от того, что она отняла у народа и использовала против народа? Ответ зависит от того, к чему мы хотим придти.

А хотим мы придти к власти самого народа, к освобождению от гнёта, к социальной защищённости и социальной справедливости, к использованию богатств страны и достижений мировой цивилизации в интересах трудового народа. А если так, то надо вспомнить и осознать, что гос-

ударство, идеология, политика, информация, наука, интеллигенция — всё это разные формы достижений мировой культуры. Живя под гнётом сталинизма, брежневщины, андроповщины, мы, видимо, здорово одичали и перестали видеть, что во всём демократическом мире люди используют государство не только как машину подавления, но прежде всего как мощное и надёжное средство социальной защиты прав и свобод человека, социальной группы, народа. И идеология (система представлений о проблемах общества) – не только форма одурманивания, но и форма развития свободолюбивого массового сознания, а политика – сфера активного отстаивания достойного общественного положения. Вот почему задача рабочего и всего революционного движения – не отказываться от государственной власти, от идеологии и политики, а брать государственную власть, вытеснять революционной идеологией реакционную тоталитарную идеологию, активизироваться во всех сферах, включая обязательно и политику.

А теперь посмотрим, что получается, если застревать на лозунгах разгосударствления, деидеологизации и деполитизации. При этом вот о чём нужно помнить. Те, кто выступает против тоталитарной системы (пусть даже и застревая на одном только её отрицании), – наши товарищи. Мы уважаем их за мужество, за противостояние антинародным порядкам. Мы понимаем и ценим дорогие им лозунги разгосударствления, деидеологизации и деполитизации как мощный личный мотив включения в освободительную деятельность. Но мы озабочены тем, что эти лозунги могут затвердеть как программные цели борьбы, подменить собою созидательные задачи революции. Мы просто хотим, чтобы наши товарищи по борьбе не останавливались в своём восхождении к истине, к плодотворному радикализму.

Концепция разгосударствления не высказана в целостном виде никем в демократическом движении, за исключением анархо-синдикалистов. Это лишний раз подтверждает её промежуточный характер для революционе-

ров. У анархо-синдикалистов разгосударствление – часть движения к безвластному будущему. Но зато ближайшая перспектива названа ими ярко и понятно – «безгосударственный социализм»[153]. То, что у анархо-синдикалистов собрано в единую концепцию, существует и в разрозненном виде в форме идей самоуправления, суверенитета местности, самостоятельности, муниципализации (передачи собственности местным советам), коллективной трудовой собственности, совместной собственности трудящихся и т.п.

Смысл разнообразных проектов на этот счёт – мечта об отделении от государства. Анархо-синдикалисты – те последовательны, они хотят государство совсем ликвидировать. А сторонники разных видов самоуправления и расширения самостоятельности готовы удовлетвориться «оборонительными сооружениями» против государства, записью особых самостоятельных прав местности, коллектива, предприятия. Смелые доходят до полного самоуправления, до разделения сфер деятельности между центром и самоуправляющимися предприятиями или районами.

Реально ли «отделение от государства» внутри государства? И если реально, то к чему могло бы привести?

Огульно отрицать реальность отвоёвывания свободы действий при сохранении даже сегодняшнего тоталитарного государства было бы неправильно. Государство это качается под ударами революций, оно одряхлело. Спасаясь от гибели, оно может и уступить, и приспособить для своих нужд освободительную идею. Вспомним бригадизацию или «подрядизацию». Что показало самоуправление во многих бригадах и подрядных коллективах? В маленькой клеточке зачастую проявилась вся «прелесть» нашей недемократической системы. Родной коллектив не-

---

[153] ***«Программный документ Конфедерации анархо-синдикалистов», напечатан с сокращениями в журнале «Вопросы экономики», 1990, № 4.***

редко становился инициатором нарушения прав и свобод работника. А взять историю с самостоятельностью, отвоёванной шахтерскими забастовками! Правительственные органы злорадствовали: нате, наедайтесь своей экономической самостоятельностью – пока мы в центре правим, мы ваши усилия всегда сведём к нулю! Доказывали свою номенклатурную необходимость. И ещё одно соображение: чем труднее антинародному центру сводить концы с концами, тем охотнее будет он перекладывать ответственность на низы, снимая с себя ответственность, но не переставая быть фактором дезорганизации хозяйства.

Вывод вот какой: при тоталитарной власти самоуправление, «отделение от государства» либо нереально, либо будет испохаблено сожительством с тоталитарной властью.

Но допустим другой ход событий. Допустим, Центр стал из антинародного – демократическим. В этом случае Центр – не против реального включения мест в оздоровление ситуации. Что даст в этом случае «отделение от государства»? Оно не позволит использовать мощности демократического государства для поддержки полезной инициативы, для защиты интересов коллективов, районов, предприятий.

Вот тут и лежит ключ к решению проблем разгосударствления. Пока государство тоталитарное, антинародное, нужно и полезно противопоставляться ему в любой форме, бороться за «отделение», за ослабление дезорганизующей деятельности центра. Победить тут нельзя, но бои местного значения выигрывать можно, расшатывая антинародную систему.

Но как только в ходе революции государство начинает служить народу, становится демократическим, так сразу же попытки «отделиться» от него приобретают реакционный характер. Всевозможные интердвижения в Прибалтике, где уже победили демократические революции, наглядно это показали.

Номенклатура теперь дорожит «отделенческими» тенденциями. Смотрите, как воюет «сильный Центр» с су-

веренитетом республик. Зачем это, говорит он, предприятию подчиняться республиканскому правительству? Пусть будет свободно и подчиняется только закону. При этом имеется в виду, что закон будет писать только «сильный Центр». Номенклатура любит теперь говорить о децентрализации функций управления, чтобы отвлечь внимание от необходимости их демократизации. Она любит говорить о самоуправлении и о муниципализации, чтобы противопоставить преувеличенную оценку роли коллектива и местности логике становления суверенитета народов в ходе распада имперской власти.

Из заметных политических организаций только Конфедерация анархо-синдикалистов пытается представить себе, как общество могло бы перейти в безгосударственный вид и как бы оно при этом было устроено. У других партий и движений лозунги разгосударствления встречаются в программах, но как бы в усеченном виде. Чаще всего разгосударствление касается только экономики.

Что касается идей самоуправления, самостоятельности, то далеко не все их приверженцы считают себя сторонниками социалистической перспективы. Однако, если эти идеи развивать последовательно и отстаивать решительно, то придётся согласиться: самое подходящее общество, которое обеспечивает самостоятельность и самоуправление, – это социализм. Не тот «социализм», который дали нам Сталин-Брежнев-Андропов, а тот, в котором свободное историческое творчество народа использует всю силу демократической государственной власти в интересах трудящихся.

Г. Идеология самозванного авангарда, или лжесоциализм в облике подновленной казармы

Важнейшая особенность казарменного строя – до предела развитая демагогия, лживость и агрессивность официальной пропаганды. Упорно вдалбливался в массовое сознание миф о будто бы великих завоеваниях реального социализма, о превосходстве нашей системы и обра-

за жизни над всем остальным миром, Деспотическую власть правящей касты, опирающуюся на силу карательных органов, изображали сначала как рабочую власть, потом – как общенародную власть, при которой благополучие каждого человека якобы надёжно защищено заботами партии и государства.

Множество фактов повседневной жизни свидетельствовало об обратном. Однако значительная часть населения оказалась жертвой пропаганды, приняла казарменный «социализм» за социализм, не видела подмены, не помышляла о борьбе с ней. Отношение населения к казарменным порядкам как к нормальным, своим – одно из самых страшных следствий системы, из-за которого отдельные очаги сопротивления легко и быстро подавлялись при одобрении задуренного пропагандой народа.

В период загнивания казарменной системы (в брежневские времена) широко распространились способы стихийного приспособления трудящегося населения к тяжёлым условиям жизни при помощи разнообразных нарушений установленных правил, в том числе при помощи приписок, «выводиловки», расхлябанности, прямого растаскивания имущества предприятий и т. п. Эти компенсации за бесправное и нищенское положение, осуществляемые явочным порядком, стали нормой поведения многих. Они привели в итоге к разложению нравов, к иждивенчеству, круговой поруке; словом, к появлению среди рабочих, крестьян, интеллигенции слоёв с деклассированным сознанием и люмпенским образом жизни (пьянство, воровство, стремление урвать, уклониться от труда и пр.).

Сейчас, когда идёт открытая борьба с казарменным режимом, с номенклатурой, трудящиеся с извращенными представлениями с характере нашего строя, а также те, кто так или иначе приспособился к нему, как правило, не подключаются к независимым общественным движениям. А если подключаются, то как социально слепая сила, как резерв консерватизма и реакции. Активность направляется на подновление казарменного строя под лозунгами борьбы за социализм. В этом – лжесоциалистичность по-

добных движений.

Лжесоциалистическое движение несамостоятельно по своей идеологии, во многом воспринимает консервативные и реакционные идеи, даже если конкретные организации возникают по инициативе снизу, как независимые и называют себя сторонниками демократии.

Движениям за подновление, совершенствование казармы соответствует лжесоциалистическая идеология. Её общее свойство – крайнее упрощение (вульгаризация) марксизма, извращение его революционно-гуманистической первоосновы.

Старый марксизм связывал возможность перехода общества к последовательному гуманизму с политическим рабочим движением, с демократическим движением всех трудящихся против эксплуатации. Старый марксизм делал ставку на живое историческое творчество самого народа. А современные лжесоциалисты оставляют рабочим, народу пассивную роль исполнителей своих руководящих политических указаний. Народ у лжесоциалистов должен лишь принять выдвигаемые всевидящим авангардом детальные проекты, жить и действовать так, как предусматривают эти проекты и программы их внедрения.

Из позиции самозванного авангарда прямо вытекает главный порок лжесоциалистических проектов и программ. Они представляют собой механическое соединение взятых из жизни отдельных элементов казарменного строя с элементами, заимствованными из общедемократических концепций. Получается подновленная казарма, модернизированный сталинизм. Ничего другого лжесоциализм и не может дать. Ведь социализм – это живое творчество самого народа. Он не может заранее родиться в головах даже самых гениальных людей. Для движения по социалистическому пути необходимо обеспечить исходные, стартовые условия и научно обосновать общие направления (перспективы) развития в интересах трудящихся. А конкретные формы жизни возникнут в ходе столкновений самих трудящихся с реальными проблемами и поиска способов их решения, в результате закрепления и распространения

жизнеспособного опыта.

Есть масса разновидностей лжесоциализма. Здесь вы встретите и тех, кто считает наши казарменные порядки социалистическими, и тех, кто считает, что у нас социализмом не пахнет. И, конечно, есть промежуточные варианты. Например, в проекте «Марксистской платформы в КПСС» читаем, что в основе нашего общества лежит «конгломерат элементов докапиталистических, государственно-капиталистических и социалистических общественных отношений» (см. «Московская правда», 31 марта 1990 г.).

Рассмотрим теперь ряд более конкретных положений из багажа лжесоциализма. В документах тех или иных организаций они присутствуют не все вместе, а в разных сочетаниях и могут перемежаться демократическими идеями.

1. Восхваление (апология) исторического пути СССР. Возможность иного пути отрицается. Признаётся, что были ошибки, просчёты, отступления от социалистических принципов, преступления. Но утверждается, что в целом и в главном наше общество на всех этапах будто бы было социалистическим. Поэтому борьба за коренное преобразование строя, за его замену другим объявляется борьбой против социализма.

2. Отождествление государственного с общенародным. Ставится знак равенства между государственной властью, государственной собственностью, интересами государства и пр. и общенародной властью, собственностью и т.д. Не признаётся, следовательно, отчуждение народа от власти, антагонистический характер строя, жестокая эксплуатация народа казарменным государством.

3. Демагогическое заигрывание с трудящимися и особенно с рабочим классом. Это проистекает из стремления быть во что бы то ни стало руководящей и направляющей силой рабочего движения, единственным выразителем его интересов. Дело может доходить до грубой лести, до поддакивания и потакания на словах любым требованиям. На деле – это тактика использования рабочего,

движения во имя целей, которые лжесоциалист хочет навязать обществу. Тактика самозванного авангарда исключает товарищескую строгую критику действий и требований рабочих (из-за боязни потерять поддержку). А рабочее движение особенно нуждается в ней на своих первоначальных стадиях.

4. Упрощённое представление об особой роли рабочего класса в революционном движении, доведение этой идеи до необходимости диктатуры пролетариата с акцентом на диктатуру. Причины бед нашего общества лжесоциализм связывает с установлением диктатуры аппарата, а не диктатуры пролетариев. При этом забываются уроки истории, доказавшей, что для освобождения рабочего класса и всех трудящихся новая политическая власть должна носить демократический характер.

Идеология лжесоциализма не приемлет такое понимание ведущей роли рабочего класса, которое содержится в «Декларации основных принципов Конфедерации труда». Там сказано: «Рабочий класс, включаясь в революционное движение, придаёт ему силу и устойчивость. Рабочие способны воспринять передовые освободительные идеи как свои собственные, способны организоваться и до самого конца не отступать в борьбе за их осуществление».

Оболваненному сталинистской пропагандой рабочему в этой формуле чудится принижение роли рабочего класса и оскорбительный намёк на будто бы недостаток ума у рабочих для самостоятельной выработки прогрессивных идей. Ничего подобного в этой формуле нет. А есть в ней глубокая уверенность в том, что угнетённые, жестоко эксплуатируемые, бесправные рабочие в условиях мощной демагогической пропаганды воспринимают и усваивают не только консервативные или разрушительные идеи. Все условия жизни и труда подталкивают рабочих к смирению, пьянству, воровству или к стихийному бунту. Тем не менее рабочие включаются в революционное движение, поднимаются до осознания выработанных человечеством самых передовых идей борьбы за освобождение

всех трудящихся. Рабочие способны наиболее организованно и наиболее последовательно бороться за осуществление этих идей как за своё коренное дело. В этом состоит ведущая роль рабочего класса, а не в диктатуре во имя своих, узко классовых целей.

5. Противоречие между декларациями о роли трудящихся в управлении и программами ограничения демократии в хозяйстве. Лжесоциалисты, как правило, объявляют, что государственные предприятия ряда важнейших отраслей должны управляться по-старому, директивно и централизованно в отличие от остальных, где допустима хозяйственная демократия. Государство и администрация оказываются субъектами хозяйствования в противовес народу в целом и трудовым коллективам. Тем самым получается, что лжесоциалисты молчаливо признают нормальным делом узурпацию власти в хозяйстве. Их представления о демократизации идут не далее уравнивания в правах народа и государства, трудового коллектива и администрации. То есть они готовы разве что на двоевластие в хозяйстве, но не на полновластие народа.

6: Неспособность различить реальное обобществление хозяйственных процессов и тотальный контроль за экономикой. Лжесоциалисты, похоже, искренне считают, что в СССР достигнута высокая степень обобществления и планомерности ведения хозяйства. На самом деле всё не так. Обобществление означает реальное сращивание хозяйственной деятельности как бы в единый организм, способный самостоятельно развиваться. Связи в таком организме устойчивы и в то же время гибки. В советском же так называемом едином народнохозяйственном комплексе взаимосвязь достигается принудительно, так как все звенья хозяйства искусственно отделены друг от друга и связываются только через центр. Отсюда неустойчивость и нежелательность предписываемых связей, стремление их нарушить.

Лжесоциалисты вычитали в книгах, что рынок разъединяет товаропроизводителей. Но ведь он и объединяет. Нельзя судить о рынке односторонне, точно так же нельзя

судить односторонне и о плане. Но лжесоциалисты считают рынок шагом назад в сравнении с руководством советского госплановского типа. Рынок они мыслят не иначе как шабаш частных собственников. А ведь рынок может быть и без частных собственников. Тут наши лжесоциалисты занимают позицию, отражающую влияние на них тоталитарной идеологии. Ведь командно-карательная власть, пока она сильна и устойчива, крайне отрицательно относится к рынку, к товарно-денежным отношениям. Они — элемент хозяйственной культуры человечества. А с культурой у тоталитаризма никогда нет взаимопонимания: он подозревает гуманистическую культуру вообще (и рынок в частности) в воспитании стремлений жить и работать не по команде, а самостоятельно, творчески.

7. Поиск конкретного виновника, того врага, который не позволяет социализму проявить свои преимущества. Этот виновник – тоталитарная система – виден всем. Но не лжесоциалистам. Они-то эту систему считают жизнеспособной, доброкачественной в своей основе, прогрессивной в конечном счёте (по большому счету). Не в системе они ищут виновника, а в отступлениях от неё. Они находят главного врага прогресса в бюрократе. Они охотно клеймят его, зовут на борьбу с ним. Тем самым отвлекают от главного – от борьбы за устранение тоталитаризма.

Интеллигенция призвана помогать народу правильно осознавать реальность. Это её работа. Интеллигенция, осмысливая реальность, порождает разнообразие суждений о прошлом, настоящем и будущем. Это подрывает монополию самозванного авангарда на истину. Отсюда его враждебное отношение к интеллигенции вообще. Понятное дело, что передовая часть интеллигенции разъясняет народу суть и антинародность сложившейся казарменной системы. Лжесоциалисты часто нападают на такую интеллигенцию, обвиняют её в антисоциалистических взглядах. К счастью, наш народ и рабочий класс имеют хороший демократический инстинкт и зорко охраняют своё право всех выслушивать и во всём самим разбираться.

Только благодаря этому остаются безрезультатными многие попытки лжесоциалистов очернить в глазах рабочих честную интеллигенцию.

Говоря о лжесоциализме, мы имеем в виду идеологию, т. е. цельную систему представлений, взглядов. А под лжесоциалистами понимаем идеологов, формирующих и достаточно последовательно отстаивающих эту систему представлений. Это важно подчеркнуть. Ведь многие люди, присоединяющиеся к движению, не имеют такой подготовки, которая позволяет быстро разобраться в характере той или иной идеологии, разглядеть её главную суть за красивыми, крепко сбитыми фразами. В плену лжесоциализма оказываются зачастую те трудящиеся, рабочие, которых лжесоциалистическая пропаганда (в том числе официальная) сумела запугать «ужасами» рынка, якобы неизбежной при нём безработицей, якобы неизбежным в ходе реформы снижением уровня жизни и пр. В плену лжесоциалистических взглядов оказываются те, кто поверил в обязательную связь рынка и частно-эксплуататорской (капиталистической) собственности. Вина за это – не на них, а на профессиональных идеологах.

Показательно, что один из главных вдохновителей в целом лжесоциалистического Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) – бывший главный редактор журнала «Коммунист» Р.И. Косолапов. Один из лидеров ОФТ В. Ярин стал членом Президентского Совета. Лжесоциалистическая идеология повлияла на содержание документов «Марксистской платформы в КПСС», интердвижений в союзных республиках, Социалистической партии. Документы КПСС составлены более грамотно и гибко, но претензии на роль всевидящего авангарда в них очень сильны и почти не прикрыты. Но с КПСС люди разобрались: съезд компартии РСФСР, а затем XXVIII съезд КПСС позволили каждому понять, какие съезжались социалисты. Труднее было разобраться с остальными, но теперь как будто основное многим стало понятно.

Д. Платформа мирной народной революции,

открывающей возможность социалистического пути (идеология революционного последовательного гуманизма)

Содержание идеологии мирной народной революции, открывающей возможность социалистического пути, по сути дела, уже раскрыто в предыдущем тексте. Разбор всех затронутых проблем мы вели с позиций именно этой идеологии, а потому очертили ряд её важнейших положений при наших оценках, доводах и критике планов номенклатуры и современных идейных платформ. Стараясь по возможности избегать повторений, дополним уже сказанное несколькими важными, на наш взгляд, моментами.

Платформа мирной народной революции, открывающей возможность социалистического пути, не является выдумкой учёных. Она существует как одно из течений современной общественной мысли, для которого характерно соединение последовательно гуманистических ценностей с признанием необходимости революции для их реализации в обществах нашего, казарменного типа. В этой идеологии проблемы антиказарменной борьбы осознаются с точки зрения заинтересованности трудящихся в тех или иных её результатах. Идеология революционного последовательного гуманизма обогащается в ходе осмысления успехов и поражений национально-освободительного, общедемократического и рабочего движений.

Следует в то же время отметить, что рассматриваемая идеология не представлена в цельном виде в платформах каких-либо конкретных старых или новых политических организаций. Отдельные созвучные ей положения, идеи, блоки идей можно найти в документах почти всех демократических движений.

Рабочее движение ещё не выдвинуло в явном виде, так сказать, социальный заказ на увязку общедемократических задач революции с задачами обеспечить возможность развития по социалистическому пути. А пока нет такой потребности, нет и питательной почвы для серьёзных политических организаций и для ясных политических до-

кументов последовательно гуманистической (социалистической) ориентации. Документы недавно созданной Социалистической партии, а также Конфедерации анархо-синдикалистов лишь подтверждают этот вывод: в них запечатлены в гораздо большей мере научные поиски и идеи их авторов, чем политическая направленность реальных общественных движений.

Идеология, отстаивающая право народа самому выбирать путь развития общества и творить своё будущее, была представлена в важнейших своих чертах в платформах Народных фронтов Эстонии, Латвии и литовского «Саюдиса». Резкое противостояние балтийских народов казарменному строю и имперской политике потребовало и помогло разработать такие программы, которые послужили образцом для идеологов демократических движений в других республиках. Однако в платформах национально-демократических движений при всём их гуманизме и радикализме отражены задачи и методы той стадии революции, когда главной задачей было объединение всех антиказарменных сил. Этап идейного размежевания, который начался после первых побед прибалтийских революций, не дал ещё столь же ярких образцов документального оформления платформ социалистического пути.

По преимуществу объединительный характер современного этапа демократического рабочего движения фиксирует платформа Конфедерации труда. Она содержится в «Декларации основных принципов Конфедерации труда» и в резолюциях её первого съезда (30 апреля — 2 мая 1990 г.). Тем не менее идеология этой платформы наиболее последовательно выражает задачи именно такой революции, которая создаёт возможность радикальной гуманизации общества, возможность утверждения социалистической демократии. Правда, ни в тексте самой «Декларации», ни в резолюциях нет ни слова о социалистическом пути. Но это – дань времени, ибо под флагом социализма созрели и совершали свои преступления чудовищные политические режимы. Слово «социализм»

опорочено. Многие, в том числе в рабочей среде, избегают употреблять его в положительном смысле. Наша профессиональная деятельность требует точного употребления слов. Однако выражение «революционный последовательный гуманизм» ничуть не хуже и даже в определенном смысле точнее передает суть идеологии, которую мы разделяем и отстаиваем.

Перечислим теперь в сжатом виде самые главные характеристики революционного последовательного гуманизма. Это, во-первых, революционная идеология, идеология **народной революции**. Она противопоставляет себя концепциям добровольного самореформирования казарменного режима, а также надеждам на его переделку в демократический по воле сильных вождей или же в результате захвата власти какой-нибудь новой политической группировкой.

Это, во-вторых, идеология **мирного** разворачивания революционного процесса. Акцент па мирных методах есть результат осознания острейшей потребности народа избежать гражданской войны, к которой подталкивает безответственная медлительность властей в проведении нужных обществу реформ.

Это, в-третьих, идеология гуманизма **последовательного**. Его можно было бы назвать и пролетарским гуманизмом, чтобы отличить от буржуазного гуманизма и от идеологии пролетарской диктатуры.

Идея пролетарского гуманизма включает в себя два момента: а) рабочее движение признаётся неотъемлемой частью общедемократического движения, а не противопоставляется ему; б) стратегической целью, магистральным направлением рабочего движения признаётся освобождение рабочего класса и всех трудящихся от любых форм угнетения, дискриминации, произвола, в том числе и от экономической эксплуатации.

Это, в-четвертых, идеология, отстаивающая право народа быть активным и свободным в выборе способов и форм своей жизнедеятельности. Именно поэтому речь идёт о революции, **открывающей возможность** социали-

стического пути. Открыть возможность – это значит обеспечить свободу выбора. Идеология свободного выбора, свободного исторического творчества противопоставляется концепциям самозванных авангардов, любых руководящих и направляющих сил, которые якобы лучше народа знают, в чём состоит его счастье, и силой загоняют народ в «счастливое будущее».

Посмотрите ещё раз «Декларацию основных принципов Конфедерации труда». В ней раскрыты и цели, и методы мирной народной революции, открывающей возможность последовательной гуманизации общества. Там говорится и о народовластии, и о самоуправлении, и о конкретных способах борьбы с казарменной системой. Говорится там и о необходимости союза рабочих с крестьянством, с интеллигенцией.

Есть там и предупреждение: «Выход из кризиса труден. И если трудящиеся не организуются и не объединятся, вся тяжесть неизбежных экономических реформ ляжет на плечи народа чрезмерным грузом». Но мы бы сместили здесь акцент.

Мы бы сформулировали наше предупреждение следующим образом. Выход из кризиса есть. Выход этот может быть мирным и без очередного ограбления парода. Организованное рабочее движение как движение революционного последовательного гуманизма — главная гарантия возрождения нашего общества, главный способ защитить всех трудящихся от реваншистских устремлений системы и от попыток продлить господство режима в обновленных формах.

***

Дорогой товарищ! Если Вы хотите разобраться в характере той или иной новой партии и организации, то прежде всего обратите внимание на две вещи.

Первая – кто во главе? Сегодня более или менее сложились представления о политических фигурах, об их взглядах, программах и действиях. У одних настоящий авторитет, у других – дутый. Избегайте судить о политических деятелях по схеме: «Если его не любит Полозков (или

Лигачев, или Рыжков), то он хороший». Правильнее оценивать деятеля по собственным его делам.

Второе, что надо сразу же принять во внимание, – программные документы партии или организации. Очень полезно побывать также на мероприятиях, устроенных этой организацией или партией.

Читая программу, не придавайте большого значения тому, против чего выступает организация. Сегодня все критикуют практически одно и то же, разница – в оттенках. Главное – за что выступает организация и какими путями предлагает добиваться выдвигаемых целей. То есть за какое будущее эта партия, какие социальные силы предполагает мобилизовать и какими методами собирается влиять на ситуацию в обществе. В размышлениях над этими проблемами Вам поможет помещенный выше материал.

Нам запомнился политически зрелый подход, продемонстрированный Первым съездом независимых рабочих движений и организаций (30 апреля — 2 мая 1990 г. в г. Новокузнецке), создавшим Конфедерацию труда. На съезде с хорошей яркой речью выступил Н.И. Травкин. Съезд внимательно слушал его почти час, проводил аплодисментами. Однако тот же съезд решительно отказался принять резолюцию, приветствующую создание Демократической партии России и рекомендующую создать ячейки этой партии в трудовых коллективах. Причина тут ясная: Н.И. Травкин всё время критиковал действительность и КПСС, обрисовал новую партию (ДПР) как имеющую одну цель – борьбу с КПСС и с коммунизмом вообще. Рабочие сказали, отклоняя предложенную резолюцию: «Сейчас все против КПСС – тут нет ничего особенного. А вот за что эта новая партия выступит – пока непонятно. Так что нечего пока что поддерживать и приветствовать».

Включаясь в общественные движения, будьте осмотрительны. Здесь много поверхностных, несерьёзных людей, здесь много осведомителей и провокаторов (эти часто смелее всех). Держитесь людей, которых сами лично знаете. И главное – добивайтесь ясности в вопросах: за

что выступает организация, какими методами собирается действовать, не расходятся ли её программные заявления и фактические действия. Мы не случайно советуем: «Добивайтесь ясности!» В программах много расплывчатости, затемнённости. Рабочий человек подчас стесняется спросить напрямик. Ему кажется, что всем всё ясно и неудобно показывать своё незнание. Стеснение в таких ситуациях во вред себе и делу. Только сознательное участие в борьбе за демократию по-настоящему поднимает достоинство человека, формирует те свойства рабочего движения, которые делают его плодотворным и непобедимым.

Свойства эти – **сплоченность, настойчивость, солидарность.**

Впервые опубликовано отдельной брошюрой М.: Июнь 1990 г. 64 с.

Раздел 5. напечатан отдельной статьёй под названием «От согласия к схватке за власть» — Журнал «Альтернативы. Международный общественно-политический и аналитический журнал». Вып. 1. 1991. Стр. 130-142. и G.Y.Rakitskaya, B.V.Rakitskiy. From Consensus to the Struggle for Power. — В журнале «Socialist ALTERNATIVES» V.I/ №1. Fall 1991. p. 201-218.

Вся брошюра переиздана в Периодическом издании "Перспективы и проблемы России" Выпуск 21. – М.: Институт перспектив и проблем станы. 2000. 79 с.

1993
=======

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН
Центр проблем демократии и социализма

ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВ И ПРОБЛЕМ СТРАНЫ
Центр труда и рабочего движения

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАБОЧЕГО И ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ “КАС-КОР”

Г.Я.РАКИТСКАЯ

НА ПУТИ К СОБСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

(ИДЕЙНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ХОДЕ ЧЕТВЕРТОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

568

Москва, февраль-октябрь 1993

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (*задачи работы; основные понятия — трудящиеся, собственность, эксплуатация; информационные источники)*

ОБОБЩЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ТРУДЯЩИХСЯ

Существенная разнотипность (разнородность) взглядов и практических требований

Отношение к реформе собственности

Отношение к изменению ситуации в области социальной защиты населения

Значительное запаздывание процесса осознания своего положения и перспектив его изменения (“хвостизм”)

Отсутствие должной связи между экономической и политической борьбой

ТИПЫ ПЕРЕХОДНОГО СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ ИХ СУБЪЕКТОВ (НОСИТЕЛЕЙ)

Основные типы переходного сознания трудящихся

Субъекты переходного сознания и главные перемены в их позициях в ходе “шоковой терапии”

Согласные на роль наёмных эксплуатируемых работников
Выбравшие роль трудящихся-сохозяев (совладельцев
Желающие стать самостоятельными хозяевами-предпринимателями
Мнящие себя авангардом трудящихся
Мечтающие жить, как раньше

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (прогноз)

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

В арсенале демагогических приёмов, призванных завуалировать произвол доперестроечного тоталитарного режима, была классическая фраза: “идя навстречу пожеланиям трудящихся”. Сейчас так никто не говорит. Однако методы оправдания групповых и личных позиций людей, причастных к власти, по сути мало изменились. Проправительственные идеологи “шоковой терапии”, принудительной форсированной приватизации вовсе не затрудняют себя доказательствами, когда объявляют эту политику соответствующей интересам трудового населения России. Народные депутаты ныне распущенного Съезда народных депутатов, призывая к учёту интересов народа, как правило, ссылались на собственные частные наблюдения, на “поток” телеграмм и писем избирателей и т.п. Одна из причин таких шатких обоснований – явный дефицит честных серьёзных исследований тех представлений и требований, которые выдвигаются или поддерживаются самими трудящимися. Преобладает, напротив, поверхностное зондирование общественного сознания методами обычных социологических опросов. В обстановке революционных перемен этот способ мало пригоден. К тому же вопросники, предлагаемые населению, как правило, несут на

себе печать стереотипов, которые сложились в результате систематической обработки людей мощной пропагандой, жёстко подчинённой целям поддержки официальной политики. Тенденциозны чаще всего и толкования полученных ответов. Выводы подобных “социологических” разработок приходится отметать как дезориентирующие. Особенно, если учесть, что в ответах опрашиваемых также в большинстве случаев отражается позиция, навязываемая средствами массовой информации, а не реальные интересы трудящихся, которые гораздо точнее выявляются в активных действиях, в том числе в забастовках [см.примеч.1].

Социально-экономическая политика государства, претендующего на роль демократического, должна формироваться на основе научно-критического анализа и трезвого прогноза следствий осуществления избранных им стратегий и прежде всего таких следствий, как реакция массового сознания на происходящие перемены. Добросовестные научные разработки в этой области могли бы как минимум способствовать более адекватному пониманию властными структурами отношения различных групп трудящихся к политике государства. От её изменения с учётом состояния и направленности эволюции массового сознания в существенной мере зависит сохранение в России гражданского мира, развитие России как демократического общества. Ставка на то, что трудящиеся многое стерпят в надежде на улучшение своего положения в будущем, опасна.

Еще более важной задачей обществоведческих исследований последовательно демократической (народно-демократической) ориентации является содействие формированию собственных идеологий трудящихся как субъектов гражданского общества, самостоятельных, независимых субъектов социальной политики, способных согласованно и эффективно воздействовать на решения властных и управленческих структур. Оправдание любых требований и действий трудящихся, рабочих в соответствии с демагогическим принципом “народ всегда прав” – такая

исследовательская позиция отвечала бы не интересам трудящихся, а нуждам политических сил, стремящихся использовать недовольство населения в своих целях. Люди, действительно заинтересованные в становлении сильного рабочего и профсоюзного движения, нуждаются во взвешенной оценке процесса осознания трудящимися своего нынешнего положения и задач своей практической борьбы. Именно поэтому современные представления, ожидания и требования трудящихся анализируются в настоящей работе с позиции, для которой неприемлемы ни апологетика по отношению к официальной власти, ни заигрывание с трудящимися, с рабочим классом.

Необходимо прежде всего пояснить, ***какой смысл мы вкладываем в понятие "трудящийся".***

Трудящиеся – это люди, трудовое участие которых в общественном производстве является необходимым источником средств их существования и фактором, определяющим их личное социально-экономическое положение, положение членов их семей.

Применяемые сейчас способы приватизации с использованием акционирования и ваучеризации дают трудящимся (если дают) небольшую добавку к трудовому доходу в форме дивиденда. Реформаторы утверждают, что владение несколькими акциями или ваучер, сданный в инвестиционный фонд, превращает человека в собственника. Получается, что будто бы поголовно всё или почти всё население России стали собственниками. Эта демагогия сейчас уже не проходит, хотя в 1991 и даже 1992 году многие надеялись стать собственниками в результате раздела народного богатства с помощью акционирования, приватизационных именных чеков, ваучеризации.

Собственность – это не только право, возможность владеть и распоряжаться имуществом, получать доход от его использования. ***Собственность*** – это прежде всего власть в хозяйстве.

Власть эта реализуется в праве собственника на руководство, управление хозяйством, на распоряжение его результатами и в ответственности за результаты хозяй-

ствования. Прежняя монополия номенклатуры на политическую и хозяйственную власть подорвана. К кому переходит власть на производстве, кто становится субъектом хозяйственной власти– этот признак является главным для понимания основного социального смысла экономических реформ. Но именно вопрос о распределении хозяйственной власти идеологи начатых в России реформ стараются всячески затушевать.

Владение одной-двумя акциями, даже голосующими, не даёт реального доступа к управлению предприятием, не обеспечивает сколько-нибудь заметного влияния на принимаемые решения и не определяет личное социально-экономическое положение человека и его семьи. Такие владельцы акций являются по главным признакам своего социально-экономического положения трудящимися, а не собственниками. Причём *эксплуатируемыми* трудящимися, поскольку ***суть эксплуатации*** состоит именно в отстранении (отчуждении) трудящихся от власти, управления и от распоряжения результатами труда, вследствие чего реальные собственники (те, кто монополизировал власть) получают возможность присваивать часть национального богатства, не участвуя в его производстве [см.примеч.2]. Реальный доступ к власти и управлению только трудящихся (или их полномочных и подконтрольных им представителей) открывает возможность распределения результатов труда пропорционально трудовым вкладам участников производства. При таких общественных отношениях трудящиеся становятся одновременно и собственниками, то есть *неэксплуатируемыми* трудящимися.

Исходя из сказанного, мы относим к трудящимся:

– наёмных работников, у которых нет вообще акций, долей, паёв на предприятиях;

– наёмных работников, имеющих несущественную добавку к трудовому доходу в форме дивиденда;

– работников индивидуального труда (владельцев своих или семейных предприятий);

– работников коллективного труда, то есть трудящихся-совладельцев своих предприятий.

Акционирование и ваучеризация влияют на массовое сознание и на социальное поведение людей. Но, повторим, если собственный труд доставляет человеку основную долю дохода и является необходимым для обеспечения нормального или сносного существования, то такого человека правомерно считать трудящимся, и поэтому представления таких людей, их требования относятся к предмету нашего анализа.

Выполненная нами работа будет интересна и полезна в первую очередь участникам общественных движений и организаций, стремящимся выражать и отстаивать интересы трудящихся. Она может быть полезна также и людям, облечённым властными полномочиями, если они понимают необходимость строить государственную политику исходя из интересов трудящихся или хотя бы с учетом требований трудящихся. А для исследователей-обществоведов данная работа даёт, как нам представляется, вполне достаточный материал как для серьёзной дискуссии по теоретико-методологическим вопросам анализа общественного сознания в условиях кризиса общественной системы и переходного состояния социальной структуры общества, так и для дискуссии по конкретным особенностям идеологии трудящихся в ходе четвёртой русской революции, проходящей ныне стадию буржуазной диктатуры.

Информационные источники. Данная работа основывается:

— на анализе документов и проектов документов организаций и движений трудящихся СССР и России 1989-1993 гг., в том числе новых и старых профсоюзов, союзов трудовых коллективов, политических партий и движений;

— на собственных наблюдениях автора, активно участвовавшего с 1987 г. в создании и деятельности ряда новых общественных и общественно-политических организаций, в том числе в разработке их программных документов;

— на обобщении публикаций о рабочем, забастовочном, профсоюзном движении в независимой рабочей прессе, в еженедельном информационном бюллетене Информационного центра рабочего и профсоюзного движения “КАС-КОР”, в газетах “Солидарность”, “Наша газета” и др.;

— на обобщении опыта деятельности и разработках Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся, активными членами которого являются: автор данной работы, кандидат экономических наук Ракитская Галина Яковлевна, академик АЕН Ракитский Борис Васильевич, кандидат экономических наук Ставницкий Александр Владимирович, магистр Бертони Сержио Луис (Бразилия), профессор Мандель Дэвид (Канада), профессор Пайяр Денис (Франция), кандидат экономических наук Мысляева Ирина Николаевна, кандидат экономических наук Шкира Анатолий Дмитриевич и др.

Для контактов

Комитет содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся	**117571, Москва, пр.Вернадского,113-244 (Ракитская Галина Яковлевна) тел.(095) 434-52-80 факс(095) 434-52-80**
Информационный Центр рабочего и профсоюзного движения “КАС-КОР”	**129642, Москва, а/я 16, КАС-КОР тел.(095) 921-06-55 (095) 227-18-12**

ОБОБЩЁННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ТРУДЯЩИХСЯ

К концу 1991 г. сложились главные социально-психологические предпосылки для начала реформистского прорыва по модели “шоковой терапии”. Из общественного сознания были практически вытеснены представления о возможности выхода из кризиса на основе существенно

иных реформ, нежели объявленные правительством. Большинство населения удалось убедить в том, что неизбежна катастрофа в случае промедления с радикальными реформами, которые отождествляли с единственным вариантом – с крупномасштабной ускоренной приватизацией и форсированным переходом к свободному рынку (свободному от государственного регулирования, от государственной социальной защиты граждан). Массовое сознание было также в значительной мере подготовлено к тому, что переходный период связан с тяготами для трудящихся и что другой возможности (“альтернативы”) нет.

Важная роль в социально-психологической подготовке населения была, видимо, отведена выступлению Президента Б.Ельцина на Пятом Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г., в котором было прямо сказано о необходимости простимулировать частного предпринимателя за счёт падения уровня жизни, урезания потребления трудящихся. Сейчас можно с уверенностью сказать, что истинный смысл этих слов не был воспринят трудовым населением должным образом. Авторитет Президента, высокая степень доверия к нему как защитнику интересов народа, лидеру свободной демократической России, яркому борцу со старой номенклатурой, с нерешительным реформизмом М.Горбачёва и пр. посеяли в широких слоях населения иллюзии относительно степени и длительности предстоящих трудностей, которые их ждали.

Всё это решительным образом затормозило становление самосознания трудящихся и открыло правительству России практически свободный путь к ***форсированному осуществлению политики первоначального накопления капитала.*** Цели и главное содержание этой политики – ускоренное создание многочисленного слоя бедного и беднейшего населения, лишённого средств производства (*нового нищего класса*), при одновременном сосредоточении национального богатства (в том числе капиталов, земли, природных ресурсов) в руках немногих частных лиц; обеспечение необратимости доминирования в экономике частно-капиталистического сектора с наём-

ным трудом. Осуществляется эта политика ***под прикрытием*** лозунгов перехода к рынку, финансовой стабилизации, “народной” приватизации. При этом используются методы диктатуры в интересах создания новой социальной структуры, в которой место господствующих собственников-капиталистов займут прежняя правящая каста, её теневая финансовая опора (теневые предприниматели) и новая номенклатура.

Население ни идеологически, ни организационно не было готово к отстаиванию своих прав и интересов, когда на него 2 января 1992 г. обрушилась первая акция политики первоначального накопления капитала (“шоковой терапии”) – так называемая либерализация цен. В то же время уже в январе-феврале появились первые признаки освобождения общественного сознания от состояния паралича. Акции протеста, сопротивления, в том числе забастовки, – естественная реакция на то, что трудности оказались намного тягостнее, обширнее, непривычнее в сравнении с ожиданиями.

Массированную атаку на жизненный уровень населения правомерно считать главной причиной консолидации, стабилизации и даже расширения *реакционной политической оппозиции,* которая, спекулируя на реальных негативных для трудящихся результатах “реформистского прорыва”, активизирует настроения против рыночных отношений, подогревает экстремизм и изоляционизм в рабочем движении. По нашим наблюдениям, реакционная оппозиция находит наиболее благодатную почву как раз среди тех, кто изначально безраздельно верили Президенту и потому готовы были поддерживать политику его правительства. Почувствовав себя обманутыми, многие шатнулись в прямо противоположную сторону.

Демократическая оппозиция начатым реформам была в 1992 г. и до сих пор всё ещё очень слаба. Стремление выразить и защитить интересы трудового населения в условиях отсутствия достаточно массовых и организованных движений трудящихся не может дать и не даёт сколько-нибудь значимых результатов. Рабочее движение,

зарождающееся новое профсоюзное движение не имеют четких идейных платформ. Они всё ещё не могут освободиться от гипнотизирующего воздействия господствующей официальной идеологии, которая изображает любую оппозицию *правительственной* политике как гибельное противодействие необходимым России реформам.

Отсутствие у трудящихся собственной целостной идеологии – главная особенность современного состояния общественного сознания и общественных движений. Эта особенность определила и в 1992–1993 гг., и в предшествующие 3 года характер и содержание требований, выдвигаемых или поддерживаемых трудящимися.

Говоря о несамостоятельности, нецелостности (эклектичности и фрагментарности) идеологии, ***мы подразумеваем под собственной и достаточно целостной идеологией трудящихся*** систему осознанных на теоретическом уровне идей и представлений о практических действиях, которая обладает следующими свойствами:

во-первых, правильно (адекватно) отражает действительное положение трудящихся в обществе и перспективы изменения этого положения;

во-вторых, выражает настоятельные текущие интересы трудящихся в форме требований, направленных на улучшение условий и способов их жизнедеятельности в данном обществе;

в-третьих, выражает коренные, стратегические интересы трудящихся – в форме задач (целей) политических движений, выступающих за радикальное изменение социально-экономического положения трудящихся, их места в социальной структуре общества (подобные стратегические задачи могут быть выполнены либо в процессе преодоления современного кризиса общественной системы, либо в более далекой перспективе).

Главная причина, из-за которой у трудящихся России отсутствует собственная идеология, обладающая свойствами системности и соответствия их действительному положению, – *переходный характер социальной*

структуры общества. В ходе разложения тоталитарной системы из её каст и сословий образуются новые устойчивые социальные группы (классы, слои), которые в обстановке демократии сформируют собственные идеологические платформы, соответствующие их специфическим интересам. Но сегодня процесс классообразования и нового социального расслоения находится на начальном этапе. Ни рабочего класса, ни самостоятельного или же добровольно кооперированного крестьянства, ни свободной трудовой интеллигенции в старой системе не было. А была разрозненная масса трудящихся, живущих в обстановке политического бесправия, принудительности и жестокой эксплуатации своего ***полукрепостного*** труда. Преодоление тоталитаризма открывает принципиальную возможность формирования рабочего класса и других устойчивых социальных групп классово-демократического общества. Но пока ещё рабочие в массе своей не объединены в собственные свободные профессиональные и иные организации, не создали ещё своих политических партий, не используют ещё в полной мере преимущества объединённой постановки своих требований и солидарных действий для их достижения. Аналогичная картина характерна и для крестьян, и для интеллигенции, живущей за счёт своего труда, и для других социальных групп трудящихся. Отсутствие собственных идеологий есть иное выражение того обстоятельства, что трудящиеся не являются ещё действительно самостоятельными субъектами хозяйственной и общественной жизни.

Необходимо подчеркнуть, что категория “отсутствие собственных идеологий” фиксирует определённый характер идей, присущих массовому сознанию, но не означает, что у людей отсутствуют какие-либо личные взгляды, представления. Взгляды есть, но собственные идеологии трудящихся классов и социальных групп только ещё зарождаются, возрождаются.

«Шоковая терапия», ускоряя классообразование по капиталистическому типу, подталкивает трудящихся к осознанию ими своего нового положения наёмных работников

у формирующегося капиталистического класса. «Шоковая терапия» способствует становлению собственной идеологии рабочего класса, освобождению рабочих и других трудящихся от сильного воздействия на их позицию и требования таких идей и представлений, которые отражают интересы и устремления старых правящих групп (старых каст, сословий) и новых капиталистов-предпринимателей.

Особенности современных идейных представлений и конкретных требований трудящихся выступают как проявления или следствия отсутствия собственных целостных идеологий. Важнейшие из этих особенностей, которые мы ниже рассмотрим, – существенная разнотипность взглядов и практических требований; значительное запаздывание, отставание процесса осознания своего истинного положения и перспектив его изменения (“хвостизм”); отсутствие такой связи между экономической и политической борьбой, которая необходима и достаточна для эффективной защиты прав и свобод трудящихся, для реализации их социально-экономических интересов.

Существенная разнотипность (*разнородность*) *взглядов и практических требований*

Эта особенность современных идейных представлений и социального поведения наблюдается в пределах каждой из социальных групп трудящихся. Характер общества, которое идёт на смену казарменно-кастовому, окончательно ещё не определился. Противоборство возможных вариантов будущего продолжается. Разнотипность требований проистекает в этих условиях из разных представлений о заинтересованности трудящихся в том или ином изменении своего общественного положения и о целесообразности постановки тех или иных задач с точки зрения их реалистичности.

Отношение к реформе собственности

Отношение к реформе собственности – одна из основных линий идейного размежевания (разнотипности

взглядов и требований) трудящихся. Это размежевание обозначилось ещё за 1,5-2 года до начала “шоковой терапии”, когда впервые были выдвинуты лозунги разгосударствления и приватизации.

Часть трудящихся, в том числе рабочих, не только поняла смысл взятого курса (развитие частнокапиталистических отношений, “разгосударствление” эксплуатации), но и согласилась с ним или же, по меньшей мере, не помышляла об активном сопротивлении. Идеи и требования, соответствующие этой позиции, в целом не выходят за рамки более выгодной продажи своей рабочей силы плюс улучшение условий труда и быта, страхования, социальной помощи. «Пусть эксплуатируют, лишь бы хорошо платили» – вот упрощённая формула этой идейной платформы, но она очень точно схватывает её суть. Данная позиция сформировалась в результате активнейшей деятельности либерал-реформаторов, в багаже которых ведущее место занимает пропаганда частной собственности как якобы естественной и наиболее эффективной формы экономической жизни, необходимого условия развития рыночных отношений.

Другая часть трудящегося населения в связи с выдвижением лозунгов разгосударствления и приватизации и в связи с наступлением на зачатки производственной демократии, которое началось с лета 1990 г., заняла иную позицию или же тяготеет к ней. Уже в 1990 г. были сформулированы более или менее строго требования о передаче государственных предприятий в управление (полное хозяйственное ведение) или в собственность трудовых коллективов [о концепции полного хозяйственного ведения трудовых коллективов в государственном секторе см. примечание 3].

Однако и в этой позиции проявилась несамостоятельность идеологии: выдвижение требований о передаче государственных предприятий в полное хозяйственное ведение или в собственность трудовых коллективов чаще всего сопровождалось заверениями в том, что эти требования не противоречат курсу на приватизацию, что речь

идёт лишь о неприятии номенклатурной приватизации, что ни о каком социализме, общественной собственности речи нет, что полное хозяйственное ведение трудовых коллективов на государственных предприятиях – только лишь первый шаг на пути к коллективно-долевой или частно-акционерной собственности и т.д.

Ускоренная приватизация, осуществляемая в рамках “шоковой терапии”, с одной стороны, углубляет различия в отношениях трудящихся к реформе собственности, но, с другой стороны, заставляет активных участников общественных движений формулировать предложения и требования более полно и чётко, то есть заставляет двигаться в направлении создания цельных идейных и тактических платформ. Процесс этот идёт трудно, со сбоями, с ошибками и загибами, но идёт.

Одно из следствий “шоковой терапии” – укрепление отношения к власти как к чужой (по принципу: “мы и они”), а к новым условиям жизни как к очередному бедствию, к которому надо, как и прежде, приспосабливаться, чтобы выжить. ***Приспособленчество*** выступает одной из форм люмпенизации массового сознания. По отношению к реформе собственности люмпенизированное сознание не содержит никаких идей ни “за”, ни “против”. Активность направляется на использование ситуации в сугубо личных целях, а не на солидарные действия с другими трудящимися по отстаиванию коллективных, профессиональных, классовых интересов. Приспособленческая позиция трудящихся является благодатной почвой для процветания коррупции, мафиозности. Она на руку государственной и хозяйственной администрации, действующей так, чтобы коллективы не получили даже той доли имущества предприятий и власти на производстве, на которую могли бы претендовать при соблюдении законодательно установленных правил их раздела.

Тенденция к приспособленчеству, к отказу от выдвижения каких-либо требований к властям, к администрации питается возрождением (на новой основе, по новым причинам) привычного для советских трудящихся

чувства беззащитности, страха перед произволом вышестоящих, “начальства”. Нормы и правила, заложенные в Государственную программу приватизации на 1992 год, действовавшие и в 1993 г., казалось бы, дали трудовым коллективам – хотя и не всем – ряд возможностей повлиять на выбор формы собственности, способа приватизации. Но тем, кто получил такое право, пришлось выбирать между «Сциллой и Харибдой»: либо выкупать акции в условиях блокировки механизмов, обеспечивающих сохранение контрольного пакета в руках коллектива, либо брать бесплатные акции без права влиять на решения фактических владельцев в условиях угрозы массовых увольнений, массовых банкротств. *Угроза потерять работу* становится главной причиной возрождения прежней атмосферы страха, социальной пассивности и приспособленчества.

Факты свидетельствуют, что выбор варианта приватизации (так называемого варианта льгот коллективу), как правило, навязывается работникам администрацией. Причём при нарушении администрацией установленных процедур весьма сложно и чаще всего бесперспективно бороться за отмену решений, за восстановление справедливости, законности. Коллективу для отстаивания своих прав нужны соответствующие институты – грамотные, независимые от администрации советы трудовых коллективов, профсоюзные комитеты, рабочие комитеты и пр. Независимость выборных органов – явление всё ещё не частое, а благожелательную юридическую помощь получить очень трудно. Ситуация усугубляется обычной неинформированностью работников предприятий о сути предстоящего им выбора и о действиях администрации, а также прямым запугиванием тех, кто не хочет поступать по указке администрации. Наиболее активных и грамотных (заявляющих о правах трудящихся) увольняют в первую очередь.

Конечно, у многих и многих людей чувство беззащитности никогда и не проходило, а только слегка притупилось за годы перестройки. Безнаказанность старой и

новой номенклатуры, осуществляющей принудительную приватизацию в свою пользу, оживляя страх, пассивность и приспособленчество, прокладывает тем самым путь к откату назад – к недемократической, так называемой сильной власти.

В целом приходится констатировать неготовность подавляющего большинства трудящихся к такому проведению реформы собственности, которое, как минимум, не ослабило бы их позиций в производстве и с большой вероятностью привело бы к реальному включению работников в хозяйственную власть. Отдаление (отречение) трудящихся от той идеологии, которая помогла бы им участвовать в проведении по-настоящему демократической реформы собственности, сыграло очень весомую роль. Идеологический вакуум был заполнен иллюзией полноправного участия трудящихся в реформе собственности по схеме первоначального накопления капитала. На деле равных возможностей не только не создалось, но и ухудшились прежде имевшиеся позиции – утрачены формальные начала производственной демократии, отменены правовые основания власти трудящихся в хозяйстве, которые формально провозглашались старой Конституцией.

Рассеивание иллюзий, которое стало происходить при первых же шагах практической приватизации, имело огромное положительное значение для развития рядом с идеологией и практикой приспособленчества других, гражданских типов идей и социального поведения. Новый толчок был дан становлению независимого профсоюзного движения и соответствующему этой форме борьбы комплексу представлений и экономических требований. Напрасные попытки перебороть администрацию, найти опору в коллективе или вне его – такой собственный опыт отторжения от приватизации подвёл активную часть трудящихся к необходимости самоорганизации как наёмных работников в целях самозащиты. Этой линии прозрения соответствует ***начальная стадия освоения идей и практики социального партнёрства.*** Здесь важнее

всего не полутеоретический диалог в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (в которой представителями трудящихся выступают руководители профсоюзов), а самостоятельные попытки рабочих вступить в новые отношения с администрацией предприятий, попытки использовать права, предоставленные Законом РФ “О коллективных договорах и соглашениях”. Разработка собственных проектов коллективных договоров; столкновения с администрацией, не желающей признавать новый профсоюз; обращение в суд по поводу необоснованных увольнений; участие в экономических забастовках, которые участились в ходе “шоковой терапии”, – все эти формы начинают по необходимости постепенно осваиваться трудящимися. Темпы и масштабы их освоения пока ещё малы, недостаточны для успешного отстаивания интересов и прав трудящихся. К тому же нарастающая скрытая безработица, угроза лишиться работы, нарушение правительством законов и собственных обещаний существенно тормозят формирование нормальных отношений социального партнерства. Но в то же время в глазах многих разоблачены мифы о намерении правительства создать многочисленный слой собственников-произво-дителей, обеспечить равенство стартовых возможностей при приватизации, провести так называемую народную приватизацию при помощи чеков-ваучеров. Это – главный итог “шоковой терапии”, если оценивать её итоги с точки зрения перспектив становления собственных идеологий трудящихся.

“Отрезвление” населения в ходе “шоковой терапии” дало новые стимулы движению ***за производственную демократию, за коллективные формы собственности, самоуправление трудовых коллективов.*** Требования, соответствующие этому направлению противоборства, различаются существенно по степени радикальности.

К менее радикальному уровню относятся идеи и требования, которые вообще-то не противопоставляются

ни приватизации, ни главным принципам, по которым она сейчас проводится. Требования направлены на то, чтобы в результате приватизации члены трудового коллектива получили возможно большую долю имущества приватизируемого предприятия и больше возможностей для участия в управлении предприятием. Можно зафиксировать две разновидности такого рода тактики.

Одна из её разновидностей рассчитана на борьбу за соблюдение процедур, предусмотренных принятыми нормативными актами, за использование всех “лазеек”, которые они оставляют коллективам. Сюда относятся также требования пересмотреть все решения и фактические действия по приватизации с целью отмены тех, которые нарушали установленные нормы. Самые “смелые” требования, которые были выдвинуты в рамках этого типа тактики, – осуществлять приватизацию не в соответствии с Государственной программой приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год, утвержденной Верховным Советом РФ 11 июня 1992 г., а на основе Закона РСФСР “О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР”от 3 июля 1991 г.

Другая разновидность нерадикальной тактики – добиваться от государства каких-либо преимуществ, особой схемы приватизации для своего коллектива. До “шоковой терапии” отдельным коллективам “в порядке эксперимента” были созданы особые условия, да и сейчас такая тактика иной раз приносит успех. Но чаще всего борьба в одиночку за исключение из правил, а не за изменение общих правил для всех (законов) – явно проигрышная. На словесном уровне требования предоставить особые условия тем или иным коллективам легко отмести под лозунгом соблюдения законности. А на практике такая тактика чаще всего терпит поражение из-за отсутствия согласованности требований и действий разных коллективов. Известны, в частности, попытки активистов ВАЗа, АЗЛК и др. убедить администрацию, правительство принять схему приватизации, более выгодную для коллектива. Разрозненные усилия не дают ощутимых результатов, а там, где

исключения всё же делаются, они в конечном счёте оказываются исключениями в пользу администрации или в пользу иностранного капитала, а не членов трудового коллектива.

Более радикальные требования к реформе собственности в более отчетливой форме противопоставляются либо принудительной форсированной приватизации, либо приватизации как таковой. Предлагаются существенно иные подходы к изменению форм собственности и хозяйствования, для реализации которых начатая приватизация должна быть прекращена или приостановлена.

В 1992 г. были сброшены многие демагогические маски. Откровенными стали высказывания государственных и политических деятелей, выражающих интересы директорского корпуса. Так, в августе 1992 г. на Съезде товаропроизводителей прямо говорилось о том, что контрольный пакет акций должен перейти к директорам. Высокопоставленные чиновники, руководящие приватизацией (в частности, председатель Госкомимущества РФ А.Чубайс), публично разъясняли смысл своей стратегии: ставку на такие способы приватизации (аукцион, открытое акционирование, препятствование созданию коллективно-неделимых форм собственности), которые разъединяют коллективы и ведут кратчайшим путем к созданию немногочисленного слоя так называемых эффективных собственников-производителей. В связи с прояснением, обнажением указанных интересов прежних правящих каст, формирующегося капиталистического класса со стороны трудящихся чаще зазвучало жёсткое требование: остановить приватизацию, изменить характер реформы, проводить её на основе добровольного выбора трудовыми коллективами подходящей им формы собственности и хозяйствования. Однако в решениях Седьмого Съезда народных депутатов РФ (декабрь 1992 г.), накануне которого подобные требования оформились в ряд альтернативных антикризисных программ, не было ничего определённого и серьёзного об изменении подходов к реформе собственности. Съезд лишь оценил политику правительства в 1992

г. как не отвечающую интересам большинства населения и сделал акцент на необходимости социальной защиты населения при переходе к рынку. После Седьмого Съезда, в период девятимесячного двоевластия, принципы приватизации не изменились; внимание населения было искусно переключено с проблем экономической реформы на так называемый конфликт исполнительной и законодательной властей .Требования демократизировать реформу не получили в 1993 г. существенной подпитки снизу, не повлияли на ход приватизации.

Отношение к системе социальной защиты

Отношение к изменению ситуации в области социальной защиты населения – вторая из основных линий идейного размежевания (разнотипности взглядов и требований) трудящихся.

Различия в требованиях к реформе собственности обнаружили себя ещё в 1990 г. В отличие от этого проблема защищённости стала актуальным фактором формирования существенно различных представлений и направлений практической борьбы трудящихся именно в условиях “шоковой терапии” и незадолго до неё, поскольку до этого население ещё не ощущало в полной мере последствий разрушения, расшатывания прежней системы социальных гарантий. Эта прежняя система обеспечивала большинству населения хоть и нищенское, но устойчивое социально-экономическое положение. В 1992 г. стало ясно, что правительственная социальная политика никак не укладывается в провозглашённую на переходный период к рынку формулу: “защита слабых”. На деле была реализована политика, характерными чертами которой являются следующие:

— уход государства от ответственности за формирование нормального уровня и достойных условий жизни граждан;

— минимизация государственных расходов на социальную защиту;

— отказ от тактики опережающих мер в пользу тактики запаздывающей и недостаточной поддержки явно деградирующих слоёв населения;

— подмена принципа гарантированной социальной защиты эпизодической поддержкой (компенсированием);

— бессистемное проведение социальных мероприятий по преимуществу как вынужденных уступок под давлением “снизу”;

— использование мер по социальной защите в качестве способа нейтрализовать или привлечь на свою сторону фактически или потенциально наиболее мощные политические силы;

— демагогическая пропаганда, преувеличивающая реальное значение различных уступок и подачек населению (типа ваучеров, бесплатных акций без права голоса и др.).

Такая политика привела к возникновению трёх тенденций в формировании требований трудящихся к системе их социальной защиты.

Для одной из этих тенденций характерна направленность требований ***на возврат к прежним социальным гарантиям,*** которые давало трудящимся старое доперестроечное общество.

Положение большинства трудящихся в старой системе вспоминается теперь как гораздо более защищённое в сравнении с условиями ”шоковой терапии”. Прежняя система социальных гарантий идеализируется, все её пороки как бы “забываются”, а на первый план выступает главное её свойство – то, что обеспечивалась определённая устойчивость положения, стабильность привычного уровня жизни. При этом массовое сознание отбрасывает, ”забывает”, что гарантированным был исключительно низ-

кий уровень жизни и низкое качество социального обслуживания населения; что социальной защитой пользовались не все трудящиеся в равной мере (неравноправие крестьян, лимитчиков и др.); что условием стабильности и, тем более, улучшения положения была жизнь по правилам тоталитарного общества, которое подавляло проявления индивидуальности, непослушание, протест и предельно ограничивало свободу выбора и возможности изменения условий и образа жизни вплоть до фактического прикрепления к месту жительства, рабочему месту, поликлинике, школе и пр.

В основе требований трудящихся возродить старые социальные гарантии чаще всего лежит неосознанное до конца наивное предположение, что из прошлого можно взять “хорошее”, сохранить это “хорошее”, но не брать при этом “плохое – казарменно-карательный характер общественной системы в целом и всех её конкретных проявлений. Это, конечно, – непонимание, незнание элементарных закономерностей общественного развития, нечто весьма напоминающее ”философию нищеты” Прудона. В то же время в таких представлениях получает своеобразное новое дыхание *экономизм* в рабочем и профсоюзном движении, в борьбе трудящихся за свои права и интересы, который как нельзя лучше пригоден для политических спекуляций реваншистских социальных сил, реакционной оппозиции.

Популярные требования восстановить привычный уровень и условия жизни, привычные гарантии незаметно, но прочно упаковываются в один пакет с другими, уже политическими лозунгами – восстановление имперского Союза ССР, прежних общественных отношений в целом. Таким способом из массового сознания вытесняется достигнутое: отношение к старой системе как к тоталитарной, антинародной. “Обиженная” часть старой номенклатуры, не сумевшая по тем или иным причинам прорваться к разделу имущества и должностей с новой номенклатурой, вновь пытается утвердить в сознании людей образ прошлого как якобы справедливого для трудящихся, социали-

стического строя. При этом, естественно, не напоминают о том, насколько жестокой была эксплуатация трудящихся в прежние времена, что уровень привычных социальных гарантий был весьма мал по сравнению с потребностями цивилизованного человека и что правящая каста (номенклатура) имела особые привилегии и гарантии, которые сама для себя установила. Разрушение старой системы социальных гарантий без замещения её новой эффективной системой социальной защиты трудящихся; политические спекуляции современных продолжателей дела КПСС на следствиях антинародной политики первоначального накопления капитала – всё это подталкивает часть трудящихся не только к требованиям взять из старого "хорошее", но и к идеям типа "пусть диктатура, лишь бы была работа, бесплатный врач, бесплатное образование для детей" и т.п.

Для второй тенденции в области формирования идеологии социальной защиты населения характерно стремление ***опереться на собственные силы, "отделиться" от государства.***

Позиции "отделения" трудящихся от государства, опоры на самозащиту соответствуют все идеи, направленные на установление строгой зависимости уровня социальной защищённости трудящихся от их индивидуальных заработков. Таким идеям соответствуют требования по разгосударствлению социального страхования, по предоставлению населению социальных услуг только на основе платности. Сюда же следует отнести и требования о денационализации земли и жилищного фонда. Организация социальной защиты на принципах "отделения" от государства означала бы снятие с государства его обязанностей по контролю и регулированию важнейших параметров уровня и условий жизни трудящихся. Выступая за такую систему, трудящиеся фактически дают амнистию государству, не желающему выполнять свои прямые функции.

Следует отметить, что идеология опоры трудящихся исключительно на собственные силы как нельзя лучше

“работает” на политику “шоковой терапии”, на принцип “свобода и защита – сильным”. Конкретные причины распространения такого рода идеологии в тех или иных социальных группах различны. Но есть и объективные, общие причины. Это, во-первых, неприятие старых способов организации социальной защиты в силу недостаточности состава и качества социальных услуг, в силу привязанности этих способов к тоталитарной системе в целом; неприятие монополизации распределения и использования благ коррумпированными бюрократическими структурами. Это, во-вторых, неверие в то, что ***нынешнее*** государство способно организовать социальную защиту лучше, более справедливо, чем прежнее; неверие вообще в стабильность каких-либо обещаний или установлений нынешнего государства.

Третья тенденция в требованиях к способам социальной защиты – ***возложить на общество и государство главную ответственность за защиту трудящихся от социальных рисков (опасностей),*** порождаемых рыночно-конкурентной экономикой как в масштабах общества, так и на предприятиях. Это предполагает также, что общество и государство должны быть главными гарантами предотвращения обнищания трудящихся, социальной деградации и люмпенизации населения и в условиях перехода к рыночной экономике, а не лишь по завершении перехода к ней.

Такие представления и требования, если свести их в систему, тяготеют к концепции социальной рыночной экономики, для реализации которой необходимо провести ***демократическую реформу системы социальной защиты.*** Демократическую в буржуазном, а не в социалистическом смысле. Цельных идеологий социалистического характера и даже законченных отдельных фрагментов такой идеологии российское рабочее движение сегодня не усваивает, а требования возврата к прошлому, которые называют социалистическими или коммунистическими, на самом деле воспроизводят с той или иной степенью при-

ближенности лжесоциалистические (лжекоммунистические) представления, принципы казарменно-кастового строя.

Главный принцип, который просматривается в требованиях, отнесённых нами к третьей тенденции, – формирование совершенно новой системы социальной защиты, в которой старые формы приобретают новые черты и новый смысл. При этом государство должно быть гарантом *неснижения* достигнутого уровня и *неухудшения* условий жизни в важнейших, ключевых моментах. К элементам новой системы социальных гарантий могут быть отнесены такие требования, как гарантированность минимальной оплаты труда, повышение размера минимальной оплаты до того или иного уровня (претензии к величине минимума у разных социально-профессиональных групп различны), индексация заработной платы в соответствии с ростом цен, обеспечение доступности для трудящихся услуг социальной сферы – образования, медицины и пр., сохранение государственной системы социального страхования (а не отказ от нее) и развитие в дополнение к ней негосударственных форм социального страхования.

В документах одних и тех же организаций трудящихся, в ходе одних и тех же забастовок часто выдвигаются разнотипные требования, которые выражают разные тенденции – “тянут” в разные стороны. Они не могут быть реализованы совместно, во всяком случае, попытки их совместной реализации породили бы сложнейшие проблемы. Смешиваются также задачи стратегического характера с актуальными потребностями текущего момента, с требованиями, которые являются непосредственной реакцией на текущую ситуацию. В этом отношении особенно показательно, что целая серия забастовок прошла в период с начала “шоковой терапии” лишь из-за задержек с выдачей заработной платы. В подобном невысоком уровне претензий проявляется в целом оборонительный характер борьбы трудящихся за свои права, её нерадикальность.

Особенности политики форсированного осуществления первоначального накопления капитала подтолкнули рабочее движение, профсоюзы к формулировке таких предложений и требований по социальной защите населения, которые отвергаются идеологами "реформистского прорыва" как якобы противоречащие рыночной экономике, а на самом деле направлены лишь ***на смягчение некоторых негативных для трудящихся следствий "шоковой терапии".*** Были выдвинуты в первую очередь требования обеспечить гарантированное отоваривание (по твёрдым ценам через карточки или иными способами) того или иного объёма основных предметов потребления, ввести общественный, рабочий контроль за этим процессом; сюда относятся и все предложения по сдерживанию роста безработицы, в том числе требования запретить увольнения по инициативе администрации в период подготовки предприятий к приватизации. Следует подчеркнуть, что сторонники перехода государственных предприятий в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов и сторонники коллективной собственности с самого начала рассматривали эти формы как фактор, противодействующий скачкообразному возникновению массовой безработицы. В распоряжении сторонников производственной демократии теперь, когда блокада информации о предприятиях с собственностью работников на Западе прорвана, есть факты и цифры, свидетельствующие, что на коллективных предприятиях к увольнениям прибегают как к последнему резерву повышения эффективности производства, предпочитая использовать другие резервы и возможности. Идеологи "шоковой терапии" игнорируют мировой опыт, молчат о нём, поскольку он расходится с их стремлением обеспечить ускоренный переход к частнокапиталистическим формам хозяйствования.

Значительное запаздывание процесса осознания своего положения и перспектив его изменения ("хвостизм")

Эта особенность современного массового сознания и общественных движений является прямым следствием несамостоятельности идеологий трудящихся.

Один из факторов “хвостизма” – отсутствие серьёзного, постоянного сотрудничества рабочих и производственной интеллигенции, включенных в общественные движения, с профессионально подготовленной гуманитарной научной интеллигенцией народно-демократической ориентации. Такое сотрудничество всё ещё толком не налажено по трём причинам: из-за настороженного отношения рабочих и производственной интеллигенции к профессиональным гуманитариям; из-за широко распространённой среди производственно-технической интеллигенции иллюзии, что они без помощи профессионалов-обществоведов могут разобраться в социально-экономических проблемах, могут сами предложить наилучшие проекты общественного переустройства; из-за того, что подавляющая часть интеллигенции “ударилась” сначала в либерализм, а потом стала поддерживать идею сильной президентской власти во имя “реформистского прорыва”. Народно-демократиче-ская прослойка в гуманитарной интеллигенции оказалась немногочисленной, к тому же далеко не все из этой прослойки готовы к сложной деятельности по идеологическому обслуживанию общественно-политических движений и тем более – рабочего движения.

Другой важный фактор “хвостизма” – недостаток правдивой информации о положении трудящихся на Западе; отсутствие должного осознания простого факта, что все завоевания трудящихся в развитых капиталистических странах – результат длительной классовой борьбы, результат рабочего и профсоюзного движения, а не добровольных уступок господствующего класса-”партнера”.

Первый год “шоковой терапии” способствовал активизации оппозиционных настроений во всех социальных группах. Можно было ожидать в 1993 году расширения и более продуктивных контактов организаций и движений трудящихся с интеллигенцией народно-демократической

ориентации. Должны были принести плоды и развивающиеся контакты с международным рабочим и профсоюзным движением. Такие результаты в отдельных случаях действительно есть. Однако в целом сказалась, видимо, глубоко продуманная “прорывными” реформаторами тактика запугивания населения угрозой победы так называемой непримиримой оппозиции. Обработка населения средствами массовой информации, изображающими главными оппозиционерами и единственными идеологами оппозиции оголтело реакционных лидеров “Трудовой России”, Фронта национального спасения и т.п., обезоруживает трудящихся, существенно тормозит преодоление “хвостизма”. После двух лет “шоковой терапии” у рабочего и профсоюзного движения всё ещё нет долгосрочной стратегии и согласованной радикальной тактики социальной борьбы, которые позволяли бы опережать замыслы и действия, направленные против интересов трудящихся.

Отсутствие должной связи между экономической и политической борьбой

Эту особенность современных идейных представлений и практических действий трудящихся “шоковая терапия” высветила особенно ярко.

Вплоть до августовских событий 1991 г. противоборство социальных сил развивалось как антиказарменная, общедемократическая революция. Политический аспект в ней был главным, доминирующим. Именно трудящиеся, а не бывшая номенклатура и не новые собственники-предприниматели составили подавляющую часть участников массовых политических акций 1989-1990 гг. Экономические требования бастующих шахтёров очень быстро были дополнены политическими, причём радикальными, коренными для того периода, направленными на ликвидацию монополии КПСС на власть в обществе. Выдвижение шахтёрами в 1991 г.не только экономических, но и политических требований сыграло важнейшую роль в распаде СССР как имперского государства, в приходе к

власти в России либерально-буржуазных тогда ещё демократов.

Таким образом, трудящиеся самым непосредственным образом участвовали в политической борьбе, присоединялись к тем или иным политическим акциям. Вместе с тем среди идейных платформ, выдвинутых общедемократическим движением, не было таких, которые выражали бы на уровне политической стратегии специфические интересы и задачи трудящихся классов и социальных групп в разворачивающейся революции. Мы имеем в виду платформы, поддержанные широкими движениями, а не разработки отдельных людей и авторских коллективов, которые, конечно же, существовали. В общедемократическом, антиказарменном движении социально-групповые интересы были слабо дифференцированы. Такие задачи, как преодоление отчуждения трудящихся от собственности, от результатов своего труда, переход к рынку, обеспечение свободы предпринимательства и пр., фиксировались в самом общем виде.

С началом разгосударствления и приватизации обнаружилось, что понятие “демократия в хозяйстве” имеет разный смысл для тех, кто ориентирован на легализацию теневого капитала и свободное развитие нового капиталистического класса, и для тех, кто стремится к экономической реформе в интересах трудового населения. Однако обозначение различных позиций и требований к социально-экономическим реформам, к системе хозяйствования не привело к сколько-нибудь явному размежеванию в политических платформах. Движения трудящихся, в том числе рабочее движение, *остаются в целом в рамках экономизма.* Найденная самими рабочими такая форма самоорганизации, как рабочие комитеты, не вышла за рамки осуществления функций параллельной власти *на местах.* Близко подошло к борьбе за власть движение за производственную демократию. Но объектом противоборства стала хозяйственная власть опять же *на низовом уровне* – на предприятиях. Причём до самого последнего времени организации типа союзов трудовых коллективов

всячески подчеркивали неполитический характер своей деятельности. Ни одной массовой политической организации, ни одной массовой партии, выражающей специфические интересы трудящихся и выросшей снизу, из рабочего или независимого профсоюзного движения, не возникло. Выдвижение социально-экономических требований не увязано в должной мере с задачей изменения социальной сути, характера власти, с поисками новых политических форм и механизмов, наиболее подходящих для реализации интересов трудящихся.

1992-1993 годы в этом плане мало что изменили. Трудящихся поначалу втягивали в борьбу за изменение персонального состава властных структур и по другим непринципиальным вопросам организации государственной власти. А в 1993 году, когда стал явным кризис избранного социально-политического курса (то есть расхождение обещанных его результатов с фактическими), российские трудящиеся не смогли использовать в своих интересах установившееся двоевластие. Отсутствие собственной самостоятельной позиции, политическая неорганизованность трудящихся, растерянность перед лицом раздуваемого “конфликта властей” – всё это помогло, напротив, восторжествовать произволу над законностью и расчистило путь к открытой буржуазной диктатуре, на которую наброшена легкая вуаль марионеточной многопартийности.

ТИПЫ ПЕРЕХОДНОГО СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ ИХ СУБЪЕКТОВ (НОСИТЕЛЕЙ)

В предыдущем разделе мы охарактеризовали разнородные представления и требования трудящихся к реформе собственности и к способам социальной защиты населения. Было бы крайним, неверным упрощением утверждать, что выделенные нами различные позиции типичны в настоящее время для тех или иных социальных групп старой казарменной системы. В лучшем случае

можно говорить об определённом тяготении рабочих, производственной интеллигенции и пр. к тем или иным взглядам и требованиям, об их преобладании в этих слоях населения на различных стадиях кризиса тоталитаризма и на разных этапах реформ.

Для условий революционной смены общественных отношений в основу социально-группового анализа требований трудящихся должен быть положен методологический подход, диктуемый отмеченным нами выше *фундаментальным свойством таких исторических периодов – переходным характером социальной структуры общества.*

Переходное состояние социальной структуры означает, что старые социальные группы российского общества (касты) разлагаются, из них формируются новые группы – классы, внутриклассовые группы. Этот процесс на уровне идеологии рождает различные типы переходного сознания.

Конечно, достигнутое в ходе общественных преобразований собственное социально-экономическое положение, а также сравнение своего положения с положением других членов общества влияют и на взгляды, и на социальное поведение людей. Однако *ведущим типообразующим фактором* идейных платформ и практических действий в переходный период (то есть в условиях кризиса общественной системы) является не объективное, реальное социально-экономическое положение в настоящем или в недавнем прошлом и даже не реально возможное, наиболее вероятное положение в будущем, а представления ***о желаемом*** положении.

С начавшимися в обществе переменами связываются разные надежды, разные стремления, разные ожидания. Именно отсюда проистекают многие иллюзии (утопии) в современном массовом сознании и то явление, которое мы назвали “хвостизмом”. Отсюда проистекает также и экстремизм как одна из реакций на ситуацию, когда иллюзии развеиваются, надежды не сбываются [см. примечание 4]. Важнейшая особенность переходного созна-

ния – устремлённость в разное будущее людей, принадлежавших к одной и той же старой социальной группе. В то же время взгляды и надежды людей, относившихся к разным кастам в старом обществе, тяготеют к одному и тому же варианту будущего.

Противоборство различных вариантов будущего происходит в форме выдвижения и отстаивания разнотипных требований. А субъектами такого противоборства, то есть субъектами действий в соответствии с желаемым будущим, являются уже не старые касты и ещё не новые классы, а специфические элементы качественно изменяющейся (переходной) социальной структуры. Специфика этих элементов переходной социальной структуры состоит в их **группоподобности:** есть воспроизводимость некоторых общих свойств – в первую очередь представлений людей о желаемом будущем, о своей роли в будущем обществе, – но нет ещё устойчивой качественной определённости социально-экономического положения, системы интересов, идеологии. Уместно называть поэтому такие специфические элементы переходной социальной структуры за неимением лучшего термина ***группоподобными социальными слоями.***

Особенности переходного сознания усложняют социальную структуру общества, множат противоборствующие силы, конкретные требования и общественные движения. Однако по совокупности всех главных тенденций в идейном размежевании трудящихся можно выделить основные типы переходного сознания.

Основные типы переходного сознания трудящихся

На современной стадии поиска обществом выхода из кризиса в идеологии трудящихся сосуществуют по меньшей мере пять основных типов переходного сознания.

Поддерживая или отрицая те или иные изменения, выдвигая конкретные требования, трудящиеся тем самым

самоопределяются в реформенной России в отношении того, каким они видят своё социально-экономическое положение, свою социальную роль в России послереформенной. Эти представления трудящихся о своём будущем тяготеют, как правило, к одной из следующих социальных ролей:

— наёмные (лично свободные) эксплуатируемые работники;

— трудящиеся-сохозяева (совладельцы своих предприятий);

— самостоятельные хозяева-предприниматели;

— “авангард” трудящихся, осуществляющий преимущественное или исключительное право на власть и управление в обществе и в хозяйстве;

— живущие, как раньше.

Эти пять типов представлений трудящихся о своём будущем не существуют, так сказать, в чистом виде. Следует ещё раз подчеркнуть, что типы общественного сознания (идеологические течения) и сумма взглядов тех или иных конкретных людей, сумма требований тех или иных конкретных организаций и движений – вещи разные. В требованиях забастовок, в программных документах, в текущих резолюциях, во взглядах и тактике лидеров движений и организаций есть много непоследовательного, нестрогого и даже противоречивого. Мы вычленяем устойчивые тенденции в переходном сознании, имея в виду, что конкретную организацию, конкретного человека и даже конкретное движение можно причислять к носителям того или иного типа переходного сознания с известной долей условности.

Основные типы переходного сознания обозначились ещё до “шоковой терапии”. В первые два её года дифференциация идеологий по пяти основным направлениям стала более отчётливой, более глубокой. Это результат двойственного воздействия “шоковой терапии” на позицию трудящихся.

С одной стороны, по мере осознания истинного социального смысла “шока” начинает формироваться отношение к его результатам как к необратимым. Борьба направляется на смягчение отрицательных для трудящихся социальных последствий реформ.

С другой стороны, по мере осознания истинного смысла “шока” укрепляется или вновь возникает неприятие проводимой политики. Борьба направляется против принципиальных моментов реформ, за другие реформы; противоборство обостряется. И той, и другой тенденции сопутствует переопределение субъектами переходного сознания своих представлений о будущем, о своём месте в нём.

Субъекты переходного сознания и главные перемены в их позициях в ходе шоковой терапии

Перейдем теперь к характеристике субъектов (носителей) каждого из пяти типов переходного сознания и к характеристике наиболее важных перемен в представлениях и требованиях этих пяти группоподобных слоёв под влиянием “шоковой терапии”.

Согласные на роль наёмных эксплуатируемых работников

В идеологии и социальной практике согласных на роль наёмных эксплуатируемых работников борьба за освобождение трудящихся от жестокой эксплуатации, произвола и насилия достигает лишь уровня борьбы за *смягчение* эксплуатации по сравнению с прежним временем.

Шахтёрские забастовки 1989 г. положили реальное начало общественному движению такой направленности. В 1990 г. оно обрело платформу независимого профсоюз-

ного движения. Важнейшую роль в таком самоопределении сыграло создание Независимого профсоюза горняков (НПГ).

К началу “шоковой терапии” социальный состав нового профсоюзного движения был, в основном, ещё рабочим. Наряду с шахтёрами, лётчиками его главной ударной силой стали также работники ряда других ключевых отраслей, обслуживающие технологии с принудительным ритмом – авиадиспетчеры, докеры, работники коммунального и железнодорожного транспорта. В других отраслях активизация носила очаговый характер и охватывала небольшое число рабочих.

Инициаторы создания и активисты новых профсоюзов, как правило, восприняли отечественный вариант либерально-реформаторской идеологии – концепцию “приобщения страны к цивилизованному западному миру”, сердцевиной которой было и до сих пор является представление о необходимости так называемых цивилизованных частных собственников (капиталистов) для налаживания производства, повышения его эффективности. Однако конкретные требования движения адресовались государству. Они по своему характеру и содержанию в более или менее явной форме предполагали, что в обозримое время собственником предприятий останется государство, которое и должно стать гарантом реализации интересов наёмных работников. Особенно отчётливо эта позиция просматривалась в требованиях работников тех отраслей и предприятий, которые функционировали на основе государственных дотаций, в частности, в требованиях шахтёрского движения.

Из-за такой по сути государственно-капиталистической платформы организации производства шахтёры, а затем и новое профсоюзное движение в целом долгое время не могли найти общий язык со сторонниками производственной демократии, самоуправления трудовых коллективов на государственных предприятиях, коллективных форм собственности. Претензии шахтёров в области перераспределения прав собственности ограничивались

требованиями дать коллективам возможность самостоятельно распоряжаться частью произведённого продукта.

В “шоковую терапию” авангард рабочего движения – шахтёры, новые наиболее сильные профсоюзы – вошёл, добившись несколько лучших исходных условий, в том числе более высокой оплаты труда, чем работники большинства других отраслей. Это, к сожалению, в дальнейшем послужило одной из причин “окукливания” шахтерского движения, развитию в нём тенденции к сепаратизму, которая стала преобладать над тенденцией развития солидарности. Одно из конкретных проявлений такого сепаратизма – фактический отказ руководства Независимого профсоюза горняков России и части лидеров шахтёрских рабочих комитетов поддержать весной 1992 г. забастовки и другие коллективные действия учителей и медиков с требованиями повысить заработную плату. Показательно, что один из весомых доводов в пользу отказа от солидарной поддержки обнищавших в ходе “шоковой терапии” работников социокультурной сферы был позаимствован из арсенала всё тех же “прорывных” реформаторов – якобы повышение заработной платы в непроизводственной сфере усилит инфляцию. Несостоятельность такого довода была очевидна всем мало-мальски здравомыслящим людям, однако победила тактика поддержки Президента и правительства, от которых взамен ожидали уступок требованиям самих шахтёров [см. примечание 5].

“Шоковая терапия”, похоже, положила начало формированию ***российского аналога западной рабочей аристократии,*** для которой характерно использование достигнутых преимуществ в оплате труда и в других условиях жизни как фактора разрушения, а не укрепления солидарности трудящихся.

Нарождающаяся в России рабочая аристократия усваивает корпоративные идеи, свойственные групповому сознанию (в частности, сильно влияние новых кооператоров), а не идеи классово солидарной борьбы. Идеология отделения от остальных трудящихся, находящихся в сравнительно невыгодном положении, оформляется под

девизами отделения от государства, создания систем экономической самозащиты. Продвижение по этому пути способно усилить защищённость лишь части трудящихся и только на начальных этапах: до следующего витка инфляции, до следующего шага “шоковой терапии” в осуществлении развала производства – вступления в полосу массовых увольнений и массового закрытия предприятий. Обязательства государства “исчезают”, а социальный риск для большинства трудящихся возрастает, поскольку заработная плата большинства не позволяет застраховать себя от всех социальных рисков (опасностей) за счёт личных средств или средств только своего профсоюза.

Самые активные отряды рабочих, которые опередили основную массу в самоорганизации и в накоплении опыта совместной борьбы, становятся, таким образом, в обстановке разворачивающегося наступления на жизненный уровень населения носителями идеологии, “не дотягивающей” до уровня идеологии рабочих *как класса,* до классовой рабочей идеологии. Разъединённость трудящихся помогла начать политику “шоковой терапии” и продолжить её несмотря на рост оппозиционных настроений и практических выступлений против конкретных следствий этой политики.

Активное влияние на формирование идеологии и социальной практики трудящихся как согласных на роль наёмных эксплуатируемых работников пытается оказать руководство старых профсоюзов, действующих теперь на территории России под названием “Федерация независимых профсоюзов России” (ФНПР). У истоков такой позиции лежат ложные опасения, что на коллективных предприятиях и даже на предприятиях с частичным участием работников в собственности (при владении работниками частью акций, долей, паёв) профсоюзы станут не нужны [о ложности таких опасений см. примечание 6].

Лозунг “рыночным ценам – рыночную зарплату”, выдвинутый ФНПР в 1991 г., был весьма недальновидным. До рыночной зарплаты далеко, поскольку практика соци-

ального партнёрства находится в зачаточном состоянии. Не удаётся организовать эффективную массовую борьбу даже в защиту поддержания нынешнего уровня жизни, просто за выживание. В то же время в условиях 1992 г. ФНПР была практически единственным крупным профобъединением, выразившим оппозиционные настроения и поддержавшим активное сопротивление трудящихся “шоковым” реформам. К сожалению, в дальнейшем эти достойные тенденции не были усилены.

Самозащита трудящихся, входящих в старые профсоюзы, не может стать по-настоящему эффективной, пока не преодолена многолетняя практика подчинения, зависимости от администрации профкомов предприятий, учреждений и организаций. Для её преодоления в первую очередь требуется радикально реформировать старые профсоюзы в *действительно социально-профессиональные (классовые) организации трудящихся,* то есть требуется развести хозяйственную и государственную администрацию и других работников по разным профессиональным союзам. Это необходимо для того, чтобы выйти из тупиковой ситуации, когда из-за существенного расхождения социальных интересов ни профессионалы-управляющие, ни работники разных других профессий не могут до конца отчётливо и полно сформулировать и выразить, а потому и отстаивать свои специфические интересы и требования.

Носителем идеологии согласных на роль наёмных работников становится также научная и творческая интеллигенция. Уход государства из социокультурной сферы, резкое сокращения финансирования науки, трудности организации и функционирования собственной фирмы, творческой мастерской и пр. из-за общего ухудшения экономических условий – всё это способствует освобождению от иллюзий интеллигенции, бывшей в плену абстрактного либерализма. Требования интеллигенции смыкаются с требованиями рабочих – повышение заработной платы, гарантии занятости. “Отрезвление” интеллигенции, надо надеяться, сыграет положительную роль в становлении

собственной идеологии рабочего класса, поскольку без помощи профессиональной гуманитарной интеллигенции рабочие не могут достроить свою идеологию до научно строгих общественно-политических концепций.

Выбравшие роль трудящихся-сохозяев (совладельцев)

Идеология и требования выбравших роль трудящихся-сохозяев (совладельцев) в наибольшей мере, чем другие типы переходного сознания, противопоставлены буржуазным “шоковым” реформам. Другое дело, что сторонники демократического самоуправления предприятий не смогли за три года инициировать широкое движение за реформу, соответствующую их требованиям.

В формировании движения за самоуправление трудовых коллективов, за собственность работников, а затем и в создании союзов трудовых коллективов как его организационных структур главную роль сыграли производственная интеллигенция и отчасти рабочие, приобщившиеся к некоторым функциям управления на производстве в качестве членов советов трудовых коллективов.

Следует отметить, что постановка требований движения на начальном этапе была достаточно профессиональной и радикальной. Отстаивая идею производственного самоуправления, активисты движения уже в конце 1990 г. требовали по сути проведения *демократической реформы собственности*. Схема этой реформы состояла в передаче государственных предприятий в управление (полное хозяйственное ведение) трудовых коллективов, а затем – в переходе предприятий в собственность трудовых коллективов на добровольной, а не на принудительной основе. Центральным моментом концепции такой демократической (точнее, ***буржуазно-демократической)*** реформы собственности является именно *добровольность* выбора каждым коллективом подходящей ему новой формы собственности и хозяйствования.

Выдвинутая движением простая логика реформирования оказалась, естественно, неприемлемой ни для прежней хозяйственной номенклатуры, желающей бесплатной приватизации в свою пользу, ни для старых и новых владельцев крупных капиталов, желающих свободной распродажи государственного имущества. А депутатский корпус по большей части выражал и отстаивал интересы именно этих субъектов переходной социальной структуры.

Малая результативность движения была обусловлена ставкой его формальных лидеров на борьбу в коридорах власти, на то, чтобы “пробить” свои предложения в законы при помощи личных связей с депутатами, а не на организацию широкой поддержки своей позиции в трудовых коллективах. Другая причина слабости движения, а также его расколов в 1992 г. – отсутствие единства по ряду важных вопросов стратегии и тактики движения.

К числу таких расхождений относятся:

— разное принципиальное отношение к реформе собственности, осуществляемой по правительственной программе, – надо ли эту программу лишь корректировать, подправлять или же нужно кардинально изменять подходы к реформе;

— разные представления о роли государственной формы хозяйствования, основанной на самоуправлении трудового коллектива, – надо ли настаивать на том, что государственные предприятия должны передаваться в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов без ограничений по срокам их функционирования на этих принципах или же полное хозяйственное ведение является лишь переходной формой к приватизации.

С самого начала не было единства и по вопросу о том, должен или не должен применяться выкуп при переходе предприятий в собственность занятых на них работников. Согласно схеме демократической реформы собственности, эта проблема решалась без труда. Статус полного хозяйственного ведения коллектива дал бы ему широчайшие права. Данная форма скорее всего стала бы устойчивой в силу её выгодности и коллективу, и обще-

ству. Именно поэтому выкуп предприятий трудовыми коллективами при добровольном их переходе от государственной формы собственности к коллективной (да ещё с применением схем приватизации по типу аренды с выкупом) был бы и экономически оправданным, и социально справедливым. Однако начавшийся фактический захват предприятий номенклатурой и разбогатевшими дельцами постоянно подпитывал идею *бесплатной* передачи предприятий в собственность коллективов, которая возникла с первых же шагов движения [см. примечание 7]. Вместо последовательного отстаивания принципов демократической реформы собственности усилия активистов движения постепенно сконцентрировались на борьбе за то, чтобы коллективы получили бесплатно хотя бы долю в собственности, за размер этой доли, за льготы при выкупе.

Такая “хвостистская” тактика, если оценивать её по большому счёту, привела к поражению движения. Реформаторы сделали некоторые уступки, вроде бы “идя навстречу пожеланиям трудящихся” (бесплатная передача работникам части акций, правда, без права голоса; возможность приобретения работниками 51% акций по номинальной стоимости). Но эти уступки, создав видимость свободного выбора, на самом деле не дали коллективам ни права на управление государственными предприятиями, ни реальной возможности выкупить предприятие в свою полную собственность. К тому же производственники оказались в гораздо более выгодном положении при разделе государственного имущества, чем остальные трудящиеся. Разумеется, выгоды их положения не идут ни в какое сравнение с выгодами хозяйственной номенклатуры, торгово-финансового капитала и коррумпированных властей. Работники же бюджетных отраслей вместо защиты своих интересов на основе гарантий оплаты их труда на общественно нормальном уровне получили единовременную мизерную подачку в виде ваучеров под фальшивыми лозунгами создания “равных для всех стартовых возможностей”, “учета интересов всех социальных групп в приватизации”.

Приходится констатировать, что часть рабочих, причастных к движению за производственную демократию, упорно настаивая на немедленной бесплатной передаче предприятий в собственность трудовых коллективов, а не на бесплатной их передаче в управление (полное хозяйственное ведение) коллективов, сыграла тем самым как нельзя лучше на руку принципиальным противникам коллективных форм собственности и демократизации управления в государственном секторе, облегчила им решение своих прямо противоположных задач. Несправедливость раздела производственного имущества путём прямой бесплатной передачи государственных предприятий тем, кто на них в данный момент работает, была легко доказуема, чем и воспользовались в полной мере “прорывные” реформаторы для осуществления недемократической реформы собственности.

В новом профсоюзном движении поначалу весьма настороженно относились к идее полного хозяйственного ведения трудовых коллективов из-за опасения, что полномочия собственников перейдут на деле к советам трудовых коллективов, а не к самим трудовым коллективам. Опасались, что советы трудовых коллективов монополизируют на предприятиях всю власть, заменят собой прежнюю администрацию, либо “споются” с администрацией, а коллективы будут, как и раньше, отстранены от принятия управленческих решений. Опасения имели основания, в частности, и потому, что часть активистов союзов трудовых коллективов часто “путала” права трудовых коллективов с правами их советов [см.примечание 7]. К тому же независимая позиция советов трудовых коллективов на предприятиях была скорее исключением, чем правилом, а правилом была подчинённость советов трудовых коллективов администрации, соглашательская их позиция.

И тем не менее в конце 1991 г. требование использовать механизм полного хозяйственного ведения трудовых коллективов для добровольного выбора формы собственности поддержали самые разные организация трудящихся – Независимый профсоюз горняков России, но-

вый профсоюз лётчиков, а также рабочие, находящиеся в сфере влияния ФНПР, ”Трудовой России” [см. примечание 8].

Главная мина, которую заложили наши буржуазные либералы под единство трудящихся в отстаивании их права на власть в хозяйстве, – обещание создать *так называемые равные стартовые возможности* для всех членов общества при приватизации, то есть разделить якобы справедливо между всеми государственное имущество, которое считалось общенародным, при помощи раздачи приватизационных чеков.

Производственная интеллигенция из советов трудовых коллективов не разглядела (за редким исключением), что *добровольность* смены формы собственности, за которую они выступали, и применение приватизационных чеков не совместимы в рамках одной и той же реформы. Открытое акционирование, без которого ваучеризация немыслима, исключило из выбора, доступного трудовым коллективам, все коллективные, в том числе неэксплуататорские формы собственности. Согласие на ваучеризацию, не говоря уже об активной защите этого метода раздела, было со стороны активистов движения – лидеров союзов трудовых коллективов – нарушением принципа солидарности. Они ещё до 1992 г. понимали, что законодатели предложили им компромисс сначала в виде льготной цены акций и возможности получить часть активов предприятий безвозмездно, а затем в виде бесплатно передаваемой части акций. Принятие этого компромисса-подачки означало фактическое предательство по отношению к остальному населению, усилиями которого также создавалось разделяемое ныне национальное богатство. Ваучер оказался пригодным как для демагогии властей, так и для успокоения совести активистов движения, лидеров союзов трудовых коллективов.

Конечно, большая часть участников движения не понимала, что кроется за так называемой “народной” приватизацией при помощи ваучеров, к чему она в конце концов неизбежно приведёт. Моральная ответственность – не

на них, а на тех активистах, которые в своё время просто не желали ничего слышать о неприемлемости ваучеризации для трудящихся, о том, что правительство непременно обесценит ваучеры, что справедливого раздела быть не может и что нельзя менять на похлебку из ваучеров и других подачек право первородства – право трудящихся на власть в хозяйстве. Даже после либерализации цен многие продолжали считать, что немедленная раздача приватизационных чеков создаст так желаемые ими равные стартовые возможности, предлагали различные усовершенствования способов ваучеризации. И только к концу 1992 г. после кризиса неплатежей, остановки многих предприятий, роста скрытой безработицы, в условиях обнищания населения и гиперинфляции начался процесс осознания истинного смысла программы приватизации и роли ваучеров как прикрытия её подлинных задач. К концу 1993 г. реализация замыслов идеологов форсированной принудительной приватизации зашла довольно-таки далеко. Движение сторонников производственной демократии, коллективной собственности переживает сейчас кризис, который, надо надеяться, закончится переходом движения к новой, дальновидной стратегии и к более действенной тактике достижения своих задач.

Показательно, что после всех усилий реформаторов, направленных на разъединение трудовых коллективов с помощью распределения (раздачи, продажи) акций между отдельными работниками, начали возникать местные инициативы и механизмы, которые позволяют работникам одного предприятия объединять доставшиеся им акции и голоса.

Согласие на роль наёмных эксплуатируемых работников и стремление стать трудящимися-сохозяевами – таково главное различие в современном сознании российских трудящихся. По нашим оценкам, в рабочей среде эти типы переходного сознания гораздо более распространены, чем другие, которые мы не будем рассматривать столь же обстоятельно. Ограничимся характеристикой лишь наиболее ярких их черт.

Желающие стать самостоятельными хозяевами-предпринимателями

К этому группоподобному слою трудящихся мы относим тех, кто надеется или уже пытается стать самостоятельным предпринимателем и рассчитывает в перспективе жить за счёт дохода от собственности. Это – кандидаты в мелкую и среднюю буржуазию, начинающие свой путь с создания мелких индивидуальных, семейных или кооперированных предприятий или со спекуляции. К ним относятся фермеры, кустари, ремесленники, торговцы вразнос, мелкие спекулянты. Их устремления – сколотить устойчивое состояние, принанять работников и чем дальше, тем больше строить свое благосостояние не на собственном труде, а на доходе от собственности (от эксплуатации труда других людей).

В этом слое населения особенно много молодежи, верящей в свою счастливую звезду, в обещания Президента и правительства. Нескрываемая ставка в их деятельности – на бесконтрольность, на бездействие законов, на аморализм периода первоначального накопления капитала. Эта часть трудящихся постоянно получает идеологическую подпитку от официальной пропаганды (в пошлом и циничном исполнении средств массовой информации) и в то же время шаг за шагом поляризуется. Многие прекращают своё дело или переходят на службу к мафиозным структурам.

“Шоковая терапия” – родная среда рассматриваемой группы. В процветающем виде эта группа может существовать только в пределах “шоковой терапии”. Завершение процесса первоначального накопления капитала поставит крест на всех достижениях и мечтах большинства этого нового среднего класса.

Мнящие себя авангардом трудящихся

Мнящие себя авангардом трудящихся полагают, что им (как авангарду) принадлежит преимущественное

или исключительное право на власть и управление в обществе и в хозяйстве. Это ***экстремистский*** тип переходного сознания. Он выражается в требованиях передать всю полноту власти только рабочим от станка, которые могли бы “использовать для общего дела” интеллигенцию и прочих. Такой тип сознания возник как воплощение в жизни демагогической сталинистской вульгаризации известного положения К.Маркса о ведущей роли пролетариата в освободительном движении трудящихся, в революции. Смысл вульгаризации – подмена целей рабочего движения. Идея народной демократии (народовластия, опирающегося на законы, защищающие равноправие и свободы всех трудящихся) подменяется идеей диктата рабочих, идеей власти исключительно рабочих и в интересах только или преимущественно рабочих. На практике эта подмена воплотилась у нас во власти номенклатуры, осуществляемой во многом через рабочих.

Первый пик развития рассматриваемой идеологии ***самозванного авангарда*** наблюдался в годы перестройки, когда партийная номенклатура усиленно инициировала и всесторонне поддерживала Объединенный фронт трудящихся и подобные ему организации. В трудовой массе ОФТ не находил большой поддержки, а во время выборов 1990 г. экстремисты слева получили повсеместно от 7 до 12% голосов. Падение империи и КПСС заставило идеологов самозванного авангарда сбавить тон. Однако начавшаяся “шоковая терапия” дала им шансы на более широкую поддержку. К экстремистам стали прислушиваться те, чьё экономическое положение ухудшилось, а перспективы пошатнулись.

При отсутствии широкого демократического рабочего движения, обладающего собственной идеологией, самозванный авангард завлекает в свои сети многих недовольных и обрабатывает их в духе экстремизма. Идеологами самозванного авангарда выступают, как правило, не рабочие, а ярые профессиональные апологеты прежней системы – реакционные ученые, люмпен-интеллигенты.

Мечтающие жить, как раньше (утописты-консерваторы)

Данный тип сознания трудящихся, строго говоря, не связан с переходом, с активным устремлением в будущее, с поиском своего места в нём. Напротив, он обращён в прошлое, главное в нём – утопические представления о возможности возврата к прошлому. Это – пассивное обывательское сознание, готовое приветствовать любое улучшение своего нынешнего положения, но *в принципе* не способное выработать реалистическую самостоятельную программу такого улучшения. Поэтому за образец берётся утраченное лучшее, чем ныне, материальное положение. Круг интересов сужен до материального положения семьи и обеспечения его устойчивости. Носители утопически-консервативного типа сознания происходят из разных социальных групп (каст) старого общества, оказавшихся в условиях его кризиса и особенно в условиях “шоковой терапии” в беззащитном положении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (прогноз)

С конца 1992 г. в России установилась своеобразная политическая ситуация – двоевластие, начало которому было положено отказом Съезда народных депутатов РФ продлить особые полномочия Президента, которые были ему ранее предоставлены на год для осуществления экономических реформ. Российские трудящиеся не смогли использовать в своих интересах период двоевластия из-за слабости рабочего и профсоюзного движения, политической неорганизованности населения, растерянности людей перед искусственно раздуваемым “конфликтом властей”.

Действия экстремистов в ходе октябрьских событий 1993 г. в очередной раз скомпрометировали в глазах многих любую оппозицию начатым реформам. Трудящиеся в очередной раз идейно обезоружены перед лицом разду-

ваемой угрозы возврата к тоталитарному прошлому. Открыт путь к ещё более крайним методам осуществления политики первоначального накопления капитала. В сложившихся новых условиях трудно рассчитывать на сколько-нибудь заметную перемену социально-экономического курса, на изменение социальной направленности реформ, на учёт интересов и требований трудящихся при их дальнейшем проведении.

Продолжающееся падение уровня жизни большинства населения, усиление чувства незащищённости, ухудшение условий занятости – всё это может привести в конце концов и к массовым стихийным социальным взрывам. Но ещё более опасна люмпенизация населения, которая станет реальностью при дальнейшем обнищании и массовой безработице. Для люмпенизированного населения демократия перестает быть ценностью, а потому возникает широкая социальная база диктатуры любого толка вплоть до открыто фашистской.

В то же время “шоковая терапия”, ускоряя процесс классообразования по капиталистическому типу и рассеивая иллюзии трудящихся, способствует становлению их собственных идеологий, самостоятельной идеологии рабочего класса. Тем самым она приближает время массового организованного сопротивления трудящихся, их эффективной экономической и политической борьбы за свои права, свободы и интересы.

В настоящее время старые профсоюзы на большинстве предприятий не выполняют роль организаторов сопротивления недемократическим и антирабочим акциям хозяйственной и государственной администрации. Новые профсоюзы – пока еще исключение. Они, как правило, малочисленны; их деятельность не стала решающим факторам противодействия наступлению на права трудящихся. Деятельность политических организаций (партий, рабочих комитетов и др.) на предприятиях затруднена или запрещена. К тому же основная масса работников и в первую очередь рабочие не очень-то склонны идти в нынешние или создавать новые партии. В такой обстановке, видимо,

все-таки профсоюзам предстоит в ближайшие годы сыграть главную роль в самоорганизации и самозащите трудящихся. Профсоюзы – наиболее доступная и наименее “опасная” для трудящихся форма их объединения, защищаемая международным правом. Нормы российского законодательства и международные нормы дают достаточно широкие права профсоюзам, открывают перед ними целый спектр возможностей, которые необходимо использовать в интересах трудящихся в полной мере.

Мы полагаем, что в ближайшие 3-5 лет развитие рабочего и профсоюзного движения приведёт и к политической самоорганизации российских трудящихся, к созданию политических партий, исповедующих, хотелось бы надеяться, собственную идеологию рабочего класса как наиболее организованной части трудящихся, – класса, способного не только воспринять и освоить освободительные, гуманистические идеи, выработанные всей историей человечества, но также способного сплоченно, настойчиво, последовательно и солидарно отстаивать эти идеи, бороться за права, свободы и интересы ***всех*** трудящихся как за своё коренное дело.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К числу по-своему добросовестных профессиональных исследований современного рабочего движения в бывших республиках СССР следует отнести разработки группы, возглавляемой доктором исторических наук Л. Гордоном. Однако нас не устраивает в этих исследованиях политическая позиция авторов – буржуазный либерализм, который, естественно, влияет как на состав привлекаемых к анализу фактов, так и на выводы, оценки и прогнозы.

2. В условиях современного идейного разброда иным либералам, пытающимся доказать якобы бессмысленность, устарелость понятия “эксплуатация”, удаётся иногда поставить в тупик людей, не очень искушенных в науке и политике, примерно таким диким заявлением: “Ес-

ли, говорят они, считать трудящимися тех, кто участвует в производстве, работает, а тех, кто не работает, считать эксплуататорами, то получается, что семейные и общественные иждивенцы – эксплуататоры". Смысл подобной демагогии – в том, чтобы свалить в одну кучу капиталистов, получающих доход от собственности, и людей, которых цивилизованное общество частично или полностью содержит на стадии подготовки к трудовой деятельности, в силу отсутствия (потери) трудоспособности или из-за того, что не может предоставить работу. Существует и другая крайность: наличие эксплуатации признают, но при этом не в шутку, а всерьёз приравнивают общественных иждивенцев к эксплуататорам. Такое приравнивание является идейным оправданием возникших в новом профсоюзном движении (особенно в профсоюзах кооператоров) сепаратистских настроений в области организации социальной защищённости.

3. В рыночной экономике предприятия государственного сектора могут и должны функционировать как полноправные товаропроизводители, причём не на основе команд "сверху", а на принципах хозяйственного самоуправления. Для обозначения такого статуса предприятий используется термин, введённый юристами, —"полное хозяйственное ведение". Однако самоуправление предприятия может осуществляться в принципиально разных социальных формах: как "директорское" и как самоуправление трудового коллектива. При директорском самоуправлении государство делегирует часть функций собственника непосредственно руководителям предприятий. При самоуправлении (полном хозяйственном ведении) трудового коллектива представителем государства на предприятии должен быть не директор, назначаемый государственными чиновниками, а трудовой коллектив. В этом случае контракты с профессиональными управляющими (в том числе с директором предприятия) по поручению коллектива заключают выборные органы коллективного самоуправления. Работники администрации становятся полноправны-

ми членами трудового коллектива, а не являются особо доверенными лицами государственных органов.

Коллектив, работающий на основе полного хозяйственного ведения, формирует органы коллективного самоуправления – собрания коллектива, конференции, совет и пр., которые в пределах своей компетенции, установленной коллективом в Уставе предприятия и других нормативных документах, принимают окончательные решения (в рамках законов) по ключевым вопросам организации предприятия и его хозяйственной политики. Контракт, который заключается с руководителем предприятия, надёжно защищает руководителя как от произвола государственных структур, так и от произвола, от некомпетентного вмешательства коллектива в процесс оперативного руководства предприятием.

4. Экстремизм не следует путать с радикализмом. Радикальное видение актуальных проблем и задач – это понимание действительных причин и тенденций, адекватное отражение ситуации, постановка задач достижимых, но вытекающих не из сугубо сиюминутных интересов, а из интересов долговременных, коренных. В отличие от этого экстремистские задачи и требования не укладываются в рамки реально возможных вариантов развития. Попытки навязать их обществу приводят не к их реализации, а к совершенно иным результатам. Пример: попытки установить в СССР вместо народовластия исключительно рабочую власть привели к узурпации власти партийно-государственной номенклатурой.

5. *Из Заявления Комитета содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся от 23 апреля 1992 г.:*

“Экономическая война правительства с трудовым народом России вынуждает бастовать медиков, учителей, транспортников... Требования медиков справедливы... Комитет содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся с огромным сожалением констатирует, что передовые отряды демократического рабочего движения (прежде всего горняки Кузбасса и Воркуты) попали в ло-

вушку, ловко расставленную правительством Ельцина-Гайдара-Бурбулиса. Опыта и поддержки горняков всем нам не хватает сейчас точно так же, как в 1989-1990 годах бастующим горнякам не хватало поддержки остальных трудящихся... Медикам и учителям особенно трудно бастовать, так как их труд каждодневно нужен больным и детям. Наш общий долг – отстаивать их права, поддерживать справедливые требования. Лучший, наиболее действенный способ – забастовки солидарности...”

6. При самоуправлении трудового коллектива (и на государственных, и на коллективных предприятиях) неизбежно будет возникать стремление принести законные права личности и интересы отдельных профессиональных групп в жертву коллективно-корпоративным интересам. Деспотизм коллектива способен стать ещё более жёстким, чем деспотизм тоталитарного государства или частного собственника-капиталиста. Защита прав и интересов каждого работника, каждой профессиональной группы – поле деятельности профсоюзов, причём эта деятельность должна находить опору в демократическом государстве, то есть опираться на Конституцию, законы и судебную власть.

На предприятиях с самоуправлением трудовых коллективов эффективной формой защиты трудящихся должен стать (как и при других формах) *коллективный договор.* Сторонами переговоров будут выступать: администрация, представляющая коллектив в целом, и представители профсоюзов, представляющие свои (свою) социально-профессиональные группы. Возможен и другой тип переговоров: между администрацией и представителями всего трудового коллектива. Задача администрации здесь – обеспечить реалистический учёт производственно-хозяйственных сторон деятельности коллектива, проблем и перспектив предприятия на рынке, необходимости инвестиций и пр.

Не исключено, что на предприятиях с самоуправлением работников, а также на приватизированных предприятиях с частичным участием работников в собственности

(когда в собственности работников находится часть акций, доли, паи) главную роль в защите социально-профессиональных интересов будут играть региональные, отраслевые и общенациональные профессиональные объединения, а не заводские профорганизации.

7. В Резолюции I Всесоюзного совещания представителей Советов трудовых коллективов и рабочих комитетов государственных предприятий (г.Тольятти, 31 августа–4 сентября 1990 г.) наряду с чётко сформулированным требованием передать государственные предприятия в управление трудовых коллективов (на основе добровольности перехода к такой форме) содержалось также и требование о бесплатной передаче предприятий в собственность трудовых коллективов. Оба требования были включены в Резолюцию вполне сознательно, чтобы избежать раскола участников совещания.

Приводим выдержку из этой Резолюции:

“...Закрепить в ... законе право трудового коллектива самому выбирать форму собственности, предусмотрев при этом, что на государственных предприятиях может быть выбран коллективом один из двух вариантов: а) передать и закрепить законом (без выкупа) права собственника за трудовым коллективом, в том числе право собственности на результаты хозяйственной деятельности; трудовые коллективы берут на себя всю полноту ответственности за результаты социально-экономического развития предприятия; б) государство на предприятиях представляет трудовой коллектив (а не администрация) с правом распоряжения собственностью, в том числе результатами хозяйственной деятельности, и с правом самоуправления через Советы трудовых коллективов”.

Далее следовало положение, относящееся по смыслу и к варианту а), и к варианту б): “Право собственности на результаты хозяйственной деятельности передаётся и закрепляется за трудовым коллективом в лице Советов трудовых коллективов”.

В дальнейшем эти расхождения наряду с непреодолёнными до конца претензиями на осуществление

прав собственника Советами трудовых коллективов обусловили и слабость движения, и его недальновидную стратегию, а также настороженное отношение к нему со стороны активистов новых профсоюзов.

8. *Из документа, принятого Учредительным съездом Независимого профсоюза горняков России (НПГР), который состоялся 27-29 ноября 1991 г.:*

“Основной своей задачей НПГР выдвигает отстаивание социально-экономических интересов наёмных работников, считая, что большинство предприятий горной промышленности останется в государственной собственности. Но так как переход к рыночным отношениям предполагает изменение форм собственности и хозяйствования на отдельных предприятиях, а проводимое разгосударствление и приватизация идут в интересах старой и новой номенклатуры, НПГР будет настаивать на том, чтобы эти изменения проводились при участии трудового коллектива. Необходимо, чтобы в ходе проведения этих реформ трудящиеся имели реальную возможность добровольного и сознательного выбора. На первом этапе таких реформ необходимо добиться возможности взять государственные предприятия в полное хозяйственное ведение трудовых коллективов с делегированием им прав найма администрации и самостоятельного распределения доходов. Дальнейшие изменения форм собственности производить только на основании решения трудового коллектива”.

Печатается по тексту брошюры
Г.Я.Ракитская. На пути к собственной идеологии (Идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции). — М.: КАС-КОР; ИППС; ИЭ РАН. Февр – октябрь 1993. 48 с.

Второе издание:

Г.Я.Ракитская. На пути к собственной идеологии (Идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции). 2-е издание (с приложением). – М.: 2001. 62 с.

Второе издание полностью повторяло текст первого издания, но содержало приложения, которые в настоящем издании не приводятся.

1994

==========

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

(*общая теория и методология*)

Уже 6 лет (если считать со времени начала в 1988 г. широких национально-освободительных движений в Армении и в Прибалтике) идут в бывшем СССР революционные процессы. Решается вопрос о характере будущего общественного строя, в том числе и о том, станет ли он действительно новым или же возобладают консервативные тенденции и в новых (подновлённых) формах воспроизведутся по сути старые социальные отношения.

Отечественная общественная наука, осмысливая происходящее, вынуждена устраивать «смотр» своим методам, категориальному аппарату и выводам, не говоря уже о способах оформления выводов [1], Необходимость такого смотра вызывается, по меньшей мере, тремя причинами. Одна причина – изменения в самом *объекте* исследования.

Этот объект – общество – перешёл в принципиально иную стадию развития: от состояния внешне стабиль-

ного, уравновешенного, а на деле стагнирующего и (как показали последующие события) предвзрывного к состоянию динамичных преобразований в условиях оживления и реального действия различных социальных сил, стремящихся к разнонаправленным переменам. Разрешающая способность прежних методов в этой новой ситуации оказывается, естественно, недостаточной. Вторая причина состоит в том, что революционная ситуация вывела на поверхность общественных процессов разнообразные социальные силы и тем самым у общественной науки появилась возможность в явном виде выбирать конкретного социального заказчика – адресата своих исследований. Наука в тоталитарном обществе вынуждена была адресовать свои теоретико-аналитические выводы и практические рекомендации по преимуществу непосредственно партийно-государственным властным структурам в расчёте на то, что научные результаты как-то повлияют на деятельность этих структур. Реальная возможность выбора адресата дифференцирует исследования по их социальной ориентации. Особенно важно, что среди социальных заказчиков появились общественные и общественно-политические движения. Это изменяет сам *предмет* общественной науки, поскольку требует активного выполнения ею функций теоретического обоснования и творца идеологий противостоящих социальных сил. Общественная наука сама становится одним из важнейших факторов выбора облика будущего общества. Если справедливо, что наука является познавательной стороной практики [2], то справедливо и то, что в условиях революции и революционных реформ наука становится познавательной стороной политики [3].

Третья причина. Отечественная наука долгое время развивалась в обстановке весьма поверхностного знакомства большинства исследователей с зарубежной наукой и исключительно критического отношения ко всему (вплоть до априорного отторжения), что не укладывалось в рамки официальных версий марксизма-ленинизма. Между тем проблемы, которые сейчас стоят перед народами бывшего

СССР (от выхода из тоталитаризма до восстановления подорванной экономики) уже не раз в XX веке вставали перед другими народами, анализировались и решались и на Западе, и на Востоке. Поэтому вовлечение эмпирического и теоретического багажа разнообразных школ и течений зарубежной науки может спрямить отечественным исследователям дорогу к решению актуальных для нас научных и практических проблем.

В настоящей статье представлены общие контуры теории (научная гипотеза) взаимосвязи политической системы и хозяйственной власти. Разработка научной гипотезы является первым этапом задуманного нами исследования. На следующих его этапах мы предполагаем с помощью исходной теоретической гипотезы исследовать конкретно-исторические проблемы взаимосвязи политической системы и хозяйственной власти в современной России, в том числе: осуществить анализ реальных результатов и тенденций в изменении хозяйственной власти; выявить основные противоречия и проблемы в сфере взаимодействия политической и экономической систем; дать прогноз возможных вариантов развития политических отношений в экономической сфере; предложить идеологическое и научно-теоретическое обоснование стратегии взаимодействия политической системы и хозяйственной власти на основе последовательной демократизации.

Следует акцентировать следующий момент в порядке введения в нашу работу. В настоящее время в среде отечественных исследователей наблюдается что-то вроде паники в связи с тем, что многие ощущают себя недотягивающими до уровня «мировой науки». Ставится задача так называемой интеграции в мировую науку. В связи с этим всё большее число научных работников высокой квалификации втягивается в деятельность по реферированию и комментированию зарубежных (в первую очередь западных) исследований. Причём эта деятельность осуществляется по большей части без предварительной разработки *собственных* научных гипотез, без ясной постановки теоретических и практических исследо-

вательских задач. Исполнитель реферата включает в него то, что лично ему представляется главным, полезным или интересным. Беда в том, что читатель ничего не знает о критериях такого отбора. Он не может быть уверен, что из исходного материала взяты именно те мысли и фрагменты, которые он сам бы счёл для себя важными. В результате время и силы составителей рефератов затрачиваются по преимуществу впустую; их работа не может быть конструктивно использована другими исследователями, поскольку не содержит целенаправленно отобранной информации о полезных подходах и результатах современной зарубежной науки. Время и силы затрачиваются впустую ещё и потому, что на многие злободневные вопросы, выдвигаемые российской действительностью, в зарубежной (в том числе в современной западной) литературе ответов нет и быть не может.

Другое дело, когда разработки других авторов привлекаются в меру их полезности для решения собственных исследовательских задач, для критического сопоставления с собственными научными гипотезами. В этом случае отбор привлекаемого чужого материала производится открыто целенаправленно, читателя не вводят в заблуждение относительно критериев препарирования чужого материала. Целенаправленный анализ работ предшественников предотвращает исследователя от опасности потонуть в дебрях мировой науки, так и не сказав ничего путного по поводу исторически своеобразных и насущных проблем своей страны.

В основе примитивной постановки задачи интеграции в мировую науку лежит самоопределение отечественных исследователей как учеников-недорослей, пребывавших долгое время на задворках мировой науки. Я ни в коей мере не могу разделить подобные мысли и настроения. Не раз приходилось убеждаться в последние годы как раз в обратном – в полной беспомощности многих зарубежных исследователей и специалистов, когда речь идёт о понимании сути происходящего в бывшем СССР, в наивности и бесполезности (не говорю уже о вреде) их практических

рекомендаций, абстрагирующихся от нашей исторической специфики и от специфики современной ситуации. Естественно, это относится к представителям не всех школ и течений. По моим наблюдениям и наблюдениям моих единомышленников, зарубежные учёные и общественные деятели, работающие в рамках западной (!) марксистской (или – шире – социалистической) традиции гораздо лучше ориентируются в наших обстоятельствах и проблемах, чем другие. Однако и они вовсе не опережают по силе анализа и предвидения тех своих российских коллег-социалистов, которые сохраняли и сохраняют причастность к гуманистическим составляющим марксизма и к его методологии.

По поводу интеграции в мировую науку стоит, пожалуй, добавить вот что. Нетрудно заметить, что у нас в России бывшие штатные критики буржуазных теорий, а также штатные борцы за чистоту марксизма-ленинизма с ведущих университетских и партийных кафедр обернулись ныне ведущими миссионерами западной буржуазной науки, энтузиастами-пропагандистами её достижений среди российского «туземного» населения. Я принадлежу к той научной школе, которая никогда не эпигонствовала. Совместная исследовательская работа, а затем и практическая общественно-политическая работа убедили меня в том, что живая российская политэкономия есть и достижения её, её методы позволяют глубоко и своевременно раскрывать закономерности происходящего в нашей стране, осуществлять социальный прогноз, обслуживать практическое политическое действие.

И ещё одно замечание в порядке введения в работу. Если угодно рассуждать о путях развития отечественной общественной науки, политической экономии в том числе, в терминах интеграции в мировую науку, то имеет смысл обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство. Наука тоталитарного общества даже во многих лучших своих проявлениях не была полностью свободной от талмудизма, наукообразия, пустого теоретизирования. Творческое (то есть конкретно-исторически и практически ориентированное) применение марксистской

методологии, творческое освоение гуманистических идей пролетарских идеологов – такая интеграция в мировую науку весьма актуальна для исследователей, выросших в тоталитарном обществе, и ещё более актуальна для нового поколения, входящего в науку в условиях огульного оплёвывания марксизма, являющегося, как ни крути, высоким достижением западной и мировой науки.

Методология исследования, его цель и главная проблема

Взаимосвязь политики и экономики есть специфический объект политической экономии, что собственно и отражается в названии этой науки.

Экономические работы периода сталинизма и так называемого застойного времени за редким исключением лишь считались политико-экономическими, а на деле носили характер сугубо экономический и даже технико-экономический. Попытки восстановления политического подхода к проблемам хозяйственного руководства и реформирования хозяйства предпринимались в СССР рядом экономистов в 60-е годы, но затем были потоплены в массе разработок *неполитической* (вне-, или надисторической) экономии. К такому типу, в частности, относятся экономико-математические, экономико-кибернетические исследования, все упражнения в рамках изобретения системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Потребность возрождения политической экономии как отрасли знания с собственным объектом исследования осознавалась в 80-х годах в постановке задачи перехода к различным формам междисциплинарного подхода (таким, как изучение социального механизма функционирования экономики, создание экономической социологии и т.п., а в своих наиболее примитивных вариантах – как необходимость использования отдельных методов, отдельных приёмов других наук для изучения экономических процессов).

Междисциплинарный подход (исследование на стыках наук) был положительным шагом в развитии методо-

логии, положительным в том отношении, что он противопоставился подисциплинарному подходу. Если сказать то же самое иначе, междисциплинарный подход – это стремление уйти от метафизики, проведённой последовательно и до конца. Это попытка преодолеть кризис метафизики. Но междисциплинарный подход является такой попыткой с негодными средствами. Он отрицает крайнюю метафизику. Он ищет компенсированную метафизику, потому что он объединяет, увязывает всё-таки разъединённые научные дисциплины. Междисциплинарный подход исходит, чего греха таить, из представлений о мире (об объекте исследования) как о сложенном из отдельных составных частей, связь между которыми при подисциплинарном подходе отражалась (познавалась) слабо, а при междисциплинарном подходе познаётся гораздо полнее.

Сторонники междисциплинарного подхода гордятся своими достижениями и требуют поздравлений. Если бы эти достижения были представлены в XVIII и даже до середины XIX века, претензии на поздравления были бы обоснованными. Но с середины XIX века существует новый, хотя и забытый ныне многими, подход, обеспечивающий преодоление метафизики в общественных науках. Это *целостно-обществоведческий подход, основанный на диалектико-материалистической культуре мышления. С* позиций целостно-обществоведческого подхода междисциплинарные прорывы представляются заслуживающими внимания и заботливой товарищеской помощи, в первую очередь методологической.

Возьмём интересующий нас вопрос о соответствии политической системы и хозяйственной власти (экономики и политики). При междисциплинарном способе мышления подход к постановке этой проблемы выливается в схему:

1) что есть политика, как понимать политику, что входит в категорию «политика»;

2) как понимать экономику, что такое экономика;

3) как взаимодействуют экономика и политика.

При такой схеме как экономика, так и политика рассматриваются сперва по отдельности, и каждая из них для

другой представляется чем-то внешним. Экономика не присутствует среди тех противоречий, которые являются внутренними для политики, формирующими политические закономерности. Точно так же политика представляется находящейся вне внутренних противоречий экономики, а экономика – как имеющая свои, чисто экономические закономерности. Взаимосвязь экономики и политики выглядит при таком подходе как некая совокупность взаимных ограничений, внешних – вот в чем парадокс! – как для экономики, так и для политики.

Сам отмеченный выше генезис междисциплинарного подхода сохраняет за ним метафизическую ограниченность. И эта ограниченность ярко проявляется в том, что противоречия экономики и политики оказываются не присущими внутренне ни той, ни другой. Эти противоречия, эти взаимосвязи как бы ничему внутренне не присущи. Тем самым из поля зрения междисциплинарного подхода ускользает некая целостная реальность, для которой эти противоречия могли бы быть внутренними.

Целостно-обществоведческий подход в отличие от междисциплинарного не только указывает эту реальность, но имеет её в качестве своего универсального объекта и в известном смысле также предмета исследования. Эта реальность – *общество как целостность*. В этой целостности могут быть выделены в качестве предмета специального исследования те или иные стороны, свойства, отношения. Однако объект исследования по своей природе не сложен из отдельных свойств, сторон, отношений и не распадается на них. И с этим должна считаться методология исследований. Можно выделить предмет исследования, но не из объекта, а внутри объекта, то есть не отрывая предмет от объекта исследования. При целостно-обществоведческом подходе предмет всегда изучается в контексте объекта.

Именно этот контекст общества как целого обогащает изучаемый предмет такими характеристиками, которые отражают его реальные живые взаимодействия с другими сторонами общества. В результате при рассмотрении

политики на первый план выходит её сущностное свойство – то, что политика есть форма социальной практики, форма преобразования общества, форма его самопреобразования. Общественный контекст рассмотрения политики в полном объёме ставит вопрос о реалистичности политики и в этом контексте решается проблема определяемости политики экономикой как нахождение политики в пределах (в пространстве) общего соответствия экономике. Но и экономика есть сторона социальной практики. И в контексте общественного развития для экономики всегда злободневен вопрос о её социальной направленности, о её подчиненности общественным целям. Это так называемый вопрос о первенстве политики над экономикой. Для полной ясности следует напомнить, что целостно-обществоведческий подход прекрасно отражает непременное свойство реальной жизни: в ней ни одна из сторон общества не является раз и навсегда только причиной, а другая – только следствием. *Взаимодействие* разных сторон общества состоит в том, что в причинно-следственных связях эти стороны постоянно меняются местами. Точнее говоря, взаимодействие состоит в том, что они в реальной динамике являются друг для друга причинами и следствиями одновременно. Такое диалектическое взаимодействие и есть сущность целостности общества, его единства, его материальности, то есть его способности к саморазвитию.

И что же получается? Получается, что экономика не может быть рассмотрена иначе как политическое дело, то есть как реализация в сфере хозяйства интересов и соотношения разных социальных сил. Экономика не может быть изолирована от конкретно-исторических властных отношений в хозяйстве, точно так же, как от сложившейся трудовой этики, от сложившихся социальных ценностей (справедливости, защищённости и др.). При рассмотрении же политики нельзя абстрагироваться от принципиальной и конкретно-исторической обусловленности политики её *связями* с экономикой – экономической ситуацией, экономическими возможностями, с формами экономической жизни.

Все прежние (доперестроечные) попытки хозяйственного реформирования потерпели неудачу именно потому, что игнорировали взаимосвязь и взаимодействие (целостность) политических и экономических отношений и были (в точном соответствии с метафизическим подходом) попытками решить сугубо экономическую задачу – задачу повышения эффективности производства – без изменения типа властно-управленческих, то есть политических отношений. Кризис казарменной системы в СССР и особенно развитие ситуации по типу революции поставило взаимосвязь экономики и политики в центр общественного внимания. Проблема создания определённых политических предпосылок радикального (революционного) изменения всех общественных и прежде всего экономических отношений стала на своё место – как проблема исходного шага в цепи взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных преобразований.

Актуальность и практическая значимость общей теории взаимосвязи экономики и политики, адекватной реальности, определяются сегодня не только тем, что выход из кризиса явно затягивается. Такая теория нужна также (и в первую очередь) потому, что избранные варианты реформ сопровождаются огромными социальными издержками – резким снижением уровня жизни большинства населения, развалом производства, обострением социальных противоречий (так называемым усилением социальной напряженности). В полный рост встаёт вопрос о том, находятся ли вообще процессы, происходящие ныне в России, на линии выхода из кризиса или же они есть процессы углубления кризиса, перевода его в стадию общественной катастрофы. В полный рост встаёт вопрос о причинах огромных социальных издержек, о соответствии их как средств решения задач социально-экономической политики самим этим задачам.

Исследователь, работающий в рамках диалектико-материалистической культуры мышления и использующий методологию целостно-обществоведческого подхода, обращается в такой ситуации, естественно, не к поиску ме-

тодов перевоспитания и идеологического воздействия на «простых» людей, чтобы заставить их ещё подождать, потерпеть и поработать за гроши в ожидании лучшей жизни, и не к поискам способов ускоренного разведения «честных» предпринимателей для спасения Отечества. Он обращается к изучению закономерных взаимосвязей экономики и политики, к определению путей обеспечения их соответствия как к единственному средству, которым располагает общество для сохранения своей целостности в ходе целенаправленного самопреобразования и развития.

Важно подчеркнуть, что целостно-обществоведческий подход позволяет органически (а не искусственно, не как самоцель или дань моде) использовать подходы, результаты и языки других наук в том случае, если они обогащают методы и инструментарий политико-экономического исследования [4].

С учётом сказанного постановка цели нашего исследования взаимосвязи политической системы и хозяйственной власти выглядит следующим образом.

Цель исследования – разработка целостной политико-экономической концепции (теории) взаимосвязи экономики и политики, раскрывающей общие закономерности их взаимодействия и конкретно-исторические перспективы экономических преобразований в современной России.

Подчеркнём, что речь идёт о политико-экономическом исследовании, то есть оно ведётся в пределах профессиональной компетенции автора. При этом, применяя целостно-обществоведческий подход, мы выходим на результаты, которые могут быть использованы и экономистами, и людьми любых других профессий (в том числе политиками) как научно-теоретическая опора в деятельности по существенному изменению экономических отношений, а не в деятельности, скажем, по совершенствованию конкретных управленческих структур или процедур принятия политических решений. То есть мы получаем результаты, пригодные для использования всеми, кто так или иначе подготавливает, осуществляет и анализирует про-

ведение хозяйственных реформ, устанавливает новые экономические порядки, разрабатывает и осуществляет государственную социально-экономическую политику.

Само собой разумеется, что результаты нашего исследования пригодны как для тех, кто ставит и добивается тех или иных целей реформирования экономики, так и для тех, кто активно противодействует реформаторам. В этом особенность фундаментальной науки: она обслуживает всех субъектов гражданского общества, а не некоторых из них. Конечно, социально-классовая позиция исследователя делает результаты для одних субъектов гражданского общества более полезными, чем для других.

Постановка цели исследования в известной мере содержит и гипотезу о его результате, представление об облике его конечного результата. Мы полагаем, что возможная глубина, возможная степень радикальности экономических преобразований зависят не только и не в первую очередь от смелости и решительности политиков, от сугубо политических инструментов, которые они приводят в действие. Возможность тех или иных преобразований не является также фатально детерминированной состоянием самой экономики. Решающим фактором, который задаёт границы вариантности преобразований, является состояние общества в целом, а именно специфика стадии его развития – кризисная ли это стадия или стабильная. Однако это *решающий*, *но не единственный* фактор. Поэтому главную проблему исследования мы ставим следующим образом.

Главная проблема исследования – на основе раскрытия закономерных взаимосвязей экономики и политики выявить и обосновать объективные границы возможного преобразования экономических отношений (экономического строя) современной России, а в рамках этих границ – реально возможные качественно различные варианты их преобразования.

Главный практический (то есть политически ориентированный) результат исследования – обоснование реалистичной системы идей и принципиальных требо-

ваний к практике организованного действия тех социальных сил, которые заинтересованы в мирных демократических преобразованиях российской экономики, то есть в таких преобразованиях, которые направлены на вывод России из кризиса и на её дальнейшее развитие на основе и в условиях восстановления и роста уровня жизни населения, защищённости прав, свобод и интересов её граждан и народов. Другими словами, главным практическим результатом теоретического исследования взаимосвязи экономики и политики должно быть обоснование идеологии, стратегии и принципиальных требований к тактике действий в сфере экономических преобразований действительно демократических социально организованных сил.

Как уже сказано было выше, в данной статье излагаются результаты первого этапа исследования – общие контуры концепции взаимосвязи политической системы и хозяйственной власти, которая способна служить инструментом содержательного целенаправленного анализа и прогнозирования реальных процессов.

Устойчивость общества в процессе его развития

Общество развивается, меняется, утрачивает прежние свойства и приобретает новые. Перемены накапливаются и становятся определяющими, вызывая потребность глубоких качественных преобразований. Проблема обретения, сохранения и устранения тех или иных свойств и отношений и одновременно сохранения целостности общества – перманентная проблема. Эта проблема может быть осознана как *проблема устойчивости общества в процессе его саморазвития*. Устойчивость развивающегося общества есть функция гибкого (достаточно разнообразного) реагирования общественного целого на разнообразные воздействия и обстоятельства, угрожающие нарушением процесса его развития – дестабилизацией, разрушением, стагнированием.

Гибкое реагирование на внешние и внутренние воздействия (на языке кибернетики – «возмущения»),

обеспечивающее устойчивость *развивающегося* общества не есть гашение всех новых воздействий и обстоятельств, ибо это означало бы устранение источников развития. Точно так же устойчивость общества в процессе его развития несовместима с ситуацией, когда действуют механизмы, предотвращающие возникновение существенно новых свойств и отношений. Гашение или предотвращение всего разнообразия возникающего нового ведёт не к устойчивости общества в процессе его развития, а к его стагнированию. *Стагнирование* в отличие от устойчивости – это такое состояние общества, при котором сохранение его целостности или качественного своеобразия достигается ценой утраты способности к развитию, к самореформированию. Имеет также смысл определить более строго понятие «целостность», которое мы уже использовали. *Целостность* общества – это его воспроизводимость как единого социального организма на основе необходимой и достаточной для этого взаимосвязи (единства) составляющих его структур и процессов. Категории: дестабилизация, распад, разрушение определяют различные стадии или стороны нарушения целостности общества.

Революции и радикальные (революционные) реформы не грозят нарушением целостности общества, если продолжают действовать, своевременно видоизменяются механизмы, обеспечивающие его устойчивость. В противном случае возникает ситуация неустойчивости общества, которая проявляется в дестабилизационных процессах (система идёт «вразнос») как первой стадии нарушения целостности общества. Она чревата при прочих равных условиях распадом, а затем и разрушением общества – *социальной катастрофой*. Нас интересует в первую очередь проблема обеспечения устойчивости и причины неустойчивости общества в период смены качества общественно-экономической системы, то есть в период революции и революционных реформ.

Дестабилизационные процессы, которые имеют место сейчас в России, будут анализироваться нами – на следующих этапах исследования – исходя из гипотезы о

том, что не революция сама по себе является их причиной. Их причина коренится в том, что властвующие элиты не ставят должным образом и, естественно, не решают проблему сохранения целостности общества в процессе его качественного самопреобразования. (Эту проблему не следует путать с так называемой проблемой «единости и неделимости России» и вообще с судьбой какой-либо конкретно-исторической формы государственного существования данного общества.)

В периоды общественных кризисов задача обеспечения целостности общества может отрываться от задачи обеспечения его устойчивости в процессе развития, выводиться за пределы реальности, абсолютизироваться. Ситуация, требующая нового типа обеспечения устойчивости, и процессы, ведущие к нему, воспринимаются как разрушительные. Упускается из виду, не осознаётся в должной мере специфическая особенность кризиса – то, что он открывает возможность многовариантности будущего, возможность достижения устойчивости на разных основаниях (то есть возможность превращения в доминантные – формирующие новые качественные состояния – разных из имеющихся тенденций).

Устойчивость, целостность, стагнирование, развитие, разрушение, распад, дестабилизация – это категории, фиксирующие специфику определенных качественных состояний, реальных стадий функционирования общества. Эти категории могут и должны быть определены таким образом, чтобы не нести оценочной нагрузки с позиций тех или иных социальных сил, действующих в данном конкретном обществе. Другими словами, сущность и содержание этих категорий, по логике развиваемой нами концепции, инвариантны по отношению к разным научным школам и течениям, обслуживающим интересы разных социальных сил. Иной характер имеют такие категории, как прогресс, регресс, деградация. Оценка конкретно-исторического содержания общественных процессов как прогрессивных, регрессивных, деградационных не может быть однозначной, поскольку критерии оценки у разных социаль-

ных сил существенно различны вплоть до противоположности. На это обстоятельство необходимо специально указать потому, что мы переходим далее к рассмотрению проблем взаимосвязи политической системы и хозяйственной власти (экономики и политики), то есть переходим в область, где социальная позиция автора существенно влияет и на ход рассуждений и на выводы и где абстрагирование от социальной структурности общества, от действия в нём различных социальных сил является недопустимой абстракцией, пустой и неплодотворной.

Итак, *устойчивость (социальная устойчивость)* общества может быть теперь строго определена нами на содержательном уровне как сохранение целостности общества в условиях его развития, в том числе и в условиях его качественного (радикального, коренного) самопреобразования. Устойчивость достигается благодаря адекватной, в том числе своевременной реакции общественного целого (то есть благодаря адекватному изменению взаимосвязей между различными сторонами общественного целого) на внутренние и внешние воздействия и обстоятельства, на новое в этих воздействиях и обстоятельствах, а также на такую ситуацию, когда возникновение существенно нового заблокировано существующими взаимосвязями и отношениями.

Власть как способ обеспечения устойчивости общества

Взаимосвязь экономики и политики, их взаимные и объединённые реакции находятся в русле проблемы обеспечения устойчивости развивающегося общества. Устойчивость общества, социальная устойчивость – «рамочные» ограничения для взаимосвязей экономики и политики. Более того, их взаимосвязи и взаимодействия при нормальном функционировании общества (то есть при сохранении его целостности в процессе саморазвития) выступают средством и формой обеспечения устойчивости общества.

Объектом нашего исследования являются не все типы обществ (общественных формаций), а лишь такие, в которых имеет место *противоречивость* социально-экономических интересов и при прочих равных условиях *разнонаправленность* активности социальных сил, выражающих разные интересы. Иначе говоря, мы исследуем проблемы, относящиеся к функционированию обществ, которым свойственна социально-групповая (короче: социальная) структурность – классовая, внутриклассовая или же кастовая, сословная. В противном случае не имело бы никакого смысла говорить о политике, поскольку *суть политики (политических отношений)* – это взаимодействие различных социальных сил по поводу улучшения или сохранения достигнутого социально-экономического положения социальных групп, интересы которых эти социальные силы выражают и отстаивают.

Способ обеспечения целостности социально структурных общественных формаций, в том числе их целостности в условиях развития (устойчивости), называется ***властью***. Это самое общее определение власти, ее *сущностное* определение. Специфика власти как способа обеспечения целостности общества детерминирована именно противоречивостью социально-экономических интересов. Состоит она в том, что регулирование социального поведения членов общества – как ограничение, так и защита свободы их социального поведения – осуществляется при ведущей, доминирующей роли *внешних* (по отношению к ним как субъектам социального поведения) установлений.

Не буду обсуждать здесь вопрос о том, является ли утопией или же научным предвидением представление о возможности возникновения в будущем обществ, в которых отсутствует противоречивость социально-экономических интересов, то есть обществ, основанных на социально-экономическом равенстве. Однако в теоретических моделях обществ такого типа способ обеспечения целостности и устойчивости носит принципиально иной характер. Так, в теоретической модели общества, в котором реали-

зуется принцип «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» (то есть в теоретической модели коммунистической формации) в обеспечении единства общественного целого в процессе развития ведущая роль принадлежит внутренним нравственным установкам. Отсылаю читателя к одной из своих публикаций, в которой доказывается это теоретическое положение [5].

На уровне *содержания* (то есть на более конкретном уровне, нежели сущность) дефиниция власти должна указывать круг основных, устойчиво воспроизводимых, закономерных связей, в которых реализуется сущность власти. У нас есть теперь всё необходимое для определения главного содержания власти. ***Власть*** – это адекватный социально структурным обществам способ сохранения их целостности и устойчивости путем взаимоувязки социально-групповых интересов и действий социальных сил при ведущей (доминирующей) роли внешнего регулирования социального поведения членов общества.

Типы власти (демократия, диктатура)

Различные типы власти – это принципиально различные по характеру способы взаимоувязки интересов и действий социальных сил для обеспечения их однонаправленности (единства). Критерий необходимой и достаточной степени такого единства, то есть *критерий социальной эффективности власти* входит в данные нами выше определения сущности и главного содержания власти. Свидетельствами социальной неэффективности власти являются как неустойчивость (нарушение целостности) общества, так и его стагнирование. Устойчивость конкретно-исторического общества, достигаемая на основе действия внешних по отношению к нему регуляторов (то есть несамостоятельно), также есть свидетельство неэффективности власти в данном обществе как способа самоупорядочения (самоорганизации) политических отношений.

В конкретно-исторической организации социально-групповых отношений проявляются и фиксируются корен-

ные и текущие интересы той или тех групп данного общества, которой (которым) удалось обеспечить доминирование своих интересов – выдвинуть, закрепить и реализовать их в качестве приоритетных целей функционирования всего общества, подчинить этим целям общественную жизнь и развитие производства. Будем называть такую (или такие) группы доминирующими, руководящими или правящими.

Правовые нормы, формы и методы управления скрывают и реализуют разные по характеру и содержанию процессы взаимодействия, взаимоувязки социальных сил, с помощью которых устанавливается фактическое доминирование каких-либо (чьих-либо) интересов. История знает два противоположных типа их взаимодействия, *два типа власти – согласование* интересов и действий (демократия) и *подавление* интересов и действий (диктатура).

Диктатура: способы подавления социальных сил. Диктатуре адекватно обеспечение целостности общества при помощи подавления интересов и действий, расходящихся с интересами правящей социальной группы.

Правящая группа строит свои взаимоотношения с народом на основе непризнания самоценности социально-групповых, общностных и индивидуальных интересов, непризнания противоречивости общественных интересов и – в тенденции – непризнания какого-либо вообще разнообразия интересов.

В условиях пассивности, отсутствия сопротивления народа правящая группа способна взаимодействовать с ним, не применяя методов прямого подавления, открытого насилия, а просто игнорируя сформировавшиеся реальные интересы в обществе. Это игнорирование может осуществляться как в форме произвола (беззакония), так и в форме законодательного закрепления неравноправия и отсутствия свобод.

Диктатуре свойственны предельное ограничение свобод и прав всех, не входящих в правящую социальную группу, тенденция к полному их исключению и в этом смысле к уравниванию всех – уравниванию в несвободе,

тенденция к равенству несвободных. Отсутствие свобод и прав у народа, нивелирование условий жизни существенно ограничивают возможности развития личности (развития специфических индивидуальных способностей и потребностей). Прямое ограничение возможностей формирования и развития специфических интересов, формирования их многообразия (в тенденции – полное исключение таких возможностей) – это способ предотвратить активизацию народа, осуществлять диктатуру меньшинства в условиях так называемого морально-политического единства правящей группы и пассивного народа.

При активизации народа взаимодействие руководящей группы с ним приобретает форму прямого насилия, прямого принуждения к тем или иным способам жизнедеятельности вплоть до изоляции или уничтожения сопротивляющихся диктатуре. В случае капитуляции народа целостность общества, однонаправленность (единство) действий в нём устанавливаются на прежних основах. В случае равновесия противоборствующих социальных сил или же в случае капитуляции правящей группы перед более мощной социальной силой, выступающей против диктатуры, возникает *возможность* перехода к демократии.

Демократия: согласование интересов и действий. Демократии адекватно обеспечение целостности общества (в том числе его устойчивости) при помощи согласования противоречивых общественных интересов, то есть их взаимоувязка на основе признания нетождественности, разнообразия интересов и самоценности различных интересов.

Для исследования проблем демократизации в России важно понять, под влиянием каких факторов складываются способы согласования интересов, каковы здесь типы взаимодействия социальных сил. В этом отношении существенны два момента: степень противопоставленности интересов – антагонистичны они или нет; степень активности социальных сил, их соотношение.

При антагонизме интересов доминирующая группа вынуждается к взаимодействию с народом на *основах*

компромисса, если условия близки к равновесию социальных сил. Вынужденный компромисс (а не подавление) – результат высокой активности народа, давления с его стороны. Условия равновесия сил объективно требуют от правящей группы идти на частичное ущемление своих интересов, чтобы предотвратить смену доминанты в целевой ориентации общества, смену его качественного своеобразия. Именно в этом состоит социальный смысл компромисса. Компромисс фиксирует завоевания народа, меру отвоёванной им защищённости своих интересов, прав и свобод. Компромисс – это частичное или временное примирение конфликтующих, равных по силе сторон. Правящая группа, идя на компромисс, предотвращает дальнейшую активизацию народа, ослабляет его активность, компенсирует её ослабление гарантиями его прав и свобод.

В современном общественном сознании существует представление, что компромисс может достигаться и при неравновесии противостоящих социальных сил. Это иллюзия. На деле в упаковку якобы компромисса облекается капитуляция «слабой» стороны под давлением «сильной». Иллюзия компромисса возникает здесь из-за уступок сильной стороны по мелким, непринципиальным вопросам, лежащим вне области антагонизмов и даже, возможно, вне области противоречивости интересов.

Условия неравновесия антагонистических социальных сил всегда *чреваты переходом к диктатуре*, который сопровождается чрезмерным обособлением людей, осуществляющих властно-управленческие функции, превращением их по сути в правящую касту. Причём вероятность возникновения диктатуры высока независимо от того, выходцы из какой социальной группы, класса облечены властно-управленческими полномочиями. Условия неравновесия антагонистических сил чреваты перерождением *классово-демократического общества в казарменно-кастовое*. Буржуазная демократия сформировала способы предотвращения такого перерождения. Суть этих способов – *взаимоувязка прав и свобод, предоставляемых гражданам*, с *их обязанностями перед обществом*, *со-*

пряжение социальных гарантий и социальной ответственности. Разнообразные, подчас весьма «хитрые» механизмы контроля общества за выполнением своих обязанностей людьми и органами, осуществляющими власть и управление, позволяют до поры до времени сохранять демократические завоевания в ряде западных капиталистических стран и в условиях, когда социальная активность масс невысока.

При неантагонистичности противоречивых интересов существует возможность их согласования на основах преимущественно добровольного соподчинения, добровольного ранжирования, то есть путём установления сравнительной важности (приоритетности) тех или иных групповых интересов с точки зрения общих интересов взаимодействующих групп. Равновесие социальных сил обеспечивает реальность такого согласования. Условия неравновесия социальных сил чреваты обострением противоречий вплоть до антагонизмов, если интересы «слабых» не учитываются. Поэтому и при отсутствии объективных причин для антагонизмов требуется *социальная защита* (гарантии прав, свобод и интересов) тех, кто не обладает равными с другими возможностями отстаивать свои интересы. Нужна и взаимоувязка прав и свобод с обязанностями для предотвращения чрезмерного обособления каких-либо групп, замыкания их на своих интересах, перехода к методам подавления других социальных сил.

Условия неантагонистичности противоречивых интересов соответствуют (согласно теории) социалистическому обществу. Однако антагонизм основных социальных сил в буржуазном обществе и в казарменном псевдосоциализме не исключает наличия в них таких сфер, где взаимодействуют неантагонистически противоречивые интересы (группы) и где, следовательно, возможно добровольное соподчинение интересов.

Демократическое общество ограничивает с помощью внешнего регулирования свободу социального поведения граждан лишь в тех областях, где сталкиваются действительно противоречивые интересы. Демократиче-

ское общество не вмешивается во взаимоотношения людей, если несовпадение их интересов не достигает степени социально-экономической противопоставленности. Напротив, диктатура не различает подобных «тонкостей», продуцирует и навязывает нормы и правила поведения, а также детальные указания и там, где ничто не грозит ни целостности общества, ни его казарменному своеобразию.

Выделенные нами типы взаимоувязки социально-групповых интересов и действий социальных сил характеризуют демократическую и диктатурную организацию политических отношений, так сказать, в «чистом виде». В конкретных формах и методах управления различные способы согласования и подавления интересов и действий переплетаются, взаимодействуют, образуя реальное богатство общественной жизни. Абстрагирование от этого реального разнообразия необходимо для понимания социальной сути конкретных форм, для идентификации переходных состояний от диктатуры к демократии и от демократии к диктатуре, для выявления псевдодемократических хозяйственных отношений.

Демократия и диктатура как типы общественных формаций

Принято считать, что традиционная для марксистов типизация формаций – первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм – произведена по признаку характера собственности на средства производства. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не так. И уж во всяком случае из числа марксистов с отмеченными взглядами, без всякого сомнения, следует изъять К.Маркса, Ф. Энгельса и В.И Ленина, так как никто из них не пользовался категорией «собственность на средства производства». Эта категория, конечно, не лишена содержания, но она отражает лишь один из классов имущественных (субъектно-объектных) отношений. Экономические детерминисты в своих вульгаризациях марксизма непременно закрепляют

за собственностью на средства производства роль абсолютной первопричины характера (типа) общественных отношений, а тем самым и определителя характера формации. Целостно-обществоведческому подходу, который характерен для классиков марксизма, экономический детерминизм чужд, узок. Для классификации формаций целостно-обществоведческий подход (начиная с К.Маркса) использует более ёмкий признак – *степень свободы трудящихся в обществе* (свободы их социального поведения и развития). Она качественно разная у раба, крепостного крестьянина, наёмного работника.

Замечу, что в последовательно гуманистическом варианте идеологии и теории научного коммунизма различие социализма и коммунизма по степени реальной свободы личности определяет правомерность и необходимость считать социализм самостоятельной общественно-экономической формацией неэксплуататорского типа, исторически и логически первой из формаций в рамках коммунистической эры как реально возможного варианта будущего. Реального, но не единственно возможного. Антиподом этому варианту будущего являются формации диктатурного типа вплоть до крайних их форм – стагнации общества и вытеснения человечества на обочину прогресса разумной деятельности [6].

Степень свободы личности в обществах с социально-экономическим неравенством людей однозначно связана со спецификой доминирующих способов организации социально-групповых (политических) отношений. Этот признак, положенный в основу классификации общественных формаций, позволяет говорить о двух противоположных их типах: *классово-демократические и казарменно-кастовые (диктатурные).*

Мы воздерживаемся в данной статье от дефиниций кастового общества и касты. Нам достаточно, что кастовое общество и каста противопоставляются классовому обществу и классу. При этом к классово-демократическим обществам мы относим не только демократический капитализм (но вовсе не любые реальные общества, которые

принято считать капиталистическими), но и социализм в той его теоретической модели, в которой последовательно реализуется принцип «без демократии нет и социализма». Выдающиеся попытки рассмотреть фашистские (тоталитарные) общества в классовых категориях (например, М. Джилас. «Новый класс») сменились более успешными попытками использовать при рассмотрении категорию не класса, а касты (М.С.Восленский. «Номенклатура»). У нас есть наработки в этом направлении, но строгие формулировки и развёрнутые теоретические аргументы мы предъявим на завершающем этапе исследования, а не на стадии представления научной гипотезы. Замечу только, что переосмысление категорий «каста», «казарменно-кастовое общество» в таком направлении, что возникшие в XX веке тоталитарные общества квалифицируются как разновидности казарменно-кастовых формаций, подводит к необходимости переосмысления и понятий «класс», «классовое общество», «классовый о характер социальной структуры» и т.п. То есть по большому счёту требуется продвижение в теории социальной структуры. В основу такого продвижения я считаю возможным и необходимым положить Марксовы подходы, а не западные теории стратификации.

Общество, утвердившееся в СССР, относится к формациям казарменно-кастового типа. К этому же типу (непосредственно или в тенденции) относятся и многочисленные режимы диктатуры, то и дело возникающие в XX в. на базе частнокапиталистической или докапиталистической собственности и в Европе, и в Азии, и в Латинской Америке. Казарменная деформация социализма, казарменная деформация капитализма – в этих терминах слова «социализм», «капитализм» указывают лишь на специфику конкретно-исторических обстоятельств возникновения разновидностей казарменного общества, но не на различия в системе присущих ему общественных отношений. Ибо *главное в них однотипно* – монополизация власти и управления кастово обособившимся слоем, взаимодействие правящей касты с народом на основе игнорирования

его интересов, стандартизации условий и форм жизни, прямого подавления, насилия, принуждения. Определение специфики общества как казарменной *деформации* социализма фиксирует следующие его координаты в истории:

во-первых, фиксируется, что идеи социализма, хотя и овладели массовым сознанием, не были воплощены в жизнь, общество не «попало» в русло социалистического развития или же отклонилось от него;

во-вторых, фиксируется, что состояние общества позволяет перейти (или же вернуться) в русло социалистического развития, поскольку трудящиеся массы всё еще не утратили приверженность социалистическим по своему характеру идеалам.

В отличие от казарменной деформации социализма казарменное *перерождение* общества – это такая стадия, которая исключает возможность перехода (возвращения) в русло социалистического развития в связи с тем, что массовое сознание утратило социалистические идеалы и ценности. Социалистический вариант развития исключается до тех пор, пока социалистическая идеология не станет доминировать в общественном сознании и не найдёт опоры в массовых общественных движениях.

В современных казарменных обществах органически переплетаются отношения господства-подчинения, подобные ранее известным их формам (рабству, крепостничеству), с новыми скрытыми или откровенно антигуманными способами экономического и внеэкономического принуждения. Способность обществ казарменно-кастового типа воспроизводить старые способы уравнивания трудящихся в их несвободе, бесправии, нищете и социальной пассивности побуждает впрямую отождествлять их с какими-либо из прежних конкретно-исторических форм общества. Чаще всего в такую ошибку впадают люди, зараженные европоцентризмом. Они грешат тем, что пытаются «втиснуть» конкретно-исторический процесс в схему, порожденную обобщением пути, пройденного Европой. Отсюда и появляются такие поверхностные определения общественного строя, сложившегося и утвердившегося в

СССР, как «государственный капитализм», "военно-феодальный строй" и т.п.

Анализируя в 1987 г. проблемы перехода СССР к демократической организации общественных отношений, мы определяли специфику тогдашнего общества как казарменную деформацию социализма. И к началу 1990 г., когда наша работа была, наконец-то, опубликована, мы считали ещё возможным определять сложившийся в СССР строй как казарменную деформацию социализма [7]. Однако в дальнейшем в ход вступили факторы (не буду здесь на них останавливаться) [8], которые отсекли переход в русло социализма в качестве варианта развития, реально возможного в ближайшей исторической перспективе. Поскольку решающее действие этих факторов теперь очевидно, постольку правомерно выдвинуть гипотезу, что в СССР диктатура достигла стадии казарменного перерождения общества.

Если это верно, то каковы перспективы перехода России к буржуазной демократии? Не обречены ли мы в ближайший исторический период на модернизацию свойственных казарменному обществу командно-карательных механизмов в форме буржуазной диктатуры или в иных, новых формах? Степени укоренённости будущего России в её казарменно-кастовом прошлом – важнейшая из тех научно-практических проблем, которые относятся к взаимосвязи политической системы и хозяйственной власти в период поиска путей выхода России из современного кризиса.

Теория деформаций и перерождений социализма, выдвинутая одной из советских политико-экономических школ (к которой я принадлежу) в конце 70-х годов и впервые опубликованная в 1988 г. [9], требует сегодня дальнейшего развития в связи с накоплением исторического опыта антифашистских (антиказарменных) революций и в связи с острой актуальностью возникшего перед странами бывшего советского блока исторического выбора между радикально-буржуазной диктатурой (бело-коричневые), попятным движением к восстановлению власти прежнего

(сталинистского) типа и притязаниями на власть открыто фашистских сил.

Экономическая политика (политические отношения в экономической сфере)

Тип власти, доминирующий в обществе, формирует характер конкретных процессов и отношений во всех сферах общественной жизни, где устойчивые различия в интересах и в направленности действий людей восходят к социально-групповым различиям. Экономическая жизнедеятельность, несомненно, относится к таким сферам. При этом социально-групповой уровень взаимодействий (столкновений) интересов носит в экономической сфере наиболее устойчивый, долговременный характер. Тем самым политический характер взаимоотношений и взаимодействий является органически присущим экономике. Это даёт нам основания обобщить круг политических отношений в экономической сфере категорией «экономическая политика». Экономика – дело политическое: вот краткая формула, выражающая эту же мысль. ***Суть экономи**ческой* **п***олит***и***ки (***п***олит***и***чес***ки***х* **от***ношений* **в** *экономической сфере)* состоит во взаимодействии социальных сил, выражающих и отстаивающих интересы социальных групп по улучшению или сохранению достигнутого ими положения в общественном производстве.

Подчеркнём, что эта формула определяет экономическую политику именно на уровне её сути, а не конкретных механизмов, конкретных инструментов, которые приводятся в действие теми или иными социальными силами для реализации соответствующих интересов (таких, например, механизмов и инструментов, как государство, общественные движения и др.).

Собственность как власть в хозяйстве

Выше была раскрыта главная линия взаимосвязи политики и власти в обществе. Такова же их взаимосвязь в экономике: власть в хозяйстве – средство, которым обще-

ство располагает для упорядочения политических (социально-групповых) отношений в экономической сфере. ***Власть в хозяйстве*** (властные отношения в хозяйстве) – это способ обеспечить функционирование общественного производства (общественное воспроизводство) как основы сохранения целостности и устойчивости всего общества путём взаимоувязки социально-групповых интересов и действий социальных сил при ведущей роли внешнего регулирования поведения субъектов хозяйственной жизни.

Как видим, это определение исходит из того, что критерий эффективности власти в хозяйстве лежит вне его, то есть целостность и устойчивость мы рассматриваем как характеристики общества в целом, а не как характеристики производства (воспроизводства) как такового.

В политической экономии, строящей систему своих категорий на основе целостно-обществоведческого подхода, власть в хозяйстве называют собственностью. Понимание собственности как власти в хозяйстве позволяет фиксировать проявление специфики политических отношений данного общества на уровне сути способа производства, то есть отражает феномен соответствия экономики и политики, их единства и взаимоперехода.

Собственность как действительная власть в хозяйстве реализуется в фактическом руководстве, управлении хозяйством, в распоряжении его результатами, а также в распределении между членами общества социально-экономической ответственности (риска) за результаты хозяйствования в соответствии с конкретно-историческими интересами субъектов реальной хозяйственной власти. В противоположность такому видению «чистые» экономисты (не политэкономы) и, как правило, юристы-прагматики сводят собственность к имущественным отношениям, то есть рассматривают собственность как отношение к наличному общественному богатству, к ресурсам – как право владеть и распоряжаться имуществом, получать доход от его использования. При такой позиции совершается отрыв экономики от политики.

В России монополия прежней номенклатуры на политическую и хозяйственную власть подорвана. К кому переходит власть на производстве, кто становится субъектом хозяйственной власти – этот признак является главным для понимания основного социального смысла экономических реформ. Но именно вопрос о распределении хозяйственной власти идеологи начатых в России реформ стараются всячески затушевать.

Понимание собственности прежде всего как власти в хозяйстве вытекает из цельного представления об объективной сути единства свойственных обществу хозяйственных явлений и процессов. Собственность оказывается научной категорией, которая ухватывает (интегрально характеризует) место экономики как системы объективно имеющихся у общества средств достижения своих целей. Момент социальной направленности, целеподчинённости экономики (её подчинённости доминирующим в данном обществе социально-групповым интересам) – вот что оказывается главным в категории «собственность».

Все характеристики двух противоположных типов власти, которые были приведены выше, относятся в равной мере и к хозяйственной власти. Имея в виду эти различия, правомерно говорить о демократической хозяйственной власти, или, что то же самое, о собственности демократического типа и об её антиподе – о хозяйственной власти (собственности) диктатурного типа.

Народно-демократическая и буржуазная власть в обществе и в хозяйстве

В идейно-теоретическом обосновании экономических реформ, проводимых в России, демократизация экономических отношений отождествляется с переходом к рынку, причём необходимой предпосылкой рыночных отношений объявляется частная собственность, в том числе и прежде всего собственность частно-капиталистическая. В свою очередь сам рынок возводится в ранг необходимой предпосылки и даже причины перехода к демократической

политической системе: считают, что расширение сферы действия рынка, товарно-денежных механизмов, необходимость защиты свободы экономического поведения частных предпринимателей неизбежно (чуть ли не автоматически) приведут к демократизации политической системы.

Согласно этим представлениям выстраивается следующая субординация, логическая последовательность преобразований: приватизация (формирование субъектов рынка) – развитие рынка (от «дикого» к «нормальному», «цивилизованному») – формирование демократической политической системы. В такой логической цепочке политическая демократия оказывается следствием экономических преобразований. Способом же сдвинуть всю цепь преобразований в нужную сторону и обеспечить, как говорят идеологи реформ, «переход в точку невозврата» объявляется так называемая сильная власть, главная функция которой – преодолеть сопротивление рыночным реформам. При этом вопрос о характере этой сильной власти (то есть демократическая она или диктатурная) предпочитают не обсуждать, так как стыдливо признают, что матерью рыночной демократии должна стать диктатура [10]. В то же время открыто говорится о том, что широкая социальная база новой власти, осуществляющей рыночные реформы, сейчас отсутствует и возникнет лишь после приватизации в лице нового слоя частных собственников. Тем самым при так называемых радикальных рыночных реформах складывается ситуация, много раз осмеянная критиками большевистских методов: народ не готов к счастью, но зато есть авангард (по существу самозванный), который не только готов, но и намерен во что бы то ни стало и даже насильно привести народ к счастью.

Насколько верны изложенные выше представления о необходимости, неизбежности «сильной» власти (методов диктатуры) как исходного звена при переходе от старого казарменного общества к демократическому, как способа приобщения большинства населения к новым формам экономической жизни? Можно сформулировать этот вопрос более резко, а именно: является ли новая диктату-

ра (насилие, принуждение со стороны новой власти) необходимым способом перехода к демократии?

Если рассуждать чисто теоретически, без учёта особенностей избранного новой властью конкретного варианта будущего социального устройства России, то на этот вопрос следует ответить отрицательно. Результат, как известно, является функцией от средств, а потому характер применяемых средств определяется (не оправдывается (!), а определяется) целью. Применение средств (методов), не адекватных цели, приводит к результатам, существенно отличным от неё. Но попробуем посмотреть на проблему иначе. Возможно, никакого несоответствия целей и средств вовсе нет. Возможно, сама цель – переход к рыночной экономике через приватизацию, через создание *частно-капиталистической власти* в хозяйстве – на самом деле *не так уж и демократична*, как это изображают сторонники начатых реформ. А если так, то нет и никаких серьёзных противоречий между целями и методами реформирования, между характером политической системы и изменениями в системе хозяйственной власти в нынешнем переходном периоде.

Чтобы аргументировать этот тезис, необходимо прежде всего различить *две разновидности обществ с рыночной экономикой: основанные на эксплуатации* и такие, в которых *эксплуатация исключена как массовое, устойчивое явление, формирующее социальную структуру).*

Суть эксплуатации состоит в отстранении (отчуждении) трудящихся от власти в обществе и в хозяйстве, от управления общественным производством и от распоряжения результатами производства и труда, вследствие чего реальные собственники (то есть те, кто монополизировал власть) получают возможность присваивать часть национального богатства, не участвуя в его производстве.

Такое понимание эксплуатации значительно отличается от её понимания как присвоения результатов чужого труда, прибавочной стоимости. Отличается в том смыс-

ле, что присвоение результатов чужого труда рассматривается нами, во-первых, как эксплуатация в узком, сугубо экономическом смысле и, во-вторых, как следствие определённой системы властных отношений, так что отсутствие такого присвоения (например, возвращение доходов от собственности через каналы перераспределения трудящимся) не меняет эксплуататорский характер общества, если не созданы гарантии устойчивости такого перераспределения. А гарантией его устойчивости может служить только изменение системы властных отношений в сторону преодоления отчуждения трудящихся от власти, управления и распоряжения результатами общественного производства и труда.

Для однозначного понимания данного нами определения эксплуатации сделаем ещё два пояснения.

Первое пояснение. Что такое «трудящиеся»? Это слово стараются нынче вывести как из обыденного, так и из научного словаря. Однако отказ от старых терминов не означает, что исчезло само явление. Трудящиеся – это люди, трудовое участие которых в общественном производстве является необходимым источником средств их существования и фактором, определяющим их личное социально-экономическое положение, положение членов их семей. Применяемые сейчас способы приватизации с использованием акционирования и ваучеризации дают трудящимся (если дают) небольшую добавку к трудовому доходу в форме дивиденда. Реформаторы утверждают, что владение несколькими акциями или ваучер, сданный в инвестиционный фонд, превращают человека в собственника. Получается, что будто бы поголовно всё или почти всё население России стали собственниками. Эта демагогия сейчас уже не проходит, хотя в 1991 и даже в 1992 году многие надеялись стать собственниками в результате раздела народного богатства. Владение одной-двумя акциями, даже голосующими, не даёт реального доступа к управлению предприятием, не обеспечивает сколько-нибудь заметного влияния на принимаемые решения и не определяет личное социально-экономическое положение

человека и его семьи. Такие владельцы акций по главным признакам своего положения в обществе являются трудящимися, а не собственниками, причём эксплуатируемыми трудящимися. Исходя из сказанного, к трудящимся мы относим: наёмных работников, у которых нет вообще акций, долей, паёв на предприятиях; наёмных работников, имеющих несущественную добавку к трудовому доходу в форме дивиденда; работников индивидуального труда (владельцев личных или семейных предприятий); работников коллективного труда, то есть трудящихся-совладельцев своих предприятий.

Второе пояснение. В доказательство якобы ненаучности или бессмысленности (по крайней мере устарелости) понятия эксплуатация приводят часто факты участия собственников-капиталистов в управлении фирмами. Говорят, что доход капиталиста есть форма оплаты его труда. Действительно, на практике имеет место выполнение владельцами предприятий целеполагающих, менеджерских или иных функций организации производства, сбыта и пр. Однако поскольку возможность присвоения части национального богатства, созданного чужим трудом, сохраняется частными владельцами как субъектами хозяйственной власти, постольку сохраняются отношения эксплуатации. При этом в частном случае эта власть может и не реализовываться в непосредственном присвоении дохода от собственности (то есть в эксплуатации в узком, сугубо экономическом смысле). В то же время за высокой оплатой каких-либо полезных для производства функций, выполняемых капиталистом-собственником, может скрываться фактическая экономическая эксплуатация в случае непропорциональности оплаты такого труда реальному трудовому вкладу, в случае существенного завышения размера дохода по сравнению с ценой такого же труда на рынке труда.

В обществах с рыночной экономикой и с собственностью (хозяйственной властью) эксплуататорского типа экономическая демократия как способ согласования интересов и действий охватывает сферу

взаимодействия хозяйствующих субъектов (сферу рыночных отношений), она вполне удовлетворяется механизмом рынка, на котором имеет место равноправие хозяйствующих субъектов в сфере покупки ресурсов производства (формально равная их доступность для всех субъектов рыночных отношений). Действие же демократических механизмов власти *внутри хозяйственных звеньев* не является закономерностью такого общества.

Собственность как власть в хозяйстве – это «клеточка», основа всех хозяйственных отношений. Собственник является монополистом власти в пределах своей собственности. Такой – *частный* – характер собственности (обособленность хозяйственной власти, её отгороженность и её неделимость в определённых границах) и есть основа, питающая тенденцию к диктатуре в масштабах всего общества.

При стихийном (свободном) рынке монополия на власть в звене хозяйства проявляется как диктатура (деспотизм) хозяина и подкрепляется специфическим характером техники, технологии, организации производства (технико-технологическим деспотизмом). А в пределах общества в целом, где действуют многие хозяева, имеет место их взаимодействие на основе конкуренции, на основе равноправия частных хозяев-диктаторов. Это и есть демократия рыночного хозяйства, экономическая демократия частных собственников-капиталистов (исторической аналогией такой демократии можно считать античную демократию собственников-рабовладельцев).

Конкуренция как механизм рыночного взаимодействия частных собственников – это борьба за расширение сферы своей монополии, сферы неделимой хозяйственной власти. Итог конкуренции – концентрация власти в хозяйстве, нарастание основ монополизма во всей хозяйственной жизни [11]. Узурпация власти в экономической сфере неизбежно порождает претензии субъектов концентрированной хозяйственной власти на руководство всеми сферами общественной жизни, на неконтролируемую политическую власть. Так из частной (частно-капиталисти-

ческой) собственности и из стихийного (свободного) капиталистического рынка вырастает политическая диктатура.

Политическая диктатура может использовать цивилизованные по форме, законные методы. Однако при их помощи могут проводиться антигуманные преобразования вплоть до таких, как глобальные структурные перестройки экономики, широкая насильственная приватизация и пр., которые под эгидой Международного Валютного Фонда и других международных организаций осуществляет сейчас международный капитал, принося в жертву своим интересам национальные экономики многих стран и оттесняя в резервации значительную часть производительного населения планеты.

Корень устойчивой демократии, и притом не ограничивающейся сферой рыночных отношений, *следует искать в демократизации самого производства.* ***Без производственной демократии*** *не может быть прочной*, *необратимой демократии в обществе*. Производственная демократия – антипод полновластию, диктатуре хозяина-собственника. Не случайно опыт показывает, что собственник и управленец на частно-капиталистических предприятиях прибегают к тем или иным формам допущения трудящихся к властно-управленческим функциям в крайних случаях, в ограниченных размерах, под давлением чрезвычайных обстоятельств, в том числе под давлением борьбы самих трудящихся. Полноценная производственная демократия является для современного капиталистического мира исключением, а не правилом, существует как эксперимент типа мастерских Веры Павловны из известного российскому читателю романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Демократия останавливается как у глухой стены у границ частной собственности. Противостоять политической диктатуре, вырастающей из частно-капиталистического рыночного хозяйства, невозможно экономическими способами. Для преодоления тенденций буржуазного общества к диктатуре требуется постоянное давление общественно-политических движений, отстаивающих демократию [12].

В обществах с рыночной экономикой и с собственностью (хозяйственной властью) неэксплуататорского типа экономическая демократия как способ согласования интересов и действий закономерно должна охватывать как сферу взаимодействия хозяйствующих субъектов (сферу рыночных отношений), так и сферу самого производства. Экономическая демократия в развитом, полноценном виде – это власть трудящихся в хозяйстве, или (что то же самое) народно-демократическая собственность.

При любых возможных разновидностях неэксплуататорской (народно-демократической) собственности её главную, сущностную черту следует усматривать в реальном доступе к осуществлению властно-управленческих функций в хозяйстве (начиная от постановки целей общественного производства и кончая распределением его эффекта) всех и только трудящихся или же их полномочных и подконтрольных им представителей. Это открывает возможность устойчивого и в массовом масштабе распределения результатов труда пропорционально трудовым вкладам участников производства. При таких общественных отношениях трудящиеся *станут одновременно и собственниками*, то есть *неэксплуатируемыми трудящимися.* В рамках хозяйственного звена народно-демократическая собственность реализуется в самоуправлении трудового коллектива, причём оно возможно как на базе коллективной, так и на базе государственной формы собственности [13].

Необходимым и важнейшим фактором формирования и функционирования народно-демократической власти в хозяйстве является защита обществом (и прежде всего демократическим государством) личных свобод и прав каждого участника производства. Произвол, деспотизм коллектива по отношению к отдельным работникам, отдельным социально-профессиональным группам, нарушение их прав, подавление их интересов и ограничение их свобод в угоду коллективно-корпоративным интересам или же в угоду каких-либо групп, обособившихся в рамках кол-

лектива, способны заместить собою деспотизм казарменного государства или частного хозяина, стать ещё более безжалостными, чем они. Именно поэтому народно-демокра-тическая модель управления предприятием может существовать как устойчивый (а тем более как доминирующий в обществе) хозяйственный уклад только в том случае, если не противоречит типу политической власти в обществе. Наибольшее соответствие достигается при народной демократии – народно-демократическом государстве и народно-демократическом гражданском обществе. Другими словами, наибольшее соответствие достигается при реальном доступе (реальном представительстве) всех социальных групп трудящихся к осуществлению властно-управленческих функций в обществе, в том числе к целеполаганию и к выбору стратегии и тактики достижения целей. Это *необходимая политическая основа* утверждения неэксплуататорского характера отношений в хозяйстве.

Не исключено, что народно-демократический хозяйственный уклад может развиваться (но уже не как доминирующий в обществе) и при последовательной буржуазной демократии. Можно предположить, что в этом случае народно-демократический уклад существует как «примесь», придающая частно-капиталистической экономике черты смешанной. В обстановке буржуазной диктатуры и, по всей видимости, в обстановке государственно-монополи-стического, но демократического капитализма народно-де-мократический уклад может длительно существовать толь-ко как своеобразная хозяйственная резервация, допущенная и даже поддерживаемая классом частных собственников (настоящих хозяев общества) в декоративных целях, как хозяйственная экзотика, демонстрирующая якобы терпимость и демократизм в целом жёсткого управления.

Противники народно-демократической собственности как заметного хозяйственного уклада (не говоря уже о большей его роли в экономике) утверждают, что условием существования рынка является частная собственность,

что без приватизации не может быть нормального рынка, подлинной конкуренции, не разовьются предпринимательские мотивации. Мы считаем, что в экономической науке советского периода (в частности, в работах 60-70-х годов, выполненных сторонниками концепции планомерного товарного хозяйства) содержатся достаточные теоретические доказательства следующего положения: условием рынка, товарно-денежных отношений является обособленность (хозяйственная самостоятельность) производственных звеньев, а вовсе не частная собственность, которая есть лишь *одна из социальных форм хозяйственной обособленности*. Для нормального функционирования рынка требуется не приватизация как таковая, а превращение хозяйствующих субъектов из декоративных в реальные, то есть необходим и достаточен отказ от тотального командного регулирования. Другими словами, должен быть изменён характер взаимоотношений общества (государства) с предприятиями. При этом социальная организация самого предприятия может быть разной, то есть полноценными контрагентами рыночных отношений могут быть как звенья, работающие на основах производственной демократии, так и звенья с недемократическим (диктатурным) самоуправлением.

Гораздо более существенной практической проблемой в период выхода из казарменного строя, нежели противодействие становлению народно-демократического уклада, является противодействие тенденциям модернизации диктатуры, утверждению новых её форм. Здесь требуется ясное осознание того, что товарно-денежные отношения вовсе не являются несовместимыми с диктатурой. Они не только могут существовать, но неизбежно существуют и при демократии, и при диктатуре. Другое дело, что для казарменных обществ типа утвердившегося в СССР характерно насильственное ограничение сферы *законного* действия рыночных механизмов. Однако деформированность (в казарменном духе) механизма обмена деятельностью в обществе и способов соизмерения вкладов в общественный эффект вовсе не означала уничтоже-

ния рынка. Теневая экономика и фондирование, коррупция и дефицит, спекуляция, нетрудовые доходы, детальная регламентация, обязательные поставки – это был наш, казарменный рынок.

Есть все основания полагать, что диктатура способна использовать оживление рыночных отношений для собственного обновления, что она способна «вырастить» товаропроизводителя, сфера интересов которого ограничивается собственным экономическим благополучием, процветанием своего предприятия и которому нет никакого дела до карательных акций диктатуры по отношению к своим политическим противникам, до ограничения гражданских, трудовых прав человека и т.п. В то же время ничто не может гарантировать устойчивого благожелательного отношения диктатуры и к свободе экономического поведения товаропроизводителей. Связывать надежды на демократизацию лишь с расширением сферы законного действия рыночных отношений так же неверно и так же схематично, как отождествлять диктатуру с планомерностью и ведением хозяйства на основе плана.

Представления о политической демократии как автоматическом следствии перехода к рыночной экономике, основанной на частной собственности и капиталистическом предпринимательстве, есть не что иное, как современное издание экономического, вульгарно-материалистического детерминизма, присущего господствовавшему в советском обществоведении апологетическому направлению. Это направление неспособно было освоить идею многовариантности будущего и объявляло коммунизм неизбежным светлым будущим всего человечества, к которому человечество непременно придёт в результате развития производительных сил.

Институты, механизмы и субъекты власти

Понятие «власть» чаще всего ассоциируется с государственной властью. Такая ассоциация вполне объяснима, если она порождена реальностями диктатуры. И для

нашей прежней казарменной системы, и для буржуазной диктатуры характерна ситуация, когда государство является главным институтом власти, государственное управление – механизмом реализации властных отношений, а субъектами реальной власти выступают государственные органы, а также их доверенные лица во всех общественных и экономических структурах – от директоров предприятий до секретных агентов органов государственной безопасности.

В демократических обществах картина иная. Демократическое общество не может обойтись без государства. Имея в виду это обстоятельство, справедливо даже говорить, что демократия – это один из типов государства. Однако точнее, строже следующее определение: демократия (буквально – народовластие) есть такой тип, способ организации социально-групповых (политических) отношений, при котором установление, правовое закрепление и государственная защита (защита законом, судебной властью и пр.) личной свободы и равноправия граждан составляют предпосылку осуществления власти и управления как воли большинства активных граждан и в этом смысле как народовластия.

Такое понимание специфики демократии, демократического общества соответствует и историческим реальностям, и теоретико-прогностическим концепциям, в которых институты, механизмы и субъекты власти существуют *и в государственных, и в негосударственных формах*. Тесно взаимодействуя и взаимообусловливая друг друга, они обеспечивают не только сохранение целостности общества в процессе его развития, но и саму возможность развития по критериям прогресса, фиксирующим интересы большинства активных граждан.

Для целей, которые поставлены перед данным докладом, не нужно описание всей системы институтов, механизмов и субъектов власти демократического общества, детальная их классификация. Достаточно указать пока лишь на следующие моменты.

Демократическому обществу органические присущ

в сфере экономики такой институт, как самостоятельность хозяйственных звеньев и, соответственно, самоуправленческие механизмы, опирающиеся на законы демократического государства, которые подчиняют деятельность звеньев общегосударственным (общественным) интересам и одновременно защищают свободу их экономического поведения в рамках законных границ.

Демократическое общество не может сохранить своё демократическое своеобразие, если в нём не действует такой институт, как общественные и общественно-политические движения. Осознание общности интересов, самоорганизация, выдвижение соответствующих этим интересам требований, концепций, программ, борьба за их реализацию – как путём давления «снизу» на государственную власть, так и при помощи механизма представительства социально-групповых интересов на уровне государственных властно-управленческих структур – всё это тоже механизмы реализации демократической власти. Социальные субъекты, выражающие и отстаивающие социально-групповые интересы, существуют и действуют в многообразных формах, позволяющих организованно вступать в контакты с другими субъектами гражданского общества, в союз или в противоборство с ними. Профессиональные союзы, объединения предпринимателей, политические движения и партии – типичные субъекты властных отношений гражданского общества. Они также нуждаются в демократических законах, в защите государством своих прав и свобод.

Особенности народно-демократической системы управления хозяйством

Систему управления правомерно рассматривать как механизм реализации властных отношений, как реализацию фактического соотношения социальных сил в отправлении конкретных управленческих функций. Утверждение народно-демократической системы управления хозяйством в России предполагает не только слом старой,

командно-карательной системы руководства, соответствующей диктатуре, но и формирование новой системы управления – ***народно-демократического централизма***. Народно-демократический централизм мы понимаем как социальный механизм хозяйствования, адекватный народно-демократической собственности. Перечислим основные черты такого типа управления хозяйством. Они в совокупности являются *критерием*, по которому можно качественно (содержательно) оценивать степень демократичности хозяйственной власти и политической системы в целом.

1. Верховенство народа как организатора всей хозяйственной жизни.

2. Субординация функций и звеньев системы управления. Субординация функций – это подчинённость текущих решений стратегическим, а технико-экономических и экономических решений – социальным и социально-политическим. Субординация звеньев – это иерархия уровней управления (от народного хозяйства к хозяйственному звену). Субординация устанавливается при помощи норм и правил хозяйствования, которые должны выполняться в порядке государственной дисциплины.

3. Демократическое (коллективное в рамках закона) самоуправление звеньев хозяйства. Суть его в том, что решения принимаются теми субъектами хозяйствования (или их полномочными, подконтрольными им представителями), деятельность которых должна затем регламентироваться такими решениями. Функционирование в связи с этим управленческого аппарата, в том числе администрации предприятий, как исполнителей совместных решений субъектов хозяйствования (трудящихся, трудовых коллективов). Коллективно принимающие решения субъекты действуют как представители всего народа, поскольку они не нарушают, а соблюдают (проводят в жизнь) законы, ранее принятые полномочными представителями всего народа. В низовом звене коллективность управления означает вовлеченность всех трудящихся в управление, в среднем звене – определение стратегии и тактики хозяй-

ствования представителями низовых трудовых коллективов и т.д.

4. Равноправие субъектов хозяйствования во всех областях, влияющих на эффективность производства (обеспечение ресурсами, сбыт продукции и пр.), независимо от формы собственности и хозяйствования, если она не запрещена законом.

5. Верховенство закона в регулировании всех конкретных социально-хозяйственных процессов, в обеспечении социальной защищённости интересов, прав и свобод трудящихся, трудовых коллективов.

6. Целостная система государственного гарантирования законных интересов, прав и свобод трудящихся, трудовых коллективов в хозяйственной сфере.

Какие именно права, свободы и интересы подлежат государственной защите, каков механизм гарантирования – проблемы, решение которых неизбежно должно носить отпечаток конкретно-исторических задач и обстоятельств. Можно, однако, выделить ряд принципиальных элементов этой системы, адекватных народной демократии. Это, во-первых, защищённость инициативы, самостоятельности, предприимчивости и вообще любых хозяйственных действий при условии выполнения установленных в законном порядке норм и правил хозяйствования. Необходима, в частности, защита прав трудовых коллективов и индивидуальных субъектов хозяйствования на свободный выбор форм организации производства и труда, форм ведения хозяйства (в рамках ограничений, наложенных законом). Это, во-вторых, защищённость права на труд как права каждого на посильную и полезную обществу работу, на свободный выбор и перемену форм занятости из числа допускаемых законом. Должна обеспечиваться также социальная защищённость рабочего места и общественно нормального уровня трудового дохода при выполнении норм и правил, установленных в законном порядке. Это, в-третьих, защищённость свободы объединения трудящихся и трудовых коллективов в полноправные ассоциации (организации, союзы и пр.), выражающие и отстаивающие со-

циально-профессиональные, демографические, национальные и любые другие специфические интересы людей в сфере труда, хозяйствования и во всех других сферах жизни. И, наконец, ещё один непременный элемент системы государственных гарантий, без которого народно-демократический централизм немыслим, – защищённость прав трудящихся на организованный мирный протест против сложившихся социально-экономических условий труда, хозяйствования и трудоустройства, на разнообразие форм такого протеста (разумеется, в рамках ограничений, наложенных демократически принятыми законами), включая право как на экономические, так и на политические забастовки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К отечественной науке в данном контексте не относится деятельность тех людей, занятых в научных и особенно в учебных учреждениях, которые занимались преимущественно переписыванием или пересказыванием произведений Маркса-Ленина-Сталина и последующих руководителей КПСС, толкованием и пропагандой решений партии и правительства.

2. «Наука в целом и любая её специальная отрасль возникают и развиваются только потому, что человечество преобразует окружающий его мир. Все развитие человечества зиждется на его преобразовательной деятельности (практике), которой присущи такие моменты отношения человечества к окружающему и преобразуемому миру, как цель преобразования, определение преобразуемых (осваиваемых) элементов мира и средств (способов) преобразования, получение результатов в ходе целесообразной практической деятельности. Практика, следовательно, включает в себя разностороннее ориентирование преобразователя в мире, который он переделывает по-своему или сознательно формирует. Наука и есть та сторона преобразовательной деятельности человечества, которая

обеспечивает ориентированность практики, включая целеполагание, оценку реальности и целесообразности активного воздействия на мир, а также соответствия его результата целям... Как и все другие науки, политическая экономия возникла и развивается для того, чтобы вырабатывать знания, позволяющие человечеству ориентироваться в прошлом, настоящем и будущем окружающего его мира и благодаря этому активно осваивать его, преобразовывать, предвидеть и сознательно формировать будущее." («Очерки политической экономии социализма». – М.: Наука, 1988, с.22).

3. Один из парадоксов нынешнего этапа развития российской экономической науки состоит в том, что в условиях революции некоторые умненькие мальчики усиленно рекомендуют нам деидеологизацию и деполитизацию экономических исследований, тогда как любой обыватель в условиях революции и революционных реформ поневоле становится политическим экономом. Как выразился один из лидеров рабочего движения, «нам теперь без политики никак нельзя, она у нас вместо картошки на полях растёт».

4. «Метод науки нельзя накопить впрок, а необходимо постоянно применять, как бы сохранять посредством применения, воспроизводить. Только такой способ «хранения" метода гарантирует его от обрастания догмами, от отрыва от реальности, от косности, обеспечивает развитие в соответствии с потребностями практики... Политическая экономия испытывает интенсивное воздействие на свой метод со стороны многих наук, в том числе естественных и технических. Опыт показывает, что контакт политэкономии с негуманитарными науками тем активнее и плодотворнее, чем свободнее её собственный метод от догматизма, чем прочнее связана политическая экономия с общественной практикой. Осознание и освоение политической экономией предлагаемых другими науками новых методологических подходов и решений происходит не путём механического перенесения этих подходов и решений на поприще экономических исследований, а путём диалек-

тико-материалистической и историко-материалистической переработки возможных методологических новшеств. В ходе этой переработки определяются конкретные исследовательские проблемы и задачи, которые могут быть решены применением новых методов, выявляются особенности изучаемого объекта и предмета исследований, которые необходимо учесть при применении новых методов. Попытки же механического перенесения, скоропалительного беспорядочного применения методов различных наук в политической экономии и прикладных экономических исследованиях вместо положительных результатов привносят суету и понижение достоверности выводов, дискредитируют в ряде случаев конкретные экономические исследования, отрывают их от политэкономии." (Ракитский Б.В. Политическая экономия социализма сегодня. – М.:Наука, 1989,с.22-23).

См.также: Метод политической экономии. – В кн.: Очерки политической экономии социализма. – М.: Наука, 1988, с.31-38.

5. Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. – М.: ВНИИСИ, 1986, с.26-37.

6. Подробнее см. в работе: Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса. – В сб.: «Экономика и общество (Истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития)» – М.: ВНИИСИ, 1983, с.3-21.

7. См.: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. – М.: Наука, 1990.

8. См. об этом: Ракитский Б. Россия моего поколения. – «Вопросы экономики». 1993, № 2.

9. См.: Очерки политической экономии социализма. – М.: Наука, 1988, с.57-65. См.также: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. – М.: Наука, 1990, с.20-29.

10. В ходу известная формула, что рыночная демократия означает «свободный рынок плюс сильная поли-

ция».

11. Проблема концентрации хозяйственной власти и возрастания монополизма требует более детального рассмотрения в связи с развитием акционерных форм собственности. Такой анализ должен быть вполне предметным, а не чисто теоретическим для современных российских условий, когда переход значительного числа акций в руки трудящихся является массовым явлением. Есть целый ряд обстоятельств, позволяющих прогнозировать скорую утрату трудящимися доставшихся им прав на участие в собственности предприятий и в управлении ими.

12. Развиваемая нами концепция далека от упрощённых представлений о механизмах взаимосвязи и взаимодействия экономики и политики, от прямолинейного понимания связи частно-капиталистической власти в хозяйстве с особенностями политической системы, с тенденциями к диктатуре в масштабах всего общества. Функционирование капитализма, расширение эксплуатации труда нуждаются в росте рынка потребительских товаров. Они нуждаются в предложении определённых видов труда, в развитии определённых качеств людей как рабочей силы. Капитализм нуждается также в разнообразии этих качеств, а отсюда – и в известном многообразии потребностей наёмных работников. Капиталистический класс нуждается, наконец, в юридической свободе граждан и, поскольку такая свобода дана, в политической и моральной поддержке с их стороны. В той мере, в какой для всего этого требуется изменение условий жизнедеятельности населения и в какой капитализм в связи с их изменением не рискует утратой своего социального своеобразия, растёт благосостояние трудящихся классов: повышается оплата труда, увеличиваются масштабы и каналы социальной помощи, совершенствуются формы бытовой и досуговой жизнедеятельности населения, обеспечиваются сохранение и развитие способностей людей к труду, облегчаются условия и расширяется содержательность труда. При капитализме появляются и юридические (формальные) гарантии равноправия и личной свободы,

трудящиеся вовлекаются в общественную и политическую жизнь. Всё это – аргу-менты против упрощённого понимания разнонаправленности интересов классов-антагонистов. Перечисленные социальные последствия капиталистического способа производства – подлинные достижения цивилизации, в которых реализуется единство потребностей в обществе, порождаемое зависимостью всех его членов от природы и друг от друга. Другое дело, что это – единство противоречивых (вплоть до антагонизмов) потребностей. Именно поэтому на каждом историческом этапе человечество вновь решает (причём, решает в социальной борьбе) одну и ту же проблему: преимущественно в чьих интересах пойдет дальнейшее развитие, каким будет классовый облик прогресса.

Существенно важным (и всё более важным) моментом, усиливающим настоятельность для человечества поворота к иному, нежели капиталистический, прогрессу, выступает необратимое в рамках капитализма специфическое развитие системы потребностей трудящихся масс. Его специфика – формирование потребительского характера системы потребностей. Тенденция к выведению «породы» человека-потребителя становится фактором и формой стандартизации личности, что прямо противоположно коренным интересам трудящихся – созданию общественных условий для их свободного гармоничного развития. Если говорить о современной России, то усилия по выведению такой новой породы россиян взамен прежнего советского человека очевидны, прямолинейны до примитивности, откровенно циничны.

Развитие потребительства, стандартизирующего личность, есть социальный механизм, которым обеспечивается минимизация социальной активности народных масс, переключение активности на достижение иных задач и ценностей, нежели солидарность трудящихся, организованная классовая борьба за свои права, свободы и интересы. Потребительская система ценностей, стандартизация личности, массовая культура, одинаковый (казарменный) образ жизни, социальная дезактивизация людей, как

не раз подтвердила история, – лучшая почва для распространения реакционной идеологии, социальной демагогии, для кризиса морали, для роста организованной преступности. В конечном счёте они являются социальной базой дегуманизации общества, произвольного манипулирования личностью, социальной почвой для утверждения фашизма. Они приводят также к появлению экстремистских или же утопических, бесперспективных для трудящихся форм протеста против такого общества – протеста люмпен-террористического или анархического, мелкобуржуазного толка.

Современное человечество, судя по всему, стоит на пороге актуализации следующего вопроса: что дальше делать с человеком, если он всё менее нужен производству, если технические средства требуют всё меньше живого труда для производства богатства в капиталистической форме, для сохранения господствующего положения руководящей элиты? Решение этого вопроса при сохранении антагонистической социальной формы производства видится однозначным – занять человека развлечениями, в том числе дать ему возможность развлекать себя никому не нужным, свободным от нравственной нагрузки творчеством, и дать ему при этом приличные средства существования и псевдоразвития, дабы он не взбунтовался. Ясно, что такой путь чреват социальной деградацией индивидов и деградацией человеческого общества как такового, ибо родовой признак человека – совместная созидательная, производящая условия своей жизни и условия своего развития (то есть общественно полезная) деятельность. Он чреват также такими эксцессами, как насилие, массовое уничтожение людей, резервации, когда число людей или их потребности начнут выходить за те пределы, которыми интересы руководящей элиты, её техника и её методы управления обществом ограничили потребление и социальную активность оттеснённых от управления и от производства масс.

13. О концепции самоуправления трудового коллектива на государственном предприятии как о форме реали-

зации народно-демократической собственности см.: Ракитская Г. Защита интересов трудящихся при реформе собственности. – Вопросы экономики, 1993, № 12.

Печатается по публикации:
Г.Я.Ракитская. Взаимосвязь политической системы и хозяйственной власти (общая теория и методология). — В периодическом издании «Перспективы и проблемы России» Выпуск 1. М.: 1994. Стр. 32-66.

1995

==========

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД В РОССИИ: СОВРЕМЕННАЯ СТАДИЯ ПЕРЕХОДА И ПРОГНОЗ

Что такое переходный период

Историческое своеобразие современного периода развития России обычно фиксируется как переходный период, причём с более или менее ясным указанием на радикальность и социальную направленность общественных преобразований: переходный период к рынку (свободному рынку, капиталистическому рынку); переход от тоталитаризма к демократии; переход от социализма к капитализму; переход к смешанной экономике (смешанному обществу) и т.п. Однако, если бы социальная направленность преобразований окончательно определилась и стала необратимой, это означало бы, что переходный (в строгом значении этого слова) период практически завершён и общество движется, развивается в избранном им новом русле.

Главные общественные противоречия и характер

взаимодействия (противоборства) социальных сил в постпереходный период существенно иные, нежели в переходный.

Когда выбор нового исторического русла сделан, завершён, центральными социально-политическими проблемами становятся:

а) для новых субъектов хозяйственной власти (новых собственников) – совершенствование политической системы в направлении, обеспечивающем целостность и устойчивость общества на новых основаниях, то есть на основе приоритетной реализации их социально-экономических интересов как собственников;

б) для субъектов, отстранённых от хозяйственной власти (несобственников), – формирование политических инструментов в направлении, обеспечивающем улучшение или хотя бы сохранение достигнутого ими социально-экономического положения в новом обществе; вопрос о радикальном изменении социальной структуры общества, то есть о радикальном изменении общественного положения групп, отстранённых от хозяйственной власти, если и не снимается окончательно, то откладывается, переводится из актуальных, первоочередных в ранг стратегических.

В переходный период основным вопросом, по которому идёт социальное противоборство, является как раз вопрос о социальной направленности преобразований – о характере возникающей социальной структуры общества, о типе власти в нём как способе взаимоувязки противоречивых интересов и действий для обеспечения целостности и устойчивости нового общества.

Социальная направленность преобразований, причём преобразований радикальных, меняющих тип общества, – центральная проблема для всех элементов социальной структуры переходного периода и политических сил, выражающих их интересы. Главная борьба разворачивается вокруг того, чьи интересы (каких социальных групп) станут доминировать в новой системе хозяйственной власти, кто будет субъектом этой власти (собст-

венности). А инструмент, обеспечивающий ту или иную направленность изменения системы экономической власти, – политическая власть. Поэтому борьба идёт за захват доминирующих позиций в осуществлении власти в полном объёме – на уровне всего общества.

О действительно ведущей роли ориентаций на власть в хозяйстве в системе социально-экономических интересов в переходный период свидетельствует та ожесточённая борьба по поводу передела прав собственности в России, которую мы видим вот уже несколько лет. При этом перераспределение имущественных прав оказывается совершенно недостаточным для того, чтобы возможности собственников имущества распоряжаться результатами функционирования экономики стали устойчивыми, стабильными.

Существенное отличие центральных социально-политических проблем в переходный и в постпереходный периоды означает, что конкретно-исторический подход к анализу современного этапа развития российского общества требует от исследователя задать себе и ответить, по меньшей мере, на следующие вопросы:

1) если кризис общества действительно достиг стадии перехода к новому обществу, то находимся ли мы в пределах переходного периода или же он в основном (либо в целом) завершён?

2) если Россия всё ещё находится в пределах переходного периода, то вокруг каких вариантов будущего и между кем (какими социальными слоями и силами) идёт борьба? Каковы перспективы выбора нового исторического русла развития, то есть каков прогноз на то или иное завершение переходного периода?

Общая характеристика современного этапа развития российского общества

Специфику современного этапа развития российского общества мы определяем следующим образом: кризис старой тоталитарной общественной системы и революционная (по коренным вопросам) социальная борь-

ба по поводу путей выхода из кризиса – по поводу целей и методов радикального преобразования общественной системы.

Данное определение означает, что российское общество находится в пределах переходного периода, то есть новое русло дальнейшего развития окончательно ещё не определилось.

В то же время можно констатировать, что с момента созревания в СССР революционной ситуации (с 1988 г.) общественный кризис и борьба за облик будущего прошли несколько этапов и сейчас, к началу 1995 г., одни возможные ранее варианты будущего отсечены, а вероятность других повысилась. Отсечены – это не значит, что не могут осуществиться в принципе (никогда). Это значит, что вероятность реализации весьма мала в ближайшей исторической перспективе (под которой я понимаю время активной жизнедеятельности нынешних поколений).

Какие варианты отброшены, какие остаются реальными? Отвечая на эти вопросы, нельзя ограничиться формулами такого типа, как переход к рынку; переход к демократии; переход к капитализму и т.п. Требуется более содержательно охарактеризовать возможные варианты. Облик этих вариантов формируется двумя источниками: противоборствующими идейно-политическими ориентациями (концепциями общественных преобразований) и фактическими переменами в общественных отношениях за время переходного периода. Окончательный (для ближайшей исторической перспективы) выбор нового русла развития определится тем, насколько далеко зашли и глубоко укоренились (обрели прочную, широкую социальную базу) фактические преобразовательные процессы, отбросившие определённые варианты, и тем, каково реальное соотношение социальных сил, выступающих за разные варианты из неотброшенных.

Основные противоборствующие идейно-политические течения в современной России

Является расхожим и пропагандируется определёнными кругами представление о том, что главные "баррикады" в современной России разделяют приверженцев демократии и сторонников возрождения старого, тоталитарного общества (в лице "красно-коричневой" части непримиримой оппозиции). Однако без всяких оговорок это было верно по отношению к процессам, происходившим в 1988-1990 гг. в СССР. В тот период и вплоть до августовских событий 1991 г. основное противостояние проходило по линии борьбы за общедемократические политические преобразования, с одной стороны, и за сохранение старой системы политической власти, с другой. В то же время общая обстановка в стране позволила уже в 1990 г. выдвинуть в качестве очередной задачи государственной политики реформирование отношений в экономической сфере. С этого времени центр тяжести в социальном противоборстве перемещается с борьбы нового со старым на борьбу за тот или иной вариант будущих новых (или обновленных) социально-экономических отношений, за различные по характеру новые социальные структуры общества. Эти расхождения стали с конца 1991 г. ведущим устойчивым фактором идейного размежевания социально-политических сил.

В современной России правомерно зафиксировать шесть основных идейно-политических течений, которые существенно различны по представлениям о возможных путях развития страны, по характеру восприятия замысла и результатов "шоковых" реформ, а также по принципиальному видению общественных проблем в России, по оценкам их сравнительной важности (приоритетности). Стараясь выделить в каждом течении его концептуальное ядро, я назвала их следующим образом:

1. Последовательная и безоговорочная поддержка курса на форсированную капитализацию. Это идеология приобщения России к "цивилизованному западному миру" в роли страны колониального или полуколониального типа. В основной багаж этой идеологии входят:

– отождествление рыночной экономики с частно-

капиталистической;

– идея форсированного проведения рыночных реформ и ускоренной (по сути принудительной) приватизации государственной собственности;

– установка на возможность возникновения нового строя лишь на обломках, на могиле прежнего;

– отрицание возможности обеспечить социальную защиту населения от обнищания в ходе реформ;

– выведение из зоны подлинно негативных оценок фактического деградирующего воздействия проводимых реформ на российские народы,

2. Ориентировка на возможность перехода России от тоталитарного эксплуататорского общества, утвердившегося в СССР, в русло становления демократического неэксплуататорского общества с регулируемой рыночной экономикой. Это ***идеология последовательной народно-демократической оппозиции осуществляемому курсу.*** Она не приемлет "шоковые" реформы в принципе, поскольку они переводят страну на путь капитализации и тем самым существенно затрудняют, отодвигают в далёкое будущее вариант становления демократического неэксплуататорского общества.

3. Ориентировка на капиталистическое будущее России как независимого партнера развитых капиталистических стран. Это идеология российского или русского капитализма, расходящаяся с первой лишь там и постольку, где и поскольку разрушительное воздействие "шоковых" реформ впрямую затрагивает интересы формирующегося национального капитала.

4. Российский вариант социал-реформизма – идеология принципиальной поддержки курса России на капитализм, на ускоренный переход к нему. Необходимость последовательной борьбы трудящихся за свои права, свободы и интересы признаётся, но переносится в будущее – на тот этап развития, когда российское общество приобретёт капиталистический вид, похожий на западный. По мере прояснения разрушительных целей и следствий “шоковых" реформ идейный багаж этой идеоло-

гии пополняется пожеланиями и требованиями смягчающих корректировок курса.

5. Обновленный тоталитаризм на основе социальной ностальгии Специфика этого идейно-политического течения состоит в апологии исторического пути СССР или же в оправдании этого пути как "раннего" социализма, не успевшего раскрыть все свои преимущества, а также в призывах вернуться к социализму в старых или обновленных формах; предлагаемые рецепты возрождения России предстают как демагогические, ложно изображающие тоталитарное прошлое ("возвратить" собственность и власть народу, "восстановить" власть советов и т.п.).

6. Обновленный тоталитаризм в открыто фашистском варианте (современный русский фашизм). От фашизма сталинистского образца (как периода его расцвета, так и на этапе разложения режима во времена "застоя") и от неототалитаризма, ностальгирующего по сталинистскому прошлому, современный русский фашизм отличается тем, что не приемлет псевдомарксистскую и псевдосоциалистическую фразеологию. Русский фашизм не блистает новизной идейного багажа: стоит только заменить слова "русская нация" на "немец" или "арийская раса" – и отличия от предшественников сведутся к нулю.

Противоречивость тенденций преобразования российского общества и её основные причины

Современное российское общество демонстрирует множество весьма существенных противоречивых тенденций, доказывать которые современникам нет необходимости. Практически в неприкрытом виде обыватель, учёный, политик и хозяйственник наблюдают и воспринимают как факты явно несовмещающиеся в будущем процессы, институты, идейные подходы и действия социально-политических и хозяйственных сил. Зато в пределах настоящего эти стратегические "несовместимости" не только сосуще-

ствуют, но и декларируют намерения взаимодействовать и сотрудничать долгое время.

Среди явно противоречивых тенденций перечислим лишь некоторые уже четко обозначившиеся к исходу третьего года реформ. С одной стороны, декларируются и вроде бы осуществляются рыночные преобразования, но с другой стороны, возникающие в ходе этих преобразований институты и отношения никак невозможно представить себе существующими в нормальном рынке (свободные цены – и принудительное повышение цен; "рыночная" зарплата, рынок труда – и невыплаты зарплаты, подавленная безработица; полная коммерческая самоокупаемость – и конфискация оборотных средств; конкуренция – и всевластие административных структур и т.п.). С одной стороны, нацеленность на демократию, с другой – абсолютно недемократические методы управления. С одной стороны, лозунг возрождения России через возрождение частного капитала, с другой стороны – американизация страны и "зазыв" иностранного капитала в страну в ущерб отечественному. С одной стороны, популярность суверенизации, с другой – ужесточение унитарных связей. В современной российской действительности соседствуют параллельное развитие и укрепление организованной преступности – и укрепление законности, монополизация – и развитие мелкого и среднего бизнеса, имперское обращение со странами СНГ – и налаживание реальных связей между этими странами.

Разобраться в этом калейдоскопе противоречий весьма непросто. Между тем разобраться в противоречивости происходящего необходимо и возможно. Сложившееся (и по всей вероятности ещё не дошедшее до своей высшей точки) разнообразие тенденций и противоречий может быть сущностно обобщено при помощи выделения двух основных причин (факторов), порождающих крайнее разнообразие и, казалось бы, хаотическую противоречивость.

Первая причина. Выход из тоталитарного состояния при любых вариантах этого выхода неизбежно выливается

в образование реальных субъектов экономической и общественной жизни. Даже одни только первые практические попытки такого выхода порождают признаки многосубъектности. Но политическая традиция, инертность сложившейся политической культуры постоянно подталкивают и инициируют процессы монополизации и узурпации политической и хозяйственной власти. Идёт одновременный процесс создания гражданского общества и властных структур, стремящихся стать над обществом, причём для этих структур неважно, над каким обществом – пытающимся стать гражданским, уже гражданским или снова переставшим быть гражданским.

Вторая причина. В современной России сверхсильные властные структуры явно довлеют над обществом, пытающимся продвинуться от тоталитарного к гражданскому состоянию. Поэтому практические шаги самого общества подминаются, деформируются приказными и вождистско-спасительными действиями сверхсильных властных структур. И деформируемые попытки к демократизации со стороны самого общества, и деформирующие действия мощных властных структур сосуществуют в одно и то же время, являясь причиной противоречивости практики переходного периода.

Деформирующие действия властей, возвышающихся над возникающим гражданским обществом и разрушаемыми остатками тоталитарного общества, проявляются в односторонней приверженности властей одной из существующих в обществе идеологий, в стремлении на деле превратить эту идеологию в государственную.

Для деформирующих действий властей характерно стремление продвинуть Россию любыми средствами к тому будущему состоянию, которое соответствует идеологии последовательной форсированной капитализации России. Именно отсюда появляются в современной российской жизни такие удивительные явления, как, например: социальное партнёрство без социальных партнёров; антимонопольная деятельность при сплошной монополизации и даже криминализации хозяйства; призывы к предпринима-

тельству при конфискациях средств, необходимых для этого; неустанная борьба с инфляцией со стороны тех властей, которые эту инфляцию используют как главный инструмент политики и т.п.

На основе действия этих двух генеральных причин постоянно возникают ситуации, в которых социальные силы и просто субъекты экономической и общественной жизни, стремящиеся к разным целям и даже практически действующие в исторически разных направлениях, обретают иллюзорное единство. Иллюзорное потому, что базируется оно всё ещё на усилиях "против", а не на усилиях "за" что-то. Первые же практические шаги выявляют иллюзорность единства и дезинтеграцию, казалось бы, сложившихся объединений сил. Новые сочетания сил оказываются обычно в современной России не менее иллюзорными, чем только что распавшиеся. Программы существуют на словесном уровне, а не как практическое руководство к действию; усваивается и доминирует психология прагматического, сиюминутного поведения без какой-либо действительно стратегической линии поведения.

Характеристика современной стадии переходного периода. Прогноз

Противоречивые (вплоть до прямо противоположных) тенденции преобразования характера власти в обществе и в хозяйстве; существенно разное отношение к переменам и к государственной власти, осуществляющей реформы; идейное и на практике противоборство за характер и конкретный облик новых общественных отношений – всё это подтверждает, что российское общество находится в пределах переходного периода, что новое русло дальнейшего развития окончательно не определилось.

В то же время анализ перемен в общественных отношениях и в общественном сознании с учётом состояния рабочего и профсоюзного движения позволяют сделать вывод, что ход реформ в ряде аспектов уже стал необратимым. Другими словами, переходный период находится

на такой стадии, что определённые, ранее возможные варианты будущего России отсечены, отброшены для ближайшей исторической перспективы. Какие это варианты?

Антитоталитарная (антиказарменная) революция в СССР и государственная политика в России после распада СССР принесли определённые плоды по отходу от тоталитаризма. Три года осуществления курса форсированной капитализации и практика буржуазной диктатуры для обеспечения задач первоначального накопления капитала не свели ещё на нет все достижения борьбы за демократию в ходе четвертой русской революции. Эти достижения в первую очередь состоят в начавшемся процессе формирования многосубъектного гражданского общества. Однако этот процесс находится на зачаточной стадии.

Весьма низка, практически равна нулю вероятность варианта перехода России в ближайшей исторической перспективе к демократическому не эксплуататорскому обществу. Для постановки такой задачи в качестве практического ориентира действий необходима опора на широкие, мощные движения трудящихся. Устойчивость и силу таким движениям способно придать только демократическое рабочее движение с собственными позитивными программами народно-демократических общественных преобразований. Однако такого рабочего движения в России ещё нет.

Реально вероятным является развитие переходных процессов в сторону демократического капитализма – к обществу с эксплуатацией наёмного труда, но с политической демократией и с так называемой социальной рыночной экономикой, то есть с механизмами, обеспечивающими устойчивую и высокую степень социальной защищённости эксплуатируемых трудящихся и их семей от рисков (опасностей) рыночно-конкурентной экономики. Однако для такого развития необходимо давление на властные структуры "снизу". Такое давление сегодня может ещё стать достаточно мощным. Но для этого нужно, как минимум, чтобы приверженцы демократии, активно участвующие в общественных движениях и способные

повлиять на их идеологию и стратегию, отчетливо осознали и открыто признали диктатурный характер политической практики властных структур, осуществляющих российские реформы.

При закреплении методов буржуазной диктатуры варианты развития переходных процессов, ведущие к демократическому капитализму, будут отсечены. В этом случае все большее число обделенных реформами будет переходить на сторону реакционной оппозиции и поэтому вероятность вариантов обновления тоталитаризма (в том числе осуществления планов русского фашизма) не просто повысится, а реализуется как исторический выбор будущего России. До тех пор, пока не окрепло новое демократическое рабочее движение с собственной идеологией, вероятность народно-демократического будущего остаётся, как уже говорилось, малой. В это же самое время и по этой же самой причине (отсутствие демократического рабочего движения с собственной идеологией) нарастает вероятность модификации будущего российского буржуазного общества в общество зависимого полуколониального типа, с зачаточными, крайне неустойчивыми и реально охватывающими меньшинство населения демократическими социальными механизмами. Основные модифицирующие факторы такого общества – расслоение буржуазии на компрадорскую и отечественную, а класса наёмных трудящихся – на включенных в мировой рынок, в мировое хозяйство и не включенных в него.

Главную опасность тоталитарного будущего следует связывать с обозначившейся тенденцией социальной деградации значительной части российского населения и страны в целом. Магистральный путь борьбы с этой опасностью – формирование широких демократических народных движений и в первую очередь организованного демократического и достаточно сильного рабочего движения с собственной идеологией.

Строго говоря, при старой казарменной системе в России не было рабочего класса, а была разрозненная масса трудящихся, живущих в обстановке политического

бесправия, принудительности и жестокой эксплуатации своего полукрепостного труда. Разрушение производства, деиндустриализация, деклассирование трудящихся, развитие безработицы – это факторы, подрывающие возможность возникновения в России современного рабочего класса и сильного рабочего движения. Сильное демократическое рабочее движение – главный, если не единственный гарант перехода к демократии и устойчивости демократии, препятствующий скатыванию общества назад, к диктатуре. Однако вопрос о формировании в ближайшие годы такого рабочего движения остаётся открытым. А это означает, что к числу реально возможных вариантов будущего страны следует отнести как развитие организованной борьбы трудящихся за свои свободы, права и интересы при ведущей роли в этой борьбе рабочего движения, так и затухание очагов сопротивления, уничтожение зачатков рабочего движения в связи с массовым деклассированием трудового населения, его люмпенизацией. Понятно, что в течение длительного периода некому будет противостоять стабилизации обстановки на уровне социальной деградации, если рабочее движение не успеет переломить эти поистине страшные тенденции.

Не исключён, однако, вариант такого дальнейшего развития массового общественного сознания, при котором оппозиционность по отношению к политической системе, отстраняющей трудящихся от власти в хозяйстве, будет играть роль фактора, расширяющего не социальную базу ностальгирующего тоталитаризма и открытого русского фашизма, а социальную базу буржуазно-демократических и народно-демократических движений. Иллюзии, связанные с приходом частных хозяев (надежды на улучшение условий трудовой жизнедеятельности, повышение заработков и пр.), рассеиваются. Социальное партнёрство наёмных работников и новых хозяев не налаживается. Нет никаких реальных способов действий, которые могли бы вынудить государственных чиновников, новых собственников и администрацию предприятий осваивать на деле (а

не на словах) практику социального партнёрства; социально-трудовые отношения складываются как произвол по отношению к трудящимся, как наступление на их права, свободы и интересы. В этих условиях возвращение согласившихся на роль наёмных работников к народно-демократическим ценностям, признающим эксплуатацию несправедливой и устранимой; становление движений и организаций, солидарно и последовательно отстаивающих как общедемократические ценности, так и стратегические интересы рабочего класса по освобождению труда, – это тоже вероятный вариант развития массового сознания. Однако, повторю, ***для этого требуется, чтобы из сегодняшних рабочих сформировался рабочий класс, чтобы тенденция люмпенизации не опередила процесс формирования рабочего класса и рабочего движения.*** Признаки того, что народно- демократическая идеология пятой русской революции может обрести со временем широкую социальную базу, есть. Однако есть и признаки расширения социальной базы политических сил, выступающих за обновленное старое и за открыто фашистскую революцию. Переходный период продолжается.

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике «На пути к постиндустриальной цивилизации. Материалы II Международной Кондратьевской конференции (Санкт-Петербург, 15-17 марта 1995 г.)» – М.: Институт экономики РАН. 1996. Стр. 130-137.

1995-1996

==========

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Состояние общественного сознания как фактор исторического выбора

Главным проявлением и признаком кризиса казарменного строя, сложившегося в СССР, является революционный характер борьбы по поводу дальнейшего развития общества – по поводу целей и методов социальных преобразований.

Кризис создаёт особую ситуацию: возникает реальная возможность перехода общества (прежде всего системы политических и социально-экономических отношений) к качественно разным устойчивым состояниям. Другими словами, в условиях общественного кризиса возникает ситуация реальной многовариантности (разновариантности) будущего при различиях вариантов по меркам

по меньшей мере формационного масштаба. Именно такую ситуацию я называю ситуацией исторического выбора.

Необходимы четыре пояснения для однозначного понимания сказанного.

Первое. ***Реальная*** (а не абстрактная) возможность исторического выбора возникает лишь тогда, когда в результате обострения объективных общественных антагонизмов активизируются социальные силы, появляются более или менее массовые общественные движения с разными идеологиями и разнонаправленными стратегиями, идёт их идейная, политическая и экономическая борьба.

Второе. При отсутствии широкой активности и столкновений социальных сил по кардинальным проблемам общественного устройства может создаваться ***иллюзия*** многовариантности будущего и процесса исторического выбора, тогда как на самом деле качественные перемены не только не происходят, но и не могут произойти. Революционное взаимодействие социальных сил – не только свидетельство общественного кризиса, но и способ исторического выбора. При этом вооружённое противоборство не является единственно возможной (адекватной) формой социальных революций. Революции протекают и в мирной форме, но есть отличительные признаки революции. Коренной вопрос всякой революции – вопрос о власти, о смене ***типа*** власти в обществе и в хозяйстве.

Третье. К ситуациям многовариантности будущего относятся и такие, когда фактически противоборствуют только две социальные силы и при этом одна из них – за общественное устройство докризисного типа, за возврат к прошлому (как правило, к обновлённому прошлому). Исторический выбор может привести к такому возврату, то есть возможность радикального преобразования общества реализована не будет.

И *четвертое* пояснение. Изменение общественного строя в какой-либо стране может произойти в результате навязывания ей новой системы отношений ***внешними*** силами, например, в результате военного поражения. Пе-

реход к новому строю по этой причине я не отношу к ситуациям исторического выбора.

Итак, **исторический выбор – это процесс и результат формирования качественной специфики общества в условиях реальной многовариантности (разновариантности) социального типа будущего, порождаемой революционной борьбой противостоящих социальных сил, каждая из которых отстаивает свой путь выхода из общественного кризиса.**

Исходя из сказанного, под *переходным периодом* следует понимать **период времени, в течение которого совершается процесс исторического выбора.**

Это означает, что неверны такие определения исторического своеобразия современной России, как "переход к рынку", "переходный период от тоталитаризма к демократии", "переход к капитализму", "переход к смешанной экономике" и т.п. Неверны потому, что указывают на социальную направленность преобразований, тогда как острая социальная борьба за характер будущего общества всё ещё идёт. А если направленность общественных преобразований уже определилась и стала необратимой, то нет никакого смысла говорить о переходном периоде, поскольку исторический выбор уже позади.

В то же время в течение переходного периода одни из реально возможных вариантов будущего России оказались отброшенными[154], а вероятность других повысилась. Иначе говоря, имеет место *динамика вариантности* – сужение и расширение границ вариантности, изменение облика возможных итогов исторического выбора. Структура и динамика вариантности определяются соотношением социальных сил, содержанием их идеологий и стратегий, результатами их практических действий и столкновений.

---

[154] Отброшены – не значит, что не могут осуществиться в принципе (никогда). Это означает, что вероятность реализации таких вариантов весьма мала в условиях данного общественного кризиса, но может стать высокой при следующем общественном кризисе.

Исследование идеологий и реализующих их стратегий, их формирования и распространения в обществе, областей их пересечения и противоборства осуществляется редко кем из теоретиков переходных состояний общества. Изучение идеологической стороны вариантов исторического выбора – одна из наиболее актуальных сейчас научно-практических проблем. Именно поэтому необходимо выработать такие научно-методологические подходы и дать такую научную картину общественного сознания, которые с достаточной полнотой характеризовали бы развитость (включая структуру) общественного сознания как существенного материального (объективного) фактора совершаемого Россией исторического выбора, были бы инструментами реалистичных социальных прогнозов.

Основные идейно-политические течения в современной России

Исходный критерий (отправная точка) для выделения основных идейно-политических течений в переходный период – существенно разный характер социальной организации общества и хозяйства, который выдвигается как *желаемый* или *приемлемый* результат общественных преобразований. Имеется в виду истинно желаемый или приемлемый результат, который может маскироваться декларациями о намерениях. Расхождения выявляются при помощи соотнесения предлагаемых или применяемых способов преобразований с провозглашаемыми целями.

В современной России правомерно зафиксировать шесть основных идейно-политических течений. Для сжатой их характеристики выделю концептуально-стратегическое ядро каждого.

1. Идеология форсированного перехода к капитализму на условиях, приемлемых для международного капитала, что означает при-

общение России к так называемому "цивилизованному западному миру" в роли страны колониального (полуколониального) типа.

Именно эта идеология стала основой политики первоначального накопления капитала ("шоковой терапии", как её называют по методам).

Её главные установки: отождествление рыночной экономики с частнокапиталистической; идея о частной собственности как о будто бы "естественной" предпосылке эффективного хозяйствования и политической демократии в конечном счете; ускоренная и по сути принудительная приватизация; быстрое разрушение всех старых общественных институтов и механизмов для возникновения нового строя; приятие (допущение) любой социальной цены реформ, включая социальную деградацию населения и страны в целом, криминализацию общества.

Рассматриваемая идеология фактически отрицает не только приоритетность, но и ценность самостоятельного выбора страной своего будущего. Отсюда – настойчивое вдалбливание в массовое сознание установки на *безальтернативность* курса (обещания катастрофы в случае смены курса). Отсюда же и идея "сильной власти", по сути – *оправдание методов буржуазной диктатуры.*

Эта идеология – разновидность миссионерской, от которой практически всегда неотъемлемо допущение насилия над народом. Для "народного блага", разумеется. Миссионеры со склонностью к принуждению, как правило, не являются основоположниками применяемой ими идеологии. Они берут её у тех, кого считают образцом для подражания, примером для собственного народа. Наши новые русские миссионеры в этом отношении не исключение. Они выступают проводниками идеологий и программ, разработанных лидерами западного мира для стран второго и третьего сорта, для колонизуемых стран.

Первоначальные общедемократические лозунги антиказарменной революции превратились сейчас в демагогическое прикрытие курса на ускоренное внедрение капиталистических отношений, были дополнены новой демаго-

гией (типа "народная приватизация") и постепенно отходят в прошлое, обнажая характер подлинных интересов и замыслов структур, направляющих российские реформы.

2. Ориентировка на капиталистическое будущее России как независимого партнёра развитых капиталистических стран.

Это идеология российского, или русского капитализма, расходящаяся с первой лишь там и постольку, где и поскольку разрушительное воздействие шоковых реформ впрямую затрагивает интересы формирующегося национального капитала.

Конечно же, господствующее положение капитала в России и отечественного капитала в том числе только складывается. Поэтому внутренняя структура классовой идеологии капитала ещё не имеет четких разграничительных линий. Однако уже сейчас можно выделить в составе идеологии отечественного капитала *две перспективных разновидности:* одна – ориентированная как на идеал на *демократическое* (в общем и целом) буржуазное общество; другая – не то что не гнушающаяся, но даже и приветствующая *диктатурные* формы государственного устройства как благоприятный фактор становления класса отечественных капиталистов.

3. Российский вариант социал-реформизма – идеология принципиальной поддержки курса России на капитализм, на ускоренный переход к нему. Необходимость последовательной борьбы трудящихся за свои права, свободы и интересы признаётся, но *переносится в будущее* – на тот этап развития, когда российское общество приобретёт капиталистический вид, похожий на западный. По мере прояснения разрушительных целей и следствий шоковых реформ идейный багаж этой идеологии пополняется пожеланиями и требованиями *смягчающих корректировок* курса.

4. Обновленный тоталитаризм на основе социальной ностальгии. Специфика этого течения состоит **в** апологии исторического пути СССР или же в его оправдании как "раннего" социализма, не успевшего раскрыть все

свои преимущества, в призывах вернуться к социализму в старых или обновленных формах. Рецепты возрождения России предстают как демагогические, *ложно изображающие тоталитарное прошлое* – "возвратить" собственность и власть народу, "восстановить" власть советов и т.п.

5. Обновлённый тоталитаризм в открыто фашистском варианте (современный русский фашизм).

От фашизма сталинистского образца – как периода его расцвета, так и на этапе разложения режима во времена "застоя" – и от неототалитаризма, ностальгирующего по сталинистскому прошлому, современный русский фашизм отличается тем, что не приемлет псевдомарксистскую и псевдосоциалистическую фразеологию. Русский фашизм не блистает новизной идейного багажа: стоит только заменить слова "русская нация" на "немец" или "арийская раса" – и отличия от предшественников сведутся к нулю.

6. Ориентировка на возможность перехода России от тоталитарного эксплуататорского общества, утвердившегося в СССР, в русло становления демократического неэксплуататорского общества с регулируемой рыночной экономикой.

Это идеология последовательной *народно-демократической* оппозиции осуществляемому курсу. Она не приемлет шоковые реформы в принципе, поскольку они переводят страну на путь капитализации и тем самым существенно затрудняют, отодвигают в далёкое будущее становление демократического неэксплуататорского (то есть социалистического) общества[155].

---

[155] ***Подробное описание всех шести течений см.: Ракитская Г.Я. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвёртой русской революции). – В изд.: «Перспективы и проблемы России. Выпуск 2». Идейная борьба за будущее России. – М.: ИППС, 1995.***

Трагедия идеологов – закономерность исторического выбора

Каждое из шести выделенных нами идейно-политических течений представляет собой более или менее целостную общественную (общественно-экономическую) стратегию.

Это не следует понимать так, будто существуют шесть конкретных общественных институтов (или шесть их групп), в программах каждого из которых есть комплекс идей и представлений, совпадающий с содержанием одного из шести течений. Для вычленения идейно-политических течений на уровне целостных общественных стратегий пришлось в ряде случаев обобщать и систематизировать теоретические идеи, оценки и практические установки, ориентированные на один и тот же вариант будущего, опираясь на программы, заявления, предложения и требования людей и организаций подчас самой разной политической самоидентификации. Пришлось распознавать демагогию, добираться до сути.

Целостная общественная стратегия (или, что то же самое, научная идеология общественных преобразований) – это **система осознанных на теоретическом уровне идей (взглядов) и вытекающих из них представлений о практических действиях, которая адекватно, реалистично и с необходимой полнотой выражает интересы определённой социальной группы (или общности).**

Возможность научного обоснования не одной-единственной, а *различных* общественных стратегий обусловлена многовариантностью будущего состояния общества, которая в условиях кризиса превращается из абстрактной в реальную.

Вопрос о субъектах целостных общественных стратегий имеет две стороны. Одна – кто их вырабатывает, является *творцом-идеологом.* Другая сторона этого же вопроса – кто берёт их на вооружение, кто их *осуществляет* (стремится осуществить).

История даёт множество примеров, когда научные идеологии (целостные стратегии), исходящие из одних устремлений и принципов, приводят к совсем иным результатам при попытках их реализации. В философско-этической литературе издавна обсуждается в связи с этим вопрос об *ответственности идеологов* за те интерпретации и выводы из их концепций, которые сделаны не ими (часто – после них) и берутся на вооружение общественными движениями или отдельными политиками, становятся основой их реальной (непоследовательной или экстремистской) политической практики.

В контексте проблематики исторического выбора правомерно говорить и о трагедии идеологов, так как упомянутые расхождения имеют объективные причины и являются одной из закономерных черт механизма исторического выбора.

Целостная концепция общественного переустройства – продукт научного творчества, а не массового (обыденного) сознания. В отличие от утопий научная идеология не претендует на детальное описание будущего социального устройства и не даёт точных рецептов по поводу конкретных действий в будущих обстоятельствах. Она формирует лишь *основополагающие системные* представления о целях и характере действий, соответствующем этим целям, отграничивая тем самым допустимые действия от недопустимых. Идеологов-творцов тех идейно-политических течений, которые доросли до целостных общественных стратегий, следует искать среди системно мыслящих обществоведов.

Массовое сознание, напротив, *фрагментарно, непоследовательно, прагматично.* Оно оперирует по большей части понятиями, фиксирующими взаимосвязь поверхностных и повседневных явлений, ориентировано по преимуществу на ближайшие интересы, с трудом удерживает перспективу, склонно впадать в те или иные крайности в неблагоприятных обстоятельствах.

Существует поэтому проблема массового восприятия и прочного усвоения, творческого применения и разви-

тия каждой из социальных групп **собственной идеологии** – то есть такой, которая, **опираясь на научные представления, восходит к стратегическим (коренным) интересам данной группы; верно отражает конкретно-историческую специфику её общественного положения и перспектив его улучшения; вырабатывает реалистичную тактику, лежащую в русле общей стратегии, а не уводящую в сторону от неё.** Существует одновременно с этим политическая практика навязывания массам *несобственных* идеологий (обычно облечённых в демагогические одежды), практика манипулирования массовым сознанием. По этим двум причинам и имеет место в реальной истории феномен, который я назвала трагедией идеологов.

Об идеологах-творцах целостных общественных стратегий, которыми являются или к которым тяготеют шесть основных идейно-политических течений, приходится сказать следующее.

Идеологов шоковой терапии и истоки (целостные прообразы) российского социал-реформизма следует искать на Западе. Там же жили отцы-идеологи современного русского фашизма.

Неототалитаризм, ностальгирующий по сталинистскому прошлому, не дал никаких принципиально новых социально-политических идей по сравнению со *сталинизмом (вульгарным марксизмом),* добавив к нему лишь новую демагогию, а также зюгановские реверансы в сторону частной собственности и, как минимум, тактические (а возможно и стратегические) шаги к откровенному братанию с национал-социализмом[156].

Народно-демократическая идеология восходит к классическому марксизму и присущими ему методами ис-

---

[156] ***"Можно смело утверждать, что в своей сущности "русская идея" есть идея глубоко социалистическая", – так прямо и записано в Программе Коммунистической партии Российской Федерации, принятой III съездом КП РФ 22 января 1995 года (Советская Россия, 1995, 2 февраля).***

торического материализма и целостнообществоведческого подхода разрабатывает современную (отвечающую конкретно-историческим российским обстоятельствам) собственную идеологию рабочего класса и демократического рабочего движения. К сожалению, российских учёных, последовательно работающих сейчас в этом направлении, можно счесть по пальцам одной руки[157].

Наименее развита, согласно нашему анализу, идеология, ориентированная на независимый российский (русский) капитализм в его буржуазно-демократической разновидности. В истории многих западных и колонизованных Западом стран можно найти ряд истоков и аналогий, о которых говорящие с трибун от имени российских промышленников и предпринимателей знают, видимо, мало или же вовсе не слыхали. Крупных идеологов этого направления в России пока что не видно. И не случайно. Независимый (сильный) российский капитализм без политической диктатуры, без той или иной степени фашизации и милитаризации страны выглядит как наименее вероятный вариант будущего России в ближайшей исторической перспективе. Идеология демократического независимого российского капитализма только ещё зарождается и получит шанс стать целостной общественной стратегией, если Россия доживёт до пятой русской революции.

Особенности социально-группового сознания в современной России

При выявлении основных элементов социальной структуры современного российского общества следует исходить из фундаментального свойства периодов исто-

---

[157] Свои и совместные с проф. Б.В.Ракитским разработки (и, конечно, самостоятельные труды Б.В.Ракитского) я считаю значительным вкладом в систематизацию и развитие научной идеологии рабочего класса и демократического рабочего движения.

рического выбора – из переходного (динамичного) состояния социальной структуры в целом.

В силу незавершённости исторического выбора (острое противоборство социальных сил продолжается) нельзя говорить о социальной структуре в терминах, фиксирующих устойчивость её элементов, – типа "каста", "сословие", "класс". Можно утверждать, какой социальная структура в ближайшем будущем не станет. Здесь важно констатировать, что отброшено (для ближайшей перспективы) становление неэксплуататорского общества, так как всё ещё нет организованной социальной силы, способной к последовательной борьбе за этот вариант. Можно также обозначить ряд тенденций в изменении характера социальной структуры, в частности, тенденции люмпенизации и криминализации общества. Однако в целом социальная структура динамична (неустойчива).

Ситуация качественного изменения социальной структуры рождает в массовом масштабе ожидания и стремления людей к существенным переменам собственного положения, в том числе и в форме восстановления утраченного прежнего положения.

Представления о *желаемых существенных переменах* социально-экономического положения (а не фактическое положение) – ведущий фактор, формирующий в переходный период однотипность социального поведения значительных по численности групп людей. По этому признаку правомерно выделять переходные социальные слои – **абитуриентские (или претендентские) социальные группы.**

В современной России существуют четыре основные претендентские группы. Ниже дана обобщённая оценка представлений и требований каждой из них по критериям дорастания до целостных общественных стратегий и собственных идеологий.

Согласные на роль эксплуатируемых наёмных работников

Представления и способы социального поведения этой группы имеют следующие главные особенности.

Во-первых, они в целом носят ***хвостистско-реактивный (протестно-оборонительный),*** а не опережающий, не стратегический характер.

До сих пор не выработана собственная стратегия отстаивания повседневных экономических интересов наёмных работников. Забастовки и другие активные действия разрознены; идеи и попытки солидарной классовой (а не профессионально-отраслевой) борьбы только ещё намечаются. И тем более не делается ставка на реальное участие в политике, на реальное представительство трудящихся (интересов трудящихся) во властных структурах. В политическую жизнь включаются лишь некоторые из формальных рабочих и профсоюзных лидеров, вступая при этом в союз с деятелями и организациями, ориентированными на манипулирование трудящимися.

Во-вторых, в сознании этого слоя ***слабо отражена специфика современной российской действительности.*** А когда она ухватывается, то удерживают её с трудом и ненадолго.

Наиболее ярко эта особенность проявляется в некритическом восприятии идеологии так называемого *социального партнёрства.* Эту идеологию правящие круги усиленно навязывают рабочему и профсоюзному движению при посредничестве (часто из лучших побуждений) российских социал-реформистов.

Социальное партнёрство – это, с одной стороны, способ защиты капиталистического класса от напора рабочего движения при относительном равновесии социальных сил. С другой стороны, в условиях сильного стабильного капитализма социальное партнёрство позволяет рабочему движению добиваться определенных социальных гарантий *ценою отказа* от стратегии коренного переустройства общества на народно-демократических принципах.

Идеи и тактика социального партнёрства приобретают существенно иной социально-политический смысл,

когда переносятся на современную российскую почву. Хищническое и по преимуществу криминальное первоначальное накопление капитала, колонизация страны, рост безработицы, зачаточность рабочего движения – в таких условиях призывы к социальному партнёрству являются откровенной демагогией. Особенно если учесть, что ***резкое снижение уровня жизни трудящегося большинства населения (в том числе при помощи скрытой гиперинфляции) и мораторий на правопорядок*** имеют место вовсе не по недосмотру правящих реформаторов, а сознательно используются ими как инструмент перераспределения, концентрации и закрепления общественных ресурсов в руках меньшинства.

Механизмы партнёрства требуют совершенно иной позиции, иной политики государства и иного, как теперь говорят, "менталитета" работодателей. У нас же работников призывают "войти в положение" администрации и правительства, вынуждают во имя якобы спасения предприятий и страны поступаться самыми элементарными социально-трудовыми правами. Профсоюзы, как правило, не способны организовать действенное реальное сопротивление, принудить новых хозяев страны и производства к "социальному партнёрству".

В-третьих, в рассматриваемой претендентской группе возможность улучшения условий жизнедеятельности связывается с ***иллюзорными надеждами*** на благоприятные перемены в случае персонального обновления состава властных органов. Гарантов благоприятных перемен ищут на экранах телевизоров среди лидеров организаций, весьма далёких от интересов рабочего класса и задач рабочего движения. Даже протестно-оборонительная активность носит очаговый и непостоянный характер. И хотя мысль о сопротивлении и борьбе за трудовые права и текущие интересы кажется согласным на роль наёмных эксплуатируемых работников всё более привлекательной, тем не менее больших усилий к профсоюзной и политической самоорганизации, к продвижению к собственной идеологии эта группа пока не демонстрирует.

В-четвёртых, рассматриваемая претендентская группа ***не замахивается на задачу преодоления эксплуатации хотя бы в перспективе.*** Она легко соглашается на безальтернативность капиталистического будущего. Она в основном верно представляет своё место в таком будущем, но слабо представляет тот путь, который ей предстоит пройти.

Идеология согласных на роль эксплуатируемых наёмных работников носит **в целом несамостоятельный, несобственный характер.** До освоения системы народно-демократических (то есть последовательно гуманистических) научных идей и представлений, до их творческого применения и развития применительно к конкретно-историческим российским условиям ещё очень далеко.

Желающие стать трудящимися совладельцами-сохозяевами

Для этой группы характерны более или менее чёткие представления и требования, направленные на изменение или аннулирование итогов приватизации. Ещё в 1990 г. возникла, существует и сейчас идея дать право трудовым коллективам самим выбирать новую форму собственности и хозяйствования. Справедливо предполагается, что на этой основе могут и должны появиться как частнокапиталистические, так и разные виды коллективного хозяйствования (в том числе с коллективно-долевой и с коллективно-неделимой собственностью), а также различные формы участия трудящихся в управлении государственными и частными предприятиями.

Однако большинство тех, кто хотел бы видеть себя трудящимися-сохозяевами, не выдвигают в качестве целей своей практической общественно-политической деятельности исключение отношений эксплуатации из жизни общества, радикальное изменение политической системы

(установление народной демократии или хотя бы осуществление на деле буржуазно-демократических принципов). Сетуют, что в стране нет законов, позволяющих развиться производственной демократии. Возлагают надежды на принятие подобных локальных законов представителями нынешних партий или же на специальные указы президента. Именно в этом в первую очередь проявляется как *нецелостность, так и нереалистичность* представлений рассматриваемой претендентской группы.

При этом многие искренне думают, что коллективное владение производственным имуществом, коллективное принятие решений – это и есть производственная демократия, которая способна защитить трудящихся от внешнего произвола. Не восприняты народно-демократические теоретические концепции и не осознан должным образом опыт разных стран, в том числе СССР, доказывающие, что социальная природа трудовых отношений в коллективах существенно зависит от характера общественного строя.

В то же время в социальной группе претендентов на роль трудящихся совладельцев-сохозяев в целом верно осознаётся, что в ходе реформ были упущены возможности становления коллективно-демократического сектора в экономике. Отсюда возникают идеи всеобщей или частичной национализации с тем, чтобы заново провести реформу собственности. На каких принципах – по этому пункту единства нет. Многие продолжают думать, что будто бы возможны справедливый раздел производственного имущества между всеми гражданами и возникновение на этой основе коллективных форм собственности. Но главный порок подавляющего большинства предложений и требований – отступление от основополагающей идеи **добровольного** *выбора и перемены* трудящимися формы собственности и хозяйствования. Отстаивают необходимость ввести одну или несколько таких конкретных хозяйственных форм, которые представляются их сторонникам наиболее подходящими для трудящихся. Это стремление *заранее найти и навязать* всему обществу универсаль-

ные “хорошие” формы хозяйственной жизни (а не открыть дорогу историческому творчеству трудящихся) роднит несогласных с принудительной форсированной приватизацией с теми, кто её задумал и осуществил.

Указанный характер конкретных предложений и к тому же их разнобой демонстрируют опять же, что рассматриваемый тип переходного сознания не освободился от влияния недемократических типов мышления и уже по одному этому признаку **не дотягивает до собственной идеологии трудящихся.**

Претенденты на роль крупной отечественной буржуазии

Эта группа связывает свои стремления и планы на ведущее место в обществе и в хозяйстве с сохранением (восстановлением) и развитием отечественной экономики, с политической и экономической самостоятельностью России.

В этой группе в целом адекватно судят о состоянии российского общества и его будущем при продолжении нынешней государственной политики. Однако подобные суждения соседствуют с представлениями и действиями, придающими надеждам формирующейся крупной национальной буржуазии *нереалистичные черты.*

Без борьбы за независимую Россию в рамках широкого народного фронта у национальной буржуазии нет шансов занять ведущее место в экономике. Его займет буржуазия, связанная с интересами иностранного капитала, а в перспективе – по преимуществу сам иностранный капитал. Однако рассматриваемая группа в своей политической практике не склонна опираться на демократические движения трудящихся. Напротив, стараются не допустить формирования самостоятельных сильных рабочих и профсоюзных организаций. Складывается отчётливая тенденция блокирования с патриотами-государственниками из бывшей номенклатуры, силовых структур, военно-промышленного комплекса. Намечаются и линии возможного,

а в ряде случаев фактического сотрудничества с современными русскими фашистами, в частности на поприще осуждения классового противоборства. (Предвыборные конъюнктурные блоки предпринимательских организаций с профсоюзными функционерами и демагогические лозунги социального партнёрства – не в счёт).

Есть все основания полагать, что с приходом к власти патриотов-государственников (не говоря уж об открытых фашистах) установится тоталитарный строй. А в *тоталитарных обществах капиталистический класс (как и другие классы) не является самостоятельным субъектом социально-экономической политики, уступая эту роль замкнутым правящим кастам.* При этом экономический базис становится рано или поздно сплавом разных форм господства-подчинения с преобладанием методов внеэкономического (а потому некапиталистического) принуждения.

Абитуриенты класса крупной отечественной буржуазии нередко опираются на научные обоснования нешоковых, неколониальных стратегий перехода к рыночно-капиталистической экономике. В частности, в программных установках и требованиях организаций, представляющих формирующуюся крупную отечественную буржуазию, есть достаточно развитые элементы социально ответственного (а не узко группового) подхода к современным проблемам российского общества. В число актуальных социальных проблем и задач включаются, например, такие, как защита уровня жизни всех групп населения (чтобы обеспечить внутренний рынок для национального капитала), сохранение и развитие национальной культуры, науки и пр.

Формирующаяся крупная отечественная буржуазия отступает, однако, от социально ответственных концепций в своих реальных повседневных взаимоотношениях с эксплуатируемыми ею трудящимися. Остатки патерналистских представлений и ценностей, свойственных администрации предприятий в казарменные времена, уходят в прошлое и всё более отчётливо проявляется жёсткость по отношению к попыткам работников использовать для са-

мозащиты старые профсоюзы или новые формы самоорганизации. На новых капиталистических предприятиях за редким исключением профсоюзов вообще нет, учащаются попытки и случаи роспуска профсоюзов на приватизированных предприятиях. При этом говорят о необходимости социального партнёрства. Но главный смысл партнёрства между работодателями и наёмными работниками видят в объединении усилий обеих сторон в давлении на правительство, чтобы добиться *более благоприятных условий для развития отечественного капитала* ("спасёт Россию" частный собственник, предприниматель, а не трудящийся народ, рабочий класс – вот обоснование такого ущербного партнёрства).

Способы взаимодействия с трудящимися свидетельствуют, что нынешним претендентам на роль крупной национальной буржуазии пока ещё не нужна независимая сильная Россия в облике правового демократического государства с социально ориентированной экономикой.

Претенденты на роль средних и мелких свободных собственников-предпринимателей

В социальной группе стремящихся утвердиться в качестве средних и мелких частных собственников-предпринимателей справедливо считают современную российскую ситуацию неблагоприятной для нормального функционирования самостоятельных бизнесменов. Коррумпированность чиновничества, рэкет сросшейся с чиновничеством мафии, бездействие и беспомощность правоохранительной системы, проводимая налоговая политика – всё это действительно мешает предпринимателям встать на ноги.

Однако особенно теоретизировать в этой группе новых русских не любят. А если пытаются, то воспроизводят в полном объёме демагогические построения проправительственной пропаганды о защищённом среднем классе как якобы базы рыночной экономики, опоры демократии, основы будущего благосостояния России. А пропра-

вительственная пропаганда, естественно, “забывает”, что главная социальная функция так называемого среднего “класса” – быть опорой существующей власти, но *вовсе не обязательно демократической,* чаще всего – недемократической вплоть до фашистской.

Конкретные требования рассматриваемой группы по характеру мало отличаются от требований формирующейся крупной буржуазии, но повернуты в сторону защиты интересов среднего и мелкого бизнеса от крупного промышленного и финансового капитала, от чиновничьего произвола. Характерно в этом отношении требование социального партнёрства, обращенное ***к государству.*** Социальное партнёрство трактуется как обязанность государства защищать честь, достоинство и собственность предпринимателей.

Сознание рассматриваемого слоя неоднородно. Представления, совпадающие с установками формирующегося крупного капитала, соседствуют с ориентирами на прочную защищённость среднего класса. Наименее удачливые охвачены страхом перед реальной опасностью потерять свой бизнес. Страх (часто панический) заставляет их искать защитников среди сторонников так называемой сильной власти, а проще говоря – среди фашистов.

Эта неоднородность представлений – отражение промежуточного ("среднего") положения богатеющих и разоряющихся собственников-предпринимателей. Осуществляемая в России буржуазная диктатура в целях форсированнного перехода к капитализму – это как раз то условие, при котором устойчивого благополучного среднего "класса" (в том числе и в лице среднего и мелкого собственника) нет и быть не может.

О других типах переходного сознания

В настоящей работе не рассмотрены такие типы переходного сознания, которые предполагают в качестве условия реализации социально-групповых интересов возрождение тоталитаризма – в облике, соответствующем

либо идеологии ностальгирущего неототалитаризма, либо идеологии открытого русского фашизма.

Замечу только, что существуют по меньшей мере две разновидности переходных социальных групп, претендующих на разное место, разную роль в обновленном тоталитаризме: на роль *вождей-командиров* (авангарда нации) и на роль *солдат-исполнителей,* жаждущих указаний и заботы "сверху".

О подходе к прогнозу

Результаты, с которыми страна выходит из системного кризиса, могут лишь в ограниченном числе случаев совпасть с целями какой-либо из целостных общественных стратегий.

Непременные условия осуществления любой стратегии – её принципиальная адекватность действительности (принципиальная возможность общественного развития в русле этой стратегии), реалистичность социальных прогнозов и тактики действий. Однако и развитые (целостные) общественно-экономические стратегии могут устойчиво воплотиться в жизнь *в более или менее "чистом" виде,* мало испорченном чуждыми им примесями, только *при неравновесии* борющихся социальных сил.

Я вижу два таких случая.

Один – когда большинство общества поддерживает, добровольно принимает данную идеологию и стратегию.

Другой – когда меньшинство применяет методы диктатуры, навязывает обществу вариант, угодный меньшинству. При этом игнорируются иные общественные интересы, подавляется сопротивление, а если делаются уступки, то непринципиального характера.

При равновесии социальных сил противоборство стратегий (пусть и реалистичных) приводит при прочих равных условиях к воплощению в жизнь результатов компромиссного типа.

Характер и области компромиссов спрогнозировать можно. Нельзя спрогнозировать конкретное содержание и формы компромиссов. Их могут иной раз лишь случайно угадать разве только эклектически мыслящие учёные или же участники философской самодеятельности.

Исходя из указанного подхода, при прогнозировании конечных результатов и способов (мирных или иных) исторического выбора в современной России следует принимать во внимание как тенденции изменения массового сознания (в первую очередь – рост неприятия методов и результатов шоковых реформ), так и степень готовности реально сформировавшихся социальных сил к компромиссам или же к осуществлению диктатуры.

Ноябрь 1995 - ноябрь 1996 гг.

Печатается по тексту, опубликованному В периодическом издании "Перспективы и проблемы России". Выпуск 6. – М.: Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. Стр. 4-25.

1996
=======

ИДЕОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА (теория и методология анализа, развитие идеологий в ходе четвертой русской революции)

Изучение идеологической составляющей экономических преобразований переходных периодов как фактора исторического выбора (выбора обществом своего будущего) — задача, методологический инструмент которой не выработан ни отечественной, ни зарубежной наукой. В то же время значимость состояния общественного сознания (в первую очередь — массового сознания) в полной мере была учтена теми политическими силами, которые провели в России и в других странах Восточной Европы шоковые экономические реформы в целях первоначального накопления капитала. Настоящая работа включает как

содержательные выводы из анализа перемен в идеологиях экономических преобразований (реформ), так и результаты разработки методологического инструмента этого анализа.

Адекватное понимание объекта трансформации
Два типа экономических реформ

Ключ к пониманию изменений в идеологиях экономических реформ в период преобразования современных тоталитарных систем так называемого советского[158] типа — чёткое представление о месте экономики в обществе и, соответственно, о роли перемен в экономической сфере в радикальном переустройстве общества.

Экономика — это не совокупность функционирующих ограниченных экономических ресурсов, а система общественного воспроизводства (производства, распределения, обмена и потребления благ), ***организованная в соответствии с общественными целями.*** Подчинённость экономики общественным целям (социальная направленность) — её сущностное свойство как системы объективно имеющихся у общества средств достижения своих целей. Функционирование и развитие экономики осуществляется как движение единства двух сторон — материального содержания и социальной формы (социаль-

---

[158] ***Термин “советское общество” (“советская система” и т.п.) употребляется нами не в строго научном смысле, а как общепринятое краткое название общества, сложившегося в СССР, которое соответствует одному из его самоназваний. Другое его, также неадекватное, самоназвание — "социалистическое”. В действительности тип власти, утвердившийся в СССР, не имел ничего общего с властью народно-демократического (советского) типа, реальной исторически начальной формой которой были в России Советы начала XX века. В период сталинизма советы всех уровней стали частью командно-карательной системы власти и управления.***

ной организации, включая систему управления) общественного воспроизводства.

Следует различать два типа экономических реформ — эволюционные и революционные реформы, которые соответственно происходят в периоды, когда характер общественного строя не изменяется (эволюционные периоды) и когда качественно преобразуется вся общественная система (революционные периоды).

Экономические реформы эволюционного типа не затрагивают в сколько-нибудь существенной мере социальную форму воспроизводства — социальную структуру общества и характер взаимоотношений между социальными группами в экономической сфере[159].

Эволюционные реформы могут изменять те или иные стороны социальной организации экономики — распределение полномочий между уровнями и органами управления, условия формирования и реализации доходов населения и т.п. Однако социально-классовая природа (социальный тип) хозяйственных форм, а потому и социальная направленность экономики остаются принципиально прежними. Это относится и к тем случаям, когда, проводя экономические реформы, господствующие в данном обществе группы приносят в жертву сохранению целостности и качественного своеобразия общества интересы других групп из состава своего класса (касты).

В периоды эволюционного развития доминирующие в данном обществе социально-групповые интересы накладывают жёсткие ограничения на задачи хозяйственных реформ. Эти социальные ограничения определяют применение, как правило, сугубо экономических критериев при выборе вариантов реформ и оценке их результатов — экономия ресурсов, повышение производительности труда, увеличение доходности производства и т.п.

---

159 ***Понятие “социальная группа» здесь и далее употребляется нами в качестве наиболее общего, соотносящегося с понятиями “класс”, “внутриклассовая группа”, “каста", "сословие” и т.п. как родовое с видовыми.***

Экономические реформы революционного типа имеют, напротив, своей главной задачей переподчинение экономики интересам тех социальных групп, к которым перешла политическая власть. Смена субъекта власти и (или) её социально-целевых ориентиров требует качественного преобразования социальной организации экономики — социально-классовой (политической) сути хозяйственных взаимоотношений, социального типа хозяйственных форм. Лишь такие перемены, — изменяющие ***характер*** социальной структуры общества, — создают устойчивую опору (социальную базу) новой власти.

В революционные эпохи радикальные изменения в системе общественного воспроизводства неотъемлемы от процесса качественного преобразования всего общественного строя. При этом характер и конкретное содержание ***фактических*** перемен в экономике формируются как промежуточный или конечный (необратимый в ближайшей исторической перспективе) итог противоборства различных социальных сил. Усилия противоборствующих сторон направляются в первую и во вторую очередь на то или иное изменение (или сохранение) социальных форм общественного воспроизводства и лишь в третью или чётвертую — на такого рода организационно-экономические, технико-экономические, технико-технологические, структурные и т.п. преобразования, которые влияют на собственно экономическую эффективность хозяйства и ***при этом инвариантны*** по отношению к социальным критериям отбора вариантов.

Революционные экономические преобразования точнее, в связи со сказанным, называть ***общественно-экономическими,*** или ***политико-экономическими.*** Их также правомерно называть ***социально-структурными.***

Идеологии общественно-экономических преобразований как феномен процесса трансформации общества

Идеология экономических реформ (преобразований) — система идей реформирования (совершенствования) хозяйства и хозяйствования, которая в силу своей адекватности реальности способна получить (или получила) достаточно широкое распространение в обществе и стать (ставшая) фактором общественного сознания, а тем самым — и фактором общественного развития.

Изучение ***идеологии*** экономических преобразований становится актуальным по мере становления гражданского общества и возникновения реальной многосубъектности. До гражданского общества (в условиях тоталитаризма) имеет место в лучшем случае ограниченное разнообразие идей, проектов, программ, редко теорий экономических реформ. Но идеология при тоталитаризме одна — государственная и обязательная для всех. Под тоталитарным прессом не создаётся реальной возможности распространения разных идей, открытого и свободного обсуждения разных программ и проектов перемен. Что касается теорий, существенно отличающихся от официальной точки зрения, то такие теории подвергаются остракизму, шельмованию, разгромной ненаучной критике. Идеология экономических преобразований (реформ) бывает и при тоталитаризме, но она вменяется обществу как единственная правильная установка.

Возникновение ***множественности идеологий*** экономических преобразований — свидетельство оздоровления, демократизации общества. Это также и свидетельство возросшей научной мощи общества, появления у него разносторонних проработок экономических проблем и путей их решения.

Рассмотрение идеологий экономических реформ в отрыве от идеологий развития общества в целом бессодержательно, не обещает практически ценных результатов. Это особенно очевидно подтверждается в условиях переходных исторических состояний (переходных эпох, переходных периодов). В эволюционные периоды увязка разных сфер в единое и целое общество налажена, воспроизводится и достаточно крепка. Поэтому ускользает от

внимания исследователя приоритетность и задающий характер целого; каждая из сфер общества представляется как бы самодостаточной. На этой иллюзии компактности и самодостаточности экономических проблем процветают "чистые экономисты" — этакие суперпрофессионалы своего сугубо экономического дела.

Переходные (революционные) периоды доводят до наглядности, до оголённости, до непосредственной ощутимости и прозрачной ясности уже известные в России истины, добытые в ходе третьей русской революции: ***“политика не может не иметь первенства над экономикой”, “политика есть концентрированное выражение экономики”, “экономика — дело политическое”*** и др. Связанность сфер с целым, в частности связанность экономики и политики, экономики и геополитики, экономики и социокультуры, — эта связанность становится ***главной*** проблемой развития переходного общества. Вот в этих-то обстоятельствах и пропадает сомнение (а у кого-то, наоборот, возникает гениальная догадка), что идеологии экономических реформ — это спецификации идеологий общественного развития применительно к экономике как особой сфере жизнедеятельности (и жизнеобеспечения) общества.

Идеологии экономических реформ не просто соответствуют идеологиям развития общества, они становятся возможными и действительными ***только в русле идеологий общественного развития.*** Познавательные основания идеологий экономических реформ обеспечивают только порождение экономических идей — не более того. От культуры и образованности народа зависит, испытывает народ дефицит или избыток экономических идей. Но ***чтобы идея стала материальной силой (то есть общественной силой, реальным фактором общественного развития),*** для того должны иметься классовые (социально-групповые) основания — ***классовый интерес, ищущий своё идейное выражение.*** Идеология и есть идейное выражение классового (социально-группового) интереса.

Идеологии экономических реформ, стало быть, **суть идейные выражения классовых (социально-групповых) интересов в сфере преобразований хозяйства и хозяйствования.**

Такое понимание идеологий общественно-экономических преобразований позволяет упорядочить их изучение в следующих отношениях.

1. Становится ***строго определённым предмет изучения.*** Идеологии как системы идей и представлений, выражающих интересы социальных групп (классов) конкретно-исторических обществ, отграничиваются от такого рода взглядов и построений, которые не в порядке демагогии, а всерьёз претендуют на роль надклассовых (общенациональных), общечеловеческих, "естественных" (внеисторических) и т.п.

2. Становится ***обозримым круг изучаемых социальных явлений.*** Полнота круга идеологий данного общества очерчивается множеством элементов его социально-групповой (классовой) структуры. Заметим попутно, что теория социальной стратификации бессильна помочь систематизации идеологий экономических реформ.

3. Становится возможным ***целенаправленное выявление характера и содержания сдвигов в*** идеологиях переходных периодов. Особенности, общие тенденции изменения и существенные содержательные перемены в идеологической составляющей таких периодов ставятся в связь с особенностями социально-групповой структуры переходного общества и с существенными переменами в этой структуре.

Социальные функции идеологии общественно-экономических преобразований и её общественный субъект

Идеология — не система истин, рождённых исключительно профессиональными мыслителями, а форма ***общественного*** сознания, имеющего сложную функциональную и субъектную структуру, определённую логику

развития и историю, не совпадающую впрямую с этой логикой.

Предпосылка выявления основных типов реальных идеологий для целенаправленного анализа сдвигов в идеологиях переходного периода — характеристика логической структуры идеологического процесса[160]. Логическая структура абстрагируется от несовпадения конечного общественного предназначения (социальных функций) идеологий и реальных идеологических процессов, в том числе абстрагируется от последовательности (чередования) разных стадий и событий в жизненном цикле конкретных идеологий.

Логическая ***функциональная*** структура идеологии общественно-экономических преобразований (как идейного выражения социально-групповых интересов) и субъекты, выполняющие каждую из логических функций (логическая ***субъектная*** структура идеологии), таковы.

а) Формирование **мировоззренческой концепции и научной теории** общественного развития, способных выразить (или выражающих) систему интересов сложившейся или формирующейся социальной группы. Обоснование на этой основе ***социальных целей экономических преобразований,*** отвечающих интересам социальной группы, и представлений о возможных ***принципиальных стратегиях*** достижения этих интересов и целей, в том числе о ***характере необходимых и допустимых средств*** их достижения.

---

[160] ***Логическая структуризация — известный методологический приём тех обществоведческих школ, которые ориентированы не на поверхностные описания, а на изучение закономерностей, в том числе на выявление состава социальных функций изучаемого явления. Наиболее известный пример функциональной логической структуризации — характеристика общественного воспроизводства в виде фаз производства, распределения, обмена и потребления.***

Эти функции выполняют **идеологи** — обществоведы, которые обладают достаточными научными знаниями и способностями осмыслить реальность, закономерности общественного развития. Идеологи не обязательно занимаются политической деятельностью и не обязательно принадлежат к той социальной группе, интересы которой выражают (многим социальным группам в классовом обществе научная деятельность недоступна).

б) Разработка с опорой на концептуально-теоретическое знание **конкретно-исторической** (т.е. применительно к условиям текущей стадии общественного развития) **стратегии организованного движения** – его целей и программы, направленной на их реализацию. Такая стратегия включает постановку и ранжирование по важности (приоритетности) ***конкретных социально-экономических проблем,*** решение которых отвечает интересам социальной группы на данной стадии развития общества; формулировку и определение очерёдности выдвижения ***конкретных задач,*** продвигающих к разрешению этих проблем; определение ***способов практических действий,*** в том числе путей расширения движения, привлечения на его сторону возможных ***союзников и попутчиков*** и т.п.

Эти функции выполняют **устойчиво активные социальные (социально-политические) силы.** Это общественные институты, которые сознательно ориентированы на представительство и защиту интересов социальной группы, вырабатывают соответствующие программы действий и имеют внутреннюю структуру, позволяющую эффективно действовать в нужных направлениях.

К таким общественным институтам относятся: немассовые общественные организации и движения (политические, социальные, культурные, профессиональные); государственные и негосударственные властно-управленческие структуры.

в) **Внесение в социальную группу и освоение ею *как собственных*** (как действительно выражающих её интересы) концептуально-теоретических взглядов и пред-

ставлений о целях и программах организованных действий. Их **варьирование и развитие** творческим применением в социально-групповой практике.

Субъект, способный выполнить эти функции в полном объеме, — **организованные массовые социально-групповые (классовые) движения.** Организации и движения немассового масштаба, властные структуры выполняют лишь функцию ***внесения в массовое сознание*** концептуально-теоретических и программно-целевых идей и представлений.

г) Постоянное **осмысление социально-групповой практики, состояния и тенденций изменения массового сознания** — реальных представлений, социально-экономических и политических требований, способов организованного и стихийного социального поведения (действия). Развитие на этой основе концептуально-теоретического знания и конкретно-исторической стратегии.

Это функция идеологов и общественных институтов, ориентированных на теоретическое и практическое политическое “обслуживание” социальной группы.

В логической структуре идеологического процесса обозначены главные направления взаимодействия и взаимовлияния тех элементов структуры общества, которые обеспечивают (способны обеспечить) социальную функцию идеологии. Эти разнотипные элементы — идеологи, устойчиво активные социально-политические силы и организованные массовые социально-групповые движения — в совокупности составляют общественный субъект жизнеспособной идеологии как значимой составляющей общественного сознания и влиятельного фактора общественно-экономического и политического развития.

В реальной истории идеологический процесс, как правило, протекает с отклонениями от его логической структуры. Перечислим наиболее характерные отклонения.

Идеологи могут формулировать свои выводы ***задолго до того,*** как в социальной группе, которой эти выводы могут подойти, в массовом масштабе осознаётся не-

обходимость организованных совместных действий, опирающихся на научную идеологию и общую программу социально-группового (классового) движения.

Мировоззренческие и научные концепции могут оказаться вообще ***невостребованными практикой*** в связи с тем, что общественное развитие не пошло по варианту (бывшему одним из реально возможных), в котором должны были сформироваться социальные группы и социальные силы, нуждающиеся в таких концепциях.

Может иметь место ***декоративность*** конкретных общественных институтов, выступающих от имени социальной группы, т.е. те или иные институты могут не иметь реальной поддержки в социальной группе, на представительство и защиту интересов которой они претендуют.

Социальная группа может ***не найти или не распознать*** среди идеологов или среди общественных институтов тех, кто действительно выражает и защищает её специфические интересы или же способен это делать.

Социальная группа, конкретные политические организации и движения могут стать объектами эффективного ***идеологического манипулирования*** и воспринять демагогические построения, сознательно навязываемые социальными противниками. Например, усвоить идеологию, низводящую их до состояния социальных партнёров, не предъявляющих собственных интересов или предъявляющих их не в полном объёме. В современном обществе с его мощными техническими средствами воздействия на массовое общественное сознание чаще всего так и происходит. Более того.

Демагогически-маскировочные элементы являются непременной частью тех теоретических концепций, партийных и государственных программ, мировоззренческие основы которых оправдывают средства целями. Социальная демагогия, маскирующая истинные интересы и цели, всегда разрастается и усиливается в идеологической практике общественных институтов (государства, общественно-политических организаций), которые в принципе не брезгуют такими приёмами и к тому же ***не имеют***

собственной достаточно широкой социальной базы, нуждаются в привлечении масс на свою сторону.

Перечень возможных отклонений от логической структуры идеологического процесса можно было бы продолжить, но уже сказанного достаточно, чтобы перейти к основным типам исторически реальных идеологий.

Основные типы исторически реальных идеологий общественно-экономических преобразований

Прежде всего следует строго обозначить цель изучения перемен в идеологиях переходного периода и тем самым — цель типизации идеологий.

Идеологическую сторону общественно-экономических преобразований мы рассматриваем в контексте проблематики исторического выбора. В таком контексте сдвиги в идеологиях следует анализировать с точки зрения ***их влияния*** на процесс и результаты исторического выбора, то есть как ***фактор (причём решающий)*** изменения вариантности будущего в ходе самого переходного периода.

Указанной цели отвечает двухаспектная классификация идеологий по следующим признакам: по степени полноты их субъектной обеспеченности и по степени соответствия содержания идеологий их социальным функциям.

По **степени полноты субъектной обеспеченности** исторически реальные идеологии делятся на **три** типа[161].

1. ***Научно-теоретические концепции*** — системы идей и представлений ***научного сознания,*** которые не востребованы социальной практикой каких-либо общественных организаций, государственных структур, массовых движений. В силу принципиальной адекватности реальности эти концепции могут быть востребованы в усло-

---

[161] ***Этот признак можно также назвать “характер жизненного цикла идеологии”, или, что менее точно, “степень распространённости идеологии в обществе”.***

виях разворачивания определённого варианта (определённых вариантов) развития социально-групповой структуры и политической борьбы.

2. ***Научно обоснованные партийные и государственные стратегии*** — системы идей и представлений ***немассового политического сознания.*** Они опираются на научно-теоретическое знание, но не освоены широкими социально-групповыми движениями как собственные (как выражающие их интересы).

Непосредственные типичные причины такой неполноты субъектной обеспеченности идеологий: а) отсутствие массовых социально-групповых движений, нуждающихся в собственной научной идеологии и стратегии; б) эффективное манипулирование массовым сознанием, в результате чего массам навязываются несобственные (несамостоятельные) взгляды и представления.

3. ***Собственные социально-групповые (классовые) идеологии.*** Это системы идей и представлений ***массового сознания, доросшего до политического.*** Это идеологии с полноценной субъектной обеспеченностью. Они существуют и развиваются как неотъемлемая сторона организованной социально-групповой практики.

Собственные идеологии представляют собой жизнеспособное единство мировоззрения (в целом адекватного положению социальной группы в обществе) и повседневной сознательной практики социальной группы, усваивающей стратегические цели и программы, соответствующие её интересам, как долговременные ориентиры массового организованного движения.

В силу этих свойств собственные социально-групповые (классовые) идеологии являются долгодействующим фактором как устойчивости социальной структуры, так и способности общества к переменам и дальнейшему развитию, включая решение обществом ***самостоятельно*** и такой сложнейшей задачи, как исторический выбор (выход из кризиса).

Понимание идеологии как идейного выражения социально-групповых интересов вовсе ***не означает,*** что

каждая реальная идеология в любой момент своего существования выражает (способна выразить) эти интересы ***во всех отношениях*** адекватно. Полное соответствие реальной идеологии её социальным функциям, очерченным нами в логической структуре, может иметь место в редком предельном случае — при адекватной мотивации и адекватных потенциях научной и политической деятельности. На деле же факторы, формирующие выводы учёных, положения партийных и государственных программ и требования массовых движений, многообразны и включают в свой состав как устойчивые, отражающие реальное социальное положение группы, так и неустойчивые, ситуативные и даже случайные, субъективные, вплоть до заблуждений и иллюзий.

По **степени соответствия содержания идеологий их социальным функциям** (правомерно называть эту черту "степенью развитости идеологии") исторически реальные идеологии общественно-экономических преобразований делятся по меньшей мере на **два типа.**

1. Целостные общественно-экономические стратегии. Это научно-теоретические концепции, партийные и государственные стратегии (программы) и социально-групповые идеологии, содержание которых отвечает следующим критериям:

а) с высокой степенью ***глубины (радикально)*** выражает интересы социальной группы;

б) включает ***полный*** по составу комплекс идей и представлений, соответствующий специфическим социальным функциям своего общественного субъекта;

в) ***реалистично*** в своих практических установках (свободно от утопических, иллюзорных взглядов и представлений).

2. Нецелостные (фрагментарные) общественно-экономические стратегии. Это теоретические концепции, партийные и государственные программы и социально-групповые идеологии, которые, являясь идейным выражением реальных интересов социальной группы, в то же время не являются их полноценным выражением, если

оценивать содержание этих идеологий по критериям глубины (радикальности), полноты и реалистичности.

Одна из главных конкретных задач анализа сдвигов в идеологической составляющей современных общественно-экономических преобразований в России — выявить, в каком направлении в течение переходного периода происходило развитие идеологий: от теоретических концепций к собственным социально-групповым идеологиям, от фрагментарных к целостным общественным стратегиям или как-то иначе.

Основные факторы и направления изменения идеологий экономических преобразований в переходный период

Изменение идеологий экономических преобразований в переходный период происходит под воздействием двух главных факторов.

Один из них — **качественная трансформация социальной структуры.**

Динамичность (неустойчивость) социальной структуры — специфика переходного общества. В течение переходного периода возникают новые социальные группы и исчезают старые.

Этот процесс в России, с одной стороны, направлялся идеологией шоковых реформ, которая, по нашей классификации, была ***научно обоснованной государственной целостной общественно-экономической стратегией.*** Эта идеология исходила из вполне адекватной оценки высокой вероятности перевода России на путь капиталистического развития и вполне адекватно для стадии первоначального накопления капитала выражала интересы социальной группы, которая должна была стать

социальной опорой новой власти — претендентов на роль крупных частных собственников-предпринимателей.

Этот же процесс, с другой стороны, сопровождался ***изменением всей структуры общественного сознания*** — появлением идеологий, ориентированных на интересы разных, реально формирующихся социальных групп, в том числе и таких, которые стали связывать возможности восстановления (улучшения) тех или иных параметров своего общественного положения с возвратом к прошлому (с контрреволюцией).

Второй из главных факторов изменения идеологий экономических преобразований в переходный период — появление и развитие механизмов устойчивого и массового воспроизведения новых социально-экономических отношений и в связи с этим **приобретение социальной структурой черт всё большей определённости.**

На первых этапах переходного периода все элементы социально-групповой структуры носят характер претендентских переходных слоёв. Особенность претендентских социальных групп состоит в том, что их социальное поведение в гораздо большей мере определяется их стремлением занять определенное место в формирующемся (будущем) обществе, чем их фактическим социально-экономическим положением. Для претендентских групп характерна нереалистичность претензий в том смысле, что эти претензии либо вообще не могут быть реализованы в массовом масштабе, либо не могут быть реализованы без развития организованных массовых движений, ставящих соответствующие цели.

Обретение социальной структурой всё большей определённости постепенно развеивает массовые иллюзии. Происходит (с тем или иным отставанием) трансформация переходного (претендентского) сознания. Массовое сознание становится ***более реалистичным,*** более соответствующим особенностям нового социально-экономического положения. В связи с такой его трансформацией научные концепции и стратегии, выработанные немассовым политическим сознанием, *получают шанс*

быть востребованными массовыми социально-групповыми (классовыми) движениями.

Реализация такого исторического шанса двояким образом влияет на динамику вариантности исторического выбора. Она, с одной стороны, ***сужается*** по той причине, что содержание одних идеологий становится менее радикальным, воспринимает направленность государственных экономических реформ на интересы определённых социальных групп в качестве социальных ограничений на свои программно-целевые ориентиры. С другой стороны, содержание идеологий, выражающих интересы социальных групп, ущемлённых государственными реформами, радикализируется до степени неприятия осуществляемого варианта развития в принципе. Это ***расширяет*** границы вариантности исторического выбора.

Рассмотрим далее более конкретно, как проявлялись обозначенные направления в изменении идеологической составляющей общественно-экономических преобразований в России на разных стадиях переходного периода.

Главные сдвиги в идеологиях общественно-экономических преобразований в России по стадиям переходного периода

Периодизацию исторических процессов можно делать по разным признакам. Всё зависит (как и при любой классификации) от целей анализа. Мы рассматриваем сдвиги в идеологиях в контексте исторического выбора, т.е. в контексте социальной борьбы за характер будущего общества. Поэтому окончанием одной стадии переходного периода и началом существенно новой его стадии логично считать ***изменение реальной многовариантности (разновариантности) будущего*** — возникновение возможности осуществления в перспективе иного разнообразия качественных состояний общества, чем на пройденном этапе. Множественность в принципе реально выполнимых траекторий исторического развития строго соответствует множественности массовых социальных сил и мно-

жественности их идеологий. Это означает, что изменение состава и характера *самих массовых идеологий* (а не перемены в социальной структуре сами по себе, непосредственно) должно быть взято в качестве признака различения стадий переходного периода.

Применение такого подхода позволяет выделить четыре стадии переходного периода в России и зафиксировать следующие существенные перемены в идеологиях общественно-экономических преобразований.

Первая стадия. Революционная ситуация в СССР, в том числе в России (1989-1991 гг.).

Это стадия активного разворачивания антиказарменного демократического движения, стадия борьбы с номенклатурой.

В качестве главной выдвигалась задача демократического преобразования политической системы. О необходимости радикальных хозяйственных реформ, глубоких изменений в отношениях собственности, экономической свободы и рынка говорили все, но расхождения в понимании целей, содержания и методов прогрессивного преобразования экономики не выходили на первый план. В то же время в период революционной ситуации на уровне научно-концептуального знания существовали ***две идеологии*** общественно-экономических преобразований, с разными представлениями о демократии и свободе в хозяйственной сфере.

Одна — идеология развития в сторону демократии и свободы в хозяйственной сфере в её *буржуазных формах,* с организацией хозяйства преимущественно как частнокапиталистического предпринимательства, но с более цивилизованными (более мягкими, чем при тоталитаризме) методами и степенью эксплуатации труда.

Другая — идеология развития в сторону политической и экономической демократии на основе функционирования *народно-демократического* (социалистического) государства, с разнообразием форм собственности и хозяйствования неэксплуататорского типа, с реальным доступом трудящихся к управлению производством.

На стадии разворачивания революционной ситуации первая идеология превратилась в доминирующую, приобрела практически законченную (полную) субъектную обеспеченность и высокую степень развитости. Однако состав конкретных идей и представлений этой идеологии был в целом заимствованным, а не выросшим на отечественной почве. Последующее развитие показало, что в этой идеологии было много утопического, особенно в представлениях о механизмах становления экономической и политической демократии. Однако её ядро — разгосударствление и приватизация государственной собственности — было вполне реалистичным.

Вторая идеология не вышла за рамки научно-теоретической концепции, не была воспринята в целостном виде ни одной из сколько-нибудь влиятельных политических организацией, не стала (и до сих пор не является) собственной идеологий социальных групп, на интересы которых она ориентирована.

Вторая стадия. Революционные социально-структурные реформы новой власти (1992 г.)

Это шоковая стадия государственных реформ, к осуществлению которых были сняты все препятствия после поражения августовского (1991 г.) выступления старой номенклатуры.

В государственной стратегии экономических реформ центральное место принадлежало крупномасштабной ускоренной приватизации, форсированному переходу к так называемому свободному рынку. Стратегия была направлена на быстрое создание крупных частных состояний за счёт перераспределения общественных ресурсов в пользу меньшинства и понижения жизненного уровня большинства населения. Предполагалось, что экономическая и политическая демократия станут чуть ли не автоматическим следствием функционирования свободного капиталистического рынка. Государственное управление экономическими процессами на этой стадии приобрело весьма *жёсткий* характер. Целью жёсткого управления было принудительное обеспечение перехода к капита-

лизму и его необратимости на основе быстрой ликвидации (разрушения) экономических основ прежнего общественного строя и создания капиталистического класса, заинтересованного в защите новых социально-экономических и политических порядков.

Идеология социально-структурных государственных реформ органично включала в себя представления о допустимости и даже необходимости *высокой социальной цены реформ,* а именно:

а) оправдание (якобы во имя “счастливого капиталистического будущего”) жертв со стороны большинства населения, разорения значительного числа предприятий;

б) мораторий на правопорядок, поскольку при соблюдении законности нельзя было в предельно сжатые сроки обеспечить концентрацию общественных ресурсов в руках меньшинства.

Демагогически-маскировочные элементы также были органичной частью идеологии шоковых реформ.

В состав этой демагогии входили: обещания создать десятки миллионов собственников, обеспечить условия для развития разнообразных форм собственности и хозяйствования, для появления многочисленного среднего класса, для социально-партнёрских отношений наёмных работников с новыми (“настоящими”) хозяевами и т.п.

Сознательно применялся также демагогический приём отождествления прежнего тоталитарного строя с социалистическим — чтобы опорочить сторонников народно-демократического (социалистического) варианта развития. Этот приём вполне удался из-за того, что псевдокоммунисты (КПРФ и другие последователи и преемники КПСС) использовали и до сих пор активно используют в своих документах терминологию из научного аппарата классического и современного марксизма, хотя подлинный социально-политический смысл идеологии псевдокоммунизма (тоталитаризм, великодержавие, шовинизм, имперство и пр.) становится ныне всё более и более очевидным и неприкрытым.

В первые месяцы 1992 г. идеология государственных социально-структурных реформ доминировала в общественном (в том числе в массовом) сознании как безальтернативная. Реальная вариантность будущего в связи с этим *сузилась до предела.* При этом шоковые реформы осуществлялись совместными усилиями старой номенклатуры и новой власти. Это фиксировалось и правящими структурами, которые подчеркивали, что они продолжают более радикальными методами начатое ещё правительствами Рыжкова и Павлова.

Третья стадия. **Закрепление курса на капитализм в русле колонизации России** (1993- середина 1996 г.)

К концу 1992 г. произошло размежевание сил, сотрудничавших в осуществлении шоковых реформ.

Представители прежней номенклатуры, директорский корпус, особенно связанный с обрабатывающей промышленностью, военно-промышленным и агропромышленным комплексами, стали настаивать на прекращении шоковых методов, подчёркивая их разрушительный характер для страны и приравнивая эти методы к экономическому геноциду населения. Подчеркивалась также нарастающая зависимость страны от политики стран-лидеров капиталистического мира.

Силы, начавшие и проводившие реформы совместно, разграничили свои идейные представления о продолжении реформ. С этого времени либералы и так называемая коммунистическая (а позже патриотическая, державная) оппозиция существуют раздельно и называются иногда (что не очень точно) выразителями интересов компрадорской и отечественной буржуазии.

Реально возможных существенно разных вариантов российского будущего на третьей стадии переходного периода было *два.*

Один — необратимое превращение экономики России в сырьевой придаток большой семёрки (в рамках полуколониального и даже колониального типа общественной системы).

Другой — отстаивание экономически и политически самостоятельного дальнейшего развития России на базе обеспечения её национальной (не путать с государственной) безопасности.

Соответствующая второму варианту идеология — сопротивленческого характера, в которой расхождения представлений об особенностях собственно экономического строя (как и в период революционной ситуации 1989-1991 гг.) отступают на задний план.

Субъектная обеспеченность этой сопротивленческой идеологии расширяется за счёт всё большего числа немассовых политических и иных общественных организаций и за счёт распространения этой идеологии в разных социальных группах. Парламентские выборы в конце 1995 г. и президентские в середине 1996 г. показали, что идеология самостоятельного развития России имеет высокие шансы стать идейной основой массового движения типа народного фронта.

К концу третьего этапа в государственной стратегии общественно-экономических преобразований наметились некоторые сдвиги в сторону *конвергенции* с идеологией обеспечения национальной безопасности России.

К такого рода переменам можно отнести признание необходимости решения следующих проблем и задач:

— смягчение социальных результатов шоковых реформ (в форме признания актуальности мер по социальной защите населения);

ведение механизма государственного регулирования экономических процессов в целях защиты интересов отечественного капитала;

— борьба с криминализацией экономики и общества в целом;

— остановка разрушительных процессов в экономической сфере (вплоть до частичной национализации, но, разумеется, с компенсацией и даже экономическим выигрышем частных собственников в случаях национализации) и т.п.

Однако эти содержательные сдвиги в значительной мере являются опять же демагогически-маскировочными и направлены в первую очередь на сохранение доминирующего положения во властных структурах тех сил, которые начали и успешно завершили ельцинские реформы.

Четвертая стадия обозначается с конца 1996 г. Её ожидаемая отличительная особенность — **выход капитала на позиции основного субъекта политической и экономической жизни.**

Содержание нового этапа можно прогнозировать как установление механизма устойчивого, регулярного воспроизведения общественно-экономической системы, т.е. как завершение переходного периода.

На четвёртой стадии идеология сопротивления играет существенную роль как ***потенциальная угроза возвращения развития вновь в ситуацию переходности, актуальной многовариантности.*** Станет ли такая угроза реальностью или будет затухать, это зависит от умения российского капитала обеспечить гражданское перемирие. Такое перемирие на новой стадии развития возможно только при условии сдерживания алчности претендентов на богатство, удовлетворяемой за счёт продолжения экономического геноцида населения.

Если новый российский капитал не сумеет обеспечить условия своего устойчивого господства на основе гражданского перемирия, то альтернативными выступят ***три варианта будущего:***

а) прекращение существования России как геополитической реальности в силу массовой социальной деградации населения;

б) открытый фашизм, опирающийся на деградировавшую массу населения при поддержке отечественного капитала;

в) колониальная зависимость с колониальной администрацией и идеологией спасения России благородным международным сообществом.

Ноябрь 1996 г.

Печатается по тексту, опубликованному в периодическом издании «Перспективы и проблемы России. Выпуск 6» — М.: Институт перспектив и проблем страны. Февраль 1997. Стр. 48-71.

1998

==========

Вступительная статья и три примечания научно-литературного редактора к брошюре Пауло Фрейре “Педагогика угнетённых”

Собственная идеология или идеологическая самодеятельность?

Школа трудовой демократии решила познакомить сво-их слушателей и преподавателей с сокращённым переводом книги бразильского педагога Пауло Фрейре. Конечно, Бразилия – совсем другая страна. У неё своя культура, своя история, другой уровень развития рабочего движения. Тем не менее «педагогика угнетённых», положения которой П. Фрейре сформулировал на основании опыта своей преподавательской работы, заслуживает внимательного ознакомления и размышления.

Освоение трудящимися таких научных взглядов, представлений и конкретных знаний, которые могли бы

стать основой их самостоятельных организованных действий по улучшению своего положения, – проблема чрезвычайно важная для рабочего движения.

Каким принципам должны следовать образованные люди (специалисты, учёные, профсоюзные и политические лидеры), какие конкретные приёмы должны они применять, если берутся за дело просвещения, образования «угнетённых» и при этом стремятся действовать в интересах «угнетённых»? Вот что занимает П. Фрейре.

Принципы и приёмы обучения, о которых пишет Фрейре, понять несложно, хотя изложение зачастую сильно онаучено. Все они, в конечном счете, вытекают из стремления к товарищеской позиции преподавателя по отношению к слушателям и из того, что преподаватель – на стороне эксплуатируемых, а не на стороне эксплуататоров.

В то же время концепция П.Фрейре, на наш взгляд, не ставит и не решает с должной глубиной (радикальностью) вопрос о роли интеллигенции в движениях трудящихся, в рабочем движении. Вопрос этот актуален в России сейчас, как и 100 лет назад. И хотя уровень образования трудящихся, рабочих в нашей стране пока ещё остается несравненно более высоким, чем в большинстве других стран, рабочее и профсоюзное движение не может обойтись без освоения результатов общественных наук с помощью интеллигенции.

В порядке предисловия к отрывкам из книги Пауло Фрейре мы сочли целесообразным в очень сжатом виде проинформировать читателя о том, каковы представления о роли интеллигенции в народно-демократических движениях, в рабочем движении, в таком радикальном течении гуманистической общественной мысли, как научный социализм (марксизм). Заметим, что современный творческий марксизм не следует путать с тоталитарной идеологией КПСС и её нынешних идейных наследников (КПРФ, РКРП и пр.).

В научном социализме есть проблема распространения научных взглядов и представлений, проблема пре-

вращения научного освободительного идеала в усвоенный массой идеал, то есть в идеологию – в **собственную идеологию** трудящихся, борющихся с угнетением. Эта проблема возникновения собственной идеологии решается как проблема **внесения** научного сознания в рабочее движение.

От того, что идеология самоосвобождения трудящихся появляется не в порядке идеологической **самодеятельности,** а в порядке пропаганды, она не перестаёт быть собственной идеологией трудящихся.

Собственная – значит в первую очередь такая, которая в полном объёме и с достаточной глубиной **отражает коренные интересы** данного класса, а вовсе не родившаяся обязательно лишь в собственной голове.

Собственная идеология социальной группы, класса – это, во-вторых, освоенная и за партой, за книгой, и непременно в **активной практической деятельности** по отстаиванию интересов своей социальной группы, своего класса. Только в ходе такой деятельности теоретические положения, выработанные идеологами, учёными, осваиваются массой как свои, как собственные, т.е. не только крепко, но и творчески – в конкретных вариантах, развивающих основополагающие идеи и подходы. Ибо это необходимо для эффективного практического действия в реально складывающихся исторических условиях.

Основы собственной идеологии рабочего класса и рабочего движения выработаны ещё в прошлом веке – и в революционном, и в социал-реформистском вариантах. Эту идеологию развивали на протяжении всего XX века сменявшие друг друга поколения обществоведов, осмысливая события мировой истории, опыт рабочего движения.

Пауло Фрейре, на наш взгляд, явно преувеличивает опасность того, что он называет «культурным вторжением», – опасность **навязывания** трудящимся знаний и представлений со стороны пропагандиста, преподавателя, лидера.

Конечно, в этом отношении Пауло Фрейре – не марксист или марксист непоследовательный. Он «абст-

рактный» гуманист. Он любит простых людей. Он признаёт за ними право на научные открытия, на порождение собственных теорий. Он готов им помочь в этой деятельности. Но он боится обидеть их знанием, обидеть тем, что пока опережает их в глубине и объёме знаний.

У нас в России на таком «интеллигентском» подходе зиждется целая теория (для марксиста – неправильная), согласно которой суть интеллигенции как общественного слоя – комплекс вины перед трудящимися, которые в массе своей по историческим объективным причинам от интеллигенции отстали.

Научный социализм отделяет понятие “интеллигенция” от понятия “образованные люди”.

Интеллигенция – это особенная социальная группа, появляющаяся в годы и десятилетия перманентного кризиса общественной системы, в периоды поколениями не разрешённой революционной ситуации. Такова была Германия в XVIII-XIX веках. Такова была Россия в XIX веке и в начале XX века.

Интеллигенция – это та небольшая часть общества, которая, говоря современным либеральным языком, могла бы быть в нём средним классом, но она **не хочет** быть средним классом. Она не мирится с существующей системой, обрекающей большинство народа на угнетение, страдания, на отчуждение от социального прогресса. Она включается в борьбу угнетённых. Она вырабатывает или распространяет освободительный гуманистический идеал. Она становится революционным народничеством или же пропагандистом научного социализма в рабочих кружках. Она строит из своих собственных судеб живой мост над пропастью, которой история отделила трудящиеся массы от духовного и интеллектуального богатства человечества. Она становится благодаря этому участником освободительного движения.

И как только по этому живому мосту духовное и интеллектуальное богатство человечества прорывается в угнетённую массу, распространяется в ней, готовит массу сперва к историческому выступлению, а затем и к исто-

рическому наступлению, интеллигенты становятся в строй революционных рабочих, революционных крестьян, революционных солдат. Сами революционные рабочие, матросы, солдаты, крестьяне в ходе революции выдвигают на места своих руководителей интеллигентов, прошедших с ними тяжелейший (нередко подпольный и тюремный) путь подготовки революции.

Это подтвердили все демократические революции XX века. И не только социалистические. Революция польской “Солидарности” дала великолепный пример благородного (действительно товарищеского) отношения трудящейся массы к интеллигенции. Первым требованием всеобщей забастовки в Польше в 1980 году было зарегистрировать профсоюз “Солидарность”, вторым требованием – освободить из тюрем товарищей-интеллигентов, которые боролись вместе с рабочими в течение многих лет.

Четвёртая русская революция ещё на стадии горбачёвской перестройки расколола образованных людей по вопросу их отношения к протестным выступлениям масс.

К примеру, социологи и историки типа Л.А.Гордона, О.И.Шкаратана, Г.Водолазова, Б.Максимова и пр. считали, что ученый должен изучать рабочее движение, объективно отражать состояние рабочего движения, но не вмешиваться в него, не подталкивать к каким-либо действиям, пока рабочие сами до них не дозреют.

Мы и наши единомышленники понимали и понимаем долг ученого совершенно иначе. Мы с самого начала революционной ситуации в России (с 1987 года) считали, что учёные должны **участвовать** в рабочем движении. На концепции участия в рабочем движении строились и до сих пор строятся все наши взаимоотношения с рабочими и другими организациями трудящихся, с профсоюзами. Для этих взаимоотношений с нашей стороны характерно требование равноправия и товарищеского отношения к нам со стороны рабочих, неприемлемость “рабочего чванства” (несколько хамского отношения к интеллигенту, вытекающего из комплекса неполноценности рабочего). На этом

же строится наша концепция **содействия** рабочему движению, то есть концепция активного и самоотверженного участия в рабочем движении на товарищеских основах.

Концепция содействия противостоит в современной России множеству концепций и попыток **возглавлять** рабочее движение. Эти концепции и попытки возглавлять – не изжитое ещё наследие фашистской КПСС, вошедшее в программы современных продолжателей её дела.

Кстати сказать, концепция содействия не исключает того, что Фрейре называет “культурным вторжением”. Пятилетний опыт Школы трудовой демократии и десятилетний опыт членов Комитета содействия рабочему движению показывают, что в самой обучающейся рабочей среде взаимное культурное вторжение есть основной способ продвижения к собственной идеологии трудящихся.

Когда рабочий чувствует (а он именно чувствует), что преподающий ему интеллигент – его товарищ, борец за его рабочее дело, то этот рабочий не только не сопротивляется «культурному вторжению», а настойчиво требует его. И отказать в эти моменты рабочему в прямой непосредственной передаче выработанной наукой истины – это значит предать товарища (из-за ложного опасения возвыситься над ним) и фактически исключить себя из участников рабочего движения. Приходится уступать, хотя всегда страшно, что готовая истина превратится в догму или же будет воспринята однобоко и фрагментарно, т.е. что она будет вульгаризирована. Это сложная проблема, которую мы прекрасно осознаём, но ещё не готовы указать надёжные способы её решения.

Думается, однако, что эта проблема может быть решена, если общественные движения трудящихся, рабочее движение дозреют до создания политических организаций, политических партий, действительно выражающих и отстаивающих интересы трудящихся. Таких партий в России нет, а есть партии типа самозванного авангарда, без всяких оснований выступающие от имени трудящихся.

В нашей современной России те немногочисленные обществоведы, которые действительно стоят на позициях

трудящихся и работают в рабочем и профсоюзном движении в роли идеологов, никак не могут отказаться от прямой передачи знаний своим слушателям. Потому что в условиях нашей ситуации рабочие “звереют”, если чувствуют, что ты заставляешь их за один-два дня занятий дойти “своим умом” до того, до чего общественная наука дошла за полтора столетия.

В современной России рабочее движение топчется на месте не в последнюю очередь потому, что лидеры движения либо берут себе в консультанты образованных либералов, преданных интересам капитала, а не интересам трудящихся, либо занимаются идеологической самодеятельностью, игнорируя достижения научного социализма – науки, существующей и развивающейся полтора века.

Г. Ракитская, шеф-руководитель Школы трудовой демократии, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

Б. Ракитский, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, преподаватель Школы трудовой демократии

==========

П.Фрейре

«1. ГУМАНИЗАЦИЯ: ПРИЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА БЫТЬ СУБЪЕКТОМ СВОЕГО МИРА И СВОЕЙ ИСТОРИИ

В различных исторических условиях возможны и гуманизация и дегуманизация. Но лишь гуманизация является призванием человека. Это призвание постоянно отрицается, его блокируют несправедливость, эксплуатация, угнетение и насилие со стороны угнетателей. Но оно и постоянно подтверждается стремлением угнетённых к свободе и справедливости и их борьбой за восстановление своей потерянной человечности» (стр. 13).

Примечание научно-литературного редактора Г.Я. Ракитской.

Читатель обратит, конечно, внимание на то, что в

книге Пауло Фрейре редко употребляются слова «трудящиеся», «рабочие», «рабочий класс». Книга называется «Педагогика **угнетённых»,** и именно этот термин проходит через весь текст. И, я думаю, что это не случайно.

Дело в том, что в странах так называемого третьего мира (а Бразилия относится к такому типу стран) значительная часть населения (30 и более процентов) исключена из производства, не имеет работы, т.е. **не является трудящимся населением.** Эта часть населения, конечно же, тоже угнетённая. Но и образ жизни, и сознание, и способность к самоорганизации – всё у этой части населения иначе, чем у рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции.

Оттеснённые от производства угнетённые живут либо на подачки общества, либо за счёт собирания дани с общества криминальными способами. В этих слоях преобладают люди деклассированные, люмпенизированнные, чаще всего уже не способные вернуться к трудовому образу жизни (если такая возможность была бы им предоставлена) без специальной помощи со стороны общества.

Деклассированные слои не могут ни освоить, ни породить жизнеспособные гуманистические идеи. И, тем более, не способны включиться в освободительные движения как созидательная организованная сила. Зато они, как правило, становятся в кризисные периоды одной из социальных опор и пушечным мясом для диктаторов, для фашистов.

Эти соображения позволили мне в ходе научно-литературной обработки русского перевода текста книги заменить в ряде мест (исходя из их смысла) термин «угнетённые» на термин «трудящиеся». Но сделала я это далеко не везде, ибо перевод книги не даёт оснований считать, что Пауло Фрейре видит существенную разницу в целях и перспективах обучения угнетённых деклассированных и угнетённых трудящихся, угнетённых рабочих.

==========

П.Фрейре

«Классовая борьба - ещё одно понятие, которое тревожит господствующие классы, так как они не хотят

признавать себя эксплуататорскими классами. Но поскольку невозможно отрицать существование классов, они проповедуют необходимость взаимопонимания и согласия между теми, кто покупает, и теми, кто принужден продавать свой труд. Однако глубокий антагонизм, который существует между этими двумя классами, делает невозможным такое «согласие» (стр. 32-33)

Примечание научно-литературного редактора Г.Я.Ракитской:

К сожалению, у автора причина эксплуатации, угнетения трудящихся коренится в покупке-продаже труда (рабочей силы). Но причина вовсе не в этом – не в существовании рынка труда. Рынок труда и рынок как система хозяйствования могут быть и в социалистическом обществе, то есть в обществе без эксплуатации. Но в таком обществе непременно должна господствовать общенародная (не путать с государственной!) форма собственности. Стало быть, причина эксплуатации, угнетения, раскола общества на эксплуататоров и эксплуатируемых – ***не в рынке,*** не в продаже-покупке рабочей силы, а в ***частно-эксплуататорской собственности*** (частно-капиталистической, частно-феодальной, частно-номенклатурной и пр.). При рабстве и феодализме рынка труда нет, а эксплуатация, угнетение – есть. В бывшем СССР рыночные отношения, в том числе и рынок труда, были в зачаточном состоянии, но правящая каста (партийно-государственная номенклатура) эксплуатировала трудящихся.

==========

П.Фрейре:

«Прогрессивные преподаватели и революционные лидеры должны помогать угнетённым разбираться в смысле, целях и результатах манипулирования, от кого бы оно ни исходило. Они должны помочь трудящимся ясно осознать необходимость их организации, чтобы противостоять манипулированию» (стр. 35-36).

Примечание научно-литературного редактора

Г..Я.Ракитской.

Здесь следовало бы добавить, что для того, чтобы противостоять манипулированию, мало понять, что такое манипулирование имеет место. Правящий класс навязывает трудящимся свою идеологию. Противостоять этому успешно можно лишь в том случае, если трудящиеся организуются (самоорганизуются) для борьбы за свои интересы на основе ***собственной*** научной идеологии, основы которой выработаны ещё в прошлом веке.

Печатается по тексту в брошюре Пауло Фрейре "Педагогика угнетенных" (Периодическое издание "Трудовая демократия" Вып.16. – М:1998. Стр. 6-11; 13-14; 32-33,36).

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА

Вступительная статья
Б.В.Ракитский **ГАЛИНА ЯКОВЛЕВНА РАКИТСКАЯ — КЛАССИК НОВОГО, СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ …… 5**

1975
Социально-экономическая направленность научно-технического прогресса ……..…….. 42

1975
Социально-экономические критерии выбора направлений научно-технического прогресса …….. 59

1978-1982
Цели социально-экономического развития и эффективность научно-технического прогресса …. 78

1983
Цели и критерии социально-экономического прогресса ……... 145

1984
Взаимосвязь экономического, социального
и духовного прогресса ……..……183

1984
Пути совершенствования централизованного
планирования конечных результатов
деятельности средних звеньев хозяйства …… 199

1985
Реализация целезадающей функции
социалистического государства
в долгосрочных предплановых разработках …… 223

1986
Целеориентированный анализ как функция
планомерного руководства общественно-
экономическим развитием …… 244

1986
Социально-экономическая природа
научно-технического прогресса …… 258

1987
Социально-политический подход к проблемам
хозяйственного механизма ……... 277

1987
Закономерности развития социальной структуры
социалистического общества ……..……..…….. 283

1987-1990
Идеология перестройки как социальной
революции в обществах современного
советского типа
(Стратегия и тактика перестройки) ……..…….. 307

1988
Характер и содержание перестройки управления 455

1989
Социализм: закономерности и критерии ……...…... 458

1990
Взгляд Г.Я.Ракитской на проблему
демократизации собственности ……. 482

1990
Замыслы номенклатуры и интересы народа …….. 488

1993
НА ПУТИ К СОБСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ (Идейные
представления и требования трудящихся
в ходе четвертой русской революции) …… 568

1994
Взаимосвязь политической системы
и хозяйственной власти
(*общая теория и методология*) …….. 623

1995
Переходный период в России: современная
стадия перехода и прогноз ……. 673

1995-1996
Общественные стратегии в современной России 687

1996
Идеологии экономических преобразований
как фактор исторического выбора (теория
и методология анализа, развитие идеологий
в ходе четвертой русской революции) …… 709

1998
Вступительная статья и три примечания научно-
Литературного редактора к брошюре
Пауло Фрейре “Педагогика угнетённых” ……..…… 732

Научное издание

Ракитская Галина Яковлевна

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Том первый

Идеология последовательного (революционного) гуманизма. Теория общества и хозяйства

Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
119361, Москва, Озёрная улица, 25-287
Тел. (495) 437-04-97

744

Подписано в печать 00 ооооо 2017.
Формат Объём усл. Печ л.
Тираж 500 экз

SBN

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Тел (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru